

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

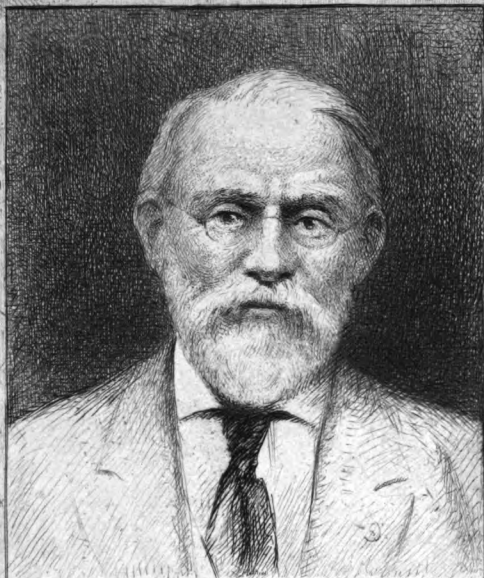
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A

488856

DUPL

J. Paskus

SILAS WRIGHT DUNNING
BEQUEST
UNIVERSITY OF MICHIGAN
GENERAL LIBRARY

1902 Schell 1920

1200

8.
off. — Recueil d'articles politiques.

8
ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

ЧЕТАРИН ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

НА ДВА ФРОНТА.

СБОРНИКЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Г. Плеханова.

- 1) Соціализмъ и политическая борьба.
- 2) Современныя задачи русскихъ рабочихъ.
- 3) Какъ добиваться конституціи?
- 4) Политическія задачи русскихъ социалистовъ.
- 5) Еще разъ социализмъ и политическая борьба.
- 6) Что же дальше?

ЖЕНЕВА

Типографія Партии. Rue de la Coulouvrenière, 27. Genève.
1905.

HX

314

.P72

Сборникъ этотъ я посвящаю старому товарищу и другу, Льву Дейчу, опытности и энергіи котораго группа „*Освобожденіе Труда*“ была столь многимъ обязана въ началѣ своей литературной дѣятельности и который заплатилъ 16-лѣтнимъ пребываніемъ въ Сибири за попытку доставить ея изданія на родину.

Г. Плехановъ.

Отъ автора.

Выпуская въ видѣ отдѣльнаго сборника нѣкоторыя мои политическія сочиненія, я не имѣю ни возможности, ни охоты снабжать этотъ сборникъ длиннымъ предисловіемъ и ограничусь лишь немногими замѣчаніями.

Иныя изъ этихъ статей отчасти, — въ болѣе краткомъ видѣ и въ другой связи, — повторяютъ то, что болѣе подробно и по другому поводу развиваются въ предыдущихъ. Читатель найдетъ, пожалуй, такія повторенія излишними. Но я попрошу его вспомнить, что статьи эти отдѣлялись одна отъ другой промежуткомъ времени, простиравшимся иногда до нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ совершенно обновлялся, — благодаря чудовищнымъ условіямъ нашей политической жизни, — весь составъ „публики“, интересующейся социалистической литературой. Повторенія были, поэтому, не только допустимы, но прямо неизбежны. Скажу больше. Я буквально сожалею подчасъ о томъ, что группа „Освобожденіе труда“ недостаточно часто возвращалась къ изложенію своего credo. Мнѣ кажется, что россійская социал-демократія избѣжала бы серьезныхъ ошибокъ, если бы она полнѣе и лучше усвоила себѣ идеи, — и въ частности политическіе взгляды, — названной группы. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, напомнимъ хотя бы эпизодъ съ экономизмомъ, представлявшимъ собою, въ теоретическомъ отношеніи, одно недоразумѣніе.

Названіе сборника объясняется тѣмъ, что намъ, въ нашей политической пропагандѣ приходилось вести борьбу съ двумя предразсудками, совершенно *противоположнаго* характера; намъ надо было

жде она вела къ полному отрицанію политики, то теперь оказывалось, что самобытность русскаго общественнаго развитія именно въ томъ и заключается, что экономическіе вопросы рѣшались и должны рѣшаться у насъ путемъ государственнаго вмѣшательства. Весьма распространенное у насъ въ Россіи незнакомство съ экономической исторіей Запада способствовало тому, что подобнаго рода „теоріи“ никого не приводили въ изумленіе. Періодъ капиталистическаго накопленія въ Россіи противопоставлялся періоду капиталистическаго производства на Западѣ, и неизбѣжное несходство этихъ двухъ фазисовъ развитія экономической жизни приводилось, какъ убѣдительноѣйшее доказательство, во первыхъ, нашей самобытности, а во вторыхъ, обусловленной этой самобытностью цѣлесообразности „народовольческой программы“.

Нужно-ли прибавлять, что наши революціонные писатели, какъ и большинство русскихъ писателей вообще, смотрѣли на „Западъ“ съ точки зрѣнія еврейскаго мальчика въ извѣстномъ разсказѣ Вейнберга? Бѣдному школьнику весь свѣтъ казался подраздѣленнымъ на двѣ равныя части: „Россію и за-границу“, при чемъ достойныя вниманія черты различія существовали для него лишь между этими „половинами“ земного шара,—„за-граница“ же представлялась ему совершенно однообразнымъ цѣлымъ. Русскіе „самобытные“ писатели сдѣлали въ этой остроумной географической классификаціи лишь одно нововведеніе: они подраздѣлили „за-границу“ на Востокъ и Западъ и, не долго думая, принялись сравнивать этотъ послѣдній съ нашей „громкой державой“, игравшей при этомъ роль какой-то „Срединной Имперіи“. Историческое развитіе Италіи отождествлялось, такимъ образомъ, съ историческимъ развитіемъ Франціи, въ экономической политикѣ Англіи не усматривалось никакой разницы съ экономической политикой Пруссіи, дѣятельность Кольбѣра валилась въ одну кучу съ дѣятельностью Ричарда Кобдѣна, своеобразно-„патріотическая“ фізіономія

Фридриха Листа терялась въ толпѣ „западно-европейскихъ“ политико-экономиковъ, старавшихся, по совѣту Тюрго, „забыть, что существуютъ на свѣтѣ государства, раздѣленные границами и различно организованныя“. Какъ всѣ кошки въ темнотѣ кажутся сѣрыми и совершенно походятъ другъ на друга, такъ и общественныя отношенія различныхъ государствъ „Запада“ утрачивали всякія несходства при отраженномъ свѣтѣ нашей самобытности. Очевидно было одно: „Франки“ давно уже „обуржуазились“, между тѣмъ какъ „храбрые Россы“ сохранили невинность „первыхъ человѣковъ“ и, въ качествѣ избраннаго народа, идутъ самобытнымъ путемъ къ своему спасенію. Чтобы достигнуть обѣтованной земли имъ нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русскихъ социалистовъ стоятъ въ противорѣчій съ научными положеніями западно-европейскаго социализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическимъ образчикомъ фикцій, наскоро придуманныхъ для соглашенія практической программы „Народной Воли“ съ народническими теоріями, было извѣстное пророчество о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками социальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права. Здѣсь теорія нашей самобытности дошла уже до Геркулесовыхъ столбовъ, за которыми ей грозила гибель со стороны самаго простого здраваго смысла. Народники „старой вѣры“, твердо держась догмата „самобытности“, допускали, все-таки, что эта самобытность нуждается еще въ нѣкоторой окончательной отдѣлкѣ. Одни находили, что у русскаго народа находится еще въ слишкомъ зачаточномъ состояніи бугоръ... виноваты! — чувство храбрости и независимости, другіе стремились къ тому, чтобы реализовать самобытное настроеніе русскаго народа въ видѣ не менѣе самобытной революціонной организаціи. Но

всѣ одинаково признавали необходимость предварительной работы въ народѣ. Народовольцы пошли далѣе. Въ передовыхъ статьяхъ первыхъ-же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во первыхъ, бесплодна („биться въ народѣ, какъ рыба объ ледъ“), а во вторыхъ, и излишня, потому что 90% депутатовъ, сочувствующихъ соціальной революціи, болѣе чѣмъ достаточно для осуществленія стремленій русскихъ народниковъ. Программа „Народной Воли“ не могла придать себѣ народническаго характера иначе, какъ доводя до абсурда всѣ характеристическія особенности народническаго міросозерцанія.

Въ этомъ заключается отрицательная заслуга народовольческихъ фикцій. Онѣ будили критическую мысль русскихъ революціонеровъ, представляя имъ въ утрированномъ видѣ „самобытныя“ черты ихъ народнической программы. Но едва-ли можно даже заводить рѣчь о положительной заслугѣ этихъ фикцій. Онѣ укрѣпляли временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности, но сшитыя на живую нитку, онѣ не выдерживали ни малѣйшаго прикосновенія серьезной критики, и своимъ паденіемъ компрометировали дѣло борьбы, которая велась подъ ихъ знаменемъ. Нанеся своею практическою дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества и сдѣлавши такъ много для развитія революціоннаго движенія въ Россіи, Народная Воля не можетъ найти себѣ оправданія, да и не должна искать его, помимо современнаго научнаго социализма. Но чтобы стать на эту новую точку зрѣнія, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, такъ какъ теоретическіе промахи и пробѣлы этой программы не могли не придать ей извѣстной практической односторонности.

Прежде чѣмъ говорить, въ какомъ смыслѣ долженъ быть предпринятъ этотъ пересмотръ, поста-

раемся, — согласно нашему плану, — выяснить отношеніе научнаго социализма къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса.

II.

Но что такое научный социализмъ? Подъ этимъ именемъ мы разумѣмъ то коммунистическое ученіе, которое начало вырабатываться въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ утопическаго социализма подъ сильнымъ вліяніемъ гегелевской философіи, съ одной стороны, и классической экономіи — съ другой; то ученіе, которое впервые дало реальное объясненіе всему ходу развитія человѣческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиковъ буржуазіи и „во всеоружіи знанія своего вѣка“ выступило на защиту пролетаріата. Это ученіе не только съ полною ясностью показало всю научную несостоятельность противниковъ социализма, но, указывая ошибки, оно въ тоже время давало имъ историческое объясненіе и такимъ образомъ, какъ сказалъ нѣкогда Гаймъ о философіи Гегеля, „привязывало къ своей триумфальной колесницѣ каждое побѣжденное имъ мнѣніе“. Какъ Дарвинъ обогатилъ біологію поразительно простой и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научной теоріей происхожденія видовъ, такъ и основатели научнаго социализма показали намъ въ развитіи производительныхъ силъ и въ борьбѣ этихъ силъ противъ отсталыхъ „общественныхъ условій производства“ великій принципъ измѣненія *видовъ общественной организациіи*. Едва ли нужно говорить, кого считаемъ мы основателями этого социализма. Заслуга эта безспорно принадлежитъ Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, ученіе которыхъ именно такъ относится къ современному революціонному движенію въ цивилизованномъ человѣчествѣ, какъ относилась когда-то, по словамъ одного изъ нихъ, передовая нѣмецкая философія къ освободительному движенію въ Германіи: оно составляетъ его *голову*, между тѣмъ какъ пролетаріатъ составляетъ его *сердце*. Но само собою разумѣется, что

развитіе научнаго соціалізма еще не закончено и также мало может остановиться на трудахъ Энгельса и Маркса, какъ теорія происхожденія видовъ могла считаться окончательно выработанной съ выходомъ въ свѣтъ главныхъ сочиненій англійскаго біолога. За установленіемъ основныхъ положеній новаго ученія должна послѣдовать детальная разработка относящихся къ нему вопросовъ, разработка, дополняющая и завершающая переворотъ, совершенный въ наукѣ авторами „Коммунистическаго Манифеста“. ¹⁾ Нѣтъ ни одной отрасли соціологіи, которая не пріобрѣтала бы новаго и чрезвычайно обширнаго поля зрѣнія, усваивая ихъ философско-историческіе взгляды. Благотворное вліяніе этихъ взглядовъ и теперь уже начинается сказываться въ области исторіи, права и такъ называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современнаго соціалізма слишкомъ еще мало извѣстна у насъ въ Россіи, и потому мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько выписокъ, знакомящихъ съ нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную между прочимъ „отъ Канта и Гегеля“, научный соціалізмъ является тѣмъ не менѣе самымъ смертельнымъ и рѣшительнымъ противникомъ идеализма. Онъ изгоняетъ его изъ его послѣдняго убѣжища — соціологіи, въ которой его принимали съ такимъ радушіемъ позитивисты. Научный соціалізмъ предполагаетъ „матеріалистическое пониманіе исторіи“, т. е. онъ объясняетъ духовную исторію человѣчества развитіемъ его общественныхъ отношеній (между про-

¹⁾ Прим. ко 2-му изданію. Впослѣдствіи г.г. „критики Маркса“ упрекали насъ „ортодоксовъ“, въ томъ, что мы возставали противъ всякой попытки дальнѣйшаго развитія взглядовъ Маркса. Читатель видитъ, что я не обнаруживалъ склонности къ подобному возстанію. Но само собою разумѣется, что въ качествѣ ученика Маркса, понимавашаго великое значеніе его теоріи, я долженъ былъ возстать противъ всякой попытки замѣнить нѣкоторыя положенія марксизма старыми давно отжившими буржуазными „догмами“. И эту свою обязанность я исполнилъ, какъ могъ.

чимъ подѣ влияніемъ окружающей природы). Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія Вико, „ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей“, а не наоборотъ. Главной же причиной того или иного направленія ихъ развитія является состояніе производительныхъ силъ и соотвѣтствующая имъ экономическая структура общества. „Въ своей общественной жизни люди наталкиваются, говоритъ Марксъ¹⁾, на извѣстныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія. Соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обуславливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія опредѣляютъ общественную жизнь людей, но наоборотъ, ихъ общественная жизнь обуславливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ 18 столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или — говоря юридическимъ языкомъ — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя

¹⁾ См. „Zur Kritik der Politischen Oekon.“, Vorwort s. s. IV—VI.

отношенія дѣлаются его тормазами. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія. Поэтому можно сказать, что человѣчество всегда ставитъ себѣ лишь исполнимыя задачи, ибо, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда оказывается, что самая задача является лишь тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или находятся въ процессѣ своего возникновенія“.

Теперь понятно, почему Марксъ и Энгельсъ отзывались съ такой презрительной насмѣшкой объ „истинныхъ социалистахъ“ Германіи конца сороковыхъ годовъ, ставшихъ въ отрицательное отношеніе къ борьбѣ нѣмецкой буржуазіи противъ абсолютизма и „проповѣдующихъ народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но рискуетъ все потерять“. Историческое ученіе Маркса и Энгельса представляетъ собою настоящую „алгебру революціи“, какъ выразился когда-то Герценъ о философіи Гегеля. Поэтому они сочувствовали „всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній“; потому же они отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ и къ русскому движенію, сдѣлавшему Россію, по ихъ выраженію, передовымъ отрядомъ европейской революціи.

Но, не смотря на всю ихъ ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ въ области революціонной теоріи и практики. Такъ, напримѣръ, у насъ часто говорятъ, что теоріи научнаго соци-

ализма непримѣнимы къ Россіи, потому что онѣ выросли на почвѣ западно-европейскихъ экономическихъ отношеній. Ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно тѣ-же фазы историко-экономическаго развитія, которыя были пройдены Западомъ. Подъ вліяніемъ убѣжденія въ неизбежности этого вывода, уже не одинъ русскій философъ, незнакомый ни съ Марксомъ, ни съ исторіей Западной Европы, ополчался на автора „Капитала“, обвиняя его въ узости и шаблонности взглядовъ. Но, разумѣется, это была борьба съ вѣтранными мельницами. Наши дон-Кихоты не понимали, что исторія западно-европейскихъ отношеній положена Марксомъ лишь въ основу *исторіи капиталистическаго производства*, которое родилось и выросло именно въ этой части свѣта. Общія философско-историческіе взгляды Маркса имѣютъ ровно такое же отношеніе къ современной Западной Европѣ, какъ къ Греціи и Риму, Индіи и Египту. Они обнимаютъ всю культурную исторію человечества и могутъ быть непримѣнимы къ Россіи только въ случаѣ ихъ общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни авторъ „Капитала“, ни его знаменитый другъ и сотрудникъ не исключаютъ изъ своего поля зрѣнія экономическихъ особенностей той или другой страны; они только ищутъ въ нихъ объясненія всѣхъ ея общественно-политическихъ и умственныхъ движеній. Что они не игнорируютъ значенія нашей поземельной общины, видно уже изъ того обстоятельства, что не далѣе какъ въ январѣ 1882 года, они не считали возможнымъ сдѣлать рѣшительное предсказаніе относительно ея будущей судьбы. Въ предисловіи къ нашему переводу „Манифеста коммунистической партіи“ (Женева, 1882 г.), они даже прямо говорятъ, что русская община можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, „непосредственно перейти въ высшую коммунистическую форму землевладѣнія“. Эти обстоятельства стоятъ, по ихъ мнѣнію, въ тѣсной связи съ ходомъ революцион-

наго движенія на западѣ Европы и въ Россіи. „Если русская революція — говорятъ они — послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ пополняютъ другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія“ (Ман. ком. партіи, VIII). Едва-ли хотъ одному „народнику“ придется въ голову отрицать такого рода условность рѣшенія вопроса объ общинѣ. Едва ли кто нибудь можетъ утверждать, что гнетъ современнаго государства благопріятенъ для развитія или хотя бы для сохраненія поземельной общины. Точно также, едва ли хотъ одинъ человѣкъ, понимающій значеніе международныхъ отношеній въ экономической жизни современныхъ цивилизованныхъ обществъ, можетъ отрицать, что развитіе русской общины „въ высшую коммунистическую форму“ тѣсно связано съ судьбою рабочаго движенія на Западѣ. Оказывается, такимъ образомъ, что во взглядѣ Маркса на Россію нѣтъ ничего противорѣчащаго самой очевидной дѣйствительности, и нелѣпый предрасудокъ относительно его крайняго „западничества“ лишается всякой тѣни разумнаго основанія.

Но существуетъ другое недоразумѣніе, которое непосредственно касается интересующаго насъ вопроса о значеніи политической борьбы въ дѣлѣ переустройства социальныхъ отношеній и коренится въ ошибочномъ пониманіи взгляда Маркса на роль экономического фактора въ развитіи человеческой культуры. Взглядъ этотъ часто истолковывался многими въ томъ смыслѣ, что авторъ „Капитала“ придаетъ политическому строю общества лишь самое ничтожное значеніе, считаетъ его незаслуживающею вниманія второстепенною частностью, которая не можетъ служить не только цѣлью, но даже и средствомъ плодотворной дѣятельности. Нерѣдко и до сихъ поръ можно встрѣтить у насъ „марксистовъ“, которые именно на этомъ основаніи игнорируютъ политическія задачи социализма. Экономическія отношенія, говорятъ

они, лежать въ основаніи всякой общественной организаціи. Измѣненіе этихъ отношеній составляетъ причину всякаго политическаго переустройства. Чтобы освободиться отъ ига капитала, рабочій классъ долженъ имѣть въ виду не слѣдствіе, — а причину, не политическую, а экономическую организацію общества. Политическая агитація не приблизитъ рабочихъ къ ихъ цѣли, такъ какъ ихъ политическое поработеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена экономическая зависимость ихъ отъ имущихъ классовъ. Употребляемые рабочими *средства* борьбы должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ ея *цѣлью*. Экономическая революція можетъ быть достигнута только путемъ борьбы на экономической же почвѣ.

При нѣкоторой послѣдовательности, понимаемый такимъ образомъ „марксизмъ“ долженъ былъ бы измѣнить самый взглядъ социалистовъ на цѣли и средства социальной революціи и вернуть ихъ къ знамениой формулѣ Прудона: „политическая революція — цѣль, экономическая революція—средство“. Точно также онъ долженъ былъ бы значительно сблизить, по крайней мѣрѣ въ теоріи, социалистовъ-революціонеровъ съ послѣдователями „консервативнаго социализма“, который такъ рѣшительно противится политической самостоятельности рабочаго класса. Послѣдній честный и умный представитель этого социализма, Родбертусъ, именно потому и не сошелся съ Лассалемъ, что знаменитый агитаторъ старался выдвинуть нѣмецкихъ рабочихъ на путь самостоятельной политической дѣятельности. Не Марксъ, а Родбертусъ, не *революціонный*, а *консервативный*, *монархическій* социализмъ отрицаетъ значеніе „политическихъ примѣсей къ революціоннымъ цѣлямъ“ рабочаго класса. И консерваторы прекрасно понимаютъ, почему они такъ дѣлаютъ; но тѣ, которые хотятъ примирить революціонное движеніе рабочаго класса съ отрицаніемъ „политики“, тѣ, которые подсказываютъ Марксу практическія тенденціи Прудона или даже Родбертуса, — наглядно показываютъ, что они не

понимають автора „Капитала“ или сознательно извращаютъ его ученіе. Мы говоримъ о сознательномъ извращеніи, потому что извѣстная книга московскаго профессора, г. Иванюкова есть ничто иное, какъ именно такое сознательное извращеніе всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ основныхъ положеній научнаго социализма. Книга эта показываетъ, что наши русскіе *полицей*-социалисты не прочь эксплуатировать для своихъ реакціонныхъ цѣлей даже такую теорію, подъ знаменемъ которой совершается самое революціонное движеніе нашего вѣка. Одно это обстоятельство могло бы сдѣлать необходимымъ подробное выясненіе *политической* программы современнаго социализма. Мы и приступимъ теперь къ этому выясненію, не пускаясь, однако, ни въ какую полемику съ гг. Иванюковыми, такъ какъ достаточно выяснить истинный смыслъ той или другой теоріи, чтобы тѣмъ самымъ опровергнуть умышленныя ея искаженія. При томъ же насъ гораздо болѣе интересуютъ здѣсь тѣ революціонеры, которые, при всей искренности своихъ стремленій, слишкомъ еще пропитаны, хотя быть можетъ и безсознательно, анархическими ученіями, и потому готовы видѣть въ сочиненіяхъ Маркса мысли, умѣстныя только въ „Общихъ идеяхъ революціи въ XIX вѣкѣ“. Критика выводовъ, сдѣланныхъ ими изъ философски - историческихъ взглядовъ Маркса логически приведетъ насъ къ вопросу о такъ называемомъ *захватѣ власти* и покажетъ намъ, насколько правы тѣ, которые усматриваютъ въ этомъ актѣ какое-то преступленіе противъ идеи человѣческой свободы, а равно и тѣ, которые, наоборотъ, видятъ въ немъ альфу и омегу всего социально - революціоннаго движенія.

Посмотримъ, прежде всего, какое значеніе имѣютъ понятія о причинѣ и слѣдствіи въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ.

Если мы толкнемъ рукой или кіемъ билліардный шаръ, то онъ придетъ въ движеніе; если мы ударимъ сталью о кремень, то появится искра. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ очень легко

опредѣлить, какое явленіе служить причиной и какое — слѣдствіемъ. Но эта легкость рѣшенія задачи обусловливается лишь крайнею ея простотою. Если вмѣсто двухъ одиноко стоящихъ явленій, мы возьмемъ процессъ, въ которомъ одновременно замѣчается нѣсколько явленій, или даже нѣсколько рядовъ явленій, то дѣло значительно усложнится. Такъ, напримѣръ, горѣніе свѣчи есть, относительно говоря, довольно сложный процессъ, въ результатѣ котораго является свѣтъ и теплота. Казалось бы, поэтому, что мы безо всякого риска ошибиться, можемъ назвать выдѣляемую пламенемъ теплоту однимъ изъ слѣдствій этого химическаго процесса. Такъ оно и есть до извѣстной степени. Но если бы какимъ нибудь способомъ мы ухитрились лишить пламя выдѣляемой имъ теплоты, то горѣніе тотчасъ прекратилось бы, такъ какъ интересующій насъ процессъ не можетъ происходить при обыкновенной температурѣ. Поэтому оказался бы до извѣстной степени правымъ и тотъ, кто сказалъ бы, что теплота есть *причина* горѣнія. Чтобы не уклоняться отъ истины ни въ ту, ни въ другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся въ данный моментъ *слѣдствіемъ* горѣнія, въ слѣдующій затѣмъ моментъ является его *причиной*. Значитъ, по отношенію къ процессу горѣнія въ продолженіе нѣсколькихъ моментовъ, мы должны сказать, что теплота является *и слѣдствіемъ* его *и причиной*, или, другими словами, *ни слѣдствіемъ, ни причиной*, а просто однимъ изъ явленій, вызываемыхъ этимъ процессомъ и, въ свою очередь, составляющихъ необходимое для него условіе. Возьмемъ другой примѣръ. Всякому, „даже не обучавшемуся въ семинаріи“, извѣстно, что такъ называемые растительные процессы человѣческаго организма оказываютъ огромное вліяніе на психическія явленія. То или другое настроеніе духа оказывается *слѣдствіемъ* того или другого физическаго состоянія организма. Но разъ существуетъ извѣстное настроеніе духа, то самые растительные

процессы часто испытываютъ на себѣ его вліяніе, и оно дѣлается, такимъ образомъ, *причиной* тѣхъ или другихъ измѣненій въ физическомъ состояніи организма. Чтобы и здѣсь не погрѣшить ни въ ту и ни въ другую сторону, мы должны сказать, что психическія явленія и растительная жизнь организма представляютъ собою два ряда сосуществующихъ процессовъ, при чемъ каждый изъ этихъ рядовъ испытываетъ вліяніе другого. И если бы какой нибудь медикъ сталъ игнорировать психическія вліянія на томъ основаніи, что душевное настроеніе человѣка есть слѣдствіе физическаго состоянія его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности къ разумной медицинской практикѣ.

Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чѣмъ жизнь индивидуальнаго организма. Поэтому, въ ней еще болѣе замѣтна относительность понятій о причинѣ и слѣдствіи. По ученію классической экономіи, высота заработной платы опредѣляется, въ среднемъ выводѣ, уровнемъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго. Значить, данная высота заработной платы есть *слѣдствіе* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Но, съ своей стороны, потребности эти могутъ повыситься лишь въ случаѣ повышенія заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для измѣненія ихъ уровня. Слѣдовательно, данная высота заработной платы есть *причина* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Изъ этого логическаго круга нельзя вырваться съ помощью школьныхъ категорій причины и слѣдствія. А мы будемъ попадать въ него на каждомъ шагѣ нашихъ соціологическихъ разсужденій, если забудемъ, что „причина и слѣдствіе суть понятія, имѣющія значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ; но разъ мы разсматриваемъ этотъ случай въ его общей міровой связи, то причина и слѣдствіе совпадаютъ, ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодействія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоян-

но мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь — слѣдствіе, станетъ тамъ или тогда причиной, и наоборотъ“ (Фр. Энгельсъ) ¹⁾.

Сдѣлавши эту оговорку, постараемся опредѣлить теперь, въ какомъ смыслѣ нужно понимать причинную связь между экономическими отношеніями и политическимъ строемъ даннаго общества.

Чему учить насъ, въ этомъ случаѣ, исторія? Она показываетъ намъ, что всегда и вездѣ, гдѣ процессъ экономического развитія вызывалъ расчлененіе общества на классы, — противорѣчіе интересовъ этихъ классовъ неизбѣжно приводило ихъ къ борьбѣ за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующихъ классовъ, но также между этими классами, съ одной стороны, и народомъ — съ другой, если только послѣдній былъ поставленъ въ условія, хоть немного благопріятныя для его умственного развитія. Въ государствахъ древняго Востока мы видимъ борьбу между воинами и жрецами; весь драматизмъ исторіи античнаго міра заключается въ борьбѣ аристократіи и демоса, патриціевъ и плебеевъ; средніе вѣка выдвигаютъ горожанъ, которые стремятся завоевать политическое господство въ предѣлахъ своихъ комунъ; наконецъ, современный рабочій классъ ведетъ политическую борьбу съ буржуазіей, достигшей полного господства въ новѣйшемъ государствѣ. Всегда и вездѣ политическая власть была рычагомъ, съ помощью котораго добившійся господства классъ совершалъ общественный переворотъ, необходимый для его благосостоянія и дальнѣйшаго развитія. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ исторію „третьяго сословія“, этого класса, который съ гордостью можетъ смотрѣть на свое прошлое, полное блестящихъ завоеваній во всѣхъ отрасляхъ жизни и мысли. Едва ли кому

¹⁾ Cв. Herrn Eugen Duehring's *Umwaelzung der Wissenschaft* s. 6.

нибудь можетъ придти въ голову упрекнуть буржуазію въ отсутствіи такта и умѣнья достигать своихъ цѣлей наиболѣе подходящими средствами. Никто не станетъ также отрицать, что ея стремленія имѣли вполне опредѣленный экономическій характеръ. Это не помѣшало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политическихъ завоеваній. То съ оружіемъ въ рукахъ, то путемъ мирныхъ договоровъ, то во имя республиканской независимости своихъ городовъ, то во имя усиленія королевской власти — нарождающаяся буржуазія вела въ теченіе цѣлыхъ столѣтій непрерывную, упорную борьбу съ феодализмомъ, и уже задолго до французской революціи могла съ гордостью указывать врагамъ на свои успѣхи. „Различны были шансы и неодинаковъ успѣхъ въ великой борьбѣ горожанъ противъ феодаловъ — говоритъ историкъ ¹⁾ — и не только сумма вольностей, вырванныхъ силою или полученныхъ путемъ мирнаго соглашенія, была не повсюду одинакова, но даже и при однѣхъ и тѣхъ же политическихъ формахъ города пользовались часто различною степенью свободы и независимости“. Тѣмъ не менѣе смыслъ движенія былъ тождественъ повсюду и знаменовалъ собою начало социальной эмансипаціи третьяго сословія и упадка аристократіи, свѣтской и духовной ²⁾. Въ общемъ, это движеніе принесло горожанамъ „муниципальную независимость, право выбора всѣхъ мѣстныхъ властей, точную опредѣленность въ повинностяхъ“, обезпечило права личности внутри город-

¹⁾ См. *Essai sur l'histoire du Tiers Etat*, par Aug. Thierry, p. 33-34.

²⁾ Стоп-нвики феодализма прекрасно понимали цѣли горожанъ и связь ихъ политическихъ и экономическихъ требованій. „Коммуна есть слово новое и гласное — гваритъ аббатъ Гибертъ — и вѣтъ что оно означаетъ: люди, обязанные нести повинности, платягъ своему господину должную ими ренгу одинъ только разъ въ годъ. Когда они совершаютъ какое нибудь преступленіе, они платятъ установленный закономъ штрафъ; а что касается денежныхъ обложеній, которымъ подвергаются обыкновенно крѣпостные, то они освобождаются отъ нихъ совершенно“. *Laurent, la féodalité et l'église*. p. 546.

скихъ коммунъ ¹⁾, дало буржуазіи болѣе высокое положеніе въ сословныхъ государствахъ „старого режима“, и рядомъ постоянныхъ завоеваній привело ее, наконецъ, къ полному господству въ современномъ обществѣ. Ставя себѣ совершенно опредѣленные, хотя современемъ и измѣняющіеся, соціально-экономическія цѣли, почерпая средства для своей дальнѣйшей борьбы изъ пріобрѣтенныхъ уже выгодъ своего матеріальнаго положенія, буржуазія не упустила ни одного случая дать правовое выраженіе достигнутымъ ею ступенямъ экономического прогресса и, наоборотъ, съ такимъ же искусствомъ пользовалась каждымъ своимъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для новыхъ завоеваній въ области экономической жизни. Не далѣе, какъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, англійская „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ“ добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиленія своего *политическаго* вліянія въ „графствахъ“ ради отмѣны ненавистой ей „монополіи“, имѣвшей, повидимому, исключительно *экономическій* характеръ.

Исторія есть величайшій діалектикъ, и если, въ ходѣ ея движенія, разумъ превращается, по выраженію Мефистофеля, въ бессмыслицу, а благодѣяніе становится источникомъ страданій, — то не менѣе часто въ историческомъ процессѣ слѣдствіе становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ. Выростая изъ экономическихъ отношеній современнаго ему общества, политическое могущество буржуазіи, въ свою очередь, служило и служитъ незамѣнимымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія этихъ отношеній.

Теперь, когда буржуазія близится къ окончанію своей исторической роли и пролетаріатъ становится единственнымъ представителемъ прогрессивныхъ стремленій въ обществѣ, мы можемъ на-

¹⁾ Лютихскій Статутъ устанавливаетъ принципъ непосредности жилищъ въ слѣдующемъ энергическомъ выраженіи: „Видякъ въ своемъ жилищѣ — король“. Laurent, Ibid, p. 540.

блюдать явленіе аналлогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при измѣнившихся условіяхъ. Во всѣхъ передовыхъ государствахъ цивилизованнаго міра, въ Европѣ также, какъ и въ Америкѣ, рабочій классъ выступаетъ на поприще политической борьбы, и чѣмъ сознательнѣе относится онъ къ своимъ экономическимъ задачамъ, тѣмъ рѣшительнѣе выдѣляется онъ въ особую политическую партію. „Такъ какъ существующія нынѣ политическія партіи всегда дѣйствовали лишь въ интересахъ имущихъ для охраненія ихъ экономическихъ привилегій — читаемъ мы въ программѣ Сѣверо-Американской социалистической рабочей партіи — то рабочій классъ обязанъ организовать въ большую рабочую партію, чтобы *добиться политической силы въ государствахъ* и завоевать, съ ея помощью, экономическую независимость, потому что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть совершенно лишь самими рабочими“¹⁾ Въ томъ же духѣ и вполнѣ согласно съ программой нѣмецкой социаль-демократіи, высказывается французская рабочая партія, которая признаетъ, что пролетаріатъ долженъ стремиться къ экономической революціи „*всѣми зависящими отъ него средствами, не исключая и всеобщаго избирательнаго права, превращаемаго, такимъ образомъ, изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія*“. Испанская рабочая партія также стремится къ „завоеванію политической власти“ для устраненія препятствій, стоящихъ на пути къ освобожденію рабочаго класса²⁾.

Въ Англіи, гдѣ, со времени прекращенія чартистскаго движенія, борьба пролетаріата сосредоточивалась исключительно на экономической почвѣ, — политическія стремленія рабочихъ начинаютъ снова оживать въ послѣднее время. Не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкій экономистъ Лун Брентано съ торжествомъ констати-

¹⁾ Von Studnitz, Nordamerikanische Arbeiterverhaeltnisse, s. 353.

²⁾ Мы цитируемъ эту программу изъ книгѣ Б. Малона — Le nouveau parti, t. I, p. 15.

роvalъ въ своей книгѣ „Das Arbeitsverhältniss etc.“ полное исчезновеніе „соціалъдемократическихъ“ тенденцій въ Англіи и съ истинно-буржуазнымъ самодовольствомъ глубокомысленно философствовалъ на ту тему, что „въ настоящее время Англія снова образуетъ *одну* націю“, что „современные англійскіе рабочіе снова составляютъ часть великой либеральной партіи“, а не стремятся къ захвату государственной власти, чтобы съ ея помощью „перестроить общество въ своихъ интересахъ“ (стр. 110). Опубликованный недавно манифестъ англійской „демократической федераціи“ показываетъ, что радость буржуазнаго экономиста была нѣсколько преждевременна. Демократическая федерація стремится вызвать политическое отдѣленіе эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ, и приглашаетъ первую изъ этихъ „націй“ именно къ захвату государственной власти съ цѣлью переустройства общества въ интересахъ рабочихъ. „Пришло время, — говоритъ названный манифестъ, — когда народная масса необходимо должна взять въ свои собственныя руки завѣдываніе ка-сающимися ея дѣлами; политическая и соціальная сила представляетъ собою въ настоящее время монополію людей, живущихъ трудомъ своихъ согражданъ. Землевладѣльцы и капиталисты, завладѣвшіе Верхней Палатой и пополняющіе нижнюю, стремятся лишь къ охраненію своихъ собственныхъ интересовъ. Возьмите свою судьбу въ свои собственныя руки, устраните этихъ богатыхъ паразитовъ обѣихъ группъ и рассчитывайте только на самихъ себя!“ Манифестъ требуетъ „полнаго права голосованія для *всѣхъ* взрослыхъ *мужчинъ и женщинъ*“ Соединеннаго Королевства, и другихъ политическихъ реформъ, осуществленіе которыхъ „показало бы только, что мужчины и женщины этой страны стали господами у себя дома“. Далѣе перечисляется, — въ качествѣ ближайшихъ требованій англійской демократической федераціи, — цѣлый рядъ мѣръ, необходимыхъ для развитія „здороваго, независимаго и серьезно образован-

наго поколѣнія, готоваго организовать трудъ каждаго на пользу всѣхъ и овладѣть, наконецъ, *всей соціально-политической машиной государства*, въ которомъ перестанутъ тогда существовать классовыя различія и привилегіи“.

Такимъ образомъ и англійскій пролетаріатъ снова выступаетъ на тотъ путь, на который давно уже вышли работники другихъ цивилизованныхъ государствъ.

Но подобно тому, какъ буржуазія не только боролась съ аристократіей на почвѣ существующихъ уже политическихъ отношеній, а стремилась также перестроить эти отношенія въ своихъ интересахъ, пролетаріатъ не ограничиваетъ свою политическую программу захватомъ современной государственной машины. Въ его средѣ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ томъ, что „каждый порядокъ вещей, опредѣляющій взаимное положеніе гражданъ и ихъ имущественныя и трудовыя отношенія, соотвѣтствуетъ особой формѣ правленія, которая служитъ для него средствомъ осуществленія и сохраненія въ одно и то же время“¹⁾. Между тѣмъ, какъ представительная (монархическая или республиканская) система была дѣтищемъ буржуазіи, пролетаріатъ требуетъ *прямого народнаго законодательства*, какъ единственной политической формы, при которой возможно осуществленіе его соціальныхъ стремленій. Это требованіе рабочаго класса занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ соціальной демократіи всѣхъ странъ и стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣми остальными пунктами ея программы²⁾. Вопреки Прудону, пролетаріатъ продолжаетъ смотрѣть на „политическую революцію“, какъ на самое могущественное средство достиженія экономическаго переворота.

¹⁾ См. Sozialdemokratische Abhandlungen, von M. Rittinghausen, drittes Heft, ueber die Nothwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk. S. 3.

²⁾ См. Программу нѣмецкой и сѣверо-американской рабочихъ партій. Манифестъ англійской демократической партіи также требуетъ „прямого голосованія по всѣмъ важнымъ вопросамъ“.

Уже одно это свидѣтельство исторіи должно было бы предрасположить насъ къ той мысли, что не ошибочная теорія, а вѣрный практическій инстинктъ лежитъ въ основѣ политическихъ тенденцій различныхъ общественныхъ классовъ. Если несмотря на полное несходство въ другихъ отношеніяхъ, всѣ классы, ведущіе сознательную борьбу съ своими противниками, начинаютъ на извѣстной стадіи своего развитія, стремиться обезпечить себѣ политическое вліяніе, а затѣмъ и господство — то ясно, что политическій строй общества представляетъ собою далеко не безразличное условіе для ихъ развитія. А если мы видимъ, кромѣ того, что ни одинъ классъ, добившійся политическаго господства, не имѣетъ причинъ раскаиваться въ своемъ интересѣ къ „политикѣ“; если, напротивъ, каждый изъ нихъ достигалъ высшей, кульминаціонной точки своего развитія лишь послѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляетъ собою такое средство социальнаго переустройства, годность котораго доказана исторіей. Всякое ученіе, противорѣчащее этой исторической индукціи, лишается значительной доли убѣдительности, и если бы современный социализмъ дѣйствительно осуждалъ политическія стремленія рабочаго класса, какъ нецѣлесообразныя, то уже по одному этому онъ не могъ бы назваться научнымъ.

Провѣримъ теперь наше наведеніе дедуктивнымъ путемъ, принимая философско-историческіе взгляды Маркса за посылки для нашихъ выводовъ.

Представимъ себѣ общество, въ которомъ данный классъ пользуется полнымъ господствомъ. Онъ добился этого господства, благодаря преимуществамъ своего экономическаго положенія, которыя открываютъ, согласно нашимъ посылкамъ, путь ко всѣмъ другимъ успѣхамъ общественной жизни. Въ качествѣ *господствующаго* класса, онъ, разумѣется, приспособляетъ общественную организацію

къ наиболѣе выгоднымъ условіямъ своего существованія и тщательно устраняетъ изъ нея все, что можетъ такъ или иначе ослабить его вліяніе. „Господствующій классъ каждаго даннаго періода — справедливо говоритъ Шэфле — есть также и творецъ его права и обычаевъ. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохраненія, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно болѣе продолжительное время за своими потомками, какъ необходимое условіе ихъ привилегированнаго положеніе и средство эксплуатаціи угнетенныхъ... Почти ни одна часть положительнаго права не пользуется такимъ почетомъ со стороны господствующихъ сословій даннаго времени, ни одной не приписывается въ такой степени характеръ „вѣчныхъ“ институтовъ или даже „священныхъ“ основъ общества, какъ той, которая упрочиваетъ сословныя права и защищаетъ классовое господство“¹⁾. И до тѣхъ поръ, пока господствующій классъ будетъ носителемъ наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ идеаловъ, созданный имъ строй будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ соціального развитія. Но какъ только экономическая исторія даннаго общества выдвинетъ новые элементы поступательнаго движенія, какъ только его „производительныя силы придуть въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства — или говоря юридическимъ языкомъ — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались“, прогрессивная роль даннаго господствующаго класса будетъ окончена. Изъ представителя прогресса онъ сдѣлается заклятымъ его врагомъ и, разумѣется, воспользуется государственной машиной съ цѣлью самообороны. Политическая власть сдѣлается въ его рукахъ самымъ могучимъ орудіемъ реакціи. Чтобы открыть свободный путь развитію производительныхъ силъ общества, не-

¹⁾ См. Шефле, Bau und Leben des soc. Koerpers B. III, s. s. 91 u. 102.

обходимо устранить тормозящія это развитіе имущественныя отношенія, т. е. произвести, какъ говоритъ Марксъ, социальную революцію. Но это невозможно до тѣхъ поръ, пока законодательная власть находится въ рукахъ представителей стараго порядка, т. е. говоря другими словами, пока она охраняетъ интересы господствующаго класса. Неудивительно, поэтому, что новаторы, т. е. представители угнетеннаго класса или классовъ, будутъ стремиться выбить изъ рукъ своихъ противниковъ и обратить противъ нихъ это страшное оружіе. Сама логика вещей выдвинетъ ихъ на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются цѣлью экономическаго переворота. Лассаль сказалъ глубокую истину, когда замѣтилъ въ предисловіи къ своей „Системѣ приобрѣтенныхъ правъ“, что „тамъ, гдѣ юридическія отношенія, переходя въ область частнаго права, теряютъ, повидимому всякую связь съ политикой, въ нихъ *оказывается гораздо болѣе политическаго, чѣмъ въ самой политикѣ*, потому что они представляютъ собою тогда элементъ *соціальный*¹⁾).

Въ практической жизни дѣло происходитъ, конечно, далеко не такъ скоро, какъ это можно было бы предположить, рассуждая а priori. Угнетенный классъ лишь постепенно уясняетъ себѣ связь между своимъ *экономическимъ* положеніемъ и своею *политической* ролью въ государствѣ. Долгое время онъ не понимаетъ во всей ея полнотѣ даже своей экономической задачи. Составляющіе его индивидуумы ведутъ тяжелую борьбу за свое повседневное существованіе, не задумываясь даже о томъ, какимъ сторонамъ общественной организаціи обязаны они своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Они стараются избѣгать наносимыхъ имъ ударовъ, не спрашивая себя, откуда и кѣмъ направляются, въ послѣднемъ счетѣ, эти удары. Въ нихъ нѣтъ еще

¹⁾ См System der erworbenen Rechte, Leipzig, 1880, erster Theil Vorrede, s. VII

классоваго сознанія, въ ихъ борьбѣ противъ отдѣльныхъ угнетателей нѣтъ никакой руководящей идеи. Угнетенный классъ еще не существуетъ *для себя*; онъ *будетъ* современемъ передовымъ классомъ общества, но онъ еще не *становится* имъ. Сознательно-организованной силѣ господствующаго класса противостоятъ лишь разрозненные, единичныя стремленія отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ группъ личностей. Такъ, напр., и теперь еще не рѣдкость встрѣтить рабочаго, который ненавидитъ особенно энергичнаго эксплуататора, но не подозреваетъ еще необходимости борьбы противъ цѣлаго класса эксплуататоровъ и устраненія самой возможности эксплуатаціи человѣка человекомъ.

Мало по малу процессъ обобщенія дѣлаетъ, однако, свое дѣло, и угнетенные начинаютъ сознавать себя классомъ. Но они еще слишкомъ односторонне понимаютъ особенности своего классоваго положенія; пружины и двигатели общественнаго механизма, въ его цѣломъ, остаются еще скрытыми отъ ихъ умственныхъ взоровъ. Классъ эксплуататоровъ представляется имъ простою совокупностью отдѣльныхъ предпринимателей, не связанныхъ нитями политической *организациіи*. На этой ступени развитія въ понятіяхъ угнетенныхъ, какъ и въ головѣ профессора Лоренца фонъ Штейна, не ясна еще связь между „обществомъ“ и „государствомъ“. Предполагается, что государственная власть стоитъ выше антагонизма классовъ, ея представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующихъ сторонъ. Угнетенный классъ относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и приходитъ въ большое удивленіе, когда обращенныя къ нимъ съ его стороны просьбы о помощи остаются безъ отвѣта. Не останавливаясь на частныхъ примѣрахъ, мы замѣтимъ только, что подобная путаница понятій обнаруживалась до послѣдняго времени англійскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почвѣ и въ тоже время наоджили возможнымъ фи-

гурировать въ рядахъ той или другой буржуазной политической партіи.

Только на слѣдующей и послѣдней ступени развитія угнетенный классъ всесторонне выясняетъ себѣ свое положеніе. Теперь онъ понимаетъ, какая связь существуетъ между обществомъ и государствомъ, и не апеллируетъ на притѣсненія своихъ эксплуататоровъ къ тѣмъ, кто представляетъ собою политическій органъ той же эксплуатаціи. Онъ знаетъ, что государство есть крѣпость, служащая оплотомъ и защитой его притѣснителямъ, крѣпость, которою можно и должно овладѣть, которую можно и должно перестроить въ интересахъ своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ея нейтралитетъ. Разсчитывая лишь на самихъ себя, угнетенные начинаютъ понимать, что „политическая самопомощь есть, какъ говоритъ Ланге, важнѣйшій изъ всѣхъ видовъ *соціальной* самопомощи“. Они стремятся тогда къ политическому господству, чтобы помочь себѣ путемъ измѣненія существующихъ соціальныхъ отношеній и приспособленія общественнаго строя къ условіямъ своего собственнаго развитія и благосостоянія. Разумѣется, они тоже не вдругъ достигаютъ господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаящей въ умахъ противниковъ всякую мысль о сопротивленіи. Долгое время добиваются они лишь уступокъ, требуютъ лишь такихъ реформъ, которыя дали бы имъ не господство, а только возможность рости и созрѣвать для будущаго господства, реформъ, которыя удовлетворили бы самыя насущныя, самыя ближайшія ихъ требованія, и хоть немного расширили бы сферу ихъ вліянія на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдѣльные клочки непріятельской территоріи, угнетенный классъ пріобрѣтаетъ настойчивость, смѣлость и развитіе, необходимыя для рѣшительной битвы. Но разъ пріобрѣта эти качества, онъ можетъ смотрѣть на своихъ противниковъ, какъ на классъ окончательно осужденный исторіей; онъ можетъ уже не сомнѣваться въ сво-

ей побѣдѣ. Такъ называемая революція есть только послѣдній актъ въ длинной драмѣ революціонной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она дѣлается борьбою *политической*¹⁾.

Спрашивается теперь, цѣлесообразно ли поступили бы социалисты, если бы они стали удерживать рабочихъ отъ „политики“ на томъ основаніи, что политическій строй общества обусловливается экономическими его отношеніями? Конечно, нѣтъ. Они лишили бы рабочихъ точки опоры для ихъ борьбы, отняли бы у нихъ возможность сконцентрировать свои усилія и направить свои удары на созданную ихъ эксплуататорами общественную организацію. Вмѣсто этого рабочимъ пришлось бы вести партизанскую войну съ отдѣльными эксплуататорами или самое большое, съ отдѣльными группами этихъ эксплуататоровъ, на стороонѣ которыхъ всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку дѣлали русскіе социалисты изъ такъ называемой интеллигенціи, когда они порицали (въ 4 № 3. и В.) „Сѣверно-русскій рабочій союзъ“ за то, что онъ выставилъ въ своей программѣ извѣстныя политическіе требованія. Ту-же ошибку повторило „Зерно“, которое рекомендовало рабочимъ вести борьбу на экономической почвѣ, добиваться сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы и т. п., даже убивать шпионовъ и особливо нелюбимыхъ мастеровъ и предпринимателей, но ни однимъ словомъ не обмолвились о *политическихъ* задачахъ русскихъ работниковъ. Это отсутствіе синтеза въ революціонныхъ взглядахъ и программахъ нашихъ социалистовъ не могло не оказать самаго вреднаго вліянія на результаты ихъ дѣятельности. Охраняя политическій индифферен-

¹⁾ Примѣчаніе ко 2-му изд. Эти строки были написаны за 15 лѣтъ до выступленія г. Бернштейна въ роли „Критика Маркса“. Пусть судить самъ читатель, правъ ли этотъ „критикъ“ и его многочисленные единомышленники, упрекающіе насъ, „ортодоксовъ“, въ томъ, что мы понимаемъ революцію пролетаріата, какъ престую и почти моментальную „катастрофу“.

тизмъ рабочихъ, какъ важнѣйшій признакъ радикализма ихъ экономическихъ требованій, мы тѣмъ самымъ оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кромѣ того, обрывая наши программы именно на томъ пунктѣ, гдѣ нужно было подвести политическій итогъ социальнымъ требованіямъ рабочаго класса, мы уменьшали практическое значеніе этихъ программъ въ глазахъ рабочихъ, лучше насъ понимавшихъ, до какой степени бесплодна разрозненная борьба противъ отдѣльныхъ эксплуататоровъ. [Къ счастью, наше рабочее движеніе очень рано переросло эту первую фазу своего развитія. Отвѣтъ Сѣверно-Рускаго Рабочаго Союза редакціи „Земли и Воли“ (см. № 5 этого изданія) показалъ, что, по крайней мѣрѣ, члены этого союза раньше нашей „интеллигенціи“ поняли всю неумѣстность „политическаго невмѣшательства“ рабочаго класса.

Все это прекрасно, скажетъ иной читатель по ваша аргументація не попадаетъ въ цѣль. Мы не отрицаемъ, что рабочему классу было бы *полезно* добиться политическаго вліянія и захватить государственную власть въ свои руки; мы утверждаемъ только, что въ настоящее время это *невозможно* для него по многимъ причинамъ. Ваша ссылка на исторію буржуазіи не доказательна, такъ какъ положеніе пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ вовсе не сходно съ положеніемъ третьяго сословія въ государствахъ „старого режима“. Самъ Марксъ признаетъ это несходство и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ“. „Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ ига средневѣковый крѣпостной возвысился — говоритъ онъ — до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ выросъ до буржуа, несмотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы съ прогрессомъ промышленности улучшать свое положеніе, опускается все ниже и ниже. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство буржуазныхъ

странъ“. Если каждый прогрессивный шагъ буржуазіи въ области производства и обмѣна сопровождался „соотвѣтствующими политическими завоеваніями“, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: всякому извѣстно, что улучшение матеріальнаго благосостоянія того или другого класса сопровождается возрастаніемъ его политическаго вліянія. Но именно тотъ фактъ, что политическія завоеванія буржуазіи предполагали увеличеніе ея богатства — именно этотъ фактъ и заставляетъ безнадежно смотрѣть на политическія движенія рабочаго класса. Все болѣе и болѣе превращаясь въ „нищихъ“, рабочіе должны, повидимому, утратить и ту долю вліянія, которую они пріобрѣли въ борьбѣ за интересы буржуазіи, „побивая враговъ своихъ враговъ“, — остатки абсолютной монархіи, землевладѣльцевъ, непромышленную буржуазію“ и т. д. Политическая борьба рабочаго класса нецѣлесообразна, потому что, въ силу экономическаго его положенія, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возраженіе это кажется, на первый взглядъ, до такой степени рѣшительнымъ, что его невозможно обойти молчаніемъ. Оно является послѣднимъ основаніемъ аргументаціи тѣхъ сторонниковъ теоріи политическаго невмѣшательства, которые считаютъ себя послѣдователями Маркса¹⁾. Поэтому, съ его

¹⁾ Примѣчаніе ко 2-му изд. Это покажется парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ теорія политическаго невмѣшательства рабочаго класса формулирована была Бакунинымъ, какъ *выводъ изъ матеріалистическаго объясненія исторіи*. Бакунинъ, бывшій горячимъ сторонникомъ этого объясненія, рассуждалъ такъ: если политическій строй всякаго даннаго общества основывается на его экономикѣ, то политическая революція излишня: она сама явится результатомъ экономической революціи. Этотъ человекъ, который былъ когда то ученикомъ Гегеля и который долженъ былъ бы, кажется, изощрить свою логику, никакъ не могъ понять, что результатомъ экономики является не только всякій данный, *готовый* политическій строй, но и всякое новое политическое движеніе, которое, возникнувъ на почвѣ данныхъ экономическихъ отношеній, въ свою очередь, служитъ необходимымъ *орудіемъ* ихъ переустройства. На этомъ *недоразумѣніи* до сихъ поръ строятся всѣ *наиболѣе серьезныя* возраженія *анархистовъ* противъ *соціалдемократовъ*.

устраненіємъ теорія невмѣшательства падаетъ окончательно, и политическія задачи современнаго соціализма выступаютъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Доля рабочаго класса въ національномъ продуктѣ постоянно уменьшается, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ становится бѣднѣе не только относительно, но и абсолютно, его доходъ не только не возрастаетъ въ одинаковой прогрессіи съ доходомъ другихъ классовъ общества, но онъ падаетъ; реальная заработная плата современнаго пролетарія (количество достаемыхъ ему предметовъ потребленія) меньше, чѣмъ была плата рабочаго 500 лѣтъ тому назадъ — это доказано изслѣдованіями Роджерса, Дюшатлэ и др¹⁾. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ настоящее время экономическія условія менѣе благопріятны для политическаго движенія рабочаго класса, чѣмъ были они въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оцѣнкѣ экономическихъ условій данной страны, нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но, главнымъ образомъ, организацию производства и способъ обмѣна продуктовъ. Сила зарождавшейся буржуазіи заключалась не столько въ ея богатствѣ, сколько въ томъ общественно-экономическомъ прогрессѣ, носителемъ котораго она нѣкогда явилась. Не увеличеніе ея дохода толкнуло ее на путь революціонной борьбы и обезпечило возрастаніе ея политическаго вліянія, а противорѣчіе между вызванными ею къ жизни производительными силами и тѣми условіями, въ которыхъ совершались производство и обмѣнъ продуктовъ въ феодальномъ обществѣ. Сдѣлавшись представительницей прогрессивныхъ требованій въ этомъ обществѣ, она собрала подъ свое знамя всѣ его недовольные элементы и повела ихъ на борьбу противъ режима, ненавистнаго огром-

¹⁾ Примѣчаніе ко 2-му изд. Это касается „теоріи обнищанія“, надѣлавшей столько шума во время „*Бернштейниады*“. О ней см. въ моей статьѣ „*Критика нашихъ критиковъ*“, въ 2—3-ей книжкѣ „*Заря*“.

ному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояніе рабочаго класса создало ей руководящую роль въ этомъ освободительномъ движеніи. Ея богатство, ея и тогда уже относительно довольно высокое общественное положеніе были, конечно, необходимы для исполненія этой роли. Но чѣмъ обусловливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нея вести дѣло разрушенія стараго порядка безъ помощи низшихъ слоевъ населенія. Здѣсь - то и помогло ей ея богатство. Оно принесло ей вліяніе на ту самую массу, которая должна была сражаться за ея господство. Не будучи богатой, буржуазія не была бы и вліятельной, а безъ вліянія на народъ она не побѣдила бы аристократіи, потому что она была сильна не собственной силою, а той силой, надъ которой она уже господствовала и которой она повелѣвала, благодаря своимъ капиталамъ. Спрашивается теперь, *возможно - ли* для пролетаріата такое вліяніе на какой нибудь другой классъ населенія и *нужно - ли* оно для его торжества? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы услышать рѣшительное — „нѣтъ“ отъ всякаго понимающаго современное положеніе рабочаго класса. Пролетаріату *невозможно* вліять на низшіе классы такъ, какъ вліяла когда-то на него буржуазія, по той простой причинѣ, что нѣтъ такихъ классовъ, которые стояли бы ниже его; онъ представляетъ собою самую послѣднюю экономическую формацію современнаго общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого вліянія, потому что онъ, въ тоже время, есть *самый многочисленный* слой этого общества, потому что, вмѣстѣ съ другими слоями трудящагося населенія, онъ всегда былъ именно тою средою, вмѣшательство которой рѣшало политическіе споры. Говоримъ — самый многочисленный классъ, потому что всѣ „прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются, съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею и создается. Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне — всѣ они борются про-

тивъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата“.

Прежде рабочій классъ побѣждалъ, состоя подѣ начальствомъ буржуазіи, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти всѣ трудности борьбы падаютъ на его долю, между тѣмъ какъ почти всѣ выгоды и почести побѣды достаются его сюзницѣ. Теперь онъ не довольствуется этой служебной ролью и обращаетъ противъ буржуазіи ту самую силу, которая нѣкогда принесла ей побѣду. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжаетъ возрастать въ той же пропорціи, въ какой совершались и совершаются концентрація капиталовъ и распространеніе крупнаго производства. Она возросла, кромѣ того, въ той самой мѣрѣ, въ которой умножился политическій опытъ рабочаго класса, выведеннаго самой буржуазіей на арену общественной дѣятельности. Можно ли сомнѣваться, что пролетаріатъ, оказавшійся нѣкогда достаточно сильнымъ, чтобы разрушить феодальный абсолютизмъ подѣ руководствомъ буржуазіи, будетъ современнымъ достаточно силенъ, чтобы сломить политическое господство буржуазіи по своей собственной инициативѣ? Буржуазія могла побѣдить феодализмъ, лишь благодаря своему богатству, пролетаріатъ побѣдитъ буржуазію именно потому, что его удѣлъ — „нищета“ — становится удѣломъ все большей и большей части современнаго общества.

Но въ исторіи развитія буржуазіи богатство оказало ей и другую и притомъ весьма „производительную услугу“, какъ выразились бы ея экономисты. Оно дало ей знаніе, сдѣлало ее самымъ

передовымъ и образованнымъ слоемъ тогдашняго общества. Можетъ - ли пролетаріатъ приобрѣсти это знаніе, можетъ - ли онъ быть одновременно и самымъ бѣднымъ и самымъ развитымъ изъ всѣхъ общественныхъ классовъ? Политическое господство невозможно для него внѣ этого условія, потому что безъ знанія — нѣтъ силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазія начала политическое воспитаніе пролетаріата. Она заботилась объ его образованіи, по-скольку это было нужно ей для борьбы съ ея врагами. Она распатала его религіозныя вѣрованія тамъ, гдѣ это было необходимо для ослабленія политическаго значенія духовенства; она расширила его правовыя воззрѣнія тамъ, гдѣ ей нужно было противопоставить „естественное„ право писанному праву сословнаго государства. Теперь сталъ на очередь экономическій вопросъ, и политическая экономія играетъ теперь—по выраженію одного очень умнаго нѣмца ¹⁾—такую же важную роль, какую играло въ XVIII столѣтіи естественное право. Захочетъ ли буржуазія быть руководительницей рабочаго класса при изслѣдованіи отношеній труда къ капиталу, этого вопроса изъ вопросовъ всей общественной экономіи? Она неохотно беретъ на себя даже эту выгодную для нея роль, потому что поднимать этотъ вопросъ значитъ уже угрожать ея господству. Да и *можетъ ли* она выполнить эту роль хотя бы такъ, какъ она выполнила ее когда-то по отношенію къ религіи и праву? Нѣтъ! Ослѣпленные интересами своего класса, ея ученые представители давно уже утратили всякую способность къ объективному, научному изслѣдованію общественныхъ вопросовъ. Въ этомъ и заключается вся тайна современнаго упадка буржуазной экономіи. Рикардо былъ послѣднимъ экономистомъ, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имѣлъ достаточно ума, чтобы понять діаметральную противоположность интересовъ труда и капитала. Си-

¹⁾ Примѣчаніе ко второму изда. Т. е. Родбертуса.

смонди былъ послѣднимъ экономистомъ - буржуа, у котораго было достаточно чувства, чтобы неліцемерно оплакать этотъ антагонизмъ. Послѣ нихъ *общія*, теоретическія изслѣдованія буржуазныхъ экономистовъ утратили, большею частью, всякое научное значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить исторію политической экономіи со временъ Рикардо и полюбоваться произведеніями Бастіа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современныхъ катедеръ - социалистовъ. Изъ мирныхъ и объективныхъ мыслителей буржуазные экономисты превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала, направляющихъ всѣ свои усилія на то, чтобы перестроить съ военными цѣлями самое зданіе науки. Но несмотря на эти воинственныя упражненія, они отступаютъ безпрерывно и оставляютъ въ рукахъ непріятелей ту научную территорію, на которой они когда-то властвовали безконтрольно. Въ настоящее время люди, совершенно чуждые какихъ бы то ни было „демагогическихъ“ стремленій, увѣряютъ, будто рабочіе „лучше какого -нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самыя абстрактныя понятія“ въ экономической наукѣ. Такъ думалъ наприм. человекъ, имя котораго пользуется огромнымъ авторитетомъ среди нѣмецкихъ экономистовъ, но который съ своей стороны питалъ къ нимъ самое глубокое презрѣніе. „Мы смотримъ на рабочихъ, какъ на дѣтей, -- прибавлялъ этотъ человекъ, — между тѣмъ какъ они переросли уже насъ на цѣлую голову.“ ¹⁾

Но нѣтъ - ли въ его словахъ преувеличенія? Можетъ-ли рабочій классъ понимать „абстрактныя“ вопросы общественной экономіи и социализма не говоримъ уже лучше, но такъ же, какъ люди, затратившіе цѣлыя десятки лѣтъ на свое образованіе?

На чемъ основываются положенія современнаго научнаго социализма? Представляютъ-ли они собою

¹⁾ Примѣчаніе ко второму изданію. Я опять имѣю въ виду Родбертуса.

измышленія какого-нибудь досужаго благодѣтеля человѣческаго рода, или являются обобщеніемъ тѣхъ самыхъ явленій, съ которыми мы всѣ такъ или иначе сталкиваемся въ своей ежедневной жизни, объясненіемъ тѣхъ самыхъ законовъ, которыми опредѣляется наше участіе въ производствѣ, обмѣнѣ или просто въ распредѣленіи продуктовъ? Кто рѣшитъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, тотъ согласится, что рабочій классъ имѣетъ много шансовъ для правильнаго пониманія „самыхъ абстрактныхъ“ законовъ общественной экономіи, для усвоенія самыхъ отвлеченныхъ положеній научнаго социализма. Трудность пониманія законовъ той или другой науки обусловливается неполнымъ знакомствомъ съ данными, лежащими въ основаніи этихъ законовъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь объ явленіяхъ повседневнои жизни, гдѣ научный законъ обобщаетъ лишь каждому извѣстные случаи, тамъ люди практическаго дѣла не только отлично понимаютъ теоретическія положенія, но и могутъ иногда научить самихъ теоретиковъ. Спросите сельскаго хозяина о вліяніи отдаленности рынка на цѣну его продуктовъ или плодородія почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о вліяніи расширенія сбыта на удешевленіе производства. Спросите рабочаго, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убѣдитесь, что всѣ эти люди знаютъ Рикардо, никогда не издавши даже обертки его сочиненій. А вѣдь эти вопросы пользуются репутаціей весьма сложныхъ и „абстрактныхъ“ вопросовъ; вѣдь по поводу ихъ пролиты цѣлыя моря чернилъ, написано такое огромное количество томовъ, что, приступая къ изученію экономической науки, можно ужаснуться этихъ вороховъ печатной бумаги. И такъ во всемъ, во всѣхъ частяхъ общественной экономіи! Возьмите хоть теорію мѣновой стоимости. Въ двухъ словахъ вы можете объяснить рабочему, чѣмъ и какъ она опредѣляется; а вотъ многіе изъ г.г. буржуазныхъ экономистовъ до сихъ поръ не хотятъ или не

могутъ понять этой весьма простой теоріи и впадаютъ, въ спорахъ о ней, въ такія грубыя логическія ошибки, за которыя ни одинъ учитель арифметики не постѣснялся бы поставить единицу ученику „младшаго возраста“. Поэтому мы и думаемъ, что цитированный нами писатель былъ правъ, что въ настоящее время единственною понятливою аудиторіею по жгучимъ социальнымъ вопросамъ можетъ быть только аудиторія, состоящая изъ пролетаріевъ или людей, ставшихъ на точку зрѣнія пролетаріата. А разъ усвоены основныя положенія общественной экономіи,—пониманіе научнаго социализма не представляетъ уже трудности: рабочей и здѣсь будетъ слѣдовать лишь указаніямъ своего практическаго опыта. Эта сторона дѣла прекрасно выяснена самимъ Марксомъ. „Если пролетаріатъ провозглашаетъ разложеніе *всего современнаго порядка* — читаемъ мы въ его *„Критикъ гегелевской философіи права“* — то онъ высказываетъ этимъ лишь тайну своего *собственного существованія*, потому оно есть *фактическое разложеніе* этого порядка. Если пролетаріатъ требуетъ *отрицанія частной собственности*, то этимъ онъ только возводитъ на степень *общественнаго принципа* то, что уже возведено въ его принципъ самимъ обществомъ, что воплотилось уже въ немъ, какъ отрицательный общественный результатъ, безъ всякаго содѣйствія съ его стороны“¹⁾.

Мы видимъ, стало быть, что пролетаріатъ не нуждается въ матеріальномъ богатствѣ, чтобы развиться до пониманія условій своего освобожденія. Его нищета, — обусловленная *не бѣдностью и дикостью общества, а недостатками общественной организаціи*, — такая нищета не только не затрудняетъ, но облегчаетъ пониманіе этихъ условій.

Законы распредѣленія продуктовъ въ капиталистическомъ обществѣ въ высшей степени не благоприятны для рабочаго класса. Но свойствен-

¹⁾ См. Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher, 1 u. 2 Lieferung, s.s. 81—85

няя капитализму организація производства и форма обмѣна впервые создаютъ и объективную и субъективную возможность эмансипаціи трудящихся. Капитализмъ расширяетъ міросозерцаніе рабочаго, уничтожаетъ всѣ предрасудки, унаслѣдованные имъ отъ стараго общества; онъ толкаетъ его на борьбу и въ то же время обезпечиваетъ побѣду, увеличивая его численный составъ и предоставляя въ его распоряженіе экономическую возможность организаціи царства труда. Развитие техники увеличиваетъ власть человѣка надъ природой и поднимаетъ производительность труда до такой степени, что обязательность его не можетъ послужить препятствіемъ, но, наоборотъ, явится необходимымъ условіемъ всесторонняго развитія всѣхъ членовъ социалистическаго общества. Въ то же время, характеризующая капитализмъ социализація *производства* прокладываетъ путь для обращенія въ общую собственность его *средствъ и продуктовъ*. Акціонерныя компаніи, эта высшая въ настоящее время форма организаціи промышленныхъ предпріятій, устраняютъ капиталистовъ отъ всякой активной роли въ экономической жизни общества и превращаютъ ихъ въ трутней, исчезновеніе которыхъ не можетъ произвести ни малѣйшаго замѣшательства въ ходѣ этой жизни. „Если дѣятельному роду майордомовъ удалось нѣкогда безъ труда свергнуть съ престола облѣпившуюся королевскую династію — говоритъ консерваторъ Родбертусъ, — то почему бы живая и энергичная организація рабочихъ (служебный персоналъ компаній составляютъ квалифицированные работники), почему бы такая организація не была бы въ состояніи устранить современемъ собственниковъ, превратившихся въ простыхъ рептьеровъ?... А между тѣмъ капиталъ уже не можетъ свернуть съ этой дороги! Переживши періодъ расцвѣта, капиталъ превращается въ своего собственного могильщика!“

Почему бы, спросимъ мы, въ свою очередь, та самая организація рабочихъ, которая будетъ въ

состояніи „устранить собственниковъ, сдѣлавшихся простыми рентьерами“, почему бы такая организація не въ состояніи была захватить въ свои руки государственную власть и добиться, такимъ образомъ, политическаго господства? Въдѣ первое предполагаетъ второе: „устранить“ собственниковъ можетъ только такая организація, которая въ состояніи преодолѣть ихъ *политическое* сопротивление.

Но и это не все; существуютъ другія общественныя явленія, которыя также увеличиваютъ вѣроятность *политической* побѣды пролетаріата.

„По мѣрѣ развитія крупной промышленности, цѣлые слои господствующаго класса переходятъ въ ряды пролетаріата, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе. Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата.

„Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія“.

У негровъ сѣверной Гвинеи есть одна въ высшей степени замѣчательная легенда. По словамъ этой легенды, „богъ призвалъ къ себѣ однажды двухъ сыновей первой человѣческой пары. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлый, другой — чернокожій. Положивши передъ ними кучу золота и книгу, богъ приказалъ черному брату, какъ старшему, выбирать любой изъ этихъ предметовъ. Тотъ выбралъ золото, и младшій братъ получилъ, такимъ образомъ, книгу. Неизвѣстная сила немедленно перенесла его тогда, вмѣстѣ съ книгой, въ отда-

ленную и холодную страну. Но благодаря своей книгѣ, онъ сдѣлался ученымъ и сталъ страшенъ и силенъ. Старшій же братъ остался на родинѣ и прожилъ достаточно долго, чтобы увидѣть, насколько наука выше богатства“.

Буржуазія обладала когда то и знаніемъ, и богатствомъ. Въ противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владѣніе и золотомъ, и книгой, потому что богъ человѣческихъ обществъ, исторія, не признаетъ правъ несовершеннолѣтнихъ классовъ и отдаетъ ихъ въ опеку ихъ старшихъ братьевъ. Но настало время, когда обдѣленный исторіей рабочій классъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста и буржуазіи пришлось съ нимъ дѣлиться. У нея осталось золото, между тѣмъ, какъ ея младшій братъ получилъ „книгу“, благодаря которой онъ, не смотря на мракъ и холодъ своихъ подваловъ, сталъ и теперь уже „силенъ и страшенъ“. Мало по малу научный социализмъ вытѣсняетъ буржуазныя теоріи со страницъ этой магической книги, и скоро пролетаріатъ прочтетъ въ ней, какъ завоевать ему матеріальное довольство. Тогда онъ сброситъ съ себя позорное иго капитализма и покажетъ буржуазіи, „на сколько наука выше богатства“.

III.

Въ первой главѣ мы старались исторически объяснить возникновеніе того убѣжденія, что социализмъ несовмѣстимъ ни съ какой „политикой“. Мы видѣли, что въ основѣ этого убѣжденія лежало прудоновско-бакунинское ученіе о государствѣ — съ одной стороны — и нѣкоторая непослѣдовательность нашихъ социальдемократовъ семидесятыхъ годовъ — съ другой. Кромѣ того, оно встрѣчало поддержку въ общемъ колоритѣ того фона, на которомъ выдѣлялись оба вышеназванные направленія. Фонъ этотъ состоялъ, какъ мы сказали словами Энгельса, изъ смѣси различ-

ныхъ ученій различныхъ основателей социалистическихъ сектъ. Известно, что социалисты-утописты относились совершенно отрицательно къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса, въ которыхъ они видѣли „лишь слѣпое невѣріе въ новое евангеліе“. Этотъ отрицательный взглядъ на „политику“ былъ занесенъ къ намъ вмѣстѣ съ ученіями утопистовъ. Задолго до начала сколько нибудь сильнаго революціоннаго движенія въ Россіи, наши социалисты готовы были — подобно „истиннымъ“ социалистамъ Германіи конца сороковыхъ годовъ (см. Коммун. Ман., стр. 32) — „расточать традиціонныя проклятія либерализму, представителю правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству“, совершенно забывая, что всѣ эти нападки „имѣютъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей“, т. е. именно тѣ условія, о завоеваніи которыхъ только еще должна была пойти рѣчь въ нашемъ отечествѣ ¹⁾).

Въ результатъ всѣхъ этихъ вліяній получилась такая твердая увѣренность въ неумѣстности всякой политической борьбы, помимо борьбы революціонной въ узкомъ и вульгарномъ значеніи этого слова, что мы стали съ предубѣжденіемъ смотрѣть на тѣ социалистическія партіи Западной Европы, которыя видѣли, напримѣръ, въ избирательной агитаціи могучее средство воспитанія и организаціи рабочихъ массъ. Всѣ сдѣланныя путемъ этой агитаціи политическія и экономическія пріобрѣтенія, казались намъ непростительнымъ оппортунизмомъ, гибельной сдѣлкой съ демономъ буржуазнаго государства, равносильной отказу отъ блаженства въ будущей социалистической жизни. Мы и сами не замѣчали, что наши теоріи завели

¹⁾ Сказанное не относится. впрочемъ, къ группѣ издававшей „Народное Дѣло“ въ Женевѣ, группѣ, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношеніе къ „теоріи политическаго невмѣшательства“.

пасъ въ заколдованный кругъ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Мы считали поземельную общину исходной точкой социальна-экономическаго развитія Россіи, и въ тоже самое время, отказываясь отъ политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путемъ государственнаго вмѣшательства, отъ разрушительныхъ вліяній настоящаго времени. Мы должны были, такимъ образомъ, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающаго тотъ самый фундаментъ, на которомъ мы хотѣли строить зданіе будущаго.

Мы видѣли, однако, что логика событій вывела русское движеніе на другую дорогу, и заставила русскихъ революціонеровъ, въ лицѣ партіи „Народной Воли“, добиваться политическаго вліянія и даже господства, какъ одного изъ самыхъ могучихъ факторовъ экономической революціи. Мы видѣли также, что выступая на эту дорогу, наше движеніе выросло настолько, что социальна-политическія теоріи различныхъ разновидностей прудонизма оказались для него слишкомъ узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ходъ вещей пришелъ въ столкновеніе съ ходомъ господствовавшихъ въ нашей революціонной средѣ идей, и тѣмъ вызвалъ новое умственное теченіе.

Это новое умственное теченіе, сказали мы далѣе, до тѣхъ поръ не отдѣляется отъ свойственныхъ ему теперь противорѣчій, пока не сольется съ несравненно болѣе глубокимъ и широкимъ теченіемъ современнаго социализма. Русскіе революціонеры должны стать на точку зрѣнія социальной демократіи Запада и разорвать свою связь съ „бунтарскими“ *теоріями* такъ же, какъ они уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказались отъ „бунтарской“ *практики*, вводя новый, *политическій* элементъ въ свою программу. Сдѣлать это имъ будетъ не трудно, если они постараются усвоить себѣ правильный взглядъ на политическую сторону ученія Маркса и захотятъ подвергнуть пересмотру приемы

и ближайшія задачи своей борьбы, прилагая къ нимъ этотъ новый критерій.

Мы видѣли уже во второй главѣ, къ какимъ ложнымъ выводамъ подали поводъ философско-историческія послыжки современнаго социализма. Сама „Народная Воля“ не замѣчала, повидимому, ошибочности этихъ выводовъ и склонна была „даже къ защитѣ социологической точки зрѣнія Дюринга о преобладающемъ вліяніи политико-юридическаго элемента общественнаго строя на экономическій“, какъ выразился П. Л. Лавровъ, характеризуя новѣйшія направленія въ русскомъ революціонномъ движеніи ¹⁾. Только этою склонностью и можно объяснить содержащуюся во внутреннемъ обозрѣніи № 6-го „Народной Воли“ полеміку противъ какихъ-то „непосредственныхъ толкователей“ исторической теоріи Маркса“, основывающихъ свой взглядъ, по словамъ автора, „главнымъ образомъ на извѣстной триадѣ Гегеля“, не имѣющихъ „иного индуктивнаго матеріала“ для своихъ выводовъ и объясняющихъ „Гегелевъ законъ въ томъ смыслѣ, что дурное просто въ своемъ крайнемъ развитіи приведетъ къ хорошему“ ²⁾. Достаточно познакомиться съ программой нѣмецкихъ социалдемократовъ или французскихъ коллективистовъ, чтобы видѣть, какъ понимаютъ „историческую теорію Маркса“ его западно-европейскіе послѣдователи и, если угодно, „непосредственные толкователи.“ Со своей стороны, мы мо-

¹⁾ См. статью „Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго социализма“, Календарь Н. В., стр. 109.

²⁾ Примѣчаніе ко 2-му изд. Впослѣдствіи этотъ вздоръ на разные лады повторяли наши „легальные, критики,—Н. Михайловскій и братія. Вообще надо замѣтить, что эти господа въ спорахъ съ нами не могли придумать ровно ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что писалось противъ насъ въ *нелегальной* литературѣ. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть прочтетъ статью г. Тихомирова во 2-ой книжкѣ „Вѣстника Народной Воли“ („Чего намъ ждать отъ революціи?“) и сравнитъ съ тѣми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову въ своей книгѣ. „Нелегальная“ мысль даю опередила у насъ „легальную“.

жемъ увѣрить нашихъ русскихъ товарищей, что эти „толкователи“ понимаютъ „Гегелевъ законъ“ вовсе не „въ томъ смыслѣ, что дурное, просто въ своемъ крайнемъ развитіи, приведетъ къ хорошему“, и къ тому же пользуются имъ какъ „индуктивнымъ матеріаломъ“ лишь при изученіи исторіи нѣмецкой философіи, въ которой этотъ законъ занимаетъ весьма видное мѣсто и изъ которой его, во всякомъ случаѣ, не выкинешь, какъ не выкинешь, по народному выраженію, слова изъ пѣсни. Цитированное нами мѣсто есть почти буквальное повтореніе словъ Дюринга, упрекавшаго Маркса въ томъ, что въ его исторической схемѣ „гегелевское отрицаніе отрицанія играетъ, за недостаткомъ лучшихъ и болѣе ясныхъ средствъ, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдетъ изъ нѣдра настоящаго“¹⁾. Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившаго все научное ничтожество произведеній бывшаго берлинскаго доцента. Зачѣмъ же повторять чужія ошибки и становиться, на такомъ шаткомъ основаніи, въ отрицательное отношеніе къ величайшей и самой революціонной общественной теоріи XIX вѣка? Вѣдь безъ революціонной теоріи нѣтъ революціоннаго движенія, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію, всякая политическая партія, добивающаяся господства, — революціонны лишь постольку, поскольку они представляютъ собою наиболѣе прогрессивныя общественныя теченія, а слѣдовательно являются носителями наиболѣе передовыхъ идей своего времени. (Революціонная, по своему внутреннему содержанію, идея есть своего рода динамитъ, котораго не замѣнятъ никакія взрывчатыя вещества въ мірѣ. И пока наше движеніе будетъ происходить подъ знаменемъ отсталыхъ или ошибочныхъ теорій, оно будетъ имѣть революціонное значеніе лишь *нѣкоторыми*, но да-

¹⁾ См. „Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Socialismus“, dritte Auflage, s. 498.

леко не всѣми своими сторонами). Въ то же время оно, безъ вѣдома своихъ участниковъ, будетъ носить въ себѣ зародыши реакціи, которые лишатъ его и этой доли значенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, потому что, какъ сказалъ еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюмъ
Потребенъ для новаго дѣла.

А вѣдь настанетъ же, наконецъ, оно, это дѣйствительно новое время и для нашего отечества.

Впрочемъ, невѣрное пониманіе тѣхъ или другихъ положеній современнаго социализма не составляетъ еще главнаго препятствія для окончательнаго выхода нашего революціоннаго движенія на путь, проложенный рабочимъ классомъ Запада. Ближайшее знакомство съ литературой „марксизма“ покажетъ нашимъ социалистамъ, какого могучаго оружія лишали они себя отказываясь понять и усвоить теорію великаго учителя „пролетаріевъ всѣхъ странъ“. Они убѣдятся тогда, что наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народовольцы сдѣлаются, наконецъ, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрѣнія примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи, которыя правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая изъ нихъ выражаетъ извѣстную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствіе для развитія нашего движенія въ только что указанномъ направленіи. Оно заключается въ томъ отсутствіи у насъ политическаго глазомѣра, которое съ самаго начала движенія мѣшало нашимъ революціонерамъ привести свои ближайшія задачи въ соотвѣтствіе со своими силами, и которое обусловливается ничѣмъ другимъ, какъ недостаткомъ политическаго опыта у русскихъ общественныхъ дѣятелей. Отправлялись ли мы въ народъ съ цѣлью распространенія социалистическихъ изданій, селились ли мы въ дерев-

няхъ для организаціи протестующихъ элементовъ нашего крестьянства, вступали ли мы въ непосредственную борьбу съ представителями абсолютизма, мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ расчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды, и торопились возвести временно благопріятствующій обстоятельствамъ способъ дѣйствія въ универсальный принципъ, исключаящій всѣ другіе способы и приемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная переменна въ окружающей обстановкѣ. Чуть не каждые два года мѣняли мы эти программы, и не могли остановиться на чемъ либо *прочномъ*, потому что всегда останавливались на чемъ нибудь *узкомъ* и *одностороннемъ*. Подобно тому, какъ, по словамъ Бѣлинскаго, русское общество, не имѣя еще литературы, пережило уже всѣ литературныя направленія, русское социалистическое движеніе, не сдѣлавшись еще движеніемъ нашего рабочаго класса, успѣло уже перепробовать всѣ возможные отбѣнки западно-европейскаго социализма.

Предпринятая „Народной Волей“ борьба съ абсолютизмомъ,—выдвигая нашихъ революціонеровъ на болѣе широкій путь дѣятельности, заставляя ихъ стремиться къ созданію дѣйствительной *партии*, — будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно содѣйствовать устраненію односторонности *кружковъ*. Но чтобы прекратить эту постоянную смѣну программъ, чтобы отдѣлаться отъ этихъ привычекъ политическихъ номадовъ и пріобрѣсти, наконецъ, умственную осѣдлость, русскіе революціонеры должны довести до конца дѣло критики, начавшееся съ возникновеніемъ въ ихъ средѣ сознательныхъ политическихъ тенденцій. Они должны стать въ критическое отношеніе къ той самой программѣ, которая сдѣлала необходимой критику *всѣхъ* прежнихъ программъ и теорій. „Партія На-

родной Воли, есть дитя переходнаго времени. Ея программа есть послѣдняя программа, родившаяся при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлали нашу односторонность неизбѣжнымъ и потому законнымъ явленіемъ. Расширяя политическій горизонтъ русскихъ социалистовъ, программа эта сама не свободна еще отъ односторонности. Въ ней также замѣтно отсутствіе политическаго глазомѣра, способности сообразовать ближайшія цѣли партіи съ ея дѣйствительными или возможными силами. Партія Народной Воли напоминаетъ человѣка, идущаго по настоящей дорогѣ, но еще не имѣющаго понятія о разстояніяхъ и потому увѣреннаго въ томъ, что онъ тотчасъ же можетъ „версть сто тысячъ отмахать и нигдѣ не отдыхать“. Практика разрушить, разумѣется, его иллюзію, но это разрушеніе можетъ стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежатъ ли семимильные шаги къ области фантазій.

Подъ хожденіемъ семи-мильными шагами мы разумѣемъ упомянутый уже фантастическій элементъ въ интересующей насъ программѣ, который во второмъ № „Народной Воли“ выразился въ увѣренности относительно социально-революціоннаго (мы не говоримъ *соціалистическаго*) большинства въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи, а въ № 8-9 — проявилъ себя въ разсужденіяхъ о „захватѣ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ“. Мы глубоко убѣждены, что этотъ фантастическій элементъ въ высшей степени вреденъ для самой „партіи Народной Воли“. Какъ партіи социалистической, онъ вреденъ ей тѣмъ, что отвлекаетъ ее отъ ея непосредственныхъ задачъ въ средѣ рабочаго класса въ Россіи; какъ партіи, взявшей на себя инициативу нашего освободительнаго движенія, — онъ вреденъ ей тѣмъ, что всегда будетъ отталкивать отъ нея очень много средствъ и силъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, притекать къ ней изъ среды такъ называемаго общества. Объяснимся подробнѣе.

Къ кому обращается, къ кому *можетъ* и должна обращаться „Народная Воля“ въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ? „Привлеченіе въ организацію (Народной Воли) *отдѣльныхъ лицъ изъ среды крестьянства*,—способныхъ къ ней примкнуть,—читаемъ мы въ „Календарѣ Народной Воли,“ ¹⁾ — конечно, всегда признавалось очень желательнымъ... Но что касается организаціи въ настоящее время *въ массѣ* крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ социалистовъ“. Быть можетъ „партія Народной Воли“ рассчитываетъ опереться на болѣе передовой слой нашего трудящагося населенія, т. е. на городскихъ рабочихъ? Она, дѣйствительно, придаетъ весьма большое значеніе дѣлу пропаганды и организаціи въ ихъ средѣ, она считаетъ, что „городское рабочее населеніе должно обратить на себя серьезное вниманіе партіи“. Но уже самая мотивировка необходимости этого дѣла показываетъ, что, по ея понятіямъ, городскіе рабочіе должны быть лишь однимъ изъ элементовъ нашего революціоннаго движенія. Они „имѣютъ особенно важное значеніе *для революціи*, какъ по своему положенію, такъ и по относительно большей развитости — поясняетъ намъ тотъ же документъ, — успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска“. Значитъ, предстоящая революція не будетъ рабочей революціей въ полномъ смыслѣ этого слова, но рабочіе должны принять въ ней участіе, такъ какъ они имѣютъ *для нея* особенно важное значеніе“. Какіе же другіе элементы войдутъ въ это движеніе? Мы видѣли уже, что войдетъ, между прочимъ, „войско“, а въ войскѣ „при настоящихъ условіяхъ пропаганда между солдатами затруднена въ такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надеждъ. Гораздо

¹⁾ „Подготовительная работа партіи“, страница 129 въ примѣчаніи.

удобнѣе воздѣйствіе на *офицерство*: болѣе развитое, болѣе свободное, оно болѣе доступно вліянію"! Это, конечно, совершенно справедливо, но не будемъ пока останавливаться на этомъ и пойдемъ далѣе. Кромѣ рабочихъ и „офицерства“, партія Народной Воли имѣетъ въ виду также либераловъ и „Европу“, по отношенію къ которой „политика партіи должна стремиться къ тому, чтобы обезпечить русской революціи сочувствіе *народовъ*, вызвать къ этой революціи симпатіи европейскаго общественнаго мнѣнія“. Для достиженія этой цѣли „партія должна знакомить Европу со всѣмъ пагубнымъ значеніемъ русскаго абсолютизма для самой европейской цивилизаціи, съ истинными цѣлями партіи, со значеніемъ нашего революціоннаго движенія, какъ выраженія всенароднаго протеста“. Что же касается „либераловъ“, то въ отношеніи къ нимъ „слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, интересы наши и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „партія Народной Воли“ разсчитываетъ не на одинъ только рабочій и крестьянскій классы и даже не главнымъ образомъ на эти классы. Она имѣетъ въ виду также и общество и офицерство, которое, въ сущности, есть „плоть отъ плоти и кость отъ костей“ того же общества. Она хочетъ убѣдить либеральную часть этого общества, что „при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ“ интересы русскаго либерализма сходятся съ интересами русской соціально-революціонной партіи. Что же она дѣлаетъ, чтобы вселить въ русскихъ либералахъ это убѣжденіе? Она издаетъ, во-первыхъ, программу „Исполнительнаго Комитета“, въ которой говорится, что „народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей“. Въ извѣстномъ „Письмѣ къ Александру III“ Ис-

полнительный Комитетъ также требуетъ „созыва представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями“. Такая программа, дѣйствительно, совпадаетъ съ интересами русскихъ либераловъ и для ея осуществленія они, пожалуй, примирились бы и со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, котораго не можетъ не требовать „Исполнительный Комитетъ“. Во всемъ этомъ программа названнаго „Комитета“ обнаруживаетъ гораздо большую зрѣлость, чѣмъ всѣ предшествовавшія ей программы. Но, не говоря уже о такомъ крупномъ промахѣ, какъ требованіе свободы сходовъ, слова, печати и избирательныхъ программъ лишь „въ видѣ временной мѣры“¹⁾, припомнимъ другія заявленія „партіи Народной Воли“. Органъ этой партіи поспѣшилъ предупредить читающую публику, что большинство депутатовъ Учредительнаго Собранія будетъ состоять изъ сторонниковъ радикальнаго экономическаго переворота. Мы уже говорили выше, что эта увѣренность была не болѣе, какъ фикціей, придуманной для соглашенія несогласимыхъ между собою элементовъ народовольческой программы. Взглянемъ теперь на печатное выраженіе такой увѣренности съ точки зрѣнія тактики. Спрашивается, развѣ экономическій переворотъ входитъ въ интересы русскаго либерализма? Развѣ наше либеральное общество сочувствуетъ аграрной революціи, которой, по словамъ „Народной Воли“, будутъ добиваться крестьянскіе депутаты? Западно-европейская исторія говоритъ намъ весьма убѣдительно, что тамъ, гдѣ „красный призракъ“ принималъ хоть сколько нибудь грозныя формы, „либералы“ готовы были искать защиты въ объятіяхъ самой безцеремонной военной диктатуры. Думалъ ли террористическій органъ, что наши русскіе

¹⁾ Сморя „Письмо къ Александру III,“ „Календарь Народной Воли“, стр. 14.

либералы составлять исключеніе изъ этого общаго правила? Если такъ, то на чемъ основывалъ онъ свое убѣжденіе? Думалъ ли онъ также, что современное „общественное мнѣніе Европы“ до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будетъ сочувствовать созыву социальнореволюціоннаго Учредительнаго Собранія? Или онъ думалъ, что, трепеща краснаго призрака у себя дома, европейская буржуазія будетъ аплодировать появленію его въ Россіи? Само собою разумѣется, что ничего подобнаго онъ не думалъ и ничего подобнаго не забывалъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, было дѣлать это рискованное заявленіе? Или органъ „партіи Народной Воли“ былъ до такой степени убѣжденъ въ неминуемомъ осуществленіи своего пророчества, что считалъ нужнымъ побудить членовъ организаціи къ принятію мѣръ, соотвѣтствующихъ важности ожидаемаго событія? Но въ виду того, что въ томъ же органѣ дѣятельность въ народѣ объявлялась бесплодною, мы думаемъ, что заявленіе это имѣло скорѣе успокоительный, чѣмъ побудительный характеръ: социальнореволюціонное большинство въ Учредительномъ Собраніи ожидалось, *несмотря* на то, что названная дѣятельность напоминаетъ собою теперь „наполненіе бездонныхъ бочекъ Данаидъ“.

Само по себѣ заявленіе это могло бы считаться неважнымъ, тѣмъ болѣе, что „Народная Воля“ сама, повидимому, разсталась съ преувеличенно-радушными надеждами на составъ будущей русской Конституанты. Мы думаемъ такъ потому, что передовая статья № 8—9 говоритъ объ экономическомъ переворотѣ, который, въ случаѣ отсутствія социальнореволюціонной инициативы въ самомъ народѣ, долженъ быть совершенъ „временнымъ революціоннымъ правительствомъ“ ранѣе созыва Учредительнаго Собранія. Авторъ статьи совершенно справедливо видитъ лишь въ такомъ переворотѣ гарантію того, что „на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители на-

рода“. Прежняя иллюзія „Народной Воли“ разсѣялась, такимъ образомъ, окончательно. Но, къ сожалѣнію, она исчезла лишь затѣмъ, чтобы уступить мѣсто новой, еще болѣе вредной для дѣла самой „партіи Народной Воли“. Фантастическій элементъ программы не уничтожился, онъ принялъ только новый видъ и называется теперь тѣмъ самымъ „захватомъ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ“, который долженъ доставить партіи возможность совершить упомянутый экономическій переворотъ. Само собою понятно, что эта новая „постановка партіонныхъ задачъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ внушить ни русскимъ либераламъ, ни буржуазной Европѣ мысли о солидарности ихъ интересовъ съ интересами русскаго революціоннаго движенія. Какъ ни забито, какъ ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохраненія, и ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ добровольно на встрѣчу „красному призраку“; указывать ему на такую „постановку“ задачъ партіи — значитъ лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы. Но на столько ли велики эти силы, чтобы не рисковано было отталкивать отъ себя такого союзника? Могутъ ли наши революціонеры дѣйствительно захватить въ свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или всѣ толки объ этомъ представляютъ собою ничто иное, какъ выкраиваніе шкуры звѣря, не только еще не убитаго, но по обстоятельствамъ дѣла, и не подлежащаго убіенію? Вотъ вопросъ, который становится въ послѣднее время злобою дня революціонной Россіи...

Спѣшимъ оговориться. Предыдущія страницы должны были уже убѣдить читателя, что мы не принадлежимъ къ числу принципиальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою послѣдній и при томъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую, на извѣстной ступени обществен-

наго развитія, долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достигшіи политическаго господства революціонный классъ только тогда и сохранитъ за собою это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. *Den Teufel halte, wer ihn hält!* говоритъ Фаустъ.

Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далеко отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности можно сказать о диктатурѣ рабочаго класса, задачей котораго является, въ настоящее время, не только разрушеніе политическаго господства непродуцирующихъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функцій соціально-экономической жизни. Одно *пониманіе* этой задачи предполагаетъ развитой рабочій классъ, обладающій политическимъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предразсудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. *Рѣшеніе* же ея предполагаетъ, кромѣ всего сказаннаго, еще и распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. Но *такой* пролетаріатъ *и не позволитъ* захватить власть даже самымъ искреннимъ благожелателямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходилъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на арену исторической, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы излишней, такъ какъ онъ и самъ могъ бы тогда рѣшить задачу соціалистической революціи; не позволитъ, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей въ дѣлѣ организаціи производства не замѣнитъ

никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотверженіе заговорщиковъ. Одна мысль о томъ, что социальный вопросъ можетъ быть на практикѣ рѣшенъ кѣмъ либо, помимо самихъ рабочихъ, указываетъ на полное непониманіе этого вопроса, безъ всякаго отношенія къ тому, держится ли ее „желѣзный канцлеръ“ или революціонная организація. Понявшій условія своего освобожденія и созрѣвшій для него пролетаріатъ возьметъ государственную власть въ свои собственные руки съ тѣмъ, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началахъ — не ан-архїи, конечно, которая принесла бы ему новыя бѣдствія, — но пан-архїи, которая дала бы возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ всѣмъ взрослымъ членамъ общества. До тѣхъ же поръ, пока рабочий классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи социальныхъ экспериментовъ и вивисекцій, исходъ которыхъ всегда болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ социалистической революціи. Примѣняя эту точку зрѣнія къ русской дѣйствительности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность социалистическаго правительства въ Россіи.

„Народная Воля“ считаетъ современное соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ“ особенно „выгоднымъ“ для социалистовъ. Мы согласны, что оно болѣе выгодно для нихъ въ Россіи, чѣмъ въ Индіи. Персіи или Египтѣ, но его, конечно, невозможно и сравнивать къ западно-европейскими общественными отношеніями. И если „Народная Воля“ пришла къ своему убѣжденію, противопоставляя наши порядки не египетскимъ или персидскимъ, а французскимъ или англійскимъ, то она впала

въ очень крупную ошибку. Современное „соотношеніе общественныхъ факторовъ „на русской почвѣ“ обуславливаетъ собою невѣжество и индифферентизмъ народной массы; когда же такія свойства были выгодны для дѣла ея освобожденія? „Народная Воля“ полагаетъ, повидимому, что индифферентизмъ этотъ начинаетъ исчезать, такъ какъ въ народѣ все болѣе и болѣе „пробуждается ненависть къ привилегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній“. Но что же выходитъ изъ этого стремленія? „Ненависть къ привилегированнымъ сословіямъ“ еще ровно ничего не доказываетъ: она не сопровождается часто ни однимъ лучемъ политическаго сознанія. Притомъ же въ настоящее время намъ нужно строго различать *сословное* сознаніе отъ сознанія *классоваго*, такъ какъ старыя сословныя подраздѣленія не соотвѣтствуютъ болѣе экономическимъ отношеніямъ Россіи и готовятся уступить свое мѣсто формальному равенству гражданъ въ „правовомъ государствѣ“. Если „Народная Воля“ взглянетъ на современное міросозерцаніе нашего крестьянства съ точки зрѣнія развитія въ немъ *классоваго* и *политическаго* сознанія, то она едва ли будетъ настаивать на выгоды соотношенія нашихъ общественныхъ факторовъ для дѣла социальнаго переворота. Вѣдь не можетъ же она считать „выгодными“ для этого дѣла хотя бы тѣ толки, которые идутъ въ средѣ крестьянства по поводу ея собственной борьбы съ правительствомъ. Какъ ни сильно сказывается въ этихъ толкахъ „ненависть къ правящимъ классамъ“, но въ виду того, что самое революціонное движеніе приписывается крестьянами крѣпостническимъ проискамъ дворянъ и чиновниковъ, „временное революціонное правительство“ будетъ находиться въ большой опасности, когда народъ начнетъ „отвоевывать экономическое равенство у своихъ вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ“. Тогда нынѣшнее соотношеніе интересующихъ насъ факторовъ обна-

ружить, пожалуй, свойства, весьма *невыгодныя* для временно восторжествовавшихъ заговорщиковъ. Да и что значить „отвоевать экономическое равенство“?

Достаточно ли для этого экспроприировать крупныхъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать, извѣстнымъ образомъ, и самое производство? А если да, то благоприятны ли ей современныя экономическія отношенія Россіи, иначе говоря, много ли шансовъ на ея успѣхъ общаетъ намъ „экономическій факторъ“? Мы думаемъ, что нѣтъ, и думаемъ такъ по слѣдующей причинѣ. Всякая организація предполагаетъ извѣстныя, опредѣляемая ея цѣлью и характеромъ, свойства организуемаго. Соціалистическая организація производства предполагаетъ такой характеръ экономическихъ отношеній, который дѣлалъ бы эту организацію логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго развитія страны, и, слѣдовательно, отличался бы весьма значительной опредѣленностью. Другими словами, соціалистическая, какъ и всякая другая, организація требуетъ соответствующей ей основы. Этой то основы и нѣтъ въ современной Россіи. Старые устои народной жизни слишкомъ узки, разнородны и односторонни и, кромѣ того, слишкомъ уже расшатаны, а — новые только еще вырабатываются. Объективныя общественныя условія производства не созрѣли еще для соціалистической организаціи, а потому и въ самыхъ производителяхъ нѣтъ еще ни стремленія, ни способности къ такой организаціи: наше крестьянство не можетъ еще ни понять, ни рѣшить этой задачи. Поэтому „временному правительству“ придется не „санкціонировать“, а *совершить* „экономическій переворотъ“, если его не снесетъ волной народнаго движенія, если только оно встрѣтитъ достаточно повиновенія со стороны производителей.

Но декретами не создашь условій, чуждыхъ самому характеру современныхъ экономическихъ

отношеній. „Временному правительству“ придется мириться съ тѣмъ, что есть, брать то, что дастъ ему современная русская дѣйствительность въ качествѣ основы его реформаторской дѣятельности. И на этой то узкой и шаткой основѣ зданіе социалистической организаціи будетъ строиться руками правительства, въ которое войдутъ: во-первыхъ, городскіе рабочіе, пока еще мало подготовленные къ такой трудной дѣятельности, во-вторыхъ, представители нашей революціонной молодежи, всегда остававшейся чуждой практической жизни, и, въ третьихъ, „офицерство“, въ экономическихъ познаніяхъ которыхъ весьма позволительно усомниться. Мы не хотимъ дѣлать весьма вѣроятнаго предположенія относительно того, что, рядомъ со всѣми этими элементами, во временное правительство проникнутъ и либералы, которые будутъ не сочувствовать, а мѣшать социально-революціонной „постановкѣ партійныхъ задачъ“. Мы предлагаемъ читателю взвѣсить лишь вышеперечисленные обстоятельства и затѣмъ спросить себя: много ли вѣроятности успѣха имѣетъ „экономическій переворотъ“, начавшійся при этихъ обстоятельствахъ? Точно ли выгодно для дѣла социалистической революціи существующее нынѣ „соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ“? И не принадлежитъ ли увѣренность въ выгоду этого соотношенія къ числу фикцій, заимствованныхъ изъ анархически - бунтарскаго міросозерцанія и доведенныхъ въ программѣ новой, *политической* партіи до совершенно уже невозможной крайности? А вѣдь этой фикціей опредѣляются ближайшія „непосредственныя задачи“ партіи, на ней основывается стремленіе къ немедленному „захвату власти“, стремленіе, пугающее наше общество и придающее односторонній характеръ всей дѣятельности нашихъ революціонеровъ! Намъ возразятъ, быть можетъ, что „Народная Воля“, и не думаетъ приступать къ социалистической организаціи общества тотчасъ же, послѣ захвата ею власти, что проектируемый ею „экономи-

ческий переворотъ“ имѣть цѣлью лишь воспита-
ніе народа для будущей соціалистической револю-
ціи. Посмотримъ, возможно ли такое предположе-
ніе, и если — да, то какіе слѣдуютъ изъ него
выводы?

Передовая статья № 8—9 „Народной Воли“ го-
воритъ объ экономическомъ равенствѣ, которое
будетъ „отвоевано“ самимъ народомъ, а въ случаѣ
недостатка въ немъ инициативы, создано времен-
нымъ правительствомъ. Мы говорили уже, что это
такъ называемое экономическое равенство возмож-
но лишь при соціалистической организациі про-
изводства. Но допустимъ, что „Народная Воля“
считаетъ его возможнымъ и при другихъ услови-
яхъ, что экономическое равенство будетъ, по ея
мнѣнію, достаточно обезпечено переходомъ зем-
ли и орудій производства въ собственность трудя-
щихся. Такое мнѣніе было бы ничѣмъ другимъ,
какъ возвратомъ къ старымъ народническимъ иде-
аламъ „Земли и Воли“, и, съ экономической точ-
ки зрѣнія, обнаруживало бы тѣ же самыя слабыя
стороны, которыя свойственны были этимъ идеа-
ламъ. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ общинъ
другъ къ другу, превращеніе продуктовъ труда
общинниковъ въ товары и связанное съ нимъ
капиталистическое накопленіе грозили бы сдѣлать
это „равенство“ весьма неустойчивымъ. При само-
стоятельности міра, „какъ экономической и адми-
нистративной единицы“, при „широкомъ област-
номъ самоуправленіи, обезпеченномъ выборностью
всѣхъ должностей“ и принадлежности земли наро-
ду“, — которыхъ требуетъ программа Исполни-
тельнаго Комитета, центральное правительство не
могло бы принять никакихъ мѣръ для упроченія
этого равенства; если даже и предположить, что
оно придумало бы такія мѣры, которыя упразд-
няли бы не только писанные законы Россійской
имперіи, но и законы самаго товарнаго производ-
ства. Да оно и не захотѣло бы принимать такихъ
мѣръ, такъ какъ оно состояло бы изъ представите-
лей того „освобожденнаго экономически и полити

чески народа“, идеалы котораго въ лучшемъ случаѣ выражались бы словами „Земли и Воли“, и не оставляли бы мѣста для какой либо организаціи національнаго производства (мы не говоримъ уже объ *интернаціональномъ*).

Предположимъ, что въ виду этой опасности „временное правительство „Народной Воли“ не передастъ захваченной имъ власти народнымъ представителямъ и превратится въ — постоянное. Тогда ему будетъ предстоять такая альтернатива: или оно должно будетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ медленнаго разложенія созданнаго имъ „экономическаго равенства“, или оно вынуждено будетъ *организовать* національное производство. Рѣшить эту трудную задачу оно должно будетъ или въ духѣ современнаго соціализма, чему помѣшаютъ, какъ его собственная непрактичность, такъ и современная степень развитія національнаго труда и привычки самихъ трудящихся; или же оно должно будетъ искать спасенія въ идеалахъ „патріархальнаго и авторитарнаго коммунизма“, внося въ эти идеалы лишь то видоизмѣненіе, что вмѣсто перувіанскихъ „сыновъ солнца“ и ихъ чиновниковъ національнымъ производствомъ будетъ завѣдывать соціалистическая каста. Но русскій народъ и теперь уже слишкомъ развитъ, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исходъ такихъ опытовъ надъ нимъ. Несомнѣнно, кромѣ того, что при такой опецѣ народъ не только не воспитался бы для соціализма, но или окончательно утратилъ бы всякую способность къ дальнѣйшему прогрессу, или сохранилъ бы эту способность, лишь благодаря возникновенію того самаго экономическаго *неравенства*, устраненіе котораго было бы непосредственной цѣлью революціоннаго правительства. Мы не говоримъ уже о вліяніи между-народныхъ отношеній и о невозможности перувіанскаго коммунизма даже на востокѣ Европы XIX или XX столѣтія.

Впрочемъ, зачѣмъ такъ много говорить о *результатахъ* захвата власти нашими революціонерами.

Вѣроятенъ ли, возможенъ - ли самый захватъ? По нашему мнѣнію очень, очень мало вѣроятенъ; такъ мало вѣроятенъ, что его можно считать совсѣмъ невозможнымъ. Нашъ „мыслящій пролетаріатъ“ сдѣлалъ уже очень много для освобожденія своей родины. Онъ расшаталъ абсолютизмъ, пробудилъ политическій интересъ въ обществѣ, занесъ сѣмя социалистической пропаганды въ среду нашего рабочаго класса. Онъ составляетъ переходъ отъ высшихъ классовъ общества къ низшему, обладаетъ образованіемъ первыхъ и демократическими инстинктами втораго. Это положеніе облегчало ему разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но тоже самое положеніе даетъ ему очень мало надежды на успѣхъ заговора съ цѣлью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантовъ, энергіи и образованія; нужны связи, богатство и вліятельное общественное положеніе заговорщиковъ. Именно этого - то и не достаетъ нашей революціонной интеллигенціи. Пополнить этотъ недостатокъ она можетъ, лишь вступая въ союзъ съ другими недовольными элементами русскаго общества. Допустимъ, что ея планы встрѣтятъ сочувствіе со стороны этихъ элементовъ, допустимъ, что къ заговору примкнутъ богатые землевладѣльцы, капиталисты, чиновники, штабъ-и оберъ - офицеры. Успѣхъ заговора станетъ тогда вѣроятнѣе, хотя вѣроятность эта будетъ еще очень невелика: припомнимъ только исходъ большей части извѣстныхъ въ исторіи заговоровъ. Но главная опасность будетъ грозить *социалистическому* заговору не со стороны существующаго правительства, а со стороны его собственныхъ участниковъ. Вошедшіе въ него вліятельныя и высокопоставленныя лица могутъ быть искренними социалистами лишь въ видѣ „счастливой случайности“. Относительно же большей части этихъ лицъ не можетъ быть никакихъ гарантій въ томъ, что они не пожелаютъ воспользоваться захваченною ими властью для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами рабочаго класса. А

разъ заговорщики отклонятся отъ социалистической цѣли заговора, его можно считать не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ для социальнаго развитія страны; вѣдь нельзя же изъ ненависти къ абсолютизму сочувствовать успѣхамъ „новѣйшихъ Саяновъ“ — какъ выражается Стѣпнякъ въ своей извѣстной книгѣ, которые захотѣли бы воспользоваться заговоромъ въ своихъ собственныхъ интресахъ. Такимъ образомъ, результаты заговора социалистической интеллигенціи съ цѣлью захвата власти въ ближайшемъ будущемъ станутъ тѣмъ болѣе сомнительными, чѣмъ болѣе сочувствія встрѣтитъ онъ во вліятельныхъ сферахъ, т. е, чѣмъ вѣроятнѣе будетъ его внѣшній успѣхъ; и наоборотъ, результаты такого заговора, поскольку рѣчь идетъ о намѣреніяхъ его участниковъ — будутъ тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе его сфера ограничится нашей социалистической „интеллигенціей“, т. е, чѣмъ невѣроятнѣе будетъ его счастливый исходъ. Все заставляетъ думать, что въ настоящее время русскому социалистическому заговору грозила бы неудача скорѣе второго, чѣмъ перваго рода.

Въ виду всего сказаннаго мы думаемъ, что единственною нефантастическою цѣлью русскихъ социалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей социалистической партіи* Россіи — съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая, вмѣстѣ съ „правами человѣка“, обезпечила бы рабочимъ „права гражданина“ и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока „краснымъ призракомъ“, такая политическая программа вызвала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ социалистами подъ ней могли бы подписаться очень

многіе представители нашего либерализма.¹⁾ И между тѣмъ, какъ захватъ власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи и лицъ, посвященныхъ въ ея планы, агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію. Тогда интересы либераловъ дѣйствительно „заставили“ бы ихъ „вмѣстѣ съ социалистами дѣйствовать противъ правительства“, потому что либералы перестали бы встрѣчать въ революціонныхъ изданіяхъ увѣренія въ томъ, что ниспроверженіе абсолютизма будетъ сигналомъ социальной революціи въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая, менѣе пугливая, и болѣе трезвая часть либеральнаго общества перестала бы видѣть въ революціонерахъ непрактичныхъ юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этотъ невыгодный для революціонеровъ взглядъ уступилъ бы мѣсто уваженію общества не только къ ихъ героизму, но и къ ихъ политической зрѣлости. Постепенно это сочувствіе перешло бы въ активную поддержку или, что вѣроятнѣе, въ самостоятельное общественное движеніе, и тогда пробилъ бы, наконецъ, часъ паденія абсолютизма. Соціалистическая партія играла бы въ этомъ освободительномъ движеніи весьма почетную и выгодную роль. Ея славное прошлое, ея самоотверженіе и энергія придали бы вѣсь ея требованіямъ, и она имѣла бы, по крайней мѣрѣ, шансы завоевать, такимъ образомъ *народу* возможность политическаго развитія

¹⁾ Примѣчаніе ко 2 му изданію. Сочувствіе „общества“ для насъ очень важно. И мы можемъ, — точнѣе: у насъ было *много шансовъ*, — приобрести его, ни на іоту не измѣняя своей программѣ. Но разумѣется, для перехода этой *возможности въ дѣйствительность* необходимъ *тактъ*, которымъ мы не всегда обладаемъ. Вотъ, напримѣръ, мы иногда пускаемся ругать „капиталъ“ какъ разъ *по тому поводу*, — хотя, конечно, и не *за то*, — что онъ „бунгуетъ“. Марксъ, никогда не сдѣлалъ бы такой грубой тактической ошибки. Онъ нашелъ бы, что она достойна Карла Грюна и другихъ „истинныхъ социалистовъ“.

и воспитанія, а *себѣ* право открытаго обращенія къ нему съ своею проповѣдью и открытой организаціи его въ особую партію.

Но этого мало. Вѣрнѣе, это недостижимо безъ одновременной дѣятельности другого рода и въ другой сферѣ. Безъ силы нѣтъ и права. Всякая конституція, — по прекрасному выраженію Лас-саля — соотвѣтствуетъ или стремится придти въ соотвѣтствіе съ *„реальными, фактическими отношеніями силы, существующими въ странѣ“*. Поэтому, наша соціалистическая интеллигенція должна позаботиться о томъ, чтобы еще въ до-конституціонный періодъ измѣнить эти фактическія отношенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса. Въ противномъ случаѣ, паденіе абсолютизма далеко не оправдаетъ надеждъ, возлагаемыхъ на него русскими соціалистами или даже демократами. Требованія народа и въ конституціонной Россіи могутъ быть оставлены совсѣмъ безъ вниманія или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиленія его податной способности, нынѣ почти совершенно истощенной хищническимъ характеромъ государственнаго хозяйства. Сама соціалистическая партія, завоевавши либеральной буржуазіи свободу слова и дѣйствія, можетъ очутиться въ „исключительномъ“ положеніи, подобномъ положенію современной нѣмецкой соціалъдемократіи. Въ политикѣ на благодарность вчерашнихъ союзниковъ и нынѣшнихъ враговъ можетъ разсчитывать лишь тотъ, кому невозможно разсчитывать на что-либо болѣе серьезное.

Къ счастью, русскіе соціалисты могутъ строить свои надежды на болѣе прочномъ основаніи. Они могутъ и должны надѣяться прежде всего на рабочій классъ. Сила рабочаго, какъ и всякаго другого класса, зависитъ, между прочимъ, отъ ясности его политическаго сознанія, отъ его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежатъ воздѣйствію нашей соціалистической интеллигенціи. Она должна стать ру-

ководительницей рабочего класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи, выяснить ему его политическіе и экономическіе интересы, равно, какъ и взаимную связь этихъ интересовъ, должна подготовить его къ самостоятельной роли въ общественной жизни Россіи. Она должна всѣми силами стремиться къ тому, что-бы, въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи, нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самимъ рабочимъ, но интеллигенція должна выяснить имъ главнѣйшіе ея пункты, какъ напримѣръ, радикальный пересмотръ современныхъ аграрныхъ отношеній, податной системы и фабричнаго законодательства, государственная помощь производителямъ ассоціаціямъ и т. п. Все это можетъ быть достигнуто лишь путемъ усиленной работы въ средѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе передовыхъ слоевъ нашего рабочего класса, путемъ устной и печатной пропаганды и организаціи рабочихъ соціалистическихъ кружковъ. Эти задачи всегда занимали, правда, болѣе или менѣе видное мѣсто въ программахъ нашихъ соціалистовъ, а „календарь Народной Воли“ можетъ убѣдить насъ въ томъ, что онѣ не были забыты даже въ пылу самой ожесточенной борьбы съ правительствомъ (смотри „Подготовительную работу партіи“, рубрику — В, Городскіе рабочіе). Но мы предлагаемъ всякому, знакомому съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ, припомнить и сравнить, сколько силъ и средствъ поглотила разрушительная работа и сколько пошло ихъ на подготовленіе элементовъ для будущей *рабочей соціалистической партіи*. Не вина никого, мы думаемъ, однако, что распредѣленіе революціонныхъ силъ было слишкомъ односторонне. А между тѣмъ. мы напрасно стали бы объяснять это свойствомъ самихъ революціонныхъ силъ или той рабочей среды, на которую имъ нужно было воздѣйствовать, согласно ихъ собственной програм-

мѣ. Появленіе и успѣхъ такихъ изданій, какъ „Зерно“ и „Рабочая газета“, показываютъ, что наши революціонеры не утратили склонности къ пропагандѣ, а наши рабочіе не остались къ ней равнодушны. Названныя изданія не избѣжали, конечно, ошибокъ, иногда весьма существенныхъ, но не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Главная бѣда въ томъ, что въ изданіи этихъ листовъ не видно той энергіи, съ какой ведется литературная пропаганда въ „интеллигентныхъ“ слояхъ общества, что арестованная типографія не замѣняется новой, что за невозможностью вести дѣло изданія въ Россіи оно не переносится за границу и т. д. Изъ всѣхъ заграничныхъ журналовъ, а ихъ было у насъ не мало, только „Работникъ“ и имѣлъ въ виду читателей изъ народа, и въ этомъ величайшая заслуга его издателей. Но „Работникъ“ давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новыхъ попыткахъ въ этомъ родѣ, хотя бы и съ другою программой, болѣе подходящей къ измѣнившимся взглядамъ русскихъ социалистовъ. А что издано у насъ для рабочихъ въ Россіи, кромѣ „Зерна“ и „Рабочей газеты“? Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры? ¹⁾ И это въ то время, когда революціонное движеніе обратило на себя всеобщее вниманіе и народъ, съ жадностью ловя всѣ слухи и толки, въ недоумѣніи спрашивалъ себя: чего хотятъ эти люди? Можно ли послѣ этого удивляться тѣмъ нелѣпымъ отвѣтамъ на этотъ вопросъ, которыми онъ довольствуется

¹⁾ Примѣчаніе ко 2-му изданію. Отсюда видно, что идея популярнаго органа совсѣмъ не новость въ нашей литературѣ. Но это обстоятельство, разумѣется, не помѣшало ей казаться опаснымъ новшествомъ многимъ товарищамъ *не дайте какъ на-какунъ нашею второю съезда*, когда я являлся между „искровцами“ едва ли не единственнымъ ея сторонникомъ. Теперь эта идея получила уже практическое, — болѣе или менѣе удачное, — осуществленіе. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какіе изумительные доводы приводились протавъ этой идеи въ только что указанное, еще недалекое отъ насъ время, вы воскликнули бы, какъ Фаустъ: *Wie weh, wie weh, wie weh!*

иногда, за неимѣніемъ лучшихъ. Повторяемъ, мы не винимъ *никого*, но *всѣмъ* совѣтуемъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла, чтобы во время на-верстать упущенное. ¹⁾

Такимъ образомъ, борьба за политическую свободу съ одной стороны, и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной и наступательной роли — съ другой, такова по нашему мнѣнію „постановка партійныхъ задачъ“, единственно возможная въ настоящее время. Связывать въ одно два такихъ существенно-различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и социалистическая революція, вести революціонную борьбу съ расчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества — *значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*. Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые шли, по словамъ *Манифеста*, „рядомъ съ буржуазіей, по скольку она являлась революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи“ и, въ то же время, ни на минуту не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“. Поступая такимъ образомъ, коммунисты хотѣли, чтобы „нѣмецкая буржуазная революція послужила лишь непосредственнымъ прологомъ революціи рабочей“.

Современное положеніе буржуазныхъ обществъ и вліяніе международныхъ отношеній на социальное развитіе каждой цивилизованной страны даютъ право надѣяться, что социальное освобожденіе русскаго рабочаго класса послѣдуетъ очень скоро за паденіемъ абсолютизма. Если нѣмецкая буржуазія „*пришла слишкомъ поздно*“, то русская запоздала еще болѣе, и господство ея не можетъ

¹⁾ „Въ вѣтекшемъ году — читаемъ мы въ Прибавленіи къ Листку Н. В. № 1 (1883 г., стр. 61) — былъ цѣлый рядъ статей, которыя, *благодаря отсутствію организациі рабочихъ*, кончались большей частью неудачей“!

быть продолжительнымъ. Нужно только, чтобы русскіе революціонеры, въ свою очередь, не „слишкомъ поздно“ начали дѣло подготовки рабочаго класса, дѣло, теперь уже ставшее вполне современнымъ и насущнымъ.

Во избѣжаніи недоразумѣній оговоримся. Мы не держимся того взгляда — скорѣе, какъ мы видѣли, навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшего въ дѣйствительности — взгляда, по которому социалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что — въ общемъ — русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую „націонализацию земли“. При возможности сколько нибудь свободной агитаціи въ его средѣ ¹⁾ оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ социалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода мѣръ въ свою программу. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ социалистовъ и не игнорируемъ тѣхъ препятствій, того сопротивленія среды, съ которыми имъ неизбежно придется считаться въ своей дѣятельности. Поэтому, и *только по-этому*, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ, на первое время, сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ. Современное сельское населеніе, живущее при отсталыхъ социальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической *инаціативѣ*, но и менѣе ихъ *восприимчиво* къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціей. Ему труднѣе усвоить социалистическія ученія, потому что условія его жизни слишкомъ не похожи на условія, породившія эти ученія. Къ тому же крестьянство переживаетъ теперь тяжелый критическій періодъ. Прежніе

¹⁾ Примѣчаніе ко 2-му изданію. Т. е. при конституціи.

„старо-дѣдовскіе устои“ его хозяйства рушатся, „сама несчастная община дискредитируется въ его глазахъ“, по признанію даже такихъ „стародѣдовски“ - народническихъ органовъ, какъ „Недѣля“ (см. 39 № статью г. N. Z „Въ родныхъ мѣстахъ“); новыя же формы труда и жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ. Какъ вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образуетъ въ другихъ мѣстахъ новыя осадки и отложенія, такъ процессъ русскаго соціального развитія образуетъ новыя общественныя формаціи, разрушая вѣковыя формы отношенія крестьянъ къ землѣ и другъ къ другу. Эти новыя общественныя формаціи носятъ въ себѣ зародыши новаго общественнаго движенія, которое одно только и можетъ положить конецъ эксплуатаціи трудящагося населенія Россіи. Промышленные рабочіе, — обладающіе большимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, — примкнутъ къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ, и за тѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую социалистическую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду социализма въ средѣ крестьянства. Говоримъ о *систематической пропагандѣ* потому, что отдѣльные случаи пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ, конечно, не должны быть упускаемы и въ настоящее время. Едва - ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы измѣнить распредѣленіе своихъ силъ въ народѣ, если бы въ средѣ крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движеніе.

Такова „программа“, которая самую жизнь под-сказывается русской революціонной социалистической партіи. Сдѣлаетъ ли она выполнить эту программу? Захочетъ ли она покинуть фантастическіе планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорятъ чувству и воображенію? Пока еще трудно отвѣчать на это съ увѣренностью. „Объявленіе

объ изданіи Вѣстника Народной Воли“ говоритъ о политическихъ задачахъ революціонной партіи лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Редакція „Вѣстника“ называетъ эти цѣли „совершенно опредѣленными“ и не считаетъ, повидимому, нужнымъ снова опредѣлять ихъ въ своемъ объявленіи. Можно опасаться, поэтому, что она не сочтетъ также нужнымъ спросить себя, соотвѣтствуютъ ли „совершенно опредѣленные условія“ современной русской дѣйствительности „совершенно опредѣленнымъ цѣлямъ“ партіи Народной Воли? Въ такомъ случаѣ, новый органъ оставитъ неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революціонной литературы, потребность въ критическомъ пересмотрѣ устарѣвшихъ программъ и традиціонныхъ способовъ дѣйствія. Но мы надѣемся, что будущее разсѣетъ наши опасенія. Намъ хочется думать, что новый органъ трезво взглянетъ на тѣ задачи нашей революціонной партіи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ ея будущее. Общественная жизнь отнесется къ ея современнымъ иллюзіямъ съ тою же безпощадностью, съ какой отнеслась она къ иллюзіямъ нашихъ „бунтарей“ и пропагандистовъ. *Лучше теперь же послѣдовать ея указаніямъ, чѣмъ оплачивать, впоследствии, ея суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованіями.*

Современныя задачи русских рабочих¹⁾).

(Письмо къ Петербург кимъ рабочимъ кружкамъ).

Дорогіе товарищи! Я получилъ приглашеніе сотрудничать въ журналѣ „Рабочій“ и охотно принимаю это приглашеніе, чтобы побесѣдовать съ вами о задачахъ нашей нарождающейся социальдемократіи.

Я потому обращаюсь съ письмомъ именно къ вамъ, — къ кружкамъ рабочихъ, — что у насъ въ Россіи, какъ вездѣ и всюду, социальдемократическая партія должна быть партіей по преимуществу рабочей. Это не значитъ, что социалдемократическая партія должна отталкивать отъ себя людей изъ другихъ классовъ общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей цѣлый рядъ неудобствъ и даже поставила бы ее въ почти безвыходное положеніе.

Называя ее партіей рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революціонная интеллигенція должна идти *съ рабочими*, а наше крестьянство должно идти *за ними*. При такой постановкѣ вопроса, наша социальдемократическая партія можетъ сохранить свой рабочій характеръ, вовсе не впадая во вредную исключительность.

Послѣ этой оговорки я прямо перехожу къ вопросу о томъ, каковы современныя задачи русскихъ рабочихъ.

¹⁾ Напечатано впервые въ № 2 нелегальнаго журнала „Рабочій“, нѣсколько № № котораго вышло въ 1885 году въ Петербургѣ.

Въ чемъ заключаются эти задачи, задачи тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые уже существуютъ въ Россіи и которые должны, постепенно умножаясь и расширяясь, составить грозную силу русской социальдемократіи?

Одно изъ двухъ: или эти задачи фантастичны, *придуманы* кѣмъ нибудь изъ васъ или вашихъ друзей, или онѣ представляютъ собой прямой выводъ изъ вашего современнаго положенія. Въ первомъ случаѣ всѣ разсужденія о нихъ были бы безплодными и праздными, потому что на мѣсто одной выдумки всегда можно поставить другую, столь же интересную и привлекательную. Споры были бы безконечны, и русская социальдемократія превратилась бы въ общество фантазеровъ и болтуновъ, людей слова, а не дѣла. Но если ваши задачи вытекаютъ изъ всего вашего положенія, то онѣ опредѣляются сами собою; изъ того *что есть*, не трудно судить о томъ, *что можетъ и должно быть*.

Едва ли нужно спрашивать о томъ, какой путь опредѣленія задачъ рабочаго класса лучше, серьезнѣе и основательнѣе. Дѣло говорить само за себя, и хотя мы съ вами можемъ ошибаться, какъ и всѣ другіе люди, но мы не можемъ и не должны отказываться отъ попытки построить задачи русской социальдемократіи на твердомъ фундаментѣ дѣйствительности.

Что же представляетъ собою эта дѣйствительность? Каково ваше современное положеніе?

Во-первыхъ, — вы — рабочіе; а во-вторыхъ, вы — граждане или, — такъ какъ гражданъ у насъ пока нѣтъ, — вы обыватели русскаго государства.

Въ качествѣ рабочихъ вы продаете свою рабочую силу хозяину и обязаны трудиться на него съ утра до вечера. Своимъ упорнымъ, тяжелымъ, изнурительнымъ трудомъ вы другимъ создаете огромныя богатства, а сами имѣете лишь ту скудную *заработную плату*, которая не всегда достаточна даже для того, чтобы позволить вамъ воз-

становить свои силы и предохранить своихъ дѣтей отъ преждевременнаго изнуренія.

Но и эта скудная плата не цѣликомъ попадаетъ въ ваши карманы. Получивши ее отъ хозяина, вы должны еще платить изъ нея налоги и подати, которые поступаютъ въ государственную казну. Въ этомъ случаѣ вы являетесь въ качествѣ „обывателей“, обязанныхъ платить, не разсуждая о томъ, куда идутъ собранныя съ нихъ деньги.

Въ качествѣ рабочихъ вы вступаете въ договоръ съ вашимъ хозяиномъ. Вы обѣщаетесь работать, онъ обѣщается платить вамъ извѣстную сумму денегъ поденно или поштучно. Но вотъ вашъ хозяинъ находитъ, что платить вамъ условленную сумму ему невыгодно. Онъ вывѣшиваетъ объявленіе, въ которомъ доводитъ до вашего свѣдѣнія, что съ такого то числа ваша поденная или поштучная плата будетъ понижена на столько то. Вы не соглашаетесь на такое пониженіе и объявляете ему, что не станете работать. Приходитъ назначенный день, фабрика или заводъ пустѣетъ. Тогда хозяинъ идетъ въ полицію и говоритъ, что вы „бунтуете“. На мѣсто дѣйствія спѣшатъ городовые, жандармы, казаки, многихъ изъ васъ хватаютъ, сажаютъ въ тюрьмы или высылаютъ, а остальныхъ насильно заставляютъ идти на работу. Въ этомъ случаѣ вы опять таки являетесь въ качествѣ „обывателей“, отданныхъ въ жертву полицейскаго произвола и насилія.

Въ качествѣ рабочихъ вы испытываете теперь многочисленныя бѣдствія. Если вы задумаетесь о томъ, какъ избавиться отъ этихъ бѣдствій, если вы станете собираться и обсуждать ваше положеніе, если вы начнете читать книги, которыя зовутъ васъ на борьбу съ вашими притѣснителями — васъ опять объявятъ бунтовщиками, васъ будутъ обыскивать, арестовывать и жестоко наказывать по суду или даже безъ всякаго суда, „административнымъ порядкомъ“. И въ этомъ случаѣ васъ преслѣдуютъ не какъ рабочихъ такой то фаб-

рики или такого то завода, а просто, какъ безправныхъ „обывателей“, которымъ запрещено думать, какъ они хотятъ и говорить, какъ они думаютъ.

Во всемъ, мною сказанномъ, нѣтъ, какъ вы знаете по собственному опыту, ни малѣйшаго преувеличенія. Напротивъ, изображая ваше положеніе лишь въ общихъ чертахъ, я не могъ коснуться многихъ такихъ подробностей, передъ которыми поблѣднѣло бы все выше сказанное.

Но для моей цѣли довольно и сказаннаго. Уже изъ него видно, что ваши задачи также должны имѣть двѣ стороны, какъ имѣетъ ихъ ваше современное положеніе.

Вы должны бороться: во-первыхъ, ради своего освобожденія отъ гнета хозяевъ отъ *экономической эксплуатаціи*, а во-вторыхъ, — ради приобрѣтенія тѣхъ правъ, которыя положатъ конецъ полицейскому произволу и сдѣлаютъ изъ васъ, — пока еще безправныхъ обывателей, — *свободныхъ гражданъ свободной страны*. Другими словами, вы должны бороться *во имя политической свободы*.

И не думайте, что эти двѣ задачи могутъ быть отдѣлены одна отъ другой, что онѣ могутъ быть рѣшены порознь и независимо другъ отъ друга.

Каждый изъ васъ одновременно является и эксплуатируемымъ рабочимъ и безправнымъ обывателемъ. Поэтому и всѣ вы въ совокупности, — весь русскій рабочій классъ, — должны одновременно преслѣдовать, какъ политическую, такъ и экономическую пѣль. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть, какъ тѣхъ, которые являются его господами на фабрикахъ, такъ и тѣхъ, которые полновластно распоряжаются теперь въ русскомъ государствѣ.

Одно немыслимо безъ другого. Безъ экономической независимости вы никогда не будете въ состояніи воспользоваться во всей полнотѣ вашими политическими правами; безъ политическихъ правъ вы никогда не добьетесь экономической не-

зависимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотѣло бы и могло бы, — не давая вамъ политическихъ правъ, — обезпечить ваше матеріальное положеніе, то вы все таки были бы не болѣе, какъ *сытыми рабами, хорошо откормленнымъ рабочимъ скотомъ*. Ваше умственное развитіе, ваше нравственное достоинство пострадали бы отъ этого даже болѣе, чѣмъ теперь, когда правительственный гнетъ толкаетъ васъ на борьбу и наполняетъ негодованіемъ ваше сердце.

Ваши западно-европейскіе братья давно уже поняли тѣсную взаимную связь, названныхъ задачъ. Они видятъ въ своихъ политическихъ правахъ могучее средство борьбы за экономическое освобожденіе и не промѣняють этихъ правъ ни на какія подачи существующихъ правительствъ.

Мало того. Когда въ 1878 г. петербургскіе рабочіе-соціалисты организовались въ „Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ“, они также выразили въ своей программѣ убѣжденіе въ томъ, что экономическое освобожденіе трудящихся неразрывно связано съ ихъ политическимъ освобожденіемъ, они думали такъ, *не смотря на то*, что соціалисты изъ такъ называемой интеллигенціи говорили имъ, что рабочимъ вовсе не слѣдуетъ интересоваться политическими вопросами, — до такой степени эта мысль естественно вытекаетъ изъ всего положенія рабочаго класса, до такой степени основывается она на *самой безспорной дѣйствительности*.

Если вы признаете, — какъ я въ этомъ увѣренъ, — справедливость этой мысли, то мы, сговорившись въ главномъ, безъ труда сговоримся и въ подробностяхъ.

Мы знаемъ теперь, что предъ русскимъ рабочимъ классомъ стоятъ двѣ задачи: одна — экономическая, другая — политическая. Только разрѣшивши обѣ эти задачи, онъ достигнетъ своего *соціального* (общественнаго) освобожденія, т. е. создастъ новый общественный строй, удовлетворяю-

щій всѣ его потребности и непротиворѣчащій никакимъ его интересамъ.

Чѣмъ же могутъ быть разрѣшены эти задачи?

Онѣ могутъ быть разрѣшены только силой.

Современное правительство не дастъ вамъ добровольно политическихъ правъ; землевладѣльцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словомъ тѣ, въ рукахъ которыхъ скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно отъ этихъ богатствъ и не передадутъ ихъ добровольно въ ваше распоряженіе. Между тѣмъ вамъ необходимо, какъ то, такъ и другое. Вамъ остается поэтому припомнить, что *народное благо есть высшій законъ*, и во имя этого блага *силой* заставить вашихъ враговъ сдѣлать то, къ чему вы не склоните ихъ никакими просьбами, никакими увѣщаніями.

И такъ, только силой можете вы добиться своего освобожденія. Значитъ вамъ нужна сила, нужно очень много силы. Въ чемъ же она заключается?

Сила рабочаго класса зависитъ отъ трехъ условій: 1) отъ его сознательности, т. е. отъ яснаго пониманія того, къ чему онъ стремится; 2) отъ его сплоченности и въ 3) отъ его тактики, т. е. отъ умѣнія во время нападать на своихъ враговъ и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной побѣдой, для облегченія своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я не говорю о смѣлости, о той безповоротной рѣшимости во чтобы то ни стало добиться своихъ цѣлей, безъ которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условіе подразумѣвается само собою и можетъ быть выражено русской пословицей; „волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить“.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ условій.

Въ настоящее время огромное большинство крестьянъ и рабочихъ недовольны своимъ положеніемъ. Мѣстами недовольство это выходитъ наружу, ведетъ къ такъ называемымъ „бунтамъ“ и „безпорядкамъ“ въ средѣ крестьянъ и рабочихъ. „Безпорядки“ эти бесспорно вызываются тѣми коренными недостатками современнаго обще-

ственного устройства, устраненія которыхъ требуютъ социальдемократы. Но сами замѣшанные въ „беспорядкахъ“ рабочіе и крестьяне не видятъ этихъ недостатковъ. Ихъ недовольство обрушивается по большей части на какой нибудь отдѣльный частный случай, на одно какое нибудь „злоупотребленіе“ тѣми порядками, которые уже сами по себѣ, безъ всякихъ частныхъ злоупотребленій, представляютъ вопіющее зло. Правда, страдающіе отъ малоземелья крестьяне приходятъ къ той мысли, что земля должна быть отобрана отъ тѣхъ, кто не обрабатываетъ ее собственнымъ трудомъ. Но дальше этого отобранія земли они ничего не видятъ и не знаютъ, а вѣдь имъ нужно распоряжаться землею, такъ чтобы она опять не перешла въ руки кулаковъ и эксплуататоровъ. Да и этого отобранія земли, этого „чернаго передѣла“ крестьяне ждутъ отъ царя, который, разумѣется, никогда его не сдѣлаетъ. Слѣдовательно наши крестьяне, хотя и думаютъ, что долженъ произойти важный переворотъ во всѣхъ поземельныхъ отношеніяхъ, но не знаютъ ни — *какъ* надо сдѣлать этотъ переворотъ, ни — *кто* его сдѣлаетъ. А это почти равносильно тому, что они ничего не знаютъ. Тоже и съ рабочими. Во время стачки 1878 г. на Новой бумагопрядильнѣ (на Обводномъ каналѣ) рабочіе поговаривали между собою о томъ, что казна должна была бы отобрать фабрику и ужъ отъ себя вести все дѣло. Въ этой мысли есть нѣкоторый зачатокъ истины. Фабрики, дѣйствительно, должны быть отобраны у частныхъ владѣльцевъ и перейти въ собственность всего государства, которое ужъ и будетъ ими управлять и завѣдывать. Но рабочіе не знали ни того, какъ должно поступать государство съ тѣми продуктами, которые будутъ производиться на отобранныхъ фабрикахъ, ни того, какое государство можетъ все это сдѣлать. Имъ казалось, что — нынѣшнее государство, съ царемъ во главѣ и со всѣмъ его чиновничествомъ можетъ это сдѣлать. Они хотѣли только быть „казенными“

рабочими, вмѣсто того, чтобы служить собственникамъ бумагопрядильни. Но отъ такой перемѣны они ровно бы ничего не выиграли. Здѣсь опять недостатокъ сознательности помѣшалъ имъ выставить настоящія, дѣйствительно важныя требованія. И такъ во всемъ.

Вотъ этотъ то недостатокъ сознательности вы и должны устранять всѣми возможными для васъ путями. Болѣе развитые рабочіе должны помнить, что на нихъ лежитъ огромный долгъ по отношенію къ ихъ болѣе темнымъ братьямъ. Соціалистическая пропаганда, т. е. распространеніе соціалистическихъ мыслей и, — какъ средство для этого, — распространеніе соціалистическихъ книгъ, брошюръ и воззваній (теперь у васъ есть уже газета), такая пропаганда составляетъ прямую ихъ обязанность. А такъ какъ въ одиночку заниматься такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданіемъ какъ можно большаго числа соціалистическихъ кружковъ въ своей средѣ. Такіе кружки удесетеряютъ силы каждаго изъ васъ въ отдѣльности.

Эти же кружки сослужатъ вамъ и другую службу. Они дадутъ вамъ возможность образовать въ своей средѣ стройную, сплоченную организацію. Когда вы будете имѣть такую организацію въ Петербургѣ и Москвѣ, когда столичныя организаціи войдутъ въ постоянныя сношенія съ кружками въ провинціяхъ, когда будутъ многочисленны эти провинціальныя кружки — тогда вы станете такой прочной революціонной силой, какой у насъ еще никогда не бывало. Тогда у насъ будетъ много частныхъ успѣховъ и не далеку будетъ общій успѣхъ, первая въ высшей степени важная побѣда надъ вашими врагами.

Какой же именно успѣхъ, какая именно побѣда?

Я сказалъ уже вамъ, что ваша сила будетъ зависѣть, между прочимъ, и отъ вашей тактики, т. е. 1) отъ вашего умѣнья изъ каждаго вашего успѣха извлекать всю ту пользу, которую можно извлечь изъ него.

Остановимся прежде всего на умѣньи пользоваться своими успѣхами.

Вы задаетесь цѣлью организовать социалистическіе кружки въ своей средѣ. Вы будете имѣть право сказать, что имѣете успѣхъ, если кружки эти будутъ многочисленны, связаны между собою и приобрѣтутъ вліяніе на остальную массу рабочихъ, не входящихъ въ организацію. Спрашивается, какъ воспользуетесь вы этимъ успѣхомъ? Вы будете развивать въ рабочей массѣ сознательное отношеніе къ ея современному положенію и къ ея задачамъ въ будущемъ. Вы будете распространять социалистическія мысли, т. е. вести *пропаганду*, вы будете возбуждать недовольство противъ нынѣшнихъ порядковъ, т. е. вести *агитацію*¹⁾. Это очень хорошо, необходимо и полезно, но это еще не все, что вы можете извлечь изъ вашего успѣха. Если ваши кружки будутъ расти и развиваться, то неизбѣжно прійдетъ время, когда, кромѣ всего выше перечисленнаго, вы въ состояніи будете извлечь изъ вашего успѣха и другія важныя выгоды. Какія, напримѣръ?

Въ настоящее время ваши кружки организуются тайно. За принадлежность къ этимъ кружкамъ вамъ грозитъ строгое наказаніе; за каждую книгу, найденную у васъ на столѣ, за каждое слово неудовольствія, высказанное открыто и громко, васъ караютъ и преслѣдуютъ. Вообразите теперь, что вы получили бы право вести ваше дѣло, ни отъ кого не скрываясь, что вамъ предоставлена была бы *свобода слова, печати, сходовъ* и всяческихъ *обществъ*; представьте себѣ, что все то, что вы теперь дѣлаете въ тайнѣ, было бы также законно, какъ покупка новой одежды или прогулка по Царицыну лугу. Не было ли бы это для васъ огромнымъ преимуществомъ? Не росли ли бы тогда ваши силы вдесятеро скорѣе? Представьте себѣ, кромѣ того, что у васъ есть не только эти „отрицатель-

¹⁾ Какъ видитъ читатель, мысль объ агитаціи не была для насъ новостью, когда появилась, — въ половинѣ 90-хъ годовъ, — брошюра по вопросу о ней („Объ агитаціи“).

ныя“ права, что васъ не только не преслѣдуютъ за вашу пропаганду и агитацію, но что вы имѣете также положительное право участвовать — черезъ вашихъ представителей въ законодательствѣ, что вы свободно выбираете этихъ представителей, обсуждаете дѣйствія правительства, открыто выражаете свое неудовольствіе на него, отстаиваете проекты выгодныхъ для васъ законовъ. Развѣ все это не способствовало бы вашимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ? Развѣ все это не давало бы вамъ новыхъ силъ въ борьбѣ съ врагами?

Конечно — да, конечно давало бы! Изъ союза тайныхъ рабочихъ кружковъ вы превратились бы тогда, наконецъ, въ *открытую рабочую социал-демократическую партію*. А если это такъ, то вы сдѣлали бы большую ошибку, не воспользовавшись силами своихъ тайныхъ организацій для достиженія этой цѣли.

Но какъ достичь ее? Хватить ли вашихъ силъ на исполненіе такой важной задачи?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я напому вамъ, что разумная тактика всякой партіи требуетъ, чтобы ея нападенія на враговъ совершались именно рѣ моменты наиболѣе благоприятные. Своевременность нападенія въ весьма значительной степени облегчаетъ побѣду. Поэтому мы и должны спросить себя, своевременно ли было бы для васъ добиваться политическихъ правъ въ настоящее именно время?

На этотъ вопросъ, не колеблясь, отвѣчаю утвердительно. Между вашими врагами, которые такъ часто соединяются противъ васъ, между правительствомъ и высшими классами нѣтъ единомышленниковъ. Царь не хочетъ отказаться отъ своей деспотической власти, онъ не хочетъ подѣлиться ею съ высшими сословіями. Онъ желаетъ остаться полновластнымъ, абсолютнымъ монархомъ, во что бы то ни стало сохранить весь блескъ, все азіатское величіе своего сана. А между тѣмъ у него для этого нѣтъ ни силы, ни возможности. Преслѣдуемый революціонерами, онъ уже не правитъ

страною, а думаетъ только о томъ, какъ бы спасти свою жизнь отъ ударовъ революціонеровъ. На дѣлѣ вся власть перешла въ руки кучки крѣпостниковъ, ханжей или корыстолюбцевъ, думающихъ только о своей наживѣ.

Упиваясь своей минутной побѣдой, не думая о завтрашнемъ днѣ, эта кучка ханжей, корыстолюбцевъ и честолюбцевъ потеряла всякій смыслъ и всякую мѣру. Она бьетъ направо и налево, не отличаетъ друзей отъ враговъ и мечтаетъ о томъ, чтобы вернуться къ временамъ крѣпостническаго права. Но такой поворотъ невыгоденъ даже для огромной части лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ. Они видятъ, что эта реакціонная политика правительства вредитъ ихъ собственнымъ интересамъ и все болѣе и болѣе задумываются о томъ, чтобы положить предѣлъ самовластью царскихъ любимцевъ. Они хотятъ ограничить царскую власть, ввести у насъ *конституціонное устройство*. Чѣмъ болѣе распространяется подобное стремленіе, тѣмъ болѣе возрастаетъ неудовольство современнымъ правительствомъ, а слѣдовательно тѣмъ менѣе можетъ это правительство рассчитывать на сочувствіе и поддержку. А пока оно продолжаетъ терять кредитъ въ глазахъ высшихъ классовъ, въ глазахъ, такъ называемаго *общества*, всѣ государственныя дѣла приходятъ въ упадокъ: долги растутъ, казна пустѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и средства ея пополненія. Всѣ эти средства брались до сихъ поръ съ народа, но народъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ и скоро дойдетъ до такого положенія, что взять съ него будетъ нечего. Тогда правительству волей-неволей придется обратиться къ обществу, чтобы съ его помощью избавиться отъ необходимости объявить себя банкротомъ. *Абсолютная монархія* уступить мѣсто монархіи *ограниченной*. Царь долженъ будетъ раздѣлить свою власть съ Земскимъ Соборомъ, съ Парламентомъ или вообще законодательнымъ собраніемъ, какъ бы его не называли.

Вотъ этотъ то раздоръ въ лагерѣ вашихъ враговъ, вотъ эта та необходимость ограниченія царской власти и облегчить вамъ завоеваніе политическихъ правъ и политической свободы. Придетъ время, когда сами высшіе классы будутъ просить вашей помощи въ борьбѣ съ царемъ, когда они сами будутъ толкать васъ на борьбу за свободу. Но, пользуясь этимъ выгоднымъ для васъ обстоятельствомъ, вы всетаки должны начать эту борьбу на свой собственный страхъ и для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей. Не забывайте, что въ политикѣ нѣтъ благодарности, и если вы не будете думать сами о себѣ, то другіе будутъ думать о васъ лишь до тѣхъ поръ, пока имъ нужно будетъ пользоваться вашей силой. Но какъ только дѣло дойдетъ до *выгодъ*, принесенныхъ борьбою, то высшіе класы будутъ помнить *только о себѣ*, да развѣ еще о томъ, чтобы держать васъ въ уздѣ и въ повиновеніи. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете къ своей цѣли, то вы сумѣете отстоять свои права и не даромъ затратите свои силы.

Вы добьетесь тогда для всѣхъ васъ, т. е. для всѣхъ крестьянъ и рабочихъ, право выбирать представителей въ Законодательное Собраніе и быть выбираемыми въ такіа представители, вы добьетесь свободы слова, печати, сходовъ, собраній, образованія рабочихъ обществъ — короче, вы завоюете себѣ *политическія права и политическую свободу*. А мы знаемъ уже, что такая удача была бы въ высшей степени полезна для вашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Значить. разумная тактика требуетъ, чтобы вы при первой же возможности постарались завоевать себѣ политическія права и политическую свободу, а современное положеніе Россіи показываетъ вамъ, что возможность эта очень недалеко уже въ настоящее время.

Недостатокъ мѣста заставляетъ меня лишь кратко коснуться въ этомъ первомъ письмѣ того употребленія, которое вы сдѣлаете изъ своей

политической побѣды. Но дѣло ясно и само по себѣ.

Опираясь на завоеванныя вами права, вы сумѣете также хоть немного улучшить свое матеріальное положеніе. Ваши представители потребуютъ отъ Законодательнаго Собранія цѣлаго ряда экономическихъ реформъ въ пользу бѣдныхъ и трудящихся классовъ. Конечно, нельзя ожидать серьезныхъ реформъ отъ Собранія, въ которомъ большинство будетъ состоять изъ представителей высшихъ классовъ. Но, во первыхъ, вы всетаки получите такимъ образомъ несравненно больше, чѣмъ получили бы вы, сидя сложа руки. А во вторыхъ — упорство высшихъ классовъ также пойдетъ вамъ на пользу, хотя и въ другомъ отношеніи. Оно возбудитъ неудовольствіе народа, оно толкнетъ въ ваши революціонныя ряды тѣхъ, которые, по своей слабости и нерѣшительности, надѣялись на мирный исходъ, на милосердіе царя, на благоразуміе высшихъ классовъ. Оно послужитъ новымъ, самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу вашихъ идей, въ подтвержденіе той истинѣ, что полное освобожденіе трудящагося класса возможно будетъ лишь тогда, когда классъ этотъ захватитъ *всю* государственную власть въ свои руки и провозгласитъ *республику социальную и демократическую*.

И такъ, что же вамъ предстоитъ теперь дѣлать?

1) Развивать сознательность въ средѣ вашихъ товарищей, 2) организовать и сплачивать ихъ силы, 3) направлять эти силы на завоеваніе тѣхъ политическихъ правъ, которыя дали бы вамъ возможность добиться нѣкоторыхъ экономическихъ реформъ уже въ настоящее время, а главное облегчили бы вамъ вашу окончательную побѣду въ будущемъ.

Ведите же настойчивѣе это дѣло! Мы живемъ наканунѣ важныхъ событій и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательнымъ участникомъ въ этихъ событіяхъ, а не жалкой массой рабовъ, надъ которой не издѣвается только лѣнливый!

Какъ добиваться конституціи¹⁾.

(Разговоръ конституціоналиста съ социальдемократомъ).

Конституціоналистъ. — Вы извините меня. Но я не могу согласиться съ Вашимъ взглядомъ. Допустимъ, что онъ основательнѣе, чѣмъ взгляды нашихъ революціонеровъ семидесятихъ годовъ. Я не хочу спорить противъ этого. Но и вы повторяете ту же ошибку, и вы начинаете съ конца, между тѣмъ какъ, право же, не мѣшало бы попробовать начать съ начала. Я совсѣмъ не врагъ социализма, но теперь у насъ на очереди не социальный, а политическій вопросъ. Повалите абсолютизмъ, добейтесь политической свободы, а потомъ уже говорите о социализмѣ. Тогда это будетъ вполне своевременно, а потому и не напрасно; теперь же вы только даромъ тратите дорогія силы.

Социальдемократъ. — Но что же мы должны дѣлать, по вашему мнѣнію, для того, чтобы добиться политической свободы?

К. — Перестать быть отщепенцами, сектантами, постараться увлечь за собою все общество, показать ему, что вы вовсе не такіе свирѣпые *partageux* какими оно привыкло воображать васъ, что вы, въ сущности, хотите того же, чего хочетъ оно само, чего хотятъ всѣ образованные и честные люди въ Россіи, т. е. правъ человека и гражданина. Тогда, повѣрьте, успѣхъ вашъ будетъ обезпеченъ. Недовольство современнымъ порядкомъ распространено у насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вы думаете, и зна-

¹⁾ Статья эта была помѣщена въ вышедшемъ въ Женевѣ въ 1888 году сборникѣ „Социальдемократъ“.

ете ли, что я вамъ скажу? Теперь мы сочувствуемъ конституціи не такъ, какъ сочувствовали ей въ прошлое царствованіе. Тогда мы все ждали, что вотъ-вотъ Александръ II приступитъ къ „увѣнчанію зданія“, что вотъ не сегодня-завтра онъ подаритъ намъ конституцію. Александръ III показалъ, какъ ~~неосновательны и пусты всѣ подобныя~~ надежды на царскую милость. Теперь мы готовы бороться за конституцію; между тѣмъ какъ тогда мы старались заслужить ее добропорядочнымъ поведеніемъ. Дѣло, какъ видите, измѣнилось, и измѣнилось въ пользу революціонеровъ. Не упускайте же благопріятнаго случая, оставьте на время социализмъ и принимайтесь за политическую агитацію.

С. — Я долженъ замѣтить вамъ, что не понимаю вашего противоположенія социализма политической агитаціи. Социализмъ не мыслимъ безъ такой агитаціи. Посмотрите на западно-европейскія рабочія партіи, равнъ онѣ равнодушны къ политической свободѣ? Напротивъ, политическая свобода имѣетъ въ рабочихъ самыхъ искреннихъ и самыхъ надежныхъ защитниковъ. Такъ же относятся къ политической свободѣ и русскіе социалисты. Было, правда, время, когда они считали ее буржуазной выдумкой, способной лишь сбить рабочихъ съ толку и завести ихъ на ложный путь. Но это отошло въ область преданія. Въ настоящее время всѣ мы понимаемъ огромное значеніе политической свободы для успѣховъ социалъдемократическаго движенія и готовы добиваться ее всѣми зависящими отъ насъ средствами. Между нами много всякихъ разногласій и несогласій, но ищите хоть съ діогеновскимъ фонаремъ, и вы все-таки не найдете въ нашей средѣ такого чудака, который вздумалъ бы говорить противъ политической свободы.

К. — Ну и прекрасно; значитъ мы согласны: вы социалистъ и въ тоже время сторонникъ политической свободы, я прежде всего сторонникъ политической свободы, но въ то же время я совѣтъ

не врагъ социализма. Что же мѣшаетъ намъ столковаться и стать подъ одно знамя?

С. — Многое, и главнымъ образомъ ваше отношеніе къ социализму. Вы не врагъ социализма, но вы думаете, что тѣ, которые толкуютъ о немъ въ настоящее время, начинаютъ дѣло съ конца. Вы совѣтуете намъ на время забыть о немъ и, такъ сказать, прикомандироваться къ либераламъ. Мы смотримъ на дѣло совсѣмъ иначе, мы думаемъ, что, еслибы наши либералы дѣйствительно хотѣли бороться за политическую свободу, то они, въ концѣ концовъ, не могли бы придумать ничего лучшаго, какъ пристать къ социалистамъ.

К. — Это нѣсколько не ясно, но все равно я всетаки достаточно понялъ все, чтобы видѣть, какъ несбыточно ваше желаніе.

С. — Вы сами понимаете, значить, что, полное согласіе между нами и либералами невозможно. Вы не предвите конца нашимъ спорамъ, и потому говорите намъ, какъ нянька поссорившимся дѣтямъ: ну, пусть уступитъ тотъ, кто умнѣе, я надеюсь, что социалисты будутъ умнѣе и уступятъ прежде, чѣмъ либералы.

К. — Вы шутите, а я говорю совершенно серьезно. Наши либералы въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не принципиальные враги социализма, и уже вовсе не враги рабочихъ и вообще народа. Они готовы отстаивать цѣлый рядъ самыхъ важныхъ экономическихъ реформъ, но социалистическіе идеалы кажутся имъ не осуществимыми. Поэтому, пристава къ социалистамъ, они по необходимости должны были бы лгать и лицемерить. Вы же, примыкая къ нимъ, нисколько не измѣняли бы своихъ воззрѣній, вы только выдвигали бы на первый взглядъ одну часть вашей программы, именно ту часть, которая заключаетъ въ себѣ ваши политическія требованія. Будьте же справедливы и согласитесь, что уступить должны именно вы, а не либералы.

С. — Хорошо, допустимъ, что вы убѣдили насъ. Предположимъ, что всѣ наши социалисты пришли

къ тому, что вы считаете первымъ признакомъ политической зрѣлости, т. е. къ сознанію необходимости умѣрить свои требованія. Предположимъ, что всѣ они рѣшились бороться за политическую свободу. Предположимъ также, что наше общество поняло и оцѣнило ихъ умѣренность; что же вышло бы изъ всего этого?

К. — Единодушіе въ борьбѣ, безъ котораго немислима побѣда. Еслибы всѣ сторонники свободы дѣйствительно сумѣли соединиться подъ однимъ знаменемъ, то они составили бы непреодолимую силу. Дни правительства Александра III были бы сочтены, и ему оставалось бы лишь заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ узнать часъ своей гибели, какъ выразился когда-то Лассаль о прусскомъ правительствѣ.

С. — Прекрасно. Предположите же теперь, что мечта ваша осуществилась, что исчезла пропасть, отдѣлявшая общество отъ революціонеровъ: Революціонеры примкнули къ обществу, общество прониклось революціоннымъ духомъ. Началось широкое политическое движеніе, поддерживаемое нашей легальной печатью. Правительство запрещаетъ либельные органы, общество отвѣчаетъ на это манифестаціями, въ которыхъ выражаетъ свое сочувствіе пострадавшимъ газетамъ и журналамъ. Въ то же время правительству со всѣхъ сторонъ предъявляютъ петиціи, въ которыхъ съ поразительной ясностью доказывается, что земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ и не будетъ до тѣхъ поръ, пока царь останется полновластнымъ хозяиномъ Россіи. Окружающіе царя самодуры совѣтуютъ ему употребить въ дѣло „мѣры кротости и увѣщанія“, подъ которыми понимаютъ, какъ извѣстно, кулаки дворниковъ, полицейскія пашки и казацкія нагайки. Но подобныя мѣры только усиливаютъ всеобщее раздраженіе. Терпѣніе русскихъ людей приходитъ къ концу; еще нѣсколько капель и чаша будетъ переполнена; еще нѣсколько революціонныхъ безтактностей, и дѣло дойдетъ до открытаго столкновенія. Испуганное правительство

соглашается на уступки, созывается земскій соборъ, вырабатывается конституція; русскій обыватель становится гражданиномъ, и въ нашей исторіи начинается новая эпоха... Хорошо было бы пожить въ такое время! И еслибы мы могли хоть немного приблизить его своимъ превращеніемъ въ либераловъ, то колебаться было бы нелѣпо и преступно. Мы не только *могли* бы съ спокойной совѣстью, но мы *обязаны* были бы забыть обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ этихъ двухъ словъ: *политическая свобода*. Всѣ тѣ, которые вздумали бы тогда говорить о социализмѣ, были бы не друзьями, а врагами народа, потому что своимъ доктринерствомъ они задержали-бы его политическое развитіе. Бѣда лишь въ томъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе; превратившись въ либераловъ, социалисты только замедлили бы дѣло политическаго освобожденія Россіи.

К. — Это какимъ же образомъ?

С. — Очень просто. Когда въ нашемъ воображеніи рисовалась картина борьбы русскаго общества съ абсолютизмомъ, мы предположили, что правительство *вынуждено* было къ уступкамъ. Теперь я спрашиваю васъ, насколько вѣроятно такое предположеніе? Иначе сказать, насколько велики шансы побѣды общества надъ правительствомъ? Что понимается обыкновенно подъ словомъ — общество? Принадлежитъ ли къ нему крестьянинъ, рабочій, мелкій городской мѣщанинъ и т. п.? Конечно, нѣтъ, не принадлежитъ. Мало того, не всякій крупный торговецъ, не всякій промышленникъ и землевладѣлецъ принадлежитъ къ такъ называемому обществу. Къ нему, конечно, не можетъ быть причисляемъ щедринскій Разуваевъ. Какіе же люди принадлежатъ къ нему? Во первыхъ, очевидно, не люди народа, а люди высшихъ и среднихъ классовъ, а во вторыхъ, — люди, обладающіе хоть какою нибудь долею образованія, люди, умственный горизонтъ которыхъ выходитъ за предѣлы ихъ личныхъ интересовъ. Много ли такихъ людей въ Россіи? И могутъ ли эти люди побѣдить правительство од-

нѣми только своими силами? Возьмите исторію Франціи, припомните исторію Германіи. Кто сражался на баррикадахъ въ Іюль 1830 года, общество или народъ? Кто сломилъ монархію Луи-Филиппа, рабочій классъ или буржуазія? Извѣстно, что, когда въ каждомъ изъ названныхъ случаевъ, дѣло доходило до открытой борьбы, то либеральное парижское „общество“ не знало, куда дѣваться отъ страху. Не говоря уже о томъ, что огнестрѣльная музыка крайне непріятно дѣйствовала на его нервы, оно боялось побѣды правительства и связанныхъ съ нею репрессалій, боялось и побѣды рабочихъ, потому что опасалось, какъ бы волна рабочаго движенія не унесла вмѣстѣ съ правительствомъ и самого общества. Луи-Бланъ рассказываетъ, что, когда начался уличный бой въ Февралѣ 48 года, то перепуганный Тьеръ прибѣжалъ въ палату депутатовъ и, воскликнувъ: „la marée monte, monte, messieurs,“ немедленно скрылся. Только послѣ окончательнаго пораженія правительства и, убѣдившись въ мирныхъ намѣреніяхъ рабочихъ, представители „общества“ выходили изъ своихъ убѣжищъ и принимались организовывать новый порядокъ. Изъ всѣхъ слоевъ, составляющихъ такъ называемое общество или находящихся въ близкой родственной связи съ нимъ, только студенчество да такъ называемая богема (тоже, что нашъ братъ нигилистъ) имѣли мужество становиться лицомъ къ лицу съ вооруженной силой правительства. Только они умѣли сражаться на баррикадахъ, но и они несомнѣнно были бы усмиряемы безъ малѣйшаго труда, если бы за ними не шла рабочая масса. То же самое мы видимъ и въ Германіи. Всѣ революціонныя попытки нѣмецкой молодежи кончались полнѣйшей неудачей, вся оппозиція такъ называемого общества не приводила ни къ чему до тѣхъ поръ, пока не проснулось городское рабочее населеніе. Это значитъ, что общество безсильно безъ поддержки народа или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитой, наиболѣе революціонной части народа, т. е. *рабочихъ*. И въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ,

что петербургское „общество“, проникшись революционнымъ духомъ, строить баррикады, между тѣмъ какъ рабочій классъ остается въ сторонѣ отъ этого движенія. Одной полиціи, однихъ дворниковъ было бы достаточно для того, чтобы переувязать представителей „общества“ и рассадить ихъ по участкамъ. Отсюда неизбежно слѣдуетъ тотъ выводъ: для того, чтобы добиться конституции мы должны вовлечь рабочій классъ въ борьбу противъ абсолютизма, возбудить въ немъ симпатіи къ свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Другого пути у насъ нѣтъ и быть не можетъ.

Я знаю, конечно, что сами либералы никогда не сдѣлаются пропагандистами, и не виню ихъ за это. Но, съ другой стороны, изъ всего сказаннаго ясно, что, приглашая социалистовъ оставить на время всякую мысль о пропагандѣ въ рабочей средѣ, наши либералы обнаруживаютъ полное непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ. Политическая свобода будетъ завоевана рабочимъ классомъ, или ея совѣмъ не будетъ.

К. — Въ томъ, что вы сказали много справедливаго, но мнѣ кажется, что вы забываете многія особенности положенія Россіи.

С. — Какія же именно?

К. — Во первыхъ, если парижское общество 1830 и 1848 г. боялось, какъ вы сказали, побѣды народа, то это происходило потому, что оно было уже насквозь проникнуто буржуазнымъ духомъ. Наше общество не таково, оно не боится народа, потому что совершенно искренно отстаиваетъ его интересы...

С. — Ну, съ нашимъ либерализмомъ дѣло обстоитъ далеко не такъ благополучно, какъ вамъ кажется. Я безъ труда могъ бы доказать вамъ, что не только русскій либерализмъ, но даже и такъ называемый русскій социализмъ въ сущности стоитъ въ противорѣчій съ интересами рабочаго класса, по той простой причинѣ, что онъ выражаетъ собою интересы нашей мелкой (конечно, не кулацкой) буржуазіи. И это противорѣчіе,

скрытое теперь въ туманѣ неопредѣленныхъ представлений объ истинѣ, справедливости и народномъ счастьи, рано или поздно дать себя почувствовать самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Кое-какіе признаки такого положенія дѣлъ можно подмѣтить уже въ настоящее время. Какъ вы думаете, почему „Самоуправленіе“, называющее себя органомъ „соціалистовъ-революціонеровъ“, считаетъ „путь народной революціи едва-ли пригоднымъ“? Почему оно ставитъ „городскую революцію“ на одну доску съ революціей „дворцовой“ и думаетъ, что городская революція можетъ, какъ и дворцовая, „привести къ нежелательнымъ результатамъ“, къ замѣнѣ „одной деспотіи другою“? Дѣло объясняется очень просто. „Самоуправленіе“ знаетъ, что городская революція означала бы побѣду рабочаго населенія, и оно боится этой побѣды такъ же, какъ боялось и боится этой побѣды парижское „общество“. Но какіе же социалисты могутъ бояться побѣды рабочаго класса? Ясно, что только мелко буржуазные социалисты, принципиальные враги освободительнаго движенія пролетаріата. Вотъ вамъ и пресловутый „русскій социализмъ“! Но не будемъ уклоняться отъ главнаго предмета нашего спора, положимъ, что я ошибочно смотрю на русскихъ социалистовъ и либераловъ, что же дальше? Слѣдуетъ ли изъ сказаннаго вами, что наше „общество“, будто бы столь сочувствующее интересамъ рабочихъ, можетъ обойтись безъ поддержки этихъ послѣднихъ?

К. — Я, конечно, сказалъ бы — *нѣтъ*, если бы думалъ, что конституціонное движеніе въ Россіи пойдетъ тѣмъ же путемъ, какимъ оно шло на западѣ. Но дѣло въ томъ, что у насъ конституціонная борьба навѣрное не дойдетъ до баррикаднаго боя на улицахъ. Правительство уступить раньше подъ напоромъ общественнаго мнѣнія.

С. — Опять русская самобытность, на этотъ разъ подъ конституціоннымъ соусомъ! Когда то русскіе социалисты — народники думали, что соци-

алистическую революцію легче сдѣлать въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Теперь я слышу отъ васъ, что Россія добьется политической свободы съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ добивались ее западно-европейскія государства. Кажется русское правительство до сихъ поръ не давало повода до такой степени лестно думать объ его уступчивости. Оно, конечно, уступило бы вамъ, если бы за вами, или вообще за противниками абсолютизма, шла народная масса. Иначе всякая уступчивость съ его стороны была бы совершенно необъяснимой. Посмотрите на Англію, пользующуюся репутациею страны мирнаго прогресса. Прослѣдите хоть исторію либеральной лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, и вы увидите, какъ хорошо сознавала добивавшаяся мирной уступки англійская буржуазія необходимость заручиться помощью рабочаго класса, какъ настойчиво она, иногда, прямо бунтовала рабочихъ. Если Ричардъ Кобденъ грозилъ англійскимъ лордамъ разрушеніемъ ихъ замковъ, само собою понятно, что не на буржуазію рассчитывалъ онъ въ дѣлѣ такого разрушенія. И Кобденъ, и Брайтъ, и ихъ товарищи прекрасно знали, что добиться отъ парламента уступокъ они могутъ лишь съ помощью давленія извнѣ, „pressure from without“, и что для этого давленія необходимы сильныя руки рабочихъ. Такъ было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда англійское правительство уступало напору общественнаго мнѣнія. Исторія Англіи болѣе, чѣмъ исторія какой бы то ни было другой страны, подтверждаетъ справедливость стараго правила: если хочешь мира, готовься къ войнѣ. Вы же поступаете какъ разъ обратно этому правилу. Вы проповѣдуете крестовый походъ противъ правительства, вы приглашаете социалистовъ на борьбу съ нимъ, и въ тоже время сами видите, что вы можете побѣдить только въ случаѣ его особеннаго миролюбія. Вы хотите начинать борьбу, прекрасно зная, что у васъ нѣтъ силъ для рѣшительной битвы! Знаете ли, что напоминаетъ мнѣ такая оригинальная агитація? Чтобы устроить испуга, ки-

тайцы рисуютъ на своихъ щитахъ драконовъ и разныхъ другихъ чудовищъ. Они хорошо знаютъ, что эти чудовища не нанесутъ дѣйствительнаго вреда непріятелю, но они надѣются, что непріятель, можетъ быть, испугается и уступить имъ поле битвы. А если непріятель не пугается, если онъ не уступаетъ этого поля? Тогда сынамъ Небесной Имперіи оставалось бы уповать на быстроту своихъ ногъ, если бы они отличались свойственнымъ вамъ простодушіемъ. Но они хитрѣе васъ и на всякій случай всетаки запасаются оружіемъ.

К. — Напрасно вы иронизируете и напрасно беспокоитесь. Трудъ нанести послѣдній ударъ нашему правительству возьмутъ на себя не петербургскіе рабочіе, и, конечно, не вооруженное общество. Объ этомъ позаботятся заграничныя капиталисты. Извѣстно, что наши финансы находятся при послѣднемъ издыханіи. Одного этого обстоятельства можетъ быть достаточно, что бы сломить упорство царя. Обанкротившійся деспотъ уступчивѣе поволѣ. А такъ какъ, кромѣ того, Александръ III далеко не осмотрителенъ во внѣшней политикѣ, то вѣроятность его банкротства еще болѣе возрастаетъ. Если севастопольское пораженіе вынудило правительство освободить крестьянъ, то новый военный погромъ, навѣрное, заставитъ его дать конституцію.

С. — Словомъ, вы надѣетесь, что конституцію принесутъ вамъ на своихъ штыкахъ прусскіе и австрійскіе солдаты? Вообще говоря, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вопросъ только въ томъ, какова будетъ эта конституція? Вы помните, конечно, что финансовыя и международныя затрудненія вынудили когда то турецкаго султана подарить своимъ подданнымъ конституцію. Но что вышло изъ этой комедіи? Ровно ничего! Дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ просто позабыли о ней, и граждане, и правительство. Хотите ли вы турецкой конституціи? Возлагайте свои упованія на силу вещей, на международныя и финансовыя затрудненія. Хотите конституціи настоящей —

вербуйте настоящую армию для борьбы съ абсолютизмомъ.

К. — Но, позвольте, французская пословица справедливо говорить, что *comparaison n'est pas raison*. Это въ особенности вѣрно въ томъ случаѣ, когда сравниваются вещи совершенно не сравнимыя и несоизмѣримыя: Россія не Турція. Если турецкая конституція отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть, то отсюда еще не слѣдуетъ, что такая же судьба предстоить и русской конституціи. Пусть только разъ соберутся представители русской земли, и тогда возстановленіе абсолютизма будетъ также невозможно, какъ невозможно теперь возстановленіе крѣпостного права.

С. — Вы, въ свою очередь, забываете, что *comparaison n'est pas raison*. Изъ всѣхъ реформъ прошлаго царствованія — освобожденіе крестьянъ есть дѣйствительно самая прочная, или лучше сказать, единственно прочная реформа. У крестьянъ нельзя уже взять назадъ ихъ гражданскую полусвободу, между тѣмъ какъ наше современное правительство безъ труда можетъ уничтожить все, сдѣланное Александромъ II во всѣхъ сферахъ нашей внутренней жизни. Чѣмъ объяснить такое различіе? Тѣмъ, что народъ былъ непосредственно заинтересованъ въ уничтоженіи крѣпостного права, между тѣмъ какъ всѣ другія реформы имѣли лишь косвенное, а иногда весьма сомнительное для него отношеніе къ его благосостоянію. Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія ежегодно возрастало число крестьянскихъ бунтовъ, такъ что Александръ II долженъ былъ сказать себѣ: „освободимъ крестьянъ сверху, что бы они не освободили себя снизу“. Создайте подобное же движеніе въ народѣ въ пользу конституціи, заставьте Александра III дать вамъ политическую свободу въ силу того же соображенія, которое заставило Александра II освободить крестьянъ, — и тогда сравнивайте конституціонный вопросъ съ вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостного права, тогда ваше сравненіе будетъ умѣстно и убѣди-

тельно. Но, пока за вами не будетъ народной массы, до тѣхъ поръ всѣ подобныя сравненія будутъ лишь отгнѣять ваше собственное безсиліе. Противъ возстановленія крѣпостного права поднялся бы весь народъ, какъ одинъ человѣкъ. Но если вамъ не удастся развить стремленіе къ политической свободѣ по крайней мѣрѣ въ наиболее передовой части населенія, т. е. въ промышленныхъ рабочихъ, то съ русской конституціей дѣло будетъ обстоять иначе. Оно можетъ принять такой оборотъ: правительство даетъ Земскому Собору время уплатить государственные долги и найти новые источники обложенія, а затѣмъ въ наше Національное Собраніе явится будочникъ Мымрецовъ и провозгласитъ: „Пожалуйте вонъ, господа депутаты, будетъ вамъ проклажаться, мы не допускаемъ, чтобы, напримѣръ, шумъ“. Изгнавши, такимъ образомъ, „представителей русской земли“ изъ зданія парламента, тотъ же будочникъ вывѣситъ на немъ объявленіе: „Сіе зданіе отдается въ наемъ“, какъ написалъ когда то Кромвель на англійскомъ парламентѣ. Что сдѣлаютъ тогда „представители русской земли“? Найдутъ ли они залъ *jeu de homme* и принесутъ клятву не расходиться, пока не обезпечатъ своей странѣ политической свободы? Но вѣдь будочникъ Мымрецовъ послѣдуетъ за ними и въ ту залу и, раздраженный ихъ упорствомъ, примется водворять господъ депутатовъ въ „кутузку“. Кто можетъ помѣшать такой расправѣ? Не правда ли городскіе рабочіе и только рабочіе? Если на защиту собравшихся въ Петербургъ или въ Москвѣ „представителей русской земли“ двинется многочисленное рабочее населеніе столичныхъ предмѣстій, то исходъ подобныхъ реакціонныхъ попытокъ правительства станетъ по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Заручайтесь же симпатіей этихъ предмѣстій теперь, потому что взывать къ нимъ въ то время, когда вашъ „шиворотъ“ очутится въ рукахъ Мымрецова, будетъ уже поздно.

К. — Все это, конечно, справедливо, но въ то же время крайне односторонне, при всей своей справедливости. Изъ всего сказаннаго вами слѣдуетъ одно, а именно, что трудно и представить пока наступленіе такого времени, когда дѣлу свободы на Руси перестанутъ угрожать опасности. Это мы должны знать и помнить. Но отсюда до вашей программы еще очень далеко. Я буду говорить прямо. Принявъ вашу программу, наши революціонеры не устранили бы грозящихъ свободѣ опасностей; они просто забыли бы о нихъ, какъ и о самой свободѣ; они отдались бы дѣлу, единственное преимущество котораго заключается въ томъ, что оно не противорѣчитъ нѣкоей маленькой доктринкѣ, которая сама противорѣчитъ всему складу русской жизни. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, много ли у насъ промышленныхъ рабочихъ? Велико ли населеніе нашихъ городовъ? Вѣдь это капля въ морѣ, она сама по себѣ ничтожна, но у васъ нѣтъ возможности повліять даже на эту каплю въ ея цѣломъ. Вы можете придти въ соприкосновеніе съ безконечно малой частью капли, съ одной только молекулой, и вы воображаете, что, наэлектризовавши эту молекулу, вы взволнуете океанъ, вызовете цѣлую бурю въ морѣ? Что можетъ быть фантастичнѣе этой программы?

С. — Вы начинаете сердиться, а это уже не хорошо. Если, по нѣмецкой поговоркѣ, „гнѣвъ дѣлаетъ поэтовъ“, то серьезнаго политика скорѣе способно выработать спокойное, хладнокровное сужденіе. Посмотрите, въ своемъ гнѣвѣ вы зашли гораздо дальше предположенной вами цѣли. Вашъ доводъ обращается противъ васъ самихъ. Австралійскіе негры такъ умѣютъ кидать свои бумеранги, что они, описавъ въ воздухѣ кривую линію, падаютъ къ ихъ ногамъ. Съ вашимъ доводомъ случилось нѣчто подобное, съ тою только разницею, что въ своемъ возвратномъ движеніи онъ сбилъ васъ съ ногъ. Если я вѣрно понялъ смыслъ вашей филиппики, то она сводится къ слѣдующему: программа социальдемократовъ фан-

тастична, потому что противорѣчитъ экономическимъ условіямъ Россіи. Въ исключительно земледѣльческой, крестьянской странѣ она хочетъ создать такую политическую партію, существованіе которой возможно лишь въ промышленно развитыхъ странахъ. Вы указываете на это несоотвѣтствіе, хорошо понимая, повидимому, что политическая жизнь данной страны находится въ тѣсной зависимости отъ ея экономического строя. Мнѣ ли, марксисту, возставать противъ справедливости такого взгляда? Я подписываюсь подъ нимъ обѣими руками. Но я прѣшу Васъ взглянуть съ этой же точки зрѣнія на ваши собственные политическіе планы. Я спрашиваю васъ, возможно ли само конституціонное движеніе въ такой экономически-патріархальной странѣ, какою вы считаетъ Россію? Возражая противъ насъ, всѣ вы ссылаетесь на русскаго мужика: мужикъ является въ вашемъ представленіи несокрушимой плотиною, о которую должны разбиться всѣ волны западно-европейскаго рабочаго движенія. Допустимъ на минуту, что вы правы, что эта плотина дѣйствительно такъ прочна, какъ вы воображаете. Тогда наше дѣло становится безнадежнымъ, но вмѣстѣ съ этимъ, и при томъ въ гораздо большей степени, обнаруживается безнадежность и вашего дѣла. Если русскій крестьянинъ не способенъ увлечься социалъдемократической программой, то еще меньше способенъ онъ проникнуться сознаниемъ прелестей политической свободы. Всегда и вездѣ, какъ только начиналось образованіе большихъ государствъ, земледѣльческія общины съ ихъ патріархальнымъ бытомъ служили самой прочной основой деспотизма. Только съ разложениемъ патріархальнаго быта и съ развитіемъ городского населенія являлись силы, способныя положить предѣлъ неограниченной власти монарха. Россія не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила.

Ея московскіе и петербургскіе самодержцы были естественнымъ дополненіемъ ея экономическаго

строя, который характеризовался полнымъ преобладаніемъ деревни надъ городомъ. Конечно, будучи поставлена въ условія европейскаго равновѣсія, Россія обязана была, подѣ страхомъ потери всякаго политическаго значенія, усвоить себѣ хоть нѣкоторую долю европейскаго образованія. Она нуждалась въ образованныхъ офицерахъ и чиновникахъ. Неудивительно, что, съ проникновеніемъ въ нее европейскаго образованія, въ ней появлялись люди, усвоившіе политическіе взгляды европейцевъ и осознавшіе все безобразіе русскаго царизма. Но эти люди не могли играть серьезной политической роли. Они были людьми очень образованными, очень гуманными, очень либеральными, но въ тоже время и прежде всего они были *лишними людьми* въ полномъ смыслѣ этого слова, людьми, весь умственный и нравственный *habitus* которыхъ стоялъ въ полномъ противорѣчій съ русской дѣйствительностью. Имъ оставалось или впадать въ несицизмъ Чаадаева, или затрачивать свои „демоническія силы“ на побѣды надъ столичными и провинціальными барышнями, или умирать на парижскихъ баррикадахъ, или, наконецъ, пить горькую у себя дома. Вы прекрасно знаете, что въ прежнее время такіе лишніе люди въ изобиліи существовали на Руси. Теперь говорятъ, что этотъ типъ отжилъ свой вѣкъ. Мы охотно вѣримъ этому, но вѣримъ потому, что нашъ старый порядокъ разложился, деревня утратила свое преобладаніе надъ городомъ, у насъ явилась буржуазія и рабочій классъ. Это подтверждается всѣми изслѣдованіями русскаго народнаго хозяйства. Абсолютизмъ приходитъ въ противорѣчіе съ нашею экономической дѣйствительностью. Теперь его противники уже не лишніе люди, потому что они могутъ бороться противъ него съ надеждой на побѣду. Одинъ нѣмецкій писатель замѣтилъ, что славянскіе народы представляютъ собою нѣчто среднее между европейскими и азіатскими народами. Это совершенно вѣрно въ примѣненіи къ Россіи. Она, дѣйствительно, только отчасти, только теперь ста-

новится европейской страной и становится ею лишь постольку, поскольку исторія *отрицаетъ* старыя основы ея экономического быта. Только по мѣрѣ этого отрицанія Россія входитъ въ культурное родство съ Европой, вступаетъ на путь европейскаго образованія въ лицѣ значительной части своего трудящагося населенія, а не безсильной только горсти своей „интеллигенціи“, какъ это было прежде. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія русскій конституціонализмъ пріобрѣтаетъ смыслъ и оправданіе. Но если это такъ, то еще большій смыслъ получаетъ русское социальдемократическое движеніе. Между тѣмъ всѣ тѣ, которые раздѣляютъ вашъ взглядъ на экономическое положеніе Россіи, должны признать, что всякіе толки о конституціи представляютъ собою переливаніе изъ пустого въ порожнее. Въ такомъ случаѣ правы наши охранители, которые на всѣ голоса кричатъ, что конституціонный режимъ противорѣчитъ духу русскаго народа. И вы называете насъ фантазерами? Но если мы фантазеры, если мы, по вашему выраженію, оперируя надъ каплями и молекулами, хотимъ вызвать бурю на морѣ, то вы просто социальные чудотворцы, потому что ваше ожиданіе „хоть какой нибудь конституціи,“ ваше политическое *нѣчто* основывается на голомъ экономическомъ *ничто*. Вы приписываете себѣ такую силу, какую философы не всегда рѣшались приписывать даже божеству, такъ какъ они думали, что творческая дѣятельность божественнаго Деміурга заранѣе предполагаетъ существованіе матеріи.

К. — Но позвольте. Я не намѣренъ входить съ вами въ экономическіе и философско-историческіе споры. Я допускаю, что нашъ экономическій бытъ не таковъ, какимъ изображаютъ его наши народники. Можетъ быть, наши рабочіе дѣйствительно способны сыграть большую роль въ нашемъ освободительномъ движеніи. Но какъ подойти къ рабочему? Вы пугаете насъ будочникомъ Мымрецовымъ, но пока то онъ еще соберется взять насъ за шиворотъ, вашъ собственный ши-

воротъ уже зажать въ его грубомъ кулакѣ. Разгонять парламентъ Мымрецову придется, можетъ быть, въ будущемъ, ловлей же пропагандистовъ онъ, къ сожалѣнію, съ большимъ успѣхомъ занимается уже теперь. Мнѣ не разъ случалось бесѣдовать съ революціонерами; всѣ они единогласно говорятъ, что пропаганда среди рабочихъ невозможна по чисто полицейскимъ причинамъ.

С. — Революціонеры говорятъ вамъ, что пропаганда среди рабочихъ невозможна? А пытались ли вести ее бесѣдовавшіе съ вами революціонеры? Если бы вы задали имъ такой вопросъ, то изъ 100 случаевъ въ 99 вамъ отвѣтили бы: „нѣтъ, я самъ ее не велъ, но я слышалъ отъ одного вѣрнаго человѣка, который въ свою очередь слышалъ отъ одного не менѣе вѣрнаго человѣка, слышавшаго отъ самаго вѣрнаго человѣка, что тому говорили, будто кто то сказалъ, что пропаганда невозможна. Повѣривъ другъ другу на слово, всѣ эти „вѣрные люди“ совершенно махнули рукой на рабочій классъ и теперь готовы пойти куда угодно, лишь бы не въ рабочую среду, готовы подписываться подъ какими хотите „программами“, лишь бы эти программы не указывали имъ на необходимость пропаганды среди рабочихъ. Это, конечно, ихъ дѣло, но я головой ручаюсь вамъ за то, что увѣренность ихъ совершенно противорѣчитъ опыту нашего революціоннаго движенія. Пропаганда среди рабочихъ оставлена была въ концѣ 70-хъ годовъ не потому, что бы она была неудачна, — напротивъ, это время есть время расцвѣта нашего рабочаго движенія, — а потому, что наши революціонеры увлеклись „терроромъ“ и все менѣе и менѣе отводили мѣста пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Наши тогдашніе революціонеры-террористы рассчитывали на свои собственныя силы. Опытъ показалъ, что эти силы были недостаточны для побѣды надъ абсолютизмомъ. И вотъ теперь наши революціонеры ищутъ себѣ союзниковъ, но вмѣсто того, чтобы искать

ихъ въ рабочей средѣ, они обращаются къ такъ называему обществу, причемъ идеализируютъ его такъ же, какъ идеализировали когда то „народъ“. Давно ли можно было слышать отъ нихъ, что нашъ крестьянинъ „прирожденный социалистъ“? Теперь то же „прирожденное“ свойство открыто и въ русскомъ обществѣ. Но подобныя выдумки не измѣняютъ дѣла. Если бы всѣ представители нашего общества дѣйствительно были прирожденными и убѣжденными коммунистами, то и тогда, какъ я уже говорилъ вамъ раньше, они представляли бы собою не больше, какъ штабъ безъ арміи и чтобы образовать армію, имъ всетаки пришлось бы пропагандировать среди рабочихъ. Напрасно вы думаете, что пропаганда невозможна при современныхъ условіяхъ. Трудно всякое дѣло, если только не хочется его дѣлать, легко всякое дѣло, за которое мы беремся съ полнымъ убѣжденіемъ въ его плодотворности и необходимости. Трудно было взорвать Зимній Дворецъ, а между тѣмъ начинили же динамитомъ одинъ изъ его подваловъ. Нѣкоторыя изъ трудностей пропаганды среди рабочихъ, свойственны ей въ такой же мѣрѣ, какъ и всякой другой революціонной пропаганды, все равно среди кого бы она ни велась. Такъ, напримеръ, полиція съ одинаковой энергіей преслѣдуетъ тайныя типографіи, не спрашивая печатаются ли въ нихъ воззванія къ „обществу“ или къ рабочимъ. Одинаково же трудно, или если хотите, одинаково легко перевозить запрещенныя книги черезъ границу, независимо отъ того, предназначаются ли эти книги для „общества“ или для рабочихъ. Вы, конечно, скажете, что легче распространять такія книги въ обществѣ, чѣмъ въ народѣ вообще и въ рабочей средѣ въ частности. Но это не подтверждается опытомъ нашего движенія. Въ то время, когда у насъ еще велась пропаганда въ крестьянствѣ и между рабочими, — въ огромномъ большинствѣ случаевъ поводомъ къ арестамъ служила не сама эта пропаганда, а тѣ неосторожности, которыя совершались пропа-

гандистами при посторонних сношеніяхъ, т. е. при перепискѣ, при заведеніи такъ называемыхъ конспиративныхъ квартиръ и т. п. Процентъ арестованныхъ на дѣлѣ совѣмъ ничтоженъ. Общество „Земля и Воля“ вело, напримѣръ, очень дѣятельную пропаганду между рабочими большіхъ городовъ. За нѣсколько лѣтъ своего существованія это общество понесло очень большія потери, но едва ли хоть одну изъ нихъ можно отнести непосредственно на счетъ рабочей пропаганды. Можно сказать болѣе. Благодаря разумной организаціи этого дѣла, общество „Земля и Воля“ просто не знало, что такое потери на пропагандѣ среди рабочихъ. Наибольшей опасности подвергались тѣ изъ его членовъ, которые вращались въ „интеллигентной“ средѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ приходится вращаться теперь революціонерамъ, отрицающимъ возможность пропаганды среди рабочихъ. Я не думаю, что указанная опасность уменьшится, если мы превратимся въ простыхъ конституціоналистовъ. Молодымъ людямъ, принимавшимся за пропаганду въ 80-хъ годахъ, часто приходилось встрѣчать, правда, весьма большія трудности, но эти трудности дѣликомъ должны быть отнесены насчетъ ихъ практической неопытности и отсутствія строго выработанной организаціи. Эти два обстоятельства давали имъ чувствовать себя во всемъ: при заведеніи тайныхъ типографій, при террористическихъ попыткахъ и т. д. Мнѣ никогда не приходило въ голову утверждать, что для пропаганды среди рабочихъ не нужно опытности; но вѣдь опытность дѣло наживное. Она приобретается практикой, и по мѣрѣ ея приобрѣтенія уменьшаются тѣ трудности, которыя приходится преодолевать сначала.

К. — Но вѣдь, повторяю вамъ, при этихъ условіяхъ вся такая дѣятельность по неволѣ сведется къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, къ вербовкѣ отдѣльных личностей, и много-много къ организаціи небольшихъ рабочихъ кружковъ. Рабочіе массы останутся незатронутыми пропагандой, а

между тѣмъ всѣ ваши доводы въ ея пользу предполагаютъ именно вліяніе на массы.

С. — Я не говорю, что теперь можно было бы устраивать открытыя рабочія собранія въ Москвѣ или Петербургѣ. *Пропаганда* велась бы, конечно, въ тайныхъ кружкахъ, а, слѣдовательно, вліяла бы лишь на небольшія группы лицъ. Но черезъ посредство этихъ лицъ ея вліяніе необходимо распространялось бы на массы. Такая пропаганда становилась бы уже *агитаціей*. Что такая агитація возможна, — это доказывается, между прочимъ, исторіей нашихъ стачекъ. Возьмемъ хоть знаменитую стачку на фабрикѣ Морозова. Нѣсколько *отдѣльныхъ лицъ* — Волковъ, Мойсѣенко и другіе, стали во главѣ *цѣлыхъ тысячъ рабочихъ*, руководя ими во всѣхъ столкновеніяхъ съ полиціей и фабричною администраціей. Владимирскаго губернатора въ особенности обижало то обстоятельство, что между тѣмъ, какъ рабочіе не обращали никакого вниманія на его слова, они безусловно повиновались своимъ вожакамъ. Вотъ вамъ и вліяніе на массу! Чтобы оно не осталось мимолетнымъ, Волкову и Мойсѣенку нужно было лишь обобщить требованія рабочихъ, выяснить имъ общій характеръ ихъ отношеній къ хозяевамъ и правительству. А разъ зашла рѣчь объ отношеніяхъ къ этому послѣднему, то вотъ вамъ уже и поводъ для *политической агитаціи*. Желябовъ на Воронежскомъ съѣздѣ утверждалъ, что въ Россіи каждая стачка есть не столько экономическое, сколько политическое событіе, потому что во всѣхъ стачкахъ рабочій больше всего терпитъ отъ полицейскихъ притѣсненій. Поддерживать рабочихъ въ такихъ случаяхъ, говорилъ онъ, значитъ уже вести политическую агитацію. И въ самомъ дѣлѣ. Преслѣдуемые полиціей, рабочіе не могутъ остаться глухи къ тому, что вы стали бы говорить имъ о свободѣ сходовъ, собраній, союзовъ, о неприкосновенности лица и жилища. Тотъ, кто хоть немного знаетъ русскихъ рабочихъ, знаетъ также, до какой степени глубоко врѣзывается въ ихъ умы всякая общая мысль, вся-

кое общее положеніе, наглядно освѣщенное и подкрѣпленное такими выдающимися событіями, какъ стачки и вообще столкновенія съ хозяевами и полиціей. Рабочіе уже не забываютъ ихъ, и, при случаѣ, сами повторяютъ, нерѣдко въ очень наивной, но тѣмъ не менѣе, весьма убѣдительно для ихъ собратьевъ, формѣ. Наша такъ называемая интеллигенція убѣждена, что для нея, при настоящихъ условіяхъ, невозможно вліяніе на рабочую массу. Но въ сущности она уже повліяла на нее, такъ сказать, безъ своего вѣдома. Вы знаете, какъ распространены въ народѣ предрасудки по отношенію къ „студентамъ“ т. е. къ революціонерамъ. Нашъ крестьянинъ считаетъ революціонера противникомъ не только царя, но и народа. Такой взглядъ на студентовъ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ распространенъ и между петербургскими рабочими. Прошло нѣсколько лѣтъ, и дѣло измѣнилось, благодаря пропагандѣ и участію „студентовъ“ въ петербургскихъ стачкахъ. Въ 1878 году былъ такой фактъ: рабочіе одной небольшой фабрики за Нарвской заставой отправили делегатовъ на другую фабрику съ просьбой найти „студентовъ“, которые имъ нужны, потому что ихъ притѣсняетъ хозяинъ, и они хотятъ сдѣлать стачку. Такимъ образомъ, рабочая масса, не переставая видѣть въ студентахъ враговъ царя, стала въ то же время видѣть въ нихъ лучшихъ защитниковъ ея собственнаго дѣла. На судѣ по поводу стачки на фабрикѣ Морозова выяснилось, что рабочіе называли одного изъ своихъ вожаковъ „студентомъ“; на вопросъ предсѣдателя, почему они дали ему такую кличку, подсудимые отвѣчали: „очень ужъ уменъ и за насъ стоитъ крѣпко“. Мнѣ кажется, что подобные факты не подтверждаютъ мысли о невозможности вліянія интеллигенціи на рабочую массу. Если бы у насъ началось какое нибудь политическое движеніе, то рабочіе Морозовской фабрики, вѣроятно откликнулись бы на призывъ „студентовъ“, которые, по ихъ мнѣнію, очень умны и „крѣпко стоятъ за нихъ“. А какія личности вы-

рабѣтываются теперь въ рабочей средѣ, представляющей нашей интеллигенціи средою тьмы, забитости и невѣжества, также показала вышеназванная стачка. „Если бы я не зналъ, что передо мной стоитъ рабочій, ежедневно проводящій 15 часовъ у ткацкаго станка, говорить объ одномъ изъ подсудимыхъ корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ, то по разумности его отвѣтовъ, по языку и по манерамъ, я навѣрное принялъ бы его за интеллигентнаго человѣка“. Названный корреспондентъ съ удивленіемъ констатировалъ появленіе у насъ совершенно новаго типа *интеллигентнаго рабочаго*. Появленію этого типа не мало способствовала наша интеллигенція, способствовала, несмотря на то, что у нея никогда не было правильного взгляда на дѣло пропаганды среди рабочихъ. Проникнутые народническими предразсудками, наши революціонеры обыкновенно увѣряли рабочихъ (когда снисходили до того, что-бы увѣрять ихъ въ чемъ нибудь), что рабочій классъ не имѣетъ въ Россіи ни малѣйшаго значенія, что у насъ главное — крестьянинъ, что крестьянская жизнь совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели, между тѣмъ, какъ рабочій развращенъ до мозга костей, словомъ, что лучше всего было бы, если-бы у насъ совсѣмъ не было рабочихъ. Это вазывалось пропагандой: на такую то пропаганду революціонеры другихъ францій ссылаются въ своихъ спорахъ съ социальдемократами, говоря, что до появленія этихъ послѣднихъ у насъ было обращено надлежащее вниманіе на городскихъ рабочихъ. Но и эта пропаганда рабочимъ противъ рабочихъ принесла, какъ видите, блестящіе плоды. Жизнь скоро устраняла предразсудки, привитые рабочимъ народниками. Разъ затронутый пропагандой, рабочій самъ додумывался до программы, соотвѣтствующей его классовому положенію. Тутъ происходило иногда удивительно комичныя quiproquo: революціонеры оказывались въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Когда образовался „Сѣверно-русскій рабочій Союзъ“, то общество „Земля и Воля“ съ ужасомъ увидѣло въ

его программѣ требованіе *политической свободы* и въ одномъ изъ номеровъ своего журнала прочитало имъ нотацію за ихъ будто бы буржуазныя стремленія. Въ № 5 этого журнала былъ помѣщенъ отвѣтъ рабочихъ, гдѣ они говорили, что они „не деревенскія Сысойки“, что рабочее движеніе безъ политической свободы невозможно, и что политическія права должны служить рабочимъ средствомъ для достиженія ихъ экономическихъ цѣлей. Какъ видите, исторія курицы, высидѣвшей утятъ, видоизмѣнилась здѣсь въ томъ смыслѣ, что утята оказались разумными существами, ласково увѣрившими свою маменьку, что въ плаваньи по политическому морю для нихъ нѣтъ никакой опасности. Маменька долго не вѣрила утятамъ, а теперь позабывши, какъ было дѣло, эта легкомысленная птица настоячиво утверждаетъ, что утята вовсе не способны къ плаванью. Подумайте, къ какимъ результатамъ привела бы разумная, систематическая пропаганда, которая не уничтожала бы классоваго сознанія рабочихъ, а напротивъ показала бы имъ, что рабочій классъ есть „тотъ камень, на которомъ создается церковь настоящаго“!

К. — Нѣтъ, батюшка, вы неисправимы. Я вижу, что, сколько ни споръ съ вами, вы все-таки останетесь врагомъ конституціоннаго движенія.

С. — Изъ сказаннаго мною совсѣмъ нельзя сдѣлать подобнаго вывода. Вы должны были видѣть, напротивъ, что я конституціоналистъ только на особый, социалистическій манеръ. По моему мнѣнію, борьба за политическую свободу должна быть первымъ фазисомъ рабочаго движенія въ Россіи.

К. — А мы всѣ должны превратиться въ пропагандистовъ и нести на фабрики „Хитрую механику“, брошюру Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ?“ и книгу Аксельрода „Рабочее движеніе и социальная демократія“?

С. — Пожалуйста не приписывайте намъ такихъ взглядовъ, которые никому изъ насъ никогда не приходили въ голову. Русское самодержавіе представляетъ собою такое уродливое явленіе, такой

чудовищный анахронизмъ, что я не удивился бы, если бы даже въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, между высокопревосходительными и другими „значительными лицами“, нашлись люди, не чуждые конституціонныхъ стремленій.¹ Можно даже съ увѣренностью сказать, что такіе люди существуютъ: катковско — побѣдоносцевская шайка навѣрное и тамъ успѣла нажить себѣ горячихъ противниковъ. Но какой же сумасшедшій будетъ совѣтовать этимъ „высокопоставленнымъ“ конституціоналистамъ распространять между рабочими запрещенныя книжки? Точно также далека отъ насъ мысль о пропагандистахъ изъ среды земскихъ и думскихъ дѣятелей и тому подобныхъ лицъ, что называется, съ положеніемъ. Я говорилъ о революціонерахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, о тѣхъ разночинцахъ — пролетаріяхъ, которые въ семидесятыхъ годахъ ходили въ народъ, пополняли собою ряды „бунтарей и террористовъ“. Они должны идти въ рабочую среду, потому что это ихъ дѣло и потому что у нихъ нѣтъ другого, болѣе плодотворнаго дѣла въ настоящее время. Не трудно представить себѣ, какую комическую роль пришлось бы играть нашему „революціонеру — разночинцу“ въ гостинныхъ нашихъ чиновныхъ конституціоналистовъ, которые, впрочемъ, навѣрное не захотѣли бы имѣть съ нимъ никакихъ политическихъ сношеній. Точно также можно съ увѣренностью сказать, что онъ не имѣлъ бы успѣха и въ „обществѣ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Много — много, еслибы онъ встрѣтилъ тамъ покровительственно — снисходительное отношеніе, какъ человѣкъ, правда, слишкомъ горячій и „красный“, но зато очень преданный дѣлу и честный. Вообще, еслибы нашъ разночинецъ — революціонеръ дѣйствительно взялся за пропаганду въ обществѣ, о которой онъ теперь такъ сильно поговариваетъ, то онъ частью очутился бы въ положеніи лермонтовскихъ молодыхъ людей, вздыхавшихъ объ аристократическихъ гостинныхъ, куда ихъ по выраженію Лермонтова, не пускали; частью

же долженъ былъ бы убѣдиться въ полной бесполезности принятой имъ роли. Что новаго сказалъ бы онъ этому обществу? Что наше правительство никуда не годится? Это давно уже всѣ знаютъ, а въ настоящее время, вѣроятно, знаетъ уже и само правительство. Или можетъ быть, онъ сообщилъ бы своимъ слушателямъ ту новую мысль, что отъ полицейскаго произвола много терпитъ русскій обыватель? Или онъ сталъ бы доказывать преимущество представительнаго правленія? Но какой же образованный человѣкъ въ Россіи не знаетъ этихъ преимуществъ? Наши университеты ежегодно выпускаютъ сотни молодыхъ людей, которые, подъ страхомъ полученія единицы, должны были изучить всѣ прелести „правового государства“. Наша бѣда, то есть бѣда всѣхъ противниковъ абсолютизма заключается не въ томъ, что мы не знаемъ преимуществъ конституціоннаго режима, а въ томъ, что мы никакъ не можемъ его добиться: видить око, да зубъ нейметъ. И пособить этому горю можно только однимъ путемъ: измѣняя соотношеніе нашихъ общественныхъ силъ въ пользу политической свободы. Но я уже говорилъ вамъ, что для такого измѣненія необходимо содѣйствіе рабочаго класса.

К. — Итакъ, мы договорились теперь, если я не ошибаюсь, вотъ до чего: общество безсильно въ борьбѣ противъ правительства. Всѣ наши надежды должны основываться на рабочихъ. Поэтому, бесполезна всякая агитація въ обществѣ. Мы должны оставить всякую мысль о самостоятельномъ движеніи съ нашей стороны и просить нашу революціонную молодежь, какъ можно скорѣе подготовить рабочихъ для борьбы съ абсолютизмомъ. Если она послушаетъ насъ, то дѣло политической свободы будетъ выиграно, если же нѣтъ, — то абсолютизмъ останется непобѣдимымъ.

С. — Я вовсе не думаю, что судьба Россіи находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ молодыхъ людей. Я знаю, что всѣ общественныя условія, все то, что обыкновенно называется

силою вещей направляется у нас теперь против абсолютизма. Совершенно независимо от воздействия интеллигенции, совершается разложение наших старых экономических порядков, увеличивается численность рабочего класса и постепенно зреет его сознание. Мало того, недовольство существующим порядком накапливается даже в темной крестьянской массе, число столкновений крестьян с властями возрастает с каждым годом. Все это расшатывает абсолютизм и пророчит ему близкую гибель. Это пёсенка спета во всяком случае. Но поскольку речь идет не о слепой силе вещей и обстоятельствах, а о сознательном влиянии личностей на историю своей страны, постольку все сказанное мною остается неопровержимым и неоспоримым. Точно также я вовсе не считаю бесполезной борьбу вышних и средних классов против правительства, я первый приветствовал бы начало такой борьбы, потому что я понимаю все ее *возможное значение*. Но я говорю, что это *возможное значение* не станет *действительным* до тех пор, пока рядом с движением в обществе не начнет движение в рабочей среде, и я приглашаю нашу революционную молодежь содействовать этому последнему движению. Я говорю ей, что только в рабочей среде она найдет плодотворную почву для своей деятельности, что, пробуждая сознание рабочего класса, она будет способствовать не только освобождению этого класса, но и всех других прогрессивных классов в России. А раз наша молодежь выступит на путь пропаганды среди рабочих, хотя бы во имя интересов конституции, она немедленно сама увидит, какова должна быть эта пропаганда. Она поймет, что нельзя изображать рабочим конституционный порядок, как последнюю ступень общественного развития. Она на деле столкнется с вопросом о современных отношениях труда к капиталу и станет организовывать рабочих для борьбы с абсолютизмом, ни на минуту не забывая выяснять им враждебную

противоположность ихъ интересовъ съ интересами буржуазіи, какъ выражаются Марксъ и Энгельсъ въ своемъ Коммунистическомъ Манифестѣ. Однимъ словомъ, пусть только идутъ наши революціонеры къ рабочимъ, *сама жизнь сдѣлаетъ ихъ социальдемократами*. Русскіе революціонеры никогда не закрывали глазъ на социальный вопросъ, но, какъ я сказалъ, смотрѣли на него скорѣе съ точки зрѣнія мелкой буржуазіи, чѣмъ пролетаріата. Этому не мало способствовала принятая ими тактика борьбы. При агитаціи въ крестьянской средѣ не только можно, но и вполне естественно было сохранять мелкобуржуазные взгляды на общественные вопросы. Точно также террористическая борьба, начатая помимо всякой серьезной оуязи съ рабочимъ классомъ, при всемъ своемъ героизмѣ, не могла способствовать выясненію взглядовъ русскихъ революціонеровъ. Но лишь только центр тяжести всего движенія перенесется въ рабочую среду, — интересы пролетаріата по необходимости станутъ главными, или вѣрнѣе, единственнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ всякихъ программъ и учений. Тогда впервые начнется настоящее, широкое социалистическое движеніе на Руси, и тогда, повѣрьте, не долго продержится русскій абсолютизмъ! Рабочій Петръ Алексѣевъ не даромъ говорилъ въ своей рѣчи передъ особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, что „когда поднимется мускулистая рука рабочаго, то окруженное солдатскими штыками зданіе абсолютизма разлетится въ прахъ!“

Политическія задачи русских соціалистов¹⁾.

Соціально-политическіе вопросы, какъ и всѣ на свѣтѣ, имѣютъ свою судьбу, и иногда, на первый взглядъ, довольно странную судьбу. Такъ, напр., соціалистическое движеніе существуетъ у насъ уже давно; можно было бы думать поэтому, что вопросъ о политическихъ задачахъ соціалистовъ принадлежитъ у насъ къ числу окончательно и безповоротно рѣшенныхъ. На дѣлѣ оказывается, однако, иначе. У насъ именно теперь ведутся объ этомъ предметѣ горячіе споры, которые хотя и свидѣтельствуютъ о значительной отсталости нашей соціалистической мысли, но въ то же время показываютъ, что она не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Было время, когда русскіе соціалисты совсѣмъ не спорили о своихъ политическихъ задачахъ, потому что и слышать не хотѣли о существованіи подобныхъ задачъ. Такъ было въ 70-хъ годахъ, въ эпоху процвѣтанія народничества. Народники полагали, что соціалистамъ не пристало заниматься политической борьбой, такъ какъ она, въ концѣ концовъ, можетъ привести лишь къ политической свободѣ, которая нужна и полезна не народу, а его врагамъ, т. е. высшимъ классамъ. Но жизнь обращаетъ, какъ извѣстно, очень мало вниманія на доктрины и доктринки общественныхъ дѣятелей. Она имѣетъ очень безцеремонныя привычки, и если только человѣкъ не сидитъ, сложа руки, она распоряжается имъ по своему, насильно заставляя

¹⁾ Статья эта впервые напечатана была въ шедшемъ въ Женевѣ въ юнѣ 1889 г. органѣ „Соціалистъ“.

его дѣйствовать сообразно съ нуждами времени. Совершенно такъ поступила она и съ народниками. Хотя они считали всякаго рода политическія задачи не болѣе, какъ буржуазными выдумками, но на дѣлѣ все таки занимались политической борьбой, потому что невозможно было не заниматься ею. Съ особенной энергіей вела ее партія „Н. В.“. Казалось бы, что именно эта партія—и именно потому, что она съ необыкновенной энергіей вела политическую борьбу—должна была рѣшить, наконецъ, вопросъ объ отношеніи социализма къ „политикѣ“. Но она не рѣшила, а только обошла его, поставивъ захватъ власти своею ближайшею политическою цѣлью. Такимъ образомъ, они теперь, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, стоятъ передъ тѣмъ самымъ вопросомъ, о рѣшеніи котораго намъ слѣдовало позаботиться въ началѣ—семидесятихъ. Намъ и теперь приходится спрашивать себя: да полно, могутъ-ли у социалистовъ быть какія-нибудь особыя политическія задачи, и если—могутъ, то въ чемъ же именно они заключаются?

Человѣкъ, незнакомый съ исторіей нашего революціоннаго движенія, съ полнымъ правомъ могъ сказать, что все это по меньшей мѣрѣ странно. Но всякая странность имѣетъ свою достаточную причину. При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ оказывается, что отношеніе русскихъ социалистовъ къ „политикѣ“ обуславливалось общимъ характеромъ ихъ міросозерцанія.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ даже вкратцѣ очертить здѣсь исторію народничества, въ которомъ причудливо переплелись ученія утопическаго социализма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ Бакунинскимъ анархизмомъ и съ теоріями славянофиловъ. Поэтому мы ограничимся указаніемъ главныхъ и наиболѣе характерныхъ чертъ этого ученія.

„Соціальная революція“, къ которой стремились революціонеры-народники, была анархической революціей. Народники были принципиальными вра-

гами государства,—не того или другого вида государственной организации, не государства царей и бюрократического централизма и не буржуазного государства, а государства во всѣхъ его видахъ и формахъ—бывшихъ, существующихъ и имѣющихъ существовать. Вслѣдъ за Бакунинымъ, они считали государство главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій народа, который, будто бы, боролся противъ него въ продолженіи всей своей исторіи и не покорился до настоящаго времени. Всѣ, даже самонаименѣйшіе случаи столкновенія народа съ администраціей, объяснялись ими исключительно въ этомъ смыслѣ. Задача революціонеровъ сводилась для нихъ къ поддержанію и расширенію антигосударственныхъ движеній народа. Каждому отдѣльному „протесту“, каждому „бунту“, хотя бы онъ ограничивался предѣлами одной только деревни, придавалось огромное воспитательное значеніе. Поэтому наши революціонеры-народники называли себя также „бунтарями“. Имъ казалось, что всякіе другіе способы вліянія на народъ, помимо „бунтарскихъ“ или невозможны, или даже прямо вредны, потому что, какъ выражался Бакунинъ, „заражаютъ его—официально—общественнымъ ядомъ и, во всякомъ случаѣ, отвлекаютъ его хоть на малое время отъ единственно нынѣ полезнаго и спасительнаго дѣла—отъ „бунта“.

Понятно, что съ этой точки зрѣнія, всякая попытка борьбы за политическую свободу казалась измѣной народному дѣлу. Стремясь къ полному разрушенію государства, народники и слышать не хотѣли о замѣнѣ нашего полицейскаго государства такъ называемымъ правовымъ, т. е. конституціоннымъ. Участіе народа въ политической жизни своей страны считалось ими даже особенно вреднымъ, потому что оно означаетъ—говорили они—признаніе народомъ государства, примиреніе его съ нимъ, а хуже этого они и представить себѣ ничего не могли. Извѣстно, что въ конституціонныхъ странахъ послѣдователи Бакунина настойчиво рекомендовали народу „политическое воздержаніе“.

Экономическія ученія революціонеровъ-народниковъ достаточно извѣстны. Они почти ничѣмъ не отличаются отъ ученія мирныхъ народниковъ, никогда не сходявшихъ съ пути закономъ дозволенной дѣятельности. Вся разница между этими двумя разновидностями народничества заключалась въ томъ, что „бунтари“ считали возможнымъ дальнѣйшее развитіе поземельной общины, лишь при условіи полнаго разрушенія государства. Освобожденные отъ государственнаго гнета, крестьяне получатъ; наконецъ, возможность осуществить свои идеалы и перейдутъ отъ общиннаго владѣнія землею къ общинному производству и, сообразному съ этимъ, распредѣленію продуктовъ. До тѣхъ же поръ, пока существуетъ государство, общинное землевладѣніе и связанные съ нимъ народныя идеалы могутъ только падать и разрушаться. Отсюда видно, что экономическіе взгляды народниковъ должны были сильно укрѣплять склонность ихъ къ „политическому воздержанію“. Идеализація общины давала даже новый доводъ въ пользу такого воздержанія. Народники понимали, что паденіе самодержавія окончательно развяжетъ руки нашей буржуазіи и послужитъ сигналомъ неслыханнаго развитія русскаго капитализма, а слѣдовательно и быстраго разложенія общины. А такъ какъ на общинѣ основывалось всѣ ихъ социалистическія упованія, то неудивительно, что у нихъ не было ни малѣйшей охоты содѣйствовать своей борьбой торжеству буржуазіи. Отрицаніе „политики“ логически вытекало изъ всѣхъ основныхъ положеній народничества.

Мы уже сказали, что народничество развилось подъ сильнѣмъ вліяніемъ бакунизма. Если припомнить, что вліяніе Бакунина сказывалось не только въ Россіи, но и за-границей: въ Италіи, въ Испаніи, въ Швейцаріи и отчасти во Франціи, то станетъ понятно, почему даже тѣ изъ нашихъ „бунтарей“, которые не на словахъ только изучали социалистическія теоріи Запада и старались познаться съ его рабочимъ движеніемъ, не легко

приходили къ мысли о теоретической и практической несостоятельности народничества. На Западѣ они сочувствовали болѣе всего анархистамъ, во многихъ случаяхъ вполне раздѣлявшимъ ихъ взгляды на вещи. Русскимъ народникамъ казалось даже по временамъ, что они имѣютъ право смотрѣть на Западъ съ нѣкоторымъ снисходительнымъ сожалѣніемъ, такъ какъ онъ, бѣдный, давно уже утратилъ естественное основаніе социалистическаго строя,—поземельную общину. Во всякомъ случаѣ, рассматривая западно-европейскую жизнь сквозь анархическую призму, они еще болѣе убѣждались въ томъ, что социализмъ исключаетъ всякую политику.

Не западная, а русская жизнь впервые показала нашимъ народникамъ практическую несостоятельность принципа политическаго воздержанія. Съ Запада пришла къ намъ теоретическая критика этого принципа, но пришла гораздо позже, когда на дѣлѣ, „политика“ поглощала уже всѣ силы революціонеровъ. Со свойственною ему любезностью и предупредительностью, русское правительство взяло на себя трудъ, путемъ доказательства отъ противнаго, [убѣдить ихъ въ необходимости политической *борьбы*, показавъ имъ важное значеніе политической *свободы*. Такъ называемый терроризмъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ борьбой за эту свободу. Но всякая борьба нуждается въ извѣстномъ теоретическомъ оправданіи. Сознавая политическое значеніе принятаго ими способа дѣйствій, наши террористы не могли уже, безъ очевиднаго и вопіющаго противорѣчія, держаться принципа политическаго невмѣшательства. Они отказались отъ него, равно какъ и отъ бакуинскаго взгляда на государство. Желябовъ на судѣ называлъ анархическія увлеченія ошибками молодости русскихъ революціонеровъ. Отношеніе партіи „Народной Воли“ къ „государству“ было діаметрально-противоположно отношенію къ нему народниковъ. Народовольцы не стремились уже къ [разрушенію государства, но, наоборотъ, смот-

рѣли на него, какъ на рычагъ, съ помощью котораго только и можетъ совершиться и упрочиться экономическая революція. Они задались цѣлью овладѣть этимъ рычагомъ, т. е. захватить политическую власть въ свои руки. Такимъ образомъ, „бунтари“ уступили мѣсто *заговорщикамъ*. У русскихъ социалистовъ явилась *положительная* политическая задача.

Заговоръ съ цѣлью захвата власти представляетъ собою несравненно болѣе осмысленное революціонное дѣйствіе, чѣмъ анархическое „бунтарство“ съ его чисто отрицательными задачами. Въ извѣстныхъ, правда совершенно исключительныхъ случаяхъ, заговорщицкій способъ дѣйствія слѣдуетъ признать умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ. Но если для социалистовъ данной страны всѣ шансы „соціальной революціи“ сводятся къ заговору, и если онъ заслоняетъ собою все ихъ политическое положеніе, то можно быть увѣреннымъ, что они не выяснили себѣ историческихъ условій торжества своего дѣла и политическихъ задачъ своей партіи. Исходъ заговора зависитъ отъ ловкости отдѣльныхъ лицъ: торжество социализма готовится общимъ ходомъ историческаго развитія. Заговоръ всегда былъ и будетъ дѣломъ случайнымъ и произвольнымъ: историческое развитіе совершается со всею силою необходимости. Толковать о заговорѣ и въ тоже время закрывать глаза на историческое развитіе своей страны значитъ придавать своему дѣлу характеръ случайности и произвольности, не справляясь объ его исторической необходимости. При такомъ взглядѣ заговорщиковъ на характеръ своей дѣятельности можетъ случиться одно изъ двухъ: или направленіе этой дѣятельности случайно совпадаетъ съ направленіемъ историческаго движенія страны, или оно стоитъ въ противорѣчій съ нимъ. Въ первомъ случаѣ торжество заговорщиковъ будетъ возможнымъ, во второмъ — на всегда останется совершенно немыслимымъ. Нужно сознаться, что стремленіе партіи „Народной

Воли“—какъ общества заговорщиковъ—совсѣмъ не совпадаетъ съ общимъ ходомъ русскаго историческаго развитія. Поэтому заговорщицкіе планы ея были заранѣе осуждены на неудачу.

Во всемъ, что касалось экономическихъ отношеній Россіи, „народовольцы“ совершенно раздѣляли взгляды своихъ предшественниковъ — народниковъ, или вѣрнѣе сказать, они сами были *народниками*. Это обстоятельство отмѣчено было еще въ программѣ Исполнительнаго Комитета. „По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы социалисты-народники“, говорятъ ея составители. Въ качествѣ народниковъ они по прежнему идеализировали общину и съ благочестивымъ ужасомъ смотрѣли на развитіе капитализма въ Россіи. Они стремились захватить власть именно для того, чтобы путемъ государственнаго вмѣшательства остановить развитіе капитализма и содѣйствовать непосредственному переходу общиннаго быта въ социалистическій строй. Въ возможности такого перехода никто изъ нихъ не сомнѣвался. Но если въ рукахъ „соціалистовъ-народниковъ“ государственная машина могла бы, какъ они думали, способствовать дальнѣйшему развитію народныхъ „устоевъ“, то съ другой стороны, они не могли не видѣть, что всѣ современные наши общественные и государственные порядки очень неблагоприятны не только для дальнѣйшаго развитія, но даже и для дальнѣйшаго существованія стараго общиннаго быта. Только слѣпой могъ не видѣть его страшнаго и повсемѣстнаго упадка. Такимъ образомъ, оказалось, что въ непосредственномъ переходѣ общиннаго быта въ социалистическій строй ручалась партія „Народной Воли“, т. е. болѣе или менѣе значительное тайное общество заговорщиковъ, а противъ него выступала пассивная сила существующихъ отношеній и активная сила начавшагося капиталистическаго развитія. Възвѣсивъ все это, ни одинъ народоволецъ не могъ бы, положивъ руку на сердце, сказать, что онъ имѣетъ много разумныхъ основаній „вѣрить“ въ удачу

задуманнаго его партіей соціально-политическаго переворота.

Но въ такомъ случаѣ, какое же значеніе могла имѣть его политическая борьба съ правительствомъ? Если тотчасъ же послѣ паденія абсолютизма власть не можетъ попасть въ руки революціонеровъ — заговорщиковъ, то она не минуетъ рукъ либеральной буржуазіи. Въ качествѣ „соціалистовъ-народниковъ“ народовольцы не могли не пугаться такого исхода, дорожа участію общиннаго быта, который, какъ мы уже знаемъ, былъ имъ самымъ дорогъ не менѣе, чѣмъ „бунтарямъ“. Политическая свобода привлекательна для всякаго честнаго и развитаго человѣка. Но русскіе революціонеры не могли со спокойной совѣстью бороться за нее, не отказавшись отъ экономическихъ взглядовъ народниковъ. Поскольку народовольцы придерживались этихъ взглядовъ, по стольку они не успѣли еще согласить въ своемъ умѣ интересовъ народной массы съ интересами политической свободы и продолжали противопоставлять социализмъ всякой другой политикѣ, кромѣ политики заговора съ цѣлью непосредственнаго экономического переворота.

Чтобы всесторонне уяснить себѣ политическія задачи социализма, русскіе революціонеры должны были начать съ критики основныхъ положеній социалистическаго народничества. Но гдѣ же они могли найти мѣрило для подобной критики? Не трудно видѣть, что его можно было найти только на родинѣ социализма, т. е. на Западѣ.

* * *

Въ доброе старое время „бунтарства“ и отрицанія „политики“ мы изъ всѣхъ революціонныхъ теченій Запада сочувствовали по преимуществу анархическому теченію. Анархизмъ казался намъ послѣднимъ словомъ западно-европейскаго социализма. Между тѣмъ, рядомъ съ анархическими *кружками*, на Западѣ существовали *цѣлыя партіи*, состоявшія почти исключительно изъ рабочихъ,

твердо державшіяся соціалистической программы и въ то же время далеко не равнодушныя къ „политикѣ“. Въ разныхъ странахъ и въ разные годы эти партіи носили разные названія, но въ дѣйствительности всѣ онѣ въ большей или меньшей степени проникнуты были *соціалдемократическимъ духомъ*. Руководители соціальной демократіи никогда не раздѣляли предразсудка относительно несогласимости политики съ социализмомъ. „Надо быть очень ограниченнымъ — пишетъ Лассаль въ своемъ знаменитомъ „Гласномъ отвѣтѣ Центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ, — надо быть очень ограниченнымъ, чтобы находить что работника не должно интересовать политическое движеніе и развитіе!

Наоборотъ, только отъ *политической свободы* можетъ онъ ожидать удовлетворенія своихъ законныхъ интересовъ. Уже самый вопросъ о вашемъ правѣ собираться обсуждать ваши интересы, составлять для осуществленія ихъ общества и пр. — есть вопросъ, зависящій отъ политическаго положенія и политическаго законодательства страны, и потому не стоитъ больше тратить слова на опроверженіе столь ограниченаго воззрѣнія“. Противникомъ „политики“ въ періодъ лассальевской агитаціи явился консервативный соціалистъ Родбертусъ, который совѣтовалъ рабочимъ остаться на почвѣ чисто экономическихъ требованій. Лассаль рѣшился лучше потерять въ лицѣ Родбертуса союзника, которымъ очень дорожилъ, чѣмъ послѣдовать его политическимъ или лучше сказать—анти-политическимъ указаніямъ. Въ этомъ случаѣ основатель „Общегерманскаго Рабочаго Союза“ остался вполне вѣренъ лучшимъ преданіямъ нѣмецкаго соціализма. Еще задолго до начала лассальевской агитаціи, наканунѣ революціонныхъ движеній 1848 года, Марксъ и Энгельсъ ѣдко смѣялись въ своемъ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ надъ истинными (по нашей терминологіи слѣдовало бы сказать *чистыми*) соціалистами,

которые увѣряли народную массу, что въ борьбѣ за политическую свободу она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять. Авторы Манифеста безъ церемоніи называли такихъ „чистыхъ“ социалистовъ реакціонерами. Это было рѣзко, но совершенно справедливо. Противопологать социализмъ политикѣ просто нелѣпо. Социализмъ это та же политика, но только политика рабочаго класса, стремящаго къ своему экономическому освобожденію. Политика рабочаго класса немедленно становится социализмомъ, когда рабочій классъ сознательно задается такою цѣлью и сообразно съ нею организуется въ особую партію. Поэтому понимающій человѣкъ можетъ и долженъ противопологать не социализмъ политикѣ и не политику социализму, а политику рабочаго класса — политикѣ буржуазин, политику эксплуатируемыхъ — политикѣ эксплуататоровъ. *Такое* противоположеніе имѣетъ глубокій смыслъ, такъ какъ оно основывается на борьбѣ интересовъ въ современномъ обществѣ. Но имъ создается не отрицательное отношеніе къ политикѣ, а наоборотъ, стремленіе принять въ политической жизни дѣятельное и сознательное участіе. Экономическое освобожденіе рабочаго класса можетъ быть достигнуто путемъ политической борьбы и только путемъ политической борьбы. Такъ называемая чисто экономическая борьба рабочихъ съ предпринимателями велась и ведется съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуютъ рабочіе и предприниматели. Пока рабочій классъ занимается чисто экономической борьбой, онъ еще не думаетъ о коренномъ измѣненіи своего положенія. Онъ заботится тогда о томъ, чтобы нѣсколько улучшить его въ предѣлахъ существующаго экономического строя. Такъ, онъ борется, напримѣръ, за повышеніе платы, даже не помышляя о возможности устраненія такихъ экономическихъ порядковъ, благодаря которымъ сила продается, какъ товаръ, на рынокъ. При такомъ положеніи дѣлъ почти всегда бываетъ, что борясь съ отдѣльными представителями буржуазнаго

класса, т. е. со своими предпринимателями, рабочіе въ то же время поддерживаютъ буржуазію, какъ цѣлый *классъ*, идя во хвостъ буржуазныхъ политическихъ партій. Этимъ затрудняется достиженіе даже тѣхъ скромныхъ и безобидныхъ экономическихъ цѣлей, которыя преслѣдуются тогда рабочими. Имѣя въ своихъ рукахъ всю политическую власть и не встрѣчая въ пользованіи ею никакого противодѣйствія со стороны рабочихъ, буржуазія всегда имѣетъ полную возможность свести, какъ говорится, на нѣтъ всѣ успѣхи рабочихъ въ области экономической борьбы. Но какъ только борьба рабочихъ противъ предпринимателей, обобщаясь и расширяясь, принимаетъ болѣе серьезный, глубокий и рѣшительный характеръ, она переносится съ узкой арены фабрикъ и мастерскихъ на несравненно болѣе широкую арену государственной жизни. Рабочіе перестаютъ поддерживать буржуазію въ политикѣ и сплачиваются въ особую политическую партію. Тогда борьба ихъ принимаетъ классовый характеръ: „всякая классовая борьба есть борьба политическая“. Сплотившись въ особую политическую партію, рабочіе говорятъ съ буржуазіей уже совсѣмъ другимъ языкомъ и борются съ ней гораздо болѣе грознымъ оружіемъ. Тогда въ чисто экономической области буржуазія дѣлается болѣе уступчивой. И это понятно. Тамъ, гдѣ интересы общественныхъ классовъ до такой степени противоположны и враждебны, какъ враждебны и противоположны интересы рабочихъ и предпринимателей—уступки могутъ быть вынуждены только *силой*, политическая же борьба представляетъ собою наиболѣе производительную затрату силъ всякаго даннаго класса, не исключая и класса рабочихъ. Но вырванныя у буржуазіи экономическія уступки — это только побочный результатъ политической борьбы рабочаго класса. Самымъ главнымъ и незамѣнимымъ результатомъ этой борьбы является его политическое воспитаніе. На аренѣ политической жизни рабочій классъ быстро растетъ и умственно и нравственно, его

мужество крѣпнеть, его сознаніе проясняется, и онъ зрѣетъ для полной побѣды надъ буржуазіей. Вообще не нужно обманываться на счетъ цѣли участія рабочихъ въ политической жизни современныхъ обществъ. Какъ только пролетаріатъ выступаетъ на путь политической борьбы за свои интересы, онъ, подобно всѣмъ другимъ классамъ, начинаетъ стремиться къ полному политическому господству. Неотвратимый ходъ экономическаго развитія заботится о томъ, чтобы обезпечить ему побѣду. „Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею создается“. Правда, рабочій классъ воспользуется своимъ господствомъ для того, чтобы положить конецъ раздѣленію общества на классы, а слѣдовательно и своему собственному классовому господству.

Эта цѣль навязывается ему сантиментальными соображеніями о безнравственности господства одного класса надъ другимъ. Подобныя соображенія легко забываются тамъ, гдѣ противъ нихъ говоритъ экономическая выгода. Но въ данномъ случаѣ въ пользу указанной цѣли политическаго господства пролетаріата возвышаетъ свой повелительный голосъ сама экономическая необходимость. Безъ уничтоженія классовъ невозможно экономическое освобожденіе пролетаріата. Но это уже болѣе отдаленная цѣль, къ которой пролетаріатъ не можетъ придти безъ политическаго господства. Слѣдовательно, политическое господство должно быть непосредственною цѣлью его политической борьбы съ буржуазіей. Эта ближайшая цѣль также не можетъ быть достигнута однимъ смѣлымъ скачкомъ, однимъ удачнымъ политическимъ дѣйствіемъ. Ея достиженіе предполагаетъ болѣе и менѣе продолжительный историческій процессъ развитія рабочаго класса. Но важно то, что социальдемократы приурочиваютъ къ ней всѣ другія части своей программы и что въ сравненіи съ нею всѣ онѣ являются второстепенными и подчиненными.

Такъ смотритъ на политическую борьбу социальная демократія. Вѣчная, неустанная, безпощадная борьба съ буржуазіей — вотъ краткая формула ея „политики“. Въ этой борьбѣ рѣчь идетъ не о существованіи рабочей партіи рядомъ съ партіями буржуазными, а о полномъ устраненіи того порядка, при которомъ существуютъ буржуазія и пролетаріатъ. Эта борьба есть борьба *политическая*: сначала борьба за политическія *права*, какъ за необходимое условіе дальнѣйшаго развитія рабочаго класса; потомъ борьба за политическое *господство*, какъ за необходимое условіе его экономическаго освобожденія. Конечно, въ различныхъ странахъ, сообразно съ ихъ культурно-историческими особенностями, программа социальной демократіи получаетъ различныя видоизмѣненія. Но общій характеръ ея остается неизмѣннымъ. Соціалдемократы убѣждены, что естественная логика вещей, естественное развитіе современныхъ отношеній должны привести къ политическому и экономическому пораженію буржуазіи. Поэтому они поддерживаютъ всякое поступательное движеніе, обнаруживающееся въ средѣ современныхъ обществъ, какъ движеніе ускоряющее неизбѣжную развязку. Правда, въ тѣхъ странахъ, гдѣ буржуазный строй достигъ уже полнаго своего развитія, прогрессивныя движенія могутъ имѣть мѣсто только среди рабочаго класса. Буржуазія играетъ тамъ исключительно консервативную, если не реакціонную роль. Но не то мы видимъ въ отсталыхъ странахъ, гдѣ буржуазные порядки еще не сдѣлались господствующими. Тамъ сама буржуазія играетъ революціонную роль по отношенію къ старымъ, отжившимъ общественнымъ порядкамъ. Такова, на примѣръ, была Германія до 1848 года. Нѣмецкая буржуазія боролась противъ абсолютизма и обращалась къ рабочему классу за помощью и поддержкой. „Истинные“ или „чистые“ социалисты говорили, что рабочимъ не слѣдуетъ принимать участіе въ этой борьбѣ, потому что исходъ ея важенъ для одной буржуазіи. Соціалдемократы,

или, по тогдашнему, коммунисты, совѣтовали рабочимъ поддерживать буржуазію въ ея борьбѣ противъ абсолютной монархіи, но въ то же время „ни на минуту не переставали вырабатывать въ ихъ умахъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“. Они хотѣли, чтобы „общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи. Послѣ контръ-революціи 1848—49 гг. коммунистамъ и революціоннымъ слоямъ буржуазіи пришлось снова бороться съ правительствомъ посредствомъ тайныхъ обществъ. Тогда возникъ вопросъ о союзѣ всѣхъ революціонныхъ элементовъ въ одну антиправительственную партію. Это была проповѣдь политики, „чистой“ отъ всякаго классового антагонизма. Коммунисты отвѣчали на эту проповѣдь простымъ и яснымъ образомъ: мы готовы поддерживать васъ въ борьбѣ противъ реакціи, говорили они, потому что такая борьба лежитъ въ интересахъ пролетаріата. Но мы ни за что не сольемся съ вами въ одну политическую партію, потому что такое сліяніе было бы равносильно отказу пролетаріата отъ всякой самостоятельной роли и низведенію его на степень послушнаго хора, служащаго простымъ отголоскомъ требованій демократической буржуазіи. Напротивъ, мы употребимъ всѣ усилія для того, чтобы создать самостоятельную организацію рабочихъ, которая могла бы обсуждать интересы своего класса независимо отъ всякихъ буржуазныхъ вліяній. На случай нашей совмѣстной борьбы противъ общаго врага мы не имѣемъ надобности въ полномъ предварительномъ соединеніи. „Оно произойдетъ на дѣлѣ, если только радикальная буржуазія не убоится опасности. Что же касается до насъ, то мы не замедлимъ занять въ столкновеніяхъ съ правительствомъ надлежащее намъ первое мѣсто“. Отъ

подобной тактики по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ нѣмецкіе соціалъдемократы не отказались вплоть до настоящаго времени, и быстрый ростъ политическаго сознанія нѣмецкаго пролетаріата убѣдительно доказываетъ ея цѣлесообразность.

Итакъ, соціальная демократія успѣла слить соціализмъ съ „политикой“ въ одно стройное гармоничное цѣлое. Если бы русскіе революціонеры стали на ея точку зрѣнія, они сразу покончили бы съ тою путаницей экономическихъ и политическихъ понятій, которыя нерѣдко обращали въ ничто ихъ самоотверженныя усилія. Они могутъ это сдѣлать, не опасаясь послѣдствій, потому что ученіе соціальной демократіи по своей выработанности и послѣдовательности оставляетъ безконечно далеко позади себя противорѣчивыя теоріи анархистовъ и народниковъ. Даже враги называютъ это ученіе *научнымъ соціализмомъ*, и при нѣкоторомъ знакомствѣ съ дѣломъ, очевидно, что только оно, только ученіе соціальной демократіи и можетъ имѣть основательную претензію на такое названіе. Съ точки зрѣнія соціальной демократіи экономическая задача русскихъ соціалистовъ представляется совершенно въ новомъ свѣтѣ.

Послѣдователи научнаго соціализма борются во имя ближайшихъ задачъ и интересовъ рабочаго класса, но въ то же время они отстаиваютъ и будущность движенія.

Имѣя въ виду будущность русскаго рабочаго движенія, наши соціалисты не станутъ уже, подобно соціалистамъ-народникамъ, возставать противъ развитія у насъ капитализма, потому что капитализмъ ежедневно и ежечасно увеличиваетъ численность пролетаріата и создаетъ тѣ производительныя силы (фабрики, заводы, пути сообщенія и т. д.), тѣ матеріальныя условія, безъ которыхъ освобожденіе рабочаго класса навсегда осталось бы мечтою.

Точно также въ интересахъ будущности рабочаго движенія русскіе соціалисты, усвоившіе точку

зрѣнію соціальной демократіи, не смогутъ. подобно анархистамъ относиться къ государству съ голымъ отрицаніемъ. Конечно, современная государственная власть по существу своему враждебна интересамъ рабочихъ. Но, *взявши государственную власть въ свои руки*, революціонный пролетаріатъ сумѣетъ сдѣлать ее самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ своего экономическаго освобожденія. Говоря вообще, соціалъдемократы не придають значенія захвату власти горстью заговорщиковъ, хотя бы заговорщики были одушевлены самыми лучшими намѣреніями по отношенію къ рабочимъ, но они считаютъ политическое господство рабочаго класса необходимымъ прологомъ экономической революціи. Главнѣйшая политическая задача ихъ заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, чтобы по возможности приблизить время этого господства. Поэтому русскіе соціалъдемократы не станутъ толковать о такъ называемомъ чистомъ соціализмѣ, т. е. о соціализмѣ, чистомъ отъ всякой политики. Политическая свобода необходима для роста и развитія ихъ партій. Весь соціализмъ есть въ ихъ глазахъ не что иное, какъ *политическая* борьба рабочаго класса за свое *экономическое* освобожденіе. „Чистый“ соціализмъ кажется имъ реакціонной утопіей. Но ихъ нельзя сбить съ толку и мнимыми выгодами, „чистой“ политики. Для нихъ „чистая“ политика есть или простая дополнительная ошибка къ „чистому“ соціализму, нелѣпая крайность, вызванная другою, не менѣе нелѣпою крайностью, или софизмъ, съ помощью котораго либеральное лицемѣріе старается отвлечь вниманіе рабочихъ отъ жгучихъ экономическихъ вопросовъ. Русскіе соціалъдемократы съумѣютъ понять интересы политической свободы, не закрывая глазъ на экономическіе интересы пролетаріата.

Самая первая, самая настоящая, въ то же время самая очевидная и самая безспорная изъ всѣхъ ближайшихъ задачъ русскихъ соціалистовъ заключается въ *поддержаніи* своего *существованія*, какъ *особой* — *соціалистической* — *партіи* *рядомъ* съ

другими — либеральными — партіями, образующимися или имѣющими образоваться для борьбы съ абсолютизмомъ. Слиться съ такими партіями для русскихъ соціалистовъ значило бы совершить политическое самоубійство, потому что, въ случаѣ сліянія, не либералы примутъ ихъ программу, а имъ придется принять программу либераловъ, т. е. на долгое время оставить даже всякіе попытки о социализмѣ. Но, съ другой стороны, поддержать свое существованіе, какъ особой партіи, русскіе соціалисты могутъ только при одномъ необходимомъ условіи: именно при условіи возбужденія сознательно политическаго движенія въ средѣ рабочаго класса. Въ этого класса соціалистическое движеніе немыслимо. Движеніе ограниченное тѣспными предѣлами интеллигенціи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо соціалистическимъ. Оно способно служить только преддверіемъ и предвѣстіемъ настоящаго соціалистическаго движенія, т. е. *движенія рабочихъ*. Забывши эту простую истину, наша революціонная интеллигенція, какими бы кличками она ни тѣшила свое самолюбіе, на дѣлѣ тотчасъ же перестала бы быть соціалистической и превратилась бы въ лѣвое крыло либеральной буржуазіи. Но подобное превращеніе было бы выгодно только для дѣла русскаго самодержавія. Для завоеванія политической свободы недостаточно силъ высшихъ классовъ. Рано или поздно за нее придется проливать свою кровь русскимъ рабочимъ. Весь вопросъ сводится въ этомъ случаѣ къ тому, будутъ-ли рабочіе бороться противъ абсолютизма въ качествѣ слѣпыхъ орудій либераловъ или ихъ борьбѣ суждено сдѣлаться первымъ политическимъ шагомъ самостоятельной рабочей партіи въ Россіи.

Отъ нашей соціалистической интеллигенціи въ значительной степени зависитъ будущее рѣшеніе этого вопроса.

Еще разъ социализмъ и полититиче- ская борьба¹⁾).

Осенью 1883 года вышла въ Женевѣ моя брошюра „Соціализмъ и политическая борьба“, положившая начало литературной пропагандѣ группы „Освобожденіе Труда“ и посвященная вопросу о политическихъ задачахъ русскихъ социалистовъ. Теперь я берусь за перо, чтобы опять поговорить съ читателемъ о томъ же вопросѣ. И я надѣюсь, что никто не назоветъ его устарѣлымъ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ не устарѣлъ и до сихъ поръ. Нынѣшнее положеніе русской социалистической партіи въ очень многомъ и очень сильно отличается отъ того, въ которомъ она находилась семнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь дѣйствительно устарѣло очень многое изъ того, что занимало и волновало тогда ея приверженцевъ, но вопросъ объ ея политическихъ задачахъ и теперь принадлежитъ, — какъ принадлежалъ тогда — къ числу нашихъ Zeit- und Streitfragen. Болѣе того, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что теперь, какъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ является самымъ важнымъ, самымъ насущнымъ и самымъ жгучимъ изъ всѣхъ практическихъ вопросовъ, требующихъ отъ насъ отвѣта: отъ его рѣшенія въ ту или другую сторону зависитъ все будущее нашей партіи. А между тѣмъ онъ до сихъ поръ нѣкоторыми изъ насъ рѣшается ошибочно; до сихъ поръ онъ представляетъ собою какое-то „заколдованное мѣсто“, о которое запинаются под-

¹⁾ Статья эта написана осенью 1900 года и напечатана въ первой книжкѣ „Заря“.

часть люди, имѣющіе рѣшительно всѣ данныя для того, чтобы легко справиться и не съ такими трудностями. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какъ и кѣмъ заколдовано „мѣсто“, относящееся къ нашимъ политическимъ задачамъ? Чтобы уяснить себѣ это, полезно будетъ припомнить, какъ развивалась въ ~~русской~~ революціонной средѣ идея политической борьбы въ теченіе послѣдней четверти вѣка.

I.

Лѣтъ 25 тому назадъ въ этой средѣ почти безраздѣльно господствовало *народничество*, которое, однако, не надо смѣшивать съ *ученіемъ г. г. В. В. и компаніи*. Ученіе этихъ господъ представляетъ собою что то въ родѣ злѣйшей карикатуры на старое народничество. Правда, въ основѣ стараго народничества лежали, въ общемъ, тѣ же самыя *теоретическія* посылки, на которыя опираются теперь г. В. В. и его единомышленники, но *практика* народничества семидесятыхъ годовъ не похожа на ту практику, которой занимаются теперь г. В. В. съ братіей. Эта почтенная братія твердо уповаетъ на царское правительство: она помнитъ тотъ историческій фактъ, что это правительство заводило когда то военныя поселенія, и дѣлаетъ изъ этого несомнѣннаго факта тотъ нѣсколько сомнительный выводъ, что это же правительство могло бы взяться и за организацію фаланстеровъ; народники семидесятыхъ годовъ и слышать не хотѣли о *царскомъ правительствѣ*. Г. В. В.—реакціонеръ; народники семидесятыхъ годовъ были *революционерами*, отъ души ненавидѣвшими всякую реакцію. Поэтому они, навѣрное, почувствовали бы себя жестоко оскорбленными, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что современнаго народничества выродится въ доктрину, проповѣдующую экономическое освобожденіе русской трудящейся массы посредствомъ мирныхъ реформъ сверху.

Но народники семидесятыхъ годовъ были въ значительной степени пропитаны духомъ *анархизма*. Я сказалъ, что они и слышать не хотѣли о *царскомъ*

правительствѣ. Мнѣ слѣдовало прибавить: какъ и о *правительствѣ вообще*. Они смотрѣли на государство глазами анархистовъ, и если этотъ анархическій взглядъ на государство предохранялъ ихъ отъ всякихъ ложныхъ шаговъ по отношенію къ царизму, то онъ же мешалъ имъ понять характеръ и значеніе ихъ собственной революціонной борьбы.

Съ точки зрѣнія анархиста, стремящагося къ непосредственному разрушенію государства, борьба за политическую свободу, т. е. за *известный видъ государственнаго устройства*, представляется жалкой непослѣдовательностью, постыднымъ компромиссомъ ¹⁾.

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы вызвать у нашихъ тогдашнихъ народниковъ сильное предубѣжденіе противъ „политики.“ Но къ этому у нихъ присоединялось другое соображеніе, под- сказанное имъ ихъ *экономическими воззрѣніями*. Они боялись, что конституціонный строй, окончательно развязавъ руки буржуазіи, тѣмъ самымъ дастъ могучій толчокъ *развитію* у насъ *капитализма*, а слѣдовательно и разрушенію тѣхъ *старинныхъ „устоевъ“* нашей экономической жизни, которые представлялись имъ зародышами будущаго социалистическаго строя. Это, такъ сказать, *самобытное* соображеніе еще болѣе предубѣждало ихъ противъ „политики“ Всякая мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу встрѣчала съ ихъ стороны такое же страстное осужденіе, съ какимъ они относились ко всѣмъ видамъ и родамъ экономической эксплуатаціи трудящихся.

Но осуждать всякую мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу значить косвенно его поддерживать. Отрицая „политику“, наши народники повторяли ошибку „истинныхъ“ нѣмецкихъ социалистовъ сороковыхъ годовъ, такъ мѣтко и жестоко осмѣянныхъ въ „*Манифестъ Коммунистической Партіи*“.

¹⁾ Это твердитъ теперь гр. Л. Толстой, представляющій собой анархиста на *радикальной* подкладкѣ.

По словамъ Манифеста, эти социалисты не упускали случая „противопоставить политическому движенію социалистическія требованія и расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ и равенству и проповѣдывать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять“. Это какъ разъ та самая проповѣдь, которую вели наши народники, и какъ разъ тѣ самыя проклятія, которыя расточались ими. И поскольку они вели *такую* проповѣдь и расточали *такія* проклятія, они невольно и незамѣтно для себя превращались изъ рѣшительныхъ реакціонеровъ, въ косвенныхъ сторонниковъ *застоя*. Это была большая ошибка. Къ счастью для самихъ себя и для всего нашего революціоннаго движенія, народники *дѣлали* въ этомъ случаѣ *не то, что думали и говорили*.

Они называли себя *бунтарями*. Это значить, что они старались поднимать народъ противъ правительства вездѣ, гдѣ это было возможно. Собственно „*бунтовъ*“ — по крайней мѣрѣ большихъ „*бунтовъ*“, о которыхъ мечтали народники,—изъ этихъ стараній никакихъ не вышло, но это не помѣшало „бунтарямъ“ сослужить нашему движенію хорошую службу. Ихъ „бунтарскія“ стремленія сдѣлали изъ нихъ усердныхъ, неутомимыхъ и очень искусныхъ *агитаторовъ*. Они агитировали въ деревнѣ и въ городѣ, между крестьянами и рабочими, между либералами и раскольниками, между казаками разныхъ „земель“ и студентами разныхъ „вѣдомствъ“. Они энергично, „не щадя своего живота“, поддерживали всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направлявшееся противъ существующаго порядка, и въ этой неутомимой агитаціонной дѣятельности, въ этой всегдашней готовности немедленно откликнуться на всякое проявленіе общественнаго недовольства заключается все значеніе революціоннаго народничества. Правильный *революціонный инстинктъ спасалъ*

народниковъ семидесятихъ годовъ отъ реакціонныхъ выводовъ, вытекавшихъ изъ ихъ ошибочныхъ теоретическихъ посылокъ.

Но какъ ни велико значеніе революціоннаго инстинкта, онъ не можетъ замѣнить собою революціонную теорію. Теоретическія ошибки народниковъ не остались безъ вреднаго вліянія на ихъ агитаціонную практику.

Какъ уже сказано мною выше, въ ихъ программѣ не было мѣста для борьбы за политическую свободу. Имъ оставалось, поэтому, направить всѣ свои силы въ сторону *агитаціи на экономической почвѣ*. И дѣйствительно, агитація этого рода составляетъ самую выдающуюся черту ихъ революціонной дѣятельности. Но въ ней была своя неумолимая логика. Агитація на экономической почвѣ во имя ближайшихъ требованій крестьянъ и рабочихъ велась *не въ государствѣ вообще, а въ русскомъ полицейскомъ государствѣ*. Агитаторамъ, равно какъ и волнующейся массѣ, приходилось сталкиваться не съ правительствомъ вообще, а съ правительствомъ русскаго самодержца. Столкновенія съ этимъ правительствомъ вызывали въ умахъ массы извѣстные *политическіе вопросы*, на которые не могли не отвѣчать агитаторы. Такимъ образомъ экономическая агитація естественнымъ и неотвратимымъ ходомъ вещей превращалась въ *политическую*. Но тагъ какъ она превращалась въ нее *вопреки народнической теоріи*, то превращеніе оставалось незаконченнымъ, и народники сами старались задержать начинавшееся въ рабочей средѣ политическое движеніе. Если читатель дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ моей брошюрой: „*Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи*“, то онъ увидитъ изъ нея, какъ искусно вели народники (напримѣръ, во время стачекъ на Новой Бумагопрядильнѣ) дѣло первоначальнаго политическаго воспитанія массы. Но эта же брошюра напомнитъ ему о томъ, что когда „*Сѣверно—Русскій Рабочій Союзъ*“ выставилъ въ своей программѣ конституціонныя требованія, то тѣ же народники осу-

дили ихъ, какъ несовмѣстимыя съ социализмомъ.

А когда народникамъ приходилось агитировать въ такъ называемомъ *обществѣ*, тогда противорѣчіе между ихъ *мнѣніями* и ихъ *дѣйствіями* обнаружилось съ еще большею ясностью. „Ближайшими требованіями“, дававшими поводы для агитаціи, являлись здѣсь требованія, имѣвшія самый несомнѣнный политическій характеръ. Удовлетвореніе этихъ требованій (напримѣръ, требованіе неприкосновенности личности и подсудности присяжнымъ дѣлъ по „политическимъ преступленіямъ“) предполагало установленіе того конституціоннаго порядка, который пугалъ народниковъ своими „буржуазными“ послѣдствіями. Много умственныхъ силъ потратили народники на борьбу съ этимъ противорѣчіемъ, но такъ какъ побороть, т. е. разрѣшить его можно было, лишь отказавшись отъ народничества, то ихъ усилія приводили къ мало убѣдительнымъ софизмамъ или къ такимъ страннымъ заявленіямъ, которыя способны были только уменьшить престижъ революціонеровъ въ глазахъ либеральнаго общества. Чтобы подтвердить мою мысль примѣромъ, достаточно напомнить о брошюрѣ „Смерть за смерть“, которая издана была обществомъ „Земля и Воля“ тотчасъ послѣ удачнаго покушенія на жизнь шефа жандармовъ Мезенцева и въ которой говорилось, что революціонеры вовсе не считаютъ нужнымъ нападать на правительство и очень охотно оставили бы его въ покоѣ, если бы только оно съ своей стороны не вмѣшивалось въ ихъ смертельную борьбу съ буржуазіей. Такое заявленіе могло бы быть признано умѣстнымъ только въ томъ случаѣ, если бы „землеволюцы“ задались цѣлью совершенно испортить чрезвычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на общество отчаянно-смѣлымъ поступкомъ С. М. Кравчинскаго¹⁾.

¹⁾ Интересно, что авторомъ упомянутой брошюры былъ самъ же С. М. Кравчинскій.

II.

Такъ называемая террористическая борьба означала въ дѣйствительности полный разрывъ со старой народнической программой. Но, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, *мысль* отстала отъ *жизни*, и тѣ самые люди, дѣйствія которыхъ нанесли смертельный ударъ старому образу мыслей, продолжали держаться за него обѣими руками. „*Народовольцы*“ называли себя *народниками* и подобно своимъ предшественникамъ — „землевольцамъ“ были убѣждены въ томъ, что конституціонный порядокъ, расшатавъ старые „устои“, нанесетъ существенный ущербъ интересамъ народной массы. Чтобы устранить вызываемыя этимъ сомнѣнія и опасенія, публицисты „Народной Воли“ сначала старались убѣдить себя и другихъ, что депутаты, которыхъ нашъ народъ пошлетъ въ Учредительное Собраніе, окажутся, въ огромномъ большинствѣ своемъ, социалистами; впослѣдствіи тѣ же публицисты остановились на *теоріи захвата власти*.

Съ помощью захвата власти они надѣялись однимъ зарядомъ убить двухъ зайцевъ: свергнуть царское правительство и устранить буржуазію отъ вліянія на общественно — экономическую жизнь Россіи. Имъ казалось, что разъ политическая власть попадетъ въ руки революціонеровъ, то социалистическая организація общества не представитъ большихъ трудностей въ виду существованія у насъ общиннаго землевладѣнія и неразвитаго состоянія нашего капитализма. Излишне критиковать здѣсь эту теорію. Ея критика сдѣлана мною уже въ первыхъ изданіяхъ группы „Освобожденіе Труда“, т. е. въ такое время, когда жизнь еще не произнесла надъ нею своего приговора „въ окончательной формѣ“, и когда еще очень немногимъ приходило на мысль сомнѣваться въ ея основательности.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ заколдовано „мѣсто“, относящееся къ политическимъ задачамъ нашихъ социалистовъ: со-

ціалисты второй половины семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ неправильно понимали эти задачи отчасти потому, что они усвоили отъ анархистовъ противоположеніе социализма политикѣ, а отчасти потому, что они держались ошибочнаго взгляда на такъ называемые „устои“ нашей старой экономической жизни.

Когда въ 1883 году возникла группа „Освобожденіе труда“, она поставила своей ближайшей цѣлью именно критику этихъ двухъ вредныхъ предразсудковъ. Она стала доказывать, во-первыхъ, что развитіе капитализма въ Россіи не отдалить торжества нашего социалистическаго идеала, а напротивъ, впервые создать для него экономическую основу, и, во—вторыхъ, что противопоставленіе социализма политикѣ лишено смысла, такъ какъ *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. Въ то время эти, чрезвычайно простыя, мысли встрѣчены были въ нашей социалистической средѣ какъ опасная ересь. Группѣ „Освобожденіе труда“ пришлось выслушать не мало упрековъ за ея будто бы вредныя новшества. Теперь въ нашей революціонной средѣ господствуетъ *соціаль-демократическое* направленіе, а между социальдемократами днемъ съ огнемъ не найдешь такого чудака, который боялся бы капитализма или находилъ бы, что политическая борьба не согласима съ социализмомъ. Теперь огромное большинство русскихъ революціонеровъ окончательно разорвало съ *теоретическими* предразсудками народничества. Поэтому можно было бы думать, что и въ нашей *практикѣ* стали невозможны прежнія народническія ошибки. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло иначе. Такъ называемое *экономическое* направленіе воспроизводитъ ихъ иногда съ поразительной точностью. Какимъ же путемъ пришли къ этимъ народническимъ ошибкамъ люди, придерживающіеся социальдемократическаго образа мыслей?

Какъ извѣстно, экономическое направленіе съ наибольшей якостью выразилось у насъ въ „Рабочей Мысли“, не разъ высказывавшей совершенно

„несуразныя“ сужденія по политическимъ вопросамъ. Но я не стану говорить о „Рабочей Мысли“ именно потому, что сужденіе ея публицистовъ часто бываютъ совершенно „несуразны“. Мнѣ хочется заглянуть „въ корень вещей“ и рѣшить, не были ли эти публицисты введены во искушеніе нѣкоторыми взглядами, еще недавно очень распространенными у насъ и высказанными впервые серьезными и основательными людьми. Съ этой цѣлью я остановлюсь на извѣстной брошюрѣ „Объ агитаціи“.

III.

Въ этой брошюрѣ говорится, что „какъ бы широко не было рабочее движеніе, успѣхъ его не обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не станетъ твердо на почву политической борьбы“ и что „достиженіе политической власти является главной задачей борющагося пролетаріата“.¹) Это именно та элементарная неоспоримая политическая истина, признаніе которой составляетъ огромный шагъ впередъ въ развитіи нашего политическаго міросозерцанія. Далѣе авторъ брошюры утверждаетъ, что „какъ социальдемократы, мы ставимъ своей задачей привести пролетаріатъ къ сознанію необходимости политической свободы, какъ предварительнаго условія для возможности его широкаго развитія“.²) Это опять вполне справедливо. Задача поставлена авторомъ правильно: весь вопросъ въ томъ, какъ приходитъ онъ къ ея рѣшенію.

Послушаемъ опять его самого,

„Какъ ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притомъ еще въ странѣ политически отсталой, рабочій классъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ задыхаться въ данной политической атмосферѣ, пока удовлетвореніе ставшихъ для него необходимыми потребностей не будетъ (не сдѣлается?) невозможнымъ въ предѣлахъ существующихъ политическихъ условій. Какъ для сознанія противополож-

¹) *Объ агитаціи*, Женева 1896, стр. 7.

²) Тамъ же, та же страница.

ности интересовъ недостаточно только возникновенія этой противоположности, а необходима постоянная борьба, такъ и для сознанія политическаго безправія недостаточно самаго факта этого безправія, до тѣхъ поръ, пока оно не столкнется съ стремленіями рабочей массы къ улучшенію своего положенія“.¹⁾

Авторъ и тутъ правъ. Дѣйствительно, никогда, нигдѣ и ни одинъ классъ не начиналъ политической борьбы до тѣхъ поръ, пока его стремленія (экономическія и другія) не наталкивались на серьезное препятствіе, на существующій политическій порядокъ. Но эта вѣрная мысль сопровождается у нашего автора слѣдующимъ положеніемъ: „Народная масса вовлекается въ борьбу не разсужденіями, но объективной логикой вещей, самимъ ходомъ событій, наталкивающихъ ее на борьбу“. Это положеніе можно признать справедливымъ только съ очень большими оговорками, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ брошюрѣ „Объ агитаціи“.

Для того, чтобы повліять на поступки людей, а слѣдовательно и на ихъ борьбу, „объективная логика вещей“ *должна отразиться въ ихъ сознаніи, т. е. повліять и на ихъ разсужденія*. Когда рабочіе данной фабрики объявляютъ предпринимателю, что они несогласны работать на данныхъ условіяхъ, это значитъ, что ихъ „объективное“ положеніе вызвало въ нихъ рядъ „разсужденій“, въ результатъ которыхъ явилось *рѣшеніе начать забастовку*. Противопоставленіе „объективной логики вещей“ *человѣческимъ разсужденіямъ* можетъ быть допущено лишь въ извѣстномъ, точно опредѣленномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности объективная логика вещей (точнѣе — общественныхъ отношеній) не только не отрицаетъ разсужденій, а напротивъ, вызываетъ и опредѣляетъ ихъ, т. е. наполняетъ извѣстнымъ содержаніемъ и направляетъ ихъ въ извѣстную сторону. Въ этомъ не могутъ сомнѣ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 7—8.

ваться по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые держатся матеріалистическаго пониманія исторіи. Пониманіе это указало и объяснило причинную *связь, существующую между развитіемъ общественныхъ отношеній, съ одной стороны, и ходомъ человѣческихъ разсужденій съ другой*. Но оно признало и объяснило также и тотъ, давно уже подмѣченный, фактъ, что разсужденія людей, — особенно массы, — очень часто, чтобы не сказать всегда, отстаютъ отъ хода развитія общественныхъ отношеній. Признавъ и объяснивъ этотъ фактъ, матеріалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ разрѣшило и знаменитый, вызвавшій у насъ такъ много устныхъ и печатныхъ споровъ, вопросъ о „роли личности въ исторіи“. Тамъ, гдѣ общественныя отношенія не стоятъ на одномъ мѣстѣ, задача *передовыхъ личностей*, — а слѣдовательно и передовыхъ партій, — заключается прежде всего въ содѣйствіи тому чрезвычайно важному по своимъ практическимъ послѣдствіямъ процессу, благодаря которому *сознаніе* массы приходитъ въ соотвѣтствіе съ ея *положеніемъ*, и субъективная логика ея „разсужденій“ перестаетъ противорѣчить объективной логикѣ „*вещей*“, Револүціонеры обязаны содѣйствовать росту револүціоннаго сознанія въ массѣ, обязаны стать акушерами ея револүціонной мысли. Но само собою разумѣется, что этого никакъ невозможно сдѣлать, не повліявъ на ея „разсужденія“.

По всему видно, что авторъ брошюры „Объ агитаціи“ стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Поэтому онъ и самъ знаетъ, конечно, какъ неосновательно ходячее противопоставленіе „разсужденій“ „объективной логикѣ вещей“. Ему извѣстно, что этому противопоставленію мы обязаны всей *нелогичностью субъективизма*. Но онъ, повидимому, не замѣтилъ, къ какому ошибочному выводу можетъ подать поводъ его собственное замѣчаніе о томъ, что не разсужденіями вовлекается въ борьбу трудящаяся масса. Отъ этого замѣчанія, взятаго въ его буквальный смыслъ, до практической программы

„Рабочей Мысли“ совсѣмъ не такъ далеко, какъ это, навѣрно, думаетъ нашъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если расужденія не играютъ никакой роли при вовлеченіи массы въ борьбу, то они совсѣмъ не нужны. Мы должны говорить рабочимъ только о томъ, что понятно и доступно имъ и безъ нашихъ разсужденій. Но безъ нашихъ разсужденій понятны и доступны массѣ именно ея ближайшіе экономическіе интересы: нѣтъ такого рабочего, который не понималъ бы, что высокая заработная плата лучше низкой. Стало быть, намъ слѣдуетъ сосредоточить свои усилія именно на *экономической агитаціи*. Нашимъ девизомъ должна стать прибавка нѣсколькихъ копеекъ на рубль; все прочее или приложится само собою, или не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, какъ пустая „идеологія“. Если же интеллигенціи не понравится такая программа, то для насъ это не важно. Интеллигенція насъ не интересуешь; ея мнѣнія намъ не импонируютъ. Она заражена идеализмомъ и испорчена разсужденіями, не имѣющими въ глазахъ рабочихъ ни малѣйшаго смысла.

Что такіа расужденія не разъ проскальзывали даже въ нашу соціаль-демократическую печать, это, разумѣется, прекрасно знаетъ авторъ брошюры „Объ агитаціи“. Онъ скажетъ, можетъ быть, что онъ никогда не сочувствовалъ имъ. Я охотно повѣрю этому. Но я утверждаю, что въ его брошюрѣ есть мѣста — напримѣръ, только что разсмотрѣнное мною мѣсто о „разсужденіяхъ“, которыя дадутъ поводъ и теоретическое основаніе для такихъ разсужденій. Мнѣ самому очень жаль, что у него есть такіа мѣста. Но что они существуютъ, это неоспоримо..

„Роль партіи, взявшей на себя политическое воспитаніе и организацію народа, — читаемъ мы далѣе — въ „этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, чтобы вѣрно опредѣлить моментъ, когда борьба назрѣла настолько, чтобы перейти въ борьбу политическую и подготовить въ самой массѣ элементы,

необходимые для того, чтобы этотъ переходъ совершился съ наименьшей тратой силъ.¹⁾

Если роль нашей партіи ограничивается тѣмъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда экономическая борьба рабочихъ должна перейти въ политическую, то ясно, что этому моменту будетъ предшествовать періодъ чисто экономической агитаціи, до окончанія котораго всякая мысль о политической борьбѣ *останется преждевременной, а потому и вредной*. Но всякій общественный дѣятель обязанъ всѣми честными средствами *препятствовать распространенію вредныхъ для его дѣла мыслей*. Слѣдовательно, въ продолженіи перваго періода нашего рабочаго движенія *мы обязаны всѣми честными средствами препятствовать распространенію мысли о политической борьбѣ*. Мы можемъ, конечно, обнаружить при этомъ большій или меньшій талантъ, большій или меньшій тактъ, большее или меньшее остроуміе. Но если кто-нибудь изъ насъ, — напримѣръ, какой-нибудь публицистъ „Рабочей Мысли“ — и выкажетъ въ этой борьбѣ нѣкоторый недостатокъ таланта, такта или острумія, то ему надо великодушно простить его погрѣшность, помня, что онъ нападаетъ на *мысль, дѣйствительно заслуживающую осужденія*, и что, по французской пословицѣ, самый красивый офицеръ не можетъ быть красивѣе самого себя.

Обратимъ вниманіе еще вотъ на какое мѣсто: „Такимъ образомъ, задачей социаль-демократовъ является постоянная агитація среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ пуждъ и требованій. Вызванная такой агитаціей борьба приучитъ рабочихъ отстаивать свои интересы, подниметъ ихъ мужество, дастъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе необходимости единенія и въ концѣ концовъ поставитъ передъ ними болѣе важные вопросы, требующіе разрѣшенія. Подготовленный такимъ образомъ къ болѣе серьезной борьбѣ, рабочій классъ приступаетъ къ

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

рѣшенію своихъ насущныхъ вопросовъ, и агитація на почвѣ этихъ вопросовъ должна имѣть цѣлью выработку классоваго самосознанія. Классовая борьба въ этомъ, болѣе сознательномъ видѣ создастъ почву для политической агитаціи, цѣлью которой будетъ измѣненіе существующихъ политическихъ условій въ пользу рабочаго класса“¹⁾).

Отсюда опять видно, что, по мнѣнію нашего автора, мысль о политической борьбѣ была бы преждевременна въ первыхъ „фазисахъ“ воспитанія рабочаго класса. Поэтому я опять скажу: то, что преждевременно — вредно, а то, что вредно, должно быть устраняемо и побиваемо. Зачѣмъ же мы станемъ нападать на „Рабочую Мысль“, прославившуюся своимъ усердіемъ въ дѣлѣ такого устраненія и побиванія? Положимъ, она *немножко деретъ*“, но за то ужъ, *въ ротъ хмѣльного не беретъ*“ и не проповѣдуетъ ничего *преждевременнаго*. Она стоитъ за систематическое проведеніе пролетаріата черезъ всѣ „фазисы“ и не находитъ, что еще рано „разсуждать“ съ нимъ о политикѣ. Если мы примемъ въ соображеніе, какъ много въ Петербургѣ рабочихъ, еще не окончившихъ перваго класса.... — я хочу сказать, не вышедшихъ изъ перваго „фазиса“, — то выйдетъ, пожалуй, что „Рабочая мысль“ совсѣмъ права, и что совсѣмъ неправы ея порицатели. Что скажетъ на это авторъ брошюры? По, моему такое „разсужденіе“ грѣшитъ противъ „объективной логики“ нашей общественной жизни, но не противъ „субъективной логики“ его брошюры.

Логика этой брошюры ясна и недвусмысленна: *Чисто экономическая агитація не только возможна, но прямо обязательна въ теченіе цѣлыхъ двухъ „фазисовъ“ нашего рабочаго движенія. И пока не кончились эти „фазисы“, существованіе у насъ чисто экономическаго направленія не только возможно, но вполне законно и очень желательно.*

¹⁾ Объ агитаціи, стр. 16.

Окончены ли у насъ эти „фазисы“? На этотъ счетъ могутъ спорить между собою даже тѣ, которые раздѣляютъ основныя положенія брошюры „Объ агитаціи“. Одни изъ нихъ скажутъ, можетъ быть, что пора уже чистымъ экономистамъ уходить со сцены, такъ какъ уже пришелъ „моментъ“ политической агитаціи, а другіе возражать, что если имѣть въ виду весь нашъ рабочій классъ въ его цѣломъ, то надо признать, что намъ рано еще толковать не только о политической борьбѣ, но и о постановкѣ передъ рабочими тѣхъ „болѣе важныхъ вопросовъ“, которые, — по словамъ брошюры „Объ агитаціи“ — потребуютъ ихъ рѣшенія во второмъ фазисѣ воспитанія. Мнѣ сдается, что *субъективная* логика брошюры будетъ въ этомъ случаѣ не на сторонѣ защитниковъ политической агитаціи.

IV.

Говоря все это, я вовсе не желаю хулить брошюру „Объ агитаціи“. Я знаю, что она принесла большую пользу нашему движенію, нанеся сильный ударъ той „кружковщинѣ“, которая процвѣтала у насъ прежде и которая могла создавать очень образованныхъ людей изъ *отдѣльныхъ рабочихъ*, но рѣшительно неспособна была повліять на *массу*. Брошюра „Объ агитаціи“ дала намъ *многихъ агитаторовъ*. Но авторъ ея боролся съ кружковщиной такими доводами, которые скоро подали поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и къ ошибочнымъ „расужденіямъ“. Въ этомъ — слабая сторона брошюры, та самая сторона, благодаря которой она въ теченіи нѣкотораго времени была евангеліемъ „*чистыхъ экономистовъ*“ и оказывала вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашего движенія.

Эта слабая сторона характеризуется смѣшеніемъ понятія „классъ“ съ понятіемъ „партія“. А это смѣшеніе и служитъ теперь источникомъ тѣхъ заблужденій, которыя препятствуютъ извѣстной части русскихъ соціаль-демократовъ не только

вѣрно рѣшить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу. Именно оно приводит нѣкоторыхъ изъ насъ къ повторенію старыхъ народническихъ ошибокъ.

Чтобы обнаружить указанное смѣшеніе, достаточно вдуматься въ ту мысль нашего автора, что рабочая масса (т. е. рабочий классъ?) отзывается только на вопросы, поставленные передъ нею самой жизнью. Мысль эта сама по себѣ, конечно, неоспорима. Но возьмите хоть переживаемый нами „моментъ“ и скажите — какіе же вопросы ставить жизнь передъ нашимъ рабочимъ классомъ? Я думаю, что передъ различными слоями этого класса она ставитъ различные вопросы. Промышленный рабочий значительно развитѣе сельскохозяйственнаго, и потому наши общественныя отношенія представляются шуйскому прядильщику не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видитъ ихъ тамбовскій батракъ. Это не требуетъ доказательствъ. Не требуетъ ихъ и то, что и въ средѣ промышленныхъ рабочихъ существуютъ *слои*, довольно значительно отличающіеся одинъ отъ другого своимъ умственнымъ развитіемъ, а слѣдовательно и неодинаково отвѣчающіе на вопросы жизни. Известно, наконецъ, что даже рабочіе одной и той же отрасли промышленности неодинаковы по своему умственному развитію въ различныхъ районахъ. Выходитъ, что, напримѣръ, передъ слесарями южнаго промышленнаго района жизнь ставитъ иные вопросы, чѣмъ передъ петербургскими. Въ какомъ же „фазисѣ“ движенія находится *вся* русская рабочая масса? По моему, она находится въ *нѣсколькихъ „фазисахъ“ сразу*. А если это такъ, то не легко опредѣлить наступленіе того, искомаго нашимъ авторомъ, „момента“, когда *экономическая* борьба должна будетъ перейти въ *политическую*. Повидимому, онъ для разныхъ слоевъ рабочего класса наступитъ въ разные „моменты“. Какъ же намъ быть? По словамъ автора, агитаторъ всегда долженъ идти на одинъ шагъ впереди массы. Пусть будетъ такъ. Но впереди ка-

кого же именно слоя пойдемъ мы, *какъ партія?* Какой именно слой опередимъ мы на одинъ шагъ? Если — самыхъ передовыхъ, то моментъ перехода къ политической борьбѣ, вѣроятно, уже наступилъ. Если — самыхъ отсталыхъ, то онъ, вѣроятно, никогда не наступитъ, потому что даже въ самыхъ передовыхъ странахъ до сихъ поръ существуютъ и будутъ существовать вплоть до окончательной побѣды социализма такіе рабочіе, которые слѣпы и глухи по отношенію къ вопросамъ жизни¹⁾. Если же мы будемъ имѣть въ виду рабочихъ средняго уровня развитія, то, — не говоря уже о трудности опредѣленія этого уровня, — спрашивается, какъ же поступимъ мы съ наиболѣе развитыми рабочими? Неужели оставить на второй годъ въ томъ же классѣ, осудивъ ихъ на повтореніе того, что уже пройдено ими въ среднемъ „фазисѣ“? Авторъ скажетъ, вѣроятно, что партія должна идти впереди каждаго изъ этихъ слоевъ, примѣняясь въ своей агитаціи къ достигнутой имъ степени умственного развитія. Я спорить и прекословить не стану; я только спрошу: какъ же намъ быть съ „моментомъ“ перехода экономической борьбы въ политическую? Съ одной стороны, онъ уже наступилъ, потому что у насъ уже есть слои, созрѣвшие для политической борьбы. А съ другой стороны, онъ еще не пришелъ, такъ какъ у насъ есть слои для нея не готовые. Въ виду этого невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, что онъ можетъ быть найденъ.

Всѣ эти затрудненія исчезаютъ, какъ только мы вспоминаемъ, что иное дѣло *весь рабочий классъ*, а иное дѣло *соціалдемократическая партія*, представляющая собою лишь передовой, — и въ началѣ очень малочисленный, — отрядъ рабочаго класса. Если рабочий классъ данной страны, взятый въ его цѣломъ (то есть точнѣе, въ *большинствѣ*

¹⁾ „So wird — замѣчаетъ Каутскій — die moderne Gesellschaft reif werden für den Sozialismus. . bevor das ganze Proletariat politisch reif und ökonomisch organisirt ist“. Die Agrarfrage, S. 322.

своихъ членовъ), еще не созрѣлъ для перехода къ политической борьбѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что „моментъ“ такой борьбы еще не насталъ *для партіи*, задавшейя цѣлью политическаго воспитанія этого класса. Для партіи моментъ политической борьбы наступаетъ каждый разъ, когда она встрѣчаетъ поводъ для политической агитаціи. А у насъ въ Россіи поводы для такой агитаціи встрѣчаются никакъ не рѣже, чѣмъ поводы для агитаціи на экономической почвѣ.

V.

Экономическая агитація — политическая агитація! Какъ легко произнести эти всѣмъ извѣстные термины, какъ легко изъ за нихъ перессориться, и какъ трудно въ то же время русскому агитатору разграничить связанные съ ними понятія! Какъ трудно отдѣлить въ нашей русской агитаціонной практикѣ экономію отъ политики! Мы уже видѣли, что народники семидесятыхъ годовъ, осуждавшіе борьбу за политическую свободу, какъ грѣшную сдѣлку съ дьяволомъ оппортунизма, вынуждены были вести ее всюду, гдѣ агитація на почвѣ ближайшихъ экономическихъ требованій народа приводила ихъ и волнуемую ими массу къ столкновеніямъ съ правительствомъ. Но именно потому, что они вели ее *вопреки собственному теоретическому убѣжденію*, они не доводили ея до конца и возставая противъ политической части программы „Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза“, они старались разрушать то теченіе, возникновенію котораго они сами содѣйствовали. Наши социалъдемократическіе „экономисты“ окажутся — и, вѣроятно, уже оказывались много разъ — въ такомъ же двойственномъ положеніи. Полицейское правительство заставить ихъ — и, вѣроятно, уже заставило не однажды — заговаривать о политикѣ тамъ, гдѣ они собирались ограничиться „пока“ одною экономіей; но, заговоривъ о политикѣ наперекоръ собственной программѣ, т. е. задолго до того „момента“, когда *весь рабочий*

классъ созрѣетъ для политической борьбы, они по необходимости будутъ противорѣчить самимъ себѣ, не скажутъ и десятой доли того, что могло бы быть сказано ими, и вообще невольно будутъ ослаблять дѣйствіе своихъ собственныхъ усилій. Не лучше ли разъ навсегда отказаться отъ вреднаго предразсудка? Не пора ли ясно сознать, что тамъ, гдѣ рабочіе лишены всѣхъ способовъ законной защиты своихъ интересовъ, почти всякое столкновение ихъ съ предпринимателями является въ то же самое время столкновениемъ съ полицейскимъ государствомъ и потому дѣлаетъ политическую агитацію не только возможной, но совершенно неизбѣжной для всякаго серьезнаго агитатора.

Для насъ, социальдемократовъ, въ высшей степени важно выяснить рабочимъ, что въ полицейскомъ государствѣ они всегда будутъ осуждены на болѣе или менѣе полное безправіе. Когда они поймутъ это, полицейское государство затрещитъ по всѣмъ швамъ. Авторъ брошюры „Объ агитаціи“, разумѣется, прекрасно знаетъ это. Но онъ почему-то думаетъ, что такое выясненіе можетъ начаться лишь во второмъ „фазисѣ“ рабочаго движенія, лишь тогда, когда рабочіе выдвинутъ „то или иное требованіе значительнаго измѣненія въ существующихъ на данной фабрикѣ или въ данной отрасли промышленности порядкахъ“¹⁾. Это слишкомъ схематично. На самомъ дѣлѣ указанное выясненіе можетъ и должно имѣть мѣсто даже и тогда, когда требованія рабочихъ сами по себѣ не принадлежатъ къ числу „значительныхъ“, и когда движеніе, вызванное ими, еще далеко не охватываетъ цѣлой отрасли промышленности. Такое выясненіе должно быть начинаемо всегда и вездѣ, когда и гдѣ полицейскій произволъ поддерживаетъ хозяйскую прижимку. А гдѣ же и когда же онъ не поддерживаетъ ея? Всякій, кому приходилось дѣйствовать въ рабочей средѣ, легко воскреситъ въ своей

¹⁾ „Объ Агитаціи“, стр. 15.

памяти не мало такихъ случаевъ борьбы рабочихъ „съ отдѣльными предпринимателями“ (первый „фазисъ“, по схемѣ нашего автора), которые могли бы дать хорошій поводъ для нагляднаго выясненія рабочимъ нѣкоторыхъ сторонъ нынѣшняго нашего полицейскаго порядка, Я сошлюсь на самого автора. Вотъ какими чертами изображаетъ онъ психологическій процессъ, совершающійся въ душѣ борющихся съ фабрикантомъ рабочихъ.

„Въ сознаніи всей правоты своего требованія рабочіе сначала держатся спокойно, увѣренные въ томъ, что всѣ должны быть на ихъ сторонѣ, всѣ должны имъ сочувствовать. Вѣдь все это такъ просто, требованіе ихъ такъ ясно, притѣсненіе такъ несправедливо! Они отправляютъ депутацію къ фабричному инспектору. Онъ навѣрное имъ поможетъ, вѣдь онъ защитникъ, онъ знаетъ всѣ законы, а законы навѣрное говорятъ въ ихъ пользу... Точно ушатовъ холодной воды обливаютъ ихъ инспекторъ... Въ законахъ ничего объ этомъ нѣтъ; фабрикантъ стоитъ на вполнѣ законной почвѣ, ничего не могу сдѣлать... Дверь закрывается передъ носомъ... Какъ! чтобы законы за насъ не заступались! Быть этого не можетъ, чтобы насъ не защищалъ нашъ батюшка! Инспекторъ подкупленъ фабрикантомъ, онъ вретъ, нахально вретъ!.. Рабочіе пробуютъ другіе пути, — вездѣ отказъ, кое-гдѣ съ угрозой, которая скоро принимаетъ реальныя формы — въ помощь фабрикантамъ посылаются войска. Рабочіе получаютъ первый урокъ политической науки, гласящей, что право на сторонѣ сильнаго, что противъ организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда“¹⁾.

Здѣсь предполагаемое умозаключеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому практическому опыту, на основаніи котораго оно строится. Если *правительство* становится на сторону *предпринимателей*, то изъ этого слѣдуетъ прежде всего тотъ выводъ,

¹⁾ Тамъ же, стр.15-16.

что борьба противъ капитала должна сопровождаться *борьбой съ правительствомъ*, а не тотъ, что организациіи капиталистовъ надо противопоставить организацию рабочихъ. Легко было бы показать, что эта логическая ошибка вызвана уже знакомымъ намъ схематизмомъ автора. Но мнѣ теперь нѣтъ нужды въ этомъ. Теперь я хочу только спросить читателя: неужели же въ первомъ „фазисѣ“ движенія, т. е. когда рабочіе борются „съ отдѣльными предпринимателями“, имъ не представляется случая получить изображенные авторомъ впечатлѣнія и убѣдиться не только въ томъ, что „право на сторонѣ сильнаго“, но также и въ томъ, что сила экономически сильнаго заключается нерѣдко въ политическомъ безправіи экономически слабого? Конечно, да. Можно даже сказать, что изображаемый авторомъ психологическій процессъ *совершается преимущественно въ первомъ „фазисѣ“*. Тамъ, гдѣ столкновенія учащаются и охватываютъ цѣлыя отрасли промышленности, рабочіе уже имѣютъ обыкновенно много предварительнаго опыта и врядъ ли отличаются тою наивностью, какую приписываетъ имъ нашъ авторъ,—едва ли они могутъ думать, что „всѣ (т. е. главнымъ образомъ, всѣ *власти*) будутъ на ихъ сторонѣ“.

Но если „уроки политической науки“ доступны рабочимъ уже въ первой порѣ ихъ движенія, то зачѣмъ мы будемъ откладывать политическую агитацию въ долгій ящикъ, зачѣмъ мы будемъ ждать момента ея наступленія? Онъ не *наступитъ*, потому что онъ *уже наступилъ*.

Выше я сказалъ, что рабочіе (и, конечно, не одни только рабочіе, а всѣ человѣческія существа безъ различія возраста, пола и общественнаго положенія) *никогда не вовлекаются въ борьбу иначе, какъ путемъ разсужденій*. Теперь пора прибавить, что характеръ этихъ разсужденій зависитъ отъ умственнаго развитія борющихся, и что степень этого развитія должны опредѣляться *агитаціонныя приемы* тѣхъ людей, которые хотятъ повліять на ходъ борьбы въ томъ или другомъ смыслѣ. Въ

примѣненіи къ интересующему насъ вопросу это означаетъ, что въ *разныхъ слояхъ рабочаго класса политическая агитація непременно должна принимать различный видъ*. Но необходимое разнообразіе ея *приемовъ* не можетъ и не должно измѣнить ея *содержаніе*, заключающееся въ *выясненіи враждебности и непримиримой противоположности интересовъ рабочихъ съ интересами царизма*. Эта противоположность не можетъ быть выяснена сразу; ея пониманіе будетъ лишь понемногу, лишь малыми дозами усваиваться рабочимъ классомъ. Но что жъ изъ этого? И какая же великая общественная истина *сразу* усваивается тѣми, которые заинтересованы въ ея усвоеніи? Невозможно усвоить рабочему сразу и ту мысль, что интересы наемнаго труда противоположны интересамъ капитала. Но развѣ кто-нибудь умозаключить отсюда когда либо, что мы не можемъ приступить къ выясненію этой мысли уже въ самомъ первомъ фазисѣ рабочаго движенія?

У рабочихъ возникаетъ недовѣріе къ *царскимъ чиновникамъ*, — мы углубляемъ и расширяемъ его, какъ можно больше, не упуская ни одного случая довести его до недовѣрія къ *самому царю*.

У рабочихъ родится *сомнѣніе* въ выгодности для нихъ нынѣшняго политическаго порядка, — мы поддерживаемъ „это сомнѣніе всѣми средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи; мы старательно выставляемъ на видъ всѣ тѣ факты, которые способны дать ему новую пищу; мы растимъ его и заботливо охраняемъ до тѣхъ поръ, пока оно не уступитъ мѣста непримиримой *ненависти* къ царизму.

Рабочихъ начинаетъ тяготить *рабское ярмо*, — мы принимаемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы они узнали „*свободы гордой вдохновенъ*“.

Мы лишь постепенно подвигаемся къ этой великой цѣли; но мы ни на минуту не упускаемъ ея изъ виду. Дѣло не въ томъ, можемъ или не можемъ мы высказать въ данномъ частномъ случаѣ нашу политическую мысль во всей ея полнотѣ,

а въ томъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ мы передаемъ рабочей массѣ возможно большую часть того запаса политическихъ понятій, которымъ мы обладаемъ. Поскольку мы передаемъ ей эти понятія, мы боремся съ царскимъ правительствомъ, и всякій новый успѣхъ нашъ въ этомъ дѣлѣ будетъ новымъ пораженіемъ абсолютизма.

VI.

Я знаю, что многихъ удивятъ эти слова. Въ нашихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ до сихъ поръ очень распространено то представленіе о политической борьбѣ, согласно которому необходимыми ея атрибутами являются заговоры, кинжалы, взрывчатые вещества, или, по меньшей мѣрѣ, баррикады и манифестаціи. Но это одно изъ тѣхъ ошибочныхъ представленій, которыя унаслѣдованы нами отъ анархизма и которыя очень сильно мѣшаютъ распространенію у насъ правильнаго взгляда на нашу политическую задачу. Заговоры, кинжалы, взрывчатые вещества, баррикады и манифестаціи,—все это не болѣе, какъ *пріемы* политической борьбы, очень полезные и даже вполне неизбѣжные, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но вовсе не исключающіе возможности, пользы и даже полной неизбѣжности *другихъ пріемовъ при другихъ обстоятельствахъ*. Сущность политической. — какъ и всякой другой — борьбы заключается въ томъ, что каждая изъ борющихся сторонъ старается разрушить или хотя бы только ослабить силы, поддерживающія существованіе другой стороны. Тотъ или иной пріемъ хорошъ лишь постольку, поскольку онъ служитъ для достиженія этой цѣли. Спрашивается теперь, ослабляются ли силы правительства тѣмъ, что мы распространяемъ недовѣріе и ненависть къ нему въ средѣ рабочаго класса? На этотъ вопросъ, разумѣется, нельзя отвѣтить иначе, какъ утвердительно. И само правительство отвѣчаетъ на него такъ своими дѣйствіями. Оно всѣми силами старается поддержать и упрочить вѣковые политическіе

предразсудки нашего народа. Оно понимаетъ, что каждая удача его на этомъ мрачномъ поприщѣ означаетъ пораженіе „революціонной гидры“. Оно понимаетъ также, что и, наоборотъ,—всякій успѣхъ „революціонной гидры“ въ борьбѣ съ этими предразсудками приближаетъ время его паденія. И можно утверждать, нисколько не рискуя ошибиться, что самый страшный теперь для него и самый дѣйствительный пріемъ борьбы съ нимъ состоитъ именно въ развитіи политическаго сознанія пролетаріата посредствомъ устной и печатной пропаганды и агитаціи.

„Критика посредствомъ оружія,—справедливо говоритъ Марксъ,—не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики; матеріальная сила должна быть свернута матеріальной силой, но теорія тоже дѣлается матеріальной силой, когда увлекаетъ за собой массу“. Намъ именно нужно теперь создавать и увеличивать матеріальную силу революціи, распространяя въ массѣ — посредствомъ пропаганды и агитаціи— „теорію“ противоположности интересовъ самодержавія съ ея собственными насущнѣйшими интересами¹⁾. Успѣшное распространеніе этой „теоріи“ обѣщаетъ намъ теперь самые блестящіе успѣхи: *именно оно дастъ намъ возможность добиться отъ правительства нѣкоторыхъ уступокъ.*

Это тоже можетъ показаться сомнительнымъ, но это тоже несомнѣнно. Доказательство на лицо. Наши польскіе товарищи твердо и рѣшительно выступили на путь *политической* агитаціи. Чисто *экономическая* программа давно уже внушаетъ имъ презрительное сожалѣніе. И что же? Русское правительство уже задумывается объ уступкахъ польскимъ рабочимъ. Въ запискѣ, поданной царю въ январѣ 1898 года варшавскій генераль-губернаторъ,

¹⁾ Революціонеры классической эпохи нашего „терроризма“ прекрасно понимали значеніе „теоріи“. Большинство террористическихъ дѣйствій предпринято было для того, чтобы *произвести извѣстное впечатлѣніе „на общество“*. т. е. другими словами для того, чтобы *измѣнить отношеніе общественныхъ силъ посредствомъ вліянія на умы извѣстной части обывателей.*

князь Имеретинскій, требуетъ пересмотра законодательства о рабочихъ, ссылаясь на то, что стѣсненія, налагаемыя на рабочій классъ отсталыми законами, *могутъ усилить вліяніе на нихъ „соціально-революціонной пропаганды“*. Разсудительный князь такъ и говоритъ: законодатель въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ дѣлать различіе между Польшей и „другими, *болѣе спокойными* районами внутри Россіи“¹⁾.

Это чрезвычайно интересный и поучительный примѣръ діалектики общественной борьбы. Энергичная *политическая* агитація, предпринятая нашими польскими товарищами, сдѣлала польскій край *менѣе спокойнымъ*, чѣмъ „другіе районы“, и правительство заявляетъ, что „удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ“ польскаго рабочаго класса „*приобрѣтаетъ*“ значеніе государственной важности“²⁾. Если экономическія столкновенія рабочихъ съ предпринимателями могутъ порождать политическое недовольство рабочихъ, то политическое недовольство рабочихъ можетъ, — какъ видимъ, съ своей стороны повести къ улучшенію позиціи рабочихъ въ ихъ *экономической* борьбѣ съ капиталистами. Экономія переходитъ въ политику, политика въ экономію.

Да нужно ли было намъ ходить въ Польшу за подтвержденіемъ этой истины? Ее, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ исторія закона 2 іюня 1897 года. Хотите знать, почему правительство нашло нужнымъ уступить требованіямъ рабочихъ на счетъ сокращенія рабочаго дня? Послушайте одного изъ членовъ комиссіи для составленія проекта названнаго закона. Во время поднявшихся въ комиссіи преній о томъ, долженъ ли тотъ же законъ регулировать заработокъ рабочихъ, вице-директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, Щегловитовъ, высказалъ

¹⁾ „Тайны нашей государственной политики въ Польшѣ“, сборникъ секретныхъ документовъ. London, 1898, стр. 36. (Курсивъ съ цитатъ мой).

²⁾ Тотъ же сборникъ, стр. 33.

основныя побужденія правительства слѣдующимъ недвусмысленнымъ образомъ: „Если рабочіе убѣдятся, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на своего защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ (г. Шегловъ хочетъ сказать: если *рабочіе* не получаютъ такого впечатлѣнія *отъ закона*), то рабочіе будутъ болѣе склонны къ правительственной пропагандѣ“¹⁾. Кажется, ясно: кажется, *политическая* цѣль правительства не можетъ подлежать сомнѣнію? А если — да, то вѣдь изъ этого прямо слѣдуетъ, что, чѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе станутъ наши политическія „*внушенія*“ рабочему классу, тѣмъ чаще будетъ уступать ему правительство въ интересахъ самосохраненія. Конечно, эти уступки не могутъ идти дальше извѣстнаго предѣла: въ противномъ случаѣ мы были бы неправы, утверждая, что интересы рабочихъ непримиримы съ интересами самодержавія. Но пока еще не наступилъ этотъ предѣлъ, оно непременно будетъ уступать, въ надеждѣ пересилить этимъ наше вліяніе на рабочихъ.

Интересно, что сами предприниматели, — и при томъ даже и районовъ сравнительно очень „*спокойныхъ*“, — начинаютъ сознавать теперь, что русское законодательство о рабочихъ устарѣло и нуждается въ пересмотрѣ. Горный инженеръ В. В. Жуковскій, который былъ командированъ совѣщательной конторой желѣзнодорожниковъ въ Австрію для изученія тамъ отношеній между предпринимателями и рабочими, издалъ по своему возвращенію въ Россію брошюру, гдѣ высказываетъ, между прочимъ, ту мысль. что *лѣтъ черезъ 20 у насъ нужно будетъ легализовать рабочіе союзы*. Само собою разумѣется, что мы, социальдемо-

¹⁾ См. „Тайныя документы, относящіеся къ закону 2 іюня 1897 года“. Женева, 1899 года, стр. 21; смотри также стр. 19 и 28.

краты, относимся къ вопросу о правахъ рабочихъ не такъ *терпѣливо*, какъ г. Жуковскій. Мы *по- стараемся завоевать многія изъ нихъ гораздо раньше назначеннаго имъ срока*. Но я увѣренъ, что къ этому завоеванію насъ приведетъ *только путь политической агитаціи*.

Пусть, однако, не считаютъ меня исключительнымъ сторонникомъ политической борьбы посредствомъ живого и печатнаго слова. Я безусловно настаиваю *только на необходимости политической борьбы. а вопросъ объ ея приѣмахъ всегда былъ и останется для меня вопросомъ цѣлесообразности*. Приѣмы эти опредѣляются общимъ состояніемъ страны, соотношеніемъ существующихъ въ ней общественныхъ силъ и, — главное, — степенью политическаго развитія рабочихъ. Чѣмъ дальше уйдетъ это развитіе, тѣмъ разнообразнѣе будутъ становиться приѣмы нашей политической борьбы съ правительствомъ. Теперь мы боремся преимущественно посредствомъ живого и печатнаго слова. Но именно потому, что эти приѣмы борьбы въ высшей степени цѣлесообразны; именно потому, что они хорошо вліяютъ на политическое развитіе рабочихъ, у насъ становится возможнымъ употребленіе въ дѣло новаго могучаго приѣма: *демонстраціи*. Событія, имѣвшія мѣсто въ Харьковѣ весною нынѣшняго года, можетъ быть, знаменуютъ собою начало новой эпохи въ исторіи нашей борьбы. Въ теченіе этой эпохи еще болѣе разовьется политическое сознаніе рабочаго класса, т. е. слѣдовательно, еще болѣе возрастутъ наши силы, и тогда... Но зачѣмъ забѣгать впередъ: *довольтеъ днѣви злоба его!*

Послѣ всего сказаннаго ясно, надѣюсь, отличительная черта той тактики, которую я отстаиваю. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“ излагалъ дѣло такъ, какъ будто въ первыхъ двухъ „*фазисахъ*“ рабочаго движенія политическая агитація неумѣстна; по моему, она становится у насъ умѣстной всюду, гдѣ показываются признаки такого движенія. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“ разсуждалъ

еть такъ, какъ будто политическая борьба можетъ быть только дѣломъ *пролетаріата*, какъ *цѣлаго класса*, достигшаго извѣстной высоты развитія: я же думаю, что политическая борьба должна быть немедленно начата *нашей партіей*, которая представляетъ собою *передовой отрядъ* пролетаріата, — его наиболѣе сознательный и революціонный *слой*, — и что политическая борьба *нашей партіи* явится однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ дальнѣйшаго развитія рабочаго класса. Авторъ брошюры „Объ агитаціи“ склоняется, повидимому, къ той мысли, что политическая борьба съ царизмомъ начинается только тогда, когда борющіеся предъявляютъ правительству опредѣленные политическія требованія, т. е. гдѣ заходитъ рѣчь о той или другой законодательной реформѣ; а мнѣ эта мысль кажется ошибкой, сильно затрудняющей намъ исполненіе нашей политической задачи; въ моихъ глазахъ первой реформой, которую мы должны имѣть въ виду, является *реформа политическаго сознанія рабочаго класса*, и я полагаю, что, начавъ дѣло этой реформы, мы тѣмъ самымъ начинаемъ политическую борьбу съ правительствомъ, великую революціонную борьбу за вліяніе на умы рабочихъ, которая естественнымъ и логическимъ ходомъ своимъ приведетъ и къ извѣстнымъ требованіямъ со стороны пролетаріата, и къ извѣстнымъ уступкамъ со стороны правительства. Авторъ брошюры „Объ агитаціи“ смѣшиваетъ понятіе „*классъ*“ съ понятіемъ „*партія*“, и, сосредоточивъ свое вниманіе на предполагаемомъ ходѣ развитія нашего рабочаго движенія, онъ забываетъ о политической инициативѣ *нашей партіи*; а я считаю, что указанное смѣшеніе служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ заблужденій, которыя вызвали въ послѣдніе годы такъ много споровъ и разногласій въ нашей партіи, и что устраненіе этого смѣшенія необходимо для того, чтобы мы могли опредѣлить политическую *обязанность соціалдемократической партіи по отношенію къ рабочему классу*.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ брошюры „Объ агитаціи“ не сторонникъ „экономическаго“ направленія. Но мы уже видѣли, что на нѣкоторые его доводы съ полнымъ основаніемъ могутъ опираться „чистые экономисты“. И поскольку онъ смѣшиваетъ классъ съ партіей, онъ безсознательно и невольно вноситъ каплю своего меду въ тотъ улей, въ которомъ работаютъ теперь авторы извѣстнаго „Credo“ и ихъ единомышленники. Если о *политической борьбѣ* съ царизмомъ можно будетъ заговорить только тогда, когда для нея созрѣетъ *весь русскій рабочий классъ*, то позволительно ли вести рѣчь о *соціализмѣ* раньше, чѣмъ *весь пролетаріатъ* въ его цѣломъ не „*потребуетъ*“ устраненія капиталистическаго хозяйства? Но пролетаріатъ въ его цѣломъ *еще не* „*требуетъ*“ этого даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. *Поэтому существованіе социальдемократіи не имѣетъ теперь смысла.* Какъ представители рабочего класса, мы имѣемъ право говорить теперь лишь о нѣкоторыхъ второстепенныхъ реформахъ рабочаго законодательства. А для этого нѣтъ надобности въ особой социальдемократической партіи. Мы были социальдемократами; мы должны перестать быть ими. Таковъ ходъ мыслей, приведшій къ появленію „Credo“. Въ своемъ *окончательномъ результатѣ* онъ очень далекъ отъ того, съ которымъ мы встречаемся въ брошюрѣ „Объ агитаціи“. Но въ своемъ *началѣ* онъ *совпадаетъ съ нимъ*, и этимъ объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что единомышленники авторовъ „Credo“ очень часто и охотно ссылались на брошюру „Объ агитаціи“ и противопоставляли ее программѣ группы „*Освобожденіе труда*“.

VII.

Я указывалъ на стачки, какъ на явленіе, дающее поводъ для политическаго воздѣйствія социальдемократовъ на рабочую массу. Но кто знакомъ съ условіями русской жизни, тотъ понимаетъ, что подобные поводы далеко не исчерпываются стачками. Они встрѣчаются всюду, гдѣ на

русского работника давить тяжелая лапа русского администратора. Рабочій страдаетъ отъ своего политическаго безправія, не только какъ продавецъ рабочей силы, но и какъ обыватель, котораго начальство „*тащитъ*“ туда, откуда ему хотѣлось бы вырваться и „*не пускаетъ*“ туда, куда ему хотѣлось бы пробраться. Эта милая распорядительность начальства вызываетъ въ рабочихъ чувства неудовольствія и протеста, а тамъ, гдѣ зародились эти чувства, готово мѣсто и для политическаго воздѣйствія на нихъ соціалъдемократической партіи.

Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ ходилъ слухъ о томъ, что одесскій градоначальникъ, Зеленый, — о которомъ вообще рассказывали множество курьезовъ, достойныхъ изложенія перомъ Щедрина, — издалъ постановление, воспрещавшее „простонародію“ ходить по троттуарамъ, которые предоставлялись такимъ образомъ въ исключительное распоряженіе „чистой публики“. Это постановление не относилось непосредственно къ условіямъ продажи рабочими своей рабочей силы; оно было чуждо какихъ нибудь экономическихъ соображеній: оно явилось однимъ изъ проявленій до сихъ поръ сильнаго у насъ *сословнаго предразсудка и крѣпостническаго самодурства*. Но это не мѣшало ему быть возмутительнымъ, и многіе одесскіе рабочіе, навѣрное, приняли его, какъ *жестокое оскорбленіе*. Соціалъдемократія должна была *высказать*, что *чувствовали* эти рабочіе; она должна была поставить частные случаи административнаго произвола въ связь со всей правительственной системой и, бичуя одесскаго *сатрапа*, зацѣпить петербургскаго *самодержца*. Тактично составленное и широко распространенное въ массѣ воззваніе непременно заронило бы сѣмя политическаго сознанія во многія рабочія головы.

Я не ручаюсь за то, что Зеленый дѣйствительно издалъ указанное постановление. Можетъ быть, слухъ о немъ былъ невѣренъ. Но для меня это не важно. Мнѣ нуженъ былъ только примѣръ для

поясненія моей мысли, и если читатель ее понялъ, то онъ самъ иллюстрируетъ ее другими, совершенно достовѣрными примѣрами. Затрудненіе можетъ представиться ему, развѣ лишь вслѣдствіе крайняго изобилія такихъ примѣровъ.

Я позволю себѣ указать ему случаи, освѣщающіе обязанность нашей партіи при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Именно, я укажу на антиеврейскіе беспорядки. Какихъ дѣйствій требуютъ они отъ нашей партіи? Скажетъ ли намъ кто-нибудь, что мы должны подстрекать бунтующую толпу и поддерживать буяновъ? Этого не скажетъ никто, кромѣ антисемитовъ. Почему не скажетъ? По тысячѣ соображеній, ясно показывающихъ, что національный антагонизмъ крайне вреденъ для рабочаго движенія и что антисемитизмъ полезенъ *только* его противникамъ. Но если эти соображенія ясны и убѣдительны, то почему же не довести ихъ до свѣдѣнія рабочихъ? Почему не высказать ихъ кратко, но рѣшительно, въ то смутное и печальное время, когда масса не слышитъ ничего, кромѣ безсмысленныхъ наускиваній? Если наше воззваніе и не остановитъ толпы, то оно все-таки не пройдетъ безслѣдно, оно все-таки занесетъ лучъ свѣта въ темное царство и будетъ содѣйствовать развитію политическаго сознанія массы.

Далѣе. Въ первые часы или даже дни антиеврейскихъ беспорядковъ полиція обыкновенно потворствуетъ буянамъ и смотритъ на ихъ подвиги сквозь пальцы. Она сама не прочь потормозить „жидовъ“. Но она любитъ „порядокъ“ и потому рѣшается, наконецъ, дѣйствовать. Начинаются „внушенія“ и „усмиренія“, которыя по своимъ пріемамъ сами составляютъ вопіющее преступленіе противъ человѣческой личности. Достаточно сказать, что *розги* играютъ очень видную роль въ этихъ „внушеніяхъ“, расточаемыхъ безъ суда и слѣдствія, по усмотрѣнію пьяныхъ приставовъ и по указаніямъ безсовѣстныхъ сыщиковъ. Русскій народъ уже вышелъ изъ того варварства, въ ко-

торомъ онъ могъ равнодушно переносить такія расправы. Теперь онъ оскорбляютъ его нравственное чувство, и мы можемъ посвятить много благородной ненависти на почвѣ, подготовленной такимъ оскорбленіемъ.

Еще примѣръ. Студенческіе беспорядки ни прямо, ни косвенно не касаются условій найма рабочихъ капиталистами. Но они вызываютъ толки, доходящіе до слуха рабочаго класса: о нихъ пишутъ въ газетахъ, о нихъ говорятъ лавочники, о нихъ лжетъ полиція. Въ трудящемся населеніи большихъ городовъ найдется не мало лицъ, интересующихся такого рода явленіями, и *наша партія обязана, въ интересахъ своей борьбы за политическую свободу*, выяснить имъ истинный смыслъ студенческихъ „бунтовъ“. Она должна показать имъ, что дѣйствія „бунтовщиковъ“ направляются противъ того самаго порядка, отъ котораго больше всего достается именно рабочему народу, и, что, поэтому, рабочій народъ долженъ видѣть въ бунтовщикахъ *не враговъ, а союзниковъ*. Чѣмъ шире распространится такой взглядъ въ народной массѣ, тѣмъ болѣе ослабѣетъ вліяніе на нее охотно-рядскихъ элементовъ, составляющихъ самый надежный оплотъ политической реакціи, и тѣмъ болѣе усилится вліяніе на нее революціонной социаль-демократіи¹⁾.

А народныя школы? А народныя чтенія? А разнообразныя просвѣтительныя попытки интеллигенціи, которыя отвѣчаютъ *серьезной и вполне сознанный рабочимъ классомъ духовной потребности* и которыя встрѣчаютъ со стороны правительства такое множество препятствій? Трудящаяся масса настойчиво проситъ умственной *пищи*, правитель-

¹⁾ Сюда же надо отнести и распространеніе въ рабочей средѣ агитаціонныхъ воззваній по поводу жестокихъ расправъ правительства съ отдѣльными представителями свободо-мыслящей интеллигенціи, напримѣръ, съ Вѣтровой. Зачѣмъ станемъ мы молчать о томъ, что этихъ людей пытаются и терзаютъ тѣ самые слуги царя, которые готовы запытать и растерзать всякаго пролетарія, въ голову котораго проникаетъ мысль о борьбѣ за лучшее будущее?

ство осуждаетъ ее на умственный *голодъ* и неотступно преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли бы придти къ ней на помощь, а мы будемъ молчать, успокаивая свою совѣсть революціонеровъ тѣмъ соображеніемъ, что все это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ фабричнымъ порядкамъ и прямой связи съ вопросомъ о расцѣнкахъ? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Если бы мы поступали такимъ образомъ, мы сдѣлались бы смѣшными доктринерами, жалкими педантами, неспособными пріобрѣсти широкое вліяніе на общественную жизнь и недостойными выступать въ качествѣ носителей великой освободительной „идеи *рабочаго сословія*“.

Такъ называемые культурники съ любовью къ дѣлу и съ самоотверженіемъ несутъ знаніе въ пробуждающуюся отъ многовѣковаго сна народную массу, но, натолкнувшись на цензурныя рѣшетки и полицейскія рогатки, они останавливаются въ нерѣшительности и *не смѣютъ* сообщить народу самое лучшее изъ того, что они могли бы сообщить ему. Иногда имъ удается преподавать своимъ слушателямъ нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія по естествознанію, исторіи и географіи, но они не дерзаютъ затронуть передъ ними *важнѣйшій вопросъ* народнаго образованія, не рѣшаются указать на царя и на царскихъ опричниковъ, какъ на сильнѣйшее теперь препятствіе этому образованію. Соціалдемократія и здѣсь, — *какъ вездѣ*, — пойдетъ гораздо дальше другихъ направленій; она выскажетъ то, о чемъ молчатъ другіе, произнесетъ то слово, которое обходятъ „культурники“ въ своемъ преподаваніи. Она объяснитъ народу, *кто и зачѣмъ* заслоняетъ отъ него свѣтъ знанія; она разоблачитъ политику „народнаго просвѣщенія“; она будетъ въ своихъ воззваніяхъ беспощадно клеймить продѣлки нашихъ обскурантовъ. И это будетъ новымъ видомъ политической *агитаціи*; это явится однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ *борьбы за политическую свободу!*

Еще одинъ примѣръ, на этотъ разъ послѣдній. Неурожаи сдѣлались у насъ постояннымъ явленіемъ, несущимъ множество несказанныхъ бѣдствій населенію пострадавшихъ мѣстностей. Въ такихъ случаяхъ прямая обязанность правительства оказать серьезную помощь голодающимъ. Но наше правительство не только не оказываетъ крестьянамъ серьезной помощи, но всячески стѣсняетъ тѣхъ частныхъ лицъ, которыя хотѣли бы послужить народу въ тяжелую для него годину. Русская социальдемократія обязана разоблачать передъ трудящейся массой эти тираническія и постыдныя дѣйствія русскаго правительства. Промышленные рабочіе, навѣрное, выслушаютъ ее со вниманіемъ; вѣдь для многихъ изъ нихъ неурожай означаетъ раззореніе оставшейся въ деревнѣ родной семьи, нищету родителей и братьевъ. Иные изъ этихъ рабочихъ принесли, можетъ быть, съ собою изъ деревни наивное убѣжденіе въ томъ, что всякая помощь голоднымъ оказывается по царскому почину и распоряженію. Каково же будетъ ихъ негодованіе, когда мы обнаружимъ ихъ ошибку, когда мы покажемъ имъ, какъ ведетъ себя въ такихъ случаяхъ ихъ любимый „*надежда-государь*“! Мы не можемъ ограничиваться болѣе или менѣе длинными статьями въ предназначенныхъ для рабочихъ періодическихъ изданіяхъ. Мы должны во множествѣ распространять летучіе листки и воззванія, доступные пониманію самыхъ неразвитыхъ рабочихъ. Тутъ недостаточно *пропаганды*; тутъ необходима *агитація*.

Замѣчу кстати, что въ листкахъ и воззваніяхъ намъ слѣдуетъ обращаться при этомъ не только къ рабочимъ, но также и къ *крестьянамъ*, которыхъ этотъ вопросъ касается всего ближе. Я уже сказалъ, что многіе промышленные рабочіе имѣютъ въ деревнѣ отцовъ и братьевъ. Но вѣдь кромѣ *промышленныхъ* рабочихъ есть еще и *сельско-хозяйственные*. Такими являются тѣ изъ крестьянъ, которые по незначительности своего земельного надѣла живутъ *продажей своей рабочей*

силы. Эти крестьяне — тѣ же пролетаріи, и горе намъ, если мы позабудемъ объ этомъ! Правда, промышленные рабочіе воспріимчивѣ сельскохозяйственныхъ, и потому *первыя* наши усилія естественно направляются на промышленные центры. Но чѣмъ большимъ успѣхомъ увѣнчаются эти наши усилія, т. е., чѣмъ болѣе возрастетъ наше вліяніе на *промышленныхъ* рабочихъ, тѣмъ возможнымъ и необходимымъ станетъ для насъ революціонное *воздѣйствіе на деревню*. Зная это, мы уже теперь должны прокладывать себѣ дорогу въ нее всякій разъ, когда къ этому представляется удобный поводъ. А между такими поводами едва ли первое мѣсто принадлежитъ хроническимъ голодовкамъ и сопровождающимъ ихъ стѣснительнымъ распоряженіямъ нашего попечительнаго начальства.

VIII.

„Располагая фактами и сообщеніями изъ разныхъ мѣстъ, сотрудники „Рабочей Мысли“ должны дѣлать сводки и указывать, какъ складывается общее насиліе царской власти отъ этихъ частныхъ, чиновничьихъ и хозяйскихъ притѣсненій, при чемъ нужна простота, ясность и воодушевленность.“

Такъ говоритъ въ письмѣ, напечатанномъ въ № 8 „Рабочей Мысли“, „*практикъ рабочій*“, очевидно мало опытный въ программныхъ спорахъ, но хорошо понимающій требованія жизни и положеніе своего класса въ нашемъ полицейскомъ государствѣ. Редакція „Рабочей Мысли“ въ особомъ примѣчаніи обратила вниманіе читателей лишь на непослѣдовательность автора письма, который осуждаетъ употребленіе иностранныхъ словъ въ статьяхъ, предназначенныхъ для рабочихъ, и самъ во множествѣ употребляетъ ихъ въ своемъ письмѣ. Оставляя открытымъ вопросъ объ иностранныхъ словахъ, я замѣчу въ свою очередь, что цитированное мною мѣсто письма „*практика рабочаго*“ прекрасно опредѣляетъ общую агитаціонную задачу нашей партіи: *ставить мелкія притѣсненія,*

испытываемая рабочими со стороны хозяина и чиновниковъ, въ связь съ „общимъ насиліемъ царской власти“. Это какъ разъ та задача, на которую я указываю и отъ посильнаго рѣшенія которой мы не имѣемъ права уклоняться даже въ самомъ первомъ „фазисѣ“ рабочаго движенія. Но если это такъ, если „практикъ рабочій“ вѣрно опредѣляетъ намъ нашу практическую задачу, то стремиться къ чисто экономической агитаціи значитъ дѣлать огромную и непростительную тактическую ошибку.

„Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его загорбкѣ, охъ какъ знаетъ! — говорится еще въ письмѣ, — нужно только, чтобы съ перваго же слова сердце его забилося сильнѣй, и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду и... не передать ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается его сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ насилій“. Это опять то самое, что говорю я: въ своей агитаціи наша партія не можетъ ограничиться указаніемъ рабочему факта экономической его эксплуатаціи; она непременно должна касаться той „тьмы насилій“, которая окружаетъ рабочаго со всѣхъ сторонъ и отъ которой родится сомнѣніе въ его головѣ и накапливается горечь въ его сердцѣ. Если мы сумѣемъ дать надлежащее направленіе этимъ сомнѣніямъ и найти яркое выраженіе этой горечи, то и въ самомъ дѣлѣ отъ нашихъ воззваній будетъ сильнѣе биться сердце въ груди пролетарія и быстрѣе обращаться кровь въ его жилахъ. „Дайте просторъ агитаціи и публицистикѣ, — прекрасно говоритъ „практикъ рабочій“, — и вы увидите, какъ заискрятся тысячи глазъ нашихъ рабочихъ, какъ воодушевятся лица и какъ быстро полетитъ вѣсть о дружномъ единеніи“... О какой же публицистикѣ говоритъ онъ? Ясно, что о политической, т. е. о той самой, которая, по моему мнѣнію, должна быть неразрывно связана съ агитаціей на экономической почвѣ. Это письмо рабочаго есть первое (а можетъ быть уже и не первое?) предостереженіе Г. Г. „экономистамъ“, идущее изъ среды

нашего пролетаріата. Надо надѣяться, что за нимъ скоро послѣдуютъ другія.

Въ письмѣ „практика рабочаго“ есть еще одно, очень замѣчательное мѣсто. Привожу его цѣликомъ.

„Можетъ быть, вамъ покажется смѣшнымъ, что рабочіе зачитывали до дыръ народовольческую брошюру *„Подпольная Россія“* и жили вмѣстѣ съ ея героями, забывая всякія опасности и трудности настоящаго. Я не сторонникъ разныхъ заговоровъ и терроровъ, но для меня ни мало не смѣшно видѣть человѣка, перемѣнившаго Бову Королевича на Желябова и спящую красавицу на Вѣру Перовскую. Я указываю только на психологію рабочаго и не хочу сказать о какомъ нибудь новомъ направленіи или воскрешеніи народовольческихъ утопій“.

Указываемая здѣсь „психологія“ — увлеченіе „народовольческой“ брошюрой *„Подпольная Россія“* и біографіями Желябова и *„Вѣры“* Перовской, — дѣлаетъ большую честь русскимъ рабочимъ и доказываетъ лишній разъ то, что мнѣ часто приходилось высказывать устно и въ печати, навлекая на себя злыя насмѣшки „интеллигентныхъ“ скептиковъ: что русскій пролетаріатъ отомститъ русскому правительству за многократныя пораженія, нанесенныя имъ русской революціонной интеллигенціи. Но почему же авторъ письма думаетъ, что такая психологія русскихъ рабочихъ можетъ вызвать насмѣшки со стороны людей, называющихъ себя друзьями пролетаріата? Вѣроятно, онъ имѣетъ къ тому свои основанія; вѣроятно, онъ встрѣчалъ людей, осмѣивавшихъ сочувствіе рабочихъ героямъ *„Подпольной Россіи“*. Если это такъ, если такіе люди дѣйствительно существуютъ, то да будетъ имъ очень стыдно! Они могутъ искренно считать себя друзьями рабочаго класса; но въ дѣйствительности они не друзья рабочихъ, а ихъ враги, не просвѣтители, а усыпители.

„Заговоры и терроры“ теперь совершенно неумѣстны; но память о заговорщикахъ и террористахъ, преслѣдовавшихъ святую цѣль экономиче-

скаго и политическаго освобожденія русскаго народа, должна быть также дорога всѣмъ сознательнымъ рабочимъ, какъ дорога всѣмъ искреннимъ христіанамъ память ихъ мучениковъ. Желябовы и Перовскія составляютъ славу нашей родины.

IX.

Тактика предлагаемая „рабочимъ практикамъ“, пуждается въ одномъ только дополненіи: наша партія въ своей агитаціи должна указывать рабочимъ не только на ту „тѣму насилій“, отъ которой *страдаютъ они сами*, но, какъ я указывалъ выше, *также и на ту, которая тяготѣетъ* надо всей трудящейся и надо всей свободо-мыслящей Россіей. Такія указанія будутъ расширять политическій кругозоръ пролетаріата и въ то же время приобрѣтатъ новыхъ, многочисленныхъ друзей его передовому отряду, т. е. нашей партіи. Они распространяютъ наше политическое вліяніе далеко за предѣлы рабочаго класса въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Наша агитація и теперь уже въ значительной степени имѣетъ политическій характеръ. Намъ необходимо еще ярче и рѣшительнѣе отгнать этотъ характеръ, разъ навсегда разорвавъ со всякими „экономическими“ предразсудками. Приемы нашей политической агитаціи должны стать гораздо разнообразнѣе, область ея распространенія много шире, чѣмъ прежде. Я понимаю, что все это предполагаетъ, можетъ быть, такую организацію, какой у насъ пока еще нѣтъ, и такія матерьяльныя средства, какими мы пока еще не располагаемъ. Но многое можно сдѣлать въ указанномъ направленіи уже и въ настоящее время. А каждый шагъ, сдѣланный нами въ этомъ направленіи, будетъ укрѣплять нашу организацію и увеличивать наши матерьяльныя средства, по той простой причинѣ, что будетъ увеличивать и укрѣплять сочувствіе къ намъ всѣхъ демократическихъ элементовъ нашего отечества. Эти эле-

менты окажутъ намъ незамѣнимую поддержку въ политической борьбѣ съ царизмомъ.

На основаніи этихъ послѣднихъ словъ меня обвиняютъ, пожалуй,—какъ обвиняли недавно П. Аксельрода, — въ намѣреніи покинуть точку зрѣнія классовой борьбы и содѣйствовать сближенію пролетаріата съ буржуазіей. Но я не боюсь такихъ обвиненій. Болѣе того, я убѣжденъ, что пора уже *обратить ихъ противъ обвинителей*. И я сдѣлаю это немедленно.

Русскій рабочій классъ страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Самымъ тяжелымъ для пролетаріевъ послѣдствіемъ *неразвитости* нашей *экономики* является ихъ *политическое безправіе*, дѣлающее изъ нихъ рабовъ первой встрѣчной кокарды и чрезвычайно затрудняющее ихъ *борьбу съ капиталистами*. Завоеваніе политическихъ правъ, разрушеніе абсолютизма составляетъ, поэтому, необходимое условіе правильнаго развитія этой борьбы. Русскій социальдемократъ обязанъ выяснять рабочему не только ту враждебную противоположность, которая раздѣляетъ его интересы отъ интересовъ предпринимателей, но также и ту, которая существуетъ между его интересами, съ одной стороны, и интересами самодержавія—съ другой. Но интересы самодержавія враждебны интересамъ не однихъ только рабочихъ. Поэтому и въ борьбѣ съ самодержавіемъ заинтересованы не одни только рабочіе. Русская социальдемократія сдѣлала бы непростительную ошибку, если бы она упустила изъ виду это важное обстоятельство и не сумѣла воспользоваться имъ въ интересахъ освободительнаго движенія пролетаріата. Она не можетъ игнорировать тѣ слои русскаго населенія, въ которыхъ живетъ духъ оппозиціи. Марксъ и Энгельсъ высказали въ Манифестѣ Коммунистической Партіи ту мысль, что коммунисты обязаны поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго порядка. Эта мысль сохранила все свое великое значеніе и для нашего вре-

мени. Она должна руководить насъ въ нашихъ отношеніяхъ къ „обществу“. Мы не только не имѣемъ права игнорировать существующія въ его средѣ оппозиціонныя теченія, но обязаны старательно и постоянно выставлять на видъ сторонникамъ этихъ теченій тѣ наши политическія стремленія, которыя дѣлаютъ изъ насъ *самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ непримиримыхъ враговъ абсолютизма*. Намъ нечего бояться *сближенія* съ оппозиціонными слоями нашего общества; намъ надо позаботиться только о томъ, *чтобы они не подчинили насъ своему вліянію и руководству*. А такое подчиненіе сдѣлалось бы возможнымъ, — и даже *неминуемымъ*, — только въ томъ случаѣ, если бы у насъ восторжествовало *экономическое направленіе*.

Сторонники этого направленія не хотятъ политической борьбы по крайней мѣрѣ для настоящаго „момента“. Но мы уже знаемъ, что у насъ въ Россіи эта борьба — та же природа: если вы гоните ее въ дверь, она возвращается черезъ окно. Но, возвращаясь такимъ необычайнымъ образомъ, она производитъ вреднѣйшую путаницу тамъ, гдѣ нельзя обойтись безъ самаго строгаго порядка. Благодаря этой путаницѣ, люди, идущіе въ одну комнату, противъ собственнаго вѣдома и желанія попадаютъ въ другую. Этотъ непріятный пассажъ уже случился съ нѣкоторой, — замѣтьте: съ *наиболѣе вѣрной себѣ, наиболѣе послѣдовательной*, — частью нашихъ „экономистовъ“.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, т. е. послѣдовательно, логически развивая свои основныя положенія, „экономистъ“ неизбежно приходитъ къ программѣ, изложенной въ не разъ уже упомянутомъ мною „Credo“. Авторы этого произведенія считаютъ излишнимъ существованіе *соціалдемократіи, какъ особой политической рабочей партіи*. Но они уже не высказываются противъ политической борьбы. Они только хотятъ, чтобы ея инициатива принадлежала не рабочимъ, а именно тѣмъ оппозиционнымъ элементамъ нашего общества, о которыхъ я говорилъ выше. Къ чему же привела бы такая

борьба при участіи въ ней соціалъдемократовъ, но при отсутствіи особой соціалъдемократической партіи? Понятно къ чему: къ чрезвычайному ослабленію вліянія *соціалъдемократовъ*, которые, растворясь въ массѣ другихъ анти-правительственныхъ элементовъ, на дѣлѣ превратились бы въ простыхъ демократовъ. Но превращеніе *соціалъдемократовъ* въ простыхъ демократовъ именно и означало бы забвеніе *классовой борьбы* и сближеніе *пролетаріата* съ *буржуазіей*. Выходитъ, стало быть, что къ этому результату ведетъ не та тактика, которую мы рекомендуемъ, а та, которая *подсказывается* логикой „экономическаго“ направленія.

Но такой результатъ совсѣмъ для насъ нежелателенъ. Если въ той борьбѣ, которая не можетъ не начаться у насъ въ Россіи, — въ борьбѣ за политическую свободу, — наши рабочіе, въ средѣ которыхъ уже пробуждается классовое самосознаніе, выступаютъ вассалами другихъ, чуждыхъ имъ партій, то отъ этого не выиграетъ никто, кромѣ буржуазіи. Пусть же идеологи буржуазіи и стараются направить рабочихъ на этотъ путь. Мы, соціалъдемократы, постараемся повести ихъ по другому.

Наша партія, не имѣющая рѣшительно никакой склонности къ самоубійству, возьметъ на себя починъ борьбы съ абсолютизмомъ, а слѣдовательно и *гегемонію* въ этой борьбѣ; чѣмъ болѣе многочисленны и разносторонни стануть ея приемы, тѣмъ яснѣе сдѣлается для всѣхъ искреннихъ враговъ существующаго политическаго порядка, — для всѣхъ тѣхъ, въ душѣ которыхъ любовь къ политической свободѣ не перевѣшивается стремленіемъ къ эксплуатаціи рабочихъ, — что они должны поддержать нашу партію въ интересахъ своего собственнаго дѣла. Мало по малу они привыкнутъ смотрѣть на ея побѣды и на ея пораженія, какъ на свои собственные побѣды и пораженія. И наша партія сдѣлается такимъ образомъ *освободительницей* par excellence, центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ ко-

того будутъ исходить всѣ наиболѣе крупныя революціонныя протесты. Тогда въ ея распоряженіи окажутся такія силы и такія матерьяльныя средства, о какихъ безумно было бы и мечтать при нынѣшнихъ условіяхъ. Но ни одна единица этихъ силъ и ни одна копѣйка изъ этихъ средствъ не будетъ затрачена на подчиненіе пролетаріата какому нибудь чуждому вліянію и на достиженіе какихъ нибудь вредныхъ для него цѣлей. Напротивъ, всѣ эти силы и всѣ эти средства будутъ служить достиженію его собственныхъ цѣлей и упрочивать его собственное вліяніе на другіе общественные элементы, потому что направлять и распредѣлять ихъ будетъ *его собственный передовой отрядъ: социальдемократическая партія.*

Торжество „экономическаго“ направленія привело бы къ политической эксплуатаціи русскаго рабочаго класса демократической и либеральной буржуазіей.

Тактика, защищаемая мною въ этой статьѣ, столь же неизбежно дала бы русской социальдемократіи, — этому передовому отряду русскаго рабочаго класса, — политическую гегемонію въ освободительной борьбѣ съ царизмомъ.

Сколько застарѣлой близорукости нужно для того, чтобы поколебаться въ выборѣ хотя бы на одну минуту!

Г. Ракин

Что же дальше? ¹⁾.

Mit der Gründlichk it der geschichtlichen Aktion wird also der Umfang der Masse zuneh en, deren Aktion sie ist.

Karl Marx

Зима и весна текущего года ознаменовались въ Россіи такими необычайными, такими потрясающими событіями, что теперь, когда нѣсколько улеглось вызванное ими волненіе, всякій тотъ, кто не вполне равнодушенъ къ судьбѣ своей родины, испытываетъ потребность выяснить себѣ смыслъ этихъ событий и опредѣлить вытекающія изъ нихъ задачи. *Что же дальше?* — вотъ вопросъ, которымъ много занималась наша легальная печать, и къ которому съ еще большимъ вниманіемъ должны отнестись заграничные русскіе писатели, имѣющіе (болѣе или менѣе полное) право думать, что хотятъ, и говорить, что думаютъ.

Займемся же этимъ вопросомъ.

Что именно произошло въ Россіи?

Произошли, во-первыхъ, такъ называемыя студенческія волненія.

Волненія этого рода у насъ совсѣмъ не новость. Они не переставали повторяться, начиная съ 1861 г., когда произошли крупныя университетскіе „безпорядки“. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и много воды утекло подъ мостами, много перемѣнъ совершилось въ нашей общественной жизни —чрезвычайно сильно преобразовались наши экономическія отношенія; не одинъ разъ смѣнились одно другимъ различныя правительственныя „вѣянія“; наша интеллигенція пережила нѣсколько

¹⁾ Эта статья напечатана во 2—3-ей книжкѣ „Зари“, вышедшей въ декабрѣ 1901 года.

различныхъ, отчасти даже противоположныхъ настроеній, — а наши студенты по прежнему сохраняли свою, всѣмъ городovýmъ и всѣмъ дворникамъ извѣстную, склонность къ „бунту“, и по прежнему производимые ими „безпорядки“ возвращались съ неумолимою правильностью астрономическихъ явленій. Трудно даже и представить себѣ, сколько тяжелыхъ и совершенно незаслуженныхъ страданій несли они съ собою, какъ для самихъ учащихся, такъ и для ихъ родителей: кто сосчитаетъ „слезы бѣдныхъ матерей“, пролитыя по поводу арестовъ и высылкъ, обыкновенно сопровождающихъ у насъ студенческія волненія? И кто вычислитъ невознаградимыя потери молодыхъ, свѣжихъ и честныхъ силъ, понесенныя нашей страной вслѣдствіе этихъ арестовъ и высылкъ? Периодическія нарушенія правильности университетской жизни чрезвычайно дорого обходились Россіи. Неудивительно, поэтому, если благоразумные и разсудительные люди, дорожа дѣломъ просвѣщенія и сожалья о печальной участи молодыхъ нарушителей „порядка“, неоднократно и настойчиво взывали къ „здравому смыслу“ студентовъ, совѣтуя имъ не горячиться безъ толку, не забывать, что плетью обуха не перешибешь, и не губить задаромъ своей молодости:

Сила ломить и соломушку,
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй ..

Какъ это часто случается съ ними, благоразумные и разсудительные люди не понимали одного и притомъ самаго главнаго: того, что постоянство всякаго даннаго явленія указываетъ на постоянство вызывающей его причины, и что, вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые дѣйствительно дорожили судьбами русскаго просвѣщенія и искренно сожальли о гибели русскихъ молодыхъ силъ, нравственно обязаны были направить свои усилія на *устраненіе тяжелыхъ условий, дѣлающихъ спокойный умственный трудъ роскошью, почти совер-*

шенно недоступной для сколько нибудь чуткаго и отзывчиваго русскаго студента. Объ этихъ условіяхъ добряки, читавшіе благоразумныя нотаціи молодежи, или совсѣмъ не упоминали, или упоминали въ самыхъ неопредѣленныхъ и туманныхъ выраженіяхъ. Оно и понятно: прямое и рѣзкое указаніе на эти условія могло бы вызвать неудовольствіе начальства, а благоразумные и разсудительные люди слишкомъ разсудительны и благоразумны для того, чтобы „прать противъ рожна“, вводя начальство во гнѣвъ и во искушеніе. Но не менѣе понятно и то, что „пѣсня безобразная“ о силѣ, ломающей соломушку, не могла успокоить нашу учащуюся молодежь. Студенты продолжали волноваться чуть не ежегодно, и нынѣшней зимой ихъ волненіе разлилось по всѣмъ университетскимъ городамъ такой широкой и такой сильной волною, а репрессивныя мѣры, принятыя противъ нихъ правительствомъ, оказались такими дикими и такими свирѣпыми, что на всей необъятной Руси, отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, началось сочувственное студентамъ движеніе. Тогда и въ самыхъ недогадливыхъ головахъ промелькнуло, наконецъ, нѣчто похожее на догадку. Самъ императоръ призналъ „*благовременнымъ*“ приступить къ „*коренному пересмотру и исправленію нашего учебнаго дѣла*“. Это обстоятельство нѣсколько развязало языки даже чрезвычайно осторожнымъ публицистамъ. „Разъ съ высоты трона раздался призывъ къ участію въ жизни школы семьи и общества, — объявила газета „*Россія*“ въ номерѣ отъ 8-го апрѣля, — то голосъ общественной мысли не можетъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній“. Лучше поздно, чѣмъ никогда! И хотя, конечно „*голосъ общественной мысли*“ не обнаружилъ большого гражданскаго мужества, оставаясь „*безмолвнымъ*“ (нечего сказать, хорошъ „*ГОЛОСЪ*“!) до тѣхъ поръ, пока не получилъ ободренія „съ высоты трона“, но отсутствіе гражданскаго *муже-*

ства не всегда означаетъ отсутствіе гражданской *мудрости*. Какъ знать! Иногда и робкій человѣкъ дастъ такой совѣтъ, который принесетъ не мало пользы самымъ мужественнымъ людямъ. Прислушаемся же къ „голосу общественной мысли“. Что говоритъ онъ учащейся молодежи? Какой свѣтъ проливаетъ онъ на ея нынѣшнее, невыносимое положеніе?

Въ статьѣ, озаглавленной: „*Что нужно нашимъ университетамъ?*“ и подписанной: „*профессоръ*“, „*Россія*“ (№ 702) указываетъ на необходимость устраненія нынѣшняго университетскаго устава, который, — по справедливому замѣчанію г. „профессора“, — продиктованъ интересами политики, а не науки и учебнаго дѣла. Г. „профессоръ“ требуетъ возвращенія къ уставу 1863 года. Это совершенно опредѣленный планъ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, могло ли бы осуществленіе этого плана въ самомъ дѣлѣ обновить нашу университетскую жизнь и обезпечить ей спокойствіе, безусловно необходимое для ея правильнаго развитія. Г. „профессоръ“, повидимому, думаетъ, что да, а мы убѣждены, что нѣтъ.

Г. „профессоръ“ утверждаетъ что уставъ 1863 г. основанъ былъ на избирательномъ началѣ. Это болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ *учащимъ*. Но въ какой мѣрѣ пользовались „избирательнымъ началомъ“ *учащіеся*? Всякій знаетъ, въ какой. Они *совсѣмъ* не пользовались имъ, потому что выбирать имъ было *некого*. Студенты представляли собою большее или меньшее число *единицъ*, не связанныхъ между собою никакими законными отношеніями. *Студенческія корпораціи были запрещены*. Чѣмъ была продиктована эта мѣра: интересами политики, или интересами науки? На этотъ вопросъ разумѣется можетъ быть только одинъ отвѣтъ: *интересами политики*. Какова же была политика, помѣшавшая ввести въ уставъ 1863 года право студенческихъ корпорацій? Ясно, что въ этой политикѣ было очень мало *либеральнаго*. Это была та „*охранительная*“ политика, ко-

торая всѣми способами старается помѣшать проникновенію освободительныхъ идей въ наше студенчество. Составители устава 1863 г. боялись, что корпораціи облегчатъ это проникновеніе; поэтому они запретили корпораціи. Неужели это не ясно г. „профессору“? А если это ясно ему, то зачѣмъ же онъ изображаетъ въ ложномъ свѣтѣ уставъ 1863 года? Зачѣмъ онъ вводитъ въ обманъ общественное мнѣніе?

Волненія учащейся молодежи почти ежегодно возобновлялись въ семидесятыхъ годахъ, т. е. именно тогда, когда дѣйствовалъ уставъ 1863 года. Почему г. „профессоръ“ думаетъ, что этотъ уставъ, не устранявшій недовольства студентовъ семидесятыхъ годовъ, успокоитъ нынѣшнихъ студентовъ? Или, можетъ быть, онъ вовсе не задается цѣлью ихъ успокоенія? Можетъ быть, онъ и самъ хорошо знаетъ, что возвращеніемъ къ уставу 1863 года не предупредишь университетскихъ „исторій“? Но въ такомъ случаѣ онъ совсѣмъ обходитъ вопросъ, поставленный на очередь царскимъ рескриптомъ на имя новаго министра народнаго просвѣщенія. Вѣдь „коренной пересмотръ и радикальное исправленіе нашего учебнаго дѣла“ предпринимаются правительствомъ именно для того, чтобы положить конецъ студенческимъ волненіямъ. Кто не хочетъ говорить о средствахъ достиженія этой цѣли, тотъ остается „безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній“. А вѣдь „*Россія*“ убѣждена, что теперь, послѣ пресловутаго „призыва съ высоты трона“, такая роль нравственно непозволительна!

II.

Въ интересахъ истины спѣшу замѣтить, что не всѣ наши профессора готовы удовольствоваться возвращеніемъ къ уставу 1863 года. Такъ, въ „*Русскія Вѣдомости*“ сообщали отъ перваго мая, что нѣкоторые изъ факультетовъ высказались за „разрѣшеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ студенче-

скихъ организацій, имѣющихъ цѣлью, какъ выясненіе ихъ нуждъ, такъ и благотворительныя цѣли (кассы взаимопомощи) и этическія (студенческіе суды)“. Подобные проекты вообще нерѣдко появляются теперь въ различныхъ органахъ нашей печати. Я не буду останавливаться ни на одномъ изъ нихъ въ частности, потому что къ тому времени, когда выйдетъ вторая книжка „Зари“ и предлагаемая статья дойдетъ до читателя, судьба всѣхъ этихъ проектовъ, вѣроятно, будетъ уже рѣшена волею начальства въ томъ или другомъ смыслѣ. Я выскажу лишь общій взглядъ свой на возможное значеніе академической свободы въ дѣлѣ преслѣдованія той цѣли, которую поставило себѣ правительство Николая II, т. е. въ дѣлѣ *успокоенія* нашей учащейся молодежи.

Я, разумѣется, желаю студентамъ всякихъ *благъ*, а потому и всякихъ *правъ*. Я прекрасно понимаю, какими тисками сдавливаютъ ихъ нынѣшній университетскій уставъ, и очень обрадуюсь его устраненію. Но я убѣжденъ, что коренная причина студенческихъ волненій заключается не въ недостаткахъ университетскаго устава и не въ отсутствіи у насъ академической свободы, какъ ни велики эти недостатки и какъ ни печально это отсутствіе. Она лежитъ гораздо глубже. Она заключается въ томъ дикомъ произволѣ, который тяготѣетъ надо всей русской землей и съ которымъ не можетъ теперь помириться ни одинъ мыслящій и безкорыстный русскій человѣкъ. Недовольство, выражающееся въ студенческихъ волненіяхъ, коренится въ общемъ недовольствѣ интеллигенціи. Нашему полицейскому государству искренно сочувствуютъ теперь развѣ только въ полицейскихъ участкахъ: все живое, все независимое относится къ нему съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ и съ почти непреодолимымъ отвращеніемъ. Это презрѣніе и это отвращеніе составляетъ нравственную атмосферу, господствующую въ интеллигентномъ обществѣ; тысячи и тысячи дѣтей усваиваютъ его по наслѣдству отъ родителей, всасываютъ съ мо-

локомъ матери. Университеты только укрѣпляютъ, развиваютъ и *обнаруживаютъ* то недовольство, которое вызывается и поддерживается общими условіями русской жизни. И пока наше полицейское государство, со свойственнымъ ему циническимъ попираніемъ элементарнѣйшихъ правъ человѣческой личности, не отойдетъ въ область тѣхъ печальныхъ преданій, которымъ, по выраженію Грибоѣдова, *открытъ съ трудомъ*; пока оно не уступитъ мѣста такъ называемому правовому, т. е. *конституціонному* государству, до тѣхъ поръ лучшая часть русскаго студенчества останется *оппозиционнымъ общественнымъ* элементомъ, и до тѣхъ поръ ея оппозиціонное настроеніе не перестанетъ прорываться время отъ времени въ видѣ *волнений*. Академическая свобода, конечно, *необходима* для нашихъ учебныхъ заведеній; но ея *недостаточно*; она должна быть дополнена *политической свободой*. Чтобы успокоить мыслящаго русскаго *студента*, надо эманципировать русскаго *обывателя*, превративъ его въ *гражданина*.

Это до такой степени вѣрно, что смутное сознаніе этого проникаетъ даже въ головы, совсѣмъ не зараженныя революціонными идеями. Такъ, напримѣръ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, въ статьѣ *Квинтэссенція университетскаго вопроса*“ (№ 110), категорически объявили, что „невозможно выдумать такой университетскій уставъ, который гарантировалъ бы возможность нарушенія спокойнаго теченія академической жизни“. Въ виду того, что основная причина аномалій „имѣетъ общій характеръ“, лѣчить эти аномаліи возможно только посредствомъ законодательныхъ мѣръ общаго характера. Названная газета выставила даже цѣлую программу такихъ мѣръ. Вотъ эта программа.

„Предоставленіе большого простора общественнымъ инстинктамъ и общественной самодѣятельности, главнымъ образомъ, путемъ правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія; усиленія начала законности, въ частности, обезпеченія правъ личности, путемъ замѣны начала личнаго усмот-

рѣнія, гдѣ оно по существу дѣла не является необходимымъ, точнымъ обезпеченіемъ правъ и обязанностей съ надлежащей санкціей и контролемъ ихъ осуществленія; постановка печати на почву опредѣленной законной нормировки съ уголовно-судебной, хотя бы и очень строгой, отвѣтственностью на случай нарушеній.“

Газета наивно думаетъ, что законность и общественная самостоятельность могутъ процвѣсти у насъ даже при абсолютизмѣ, который сковываетъ Россію по рукамъ и по ногамъ и который *беззаконенъ по своему существу*. Но, какъ ни велико ея заблужденіе въ этомъ случаѣ, она права въ своемъ скептическомъ отношеніи къ радужнымъ надеждамъ, возлагаемымъ на пересмотръ университетскаго устава. „Коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго дѣла“ представляютъ собою гораздо болѣе сложную и трудную задачу, чѣмъ это думалъ Николай II или, — точнѣе — авторъ рескрипта на имя г. Ванновскаго. Рѣшеніе этой сложной и трудной задачи предполагаетъ предварительное рѣшеніе другой задачи, не педагогическаго, а общественнаго характера. Задача эта называется „*кореннымъ пересмотромъ и исправленіемъ*“ нашего политическаго порядка.

Правительство Николая II не помышляетъ объ этой послѣдней задачѣ, да оно и не могло бы, разумѣется, рѣшить ее. Вотъ почему я убѣжденъ, что еще не такъ скоро придетъ то желанное время, когда наша учащая молодежь получитъ возможность спокойно заниматься науками, и когда родители перестанутъ дрожать за участь дѣтей, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія.

И именно потому, что, къ моему крайнему сожалѣнію, еще не такъ скоро придетъ это желанное время, именно потому, что лучшей и благороднѣйшей части нашего студенчества суждено еще довольно долго горѣть святымъ огнемъ гражданскаго негодованія, я не хочу предаваться безполезнымъ сожалѣніямъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя ей еще предстоитъ испытать, и о тѣхъ жерт-

вахъ, которыя еще не одинъ разъ будутъ вырваны изъ ея рядовъ и принесены Молоху полицейскаго порядка. Пусть московскіе профессора слезливо голосятъ на тему о самообладаніи, спокойствіи, покорности, умѣренности и аккуратности. Я предпочитаю напомнить русскому студенчеству тѣ благородныя слова, съ которыми великій Фихте нѣкогда обращался къ своимъ слугамъ.

„Я убѣжденъ, — говорилъ этотъ благородный мыслитель, — что царству исконнаго врага человѣческаго рода — зла вообще, въ различныя эпохи являющагося въ самыхъ различныхъ видахъ, конецъ можетъ быть положенъ только развитіемъ науки въ человѣческомъ родѣ. Вамъ извѣстно, что я разумѣю подъ этимъ воплощеніе знанія, разума, мудрости въ самую жизнь... Но эта духовная война противъ зла требуетъ внѣшняго мира, тишины, неприкосновенности личностей, ее ведущихъ. Если бы это условіе было нарушено, если бы свободное развитіе человѣческаго духа стѣснялось или запрещалось, тогда *прежде всего другого* слѣдовало бы завоевать эту свободу, ничего не щадя для нея, жертвуя ей кровью и достояніемъ, потому что, если она не завоевана и пока она не завоевана, немыслимо никакое улучшеніе человѣческихъ отношеній, и человѣческій родъ вынужденъ вести постыдное и безцѣльное существованіе“.

Какъ не похожа эта мужественная проповѣдь на слезливыя причитанія московскихъ книжныхъ червей! Фихте былъ *будильникомъ*, а московскіе книжные черви взяли на себя роль *усыпителей*. Они какъ будто и не догадываются, что ихъ воззваніе къ студентамъ навсегда останется позорнымъ документомъ въ исторіи московскаго „ученаго сословія“ ¹⁾.

¹⁾ При собираніи подписей къ этому позорному документу начальство прибѣгло къ не менѣ позорнымъ приемамъ, занимающимъ среднее мѣсто между шантажемъ и подлогомъ. Имена нѣкоторыхъ профессоровъ подписаны были подъ воззваніемъ противъ ихъ воли. Эти профессора довели объ этомъ до свѣдѣнія читающей публики. Но за то другіе составляющіе боль-

Какой нибудь книжный червь возразить мнѣ, пожалуй, что Фихте говорилъ собственно о борьбѣ съ иноземнымъ завоевателемъ. Но это будетъ пустое возраженіе. Во-первыхъ, Фихте, говоря по поводу *частнаго случая*, — предстоявшей борьбы съ иноземнымъ завоевателемъ, — высказалъ *общій* свой *взглядъ* на нравственную обязанность всѣхъ мыслящихъ гражданъ всякой страны, въ которой нѣтъ свободы и неприкосновенности личности, и населеніе которой вынужденно, поэтому, вести постыдное и безцѣльное существованіе. А во вторыхъ, откуда же видно, что иностранное иго вреднѣе и унизительнѣе, чѣмъ иго, налагаемое на страну ея собственнымъ правительствомъ? Мы, русскіе, давно уже имѣли множество превосходнѣйшихъ случаевъ убѣдиться въ томъ, что „*турки внутренние*“ куда опаснѣе для насъ, чѣмъ „*турки внѣшніе*“.

III.

Къ сожалѣнію, на роль усыпителей у насъ теперь, какъ и всегда, очень много охотниковъ. Та же газета „*Россія*“, которая ничего не придумала для обновленія нашей университетской жизни, кромѣ жалкихъ палліативовъ, сочла своимъ долгомъ предостеречь учащуюся молодежь отъ увлеченія духомъ борьбы. Она посовѣтовала ей доврчиво отнестись къ царю, „благожелательная заботливость“ котораго является будто бы единственной опорой студенческихъ требованій: „Внѣ этой опоры, — говорила газета — не только студенчество, но и все русское общество лишено возможности предъявлять какія бы то ни было требованія, потому что ничѣмъ не можетъ подкрѣпить эти требованія“.

„*Россія*“ вѣрить въ „благожелательную заботливость“ Николая II. Блаженъ, кто вѣруетъ! Однако, на чемъ основывается эта ея вѣра? Мы

шинство, какъ видно, подписались добровольно и по существу противъ воззванія ничего не имѣютъ.

уже знаемъ, — со словъ писавшаго въ „*Россіи*“ г. „профессора“, — что университетскій уставъ 1884 года былъ продиктованъ *интересами реакціонной политики*. Мы знаемъ также, что и при составленіи устава 1863 года интересы реакціонной (или, по крайней мѣрѣ, консервативной) политики не были забыты. Но допустимъ на минуту, что политика, продиктовавшая уставъ 1863 года, была очень либеральна. Спрашивается, какъ относится къ ней императоръ Николай II? Всякій знаетъ, что онъ относится къ ней совершенно такъ же, какъ относился императоръ Александръ третій, которому политика его отца представлялась чуть не революціонной политикой, достойной, если не якобинца то, по меньшей мѣрѣ, жирондиста. Николай II оставался вѣрнымъ орудіемъ реакціи съ самаго начала своего царствованія, съ того самого момента, когда, вступивъ на „прародительскій престолъ“, онъ, въ своей знаменитой рѣчи, назвалъ „*безмысленнымъ мечтаніемъ*“ всякую надежду на добровольныя уступки со стороны самодержавной власти. И всѣ дѣйствія его правительства не только не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на переменѣу его образа мыслей, но, напротивъ, ежедневно и, можно сказать, ежечасно приносятъ намъ все новыя и новыя доказательства того, что онъ твердо рѣшился оставаться на пути, указанномъ ему Александромъ III. Его „благожелательная заботливость“ не дала и не даетъ намъ ничего, кромѣ ряда самыхъ реакціонныхъ мѣропріятій; а газета „*Россія*“ приглашаетъ своихъ читателей ждать отъ царя великихъ и богатыхъ милостей; она увѣряетъ, — не только студентовъ, но и всѣхъ русскихъ обывателей, — что его добрая воля является надежнѣйшимъ факторомъ нашего прогресса. Это уже слишкомъ! Русскіе обыватели не лишены, правда, весьма значительной доли наивности. Но при всей ихъ наивности врядъ ли кому удастся теперь убѣдить ихъ въ томъ, что курочка бычка родить, а поросенокъ яйцо снесетъ.

Да и что такое эти знаменитыя отнынѣ „Временныя правила“, примѣненіе которыхъ вызвало такое глубокое негодованіе, какъ въ Россіи, такъ и во всемъ цивилизованномъ мірѣ? Они явились логическимъ послѣдствіемъ реакціонной политики, продиктовавшей университетскій уставъ 1884 года и необходимымъ дополненіемъ этого устава. Ихъ идея зародилась впервые еще въ 1882 году. Ея отцемъ былъ — нужно ли прибавлять это? — Торквемада - Побѣдоносцевъ, который предложилъ ее „Особому Совѣщанію“ министровъ, состоявшемуся осенью 1882 года по поводу происходившихъ тогда студенческихъ волненій. По проекту г. Побѣдоносцева слѣдовало „отдавать въ дисциплинарныя батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для исправленія“¹⁾. Въ то время мысль эта хотя и была очень сочувственно встрѣчена Александромъ III, но все таки осталась безъ практическихъ послѣдствій. Въ 1899 году она, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, легла въ основаніе „временныхъ правилъ“. Правительство Николая II выполнило то, передъ чѣмъ остановилось даже правительство Александра III. Нечего сказать, очень много обѣщаетъ „благжелательная заботливость“ главы этого правительства!

Уже одно то обстоятельство, что „на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія“ призванъ былъ старый, ограниченный солдатъ, изъ тѣхъ, которыхъ называютъ „бурбонами“, должно было бы очень сильно поколебать вѣру въ царскую „заботливость“ объ учащейся молодежи. Вѣдь г. Ванновскій былъ однимъ изъ немногихъ министровъ Александра III, принявшихъ въ принципѣ мысль г. Побѣдоносцева объ отдачѣ въ солдаты студентовъ, уличенныхъ въ

¹⁾ Смотри напечатанные въ „Листкахъ г. В. Чертова „Тайные документы о мѣрахъ противъ студенческихъ безпорядковъ“, стр. 46.

неповиновеніи начальству. Онъ былъ только противъ опредѣленія ихъ въ дисциплинарные батальоны¹⁾. Онъ стоялъ, значитъ, какъ разъ за ту мѣру, которая была осуществлена въ послѣдствіи въ видѣ „временныхъ правилъ“ и довела учащихся чуть не до возстанія съ оружіемъ въ рукахъ. И этому то человѣку императоръ поручилъ успокоить молодежь, внеся въ дѣло ея воспитанія „разумъ, любовь и сердечное попеченіе“! Этотъ то „фельдфебель“, когда то находившій наиболѣе естественной мысль объ „успокоеніи“ студентовъ посредствомъ *шагистики*, произведенъ во всероссійскіе „Вольтеры“ съ обязательствомъ начать новую эру въ исторіи нашего просвѣщенія, отдавъ молодежи свое *сердце нѣжное, какъ ласка*!

По истинѣ можно сказать, что, если, призывая г. Ванновскаго, нашъ батюшка не насмѣхался надъ своими „вѣрнопопдаанными“, то онъ обнаружилъ полнѣйшее, всесовершеннѣйшее непониманіе нынѣшняго положенія нашихъ университетовъ. А у насъ нашлись люди, усмотрѣвшіе въ его рескриптѣ на имя фельдфебеля-Вольтера широкую либеральную программу и умилившіеся тамъ, гдѣ умѣстны и позволительны были только гнѣвъ, негодование и насмѣшка.

Правда, въ своемъ докладѣ о студенческихъ безпорядкахъ 1899 года г. Ванновскій уже не говорилъ объ отдачѣ опальныхъ студентовъ въ солдаты. Онъ даже указывалъ на необходимость „немедленнаго пересмотра уставовъ высшихъ и среднихъ заведеній“, а въ ожиданіи такого пересмотра рекомендовалъ „частное исправленіе уставовъ“, въ проектѣ котораго фигурируетъ, между прочимъ, „введеніе съ должной осторожностью постепенно и въ предѣлахъ возможности корпоративнаго устройства студентовъ“²⁾. Но, во-первыхъ, корпоративное устройство не шло въ проектѣ г. Ваннов-

¹⁾ Тамъ же стр. 47.

²⁾ Смотри изданный „Рабочимъ Знаменемъ“ „Докладъ Ванновскаго по поводу студенческихъ безпорядковъ 1899 года, стр. 50 и 51.

скаго дальше „курсовыхъ старость и курсовыхъ сходовъ по примѣру Военно-медицинской Академіи“¹⁾; во-вторыхъ, введеніе корпоративнаго устройства сопровождалось, въ томъ же проектѣ, *усиленіемъ инспекціи*²⁾ и *ограниченіемъ числа студентовъ*³⁾; въ третьихъ, къ человѣку, сравнительно недавно одобрявшему отдачу студентовъ въ солдаты, общество не должно было бы относиться съ довѣріемъ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ теперь рѣшительно осудилъ эту мѣру; а въ четвертыхъ, этотъ человѣкъ совсѣмъ и не показываетъ, что она ему не нравится: вѣдь студенты, отданные въ солдаты за „безпорядки“ текущаго года, остаются въ казармахъ, хотя г. Ванновскій имѣетъ полную возможность вернуть ихъ въ университетскія аудиторіи⁴⁾. Новый министръ народнаго просвѣщенія, очевидно, продолжаетъ вѣрить въ педагогическія свойства *учебнаго шага*. Много ли же общаетъ нашей учащейся молодежи его „сердечное“ о ней попеченіе.

¹⁾ Тамъ же стр. 52,

²⁾ Тамъ же стр. 51.

³⁾ Тамъ же, стр. 50: „Установленіе количества студентовъ въ соотвѣствіи съ вмѣстимостью Университета (рѣчь идетъ о Петербургскомъ Университетѣ), ибо въ настоящее время послѣдній не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ студентовъ, если бы они явились туда одновременно“. Реакціонная подкладка этого предложенія едва ли нуждается въ разъясненій.

⁴⁾ Въ настоящее время общество „дождалось“ таки „акта милосердія“ генер. Ванновскаго: студенты „помилованы“. но помилованы такъ, какъ это привыкло дѣлать самодержавное правительство. Нѣсколько изъятій отъ общей кары — вотъ единственный отвѣтъ правительства на чаянія общества, вотъ награда студентамъ за то, что они — вопреки призывамъ „непримиримыхъ“ — возобновили занятія, выразивъ свое довѣріе добрымъ намѣреніямъ ген. Ванновскаго. Мы говоримъ о нѣсколькихъ изъятіяхъ потому, что большинству сданныхъ въ солдаты студентовъ „манифестъ“ даетъ только зачетъ ихъ подневольной службы въ тотъ срокъ, который они должны были бы отбывать, какъ *исключенные* студенты. Самаго исключенія манифестъ для этой категоріи студентовъ не отмѣняетъ, равно какъ и связанной съ этимъ исключеніемъ потери права служить вольноопредѣляющимся.

IV.

Очень ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что неумѣстное умиленіе по поводу царскаго рескрипта выразилось лишь въ органахъ, подобныхъ „*Rossii*“, съ которыхъ нечего и взыскивать въ виду ихъ несомнѣнной „оголтѣлости“. Нѣтъ, это умиленіе высказалось даже въ такихъ изданіяхъ, къ которымъ, казалось бы, можно было предъявить болѣе серьезныя требованія, и которыя, а *tort ou a raison*, считаются у насъ прогрессивными. Вотъ, напримѣръ, въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“ г. П. Обнинскій, „старый студентъ, слушавшій Грановскаго“, обнаружилъ восторженность, достойную лишь публицистовъ „*Rossii*“ и „*Новаго Времени*“. Г. П. Обнинскій сравниваетъ положеніе дѣла нашего высшаго образованія съ положеніемъ у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла: „Катастрофы, снѣжные заносы, опозданіе поѣздовъ, долгія остановки среди пустынныхъ полей, ветхіе паровозы — вотъ обыкновенныя темы нашей желѣзно-дорожной хроники, — за катастрофой слѣдуетъ дознаніе, допрашиваются свидѣтели и эксперты, но получается хаосъ мнѣній и заключеній, въ которомъ трудно разобраться: одни знаютъ истинную причину бѣды, но боятся сказать ее, другіе, похрабрѣе, но близорукие, указываютъ ее не тамъ, гдѣ она существуетъ на дѣлѣ, третьи и готовы были бы сказать правду, но ихъ не спрашиваютъ, и когда потерпѣвшіе пассажиры бросаются къ жалобной книгѣ, таковая оказывается запертой, а ключъ неизвѣстно у кого“. Нѣчто подобное происходило у насъ и съ просвѣщеніемъ. „Здѣсь тѣ же катастрофы, тѣ же остановки, та же затаенная правда, та же запертая жалобная книга“. Такъ было, — по словамъ г. П. Обнинскаго, — до самаго недавняго времени, а теперь, послѣ появленія рескрипта на имя г. Ванновскаго, дѣло обстоитъ совершенно иначе, теперь отыскался ключъ и раскрылась жалобная книга. „Заговорило общество, заговорила печать и, санкціонируя ихъ завѣтные пожеланія, рескриптъ на

имя новаго министра народнаго просвѣщенія открылъ широкую и свободную возможность для всесторонней расчистки и направленія загроможденнаго пути. ¹⁾

Широкая и свободная возможность! Вашими бы устами, г. Обнинскій, да медъ пить! Но въ качествѣ „старога студента, слушавшаго Грановскаго“, вамъ можно было бы знать, что широкое и свободное обсужденіе такого важнаго, обширнаго и сложнаго вопроса, какъ вопросъ „о судьбахъ нашего высшаго образованія“, *невозможно безъ полной свободы печати, которая играетъ теперь роль запертой на ключъ жалобной книги.* Намъ не было ни малѣйшей надобности *отыскивать* этотъ ключъ: мы очень хорошо знаемъ, что онъ находится въ рукахъ у начальства. Но бѣда въ томъ, что начальство, захватившее его въ свои руки, не допускаетъ къ жалобной книгѣ никого изъ тѣхъ людей, которые, пренебрегая безосновательнымъ умиленіемъ, съумѣли бы и захотѣли бы крупно и четко, „чернымъ по бѣлому“, написать въ ней, кто — истинный виновникъ заносовъ, остановокъ, катастрофъ и опозданій, такъ сильно тормозящихъ ходъ русскаго просвѣщенія. А пока люди этого разряда не имѣютъ доступа къ жалобной книгѣ; пока ею имѣютъ право пользоваться только *прекрасныя души*, неспособныя пойти дальше робкихъ вздоховъ и плаксиво-либерально-благонамѣренныхъ славословій, до тѣхъ поръ ее надо считать *закрытою*, и до тѣхъ поръ „всесторонняя расчистка и исправленіе загроможденнаго пути“ останутся, — говоря слогомъ его императорскаго величества, — *безсмысленными мечтаніями.*

Чѣмъ обнаружилъ новый министръ народнаго просвѣщенія свою готовность исполнить „благія пожеланія“ г. П. Обнинскаго? Рѣшительно ничѣмъ.

„Я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ правительства,

¹⁾ „Р. В.“, № 104, фельетонъ: „Къ университетскому вопросу“.

вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устройство русской школы и учебного дѣла. Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что, при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи, мы, съ Божьею помощію, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго монарха: видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору въ его будущемъ“.

Такъ говоритъ г. Ванновскій въ своемъ приказѣ по корпусу... виновать, я хотѣлъ сказать по министерству народнаго просвѣщенія. Его слова заключаютъ въ себѣ не больше и не меньше того, что долженъ былъ и могъ сказать министръ неограниченнаго государя: пусть только студенты ведутъ себя смирно, и тогда правительство, не отвлекаемое отъ своей великой цѣли ихъ волненіями, обучить и воспитаетъ ихъ... согласно желанію возлюбленнаго монарха. Министръ Николая Перваго, „*Незабвеннаго*“, сказалъ бы совершенно то же самое. Гдѣ же тутъ обѣщаніе серьезныхъ реформъ? Гдѣ же тутъ дѣйствительное пониманіе важности взятой на себя обязанности?

Правда, въ своемъ „*приказѣ*“ г. Ванновскій обращался къ „родителямъ и семьямъ учащихся“, приглашая ихъ помочь ему „въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія“. Новый министръ вполне справедливо замѣтилъ, что основы воспитанія лежатъ въ семьѣ. Но подобные трюизмы не доказываютъ ровно ничего и никому не даютъ права видѣть въ г. Ванновскомъ какого-то Тюрго всероссійскаго просвѣщенія. Г. Ванновскій говорилъ о „*домашнемъ въздѣйствіи*“ родителей на дѣтей. Пусть же слушатель Грановскаго скажетъ намъ гдѣ, когда и какое правительство запрещало родителямъ воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ, согласномъ съ общимъ направленіемъ правительственной политики? Такого правительства нигдѣ и никогда не было. Даже въ царство-

ваніе „Незабвеннаго“ русскіе обыватели имѣли полное право кричать „ура“! и изображать передъ своими чадами и домочадцами прелести *самодержавія, православія и народности*.

Г. П. Обнинскаго и подобныхъ ему „прогрессистовъ“ умилило слово: „*приглашаю*“, которое они немедленно замѣнили въ своемъ умѣ словомъ: „*призываю*“. Они забыли, что призывъ призыву рознь, и что есть такіе призывы, которые, какъ говорится, хоть брось. Нѣкогда Александръ II, напуганный „нигилистами“, *призывалъ* петербургскихъ домовладѣльцевъ *слѣдить за своими жильцами*, т. е. исполнять обязанность сыщиковъ. Неужели и такой призывъ заключалъ въ себѣ нѣчто многообѣщающее? Неужели и онъ сулилъ осуществленіе чьихъ-нибудь „*завѣтныхъ пожеланій*“?

„*Московскія Вѣдомости*“ имѣли полное основаніе насмѣхаться надъ добряками, вообразившими по своей крайней простотѣ, что царскій рескриптъ на имя г. Ванновскаго и „приказъ“ этого послѣдняго предвѣщаетъ созывъ русскаго парламента.

До какой степени мало склоненъ г. Ванновскій къ парламентскому образу правленія, показала рѣчь, съ которой онъ обратился 6-го апрѣля къ чиновникамъ своего министерства.

„Я не намѣренъ, — объявилъ онъ имъ, — созывать многочисленныхъ комиссій, которыя часто замедляютъ и осложняютъ ходъ дѣла; я буду собирать ихъ, по мѣрѣ надобности, изъ лицъ, которыя лично мнѣ извѣстны своею опытностью и знаніями и помогутъ мнѣ разобраться въ вопросахъ ученаго дѣла“.

Вотъ оно какъ! Г. Ванновскій не хочетъ слышать *даже о комиссіяхъ*, которыя все таки разсуждаютъ и разговариваютъ, между тѣмъ какъ онъ, въ своемъ качествѣ военнаго человѣка, не терпитъ ни разсужденій, ни разговоровъ, а признаетъ только „команды слова“, употребляемыя, какъ извѣстно, по большей части въ повелительномъ наклоненіи: „*стой!*“, „*слушай!*“, „*равняйся!*“, „*строй-*

ся!“, „заряжай!“ и т. п. А „прогрессисты“ въ родѣ г. П. Обнинскаго ждутъ отъ него расширенія общественной самодѣятельности. Святая простота!

Самодержавію царя соотвѣтствуетъ самодержавіе его министровъ, а самодержавіе его министровъ естественно дополняется самодержавіемъ прочей чиновной братіи. И ни одна изъ этихъ эманаций „излюбленнаго монарха“ не думаетъ отрекаться отъ принадлежащей ей частицы абсолютизма. Если наше общество хочетъ *самодѣятельности*, то ему надо *вырвать ее*: *выпросить* ее невозможно.

V.

Царь, сдѣлавшій строгій выговоръ князю Вяземскому за то, что тотъ попытался остановить варварское избіеніе безоружныхъ манифестантовъ на Казанской площади, не можетъ быть заподозрѣнъ даже и въ самомъ умѣренномъ либерализмѣ. Онъ простираетъ свою „благожелательную заботливость“ лишь на свою *опричину*. Разсчитывать на его добрую волю значить тѣшить себя ребяческимъ вымысломъ. Это ясно, какъ день. И, однако, наши болѣе или менѣе „передовые“ друзья просвѣщенія, толкующіе о добрыхъ намѣреніяхъ императора, далеко не такъ наивны, какъ они кажутся на первый взглядъ. Въ основѣ всѣхъ ихъ толковъ на эту тему лежитъ сознаніе той безспорной истины, что *политическія отношенія опредѣляются отношеніемъ силъ*. Читатель помнитъ, какими соображеніями подкрѣпляла газета „Россія“ благо-разумный совѣтъ, данный ею студенчеству. „Благожелательная заботливость царя“ есть единственная опора студенческихъ требованій: „въ этой опоры не только студенчество, но и общество лишено возможности предъавлять какія бы то ни было требованія, потому что ничѣмъ не могутъ подкрѣпить эти требованія“.

Das also war des Pudels Kern! Мы должны быть *смирны*, потому что мы *безсильны*. Это по своему совершенно логично. Кто *требуетъ*, тотъ долженъ быть готовъ, въ случаѣ отказа, *вступить въ борьбу*.

Для борьбы нужна сила. Исходъ борьбы зависить отъ соотношенія силъ. Кто заранее сознаеть себя *безсильнымъ*, тотъ не требуетъ ничего; онъ только просить и надѣется. Все это вполнѣ вѣрно и все это значить, что *свободо-мыслящая часть русскихъ обывателей* добьется своихъ благихъ пожеланій только въ томъ случаѣ, если будетъ обладать силой. Вопросъ нашей политической эмансипаціи есть *вопросъ силы*.

Изъ этого самъ собою вытекаетъ такой выводъ.

Кто не содѣйствуетъ, тѣмъ или другимъ способомъ, росту силы, способной положить конецъ существующему у насъ порядку вещей, тотъ ровно ничего не дѣлаетъ для освобожденія своей родины. А кто, по той или другой причинѣ, хотя бы, напримѣръ, по причинѣ неумѣнія или нетерпѣнія, препятствуетъ росту этой силы, тотъ совершаетъ тяжкій, хотя, можетъ быть, и невольный грѣхъ противъ свободы.

Запомнимъ этотъ выводъ. Онъ очень пригодится намъ при обсужденіи практическихъ задачъ, поставленныхъ на очередь событіями текущаго года.

Гдѣ же сила, способная противостать давящей насъ власти?

Студенты не разъ обращались къ обществу. Къ нему же — не одинъ разъ — взывала и наша революціонная печать. Я нисколько не осуждаю такихъ воззваній. Я очень хорошо понимаю ихъ. Но я спрашиваю читателя, какъ велика сила нашего общества, и способна ли эта сила справиться съ царизмомъ?

Газета „Россія“ увѣряетъ, что общество совершенно безсильно. Это и правда, и неправда. Неправда — потому, что наше общество очень сильно въ возможности. Правда — потому, что оно было до сихъ поръ совершенно безсильно въ дѣйствительности.

Несмотря на все свое презрѣніе и отвращеніе къ полицейскому государству, наше образованное общество привыкло покоряться и молчать даже въ такихъ случаяхъ, когда покорность и молчаніе

становятся стыдомъ и преступленіемъ. Оно молчало, когда лучшіе люди русской земли гибли въ ссылкѣ и въ изгнаніи, въ тюрьмахъ, крѣпостяхъ и на висѣлицахъ. Оно молчало, когда въ отвѣтъ на стоны голоднаго народа правительство издавало предписанія, затруднявшія помощь голодающимъ, и тѣмъ буквально вырывало *у нищаго суму*. Оно молчало, когда его собственные дѣти, плоть отъ его плоти и кость отъ его костей, погибая въ неравной борьбѣ съ разнузданной полицейской властью, протягивали къ нему руки и просили его о поддержкѣ. Оно молчало, молчало и молчало, отвѣчая на дикія выходки коронованныхъ и прочихъ самодуровъ развѣ только подавленными вздохами. Таково было общее правило. Откуда же оно взялось? Отчего наше общество оставалось безотвѣтнымъ? Оттого ли, что русскіе люди рабы — по природѣ своей? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Рабами дѣлаются, а не рождаются. Такія имена, какъ Рыльевъ, Пестель, Михайловъ, Чернышевскій, Бардина, Желябовъ и многія другія, прославленные нашими соотечественниками, ясно доказываютъ своимъ примѣромъ, что и русскія сердца могутъ быть, по выраженію Пушкина, *для чести живы*, что и въ нихъ можетъ жить горячая любовь къ свободѣ и непримиримая ненависть къ деспотизму. Если борцы, подобные только что названнымъ, составляли лишь чрезвычайно рѣдкое исключеніе, своимъ примѣромъ еще болѣе отгнѣняя жалкую покорность окружавшаго ихъ общества, то, во первыхъ, герои вездѣ болѣе или менѣе рѣдки, а во вторыхъ — постыдная апатичность нашего общества легко объясняется тѣмъ, что оно не могло рассчитывать на дѣятельную *поддержку со стороны народа*. Герценъ справедливо замѣтилъ, что такъ какъ народъ не понималъ декабристовъ, то ихъ смѣлое предпріятіе было заранѣе осуждено на неудачу. Тоже самое приходится сказать и обо всѣхъ другихъ неудачныхъ освободительныхъ попыткахъ, имѣвшихъ у насъ мѣсто послѣ возстанія на Сенатской площади; всѣ онѣ объясняются отсутствіемъ поддер-

жки со стороны народа. Н. Г. Чернышевскій горько жаловался въ своихъ „*Письмахъ безъ адреса*“ на равнодушіе народа къ стремленіямъ нашей передовой интеллигенціи шестидесятихъ годовъ. Такая же горькая жалоба часто слышится въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго и въ воспоминаніяхъ многихъ революціонеровъ слѣдующаго десятилѣтія. Народъ, который очень много выигралъ бы, если бы осуществились стремленія революціонеровъ, продолжалъ видѣть въ царѣ своего вѣрнаго друга и заступника, а въ революціонерахъ — нетерпѣливыхъ выразителей эксплуататорскихъ стремленій нашего дворянства и чиновничества. Въ этомъ заключался глубокій трагизмъ исторіи нашей свободомыслящей интеллигенціи. Несмотря на отчаянныя попытки сойтись съ народомъ, свободомыслящіе русскіе люди не могли перескочить черезъ пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ него, и потому по необходимости оставались, по выраженію того же Герцена, *умною ненужностью, иностранцами у себя дома*. Общество знало объ этомъ разрывѣ съ народомъ и понимало вытекающія изъ него практическія послѣдствія. Поэтому, сочувствуя революціонерамъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что составляло *политическій элементъ ихъ стремлений*, оно, говоря вообще, не вѣрило въ ихъ побѣду и въ свою очередь оставляло ихъ безъ серьезной поддержки. Оно покорялось и молчало по той простой причинѣ, что протестъ и борьба не сулили ему никакого пракческаго успѣха. Чтобы поколебать этотъ скептицизмъ и преодолѣть вытекающую изъ него апатію, нужны были такія знаменія, которыя отсутствовали въ нашей общественной жизни. Только смѣлые подвиги народовольцевъ разбудили на короткое время наше общество, породивъ въ немъ нѣкоторую надежду на избавленіе. Но народовольцы были разбиты, и общество сдѣлалось еще болѣе апатичнымъ, чѣмъ было. Состояніе Россіи послѣ разгрома народовольцевъ можно хорошо охарактеризовать словами Некрасова:

Слышно только, о ночь безпросвѣтная!
Вихри злобы и бѣшенства носятся
Надъ тобою, страна безогвѣтная.
Все живое, все честное коснется...

Вполнѣ и надолго разбудить наше общество смогутъ только такіе факты, которые покажутъ всѣмъ, имѣющимъ очи, что пропасть, отдѣляющая свободомыслящую интеллигенцію отъ народа, исчезла или, по крайней мѣрѣ, *исчезаетъ*. Въ обществѣ явится бодрость и надежда на лучшее будущее, когда оно увидитъ, что въ народной массѣ или хоть въ нѣкоторой, наиболѣе развитой ея части, начинается движеніе, способное поколебать непоколебимую прежде основу „*власти роковой*“. Факты, свидѣтельствовавшіе о началѣ такого движенія, стали появляться не со вчерашняго дня. Въ печальное царствованіе Александра III они одни только и составляли свѣтлыя точки на мрачномъ фонѣ нашей общественной жизни. Но тогда этихъ свѣтлыхъ точекъ было еще слишкомъ мало, и онѣ гасли, казалось, совершенно безслѣдно. Имъ придавали значеніе только очень немногіе „интеллигенты“. Большинство на минуту поражалось ими, — какъ поразилося оно, напримѣръ, морозовской стачкой 1886 года, — но затѣмъ забывало о нихъ подъ вліяніемъ какой нибудь болѣе обычной или болѣе понятной „злобы дня“. Людей, указывавшихъ на рабочее движеніе, какъ на новую, грядущую общественную силу, третировали, какъ чудаковъ, смотрящихъ на Россію сквозь *нѣмецкіе очки* и мѣшающихъ серьезнымъ русскимъ людямъ дѣлать серьезное русское дѣло. Только колоссальныя, массовыя стачки петербургскихъ рабочихъ весною 1896 года показали, что эти чудаки были не совсѣмъ не правы, и что ихъ „*нѣмецкія*“ теоріи не такъ уже „неприложимы“ къ русской дѣйствительности, какъ это утверждали народники и субъективисты. Но сильное впечатлѣніе, произведенное стачками 1896 года, постепенно сглаживалось, и наше общество оставалось все еще очень далекимъ отъ пониманія того, до

какой степени измѣняются шансы освободительной борьбы съ царизмомъ, благодаря начинающемуся движенію рабочихъ. Чтобы приблизить его къ пониманію этой истины, нужны были потрясающія событія текущаго года.

VI.

Я сказалъ, что въ нынѣшнемъ году у насъ произошли такъ называемыя студенческія волненія. Это такъ, но это не все. Студенческія волненія никого не вразумили бы именно потому, что они составляютъ обычное явленіе нашей университетской жизни. Замѣчательно и поучительно въ этихъ волненіяхъ то, что къ студентамъ очень сочувственно отнеслась *рабочая масса*. Поэтому на вопросъ, что же именно произошло въ нашемъ отечествѣ, надо отвѣчать такъ:

Произошли, во-первыхъ, волненія стуентовъ, поддержанныхъ значительной массой рабочихъ.

Огромное общественное значеніе событій текущаго года опредѣляется, *между прочимъ*, именно этимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ студенчеству многихъ тысячъ рабочихъ. Высказывая такой взглядъ, я очень хорошо знаю (по горькому опыту), что иной, зараженный „экономическими“ предразсудками, читатель можетъ упрекнуть меня въ стремленіи сдѣлать изъ русскихъ пролетаріевъ политическихъ вассаловъ свободо-мыслящей интеллигенціи. Но такой упрекъ будетъ столь же несправедливъ, какъ и всѣ прочіе упреки, посылаемые „экономистами“ революціонной социальдемократіи.

Въ томъ-то и заключается величіе современной *идеи рабочаго сословія*, что самоотверженная защита всѣхъ угнетенныхъ и энергическая поддержка всѣхъ несправедливо обиженныхъ и униженныхъ принадлежитъ къ числу насущнѣйшихъ и важнѣйшихъ интересовъ пролетаріата. Если пролетаріатъ хочетъ поставить защиту своихъ классовыхъ интересовъ на широкую основу политической борьбы, онъ долженъ бороться за общіе интересы ис-

тины, культуры, справедливости и человѣчности. Сознательные русскіе рабочіе уже по одному тому не могли равнодушно смотрѣть на полицейскую расправу со студентами, что ярмо полицейскаго произвола давить ихъ собственную шею, и что ихъ собственная шея изранена этимъ ярмомъ. Сознательный слой русскаго пролетаріата *обязанъ* былъ поддержать студентовъ, потому что студенты расшатывали полицейское государство, по рукамъ и по ногамъ сковавшее все трудящееся населеніе Россіи. Политическая зрѣлость русскаго рабочаго класса въ значительной степени будетъ измѣряться теперь мѣрою его сочувствія каждому прогрессивному общественному движенію, направленному противъ существующаго порядка вещей. И русскій пролетаріатъ показалъ, что онъ уже умѣетъ сочувствовать движеніямъ этого рода. Участіе многихъ тысячъ рабочихъ въ демонстраціяхъ нынѣшняго года составитъ эпоху въ исторіи политическаго развитія нашей страны.

„*Касса взаимопомощи*“ студентовъ петербургскаго университета въ своемъ февральскомъ листкѣ, напечатанномъ въ типографіи „*Союза борьбы*“, указывая на политическое значеніе нашего университетскаго вопроса, старалась ободрить студентовъ будущимъ сочувствіемъ со стороны рабочихъ. „Рѣшенія университетскаго вопроса, — говорилось въ листкѣ, — надо искать въ рѣшеніи болѣе широкаго и неотложнаго вопроса — вопроса о расширеніи политическихъ рамокъ для русской общественной жизни... Насильникамъ надо противопоставить силу... А эта сила уже растетъ, ее выдвигаетъ сама жизнь, въ ней лежитъ залогъ лучшаго будущаго. Быстро расползается она по странѣ, охватывая ее все цѣпче и крѣпче, грозная, пока безсознательная. Но пробудись въ ней сознаніе — и конецъ абсолютизму, конецъ замаскированному рабству“. ¹⁾

¹⁾ Цитировано изъ № 3 „*Искры*“.

Авторы листка говорили о пробужденіи политическаго сознанія въ русскомъ пролетаріатѣ, какъ о дѣлѣ *будущаго*. Они имѣли полное право говорить о немъ въ *настоящемъ времени*. Они могли бы, нисколько не грѣша противъ дѣйствительности, указать своимъ читателямъ на то, что наша трудящаяся масса, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, уже *становится сознательной*, и что, вслѣдствіе этого, для „замаскированнаго рабства“ наступаетъ уже *начало конца*. Но не забудемъ, что листокъ вышелъ въ февралѣ. Въ апрѣлѣ или въ маѣ, послѣ московскихъ, харьковскихъ, кievскихъ и петербургскихъ (майскихъ) событій, авторы листка уже не говорили бы о рабочемъ классѣ, какъ о силѣ „*пока безсознательной*“. И они, конечно, радостно поздравили бы борющееся студенчество съ новымъ и самымъ надежнымъ союзникомъ.

Выступленіе рабочихъ на арену политической борьбы явилось нагляднѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ опроверженіемъ доводовъ, выдвигаемыхъ разсудительными и благоразумными людьми въ пользу смиреномудрія. Оно показало, что газета „*Россія*“ (сознательно или безсознательно) говорила неправду, увѣряя студентовъ въ томъ, что они, равно какъ и все русское общество, ничѣмъ не могутъ подкрѣпить свои требованія. Теперь ясно, что студенчество и общество могутъ быть сильны не „заботливой благожелательностью“ царя, составляющей надежную „опору“ только для разбойниковъ пѣшей и конной полиціи, а *поддержкой со стороны рабочаго класса*. Теперь борьба съ царизмомъ утрачиваетъ свой, вѣкогда безнадежный характеръ. Теперь сама жизнь внятно отвѣчаетъ на вопросъ, гдѣ можно найти силу, необходимую для борьбы за политическую свободу. Поэтому молчаніе утрачиваетъ теперь всякую тѣнь оправданія, а политическая апатія становится непростительнымъ грѣхомъ не только передъ Россіей, но и передъ всей Европой, въ которой нашъ царизмъ всегда и неумоимо игралъ роль добровольнаго жандарма.

Что передовые элементы русскаго общества значительно ободрились подѣ влияніемъ сочувственнаго отношенія рабочихъ къ студентамъ, это видно по многимъ признакамъ. Я не хочу указывать на нихъ страха ради полицейска; при томъ же читатель, навѣрное, и самъ ихъ подмѣтилъ.¹⁾ Замѣчу только, что чѣмъ больше оппозиціонные элементы нашего общества проникнутся сознаниемъ огромной политической важности революціоннаго рабочаго движенія и чѣмъ дѣятельнѣе они будутъ поддерживать его, тѣмъ въ большей мѣрѣ ихъ *возможная* сила перейдетъ въ *дѣйствительную*.

Чтобы побѣдить царизмъ, надо быть въ состояніи противопоставить (по вышеприведенному выраженію студенческаго листка) *насильникамъ силу*. Такой силы, которая съ успѣхомъ могла бы противостать насильникамъ, у русскаго общества нѣтъ и быть не можетъ, какъ нигдѣ не было ее у высшихъ классовъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе такъ называемой *новой* исторіи. Даже въ Англіи семнадцатаго вѣка, гдѣ королевская власть еще только стремилась къ самодержавію и гдѣ она далеко не располагала оборонительными средствами современныхъ намъ правительствъ, революціонной буржуазіи удалось побѣдить короля лишь потому, что она была поддержана низшими слоями населенія. Но, не будучи въ состояніи поразить „насильниковъ“ своей собственной силой, общество можетъ въ высокой степени содѣйствовать развитію *революціонной силы народа*. Во Франціи оппозиціонные и революціонные слои буржуазіи не только сдѣлали особенно много для пробужденія и роста политической мысли въ рабочемъ классѣ, но также имѣли рѣшительное влияніе на ходъ и исходъ народныхъ *демонстрацій* и народныхъ *возстаній*. Хотя эти слои и не принимали *непосредственнаго* участія, — или принимали лишь *слабое* непосредственное уча-

¹⁾ Наша легальная печать, по совершенно понятнымъ причинамъ, никогда не была *точнымъ* выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Теперь она выражаетъ его, можетъ быть, менѣе точно, чѣмъ когда бы то ни было.

стіе въ уличной борьбѣ, однако они поддерживали возставшихъ, оказывая имъ множество мелкихъ, но незамѣнимыхъ услугъ, а главное, — деморализуя защитниковъ власти и отнимая у нихъ вѣру въ нравственную правоту ея дѣла. Для примѣра я укажу, какъ описываетъ одинъ изъ историковъ іюльской революціи 1830 года настроеніе офицеровъ во время борьбы съ возставшимъ народомъ.

„Опасное чувство неувѣренности въ себѣ и нравственнаго угнетенія начало распространяться между защитниками дѣла, которое само по себѣ было справедливо, но которое испортили несвоевременно агрессивными дѣйствіями¹⁾. Уже два офицера (рѣчь идетъ о 29-мъ іюля, Г. П.), г. г. де-ла-Туръ-дю-Пэнъ и Тюрго, подали въ отставку. Видимо обезкураженный, маршалъ (Мармонъ, которому король ввѣрилъ главное начальство надъ войсками, Г. П.) нѣсколько разъ мѣнялъ планъ обороны²⁾.

Это отсутствіе нравственной самоувѣренности и это угнетенное настроеніе духа съ особенною яркостью обнаруживается въ письмѣ къ Полиньяку одного изъ подавшихъ въ отставку офицеровъ.

„Послѣ цѣлаго дня убійствъ и раззореній, которыя были совершены вопреки всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, и въ которыхъ я принялъ участіе лишь изъ чувства подчиненности, о которомъ я теперь сожалею, моя совѣсть рѣшительно запрещаетъ мнѣ служить дальше хотя бы только одну минуту. Въ теченіе моей жизни я далъ достаточно доказательствъ моей преданности королю, и я считаю себя въ правѣ, не опасаясь обидной клеветы, различать то, что исходитъ лично отъ него, отъ того, что дѣлается его именемъ. Я прошу Васъ, поэтому, повергнуть на усмотрѣніе короля мое прошеніе объ отставкѣ. Имѣю честь быть и т. д.

Графъ Рауль де ля-Туръ-дю Пэнъ³⁾. 23 іюля 1830 г.

¹⁾ Цитируемый мною авторъ сочувствуетъ Бурбонамъ.

²⁾ *Histoire de France pendant la dernière année de la Restauration, par un ancien magistrat. Paris, 1839, t. I, p. 305-306.*

³⁾ Тамъ же тѣ же страницы, въ примѣчаніи.

Другіе офицеры отказывались стрѣлять въ народъ. Такъ, напримѣръ, когда 28 іюля въ улицѣ Сэнтъ-Онорэ одинъ начальникъ отряда приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять, субалтернъ-офицеръ, вмѣсто того, чтобы повторить это приказаніе, командовалъ: „на плечо!“¹⁾. Возставшій народъ отвѣтилъ на эту команду громкимъ крикомъ: „да здравствуютъ линейныя войска (vive la ligne)!“, что, конечно, еще болѣе ослабило воинственное настроеніе защитниковъ власти.

Офицеры, отказывавшіеся убивать „вопреки вѣсѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ“, навѣрное были заражены духомъ либеральныхъ общественныхъ круговъ, глубоко ненавидившихъ Бурбоновъ и отъ всей души сочувствовавшихъ инсургентамъ. Если въ іюнѣ 1848 года настроеніе и поведеніе сражавшихся съ рабочими войскъ было совсѣмъ другое, то это въ значительной степени произошло отъ того, что симпатіи французскаго общества не были и не могли быть на сторонѣ на возставшихъ.

VII.

Поддержка со стороны общества ускорить ростъ и приблизить торжество революціонной силы народа. Это неоспоримая истина. Понять эту неоспоримую истину безусловно необходимо всѣмъ, не беззаботнымъ на счетъ политики дѣтямъ русской земли, потому что теперь, когда прологъ разыгранъ, и началось первое дѣйствіе великой драмы, друзья свободы должны быть мудры, какъ зміи: каждая ошибка замедлитъ ихъ побѣдоносное шествіе впередъ; за каждое недомысліе имъ придется заплатить неудачами.

Наши революціонеры могли пренебрегать „обществомъ“ до тѣхъ поръ, пока „политика“ представлялась имъ дѣломъ, недостойнымъ истиннаго

¹⁾ Тамъ же, томъ I, стр. 261 262. Луи Бланъ, въ своей „Histoire de dix ans“, и Волябель, въ „Histoire de la Restauration“, тоже приводятъ много яркихъ примѣровъ такого рода.

соціалиста. Но, какъ только политическая борьба заняла видное мѣсто въ ихъ программѣ, сейчасъ же явилось у нихъ сознаніе того, какъ важно имъ обезпечить себѣ сочувствіе общества. Партія „Народной Воли“ задавалась, между прочимъ, цѣлью убѣдить свободомыслящую часть общества въ томъ, что „при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ“ интересы либерализма сходятся съ интересами революціонеровъ¹⁾. Достичь этой цѣли было, однако, не такъ легко потому, что на самомъ дѣлѣ тогдашняя „постановка партіонныхъ задачъ“ должна была скорѣе затруднять, чѣмъ облегчать сближеніе общества съ революціонерами. Когда народовольцы требовали созыва учредительнаго собранія, они тутъ же увѣряли, что у насъ, благодаря нѣкоторымъ счастливымъ особенностямъ народнаго міросозерцанія и характера, первые же выборы въ такое собраніе дали бы огромный численный перевѣсъ сторонникамъ *соціальной революціи*²⁾. Такая перспектива, разумѣется, не могла очень обрадовать *либераловъ*. И если либералы все-таки до извѣстной степени сочувствовали „народовольцамъ“, то лишь потому, что соціально-революціонныя ожиданія этихъ послѣднихъ казались имъ совершенно несбыточными³⁾. Но такое обстоятельство въ свою очередь не могло содѣйствовать укрѣпленію въ либералахъ вѣры въ *политическую зрѣлость* революціонеровъ. А когда революціонеры отъ толковъ о созывѣ учредительнаго собранія перешли къ разсужденіямъ о необходимости захвата власти съ цѣлью немедленнаго осуществленія соціально-революціонной программы, тогда либеральное общество еще менѣе было въ

¹⁾ См. Записку „Подготовительная работа партіи“, напечатанную впоследствии въ „Календарѣ Народной Воли“.

²⁾ Говорили (и писали), что ихъ было бы до 90% общаго числа депутатовъ.

³⁾ Говоря, что либералы сочувствовали народовольцамъ лишь до извѣстной степени, я хочу этимъ сказать не то, что ихъ сочувствіе къ нимъ было *мало*, а то что оно не достигло тѣхъ большихъ размѣровъ, которыхъ могло бы достигнуть, если бы задачи партіи „Народной Воли“ были поставлены иначе.

состояніи сочувствовать ихъ планамъ и еще болѣе должно было сомнѣваться въ ихъ политической зрѣлости.

Народовольцы называли себя социалистами-народниками, и это названіе, къ величайшему вреду для ихъ партіи, вполне соответствовало дѣйствительности: у нихъ въ самомъ дѣлѣ было очень много *народническихъ предразсудковъ*. Эти предразсудки дѣлали совершенно невозможной „правильную постановку партіонныхъ задачъ“ и придавали утопическій отгѣнокъ всѣмъ стремленіямъ партіи.

Стоя на точкѣ зрѣнія современнаго научнаго социализма, мы имѣемъ полную возможность избѣжать ошибокъ, бывшихъ неизбежными для русскихъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ.

Съ точки зрѣнія современнаго научнаго социализма, всякіе толки о *социалистическомъ переворотѣ*, какъ о *ближайшей цѣли* революціоннаго движенія въ Россіи, представляются вполне и безусловно неосновательными. Ближайшей цѣлью революціоннаго движенія является *низверженіе абсолютизма*, которое, обезпечивъ русскому пролетаріату политическія права и политическую свободу, дастъ ему широкую возможность расти и зрѣть, развиваться и организоваться для *социалистической революціи*. *Торжество социализма* не можетъ совпасть съ *паденіемъ абсолютизма*. Эти два момента по необходимости будутъ отдѣлены одинъ отъ другого значительнымъ промежуткомъ времени. И именно потому, что они будутъ отдѣлены одинъ отъ другого во времени, *соціалъдемократы*, въ своей непримиримой борьбѣ съ абсолютизмомъ, могутъ съ полнымъ правомъ и ни мало не противорѣча себѣ, указывать всѣмъ, кому надлежитъ знать и понимать это, что *ихъ интересы въ настоящее время совпадаютъ съ интересами свободомыслящей части нашего общества*.

Спѣшу, однако, оговориться. Полное и всестороннее совпаденіе нашихъ интересовъ съ интересами передовыхъ элементовъ общества, а слѣдо-

вательно, и полное и всестороннее сочувствіе этихъ элементовъ соціалдемократіи возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы мы, подобно нашимъ легальнымъ *будто-бы-марксистамъ*, отказались отъ мысли о будущей *диктатурѣ революціоннаго пролетаріата* и ограничились проповѣдью „соціальной реформы“, не идущей дальше смягченія нѣкоторыхъ *грубыхъ* и устраненія нѣкоторыхъ *отсталыхъ* формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Уподобившись такимъ *будто-бы-марксистамъ*, мы дѣйствительно могли бы рассчитывать на симпатіи рѣшительно всего общества, за исключеніемъ только Разуваевыхъ разныхъ сословій, да небольшой горсти народниковъ старой и новой формаціи. Сочувствіе къ намъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ слоевъ и теченій несомнѣнно было бы сильнѣе, шире, а главное — цѣльнѣе¹⁾. Но тогда мы превратились бы въ смягченныхъ и облагороженныхъ *буржуа dernière mode* и перестали бы быть партіей *революціоннаго пролетаріата*. А это обстоятельство значительно подорвало бы нашу силу, силу всего освободительнаго движенія, идущаго изъ среды народа.

Наша сила есть сила трудящейся и эксплуатируемой массы, и прежде всего — *пролетаріата*. Какъ я уже сказалъ, общество можетъ пріобрѣсти силу и политическое значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно будетъ содѣйствовать росту и торжеству революціонной энергіи рабочаго класса. Революціонная же энергія рабочаго класса достигнетъ наибольшаго напряженія лишь тогда, когда онъ ясно увидитъ нашу *конечную цѣль*: *соціальную революцію, полное уничтоженіе эксплуатаціи трудящихся*. Вотъ почему наше превращеніе въ руч-

¹⁾ „Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранию самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ“... (С. Н. Булгаковъ, *Капитализмъ и земледѣліе*. Москва, 1900 г., томъ II, стр. 456). Г. С. Булгакова не приметъ за свирѣпаго потрясателя основъ да же самая нервная либеральная дама.

ныхъ будто-бы-марксистовъ было бы очень невыгодно для насъ даже съ точки зрѣнія нашей *ближайшей политической цѣли*, не говоря уже объ огромнѣйшей невыгодѣ его съ точки зрѣнія *будущности русскаго рабочаго движенія*. И вотъ почему о такомъ превращеніи не можетъ быть и рѣчи. Мы будемъ поддерживать всякое движеніе, направленное противъ существующаго порядка вещей. Но мы ни на минуту не перестанемъ вырабатывать въ умахъ рабочихъ ясное представленіе о нашей конечной цѣли. *Мы хотимъ, чтобы борьба съ царизмомъ служила для пролетаріата школой, всесторонне развивающей его классовое самосознаніе.*

VIII.

Либеральное общество, если только оно дѣйствительно созрѣло для пониманія того соотношенія политическихъ силъ, которое существуетъ теперь въ нашемъ отечествѣ, не можетъ требовать отъ насъ отказа отъ нашей конечной цѣли, потому что такой отказъ принесъ бы глубокій вредъ освободительному движенію. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что будимое и развиваемое нами классовое самосознаніе рабочихъ представляетъ собою теперь вѣрнѣйшее средство созданія революціонной силы въ русскомъ народѣ и надежнѣйшій залогъ политическаго освобожденія Россіи. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что каждый новый успѣхъ социалъдемократической агитаціи въ рабочемъ классѣ будетъ равносильнъ новому пораженію царизма. Оно должно понять и, вѣроятно, отчасти уже поняло, что завоеваніе политической свободы принесло бы ему гораздо больше *непосредственной пользы*, чѣмъ рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы. Наша *конечная цѣль* не оттолкнетъ отъ насъ передовыхъ элементовъ нашего общества, если только мы сумѣемъ хорошенько уяснить ему свою *ближайшую политическую задачу*.

Явившись „выручать студентов“¹⁾, атакованныхъ полиціей, рабочіе очень облегчили нашему либеральному обществу правильное пониманіе этой нашей задачи. Мы должны воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Теперь насъ хорошо поняли, можетъ быть, только *нѣкоторые*. Сдѣлаемъ такъ, чтобы насъ поняли *всѣ*. Тогда намъ, навѣрное, будутъ сочувствовать *многіе*.

Но для того, чтобы передовые элементы общества поняли и оцѣнили освободительныя стремленія революціонной социальдемократіи, она должна прежде всего *организоваться*.

Созданіе крѣпкой, стройной, единой и нераздѣльной организаціи русскихъ социальдемократовъ составляетъ теперь *самую насущную изъ всѣхъ стоящихъ передъ нами ближайшихъ практическихъ задачъ*. Огсутствіе такой организаціи уже нанесло намъ *очень много вреда*. Оно помѣшало намъ всесторонне использовать волненія текущаго года въ интересахъ нашего движенія. Мы должны сознать „то, что есть“, и имѣть нравственное мужество громко высказать сознанную нами горькую истину: жизнь далеко опередила насъ. Это большая бѣда для такой партіи, которая, подобно нашей, хочетъ и должна *руководить* самыми передовыми теченіями жизни. Но эта бѣда поправимая, а для энергичныхъ людей большая, но поправимая бѣда служить лишь новымъ побужденіемъ къ новымъ усиліямъ. Нагонимъ жизнь. Наверстаемъ потерянное. Займемъ по праву принадлежащее социальдемократамъ мѣсто руководителей. Это для насъ тѣмъ легче, что, опережая насъ, русская общественная жизнь шла въ томъ самомъ направленіи, которое было впервые предусмтрѣно и опредѣлено нами. Быстрый ходъ ея развитія является лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу нашихъ взглядовъ. А

¹⁾ Часовъ около 11 (24 го февраля въ Москвѣ) толпы рабочихъ осаждали манежъ съ криками: „выручай студентовъ!“. Были частыя стычки съ казаками и жандармами; за употребленіе нагаекъ, казаковъ стаскивали съ лошадей и поколачивали“. (См. толстовскіе „Листки Свободнаго Слова“, № 23, стр. 12.)

при этомъ условіи положеніе людей, опереженныхъ жизнью, не смотря на печальныя свои стороны, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много отраднaго и ободряющаго. Оно показываетъ, что *мы имѣемъ за себя непреодолимую стихійную силу общественнаго развитія.*

Когда русская социаль-демократія будетъ стройно и строго организована, — а я увѣренъ, что это желанное время не далеко, — тогда она сразу вырастетъ на цѣлую голову, и тогда ей не страшны будутъ ни преслѣдованія, ни временныя неудачи. Организациа даетъ возможность сравнительно легко поправить всякія неудачи и переносить всякія преслѣдованія.

Иные говорятъ: нашей партіи очень трудно организовать, потому что она, постоянно находясь подъ непріятельскимъ огнемъ, постоянно несетъ тяжелыя потери. И это, конечно, вѣрно. Но съ другой стороны непріятельскій огонь страшенъ для нея потому, что она не организована. Тутъ — заколдованный кругъ, изъ котораго можно выйти лишь энергическимъ усиліемъ воли. Пусть наша партія организуется. Организациа, какъ хорошій земляной окопъ, прикроетъ ее отъ непріятельскаго огня и низведетъ ея потери до возможнаго минимума¹⁾.

А эти потери теперь въ самомъ дѣлѣ огромны, и при томъ ихъ вредное вліяніе быстро растетъ по мѣрѣ того, какъ умножаются и усложняются ея практическія задачи. Теперь она уже не можетъ дольше позволять себѣ *роскошь неорганизованности* и тотъ *комфортъ разъединенности*, благодаря которому каждый „баронъ“ можетъ дѣйствовать по своей особой „фантази“.

Когда очереднымъ вопросомъ былъ у насъ вопросъ *объ агитаціи*, тогда многіе и многіе изъ насъ горячо нападали на „кружковщину“. Нападки были

¹⁾ Возникновеніе крѣпкой организаціи „Земли и Воли“ въ семидесятыхъ годахъ сразу и очень значительно уменьшило число „проваловъ“, которые до тѣхъ поръ были такъ же многочисленны, какъ теперь.

справедливы. Кружковщина, дѣйствительно, великое зло. Но нужно помнить, что мы не избавились отъ него и по настоящее время. Кружковщина до сихъ поръ тяготѣетъ надъ нами, насквозь пропитывая наши *организаціонныя отношенія*. Но партія, претендующая и имѣющая полное право на серьезную политическую роль, не должна и не можетъ помириться съ господствомъ кружковщины въ ея организаціонныхъ отношеніяхъ. Ей безусловно необходима организація, объединяющая въ *одно дисциплинированное цѣлое* всѣ ея силы, вносящая единство въ ея дѣятельность и подчиняющая работу многочисленныхъ кружковъ, рассыпавшихся по широкому лицу нашей земли, *руководству всероссійскаго центра*. Только при этомъ условіи она будетъ въ состояніи сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она обязана сдѣлаться: *руководительницей великаго освободительнаго движенія въ Россіи*.

А когда сплоченіе всѣхъ ея, теперь разрозненныхъ, силъ въ одно стройное цѣлое станетъ совершившимся фактомъ, когда у нея будетъ „едино тѣло и единъ духъ“, тогда передъ ней снова встанетъ, во всемъ своемъ неизмѣримомъ величіи, *задача агитаціи*. Въ области агитаціи ей предстоитъ сдѣлать еще чрезвычайно много. Не будемъ обманывать себя. Массовая политическая агитація еще только началась. Мы сдѣлали въ ея направленіи лишь самые первые шаги, и съ нашей стороны было бы смѣшнымъ и непростительнымъ ребячествомъ рассчитывать на очень скорую побѣду. Въ демонстраціяхъ нынѣшняго года участвовали, положимъ, десятки тысячъ рабочихъ. Это уже очень хорошо; но этого мало. *Батальоны и полки недостаточны для насъ; намъ нужны корпуса и цѣлыя арміи*. Мы ежечасно и ежеминутно должны помнить золотыя слова Маркса, взятые мною какъ эпиграфъ для настоящей статьи: *Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist*¹⁾.

¹⁾ Чѣмъ глубже захватывается жизнь даннымъ историческимъ дѣйствіемъ, тѣмъ больше величина совершающей его массы.

IX.

И какъ плодотворна, какъ завлекательна теперь агитаціонная дѣятельность въ русской рабочей средѣ! Подобно сказочному богатырю, родившемуся для избавленія русской земли отъ ея злыхъ поработителей, нашъ пролетаріатъ растетъ теперь не по днямъ, а по часамъ, быстро накапливая силу непобѣдимую. Искреннихъ друзей его долженъ особенно радовать тотъ въ высшей степени замѣчательный и отраднѣйшій фактъ, что *его классовое самосознаніе не отстаетъ отъ его революціоннаго настроенія*. Соціально-демократическія идеи глубоко проникли въ его среду и неискоренимо упрочились въ ней. Онъ умѣетъ „выручать студентовъ“, но онъ умѣетъ выступать и за свое собственное дѣло. Въ маѣ нынѣшняго года онъ своею кровью запечатлѣлъ свою принадлежность къ международной семьѣ социалистическихъ пролетаріевъ. Въ Петербургѣ и подъ Петербургомъ произошли настоящіе сраженія рабочихъ съ полиціей и войскомъ. „Перваго мая (по русскому стилю) забастовали рабочіе Выборгской стороны (какъ говорятъ, на всѣхъ фабрикахъ). 4-го мая рабочіе нѣсколькихъ фабрикъ направились въ городъ съ цѣлью устроить демонстрацію. У Сампсоніевскаго моста имъ загородила дорогу конная и пѣшая полиція. Рабочіе пустили въ ходъ ножи и палки. Бой длился нѣсколько часовъ). Черезъ три дня на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, въ связи съ празднованіемъ перваго мая, завязался новый бой, при чемъ на мѣстѣ осталось, какъ говорятъ, шесть убитыхъ. Въ провинціи, говоря вообще, май прошелъ спокойнѣе, но и тамъ воззванія, распространяемые нашими товарищами по поводу перваго мая, были сочувственно встрѣчены тысячами пролетаріевъ, а въ Тифлисѣ майскій праздникъ ознаменовался жестокимъ столкновеніемъ рабочихъ съ властями. Полиція лѣзетъ изъ кожи: она арестуетъ

рабочихъ сотнями; она хочетъ остановить рабочее движеніе, запугавъ его участниковъ. Тщетная надежда! Наши сознательные рабочіе такъ полны вѣры въ свое дѣло и преданности ему, что запугать ихъ невозможно. Кто хочетъ узнать, какой духъ оживляетъ этихъ неустрашимыхъ борцовъ, пусть прочитаетъ напечатанное въ № 5 „Искры“ письмо одной работницы, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кроваваго столкновенія 4-го мая на Сампсоніевскомъ мосту. Я привожу наиболѣе замѣчательныя мѣста изъ этого письма.

„Не примите это письмо за малодушіе, я очень измучилась и не знаю, что дѣлать... Вы навѣрно знаете, что у насъ былъ бунтъ, и что В. нѣтъ больше. Я не видала его съ 29-го, и онъ говорилъ мнѣ тогда, что, вѣроятно, перваго у нихъ работать не будутъ. Я, какъ услышала, что на Выборгской битва, бросила работу, побѣжала туда, къ мосту пройти нельзя было: женщинъ сами рабочіе не пускали, я стала ждать В. на квартирѣ, а онъ больше не приходилъ. Я ужъ справлялась въ казармѣ о немъ, ничего не говорятъ, въ охранкѣ тоже... или убили его или ранили до смерти... Другіе говорили, что видѣли, какъ онъ былъ впереди, это онъ крикнулъ: „Да здравствуетъ революція!“, и какъ потомъ упалъ. Полиція не ушла, пока всѣ не отступили, и кто не могъ встать, подбирали сами. Вы не знаете, какъ мнѣ обидно, и это одинаково всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, ужъ очень горько умирать, какъ собакамъ, въ углу, чтобы никто не видалъ даже; это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ: вѣрно и красной смерти для нихъ жалко... Вотъ что еще я хотѣла сказать вамъ: хотя и очень многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ болѣе совсѣмъ, а все-таки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется. Б. (тоже рабочій) говоритъ, что жаль, что знамени

у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ, и пистолетовъ достанутъ: на камняхъ да на ножахъ далеко не уѣдешь, какъ начнутъ штыками колоть¹⁾.

Когда въ нашу душу закрадется хоть малѣйшее сомнѣніе на счетъ будущности нашего дѣла, нужно перечитать это письмо. Оно бодритъ и возбуждаетъ читателя, заражая его своимъ сдержаннымъ, но могучимъ энтузіазмомъ. „Теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется“. И что ни дѣлай правительство, „а все-таки мы твердо стоять будемъ“. Когда такой духъ проникаетъ въ данный общественный классъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что этому классу суждено побѣдить, и что онъ уже зрѣетъ для побѣды. Когда этотъ духъ, уже овладѣвшій нѣкоторыми слоями нашего пролетаріата, широко распространится въ нашей трудящейся массѣ, тогда русскому правительству останется,—по выраженію Лассалля,—лишь заниматься астрологіей, чтобы по звѣздамъ опредѣлить часъ своей гибели: что гибель совершенно неизбежна, это будетъ ясно и ему самому, и всѣмъ его окружающимъ²⁾.

1) „Искра“, № 5, стр. 4.

2) Статья эта была уже набрана, когда мнѣ доставили другое, не менѣе замѣчательное письмо изъ рабочей среды. Авторъ письма высказываетъ свой взглядъ на газету „Искра“ и попутно характеризуетъ настроеніе петербургскихъ рабочихъ: „Я многимъ товарищамъ показывалъ, и весь номерокъ вострепался, а онъ дорогъ, много дороже „Мысли“, хоть и нѣтъ тамъ нашихъ строкъ. Тамъ про наше дѣло, про все русское дѣло, которое копѣйками не оцѣнишь и часами не опредѣлишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы да полиція боятся насъ рабочихъ и тѣхъ интеллигентовъ, за которыми мы идемъ. Они и правда страшны и царю, и хозяевамъ, и всѣмъ, а не только хозяйскимъ карманамъ. Конечно, я просто рабочий и совсѣмъ не такой ужъ развитой, но я очень чувствую, гдѣ правда, знаю, что нужно рабочимъ. Рабочій народъ теперь легко можетъ загорѣться, уже все тлѣетъ внизу, нужна только искра, и будетъ пожаръ. Ахъ, какъ это вѣрно сказано, что изъ искры возгорится пламень. Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облиты, многіе даже на лицо перемѣнились, и это всѣ видятъ; теперь ужъ мастера многихъ не

Но нужно именно, чтобы настроеніе, сказавшееся въ цитированномъ мною письмѣ, широко распространилось въ трудящейся массѣ. *Великая цѣль политическаго освобожденія Россіи можетъ быть достигнута только великимъ революціоннымъ движеніемъ массы.* Помимо массоваго движенія она недостижима, и если бы намъ пришлось, по той или другой причинѣ, отказаться отъ мысли вызвать такое движеніе, то мы должны были бы *оставить всякую надежду.* Поэтому очень вредны всякія, сознательныя или безсознательныя, уклоненія отъ агитаціонной дѣятельности въ массѣ, и уже совершенно непозволительны такіе приемы борьбы, которые оторвали бы *революціонеровъ отъ массы, штабъ отъ арміи.*

Къ числу подобныхъ приемовъ принадлежитъ такъ называемый *терроръ*, вызывающій теперь въ Россіи такъ много самыхъ разнообразныхъ и горячихъ толковъ и споровъ. Интересно, что за-

трагаютъ, и въ праздникъ позиція вѣжливымъ проситъ на нашей сторонѣ толпой не стоять, и такъ проситъ, будто рабочій завтра свободу получитъ. Раньше каждая стачка была событіе, а теперь всякій видитъ, что одна стачка ничегъ, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Понятно, что „эк номическое“ направленіе не можетъ удовлетворить рабочихъ, проникнутыхъ такимъ настроеніемъ. „Теперь ужъ намъ не кассы нужны, не кружки, даже не книжки,—продолжаетъ авторъ письма,—теперь просто учи, какъ въ бой вѣдти, какъ въ бою воевать“. Авторъ прекрасно знаетъ, что жертвы неизбежны, но онъ не боится ихъ, онъ знаетъ, что безъ жертвъ никогда еще не была и куплена свобода. „Со многими мы простимся, многихъ у насъ вырвуть, много и ошибокъ надѣлаемъ, да въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя, во первыхъ, а второе — ужъ дѣло было крупное начинается. Это еще не конецъ, это только первый пожаръ, и его потушатъ, но огонь будетъ такъ ярскъ, что и слѣдые увидятъ, что кому нужно, кто кому врагъ, а ужъ второй пожаръ солдаты заливать не пойдутъ“. При такомъ настроеніи рабочихъ наша будущая побѣда обезпечена. Наша партія обязана позаботиться лишь о томъ, чтобы ошибки, дѣйствительно неизбежныя въ начинающейся теперь борьбѣ, были доведены до *возможнаго минимума.* Каждая ошибка будетъ равносильна гибели многихъ дорогихъ силъ. А чтобы довести до минимума такія ошибки, социальдемократія должна имѣть большое вліяніе. *А большое вліяніе невозможно безъ централизованной организаціи:* новый доводъ противъ организаціонной кружковщины.

щитниками террора выступают у насъ иногда люди, которые еще вчера были „экономистами“ чистѣйшей воды. Это, впрочемъ, неудивительно. Многіе „экономисты“ потому и отрицали *политическую борьбу*, что не могли представить ее себѣ иначе, какъ въ видѣ „*террора*“. Они были противъ *политики* единственно потому, что, находясь въ спокойномъ состояніи, понимали, какъ опасенъ *терроръ* для успѣховъ *массовой агитаціи*. Теперь, когда и ихъ коснулось общее возбужденіе, они отрицаютъ свое отрицаніе „*политики*“, проповѣдая *терроризмъ*, который по прежнему представляется имъ единственнымъ возможнымъ видомъ *политической борьбы*. Такъ одна ошибка естественно ведетъ за собой другую. Увлеченіе терроризмомъ, охватившее теперь нѣкоторыхъ изъ нашихъ „экономистовъ“, можно назвать,—употребляя геометрический терминъ,—*дополнительной ошибкой экономизма*.

Противъ террора уже высказались люди, авторитетный голосъ которыхъ не останется, конечно, *гласомъ вопіющаго въ пустынь*.¹⁾ Излишне повторять здѣсь доводы, выдвинутые этими людьми. Но полезно будетъ вспомнить, какъ смотрѣли на отношеніе террора къ революціонной агитаціи въ массѣ нѣкоторые наши *террористы-классики*.

Х.

Въ брошюрѣ „*Террористическая борьба*“, изданной въ Женевѣ въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, Николай Морозовъ такъ изображаетъ смѣну различныхъ фазисовъ революціоннаго движенія въ Россіи.

„Начавшись въ 1872 году пропагандой среди рабочаго населенія въ Петербургѣ, это движеніе скоро перешло къ провинціальному населенію. — Въ крестьянской сермягѣ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой книгъ за плечами, отряхнувъ съ ногъ прахъ дряхлаго міра, шли пронагандисты по се-

¹⁾ См. № 3 и 4 „Искры“.

леніямъ и деревнямъ своей необозримой родины. Не было губерніи, куда не заходили бы они со своею провѣдью. Движеніе быстро росло, и лѣтомъ 1874 года пропаганда охватила почти всю Европейскую Россію. — Но, какъ ни неожиданно было это движеніе для правительства, послѣднее немедленно приняло противъ него свои мѣры, и къ концу 1874 года почти всѣ пропагандисты томилась въ казематахъ въ ожиданіи ссылки, каторги или безконечнаго заключенія въ центральныхъ тюрьмахъ. — Въ 1875 году, потерпѣвъ окончательное пораженіе въ деревняхъ, движеніе снова направилось къ городскому люду для того, чтобы дѣйствовать черезъ него въ деревнѣ, но и здѣсь оно было задушено правительствомъ; почти всѣ пропагандисты этого періода и рабочіе, послѣдовавшіе за ними, были схвачены при первыхъ шагахъ своей дѣятельности. — Въ 1876—77 гг. настало нѣкоторое затишье, изрѣдка прерываемое противоправительственными демонстраціями мирнаго характера и двумя-тремя революціонными попытками въ томъ или другомъ направленіи. Продолжать прежній путь, не обращая вниманія на преслѣдованія правительства, было очевидно невозможно. Волей-неволей приходилось сводить съ нимъ счеты. — И вотъ мало по малу начались таинственныя убійства правительственныхъ дѣятелей. — 24-го января 1878 года раздался выстрѣлъ въ петербургскаго градоначальника Трепова въ его пріемной; этотъ выстрѣлъ сдѣлался точкой перелома во всей послѣдующей борьбѣ. Начиная съ этого момента, движеніе опредѣлилось и пошло почти безъ уклоненій къ своей уже ясно поставленной цѣли“.

Я нарочно сдѣлалъ безъ сокращеній эту длинную выписку, чтобы читатель ясно увидѣлъ, почему террористическая борьба представлялась Морозову неизбежнымъ и единственно возможнымъ приемомъ политической борьбы. Приведенная мною страница не оставляетъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ: *Н. Морозовъ считалъ дѣятельность въ*

народной массе совершенно невозможной¹⁾). По его мнѣнію, терроръ явился естественнымъ слѣдствіемъ неудачъ испытанныхъ революціонерами при ихъ попыткахъ возбудить революціонное движеніе въ народѣ. Въ другомъ мѣстѣ своей брошюры онъ доказываетъ необходимость террористической борьбы ссылкой на общія соціально-политическія условія русской жизни.

„Въ настоящее время въ безпредѣльныхъ равнинахъ Россіи съ ея рѣдкими деревнями и сравнительно незначительными рабочими городами, гдѣ разрозненность крестьянскаго населенія мѣшаетъ сьорганизоваться большому деревенскому возстанію, а незначительность городского пролетаріата не представляла до сихъ поръ серьезной опасности для правительства, начинающаяся революція приняла совершенно своеобразныя формы. Лишенная возможности проявиться въ деревенскомъ или городскомъ возстаніи, она выразилась въ „террористическомъ движеніи“ интеллигентной молодежи“.

Террористическое движеніе представляется здѣсь, какъ движеніе „интеллигентной молодежи“, поставленной въ невозможность вызвать массовое, деревенское или городское возстаніе, а самая эта невозможность разсматривается, какъ результатъ экономической отсталости Россіи и ея слабой населенности.

Другой сторонникъ террора, В. Тарновскій, въ брошюрѣ „Терроризмъ и Рутинъ“, появившейся приблизительно около того же времени, какъ и брошюра Н. Морозова²⁾, возражая покойному Драгоманову, который противопоставлялъ террору открытое нападеніе на правительство, говоритъ:

„Что Вы хотите сказать этимъ „открытымъ нападеніемъ“? Если здѣсь нужно видѣть массо-

1) Въ его краткомъ изображеніи исторіи нашего революціоннаго движенія встрѣчаются многія неточности. Но здѣсь намъ до нихъ нѣтъ дѣла. Намъ важна здѣсь психологія писателя, а не вѣрность сдѣланнаго имъ изображенія.

2) Если я не ошибаюсь, брошюра Тарновскаго вышла нѣсколькими мѣсяцами позже. Во всякомъ случаѣ обѣ брошюры появились еще въ царствованіе Александра II.

вую революцію, то считаете-ли Вы возможнымъ и резоннымъ поднять русскихъ простолюдиновъ на борьбу изъ-за политической свободы, — при ихъ исторической оторванности отъ интеллигенціи, при ихъ жизни впроголодь и тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, какъ политическая свобода! — Но тогда неужели трудно понять, что всѣ Ваши „гражданскіе и военные люди“, всѣ „народы“ сводятся въ сущности къ интеллигенціи? Она, эта интеллигенція, обязана, да, „обязана“ вынести на своихъ плечахъ политическую свободу въ Россіи, пользуясь терроромъ, какъ средствомъ“. ²⁾

В. Тарновскій насмѣхался, какъ надъ очевидною нелѣпостью, надъ мыслью о томъ, что „*русскіе простолюдины*“ могутъ понять важное для нихъ значеніе, „такой штуки, какъ политическая свобода“. Для него, какъ и для Н. Морозова, единственнымъ слоемъ, созрѣвшимъ для политической борьбы, былъ *слой революціонной интеллигенціи*. И т. къ какъ этотъ слой ни въ какомъ случаѣ не могъ рассчитывать на поддержку со стороны народа, то терроръ и оказывался единственнымъ возможнымъ для нея средствомъ рѣшительной политической борьбы съ правительствомъ. Тутъ есть своя логика, хотя несомнѣнно, что уже и въ то время не всѣ „русскіе простолюдины“ были

²⁾ Въ недавно вышедшей брошюрѣ: „*Возрожденіе революціонизма въ Россіи*“ о террорѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Теперь, кажется, революціонеры переменяютъ свое отношеніе къ этому способу борьбы и мало по малу признають, что терроръ вовсе не исключительная привиллегія партіи, не желающей якобы опираться на трудящіяся массы, а именно всего лишь только *способъ дѣйствія*, которымъ въ крайніе моменты жизни заставляють пользоваться *вся партія безотносительно* къ научной подкладкѣ [ихъ міровоззрѣнія“ (стр. 62). Научная подкладка міровоззрѣнія тутъ, дѣйствительно, не при чемъ. Но авторъ брошюры, какъ видно, плохо знакомъ съ исторіей нашей революціонной литературы. Если бы онъ лучше зналъ ее, то онъ зналъ бы, что для многихъ террористовъ семидесятихъ годовъ терроръ былъ, разумѣется, не „привиллегіей“ (при чемъ тутъ это слово?), а необходимостью для партіи, не *могущей* опираться на народъ.

такъ равнодушны къ мысли о политической свободѣ, какъ это думалъ В. Тарновскій: достаточно вспомнить, что „*Сѣверно-русскій рабочий союзъ*“ тогда уже включилъ въ свою программу (къ великому огорченію народнической интеллигенціи) требованіе политическихъ правъ и политической свободы. Но В. Тарновскій, подобно Н. Морозову, совсѣмъ не вѣрилъ въ успѣхъ начинавшагося тогда рабочаго движенія; онъ совершенно не признавалъ существованія у насъ другихъ революціонныхъ элементовъ, кромѣ интеллигенціи, поэтому онъ могъ, нисколько не противорѣча себѣ, указывать на терроръ, какъ на единственно-возможное средство политической борьбы. Но мы, которые знаемъ то, чего нельзя не знать въ настоящее время, т. е., что въ средѣ „*русскихъ простолюдиновъ*“ происходитъ съ каждымъ часомъ крѣпнущее движеніе *русскихъ пролетаріевъ*; мы, которые видимъ то, чего нельзя не видѣть въ настоящее время, т. е. то, что передовые слои русскаго пролетаріата готовы неустанно бороться за политическую свободу, можемъ ли мы смотрѣть на терроръ глазами В. Тарновскаго или Н. Морозова? Можемъ ли мы видѣть въ немъ единственное возможное у насъ средство политической борьбы¹⁾.

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы тотчасъ же рѣшить ихъ отрицательно. Нѣтъ, люди, не утратившіе вѣры въ массовое движеніе и понимающіе его коренную важность, должны, — если не хотятъ разстаться съ логикой, — смотрѣть на терроръ съ другой точки зрѣнія. Для такихъ людей терроръ можетъ имѣть развѣ только значеніе *вспомогательнаго приема*. Отчасти такъ смотрѣли на терроръ и нѣкоторые революціонеры семидесятыхъ годовъ.²⁾ Въ передовой статьѣ перваго по-

¹⁾ Нѣтъ нужды указывать на то, что *экономическое* положеніе Россіи не можетъ представляться намъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно представлялось Морозову и Тарновскому, писавшимъ двадцать лѣтъ тому назадъ и къ тому же смотрѣвшимъ черезъ народническую призму.

²⁾ Кажется, можно утверждать, что такъ смотрѣлъ на терроръ, напримѣръ, Желябовъ, на судѣ заливившій, какъ извѣст-

мера газеты „*Земля и Воля*“ говорится, что террористы должны играть въ революціонной партіи роль *охранительнаго отряда*. Въ то время очень многіе думали, что террористическій отрядъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ограничиться такою ролью. Но прошло едва нѣсколько мѣсяцевъ, и взглядъ на терроръ совершенно измѣнился. Одни стали доказывать, что террору должны быть отданы всѣ силы партіи, такъ какъ онъ есть „*революція въ дѣйствіи*“¹⁾, а другіе, напротивъ, готовы были совсѣмъ отказаться отъ террора, такъ какъ убѣдились, что террористическая борьба имѣетъ свою логику и что, разъ начавшись, она не можетъ остановиться до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ не поглотитъ всѣхъ силъ партіи и не парализуетъ почти всѣхъ другихъ отраслей ея дѣятельности, а прежде всего *агитаціонной дѣятельности въ массѣ*.

Опытъ показалъ, что революціонеры, выдвигавшіе противъ террора это послѣднее соображеніе, были правы: террористическая борьба дѣйствительно поглотила всѣ силы партіи и парализовала почти всѣ другія отрасли ея дѣятельности. Наши товарищи должны знать и помнить это. *Имъ советуютъ повторить старую ошибку, между тѣмъ какъ они обязаны избѣжать ея*.

Авторъ брошюры „*Возрожденіе революціонизма въ Россіи*“, считаетъ возможнымъ защищать терроръ, какъ агитаціонное (онъ говоритъ: *эксцитивное*) средство. Но защита террора съ агитаціонной точки зрѣнія возможна еще менѣе, чѣмъ съ точки зрѣнія охраны революціонной организаціи („террористы — охранительный отрядъ“).

Агитаторъ долженъ стараться какъ можно больше *сблизиться съ массой*; а террористическая дѣятельность *атдаляетъ революціонера отъ массы*, замыкая его въ тѣсномъ кругѣ посвященныхъ въ „конспиративное“ дѣло товарищей-конспираторовъ.

А кромѣ того, — и это самое главное, — *есть*

но, о своемъ несогласіи съ Н. Морозовымъ по вопросу о террорѣ, какъ исключительномъ приѣмѣ политической борьбы.

¹⁾ См. въ особенности послѣдніе „*Листки Земли и Воли*“.

гораздо болѣе сильное средство возбужденія массы. Средство это — ея собственная, непосредственная борьба съ властью *путемъ всевозможныхъ видовъ нелегальнаго массоваго движенія*. Это движеніе совершенно незамѣнимо по своему воспитательному значенію; каждый его успѣхъ приближаетъ насъ къ побѣдѣ. А между тѣмъ терроръ грозитъ сильно задержать его, отдаливъ организованныхъ революціонеровъ отъ неорганизованной, но уже созрѣвшей для активной борьбы и рвущейся на активную борьбу массы.

Террористическая дѣятельность и политическая агитація въ массѣ могутъ идти рука объ руку, поддерживая и дополняя другъ друга, только при самыхъ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ. Ни одного изъ такихъ условій у насъ теперь нѣтъ въ наличности и долго еще не будетъ ¹⁾. Въ настоящее время терроръ не цѣлесообразенъ, поэтому онъ вреденъ ²⁾.

Но въ такомъ случаѣ, какъ же вы относитесь къ выстрѣлу Карповича? спросить меня, пожалуй, иной читатель, какъ не разъ уже спрашивали меня въ устной бесѣдѣ.

На этотъ вопросъ я отвѣчаю другимъ вопросомъ: а думаете ли вы, что Карповичъ высказался бы за терроръ, если бы онъ былъ не частнымъ лицомъ, прислушивающимся лишь къ голосу своего *нравственнаго* негодованія, а членомъ *партии*, обязаннымъ подчиняться *сознательному политическому* расчету?

На этотъ вопросъ я до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта.

¹⁾ Въ апрѣльской книжкѣ лондонской *Przedswit'a* помѣщена интересная статья П. Гурковского „*Powstani (z)u terror?*“ Хотя она не исчерпываетъ вопроса и не вполне вѣрно изображаетъ русское революціонное движеніе 70-хъ годовъ, но я всетаки очень рекомендую ее тѣмъ изъ нашихъ тов., которые знаютъ по-польски.

²⁾ Прим. къ настоящему изданію. Теперь эти условія отчасти уже находятся на лицѣ; поэтому теперь намъ нужно отчасти измѣнить свое отношеніе къ террору. Объ этомъ см. мои статьи въ *Искрѣ*: „*О демонстраціяхъ*“ (№ 41) и „*Врозь идти вѣстѣ битъ*“ (№ 87).

Нѣкоторые защитники террора совершенно искренно считаютъ себя самыми передовыми революціонерами. Въ дѣйствительности они далеко отстали отъ хода развитія нашего революціоннаго движенія и стараются вернуть его назадъ, лѣтъ на двадцать съ лишнимъ.

Но моя статья уже переросла предположенные для нея размѣры. Пора кончать, откладывая недосказанное до другого раза и подводя итогъ тому, что сказано.

На вопросъ—*что же дальше?* — приходится дать теперь слѣдующій отвѣтъ:

Дальше — продолженіе начатой освободительной борьбы, въ интересахъ которой мы должны:

1. Организоваться.

2. Принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для выясненія оппозиціоннымъ элементамъ общества истиннаго характера преслѣдуемой нами ближайшей политической задачи.

3. Продолжать политическую агитацію въ трудящейся массѣ.

4. Придать этой агитаціи *болѣе широкіе размѣры*.

5. Придать этой агитаціи *еще болѣе широкіе размѣры, распространить ее по возможности и на сельское населеніе*.

6. Тоже въ большей степени.

7. Тоже въ еще большей степени.

8. Тоже въ самой большой степени.

9. А потомъ... но объ этомъ мы успѣемъ потолковать и въ другой разъ: время терпѣть. Теперь же намъ нужно главнымъ образомъ помнить, что безъ организациі наше дѣло не можетъ идти впередъ и что:

Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist.

Оглавленіе.

	<u>Стр.</u>
Посвященіе	III
Отъ автора	V
Соціализмъ и политическая борьба (Предисловіе).	XI
Современныя задачи русскихъ рабочихъ . . .	84
Какъ добиваться конституціи?	97
Политическія задачи русскихъ соціалистовъ . .	124
Еще разъ соціализмъ и политическая борьба . .	141
Что же дальше?	183

Оглавление

1	Введение
2	Глава I. Общие сведения
3	Глава II. Описание
4	Глава III. Результаты
5	Глава IV. Заключение
6	Приложение
7	Список литературы
8	Справочный материал
9	Дополнительные сведения
10	Заключение
11	Приложение
12	Список литературы
13	Справочный материал
14	Дополнительные сведения
15	Заключение
16	Приложение
17	Список литературы
18	Справочный материал
19	Дополнительные сведения
20	Заключение
21	Приложение
22	Список литературы
23	Справочный материал
24	Дополнительные сведения
25	Заключение
26	Приложение
27	Список литературы
28	Справочный материал
29	Дополнительные сведения
30	Заключение
31	Приложение
32	Список литературы
33	Справочный материал
34	Дополнительные сведения
35	Заключение
36	Приложение
37	Список литературы
38	Справочный материал
39	Дополнительные сведения
40	Заключение
41	Приложение
42	Список литературы
43	Справочный материал
44	Дополнительные сведения
45	Заключение
46	Приложение
47	Список литературы
48	Справочный материал
49	Дополнительные сведения
50	Заключение
51	Приложение
52	Список литературы
53	Справочный материал
54	Дополнительные сведения
55	Заключение
56	Приложение
57	Список литературы
58	Справочный материал
59	Дополнительные сведения
60	Заключение
61	Приложение
62	Список литературы
63	Справочный материал
64	Дополнительные сведения
65	Заключение
66	Приложение
67	Список литературы
68	Справочный материал
69	Дополнительные сведения
70	Заключение
71	Приложение
72	Список литературы
73	Справочный материал
74	Дополнительные сведения
75	Заключение
76	Приложение
77	Список литературы
78	Справочный материал
79	Дополнительные сведения
80	Заключение
81	Приложение
82	Список литературы
83	Справочный материал
84	Дополнительные сведения
85	Заключение
86	Приложение
87	Список литературы
88	Справочный материал
89	Дополнительные сведения
90	Заключение
91	Приложение
92	Список литературы
93	Справочный материал
94	Дополнительные сведения
95	Заключение
96	Приложение
97	Список литературы
98	Справочный материал
99	Дополнительные сведения
100	Заключение

Издательство „ПРОЛЕТАРИАТЪ“

Г. В. Плехановъ.

О ЗАДАЧАХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ
ВЪ БОРЬБѢ СЪ ГОЛОДОМЪ
ВЪ РОССІИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ДНЕВНИКУ“ № 5.

РЕД.-ИЗДАТЕЛЬНИЦА М. МАЛЫХЪ. САДОВАЯ, 119.

(ПЕРЕПЕЧАТАНО БЕЗЪ ИЗМѢ-
НЕНІЙ СЪ ПЕРВАГО ЖЕНЕВ-
СКАГО ИЗДАНІЯ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
КНИГОПЕЧАТНЯ Ш М И Д Т Ъ, ЗВЕНИГОРОДСКАЯ, 20.
1906.

Э. Рабкин

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Причины голода.

La carestia russa non é solo il risultato di un cattivo raccolto, essa é una parte immensa rivoluzione sociale che la Russia ha compiuto dopo la guerra di Crimea.

Фридрих Энгельс
(La carestia in Russia, Critica sociale, 1 aprile 1892).

Дорогіе товарищи!

Вамъ извѣстно современное положеніе дѣлъ въ нашей странѣ. Вы знаете, что почти половина европейской и часть азіатской Россіи поражены ужаснымъ бѣдствіемъ, такимъ бѣдствіемъ, подобнаго которому мы напрасно стали бы искать въ новой исторіи западной Европы. Только въ варварскихъ деспотіяхъ варварской Азіи возможны тѣ потрясающія явленія, которыя во множествѣ совершаются теперь въ нашемъ отечествѣ. Голодный тифъ, голодная смерть, самоубійство отъ голода, убійство близкихъ людей съ цѣлью избавить ихъ отъ невыносимыхъ мученій, а въ лучшемъ случаѣ полное экономическое раззореніе—вотъ что выпало теперь на долю и безъ того уже совсѣмъ не избалованныхъ судьбой крестьянъ, бѣдныхъ городскихъ мѣщанъ и рабочихъ. При видѣ этого страшнаго положенія чувство ответственности передъ родиной

пробуждается даже въ такихъ сердцахъ, которыя никогда еще не сочувствовали народному горю, сознание гражданскихъ обязанностей закрадывается даже въ такія головы, вся политическая мудрость которыхъ исчерпывалась правиломъ: бога бойся, царя почитай. Тѣмъ энергичнѣе должны исполнять свою обязанность мы, социалисты, давно уже открывшіе глаза на бѣдственное положеніе народа и объявившіе рѣшительную, беспощадную войну всѣмъ его эксплуататорамъ.

Теперь, при уходѣ за больными жертвами голода, ежедневно рискуютъ своею жизнью даже такіе люди, на которыхъ мы привыкли смотрѣть съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ на сторонниковъ маленькихъ социальныхъ („законныхъ“) полуреформъ, мирныхъ дѣятелей, напрасно старающихся вычерпать чайной ложечкой глубокое, безбрежное море народныхъ страданій, Эти мирные — и, по правдѣ сказать, очень нелогичные — люди безстрашно исполняютъ свой долгъ, какъ они его понимаютъ. Неужели мы останемся позади нихъ? Неужели *наша* энергія и *наше* самоотверженіе не удесятерятся въ виду настоятельныхъ требованій переживаемаго нами историческаго момента? Если такъ, то надо напередъ помириться съ тою мыслью, что отнынѣ русскіе социалисты революционеры не будутъ имѣть нравственнаго права называть себя самыми неустрашимыми, самыми дѣятельными защитниками народныхъ интересовъ.

Но я увѣренъ, товарищи, что *такъ не будетъ*, что *такъ не можетъ быть*. Русская социалистическая партія останется достойной своего славнаго прошлаго, и если теперь цивилизованный міръ съ сочувствіемъ слѣдитъ за самоотверженною дѣятельностью нашихъ *легальныхъ* „добровольцевъ“, то недалеко время, когда онъ съ восторгомъ станетъ рукоплескать *нелегальнымъ* добровольцамъ, ополчившимся на борьбу съ общественными причинами голода въ Россіи.

Что голодъ вызванъ чисто общественными причинами, это ясно какъ день, въ этомъ согласны между собою люди самыхъ различныхъ, даже прямо противоположныхъ направленій. Я привелъ въ эпиграфъ мнѣніе знаменитаго

соціалиста и революціонера Энгельса, который говоритъ, что нынѣшнее бѣдствіе есть часть „огромной соціальной революціи, пережитой Россіей со времени Крымской войны“. Ниже мнѣ придется сослаться на „Московскія Вѣдомости“, и вы увидите, что этотъ вліятельнѣйшій органъ нашихъ реакціонеровъ ищетъ причинъ голода въ общемъ и несомнѣнномъ разстройствѣ русскаго крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ, съ этой стороны серьезные споры невозможны. Разногласія начинаются лишь тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь о помощи голодающимъ и объ *устраненіи* причинъ, вызвавшихъ кризисъ. Въ этомъ случаѣ каждая партія смотритъ на вопросъ со своей особой точки зрѣнія и потому естественно приходитъ къ особому рѣшенію.

Въ глазахъ „охранителей“ мы, соціалисты-революціонеры, являемся, въ лучшемъ случаѣ, самыми легкомысленными фантазерами. Наши программы кажутся имъ совершенно нелѣпыми, наши стремленія совершенно неосуществимыми. А между тѣмъ, при менѣе пристрастномъ отношеніи къ дѣлу, они легко могли бы убѣдиться, что послѣдователи современнаго научнаго соціализма чужды всякихъ утопій, и что каждый параграфъ въ ихъ программѣ, каждый шагъ въ ихъ дѣятельности основывается на внимательномъ изученіи дѣйствительности. Въ Россіи, какъ и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, современные соціалисты основываются на научномъ изслѣдованіи общественной жизни и *только на научномъ изслѣдованіи*. Они изучаютъ ходъ историческаго развитія и, ничего не измышляя, ничего не прибавляя отъ себя, берутъ его за исходную точку своихъ стремленій, которыя въ свою очередь представляютъ собою лишь сознательное выраженіе безсознательнаго, слѣпago историческаго процесса.

Въ этомъ сила современныхъ соціалистовъ. Руководимые свѣтомъ науки, строгой, безпристрастной науки, которая не щадитъ никакихъ, даже самыхъ дорогихъ людямъ предразсудковъ и не боится никакихъ, даже, повидимому, самыхъ безотрадныхъ выводовъ, они твердо идутъ впередъ, презрительно смѣясь надъ безчисленными ошибками своихъ ослѣпленныхъ противниковъ и заранѣе зная, что имъ и только имъ достанется побѣда.

Внимательное, научное изученіе общественныхъ явленій требуетъ много спокойствія и, если угодно, даже **холоднаго безстрастія**. Но за то только оно можетъ создать прочную основу для страстной дѣятельности самоотверженнаго политическаго борца, только оно способно предохранить его отъ разочарованій, только оно можетъ выработать такихъ революціонеровъ, которые не упадутъ духомъ отъ частныхъ неудачъ и не смутятся временными успѣхами враговъ. Короче, только оно, только оно одно создаетъ несокрушимыхъ и непобѣдимыхъ дѣятелей, революціонеровъ *и по логикѣ и по чувству*.

Вотъ почему даже теперь, въ тяжелую годину народнаго бѣдствія, когда такъ трудно разсуждать спокойно и когда, наоборотъ, такъ легко отдаться первому впечатлѣнію, даже теперь, говорю я, мы должны остаться вѣрны духу современнаго научнаго изслѣдованія и ставить себѣ, въ борьбѣ съ голодомъ, лишь такія задачи, которыя не заключаютъ ничего несбыточнаго и ничего фантастическаго. Теперь, какъ и всегда, мы, подходя къ вопросу, должны отказаться отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и разсматривать дѣйствительность, какъ она *есть* и какою она *становится*. Не логика должна служить у насъ чувству, а, наоборотъ, чувство должно слѣдовать указаніямъ логики. Только при этомъ условіи оно не рискуетъ попасть на ложную дорогу.

Я сказалъ, что стремленія современныхъ социалистовъ представляютъ собою лишь сознательное выраженіе безсознательнаго, слѣпнаго историческаго процесса. Если это справедливо вообще, то должно быть справедливо и въ нашемъ частномъ случаѣ. Другими словами, стремленія русскихъ социалистовъ въ борьбѣ съ бѣдствіемъ, поразившимъ русскій народъ, должны и могутъ быть лишь сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго процесса, называемаго историческимъ развитіемъ Россіи.

Само собою разумѣется, что мы будемъ разсматривать этотъ процессъ лишь съ той его стороны, которая имѣетъ отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Такъ, напримеръ, намъ нѣтъ никакой надобности касаться здѣсь исторіи русской литературы, или русской науки, или русской, такъ называемой православной церкви. Намъ инте-

решаетъ здѣсь *экономическая* сторона вопроса, и мы имѣемъ право ограничиться ею. Итакъ, мы должны узнать, каковы были тѣ *экономическія* причины, историческое дѣйствіе которыхъ привело къ нынѣшнему голоду въ Россіи. Опредѣливъ эти причины, мы безъ труда увидимъ, какія средства необходимы для борьбы съ бѣдствіемъ.

Излишне прибавлять, что рѣчь пойдетъ у насъ только о главнѣйшихъ, о коренныхъ причинахъ голода. Второстепенныя и третьестепенныя частности, вполнѣ уместныя въ спеціальному историческому трактатѣ, только увеличили бы безо всякой нужды объемъ нашего изслѣдованія.

Намъ придется начать издалека, а именно намъ нужно кинуть по крайней мѣрѣ бѣглый взглядъ на историческое отношеніе нашего государства къ нашему народу, точнѣе, — къ непривилегированной, „податной“ части народа.

Вамъ извѣстно, конечно, каково было это отношеніе.

Съ незапамятныхъ временъ все государственное зданіе покоилось у насъ на худой, изможденной, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно выносливой спинѣ податного населенія, т. е. преимущественно крестьянства. Государство издавна закрѣпостило крестьянина съ весьма простой и понятной цѣлью его эксплуатаціи. Вводя и усиливая крѣпостную зависимость крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ, государство лишь передавало „служилымъ людямъ“ свои владѣльческія права надъ землепашцами. Безъ сомнѣнія, никакое государство не можетъ существовать иначе, какъ на счетъ производителей, отъ которыхъ оно получаетъ, — или отбираетъ, — средства, необходимыя для отправленія своихъ многообразныхъ функцій. Но никогда и нигдѣ государство не брало у производителей такъ много, какъ брало и беретъ оно въ Россіи. Это объясняется, конечно, не личными свойствами ея правителей, а суровой экономической необходимостью.

Дѣло въ томъ, что благодаря сосѣдству съ западною Европой, русскій крестьянинъ, экономическая отсталость котораго могла бы сравниться развѣ съ отсталостью азіатскаго крестьянина, вынужденъ былъ поддерживать своимъ трудомъ очень сложную и очень дорого стоящую

государственную машину. Его расходы на поддержаніе этой машины были гораздо больше соотвѣтственныхъ расходовъ азіатскаго крестьянина. Уже со временъ Грознаго русскій земледѣлецъ стонетъ подъ тяжестью государства, которое разоряетъ его *„пуще, чѣмъ турки и татары“*. Смутное время было неудачной—и притомъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, заранѣе осужденной на неудачу—попыткой народа сбросить съ своихъ плечъ все сильнѣе и сильнѣе давившее на нихъ государственное бремя. Реформа Петра Великаго въ особенности увеличила это бремя. Со временъ Петра Россія представляла собой такую страну, въ которой на фундаментѣ производительныхъ силъ, не превосходившихъ силъ самыхъ отсталыхъ земледѣльческихъ странъ Востока, покоилось государство, стоившее дороже западно-европейскихъ государствъ, то есть государствъ, сложившихся въ гораздо болѣе богатыхъ странахъ. Поэтому, уже со временъ Петра русское государство было относительно самымъ дорогимъ, а русскій крестьянинъ безусловно самымъ бѣднымъ крестьяниномъ въ мірѣ.

Когда русскій солдатъ, этотъ оторванный отъ сохи и одѣтый въ мундиръ крестьянинъ, попалъ во время войны въ Болгарію, онъ съ величайшимъ удивленіемъ увидѣлъ, что несчастный, замученный нехристями болгаринъ живетъ несравненно лучше него, „свободнаго“ земледѣльца православнаго государства. И это совершенно понятно: варварская Турція никогда не сѣумѣла бы такъ чисто обобрать крестьянина, какъ обираетъ его европеизированная русская бюрократія.

Что касается земледѣльцевъ западной Европы, то какъ ни кричатъ у насъ, на примѣръ, объ ирландской бѣдности, несомнѣнно, однако, что никогда ирландцы не въ состояніи были бы вынести того, что выносятъ русскіе крестьяне. Сами охранители прекрасно сознаютъ, что бѣдность нашего крестьянина есть нѣчто исключительное и совершенно безпримѣрное. Иногда такое сознаніе выражается у нихъ въ чрезвычайно наивной формѣ. Въ концѣ февраля нынѣшняго года въ „Моск. Вѣд.“ появилась интересная замѣтка подъ названіемъ „Правда объ русскомъ народѣ“. Въ замѣткѣ шла рѣчь о предисловіи известной

Госпожи Новиковой къ только что вышедшей тогда книгѣ Гарри де-Уинда „Siberia as it is“ („Сибирь, какова она есть“). Высказанные госпожей Новиковой взгляды удостоились величайшаго одобренія со стороны реакціонной газеты. „Моск. Вѣдомости“ съ радостью привѣтствовали „этотъ голосъ, напоминающій англичанамъ то простое, но существенно важное обстоятельство, которое не вмѣщается въ головахъ нашихъ нигилизированныхъ философовъ, а именно, что для оцѣнки всего отклоняющагося отъ нормы нужно знать и помнить реальную норму данной страны или народа, а не дѣлать сравненій условій качественно различныхъ“. Но къ чему же сводится указанное г-жой Новиковой „простое, но существенно важное обстоятельство“? Вотъ что сообщаетъ объ этомъ органъ охранителей.

„Россія, говоритъ г-жа Новикова, — это страна стоицизма, укрѣпленнаго христіанствомъ. Это, въ концѣ концовъ, не плохая школа для формированія характера, но школа суровая. Наша деревенская жизнь полна самоотверженія, тяжкаго труда, лишеній. Въ иныхъ отношеніяхъ жизнь нашего крестьянина такъ сурова, что мы, люди высихъ классовъ, не способны были бы ее вынести. Какъ тѣсно и темно его жилище, какъ бѣдна его ежедневная пища! И однако люди, ведущіе эту жизнь, въ общемъ имѣютъ видъ крѣпкій, довольный. Они весело шутятъ и послѣ долгаго трудового дня, съ зари до заката, возвращаются домой съ плясками и пѣснями.

„Понятіе о комфортѣ здѣсь, слава Богу, мало развито. И потому у насъ тюрьма, повидимому очень суровая, оказывается даже черезчуръ комфортабельною. Эта простота и суровость жизни легко можетъ ввести въ заблужденіе иностранца при посѣщеніи имъ неурожайныхъ мѣстностей. Видя обстановку грубую, европейецъ, особенно не слыхавшій о голодѣ, легко припишетъ ее нуждѣ, тогда какъ она можетъ быть такою же, какъ въ годъ полного благосостоянія“ (М. В., № 57).

Изъ этого высокопарно-лицемѣрнаго вздора видно, что по признанію самихъ охранителей государство оставляетъ крестьянину лишь „пѣсни и пляски“, и что даже въ годы „полнаго благосостоянія“ этотъ несчастный живетъ при такой

обстановкѣ, которая можетъ показаться европейцу результатомъ остраго стихійнаго бѣдствія. Трудно найти лучшее свидѣтельство въ пользу справедливости того, что я сказалъ о положеніи нашего земледѣльца.

Девятнадцатое февраля 1861 г., положивши конецъ помѣщичьей власти, сдѣлало крестьянъ свободными только по имени. Въ дѣйствительности оно лишь перенесло въ другое мѣсто центръ тяжести крѣпостной зависимости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: изъ крѣпостныхъ по отношенію къ „барину“, къ „нану“, они стали крѣпостными по отношенію къ *казнѣ*. Подъ весьма благовиднымъ предложомъ обезпеченія ихъ быта, „освобожденнымъ“ крестьянамъ были навязаны земельные надѣлы, за которые взыскивается выкупъ, значительно превосходящій ихъ стоимость. Не заплативъ этого выкупа, крестьянинъ не могъ оставить свою землю. Онъ остался привязаннымъ къ ней, и какъ плохо приходилось ему подчасъ на привязи, показываетъ слѣдующій характерный случай, имѣвшій мѣсто въ 1874 г. въ велико-луцкомъ уѣздѣ.

На крестьянахъ названнаго уѣзда накопилось тогда очень много недоимокъ. Правительство нашло нужнымъ послать особую комиссію для изслѣдованія причинъ этого явленія. Комиссія нашла, что ни въ одной деревнѣ у крестьянъ не хватало хлѣба для собственнаго продовольствія; что крестьянскія поля оставались почти безъ удобренія, потому что количество скота у нихъ постоянно уменьшалось; что крестьяне нерѣдко платили съ отведенной имъ негодной земли по 2 руб. съ десятины, тогда какъ при вольномъ наймѣ за нее нельзя было бы получить и 50 коп. и т. п. „Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій нѣсколько деревень согласились не вносить въ казну выкупныхъ платежей, а другія самовольно уменьшили ихъ на половину“. Разумѣется, правительственная комиссія вознегодовала. Вотъ какъ описывалъ корреспондентъ ея объясненія съ неблагодарными крестьянами.

„Представьте себѣ, пріѣзжаетъ комиссія въ одну деревню 2-го участка, неплатившую выкупныхъ платежей съ начала шестидесятыхъ годовъ. Ссылаются крестьянъ. „Почему не платите?“—Да не за что; земля дурная.— „Ахъ братцы, увѣщеваетъ мировой посредникъ, да вѣдь вы сами же согласились платить вмѣсто 8 рублей 3; значить земля стоитъ же 3 рублей; отчего

же вы ихъ-то не вносите?“—Нѣтъ, видимъ теперь, что и трехъ рублей не стоитъ; не изъ чего ихъ платить“. Чиновникъ отъ министерства вспыхнулъ: „Ахъ вы такіе-сякіе, да какъ вы смѣете это говорить. Вы думаете, это вамъ даромъ пройдетъ: нѣтъ, отъ васъ землю отберутъ“. — А и бери себѣ ее на здоровье, коли тебѣ она нужна, а измѣ ея не надо, равнодушно отвѣчаютъ ему крестьяне. — „Не только землю отберутъ, продолжаетъ чиновникъ, но сасъ самихъ въ арестантскія роты сошлютъ; вы должны будете тамъ отработать все, что задолжали правительству: не дарить же оно вамъ станетъ.“ — Въ арестантскія роты? А и въ арестантскія роты нешто; по крайности тамъ кормятъ и одѣваютъ; хоть съ голоду не окопѣешь; пушай себѣ и въ арестантскія роты, а платить все же не изъ чего. — „Каковы варвары!“ — говорилъ мнѣ чиновникъ, „даже свободой не дорожатъ!..“ *)

Этотъ случай прекрасно характеризуетъ ту лицемѣрную комедію, которую многіе добрые, но наивные люди до сихъ поръ называютъ освобожденіемъ русскихъ крестьянъ съ землею. Непомѣрно высокіе платежи за землю, мѣстами совершенно никуда негодную, или розги и арестантскія роты—вотъ тотъ единственный выборъ, который предоставило „свободному“ крестьянину будто бы народолюбивое правительство Александра II. И вы только что видѣли, товарищи, что „освобожденный“ крестьянинъ иногда вынужденъ былъ выбирать именно розги и арестантскія роты.

Но это еще не все. „Освободивъ крестьянъ съ землею“, правительство поспѣшило увеличить налоги. Въ 1861 г. доходы государственнаго казначейства простирались до 411.584.000 руб.; черезъ десять лѣтъ они дошли уже до 508.187.600 р.; а по росписи на 1891 г. они уже превосходили внушительную цифру 900 милліоновъ рублей.

Абсолютная величина налоговъ, платимыхъ каждымъ даннымъ народомъ сама по себѣ, какъ извѣстно, еще ровно ничего не показываетъ. Все дѣло въ томъ, какъ относятся налоги къ платежнымъ силамъ населенія; если эти силы не велики, то даже незначительные сами по себѣ налоги могутъ очень вредно отзываться на народномъ хозяйствѣ; и наоборотъ, даже очень значительные сами по себѣ налоги могутъ быть взимаемы безъ вреда для хозяйства платель-

*) Историческіе очерки Россіи со времени крымской войны до заключенія Берлинскаго договора Т. II, вып. 2, Лейпцигъ 1879, стр. 150—151.

щиковъ, поставленныхъ въ благопріятныя экономическія условія. Со временъ „освобожденія“ экономическое положеніе русскаго крестьянина очень значительно измѣнилось *къ худшему*. Отсюда слѣдуетъ, что налоги, взимаемые съ каждой крестьянской „души“, стали бы *относительно тяжеле* даже въ томъ случаѣ, если бы *абсолютная* величина ихъ осталась неизмѣнной. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ они росли съ удивительнымъ постоянствомъ и съ поразительною быстротою, то окончательный результатъ не могъ подлежать сомнѣнію: струна, натягиваемая все туже и туже, должна была, наконецъ, лопнуть; все болѣе и болѣе обираемый крестьянинъ долженъ былъ, наконецъ, придти въ такое положеніе, когда уже ни кутузка, ни розги не могутъ выбить изъ него ни копѣйки. „Эластичность платежной силына рода имѣетъ свои предѣлы“ — почтительнѣйше замѣтилъ однажды Грейгъ. Теперь эти предѣлы для многихъ мѣстностей европейской Россіи уже достигнуты.

Я сказалъ, что экономическое положеніе крестьянъ очень значительно измѣнилось къ худшему со времени реформы 1861 года. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Но всмотримся внимательнѣе въ ту связь, которую имѣетъ это всѣмъ извѣстное явленіе съ нынѣшнимъ голодомъ.

Припомните, товарищи, какія открытія сдѣлала коммиссія, отправленная правительствомъ въ 1874 году въ велико-луцкій уѣздъ для изслѣдованія причины накопленія тамъ недоимокъ: ни въ одной деревнѣ у крестьянъ не хватаетъ хлѣба для собственнаго продовольствія; количество крестьянскаго скота постоянно уменьшается, а вслѣдствіе этого крестьянскія поля остаются почти безъ удобренія. Но каковъ же могъ быть урожай на поляхъ, оставшихся безъ удобренія? Ясно, что доходность земледѣлія должна была понижаться, а ея пониженіе, разоряя земледѣльцевъ, должно было, съ своей стороны, причинять дальнѣйшій упадокъ земледѣлія. Рано или поздно — и скорѣе рано, чѣмъ поздно — должно было наступить такое время, когда воздѣлывать землю значило *работать въ убытокъ*.

Обратите вниманіе на слѣдующую таблицу, заимствованную г. Шараповымъ изъ земскаго сборника новоу-

зенскаго уѣзда и относящуюся ко всему среднему Поволжью.

1880 г.—неурожай.

1881, 1882, 1883 и 1884 гг.—урожай.

1885 г.—неурожай, саранча.

1886 г.—неурожай, почти голодъ.

1887 г.—травы хороши; рожь пропала; яровое ниже среднего.

1888 г.—то же; раздавали продовольствіе.

1889 г.—травы плохи; рожь пропала; яровые ниже среднего.

1890 г.—урожай хлѣбовъ и травъ плохъ.

1891 г.—полный неурожай всего.

Эта таблица показываетъ, что въ поволжскихъ губерніяхъ неурожай сталъ обычнымъ явленіемъ, а урожай представляетъ собою только счастливую случайность. Это безъ преувеличенія сказать, страшное положеніе. И оно не ограничивается Поволжьемъ. Вотъ, напримѣръ, въ Курской губ., по словамъ губернскаго земства, „почва до того истощилась, что уже не можетъ давать сколько нибудь хорошихъ урожаевъ“. Въ такомъ же или почти въ такомъ же положеніи находятся, какъ мы увидимъ ниже, крестьянскія земли по всей Россіи. Но разъ почва „уже не можетъ давать сколько-нибудь хорошихъ урожаевъ“,—понятно, что неурожай становится совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ явленіемъ.

Это не значитъ, конечно, что русская земля совсѣмъ отказывается кормить земледѣльца. Курское губернское земство утверждаетъ, что „такъ какъ верхній слой земли сильно истощился, то только воздѣлываніе земли глубоко взрѣзывающимъ плугомъ въ состояніи поднять урожай въ губерніи“. Но можетъ-ли въ конецъ обѣднѣвшій крестьянинъ обзавестись плугомъ и необходимымъ при немъ рабочимъ скотомъ? Очевидно—нѣтъ. Чтобы дать ему возможность сдѣлать это, надо поставить его въ другія, болѣе благопріятныя условія.

Пріятно ссылаться на людей, которыхъ никто не заподозритъ въ пристрастіи къ нашимъ воззрѣніямъ. Поэтому я съ удовольствіемъ обращаюсь еще разъ къ „Моск. Вѣд.“

(№ 42), въ которыхъ я нахожу слѣдующія слова одного изъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ:

„Нахожу неумѣстнымъ распространяться здѣсь о результатахъ заведенныхъ мною въ полеводство порядковъ, а ограничусь указаніемъ на фактъ, въ дѣйствительности котораго имѣло случай убѣдиться земство чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Въ неурожайный въ Смоленской губерніи 1870 годъ я собралъ на кругъ по 8 четвертей ржи съ казенной десятины, когда мои сосѣди крестьяне, не получившіе даже посѣвныхъ сѣмянъ съ озимаго поля, покупали рожь на посѣвъ по 12 руб. за четверть. Овсяный клинъ въ засушливое лѣто менѣе 10 четвертей съ казенной десятины мнѣ не давалъ, но были участки, гдѣ я собиралъ и больше“.

Благодаря лучшему воздѣлыванію, помѣщичья земля давала прекрасные для Смоленской губ. урожаи даже въ годы, ознаменовавшіеся неурожаемъ на истощенныхъ крестьянскихъ земляхъ. Но могутъ ли наши крестьяне практиковать на своихъ надѣлахъ улучшенные приемы земледѣлія?

„Это вопросъ, на который способенъ отвѣтить всякій, кто знакомъ съ крестьянскимъ земельнымъ положеніемъ въ Россіи. Тутъ немыслимы ни весенній взметъ пара, ни перепашка ржаного жнитва въ августъ. И то, и другое, не можетъ быть допущено деревней изъ-за нужды въ пастбищахъ. Поневолѣ станешь держаться старыхъ приемовъ въ обработкѣ земли и терпѣть порождаемые ими урожаи и безкормицу, которые, съ ослабленіемъ плодородія пахотныхъ угодій, будутъ повторяться все чаще и чаще. Какого же ждать тутъ иного исхода кромѣ упадка и полного разстройства предоставленныхъ самимъ себѣ русскихъ крестьянскихъ хозяйствъ?“ (М. В., № 42).

Въ послѣднихъ словахъ сквозить уже намекъ на необходимость опеки надъ крестьянами. Мы еще увидимъ, къ чему приводитъ крестьянина правительственная опека. Теперь же я прошу васъ, товарищи, замѣтить, что и „охранители“ понимаютъ всю невозможность сколько-нибудь успѣшнаго земледѣлія при тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ русскій земледѣлецъ. Отмѣ-

тивъ это многозначительное обстоятельство, возвратимся къ нашему предмету.

Мнѣ могутъ замѣтить, что неурожай 1891 г. коснулся не однѣхъ только крестьянскихъ земель, что отъ него пострадали также и болѣе или менѣе привилегированные землевладѣльцы. А между тѣмъ эти люди не могутъ пожаловаться на податной гнетъ. Слѣдовательно, помимо этого гнета, существуетъ какая-то другая причина бѣдствія, причина настолько сильная, что неурожай объясняется ею по крайней мѣрѣ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ.

Въ отвѣтъ на это возраженіе я замѣчу прежде всего, что во многихъ мѣстахъ неурожай былъ въ прошломъ году, какъ крестьяне выражаются, пѣстрый: хлѣбъ уродился на поляхъ хорошо удобренныхъ и хорошо воздѣланныхъ и неуродился на захудалыхъ нивахъ крестьянской бѣдности. Тутъ уже несомнѣнно дѣйствіе именно той причины, на которую указывалъ цитированный „Моск. Вѣдом.“ сельскій хозяинъ: отсутствіе у крестьянъ всякихъ средствъ для сколько-нибудь удовлетворительной обработки полей. Но во многихъ случаяхъ неурожай дѣйствительно распространился на всѣ земли данной мѣстности, безъ различія „званій и состояній“ ихъ владѣльцевъ. Чтобы объяснить это явленіе, надо припомнить, въ какомъ положеніи находилось наше частно-владѣльческое земледѣліе со времени реформы 1861 г.

„Помѣстное и частное землевладѣніе, очень шаткое на Руси до Петра Великаго, поддержанное крѣпостнымъ правомъ въ теченіе XVII столѣтія, потомъ временно и случайно усиленное пожалованіями императрицъ XVIII ст., съ другой стороны подрываемое порядкомъ наслѣдованія и самовластными конфискаціями и, наконецъ, разстроено абсентеизмомъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ царствованіе Александра и Николая, помѣстное владѣніе, говоримы мы, со времени освобожденія крестьянъ, видимо, склоняется къ ликвидаціи, къ распродажѣ недвижимыхъ имуществъ, къ упраздненію господскихъ хозяйствъ и запашекъ. Землевладѣніе, разумѣя подъ этимъ словомъ и право собственности и право пользованія, т. е. арендованіе, эксплуатацію земель, переходитъ отъ прежнихъ помѣщиковъ дворянъ

скаго происхожденія къ двумъ разрядамъ новыхъ владѣльцевъ: а) промышленникамъ, торговцамъ, спекулянтамъ, скупающимъ или арендующимъ оптомъ большія имѣнія, и б) къ крестьянамъ, раскупающимъ или снимающимъ тѣ же земли по мелкимъ участкамъ. Объ этомъ ходѣ поземельнаго нашего быта заявляется со всѣхъ краевъ Россіи такъ единогласно и настойчиво, что мы признаемъ эту черту характеристикою современнаго нашего соціально-аграрнаго положенія“.

Эти строки написаны были княземъ Васильчиковымъ еще въ семидесятыхъ годахъ, но время, протекшее съ тѣхъ поръ, только усилило указанное здѣсь экономическое движеніе: дворянство, какъ землевладѣльческій классъ, еще дальше отступило на задній планъ, и еще больше бывшихъ помѣщичьихъ земель очутилось въ рукахъ купечества и всякаго рода „спекулянтовъ“ съ одной стороны и въ рукахъ крестьянъ съ другой. Что касается крестьянъ, то помѣщичьи земли переходили въ ихъ руки двумя путями: богатые крестьяне,—наша сельская буржуазія—пріобрѣтали въ *собственность* болѣе или менѣе крупныя участки; бѣдняки же, побуждаемые созданной актомъ 1861 г. ирландской тѣснотой, *снимали* на короткіе сроки небольшіе участки, причемъ платили гг. помѣщикамъ чрезвычайно высокую ренту. Само собою понятно, что эти бѣдняки лишены были всякой экономической возможности завести на арендованныхъ клочкахъ сколько-нибудь улучшенное хозяйство. Они также точно „ковыряли“ арендованную землю, какъ „ковыряли“ свои надѣлы. Къ этому надо прибавить, что во многихъ мѣстахъ помѣщики, разлакомившись высокой рентой, не давали арендуемой крестьянами землѣ отдыхать подъ паромъ, и тѣмъ, разумѣется, очень быстро ее истощали. Что же касается завладѣвшихъ помѣщичьими землями „спекулянтовъ“ всѣхъ родовъ, видовъ и разновидностей, то они—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вели собственное хозяйство, а не ограничивались раздачей своей земли въ аренду деревенской бѣднотѣ—придерживались такихъ хищническихъ пріемовъ эксплуатаціи своей ^{земли} имѣній, что о рациональномъ земледѣліи въ нихъ не могло быть и рѣчи. Князь Васильчиковъ объясняетъ это невѣжествомъ нашей буржуазіи. Но подобное объяс-

неніе недостаточно, какъ показываютъ слѣдующія, его же собственныя слова: „Привыкнувъ въ спекулятивныхъ своихъ предпріятіяхъ къ быстрымъ, краткосрочнымъ оборотамъ, преслѣдуя и въ хозяйственномъ своемъ управленіи торговую систему извлеченія наибольшей непосредственной прибыли изъ затраченнаго капитала, купцы и евреи, концессионеры и строители желѣзныхъ дорогъ отличаются всѣми достоинствами отважныхъ предпринимателей, но и всѣми недостатками дурныхъ хозяевъ“. Это уже ближе къ истинѣ. Но это еще не истина. Вопросъ рѣшается здѣсь указаніемъ на привычку „спекулянтовъ“ къ быстрымъ оборотамъ и къ извлеченію высокой прибыли изъ затраченнаго капитала. Не трудно „привыкнуть“ къ хорошему барышу. Но ясно, что если, „отважные предприниматели“ имѣли экономическую возможность придерживаться своей „привычки“, то значить были въ общественной жизни такія условія, которыя дѣлали хищническую культуру болѣе доходной, чѣмъ раціональное земледѣліе. Князь Васильковъ обходитъ молчаніемъ эту сторону вопроса, а между тѣмъ отъ него-то и зависитъ его окончательное рѣшеніе.

Въ послѣднія тридцать лѣтъ русское правительство такъ усердно служило интересамъ торгово-промышленнаго капитала, что даже не очень „отважные“ предприниматели очень быстро наживались. Земледѣліе не могло приносить такихъ высокихъ доходовъ, какъ торговля или промышленность. Неудивительно, поэтому, что ни у кого не было охоты затрачивать капиталъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. И не только ни у кого не было охоты дѣлать это, но явилось противоположное стремленіе: высасывать всѣми возможными средствами капиталъ изъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій и превращать его, такъ сказать, въ жидкое состояніе съ тѣмъ, чтобы потомъ искать счастья въ торговлѣ или въ промышленности. Въ этомъ и заключается вся тайна сельско-хозяйственной практики „купцовъ и евреевъ, концессионеровъ и строителей желѣзныхъ дорогъ“.

Но, истощая землю, эти господа, разумѣется, подрывали ея производительность. Неурожаи учащались въ ихъ имѣніяхъ, какъ учащались они на земляхъ раздавленнаго государствомъ крестьянства. Постепенно приближался и,

наконецъ, наступилъ день разсчета. Ограбленная земля не въ силахъ приносить доходъ своимъ „отважнымъ“ владѣльцамъ, какъ раззоренный крестьянинъ не въ силахъ поддерживать раззорившее его государство.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ имѣніяхъ привилегированныхъ владѣльцевъ неурожай причиненъ былъ тѣмъ же самымъ истощеніемъ почвы, благодаря которому голодаютъ теперь десятки милліоновъ. Разница лишь въ путяхъ, приведшихъ къ неурожаю крестьянъ и „спекулянтовъ“. Спекулянты пришли къ нему путемъ быстрого набиванія кармана; крестьяне—путемъ постоянного, безостановочнаго оскудѣнія.

Я не стану распространяться о такихъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстныхъ проявленіяхъ хищничества, какъ истребленіе лѣсовъ, отъ котораго пострадала вся Россія, т. е., слѣдовательно, и люди совершенно въ немъ неповинные. Я обращаю ваше вниманіе, товарищи, лишь на одно явленіе, проливающее новый свѣтъ на современное положеніе русскаго крестьянина.

Припомните, какое значеніе имѣетъ для земледѣлія вывозъ зерна изъ деревень на внутренніе или иностранные рынки. Наука давно уже выяснила это. „Можно-ли думать — восклицалъ Либихъ — что богатая, плодородная страна, ведущая дѣятельную торговлю, которая въ теченіе десятилѣтій вывозитъ произведенія ея почвы въ видѣ скота и хлѣба, останется плодородной даже въ томъ случаѣ, если торговля не возвращаетъ ея почвѣ, въ видѣ удобренія, тѣхъ извлеченныхъ изъ нея составныхъ частей, которыхъ не можетъ возмѣстить атмосфера! Не должна-ли подобная страна придти въ положеніе нѣкогда богатой и плодородной Виргиніи, въ которой нельзя уже воздѣлывать ни пшеницы, ни табаку?“ *).

Все искусство земледѣлія сводится, по замѣчанію того же Либиха, къ возстановленію въ почвѣ равновѣсія, нарушаемаго питаніемъ растений. Но если это такъ, то не трудно понять, какое вліяніе могло имѣть на русское земледѣліе развитіе товарнаго производства, окончательно вытѣснившаго у насъ въ послѣднія тридцать лѣтъ ста-

*) Chemische Briefe, Heidelberg 1844, 22-er Brief, S. 279.

рое натуральное хозяйство. Чѣмъ болѣе развивалась внутренняя и внѣшняя торговля, тѣмъ больше хлѣба возилось изъ деревни. Въ то время, когда крестьянинъ жить при условіяхъ натурального хозяйства, на гумнѣ у cadaго мало-мальски зажиточнаго хозяина часто можно было найти старый, необмолоченный хлѣбъ, сохранившійся отъ неурожаевъ прежнихъ лѣтъ. Теперь о подобныхъ запасахъ крестьяне вспоминаютъ, какъ о чемъ-то совершенно баснословномъ. Теперь хлѣбъ есть товаръ, не долго залеживающійся въ деревнѣ. И несомнѣнно, что потребление людьми и домашними животными хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній очень значительно сократилось на мѣстѣ ихъ производства, вслѣдствіе развитія торговли, давшей возможность быстро превращать въ деньги каждую копну сѣна, каждый четверикъ хлѣба, а иногда и каждый горшокъ молока. Замѣчу мимоходомъ, что только благодаря этому обстоятельству и правительство могло выжимать изъ мужика гораздо больше, чѣмъ выжимало оно въ „доброе старое время“ натурального хозяйства. Только благодаря чрезвычайно быстрому развитію товарнаго производства правительство могло съ грѣхомъ пополамъ поддерживать свое грѣшное существованіе со времени севастопольскаго погрома. Но это же развитіе вело за собою не менѣе быстрое истощеніе русской почвы. Разсуждая отвлеченно, можно сказать, что легко было пособить этому горю, такъ какъ стоило только возстановлять указанное Либихомъ химическое равновѣсіе. Но въ томъ-то и дѣло, что крестьяне, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе бѣднѣвшіе, не имѣли необходимыхъ для этого средствъ, а „спекулянты“ предпочитали, какъ уже сказано, другія, болѣе выгодныя для нихъ затраты капиталовъ. Печальное предсказаніе Либиха сбылось, наконецъ, въ Россіи, какъ сбудется оно во всякой другой странѣ, поставленной въ такія же условія: русская почва стала, наконецъ, бесплодной.

Чтобы оживить ея истощенныя силы, чтобы возстановить нарушенное *химическое* равновѣсіе, надо поставить русское земледѣліе въ новыя общественныя условія, а это будетъ возможно только тогда, когда измѣнятся *экономическія* отношенія Россіи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Вѣроятныя послѣдствія голода.

Où il n'y a rien, le roi perd ses droits.

Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ усвоили странную манеру отзываться на животрепещущій теперь вопросъ о голодѣ. Они усердно и обстоятельно подсчитываютъ, какъ часто и какъ сильно голодалъ русскій крестьянинъ въ „прошлые вѣка“ *). Такія „изслѣдованія“ даютъ богатѣйшій фактическій матеріалъ для успокоительныхъ разсужденій на тему: „да онъ же привыкъ“! Въ самомъ дѣлѣ, „въ прошлые вѣка“ русскій „мужичекъ“ голодалъ часто и сильно, а вотъ помогъ же ему Господь дожить до нынѣшняго голода; стало быть, нечего отчаяваться: доживетъ и до... слѣдующей голодовки. Это, безспорно, очень отрадный выводъ. Бѣда лишь въ томъ, что онъ очень мало убѣдителенъ.

Въ „прошлые вѣка“ крестьянинъ жилъ совсѣмъ не при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, при которыхъ онъ живетъ въ настоящее время.

Въ „прошлые вѣка“ онъ велъ *натуральное* хозяйство, а теперь ведетъ хозяйство *денежное*.

*) *Неурожаи прошлаго вѣка*. (Публичная лекція П. В. Безобразова въ пользу голодающихъ, прочитанная въ аудиторіи Историческаго музея 22-го февраля). Лекторъ началъ свою лекцію съ общей картины неурожаевъ прошлаго вѣка. Какъ въ XVI и XVII вв. насчитывали по 8 неурожаевъ въ столѣтіе, такъ и въ XVIII вѣкѣ было не менѣе 8 крупныхъ недородовъ и голодовокъ. („Рус. Вѣд.“ 1892, № 53). Подобными подсчитываніями занимается не одинъ г. Безобразовъ.

Въ „прошлые вѣка“, при натуральномъ хозяйствѣ, у него оставались такіе запасы хлѣба, которые сильно облегчали ему борьбу съ бѣдствіемъ, и которыхъ не оказалось у него въ 1891 году.

Въ „прошлые вѣка“ русская почва была очень далека отъ того истощенія, которое замѣчается въ ней въ настоящее время.

Да и самъ крестьянинъ въ „прошлые вѣка“ былъ, не смотря на всѣ сыпавшіяся на него невзгоды, еще очень далекъ отъ полной экономической безпомощности, составляющей его характеристическую особенность въ наши дни.

Слѣдовательно, примѣръ „прошлыхъ вѣковъ“ еще ровно ничего не доказываетъ по отношенію къ настоящему времени. Въ „прошлые вѣка“ голодовки вели за собой *одни* послѣдствія, теперь ведутъ совершенно *другія*.

Если ужъ обращаться къ „прошлымъ вѣкамъ“, то лучше всего сравнить положеніе французскаго крестьянина временъ „старого порядка“ съ нынѣшнимъ положеніемъ русскаго „мужичка“.

„Опустошенія, вносимыя въ крестьянскую среду переходомъ отъ натурального хозяйства къ хозяйству денежному, которое представляетъ собою необходимое условіе возникновенія внутренняго рынка для промышленнаго капитала, классически изображены Буагильберомъ и Вобаномъ на примѣрѣ Франціи времени Людовика XIV. Но то, что происходило тамъ, оказывается совершенными пустяками по сравненію съ тѣмъ, что происходитъ въ Россіи. Здѣсь, во-первыхъ, пропорціи указаннаго явленія втрое или вчетверо больше, а во-вторыхъ, измѣненіе условій производства ...совершается несравненно быстрѣе и рѣшительнѣе. Французскій крестьянинъ медленно вовлекался въ сферу вліянія мануфактуры, русскій—сразу попадаетъ въ водоворотъ крупной промышленности. Если мануфактура била крестьянъ кремневымъ ружьемъ, то крупная промышленность вооружается противъ нихъ—новѣйшимъ магазиннымъ“ *).

*) Фридрихъ Энгельсъ, *La carestia in Russia*.

Но разрушеніе старыхъ экономическихъ отношеній Россіи означаетъ разложеніе той исторической почвы, на которой выросъ и укрѣпился нашъ политическій строй. И чѣмъ скорѣе совершается *экономическая эволюція*, тѣмъ быстрѣе близится время *политическаго переворота*.

Нанося послѣдній ударъ старой экономіи Россіи, нынѣшнее бѣдствіе является въ то же время *агоніей царизма*.

Что дѣлаетъ, что можетъ сдѣлать царизмъ въ борьбѣ съ голодомъ?

Вамъ извѣстно, товарищи, что царское правительство старалось поддержать населеніе пострадавшихъ губерній выдачей ссудъ на продовольствіе и на обсемененіе полей, а также и организаціей „общественныхъ работъ“. Всѣмъ извѣстно, какъ мало соотвѣтствуютъ размѣры правительственной помощи размѣрамъ народной нужды. Но я не буду останавливаться на этомъ. Я предположу, что правительство дало бѣдствующему народу не только все то, что оно *могло дать*, но также и все то, что *надо было дать* ему при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Другими словами, я предположу, что съ этой стороны, со стороны *количественной* оцѣнки его помощи народу, намъ совершенно нельзя упрекнуть въ чемъ бы то ни было правительство Его Величества. Но въ то же время я прошу васъ обратить вниманіе на *качественную* сторону дѣла.

Потрудитесь вдуматься въ смыслъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ февралѣ текущаго года газеты напечатали слѣдующій циркуляръ Курскаго губернатора г. фонъ-Валя ко „ввѣреннымъ“ ему земскимъ начальникамъ.

„Крестьянамъ Рождественской волости, Курскаго уѣзда, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая, были предоставлены, съ цѣлью обезпечить необходимое пропитаніе ихъ семействъ, работы по распилкѣ дровъ на Курско-киевской желѣзной дорогѣ, съ платою по одному рублю отъ сажени безъ колки, но со складомъ въ кубы. Упомянутые крестьяне 14 декабря въ числѣ 58 человѣкъ явились въ слободу Ямскую, Курскаго уѣзда, на линію Курско-киевской желѣзной дороги и начали работы, но, проработавъ четыре дня, не захотѣли продолжать работъ и ушли домой.

„По произведенному дознанію оказалось, что упомянутые крестьяне въ теченіе четырехъ дней распилили только 32 куба дровъ, работали неусердно, проводя большую часть времени въ совѣщаніяхъ о невыгодности работъ, и ушли домой, признавъ плату въ одинъ рубль слишкомъ низкою.

„Между тѣмъ за ту же работу на дровяныхъ дворахъ г. Курска уплачивается только 75 к., а на той же желѣзной дорогѣ до сего времени вольнымъ рабочимъ платилось 80 к.

„Принимая во вниманіе, что тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о пропитаніи себя и своихъ семействъ, разсужденіе о выгодности или невыгодности работъ представляется неумѣстнымъ, а самовольное оставленіе работъ, по лѣности и нерадѣнію—преступнымъ, что другіе крестьяне на той же дорогѣ пилятъ дрова по 80 коп. отъ кубической сажени, находя эту плату вполне достаточною,—я призналъ необходимымъ, въ примѣръ прочимъ, наказать ушедшихъ съ работъ крестьянъ выдержаніемъ ихъ при полиціи въ г. Курскѣ по десяти сутокъ каждаго на хлѣбѣ и водѣ, о чемъ и сдѣлалъ надлежащее распоряженіе, предписавъ полицмейстеру высылать этихъ крестьянъ во время ареста каждый день подъ конвоемъ на оставленныя ими работы по распилкѣ дровъ на Курско-кѣвской желѣзной дорогѣ въ слободу Ямскую, съ тѣмъ, чтобы эти работы они производили подъ строгимъ надзоромъ мѣстной полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я распорядился, чтобы изъ получаемой платы за сію работу отдѣлялась часть на содержаніе арестованныхъ, съ выдачею имъ хлѣба по 3 или 3¹/₂ фунта каждому въ день, а остальная часть представлялась мнѣ для отсылки мѣстному земскому начальнику на нужды вдовъ и сиротъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ упомянутые крестьяне. Независимо отъ того, мною предложено курской уѣздной земской управѣ, чтобы крестьянамъ, ушедшимъ съ работъ, и тѣмъ, которые не пожелаютъ въ будущемъ отправиться на работы, отнюдь не выдавались продовольственные ссуды.

„Сообщая объ изложенномъ земскимъ начальникамъ пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ Курской губерніи, прошу ихъ объявить о настоящемъ случаѣ ухода крестьянъ съ работъ и о всѣхъ сдѣланныхъ мною по сему пред-

мету распоряженіяхъ на сельскихъ сходахъ тѣхъ обществъ, которымъ выдаются или предназначаются къ выдачѣ продовольственныя ссуды, предваривъ ихъ, что, если кто либо изъ членовъ сихъ обществъ не пожелаетъ воспользоваться предоставляемою имъ работою для ихъ личнаго и ихъ семействъ пропитанія,—тотъ, во-первыхъ, лишится права на полученіе продовольственной ссуды для себя и семьи, если бы даже въ томъ крайне нуждался, а во-вторыхъ, будетъ отправленъ въ Курскъ для ареста на общественныя работы по моему распоряженію, какъ это сдѣлано съ крестьянами Рождественской волости, Курскаго уѣзда“.

Логическаго смысла въ этомъ циркулярѣ, какъ видите, очень немного. „Принимая во вниманіе, что тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о пропитаніи себя и своихъ семействъ, разсужденіе о выгодности или невыгодности работъ представляется неумѣстнымъ...“—но для человѣка, живущаго своимъ трудомъ, вопросъ всегда и неизмѣнно идетъ „о пропитаніи себя и своего семейства“. Что же, стало быть, человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, совсѣмъ не имѣетъ права разсуждать о выгодности или невыгодности работъ. т. е., слѣдовательно, и о возможности пропитанія работою „себя и своего семейства“? Изъ словъ г. фонъ-Валя слѣдуетъ, что—да. Относившіяся къ этому предмету разсужденія курскихъ пильщиковъ показались ему „преступными“. Ну, а графъ Л. Толстой, занимавшійся когда-то пилкой дровъ съ гигиенической цѣлью, тотъ очевидно имѣлъ полное право разсуждать о выгодности или невыгодности такого занятія? Вѣдь, для него вопросъ шелъ совсѣмъ не „о пропитаніи себя и своего семейства“. Опять выходитъ, что—да. Но въ такомъ случаѣ оказывается, что интересоваться высотой заработной платы имѣютъ право только тѣ люди, которые въ ней совсѣмъ не нуждаются, и которымъ, по-этому, высота ея вовсе не интересна. Это очень странная теорія! Самъ г. курскій губернаторъ едва-ли рѣшится отстаивать ее въ ея чистомъ видѣ. Но дѣло въ томъ, что въ этихъ удивительныхъ строкахъ г. фонъ-Валь вовсе не думалъ высказывать какую бы то ни было теорію. Онъ написалъ вздоръ просто по невѣжеству и безграмотности, какъ написалъ его Александръ III, заговорившій въ извѣстномъ рескриптѣ на имя наслѣдника престола о „недородѣ“

хлѣбныхъ произведеній“ (т. е., стало быть, кренделей, булокъ, бубликовъ, сухарей, хлѣбныхъ ковригъ и т. п.). Логическаго смысла очень мало въ доводахъ г. фонъ-Валѣ, но это не мѣшаетъ его циркуляру имѣть совершенно ясное и опредѣленное *общественное значеніе*. Этотъ циркуляръ показываетъ, что правительственная заботливость о голодающемъ обывателѣ лишаетъ этого несчастнаго „всѣхъ правъ состоянія“ и превращаетъ его въ общественнаго раба, трудомъ и временемъ котораго могутъ безконтрольно распорядиться всѣ безъ исключенія большіе и малые помпадуръ.

Г. фонъ-Валь далеко не являетъ собою чего нибудь исключительнаго. Его нельзя назвать даже первымъ между равными. *Онъ такой же, какъ и всѣ*. Въ чемъ уступаетъ ему, напримѣръ, нижегородскій губернаторъ г. Барановъ? Въ первомъ же гласномъ засѣданіи нижегородской продовольственной комиссіи онъ высказалъ слѣдующую программу помощи голодающимъ: „Въ уѣздахъ и городахъ губерніи существуетъ у отдѣльныхъ лицъ и формирующихся негласныхъ кружковъ наклонность (!) собирать въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая пожертвованія и раздавать ихъ нуждающимся самостоятельно (какой ужасъ!). Не говоря уже о томъ, что эта форма благотворительности не подвергается необходимому контролю (а почему вы знаете, что *не* подвергается?), надо имѣть въ виду, что она не можетъ достигать своего назначенія (?!). Вслѣдствіе этого, предполагается сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы никто въ губерніи безъ спеціальнаго разрѣшенія не имѣлъ права собирать пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая и раздавать полученныя суммы помимо съ этою цѣлью въ губерніи организованныхъ учрежденій (одно изъ двухъ: если обыватели *имѣли* прежде это „право“, то вы, г. Барановъ, не „*имѣли права*“ лишить ихъ его, и, для пользованія имъ, они не нуждались ни въ какихъ „спеціальныхъ разрѣшеніяхъ“; если же права этого у нихъ *не было*, то излишне было „дѣлать распоряженія... чтобы никто не имѣлъ права“ и т. д. Все та же безграмотность, органически сросшаяся съ нашими помпадурями!). Вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимость воспретить (!) лицамъ, желающимъ получить продоволь-

ственную помощь, обращаться непосредственно въ какія бы то ни было учрежденія, завѣдующія сборомъ и распредѣленіемъ пособій пострадавшимъ отъ неурожая помимо своего ближайшаго и непосредственнаго начальства“. Но это еще не все. Присяжный повѣренный Садовскій изъяснилъ губернской земской управѣ отъ имени неизвѣстнаго лица желаніе взять на прокормленіе одну изъ пострадавшихъ деревень. Выборъ палъ на деревню Адашево. Тогда „Н. М. Барановъ,—разсказываетъ журналъ засѣданія коммисіи отъ перваго декабря 1891,—заявилъ, что онъ поручилъ мѣстному земскому начальнику тщательно блюсти, чтобы прокормленіе крестьянъ сказаннаго селенія на средства неизвѣстнаго жертвователя совершалось правильно и, не отличаясь въ лучшую сторону отъ прокормленія нуждающихся на казенную ссуду, въ то же время не было и хуже его“.

„Вѣстникъ Европы“ замѣчаетъ, что взглядъ нижегородской продовольственной коммисіи можно резюмировать такъ: „вызывать частную благотворительность въ эпоху общественнаго бѣдствія не слѣдуетъ, а когда она проявляется сама собою, ее нужно взять подъ надзоръ и подвергнуть строгой регламентаціи“. Это вѣрно. Но съ другой стороны, надо быть справедливымъ даже по отношенію къ русской бюрократіи. Отъ нея (или отъ „правительства“, что все равно) требуютъ помощи, ждутъ благотѣлительныхъ распоряженій. Она и помогаетъ, она и распоряжается. При этомъ она, разумѣется, не можетъ измѣнить своей природы, да и не видитъ въ этомъ ни малѣйшей надобности. Она дѣйствуетъ и распоряжается такъ, какъ можетъ дѣйствовать и распоряжаться бюрократія, унаслѣдовавшая всѣ привычки и всѣ преданія самаго полицейскаго изо всѣхъ возможныхъ полицейскихъ государствъ. „Теперь, во время бѣдствія,—говоритъ г. Барановъ,—земскій начальникъ долженъ быть рукою Провидѣнія, спасающаго отъ бѣды“. Подобныя притязанія, разумѣется, хватаютъ черезъ край. Но можно-ли сказать, что они непонятны? Судьба страны издавна находится въ безконтрольномъ распоряженіи правительства. Не удивительно, что его чиновники считаютъ себя чуть не богами!

„Когда наступаетъ моментъ, въ который уже не до

теорій, ибо сама жизнь настоятельно требуетъ дѣйствія, —какъ въ прошломъ и настоящемъ году,—государство совершенно естественно выпрямляется во весь свой историческій ростъ и начинаетъ распоряжаться всѣмъ съ такою же легкостью и силой, какъ при Московскихъ Царяхъ, какъ при Петрѣ, Екатеринѣ, Николаѣ, какъ всегда, когда считало нужнымъ распоряжаться“.

Такъ разсуждаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 37), и хотя свойственное имъ представленіе о распорядительности полицейскаго государства нѣсколько своеобразно, несомнѣнно, однако, что онѣ мѣтко опредѣляютъ сущность дѣла. Полицейское государство „выпрямляется во весь свой историческій ростъ и начинаетъ распоряжаться всѣмъ... какъ при Московскихъ царяхъ, какъ при Петрѣ, Екатеринѣ, Николаѣ, какъ всегда, когда считало нужнымъ распоряжаться“. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ, что при тѣхъ отношеніяхъ къ обывателямъ, которыя съ давнихъ поръ вошли въ привычку у нашего правительства, всякая забота о народномъ благѣ понимается имъ въ смыслѣ самага безцеремоннаго вмѣшательства въ народную жизнь и дѣятельность. И чѣмъ больше „выпрямляется“ полицейское государство, тѣмъ безцеремоннѣе, тѣмъ безтолковѣе и тѣмъ невыносимѣе становится его вмѣшательство.

Въ началѣ марта появилась въ русскихъ газетахъ слѣдующая телеграмма:

„*Луганскъ*, 6-го марта. Надъ расчисткой пути нашей дороги работало до 5,000 человекъ поденно-рабочихъ, большая часть которыхъ явилась на работу при посредствѣ полиціи. Плата доходила“ и проч. Плата была не дурна, но не въ томъ дѣло. Замѣчательно то, что полиція и здѣсь была „рукою Провидѣнія, спасающаго отъ бѣды“... не знаемъ въ точности кого: рабочихъ или желѣзно-дорожное начальство. Если бы дѣла пошли дальше въ томъ же направленіи, то скоро вся наша экономическая жизнь попала бы подъ полицейскій надзоръ, и рускіе производители трудились бы не иначе какъ „*при посредствѣ полиціи*“. Ожидать отъ полицейскаго „Провидѣнія“ чего-нибудь, кромѣ превращенія голодающихъ въ без-

правныхъ рабовъ, было бы также наивно, какъ надѣяться, что на вербѣ вырастутъ груши.

Но если уже теперь, когда кризисъ, собственно говоря, только что начался, наше полицейское государство гораздо больше угнетаетъ народъ, чѣмъ поддерживаетъ его въ бѣдѣ, гораздо больше „распоряжается“, вредить и путаетъ, чѣмъ помогаетъ, то каковы же блага, которыя можетъ оно обѣщать намъ въ будущемъ?

Повторяю, кризисъ только что начался. Если 1892 годъ еще не былъ послѣднимъ годомъ русскаго самодержавія, то это ни мало не улучшить безнадежнаго положенія царскаго правительства. Нынѣшній голодъ, окончательно раззоривъ крестьянскую массу, страшно понизить производительность русскаго земледѣлія и еще болѣе увеличить его зависимость отъ всякаго рода неблагопріятныхъ случайностей. Неурожаи станутъ повторяться еще чаще, чѣмъ прежде, а мы видѣли, что и прежде они повторялись убійственно часто: въ промежутокъ времени отъ 1880 до 1890 г. въ обширной, богатѣйшей отъ природы мѣстности на 4 урожая пришлось 7 неурожаевъ. Но эта мѣстность вовсе не находилась въ какомъ-нибудь исключительно плохомъ положеніи. Вся русская почва истощена до такой степени, что, при нынѣшнихъ условіяхъ земледѣлія, не можетъ уже давать хорошихъ урожаевъ. Къ сожалѣнію, можно съ увѣренностью сказать, что только счастливая случайность спасла въ 1891 году западную половину Россіи отъ голода. Эта половина раззорена не менѣе восточной. „Невеселыя вѣсти получаютъ... изъ уѣздовъ,—говоритъ корреспондентъ „Рус. Вѣдом.“ о Кіевской губерніи. У большинства крестьянъ хлѣба не только на сѣмена, но и на продовольствіе, также какъ и корма для скота, нѣтъ. Для кулаковъ настало самое благопріятное время: скотъ крестьянъ идетъ за безцѣнокъ въ ихъ руки. Это брасалось въ глаза во время послѣдней ярмарки. Скотъ продавали не крестьяне, а „барышники“ (1892, № 72). *Видѣть это уже голодъ.* А будущее несетъ съ собой еще болѣе тяжелыхъ невзгоды. Озимые плохи во всемъ юго-западномъ краѣ. Нельзя будетъ удивляться, поэтому, если будущую осень потребуется правительственная помощь населенію этого края. Положеніе кре-

стьянъ сѣверо-западныхъ губерній давно извѣстно: они едва-ли даже и знаютъ, что значить *не* голодать. Все это ясно показываетъ, что мы находимся вотъ въ какомъ положеніи: „*спасать отъ бѣды*“ *русскаго крестьянина* правительство можетъ не иначе, какъ цѣликомъ взявъ на себя его содержаніе и отдыхая отъ исполненія этой тяжелой обязанности лишь въ рѣдкіе-рѣдкіе теперь урожайные годы. Но это явная экономическая невозможность. Какъ же будетъ правительство содержать тотъ самый народъ, на счетъ котораго оно существуетъ? Чтобы помочь кому-нибудь,—напримѣръ, доблестному дворянству или почтенному купечеству—правительство должно предварительно обобрать народъ. Ну, а когда съ народа брать нечего, тогда и правительство рѣшительно никому помочь не въ состояніи: не только народу, но и самому себѣ. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, съ усердіемъ вполнѣ достойнымъ лучшей участи, правительство рубило вѣтку, на которой сидѣло. Теперь работа его пришла къ концу; вѣтка подрублена; но вмѣстѣ съ нею должно пасть и правительство. *Où il n'y a rien, le roi perd ses droits* *).

Другого выбора нѣтъ и быть не можетъ: Россія должна вырвать свою судьбу изъ рукъ обанкротившагося царизма, или погибнуть отъ полнаго экономическаго истощенія. Не утописты-мечтатели подсказываютъ ей ея политическую программу. Ее навязываетъ неумолимая сила экономической необходимости. И всѣ обстоятельства, какъ нарочно, складываются такъ, что даже самые тупые и неразвитые люди не могутъ не понять преимуществъ этой программы.

Какъ я уже сказалъ, русское государство издавна было самымъ дорогимъ государствомъ въ мірѣ. Самымъ дорогимъ, во-первыхъ, въ смыслѣ отношенія налоговъ къ производительнымъ силамъ страны, а во-вторыхъ — въ смыслѣ безотносительной стоимости каждаго отдѣльнаго отправленія государственнаго тѣла. Я уже не говорю о „хищеніяхъ“, доставившихъ всемірную славу нашему чиновничеству. Я имѣю въ виду лишь столь обычную у насъ, нелѣпую и часто совершенно непроизводительную

*) Тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, король теряетъ свои права.

трату казенных денег. Дорого и скверно—вот нелюбимая характеристика, подходящая решительно ко всему, что делал и делает царизм для России **). А между тем, он пользовался до сих пор самыми искренними симпатиями со стороны буржуазии, которая, казалось бы, должна была иметь сильную склонность к „дешевому правительству“. Чем объясняется эта странность?

**) „Военная смета, бывшая в 1858 году не свыше 89 мил. руб.,—замечает автор уже цитированных мною „Исторических очерков России“, в 1875 г. превосходила уже 175 мил., т. е. возросла в 17 лет на 97⁰/₁₀₀. и за все тем к началу войны 1877 года русская армия была вооружена хуже турецкой, почему и понесла от нея несколько поражений“. „Непроизводительность многих издержек по флоту, продолжает тот же автор, всего лучше видна из того, что флот этот остался без дела в единственную войну, какую вела Россия с 1855 г. с морскою державою. И что всего хуже: те суда, которые находились на театре войны, как знаменитые поправки, оказались негодными для службы, так что вместо специально-построенных боевых судов пришлось нанять торговые и их приспособить для военно-морской службы. Если бы подобное расходование денег—а их израсходовано в 23 года (1855—1877) до 480 мил. рублей—имело место в частном предприятии, то конечно даже самые сонные акционеры низвергли бы дирекцию; но у нас морское ведомство продолжало благополучно существовать и делать издержки самого непроизводительного свойства“. Даже в „охранительной“ прессе не редко можно встретить очень недвусмысленные признания на счет обычного у нас негигиенического образа действий администрации. Когда министром путей сообщения сделался г. Витте, „Московскія Вѣдомости“ „с искреннею радостью“ приветствуя его назначение, так характеризовали положение дела во вверенной ему отрасли государственного хозяйства: „Грѣхи, накопившіеся в теченіе долгихъ лѣтъ в нашемъ желѣзно-дорожномъ ведомствѣ, отзывались жестокимъ образомъ на всей Россіи в настоящую и безъ того тяжелую неурожайную годину. Нуждавшееся въ пропитаніи населеніе семнадцати губерній едва ли не осталось безъ хлѣба вслѣдствіе того, что желѣзныя дороги не только не ускорили, но даже совершенно затормозили доставку ему хлѣба изъ урожайныхъ мѣстностей Кавказа. Потребовалось отправленіе другого энергичнаго и „прямолинейнаго“ человѣка, полковника фонъ-Вендриха, въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, для немедленнаго изслѣдованія и быстраго устраненія тѣхъ причинъ, которыя грозили Россіи неслыханнымъ бѣдствіемъ. Полковникъ фонъ-Вендрихъ блестящимъ образомъ исполнилъ возложенную на него задачуно могъ достигнуть этого лишь цѣною тяжелыхъ жертвъ, которыхъ онъ потребовалъ отъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ и которыя, разумѣется, въ концѣ концовъ чувствительно отзовутся на нашихъ государственныхъ финансахъ“ (№ 48). На кого же падаетъ ответственность за грѣхи, накопившіеся в нашемъ желѣзно-дорожномъ ведомствѣ? „Московскія Вѣдомости“ отвѣчаютъ категорически: ...„Въ данномъ случаѣ

Дѣло въ томъ, что наше самодержавное правительство стоило дорого *только народу*, т. е. *только трудящейся массѣ*, которая и расплачивалась за жадность и неумѣлость бюрократіи. Что же касается привилегированныхъ слоевъ населенія,—между которыми, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ буржуазія занимала первое мѣсто,—то для нихъ оно было чрезвычайно выгоднымъ правительствомъ. Оно не только не обременяло ихъ налогами, но создавало для нихъ самые постыдные иммунитеты. Такъ, напримѣръ, оно запретило земствамъ облагать фабрики по степени ихъ доходности, предоставивъ брать налогъ лишь съ фабричныхъ зданій, соотвѣтственно ихъ наемной цѣнѣ. Рядомъ съ иммунитетами шло открытое наполненіе бездонныхъ буржуазныхъ кармановъ посредствомъ всякаго рода „субсидій“ и „гарантій“. Такимъ образомъ, все было къ лучшему въ самомъ лучшемъ изъ государствъ, все устраивалось къ обоюдной выгодѣ правительства и буржуазіи: предприниматели богатѣли, а царь не безъ основанія видѣлъ въ нихъ надежнѣйшую опору своего трона.

Какъ видите, товарищи, эта политическая идиллія выросла на почвѣ простого торговаго разсчета. Но торговый разсчетъ, которымъ прекрасно объясняется ея *происхождение*, ни мало не обезпечиваетъ ея *долговѣчности*. Нѣжность всероссійскаго купечества къ царизму безъ слѣда исчезнетъ въ тотъ день, когда оно увидитъ, что существующій теперь политическій порядокъ, когда-то очень

главная часть вины падаетъна бывшаго министра Путей Сообщенія, который, зная съ іюня мѣсяца состояніе нашего урожая и предвидя усиленное передвиженіе хлѣбныхъ грузовъ съ Кавказа въ центральную Россію, счелъ возможнымъ предаваться отдыху въ іюлѣ и въ августѣ, а затѣмъ заниматься совершенно безплодной борьбой съ Министерствомъ Финансовъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточить все свое вниманіе и всю свою энергію на усиленіи и развитіи перевозочныхъ средствъ нашихъ южныхъ дорогъ и на своевременномъ предотвращеніи того желѣзно-дорожнаго хаоса, который теперь приходится распутывать съ такими неимоверно тяжкими жертвами“.

Что сказать о такомъ политическомъ порядкѣ, при которомъ десятки милліоновъ людей рискуютъ умереть голодной смертію вслѣдствіе того, что предлагается несвоевременному отдыху министръ, отвѣтственный лишь „передъ богомъ и государемъ“? Не слѣдуетъ ли сдѣлать министровъ отвѣтственными *передъ странюю*, существенно заинтересованной въ ихъ дѣятельности?

полезный и даже прямо необходимый для него, сдѣлался источникомъ его раззоренія.

Этотъ день уже недалекъ отъ насъ. Извѣстно, какъ тяжело отозвался голодъ на состояніи нашей промышленности. Фабрики сократили производство, многія изъ нихъ вовсе остановились, банкротства быстро послѣдовали одно за другимъ, среди предпринимателей раздались жалобы на огромные убытки. И на этотъ разъ жалобы ихъ не были притворны. Всецѣло уничтоживъ покупательную силу пострадавшихъ отъ него земледѣльцевъ, неурожай естественно повелъ за собой недостатокъ внутренняго сбыта, а извѣстно, что значитъ недостатокъ внутренняго сбыта для русскаго промышленника. Буржуазіи пришлось дорого платиться за то безстыдное расхищеніе народнаго достоянія, которому она усердно предавалась въ союзѣ съ правительствомъ и подъ его руководствомъ. По глубоко вкоренившейся привычкѣ она требуетъ помощи отъ своего стараго испытаннаго союзника, но чѣмъ тяжелѣе ея положеніе и чѣмъ серьезнѣе ея требованія, тѣмъ сильнѣе будетъ и тѣмъ скорѣе придетъ ея неизбѣжное разочарованіе. Ея союзникъ самъ находится, какъ мы уже видѣли, при послѣднемъ издыханіи. И такъ какъ съ голоднаго народа ему брать уже нечего, то ему поневолѣ придется протянуть руку къ кошельку буржуазіи. А подобное посягательство съ его стороны сразу откроетъ буржуазіи глаза на преимущества „*правоваго порядка*“. Тогда она заговоритъ о правахъ человѣка и гражданина, о народномъ благѣ, о свободѣ, о самоуправленіи. „Человѣкъ“ нападаетъ на несправедливость не потому, что самъ онъ не хотѣлъ бы поступать несправедливо, а потому, что онъ боится, какъ бы съ нимъ не поступили такимъ образомъ“,—говоритъ Фризимахъ у Платона. Наша буржуазія только рукоплескала правительству, когда оно, грабя народъ, дѣлилось съ ней добычей. Она вовсе не боялась поступать „*несправедливо*“. Но когда правительственная „*несправедливость*“ станетъ грозить ея собственнымъ интересамъ, она немедленно окажется горячей сторонницей „*справедливости*“. Вы берете мои деньги, скажетъ она правительству. Я согласна, что это необходимо въ настоящее трудное время. Но я желаю знать, куда идутъ онѣ. Я тре-

бую отчета. И не такого отчета, какой вы давали странѣ до сихъ поръ. Такой отчетъ не болѣе какъ насмѣшка. Я хочу, чтобы вы не позволяли себѣ никакихъ другихъ тратъ кромѣ тѣхъ, которыя будутъ одобрены и разрѣшены представителями народа, т. е. мною. Я хочу имѣть отвѣтственныхъ министровъ. Я требую конституціи.

Далѣе, чтобы спасти самое себя отъ неминуемаго раззоренія, чтобы обезпечить своимъ издѣліямъ сбытъ внутри страны, буржуазія необходимо должна потребовать передѣлки тѣхъ общественныхъ условій, при которыхъ совершался до сихъ поръ земледѣльческій трудъ въ Россіи, и благодаря которымъ Россія стала страной голода. Она вынуждена будетъ думать о земледѣльцѣ, дать ему матеріальную возможность бороться съ неблагопріятными физическими вліяніями, возможность сѣять *хлѣбъ*, а не *олодъ*. Ей, въ ея собственныхъ интересахъ, придется добиваться серьезныхъ экономическихъ *реформъ*. Разумѣется, она будетъ смотрѣть на эти реформы со свойственной ей, *буржуазной*, точки зрѣнія. Ей будетъ важно не благосостояніе *трудящейся массы*, а увеличеніе *суммы*, такъ называемаго, *народнаго богатства*, т. е. богатства *присвоителей*, а не *производителей*. Въ своей реформаторской дѣятельности она будетъ руководиться моралью притчи о талантахъ или—что то же—правиломъ: если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если-жъ мало, то и это очень малое возьмутъ. Но несомнѣнно, что ей *придется* заговорить о реформахъ, а разъ заговоривъ о нихъ, она по необходимости станетъ въ отрицательное отношеніе къ существующему теперь политическому порядку.

Позвольте мнѣ, товарищи, пояснить мою мысль при-
мѣромъ, взятымъ изъ такой области, которая пользуется большимъ, чтобы не сказать исключительнымъ, вниманіемъ со стороны нашей болѣе или менѣе „передовой“ литературы, и которая несмотря на это, до сихъ поръ остается темной для многихъ и многихъ защитниковъ народныхъ интересовъ. Я говорю о нашихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Какъ отразится на нихъ нынѣшній голодъ? Фридрихъ Энгельсъ, въ статьѣ, изъ которой я заимствовалъ эпиграфъ моего перваго письма, говоритъ, что голодъ „ускоритъ разложеніе старой сельской общины, обо-

гащеніе кулаковъ, превращеніе ихъ въ крупныхъ земле-
владѣльцевъ и вообще переходъ земли изъ рукъ дворянъ
и поселянъ въ руки новой буржуазіи“ (nelle mani della
nuova borghesia). Я понимаю, товарищи, тяжело сознавать;
что и нынѣшнее бѣдствіе народа послужить на пользу
буржуазіи, которая, какъ мы видѣли, не мало въ немъ
виновата. Но, во-первыхъ, вѣрные правиламъ научнаго
изслѣдованія, мы рѣшились объективно разсматривать
современное состояніе Россіи и его вѣроятныя послѣд-
ствія, не позволяя себѣ малодушно закрывать глаза на
непріятныя для насъ явленія; а во-вторыхъ, положеніе
нашего крестьянина было до такой степени печально при
старомъ экономическомъ порядкѣ, что его уже не можетъ
ухудшить новое торжество буржуазіи. Напротивъ, ея но-
вое торжество во многихъ отношеніяхъ даже улучшить
его, такъ какъ оно прекратитъ, наконецъ, крѣпостную за-
висимость крестьянина отъ государства. Впрочемъ, объ
этомъ мы поговоримъ въ третьемъ письмѣ. Тамъ мы уви-
димъ, въ какое отношеніе мы должны будемъ стать къ
торжествующей буржуазіи. Теперь же, чтобы не откло-
няться отъ предмета, я прошу васъ вдуматься въ тѣ *по-
литическія* послѣдствія, которыя повлечетъ за собою пе-
реходъ крестьянской земли *„въ руки новой буржуазіи“*.

Захвативъ эту землю въ свои руки, буржуазія, конечно,
будетъ воздѣлывать ее гораздо лучше, чѣмъ воздѣ-
лывали старые владѣльцы: это будетъ и необходимо, и
вполнѣ возможно для нея. *Необходимо*—потому, что самое
истощеніе почвы дѣлаетъ убыточной дальнѣйшую хищни-
ческую ея эксплуатацію; возможно—потому, что буржуазія
обладаетъ значительными денежными средствами *). Та-
кимъ образомъ подымется производительность русскаго
земледѣльческаго труда, и общая сумма національнаго
богатства увеличится. Но вы знаете, что, привязавъ крестья-

*) Какъ ни истощена теперь русская почва, но при улучшенныхъ спосо-
бахъ обработки она, разумѣется, вполнѣ способна давать совершенно удо-
влетворительные урожаи. О ней можно сказать тоже то, что говорить у
г. Эртеля въ „Сибѣ“ „временный второй гильдіи купецъ“ Прытковъ объ
имѣніи гг. Мансуровыхъ: „Видимость-то такая, что надо сдать по са-а-амой
минимальной цѣнѣ, а, между прочимъ, въ рукахъ она во всѣхъ смыслахъ
достигнетъ преображенія“.

янина къ кусочку пашни, правительство брало у него, въ видѣ податей, нерѣдко гораздо больше того, что могъ бы принести такой клочекъ даже при улучшенномъ воздѣлываніи. Отдавши государству все, что приносила ему земля, крестьянинъ долженъ былъ прибавлять къ этому часть полученной на сторонѣ заработной платы. Но положимъ, что такъ бывало только въ исключительныхъ случаяхъ. Положимъ, что вообще дѣло ограничивалось тѣмъ, что въ казну поступала вся та часть дохода съ крестьянской земли, которая соотвѣтствуетъ рентѣ и прибыли между тѣмъ какъ земледѣльцу доставалась часть, соотвѣтствующая заработной платѣ (и притомъ, во всякомъ случаѣ, очень низкой платѣ). Пока земли оставались въ рукахъ крестьянъ, такой порядокъ вещей до поры до времени (т. е. до времени полного раззоренія крестьянскаго хозяйства) не былъ экономической невозможностью. Крестьянинъ громко стоналъ подъ тяжелымъ податнымъ бременемъ, но онъ, соединяя въ своемъ лицѣ и работника, и предпринимателя, все-таки могъ продолжать такое хозяйство, весь доходъ съ котораго ограничивался для него очень невысокой заработной платой. Но едва крестьянскія земли перейдутъ въ руки буржуа, т. е. капиталистовъ, подобный порядокъ окажется совершенно невозможнымъ. Капиталистъ не можетъ довольствоваться той частью дохода, которая соотвѣтствуетъ *заработной платѣ*: эту часть онъ отдаетъ своимъ работникамъ. Онъ долженъ получить известную *прибыль*, которую онъ, подъ страхомъ раззоренія, вынужденъ отстаивать отъ правительственныхъ посягательствъ. Но этого мало. Капиталистъ-землевладелецъ не можетъ удовольствоваться даже и тою частью приносимаго земель дохода, которая соотвѣтствуетъ заработной платѣ въ соединеніи съ прибылью, и изъ которой у него въ рукахъ остается собственно только прибыль. Вѣдь прибыль даннаго уровня принесло бы и хозяйство на арендованной землѣ или какое-нибудь промышленное предпріятіе. А онъ не только предприниматель, онъ также и землевладѣлецъ. Въ качествѣ землевладѣльца онъ хочетъ получать *поземельную ренту*, и онъ никогда не уживется въ мирѣ съ такимъ государствомъ, которое станетъ брать у него, въ видѣ налога, всю по-

земельную ренту. Буржуа-землевладѣлецъ далеко не такая удобная для государства и далеко не такая покладистая „платежная сила“, какою является „мужичекъ“. Если данный участокъ, приносящій, положимъ, 30 четвертей ржи, принадлежит „мужичку“, то на него можно навалить налогъ, соотвѣтствующій, скажемъ, 20 четвертямъ а когда онъ перейдетъ во владѣніе капиталиста, онъ не дастъ государству больше 5 или 6 четвертей. А если, несмотря на его переходъ въ бѣлыя буржуазныя руки, государство вздумало бы облагать его въ такой же мѣрѣ, въ какой облагало въ то время, когда онъ былъ въ корявыхъ и мозолистыхъ рукахъ крестьянина,—онъ сразу сдѣлался бы отчаяннымъ революціонеромъ. Указывая на лежащіе рядомъ съ нимъ и почти свободные отъ налоговъ участки болѣе высокаго, напримѣръ, дворянскаго происхожденія, онъ закричалъ бы о справедливости, о равенствѣ правъ и обязанностей и даже о противленіи злу насиліемъ. Поэты говорятъ, что бываютъ такія обстоятельства, когда камни вопіютъ, если люди остаются нѣмы. Современному политику, разсуждая о вѣроятномъ политическомъ настроеніи гг. предпринимателей, приходится прежде всего принимать во вниманіе образъ мыслей ихъ подвижной и недвижимой собственности.

Такимъ образомъ, одного перехода крестьянскихъ земель въ руки буржуазіи было бы достаточно, чтобы поставить царское правительство въ крайне неустойчивое и крайне опасное положеніе. Новые владѣльцы непремѣнно пожелали бы свалить съ доставшейся имъ земли большую часть лежавшихъ на ней налоговъ. А чтобы сдѣлать это необходимо сверху до низу перестроить всю нашу податную систему. Если правительство не пожелаетъ взяться за это, оно толкнетъ въ ряды оппозиціи всю сельскую буржуазію, нерасположеніе которой въ особенности опасно для него, такъ какъ она имѣетъ сильное вліяніе на все деревенское населеніе. Если же правительство, во избѣжаніе подобнаго разлада, приступитъ къ податной реформѣ, оно попадетъ изъ огня въ полымя. Знакомые лишь съ канцеляріями, царскіе чиновники рѣшительно не въ состояніи справиться съ этой чрезвычайно трудной реформой, затрагивающей самые насущные интересы всей

страны. Они надѣлаютъ множество ошибокъ; и каждая изъ ихъ ошибокъ сыграетъ роль предметнаго урока въ дѣлѣ политическаго обученія *всей* (и промышленной, и сельской) буржуазіи, которая, какъ уже сказано, вообще можетъ быть вѣрна „престолу“ лишь до тѣхъ поръ, пока „престоль“ остерегается протягивать руку къ ея сердцу, т. е. къ ея кошельку, и избѣгаетъ введенія подоходнаго налога. Какъ только царизмъ, проявлявшій до сихъ поръ истинно отеческую заботливость объ интересахъ „всероссійскаго купечества“, окажется не въ состояніи играть роль насоса, который, выкачивая содержимое народнаго кармана, переливалъ его въ карманъ буржуазіи, эта послѣдняя тотчасъ увидитъ, что ей не остается ничего другого, какъ съ честью похоронить своего „обожаемаго“ родителя. И она не замедлитъ исполнить эту священную обязанность. Правда, ей придется не только хоронить родителя, но предварительно содѣйствовать переселенію его въ лучшій міръ. Но что же дѣлать! Въ политикѣ иногда неизбѣжны подобныя маленькія неудобства... для „обожаемыхъ“ родителей.

Но буржуазія не единственная у насъ общественная сила, угрожающая сомодержавію. Тамъ, гдѣ есть буржуазія, есть и пролетаріатъ. Пролетарій и „мужичекъ“, это настоящіе политическіе антиподы. Историческая роль пролетаріата настолько же революціонна, насколько консервативна роль „мужичка“. На „мужичкѣ“ цѣлыя тысячелѣтія непоколебимо держались восточныя деспотіи. Пролетаріатъ въ сравнительно очень короткое время расшаталъ всѣ „основы“ западно-европейскаго общества. Въ Россіи же его развитіе и политическое воспитаніе идетъ несравненно скорѣе, чѣмъ шло на Западѣ. Въ Россіи пролетаріатъ растетъ, мужаетъ и крѣпнетъ буквально не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный богатырь. Въ какія-нибудь десятьдвѣнадцать лѣтъ онъ измѣнился до неузнаваемости. Слѣдя за русской общественной жизнью настоящаго времени и наблюдая проявленія умственныхъ и политическихъ стремленій русскаго пролетаріата — той жажды знанія, которая овладѣла имъ теперь, и той жажды борьбы, которая нераздѣльна у него съ жаждой знанія, — испытываешь впечатлѣніе человѣка, который встрѣтивъ нося-

щаго хорошо извѣстное имя здороваго, полного силъ юношу, со сложившимися уже убѣжденіями и съ непоколебимой вѣрой въ будущее, удивленно спрашиваетъ себя: да неужели это тотъ самый Х., котораго я зналъ ребенкомъ,—понятливымъ, бойкимъ, но все-таки ребенкомъ? И замѣтите, товарищи, что русскій пролетаріатъ особенно окрѣпъ и развился въ царствованіе Александра III, т. е. въ эпоху самой свирѣпой реакціи и самаго безотраднaго застоя, въ такую эпоху, когда „интеллигенція“ безнадежно опускала руки, теряя вѣру и въ самое себя, и въ свои „идеалы“. Если бы надо было привести примѣръ такой страны, въ которой общественное развитіе быстро подвигается впередъ, несмотря на всѣ усилія всемогущихъ повидимому, реакціонеровъ, то Россія послѣдняго десятилѣтія была бы лучшимъ и самымъ поразительнымъ изъ всѣхъ примѣровъ этого рода. Въ этой странѣ, гдѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ надъ образованіемъ и надо всякими „завиральными“ идеями, и гдѣ сами сторонники этихъ идей начинали думать, что ничѣмъ нельзя остановить исполненіе этого страшнаго приговора, въ этой подавленной, умственно и матеріально обнищавшей странѣ, незамѣтно и безшумно, но неуклонно и неудержимо совершается молекулярная работа внутренняго обновленія, и между тѣмъ, какъ разочарованная „интеллигенція“ смѣется надъ идеалами своихъ „людей стараго поведенія“ или увлекается странными фантазіями страннаго графа, рабочій классъ учится, читаетъ, знакомится съ движеніемъ западнаго пролетаріата, проникается непримиримой ненавистью къ деспотизму, сознаніемъ своей силы, своихъ интересовъ и своего достоинства, и тѣмъ самымъ обращаетъ въ полнѣйшее ничто десятилѣтнія усилія реакціи. Россія девяностыхъ годовъ оказывается гораздо болѣе созрѣвшей для революціи, чѣмъ была Россія семидесятыхъ годовъ въ самый сильный разгаръ тогдашняго революціоннаго движенія.

Когда я пишу эти строки, когда я указываю на это явленіе, незамѣтное только для того, кто не хочетъ его замѣтить, мнѣ неожиданно вспоминается сравненіе, съ помощью котораго величайшій изъ философовъ-идеалистовъ хотѣлъ изобразить ходъ развитія „*всемирнаго духа*“. Я не помню

подлинныхъ выраженій философа и не вижу надобности справляться въ его книгѣ. Я воспроизведу поэтическій образъ такъ, какъ онъ воскресаетъ теперь въ моей памяти.

Движеніе всемірнаго духа принимаетъ въ разныя времена разныя формы. Иногда онъ идетъ семимильными шагами, совершая множество самыхъ блестящихъ завоеваній, и, ничѣмъ не довольный, онъ уже нынѣ отрицаетъ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ вчера. Таковы эпохи великихъ историческихъ событій, умственныхъ и общественныхъ переворотовъ. Иногда же движеніе всемірнаго духа становится медленнѣе, даже, повидимому, совсѣмъ прекращается, и намъ кажется, что наступаетъ печальное время застоя. Но это только повидимому, это только кажется. На самомъ дѣлѣ всемірный духъ лишь покидаетъ поверхность исторической почвы и устремляется въ глубину, скрывающую отъ нашихъ глазъ его работу. Онъ роется, какъ кротъ, прокладывая себѣ новые, невидимые и невѣдомые намъ подземные ходы. И только когда оканчивается эта кротовая работа, когда, благодаря ей, снова начинается историческая почва, когда опять наступаетъ эпоха великихъ общественныхъ потрясеній, мы съ удивленіемъ видимъ, что всемірный духъ ушелъ впередъ на огромное разстояніе, и что время мнимаго застоя было временемъ плодотворнѣйшаго развитія. И тогда мы уясняемъ себѣ значеніе его подземной работы, тогда мы готовы восторженно воскликнуть словами Гамлета: „Кротъ, ты хорошо роешь!“

Да, товарищи, наблюдая ходъ русскаго общественнаго развитія, мы должны признать, что кротъ хорошо роетъ. Мы видимъ, что развитіе капитализма принесло съ собой не только окончательное раззореніе крестьянскаго хозяйства и не только истощеніе русской почвы. Оно подорвало основы самодержавія и вызвало къ жизни тѣ общественные классы, которымъ суждено быть его могильщиками. Одинъ изъ этихъ новыхъ на Руси общественныхъ классовъ,—и наиболѣе революціонный изъ нихъ: пролетаріатъ—уже теперь, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, хо-

рошо сознаеть свои политическія задачи *). Другой—осталый, буржуазія—долженъ будетъ сознать свои подѣ страхомъ раззоренія. Это уже огромный шагъ впередъ, это надежное ручательство за лучшее будущее, это полное отрицаніе азіатскаго застоя, составлявшаго когда-то отличительную черту Россіи. Наши славянофилы и охранители всякаго рода ужасно любили противопоставлять спокойную, консервативную Россію безпокойному, революціонному Западу. Подобное противопоставленіе имѣло смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока внутреннія отношенія Россіи не уподобились внутреннимъ отношеніямъ западной Европы. Теперь оно становится бессмысленнымъ, потому что теперь старый экономическій строй Россіи рассыпается, какъ карточный домикъ, какъ гнилушка, истлѣвшая и обратившаяся въ пыль. И теперь всѣ мы, враги существующаго порядка, чувствуемъ, наконецъ, твердую почву подъ ногами. *Теперь пришло наше время!*

Дорого обошлось Россіи это коренное измѣненіе ея экономическаго строя. Въ особенности тяжель для нея нынѣшній кризисъ. Но не мы отвѣтственны за ея страданія. Не нами они были подготовлены, не нами вызваны. Ихъ подготовили и вызвали тѣ самыя общественныя отношенія, которыя мы стараемся уничтожить. Мы окажемся виноватыми передъ своей страной только въ томъ случаѣ, если будемъ смотрѣть на ея бѣдствія, сложа руки, если не захотимъ или не сѣумѣемъ такъ направить свою дѣятельность, чтобы самыя бѣдствія послужили для Россіи залогомъ будущаго благосостоянія.

Такая дѣятельность является теперь и нравственно обязательной, и политически необходимой. И все рѣшается за ея успѣхъ. Намъ стоитъ только захотѣть, стоитъ только проявить ту настойчивость, ту энергію, ту страсть, безъ которыхъ не дѣлается ничего великаго въ исторіи. чтобы обезпечить себѣ побѣду.

Наши народники горько плачутъ о превращеніи русскаго крестьянина въ пролетарія. Ихъ представленія не идутъ дальше угрожающей пролетарію бѣдности. Но развѣ

*) См. рѣчи, произнесенныя рабочими на тайномъ собраніи въ Петербургѣ по поводу 1-го Мая 1891 г. (Рабочая Библіотека, выпускъ шестой).

мало бѣдствовалъ *крестьянинъ*? Развѣ царизмъ не обѣщаль намъ увѣковѣчить то мнимое благосостояніе „мужичка“, благодаря которому этотъ послѣдній, по признанію самихъ реакціонеровъ, даже въ самые урожайные годы, могъ бы показаться европейцу полумертвымъ отъ голода нищимъ? О, нѣтъ, пора разогнать славянофильскій туманъ, пора, давно пора понять, что развитіе пролетаріата обѣщало намъ не увеличеніе народныхъ страданій—въ этомъ отношеніи русскому народу дальше идти уже некуда—*а появленіе возможности успешной борьбы съ ними.*

Надо, однако, кончить это письмо. Подведемъ итогъ сказанному.

Если развитіе капитализма и упадокъ крестьянскаго хозяйства давно уже все болѣе и болѣе и съ разныхъ сторонъ революціонизировали русскія общественныя отношенія, то нынѣшній голодъ сводитъ во едино всѣ ихъ разностороннія и многообразныя вліянія. Онъ представляетъ собою экономическій прологъ предстоящей намъ политической революціи.

Слѣдовательно... но кажется излишне и прибавлять это—слѣдовательно, правы люди, держащіеся революціоннаго способа дѣйствій. Ихъ революціонныя стремленія являются лишь сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго историческаго процесса.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Наши задачи.

Ohne klassenbewusste Arbeiter,
kein Sozialismus.

(Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“ восьмидесятихъ годовъ).

Дорогіе товарищи!

Уяснивъ себѣ современное положеніе дѣлъ въ Россіи, перейдемъ къ опредѣленію тѣхъ задачъ, которыя оно ставитъ передъ нами, *соціалистами*.

Мы видимъ, что Россіи предстоитъ пережить революцію, и мы признали, что вполне правы люди, предпочитающіе революціонный способъ дѣйствій. Мы видѣли также, что предстоящая нашей странѣ революція принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ *политическихъ* революцій, т. е. что непосредственнымъ результатомъ ея будетъ измѣненіе нашего политическаго строя, *паденіе самодержавія*. Спрашивается,—какую же собственно роль должны взять на себя соціалисты въ этой политической революціи?

Ставя этотъ вопросъ, я не имѣю въ виду доказывать вамъ, что и „*политическія*“ революціи могутъ быть полезны дѣлу соціализма. Это азбучная истина, извѣстная теперь всѣмъ и каждому. Правда, было время, когда русскіе соціалисты сомнѣвались въ ней. Но это время прошло безвозвратно, и теперь никому изъ нихъ не придется въ голову оспаривать ее. Теперь всѣ они понимаютъ, какъ много пользы ихъ дѣлу принесетъ торжество политической свободы въ Россіи.

Но если это такъ, то кажется, что вопросъ исчерпанъ

до дна. Если торжество свободы будетъ полезно для нашего дѣла, то ясно, что надо добиваться политической свободы и отложить рѣшеніе всѣхъ прочихъ, спорныхъ вопросовъ до того счастливаго времени, когда судьба Россіи будетъ вырвана изъ рукъ коронованнаго урядника, и мы получимъ возможность, не боясь „законнаго“ возмездія, спорить при полномъ свѣтѣ дня, думать то, что хотимъ, и говорить то, что думаемъ. Согласіе родитъ силу, а мы, какъ бы нарочно, стараемся плодить разногласія и притомъ плодить ихъ по такимъ вопросамъ, которые не имѣютъ теперь практическаго значенія.

Часто приходится слышать такія рѣчи въ нашей революціонной средѣ, и не менѣе часто сыплются упреки и нареканія по адресу социаль-демократовъ, будто бы обнаруживающихъ особенное пристрастіе къ спорамъ о совершенно несущественныхъ теперь вопросахъ. „Вы отстаиваете дѣло, котораго, конечно, нельзя не признать очень хорошимъ дѣломъ,—говорятъ русскимъ социаль-демократамъ ихъ противники.—Но этого хорошаго дѣла нельзя дѣлать теперь, при существующихъ у насъ политическихъ условіяхъ. Другими словами, ваше хорошее дѣло есть пока еще, къ сожалѣнію, совершенно невозможное дѣло. А между тѣмъ, ради этого, невозможнаго пока, дѣла вы поднимаете огромный шумъ и нескончаемые споры. Вы отталкиваете однихъ, запугиваете другихъ, и въ концѣ концовъ вредите и самимъ себѣ, и всей Россіи. И это тѣмъ болѣе жаль, что между вами есть право же не совсѣмъ бездѣльные люди“.

Впрочемъ, въ самое послѣднее время русскимъ социаль-демократамъ приходилось слышать о себѣ и другіе, болѣе снисходительные отзывы. Въ моей статьѣ „*Всероссійское раззореніе*“ нѣкоторые увидѣли отказъ отъ прежней социаль-демократической программы и не то поворотъ, не то отступленіе въ сторону „чистой политики“, политики свободной отъ примѣси невозможнаго теперь „соціализма“. И меня хвалили за это отступленіе, чуть не поздравляли съ нимъ. Не скрою, что подобныя похвалы и поздравленія доставили бы мнѣ больше удовольствія, если бы я могъ считать ихъ заслуженными. Вотъ почему я прошу людей, хвалившихъ меня за названную статью, внима

тельно прочесть предлагаемое письмо. Если они и по прочтеніи его не возьмутъ назадъ своихъ похвалъ, то значить между нами дѣйствительно нѣтъ никакихъ разногласій, и наши прежніе споры съ нѣкоторыми изъ „чистыхъ политиковъ“ были плодомъ недоразумѣнія. Мнѣ и моимъ товарищамъ было бы очень пріятно убѣдиться въ этомъ.

Что же касается до сыплющихся на насъ нападокъ, то я надѣюсь, что дальнѣйшее изложеніе покажетъ, насколько они основательны и насколько маловажны тѣ вопросы, которые въ особенности интересуютъ теперь русскихъ соціально-демократовъ.

Въ статьѣ „Всероссійское раззореніе“ я сказалъ, что „все тѣ честные русскіе люди, которые, не принадлежа къ міру дѣльцовъ, купцовъ и чиновниковъ, не ищутъ своей пользы въ бѣдствіяхъ народа, должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль учредительнаго собранія, т. е. положить *основы новаго общественнаго порядка въ Россіи*“.

„Разумѣется,—прибавилъ я,—въ дѣлѣ подобной агитаціи непременно должны обнаружиться партійныя и фракціонныя различія, существующія въ средѣ людей революціоннаго или оппозиціоннаго образа мыслей. Но эти различія ничему не помѣшаютъ. Пусть каждая партія и каждая фракція дѣлаетъ дѣло, подсказываемое ей ея программой. Результатомъ разнородныхъ усилій явится новый общественно-политическій строй, который, *во всякомъ случаѣ*, будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ партій, кромѣ достаточно уже опозорившейся *партіи кнута и палки*“.

Какое же дѣло подсказывается соціалистамъ *изъ* программой?

Замѣтте, товарищи, что словомъ социализмъ очень много злоупотребляли въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Какой реакціонеръ, какой буржуа не говорилъ при случаѣ, въ особенности, чтобы одурачить своихъ избирателей, что онъ—*тоже* социалистъ и вполнѣ сочувствуетъ „правильному рѣшенію соціальнаго вопроса“. Въ виду этого я долженъ замѣтить, что я совершенно оставляю безъ вниманія гг. „тоже-социалистовъ“ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ и буду говорить только о настоящихъ социалахъ, т. е. о тѣхъ людяхъ, которымъ *слово* социализмъ

не служить орудіемъ въ борьбѣ съ социалистическимъ *дѣломъ*.

Что такое социалистическое движеніе?

Если бы такой вопросъ задали социалисту тридцатыхъ годовъ,—напримѣръ, одному изъ послѣдователей знаменитаго Фурье,—онъ отвѣтилъ бы приблизительно слѣдующее: „Нашъ гениальный учитель открылъ и изложилъ въ своихъ сочиненіяхъ цѣлый рядъ истинъ, существованія которыхъ до сихъ поръ не подозрѣвало человѣчество. На основаніи этихъ открытій онъ подробно разработалъ планъ новаго общественнаго устройства, которое одно только и можетъ избавить людей отъ ихъ безчисленныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ бѣдствій. Современное социалистическое движеніе,—истинное, достойное своего названія социалистическое движеніе,—сводится къ распространенію идей нашего учителя и къ ихъ практическому осуществленію, т. е. къ устройству придуманныхъ имъ *фа-ланстеръ*“.

Такой отвѣтъ былъ бы совершенно правиленъ въ тридцатыхъ годахъ. Социалистическое движеніе дѣйствительно сводилось тогда къ распространенію идей различныхъ социалистическихъ школъ и къ попыткамъ ихъ практическаго осуществленія. При этомъ само собою разумѣется, что каждая школа считала истиннымъ социализмомъ именно ученіе своего основателя.

Но теперь дѣло обстоитъ не такъ. Современному социалисту социалистическое движеніе представляется совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ представлялось оно социалисту тридцатыхъ годовъ. Уже незадолго до революціоннаго 1848 года между социалистами явились люди, смотрѣвшіе на социализмъ съ совершенно новой точки зрѣнія. Съ этой новой точки зрѣнія главнѣйшей ошибкой социалистовъ прежняго времени было именно то обстоятельство, что „дальнѣйшая исторія всего міра сводилась для нихъ къ пропагандѣ и къ практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ“ *). Социалисты новаго образа мыслей видѣли въ дальнѣйшей исторіи цивилизованнаго міра нѣчто другое и несравненно болѣе обѣщающее.

*) „Манифестъ Коммунистической Партіи“ Карла Маркса и Фридриха Энгельса, глава III.

Что же именно видѣли въ ней социалисты новаго **образа** мыслей? Прежде всего **борьбу классовъ**, борьбу **эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами**, пролетаріата съ буржуазіей. **Затѣмъ**, они видѣли въ ней неизбѣжно предстоящее торжество пролетаріата, паденіе нынѣшняго, буржуазнаго **общественнаго** порядка, социалистическую организацію **производства** и соотвѣтствующую ей **перемѣну** во взаимныхъ отношеніяхъ людей, т. е., между прочимъ, и уничтоженіе классовъ. Хорошо — лучше своихъ предшественниковъ — понимая, что социалистическая революція означаетъ полный переворотъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, социалисты новаго направленія **совсѣмъ** не занимались, однако, разработкой плана будущаго общественнаго устройства. Они считали это бесполезной тратой времени такъ какъ частности будущаго строя опредѣляются въ свое время такими обстоятельствами, которыхъ невозможно предвидѣть, а общія его основанія достаточно опредѣляются *научной* критикой существующихъ общественныхъ отношеній, т. е. критикой, основанной не на симпатіяхъ или антипатіяхъ реформаторовъ, а на изслѣдованіи историческаго хода развитія нынѣшняго общественнаго порядка. Социалисты новаго образа мыслей разъ навсегда разорвали съ *утопіями* и стали на точку зрѣнія *науки*. Эту заслугу признали за ними даже ихъ враги, которые стали называть новѣйшій социализмъ *научнымъ социализмомъ*. Послѣдователи научнаго социализма являются теперь единственными социалистами, заслуживающими этого названія.

Если для послѣдователей научнаго социализма вся дальнѣйшая исторія буржуазнаго общества сводится къ **борьбѣ** пролетаріата съ буржуазіей, то и всѣ ихъ практическія задачи подсказываются имъ именно этой борьбой классовъ. Безусловно стоя на сторонѣ пролетаріата, новѣйшіе социалисты всѣми силами стараются облегчить и ускорить его побѣду. Но что же могутъ сдѣлать они въ этомъ смыслѣ? Необходимымъ условіемъ побѣды пролетаріата является сознаніе имъ своего положенія, своихъ отношеній къ **эксплуататорамъ**, своей исторической роли и своихъ **соціально-политическихъ** задачъ. Поэтому новѣйшіе социалисты и считаютъ своей главнѣйшей, чтобы не сказать единственной, обязанностью содѣйствовать росту

этого сознанія пролетаріата, которое они кратко называютъ его классовымъ сознаніемъ. Ростомъ классового сознанія пролетаріата измѣряются для нихъ всѣ успѣхи социалистическаго движенія. Все, что содѣйствуетъ этому росту, они считаютъ полезнымъ для своего дѣла; все, что замедляетъ его—вреднымъ; все, что не оказываетъ на него ни того, ни другого вліянія, безразличнымъ, *политически* неинтереснымъ.

Но можно различно содѣйствовать росту классового сознанія пролетаріата. Можно содѣйствовать ему посредственно, можно содѣйствовать—непосредственно. Такъ, напримеръ, если я занимаюсь социалистической пропагандой въ средѣ пролетаріата и его организаціей, если я, какъ членъ социалистической партіи, способствую выдѣленію пролетаріата въ особую политическую партію, противостоящую всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ, я непосредственно содѣйствую его росту классового сознанія. Но положимъ, что я, гражданинъ данной свободной страны, съ успѣхомъ отстаиваю интересы свободной торговли. Говоря вообще, свободная торговля дѣйствуетъ разрушительно на буржуазныя общественныя отношенія. „Она разлагаетъ прежнія національности и доводитъ до крайности противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей. Словомъ, система свободной торговли ускоряетъ социальную революцію“ *). Поэтому, и я, способствуя торжеству свободной торговли, до известной степени расшатываю существующій буржуазный порядокъ. А чѣмъ болѣе будетъ расшатанъ буржуазный порядокъ, тѣмъ скорѣе будетъ расти классовое сознаніе пролетаріата: неустойчивость общественныхъ отношеній естественно будетъ наводить его на мысль объ ихъ негодности. Но можно ли сказать, что поскольку мои усилія ускоряютъ торжество свободной торговли, постольку я дѣлаю то самое дѣло, которое дѣлаютъ современные социалисты? Нѣтъ. Социалистическая дѣятельность непосредственно способствуетъ росту классового сознанія пролетаріата. Я же содѣйствую ему лишь посредственно, такъ какъ росту

*) Карлъ Марксъ: „Рѣчь о свободѣ торговли“, четвертый выпуск. Ва: біотеки Современнаго Соціализма Женева. 1885, стр. 22.

классового сознанія пролетаріата способствуетъ собственно не свобода торговли—цѣль моихъ усилій—а та неустойчивость буржуазныхъ общественныхъ отношеній, которая явится послѣдствіемъ свободной торговли, и которой я вовсе не имѣю въ виду. Соціалисты могутъ признать мою дѣятельность косвенно полезной для ихъ партіи, но у нихъ не будетъ никакихъ основаній признать меня своимъ человѣкомъ.

Ну, а если я отстаиваю свободу торговли именно ради ея разрушительныхъ послѣдствій? Если я выступаю ея защитникомъ единственно потому, что она „ускоряетъ соціальную революцію“? Тогда я — соціалистъ, и тогда другіе соціалисты не могутъ не признать меня своимъ товарищемъ. Не такъ ли?

Нѣтъ, опять не такъ. Каковы бы ни были послѣдствія свободной торговли, отстаивать ее можно двумя, совершенно различными путями: или 1) въ борьбѣ за нее примкнуть къ тѣмъ слоямъ буржуазіи, которымъ торжество ея принесетъ прямыя экономическія выгоды; или 2) стараться сдѣлать сторонникомъ свободной торговли пролетаріатъ, которому выгодны будутъ ея разрушительныя послѣдствія, и который можетъ сильно способствовать ея торжеству своей поддержкой. Если вы избираете второй путь, то вы, разумѣется, дѣлаете соціалистическое дѣло: вѣдь, чтобы пролетаріатъ поддерживалъ желательную вамъ свободу торговли на томъ основаніи, что она „ускоряетъ соціальную революцію“, вы должны прежде сдѣлать его сознательнымъ сторонникомъ этой революціи; т. е. иначе сказать, вы должны вести соціалистическую пропаганду въ его средѣ, должны непосредственно содѣйствовать росту его классового сознанія. Въ такомъ случаѣ, удивительно будетъ одно: какъ это вы, соціалистъ, пришли къ мысли о необходимости соціалистической пропаганды лишь посредствомъ соображеній о разрушительныхъ послѣдствіяхъ свободной торговли? Вѣдь къ этой мысли можно было подойти гораздо проще.

Но если вы предпочитаете первый путь, если вы боретесь за свободу торговли въ рядахъ буржуазіи, то фантазировать вы — буржуа, какъ бы вы ни рассуждали о послѣдствіяхъ вашей побѣды. Политическое значеніе каждаго

дѣятеля опредѣляется дѣйствительнымъ характеромъ его политической дѣятельности, а не тѣмъ, что онъ думаетъ о ней. Что дѣлаете вы въ рядахъ вашихъ буржуазныхъ союзниковъ? То же самое, что дѣлаютъ все они: вы боретесь за свободную торговлю. И только. Вы знаете при этомъ, что свободная торговля ускоряетъ социальную революцію. Союзники ваши этого не знаютъ. Но это безразлично. Ваши союзники, съ такою же энергіей, какъ и вы, добиваются свободы торговли; слѣдовательно, они столь же дѣятельно ускоряютъ социальную революцію. Это не мѣшаетъ имъ, однако, оставаться чистокровными буржуа. Не мѣшаетъ и вамъ фактически быть чистокровнымъ буржуазнымъ дѣятелемъ ваши размышленія о разрушительныхъ послѣдствіяхъ свободной торговли.

Развитіе капитализма безъ всякаго сомнѣнія ускоряетъ социальную революцію. Слѣдовательно, социальную революцію ускоряетъ каждый буржуа, дѣятельность котораго способствуетъ развитію капитализма. Но было бы очень странно, если бы кто нибудь вздумалъ на этомъ основаніи причислять буржуазныхъ дѣльцовъ къ социалистамъ. Ускорять социальную революцію могутъ даже люди, дѣятельность которыхъ прямо направлена на борьбу съ социализмомъ. Нѣкоторые нѣмецкіе социаль-демократы думаютъ, что извѣстный исключительный законъ противъ социалистовъ принесъ немалую пользу ихъ партіи. Если это мнѣніе справедливо, то выходитъ, что, вводя исключительный законъ, Бисмаркъ тѣмъ самымъ ускорялъ социальную революцію въ Германіи. Но кто же назоветъ социалистомъ человѣка, стремившагося нанести смертельный ударъ социаль-демократической партіи?

Повторяю, какъ бы ни разсуждали вы о *послѣдствіяхъ* вашей политической дѣятельности, социалистомъ можно признать васъ только въ томъ случаѣ, когда она, ваша дѣятельность, *непосредственно* способствуетъ росту классового сознанія пролетаріата. Если же она не оказываетъ такого, непосредственнаго вліянія, то вы всецѣмъ не социалистъ, хотя бы болѣе или менѣе отдаленныя послѣдствія вашей *не* социалистической дѣятельности и принесли потомъ большую или меньшую пользу дѣлу социализма.

Само собою разумѣется, товарищи, что, указывая важ-

нѣйшій и непосредственнѣйшій признакъ социалистической дѣятельности, я не хочу этимъ сказать, что всякій, кто не хочетъ измѣнить красному знамени, непременно долженъ заниматься или сочиненіемъ социалистическихъ книгъ, или ихъ распространеніемъ и вообще пропагандой въ средѣ пролетаріата и его организаціей. Отдѣльныя лица, принадлежа къ социалистической *partii*, могутъ заниматься и другими дѣлами, ни на минуту *не переставая* быть социалистами. Положимъ, что социалистическая партія данной страны рѣшила устроить тайныя убѣжища для своихъ членовъ, навлекшихъ на себя правительственные преслѣдованія. Она поручаетъ это дѣло мнѣ и нѣкоторымъ другимъ товарищамъ. Мы охотно и ревностно исполняемъ ея порученіе. Наша личная дѣятельность не направлена непосредственно на развитіе классового сознанія пролетаріата. Но неужели, занимаясь ею, мы перестаемъ быть социалистами? Никто не скажетъ, что—да. Но почему же не скажетъ? Потому что, занимаясь своимъ дѣломъ, мы не только перестали принадлежать къ *partii*, *непосредственно содѣйствующей* росту классового сознанія пролетаріата, но и взялись-то за это дѣло по ея порученію. Другой примѣръ. Социалистическая партія данной страны рѣшила, что скоро ей придется вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ. Успѣхъ борьбы много зависитъ, конечно, отъ того, какъ поведетъ себя въ рѣшительную минуту войско. И вотъ партія поручаетъ извѣстному числу своихъ членовъ заняться революціонной пропагандой въ войскѣ. Солдатъ, конечно, можно разсматривать, какъ пролетаріевъ, одѣтыхъ въ военные мундиры. Слѣдовательно, относительно лицъ, выясняющихъ имъ цѣли социализма, интересующій насъ вопросъ не можетъ и возникнуть. Но онъ вполнѣ умѣстенъ относительно лицъ, имѣющихъ дѣло исключительно съ офицерами. Перестаютъ ли эти лица быть социалистами? Нисколько. Почему же нѣтъ? Опять таки потому, что дѣятельность ихъ опредѣляется нуждами такой партіи, которая непосредственно содѣйствуетъ росту классового сознанія пролетаріата. А если бы они не принадлежали къ ней? Они тотчасъ же перестали бы быть социалистами, потому что тогда работа ихъ сразу потеряла бы всякую связь съ пря-

мымъ и непосредственнымъ социалистическимъ дѣломъ.-- Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести очень много. Но мысль моя, надѣюсь, достаточно ясна. Вся она выражается въ эпиграфѣ этого письма: *безъ рабочихъ, сознающихъ свои классовые интересы, нѣтъ социализма.*

Ничего не можетъ быть проще этой мысли. Я увѣренъ, что многимъ изъ моихъ читателей она кажется аксіомой. Но она не всегда была аксіомой. Соціалисты-утописты объявили бы ее совершенно ошибочной. И понятно — почему. Мысль эта представляетъ собою неизбѣжное логическое слѣдствіе понятія о социалистическомъ движеніи какъ о классовой борьбѣ между пролетаріатомъ и буржуазіей. Соціалисты-утописты чужды были этого понятія, они еще не доросли до него. Неудивительно, что и опирающіяся на него мысли показались бы имъ неосновательными, парадоксальными, чуть не безнравственными. А до какой степени соціалисты-утописты чужды были понятія о классовой борьбѣ, покажетъ хотя бы слѣдующее.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Германіи существовало что-то въ родѣ обозрѣнія, называвшагося „*Die gesellschaftlichen Zustände*“. Во второмъ томѣ этого изданія мы находимъ чрезвычайно замѣчательный взглядъ на социалистическое движеніе во Франціи съ одной стороны и въ Германіи — съ другой. Оказывается, что во Франціи „соціальнымъ вопросомъ“ занимается почти исключительно пролетаріатъ, а въ Германіи — „имущій классъ“. По словамъ автора, этотъ классъ, едва лишь за два года передъ тѣмъ обратившій вниманіе на соціальный вопросъ *), въ главномъ совершенно согласенъ съ неимущимъ классомъ во Франціи и не менѣе его увлекается соціальнымъ движеніемъ. „Не служитъ ли это — спрашиваетъ авторъ — достаточнымъ доказательствомъ того, что ни одинъ изъ общественныхъ классовъ не можетъ быть названъ причиной нашихъ многообразныхъ общественныхъ бѣдствій?“ Далѣе мы узнаемъ, что политическія формы безразличны для людей, стремящихся къ рѣшенію соціального вопроса. *Zanadъ* (*die westlichen Länder*) обладаетъ болѣе или менѣе демократическими конституціями, а между тѣмъ бѣдности тамъ не меньше

*) Это было писано въ 1847 г.

чѣмъ въ восточныхъ странахъ, гдѣ существуетъ автократія. „Поэтому для насъ всѣ либерально-политическія стремленія даже болѣе чѣмъ безразличны: они намъ формально отвратительны“ *).

Вы видите, товарищи, что человѣкъ, написавшій приведенныя строки, не только не сочувствовалъ классовой борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей, не только держался того мнѣнія, что въ Германіи „имущій классъ“ (т. е. собственно, по теперешней русской терминологіи, интеллигенція) сыграетъ такую же историческую роль, какую игралъ во Франціи пролетаріатъ, но и вообще связывалъ со словами „общественный классъ“ чрезвычайно смутное представленіе. Никто не можетъ считать буржуазію причиной буржуазнаго общественнаго порядка. Буржуазія сама явилась, какъ безсознательный плодъ того историческаго процесса, который создалъ нынѣшній общественный порядокъ. Но разъ занявъ свое мѣсто въ обществѣ и понявъ свои классовые интересы, она является сознательной защитницей нынѣшняго общественнаго порядка, и пролетаріату надо будетъ преодолѣть ея сопротивленіе, чтобы устранить этотъ порядокъ. Вотъ и все. Борьба пролетаріата съ буржуазіей не выдумка социалистовъ извѣстной школы и не какой-нибудь тактическій приѣмъ, измышленный фанатикомъ-революционеромъ, а такая же роковая историческая необходимость, какую была въ свое время борьба буржуазіи съ феодальнымъ дворянствомъ. Въ настоящее время излишне даже говорить, что примѣръ „имущаго класса“ Германіи доказываетъ какъ разъ обратное тому, что хотѣлъ доказать нѣмецкій социалистъ-утопистъ сороковыхъ годовъ. Этотъ классъ ровно ничего не сдѣлалъ для рѣшенія „соціальнаго вопроса“, а если принадлежавшіе къ нему молодые люди того времени увлекались социализмомъ, то съ ихъ стороны это было, разумѣется, очень хорошо, но это прекрасно объясняется тогдашнимъ политическимъ состояніемъ Германіи. Послѣ 1848 года нѣмецкая „интеллигенція“ интересовалась социализмомъ развѣ только, какъ грознымъ чудовищемъ, которое надо побороть во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось по-

*) Die gesellschaftlichen Zustände, 1847, В. II. SS 1—2.

ступиться самыми „непререкаемыми“ правами гражданъ, Теперь въ Германіи, какъ и во Франціи, подъ социалистическимъ знаменемъ идетъ только рабочій, только „неимущій“ классъ, противъ котораго и измышляются поэтому „исключительные“ законы. Теперь разсужденія, подобныя вышеприведеннымъ, можно услышать только въ Россіи, гдѣ довольно часто даже революціонеры толкуютъ о томъ, что мы не „Западъ“ и проч. (причемъ у насъ Германія причисляется уже къ западнымъ странамъ, между тѣмъ какъ прежде нѣмецкіе утописты противопоставляли ее Западу). Западно-европейская жизнь ушла очень далеко впередъ со времени сороковыхъ годовъ, и чѣмъ дальше шла она, тѣмъ больше выяснялось роковое и революціонное значеніе классовой борьбы какъ для социалистовъ, такъ даже и для ихъ враговъ, защитниковъ нынѣшняго общественнаго порядка.

Прежде чѣмъ идти далѣе, сдѣлаю еще одну оговорку. Если я утверждаю, что содѣйствіе росту классового сознанія пролетаріата есть единственное дѣло и прямая, священная обязанность социалистовъ, то это не значитъ что современные социалисты стоятъ за пропаганду только за пропаганду и ни за что, кромѣ пропаганды, Въ широкомъ смыслѣ слова это, пожалуй, и такъ, но голько въ очень широкомъ смыслѣ. Когда на Парижскомъ международномъ конгрессѣ 1889 г. социалисты рѣшили добиваться восьмичасового дня, то они, разумѣется, имѣли при этомъ въ виду, что рабочія демонстраціи въ пользу ихъ рѣшенія будутъ превосходнымъ средствомъ пропаганды ихъ идей. Но вѣдь демонстрація есть въ то же время и агитаціонное средство. Вообще не легко провести границу между агитаціей и тѣмъ, что обыкновенно называется пропагандой. Агитація—это та же пропаганда, но пропаганда, имѣющая мѣсто при особыхъ условіяхъ именно, при условіяхъ, заставляющихъ прислушиваться къ словамъ пропагандиста даже такихъ людей, которые не обратили бы на нихъ вниманія въ обычное время. Пропаганда — это агитація, совершающаяся при обыкновенномъ, будничномъ теченіи жизни данной страны. Агитація — это пропаганда, поводомъ для которой служатъ не совсѣмъ обыкновенныя событія, вызывающія нѣкоторый

подъемъ въ общественномъ настроеніи. Соціалисты были бы очень плохими политиками, если бы они не пользовались для своихъ цѣлей такого рода выдающимися со-бытіями.

Предположимъ, что агитація въ пользу восьмичасового дня уже увѣнчалась успѣхомъ. Испуганная постоянно возрастающимъ напоромъ рабочаго движенія, буржуазія уступила. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ законъ ограничилъ рабочій день восемью часами. Это огромная побѣда соціализма, но спрашивается, неужели всѣ тѣ рабочіе, усилія которыхъ привели къ побѣдѣ, были соціалистами? Навѣрное—нѣтъ. Между ними были, конечно, и соціалисты, было много соціалистовъ, которымъ принадлежала руководящая роль, которые шли впереди, увлекая за собою колеблющихся и нерѣшительныхъ. Но вѣдь были же, стало быть, и колеблющіеся и нерѣшительные? Отчего же они колебались, отчего они были нерѣшительны? Оттого ли, что они вообще нерѣшительны и склонны къ колебаніямъ? Отчасти, можетъ быть, и оттого, а отчасти, и ужъ навѣрное еще и оттого, что они не вполне выяснили себѣ выгоды восьмичасового дня, и что, вообще, не усвоивъ соціалистическихъ идей, они еще не прониклись той жаждой борьбы за лучшее будущее, которая вызывается стройнымъ, послѣдовательнымъ революціоннымъ міросозерцаніемъ. Словомъ, эти люди еще не были соціалистами. Но теперь посмотрите же—что вышло. Соціалисты увлекли на борьбу за чрезвычайно полезное для соціализма дѣло такихъ людей, которые еще не были соціалистами. Другими словами, люди, еще не бывшіе соціалистами, уже работали на пользу соціализма. И это сдѣлала агитація! Благодаря ей, соціалисты могли употребить въ дѣло не только тѣ силы, которыя принадлежатъ имъ въ настоящее время, но также и тѣ, которыя будутъ принадлежать имъ лишь впослѣдствіи. Произошло нѣчто въ родѣ учета соціалистическаго векселя, по которому заплатитъ исторія. И такой учетъ значительно приблизилъ торжество соціализма.

Пропаганда, собственно такъ называемая, утратила бы всякое историческое значеніе, если бы она не сопровождалась агитаціей. Пропаганда сообщаетъ правильные взгляды

десяткамъ, сотнямъ, тысячамъ людей. Но люди, обладающіе правильными взглядами, только тогда становятся историческими дѣятелями, когда они имѣютъ прямое вліяніе на общественную жизнь. А вліяніе на общественную жизнь современныхъ цивилизованныхъ странъ немыслимо безъ вліянія на массу, т. е. безъ агитаціи (въ варварскихъ деспотіяхъ дѣло обстоитъ иначе; тамъ масса не имѣетъ значенія; но не о нихъ мы говоримъ). Слѣдовательно, агитація необходима для всякой партіи, желающей имѣть историческое значеніе. Секта можетъ удовольствоваться пропагандой въ узкомъ смыслѣ слова. Политическая партія—никогда.

Если бы надо было еще выяснять взаимное отношеніе агитаціи и пропаганды, я прибавилъ бы, что пропаганда даетъ много идей одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ, а агитаторъ даетъ только одну или только нѣсколько идей, за то онъ даетъ ихъ цѣлой массѣ лицъ, иногда чуть не цѣлому населенію данной мѣстности. Но исторія дѣлается массой. Слѣдовательно, агитація есть цѣль пропаганды: я веду пропаганду затѣмъ, чтобы имѣть возможность перейти къ агитаціи.

Вернемся, однако, къ нашему примѣру. Мы предположили, что социалистамъ удалось добиться законнаго восьмичасоваго дня. Подобное ограниченіе очень выгодно рабочему классу. Когда оно оказывается существующимъ фактомъ, въ этомъ очень скоро убѣждаются даже самые отсталые, самые непонятливые, самые неразвитые рабочіе. И всѣ они знаютъ, что восьмичасовой день введенъ по почину социалистовъ. Поэтому всѣ, даже самые отсталые рабочіе наглядно убѣждаются въ томъ, что осуществленіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ социалистическихъ требованій выгодно для рабочаго класса. А отъ такого сознанія во всякомъ случаѣ несравненно ближе до полнаго сочувствія социализму, чѣмъ отъ совершеннаго равнодушія къ социалистической проповѣди. Но пойдемъ дальше. Увеличивая досугъ рабочаго, восьмичасовой день тѣмъ самымъ даетъ ему возможность большого умственнаго развитія, а, слѣдовательно, и болѣе легкаго усвоенія социалистическихъ идей. Значить, и съ этой стороны восьмичасовой день приближаетъ неизбѣжную развязку, „ускоряетъ социальную революцію“.

Вы, конечно, знаете все это не хуже меня, и не для того говорю я о восьмичасовомъ днѣ, чтобы склонить васъ на его сторону. Мой примѣръ помогаетъ мнѣ объяснить не только взаимное отношеніе агитаціи и пропаганды, но и роль такъ называемыхъ ближайшихъ требованій въ социалистической программѣ. Восьмичасовой день есть именно одно изъ такихъ требованій. На парижскомъ конгрессѣ анархисты горячо возставали противъ него, увѣряя, что его осуществленіе сдѣлало бы рабочихъ менѣе воспримчивыми къ революціонной пропагандѣ. Вы видите, что это не такъ. Экономическія реформы, подобныя ограниченію рабочаго дня, хороши уже тѣмъ однимъ, что онѣ приносятъ непосредственныя выгоды рабочему, что онѣ улучшаютъ положеніе рабочаго класса или, по меньшей мѣрѣ, препятствуютъ тому ухудшенію его, которое идетъ вмѣстѣ за развитіемъ капитализма. Чтобы стоять за такія реформы, достаточно обладать самымъ элементарнымъ чувствомъ человѣчности. Но социалисты стоятъ за нихъ кромѣ того еще и потому, что осуществленіе каждой изъ нихъ, содѣйствуя росту классового сознанія пролетаріата, ускоряетъ торжество социализма. Въ этомъ и заключается то, въ высшей степени замѣчательное отношеніе экономическихъ требованій къ идеальнымъ стремленіямъ, которое составляетъ отличительную черту новѣйшаго социализма.

Новѣйшій социализмъ исходитъ, повидимому, изъ самыхъ прозаическихъ соображеній: изъ соображеній о состояніи производства и обмѣна въ данномъ обществѣ. Онъ опирается на экономію. Въ ней ищетъ онъ разгадки всего историческаго развитія человѣчества. На этомъ основаніи несвѣдущіе или неискренніе люди часто упрекаютъ новѣйшихъ социалистовъ въ грубости помысловъ, въ грязномъ нравственномъ матеріализмѣ. „Вы ничего не знаете, кромѣ интересовъ желудка“, говорятъ имъ ихъ враги, тѣмъ болѣе склонные забывать о желудочныхъ интересахъ, что ихъ собственные желудки ежедневно получаютъ очень здоровую и очень вкусную пищу. Вы видите, товарищи, что враги социализма говорятъ ложь, злую и пошлую ложь! Если до сихъ поръ все историческое движеніе человѣчества опредѣлялось ходомъ развитія экономиче-

скихъ отношеній; если люди были слѣпыми орудіями еще болѣе слѣпыхъ экономическихъ силъ; если, благодаря этому обстоятельству, они пережили безчисленное множество самыхъ ужасныхъ бѣдствій и пролили цѣлыя моря самой невинной крови, то виноваты-ли въ этомъ социалисты? Социалисты только указываютъ явленіе, которое причинено совсѣмъ не ими, а тѣмъ самымъ неумѣньемъ людей стать господами своихъ экономическихъ отношеній, которое доходитъ до апогея въ буржуазномъ обществѣ, и которое исчезнетъ лишь при социалистическомъ строѣ. Социалисты говорятъ „только объ экономіи“ единственно потому, что только въ экономіи современнаго общества видятъ они серьезное препятствіе для духовнаго развитія человѣчества. Идеальный моментъ, стремленіе содѣйствовать росту сознанія рабочаго класса, — который будетъ спасителемъ всего страждущаго человѣчества, — проходитъ, какъ видите, черезъ всю программу социалистовъ. Каждое изъ ихъ, повидимому, самыхъ прозаическихъ требованій рассчитано на увеличеніе сознанія пролетаріата, и, конечно, не вина, а счастливѣйшая особенность, величайшая заслуга современнаго социализма заключается въ томъ, что, содѣйствуя развитію сознанія рабочихъ, онъ въ то же время содѣйствуетъ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія, выплескиваетъ хоть нѣсколько капель изъ переполненной чаши ихъ страданій.

Идеаль хорошо откормленнаго рабочаго скота — это идеаль деспотовъ, а также идеаль гуманнѣйшихъ изъ буржуа, тѣхъ буржуа, которые искренно хотѣли бы доставить рабочему матеріальное довольство, не разбивая, однако, висящихъ на немъ цѣпей капитала. У социалистовъ другой идеаль! Они гордятся тѣмъ, что если они зовутъ рабочихъ на борьбу противъ экономического рабства, то эта же борьба и въ то же самое время оказывается борьбою противъ умственнаго рабства, противъ невѣжества пролетаріата. Вы помните, вѣроятно, товарищи, великія слова великаго писателя: если бы Богъ въ одной рукѣ держалъ все знаніе, а въ другой движеніе къ нему, и предоставилъ бы мнѣ выборъ, то я сказалъ бы: Творецъ, возьми себѣ всевѣденіе, а мнѣ, смертному, оставь величайшее и благороднѣйшее изъ доступныхъ

мнѣ наслажденій—познаніе истины, ея открытіе.—Подобно этому, если бы Богъ спросилъ современнаго соціалиста,—желаешь ли ты, чтобы я немедленно, безъ всякихъ усилій со стороны страдающаго человѣчества, даровалъ ему экономическое блаженство, то соціалистъ отвѣтилъ бы Ему: Творецъ, оставь блаженство себѣ, а страдающему и мыслящему человѣчеству, современному пролетаріату, позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность придти къ доступному для него счастью путемъ борьбы, развивающей его умъ и возвышающей его нравственность. Завоеванное такой борьбой, его счастье будетъ не только несравненно полнѣе: оно будетъ также гораздо прочнѣе. Всѣмъ обязанные Тебѣ, люди навсегда останутся рабами; „Господь далъ, и Господь взял“, смиренно будутъ твердить они, какъ твердилъ твой вѣрный Іовъ, если Ты, подъ вліяніемъ новаго каприза, вздумаешь взять назадъ Свой милости. А когда они освободятъ себя сами, тогда — не взыщи на рѣзкомъ словѣ, Всевышній! — тогда придетъ конецъ твоей власти, потому что тогда и они будутъ, какъ „бози“.

Если бы современные буржуа, нападающіе на будто бы грубую прозу соціалистическихъ стремленій, захотѣли быть послѣдовательными, имъ пришлось бы объявить безнравственнымъ самого Прометея. Прометей похитилъ огонь и далъ его людямъ. Огонь! только огонь! Какая грубость! какая проза! Не ясно ли, что титанъ былъ совершенно чуждъ всякихъ идеальныхъ стремленій? И не очевидно ли, что во всей этой исторіи единственнымъ настоящимъ идеалистомъ былъ Зевсъ, жестоко покаравшій Прометея за его поступокъ? Правда, Зевсъ свирѣпствовалъ только потому, что опасался за прочность своей власти; онъ предвидѣлъ, что употребленіе огня выведетъ людей на путь такого развитія, которое положитъ конецъ ихъ зависимости отъ неба. Но... но все-таки Зевсъ былъ идеалистомъ въ истинномъ, буржуазномъ смыслѣ слова!

Современный соціализмъ дѣлаетъ какъ разъ такое же дѣло, какое греки приписывали Прометею. Онъ даетъ людямъ то средство, съ помощью котораго они прекратятъ свою зависимость отъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, подчинятъ эти силы власти разума и, такимъ образомъ, дости-

гнуть небывалаго развитія. Если это грубо и безнравственно, то надо признать, что вся нравственность заключается въ упроченіи рабства и въ усиленіи невѣжества.

Мы знаемъ, товарищи, путь, ведущій социалистовъ къ ихъ великой цѣли. Онъ опредѣляется немногими словами: содѣйствіе росту классоваго сознанія пролетаріата. Кто содѣйствуетъ росту этого сознанія, тотъ социалистъ. Кто мѣшаетъ ему, тотъ врагъ социализма. А кто занимается дѣломъ, неимѣющимъ къ нему непосредственнаго отношенія, тотъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія и къ социализму. Помня это, мы безъ всякаго труда рѣшимъ наши спеціально-русскія задачи.

Намъ, русскимъ социалистамъ, надо найти такой способъ дѣйствій, держась котораго, мы, во-первыхъ, ни на минуту не переставали бы способствовать росту классоваго сознанія пролетаріата, т. е. быть социалистами, а во-вторыхъ, скорѣе побѣдили бы царизмъ,—т. е., слѣдовательно,—и голодъ, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ дѣйствій.

Вы согласитесь, товарищи, что если существуетъ способъ дѣйствій, соединяющій въ себѣ эти два преимущества, то онъ безусловно обязателенъ для русскихъ социалистовъ, и что всякій революціонеръ, отрицающій его, тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ или враждебенъ социализму, или равнодушенъ къ нему, или *еще* не сталъ социалистомъ, или *уже* пересталъ быть имъ.

Но существуетъ-ли такой способъ дѣйствій? Не только существуетъ, но я съ увѣренностью говорю, что никакой другой способъ не приведетъ такъ скоро къ побѣдѣ надъ абсолютизмомъ, какъ именно тотъ, который соединяетъ въ себѣ, связываетъ въ одно неразрывное цѣлое борьбу за политическую свободу съ содѣйствіемъ росту классоваго сознанія пролетаріата.

Представимъ себѣ такой случай. Русская буржуазія убѣдилась, что дальнѣйшее существованіе царизма не принесетъ ей ничего, кромѣ убытковъ. Сначала она болѣе или менѣе робко поговариваетъ о конституціи, а затѣмъ, по французской пословицѣ: „аппетитъ приходитъ во время ѣды“, она все настоятельнѣе и настоятельнѣе предъявляетъ правительству свои требованія, пока, наконецъ, ея

недовольство не разрѣшается открытой борьбой и паденіемъ существующаго правительства. Видя энергію буржуазіи и ея твердую рѣшимость добиться представительнаго правленія, мы пристаемъ къ ней и боремся въ ея рядахъ вплоть до желаннаго дня побѣды. Когда наступаетъ этотъ день, мы подводимъ итогъ своей дѣятельности и находимъ, что, хотя за все время нашего союза съ буржуазіей мы не могли и думать о выясненіи пролетаріату враждебной противоположности его интересовъ съ интересами эксплуататоровъ, но наше дѣло, дѣло социализма, все-таки очень много выиграло, благодаря принятой нами тактикѣ. Мы завоевали политическую свободу, а она впервые даетъ намъ возможность вести въ широкихъ размѣрахъ социалистическую пропаганду и агитацію. Слѣдовательно, мы очень хорошо сдѣлали, переставъ на время быть социалистами. Наша временная измѣна социализму на дѣлѣ оказывается самой большой услугой, которую мы только могли оказать ему.

Я спрашиваю васъ, товарищи, вѣрно-ли будетъ подобное разсужденіе?

Оно будетъ вѣрно только при одномъ условіи: если соединившись съ буржуазіей, мы дѣйствительно ускорили паденіе царизма. Если это такъ, то рѣшительно нечего возразить противъ нашей временной тактики, и социалисты, осуждающіе ее, сами не знаютъ, о чемъ говорятъ, или до такой степени рабски слѣдуютъ буквѣ социалистическаго ученія, что охотно приносятъ ей въ жертву дѣйствительные успѣхи общественной жизни.

Ну, а если указанное условіе отсутствуетъ? Если принятая нами тактика не ускорила, а замедлила паденіе царизма? Тогда рушится все наше разсужденіе, и мы выходимъ людьми, сдѣлавшими огромную ошибку, которая не только отсрочила торжество политической свободы, но и отдалила насъ отъ пролетаріата; мы оказываемся социалистами, жестоко поплатившимися за измѣну социализму.

Есть-ли какая-нибудь возможность напередъ предвидѣть—ускорить или замедлить паденіе самодержавія временный отказъ русскихъ социалистовъ отъ социализма, т. е. отъ содѣйствія росту классоваго сознанія пролетаріата?

О, да, такая возможность есть, и надо быть слѣпымъ, чтобы не воспользоваться ею.

Въ области политической борьбы, какъ и въ области экономического развитія, передовыя страны указываютъ путь отсталымъ. Что-же мы видимъ въ политической исторіи болѣе развитыхъ, чѣмъ Россія, западно-европейскихъ странъ? Можно-ли найти въ ней хоть одинъ примѣръ завоеванія политической свободы силами одной буржуазіи, безъ участія въ этомъ завоеваніи силъ рабочаго класса? Въ ней нѣтъ и тѣни подобнаго примѣра. Всегда и вездѣ, когда и гдѣ буржуазія вступала въ борьбу со „старымъ порядкомъ“, она опиралась на народъ и болѣе всего, разумѣется, на рабочій классъ, какъ на болѣе образованный и подвижной слой трудящагося населенія. И только благодаря поддержкѣ народа буржуазія успѣвала въ борьбѣ и разрушала невыгодный для нея „старый порядокъ“. При этомъ дѣло происходило обыкновенно такъ, что въ то время какъ народъ боролся съ оружіемъ въ рукахъ и кровью своею платилъ за торжество свободы, буржуазія боролась посредствомъ всякаго рода „ходатайствъ“ и „представленій“. Ея роль была чисто пассивной, она содѣйствовала пораженію правительства больше всего тѣмъ, что парализовала его силы, окруживъ его почти непроницаемой стѣной общаго несочувствія и недовольства. Кто разрушилъ Бастилію? Кто сражался на баррикадахъ въ Іюль 1830 и въ Февраль 1848 года? Чье оружіе поразило абсолютизмъ въ Берлинѣ? Кто свергъ Меттерниха въ Вѣнѣ? Народъ, народъ, народъ, т. е. бѣдный, трудящійся классъ, т. е. преимущественно рабочіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ буржуазія представлена была на бранномъ полѣ лишь тѣми своими слоями, которые или занимаютъ самое жалкое мѣсто въ ея средѣ,—напр., мелкіе торговцы и небогатыя ремесленники,—или вообще очень мало вліяютъ на общественную жизнь своего класса,—напр., учащаяся молодежь и мелко-буржуазная революціонная „богема“, тогдашняя революціонная „интеллигенція“. Никакими софизмами нельзя вычеркнуть изъ исторіи тотъ фактъ, что рѣшающая роль въ борьбѣ западно-европейскихъ странъ за свое политическое освобожденіе принадлежала *народу и только народу*.

[Если бы французской или нѣмецкой „интеллигенціи“ сороковыхъ годовъ кто-нибудь посовѣтовалъ оставить всякую мысль о вовлеченіи народа въ борьбу съ правительствомъ и ограничить свою революціонную роль воздѣйствіемъ на различные слои буржуазнаго „общества“, интеллигенція встрѣтила-бы подобный совѣтъ по меньшей мѣрѣ съ негодующимъ удивленіемъ. Она знала, что на „общество“ плоха надежда. Вѣдь потому революціонная интеллигенція и стремилась къ сближенію съ народомъ, что не встрѣтила въ „обществѣ“ достаточной поддержки своимъ революціоннымъ стремленіямъ.

Слѣдовательно. если бы мы, русскіе социалисты-революціонеры, рѣшились, „оставивъ на время социализмъ“, сосредоточить всѣ свои помыслы на политической свободѣ, то намъ все-таки невозможно было-бы, подѣ страхомъ самага безславнаго пораженія, отказаться отъ вовлеченія народа въ революціонную борьбу съ царскимъ правительствомъ. Это правительство падетъ только тогда, когда противъ его организованныхъ силъ встанутъ несравненно хуже организованныя, но за то болѣе могучія силы народа. И если бы мы удовольствовались сближеніемъ съ однимъ „обществомъ“, или, по буквѣ нашего примѣра, съ одной либеральной буржуазіей, то тѣмъ самымъ отсрочили-бы торжество политической свободы.

Впрочемъ, нѣтъ,—отсрочить его было-бы невозможно; исторія оказалась-бы сильнѣе нашей неразсчетливости. Если бы мы, новые союзники буржуазіи, бывшіе социалисты, вздумали *избѣгать* революціоннаго воздѣйствія на народъ, и если бы мы даже сѣумѣли *избѣжать* его, то наша союзница повела-бы себя иначе. Революціонный инстинктъ (вѣдь мы предложили, что она склонилась къ революціонному способу дѣйствій) подсказалъ-бы буржуазіи, что ея сближеніе съ народомъ есть необходимѣйшее условіе побѣды. И она стала-бы искать сближенія съ нимъ, стала-бы стараться повліять на него, стала-бы содѣйствовать развитію его политическаго сознанія. Но, разумѣется, она дѣлала-бы это лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ большою осторожностью, постоянно заботясь о томъ, чтобы политически сознательный пролетаріатъ не доросъ, какъ-нибудь невзначай, до *классоваго самосознанія*, т. е. до со-

знанія враждебной противоположности *своихъ* интересовъ съ *ея* интересами. Въ глазахъ буржуазіи пролетаріатъ всегда остается очень опаснымъ чудовищемъ, и когда обстоятельства заставляютъ ее просить у него помощи, она зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не вовсе спала съ его глазъ закрывающая ихъ повязка.

А изъ этого вытекаетъ слѣдующій несомнѣнный выводъ. Если въ періодъ борьбы съ самодержавіемъ буржуазія будетъ единственной политической воспитательницей пролетаріата, то онъ не достигнетъ той степени сознательности и того революціоннаго настроенія, какія свойственны были бы ему въ томъ случаѣ, если бы за его политическое воспитаніе взялись социалисты.

Другими словами: *содѣйствовать росту классового сознания пролетаріата значитъ ковать оружіе, наиболее опасное для существующаго строя.* Очень плохой совѣтъ даютъ намъ люди, убѣждающіе насъ „на время оставить социализмъ“. Не доктринерство, а самый зрѣлый расчетъ и самый вѣрный революціонный инстинктъ заставляютъ насъ твердо и неизмѣнно держаться социализма.

Мы пришли къ этому выводу, предположивъ, что мы послѣдовали доброму совѣту и забыли на время о социализмѣ. Посмотримъ, не придемъ-ли мы къ тому-же выводу посредствомъ другого предположенія.

Допустимъ, что совѣту „оставить на время социализмъ“ мы не послѣдовали, но не пошли и въ среду пролетаріата. Мы рѣшили, что съ насъ достаточно силъ одной „интеллигенціи“, что, разумно употребивъ эти силы, мы не только справимся съ царизмомъ, не только завоюемъ политическую свободу, но въ то же время сдѣлаемъ „соціальную революцію“. Куда приведетъ насъ подобное предположеніе?

Я прошу васъ замѣтить, товарищи, что случай, предположенный мною теперь, по существу не отличается отъ перваго, уже рассмотрѣннаго нами случая. Различіе между ними—чисто количественное различіе. Въ первомъ—рѣчь шла о социалистической интеллигенціи, дѣйствующей въ союзѣ съ буржуазіей; во второмъ—она идетъ объ одной социалистической интеллигенціи. Слѣдовательно, и выводы, вытекающіе изъ рассмотрѣнія каждаго изъ этихъ слу-

чаевъ, не могутъ существенно отличаться одинъ отъ другого.

Если для побѣды надъ царизмомъ недостаточно силъ соціалистической интеллигенціи, дѣйствующей въ союзѣ съ буржуазіей, то еще менѣе могутъ обезпечить такую побѣду силы одной интеллигенціи. Вотъ что приходится сказать прежде всего.

Далѣе. Отказавшись отъ революціоннаго сближенія съ пролетаріатомъ, мы тѣмъ самымъ отказываемся содѣйствовать росту его классоваго сознанія, т. е. перестаемъ быть соціалистами, т. е. противорѣчимъ себѣ, потому что вѣдь мы рѣшили, что соціалистами намъ слѣдуетъ остаться.

Правда, мы не перестаемъ *называть* себя соціалистами. Но вѣдь я уже сказалъ, что этого мало. Извѣстно, что въ частной жизни человѣкъ можетъ считать и называть себя вовсе не тѣмъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности. То же и въ политикѣ; и здѣсь названіе, присвоенное себѣ той или другой партіей, еще ровно ничего не доказываетъ и ровно ни за что не ручается. Если мы, члены данной партіи, называемъ себя соціалистами и даже вполне искренно сочувствуемъ соціализму, то это еще не значить, что мы на самомъ дѣлѣ соціалисты. Соціалистами *на дѣлѣ, а не на словахъ*, насъ можно признать только въ томъ случаѣ, если мы дѣлаемъ соціалистическое дѣло, т. е. способствуемъ росту классоваго сознанія пролетаріата.

Къ тому же и нельзя говорить о соціалистической интеллигенціи, какъ о *партіи*. Соціалистическая интеллигенція это—тотъ ферментъ, который, попавъ въ благоприятную (т. е. рабочую) среду, можетъ вызвать въ ней броженіе, которое приведетъ къ возникновенію соціалистической партіи. *Но это и все*. Если соціалистическія идеи не проникли далѣе интеллигенціи,—соціалистическаго движенія *еще нѣтъ*. Соціализмъ „интеллигенціи“ это еще не соціализмъ, это только передняя или—если вамъ угодно выражаться болѣе высокимъ слогомъ—преддверіе соціализма. Смѣшно говорить о томъ, что соціалистическая интеллигенція своими собственными силами сдѣлаетъ „соціальную революцію“.

Значить, мы опять приходимъ къ знакомому уже заключенію: наша задача, задача русскихъ социалистовъ, сводится къ содѣйствію роста классоваго сознанія русскаго пролетаріата.

И намъ тѣмъ легче рѣшить эту задачу, что, какъ я уже говорилъ во второмъ письмѣ, русскій пролетаріатъ обнаруживаетъ самые недвусмысленные признаки политическаго пробужденія. Политически онъ *уже* переросъ буржуазію. Онъ раньше ея пришелъ къ мысли о политической свободѣ.

Рабочій классъ, въ среду котораго проникла мысль о политической свободѣ, это уже сознательный рабочій классъ. Но пока онъ говоритъ *только* о политической свободѣ, его политическое сознаніе находится еще въ неразвитомъ состояніи, оно еще не стало *классовымъ его сознаніемъ*.

На эту высшую ступень политическаго развитія рабочій классъ поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношеніе къ буржуазіи, причину своего подчиненія эксплуататорамъ.

Тогда политическая свобода перестаетъ играть въ его глазахъ роль панацеи, способной излѣчить общественный организмъ ото всѣхъ возможныхъ болѣзней. Тогда онъ ставитъ передъ собой задачу своего экономическаго освобожденія, великую цѣль, „которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство“ *).

Я знаю, товарищи, что есть люди, которымъ почти святотатственнымъ кажется взглядъ на политическую свободу, какъ на средство, служащее для той или иной экономической цѣли. „Насъ оскорбляетъ мысль, что мы можемъ смотрѣть на свободу лишь какъ на орудіе для чего-то другого—писать недавно Степнякъ—какъ будто чувства и потребности свободныхъ людей чужды намъ, какъ будто за обязанностями къ народу мы не понимаемъ обязанностей къ самимъ себѣ, къ человѣческому достоинству“ **).

*) См. написанный Марксомъ уставъ Международнаго Товарищества а Рабочихъ.

**) Чего намъ нужно. Лондонъ 1892, стр. 24.

Я очень уважаю Степняка и какъ человѣка, и какъ политическаго дѣятеля. Но тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что онъ ошибается, странно и жестоко ошибается.

Его слова о „нашихъ обязанностяхъ къ народу“ показываютъ, что въ приведенныхъ строкахъ онъ обращается къ „интеллигенціи“. Станемъ-же и мы на точку зрѣнія русскаго „интеллигента“ и посмотримъ, насколько убѣдителенъ доводъ Степняка.

Молодой человѣкъ „изъ интеллигенціи“ чрезвычайно сочувствуетъ политической свободѣ. Но онъ еще слишкомъ мало знаетъ; онъ хочетъ учиться, и онъ учится. На вопросъ—„зачѣмъ вы это дѣлаете?“—онъ отвѣчаетъ: „зачѣмъ, чтобы запасть умственными силами, необходимыми для служенія свободѣ“. Что возразить на такой отвѣтъ? Скажете-ли вы благородному юношѣ, что его взглядъ на науку, какъ на средство; унизителенъ, что стремленіе къ свободѣ заглушило въ немъ сознаніе обязанностей по отношенію къ наукѣ, къ „чистой“ наукѣ, которая сама себѣ цѣль, которая считается съ человѣческими нуждами, страданіями и идеалами, лишь какъ съ интересными явленіями, и которая знать не хочетъ „обязанностей“ по отношенію къ общественной жизни? Но такъ можетъ говорить только сухой педантъ, только специалистъ, „односторонній, какъ флюсъ“. Великіе мыслители, любившіе науку любовью всестороннеразвитыхъ и богато одаренныхъ людей, никогда не отличались подобной узкостью взгляда. Они знали, что между наукой и жизнью существуетъ тѣснѣйшая, неразрывная, ни для одной изъ нихъ ни мало не унижительная, связь, и что чѣмъ болѣе наука служитъ жизни, тѣмъ болѣе жизнь обогащаетъ науку. Они знали, что представленія о „средствѣ“ по „цѣли“ такъ же условны, какъ представленія о „слѣдствіи“ по „причинѣ“. „Причина и слѣдствіе суть представленія, имѣющія значеніе, какъ таковыя, лишь въ примѣненіи къ отдѣльному случаю, но разъ только мы этотъ отдѣльный случай станемъ разсматривать въ его общей связи съ цѣлымъ міромъ, то убѣждаемся, что причина и слѣдствіе совпадаютъ, что ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодействія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь—слѣд-

ствіе, то тамъ или тогда будетъ причиною, и наоборотъ“ *). Это обязанъ помнить всякій мыслящій человѣкъ, на чемъ бы ни остановился его взглядъ въ данную минуту: на природѣ, на наукѣ, на общественной жизни, или на взаимномъ отношеніи жизни и науки, или, наконецъ, на соотношеніи различныхъ сторонъ общественной жизни. Тотъ, въ чьемъ умѣ разрывается неразрывная въ дѣйствительности взаимная связь явленій, кто рассматриваетъ ихъ „одно независимо отъ другого, одно послѣ другого“, кто накалываетъ ихъ, какъ мертвыхъ козявокъ, на булавки съ неизмѣнными надписями: „причина“, „слѣдствіе“, „цѣль“, „средство“ и т. д., и т. д., тотъ превращается въ метафизика, и тому и природа, и общественная жизнь на каждомъ шагу подносятъ самые удивительные, самые непостижимые сюрпризы.

Спеціалистъ, воображающій, что оскорбляетъ науку молодой человѣкъ, запасающійся знаніями съ цѣлью служенія дѣлу свободы, ошибается не больше „чистаго политика“, спеціалиста политической свободы, который полагаетъ, что унижаютъ ее люди, стремящіеся сдѣлать ее, политическую свободу, орудіемъ полного, всесторонняго освобожденія пролетаріата. Каждый изъ такихъ спеціалистовъ грѣшитъ тѣмъ, что стремится сдѣлать изъ своей богини бесплодную дѣвственницу, посвятившую себя богу.

Но политическая свобода еще менѣе науки можетъ остаться „христовой невѣстой“. Она не можетъ не служить житейскимъ нуждамъ человѣчества. Кто имѣетъ извѣстныя политическія права, тотъ не пользуется ими только по неразумію. Покончивъ съ самодержавіемъ, русская буржуазія естественно будетъ пользоваться добытыми ею политическими правами всякій разъ, когда найдетъ полезнымъ пользоваться ими. И она будетъ пользоваться ими не только въ томъ отрицательномъ смыслѣ, который имѣютъ обыкновенно въ виду „чистые политики“. Она не только будетъ говорить и писать свободно, „не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій“, „отъ редакціи не зависящихъ“ она сдѣлаетъ свои политическія права ору-

*) Фридрихъ Энгельсъ. Развитие научнаго социализма, стр. 16 (второй выпускъ Библіотеки Современнаго Соціализма).

діемъ своего экономическаго благосостоянія. Она и заговорить-то о политическихъ правахъ только тогда, когда пойметъ важность ихъ, какъ „средства“. А рабочіе должны вести себя иначе? Они должны спокойно смотрѣть, какъ обдѣлываютъ свои дѣлишки гг. предприниматели, въ рукахъ которыхъ сама свобода превращается въ орудіе эксплуатаціи? Или, можетъ быть, рабочимъ тоже позволительно пользоваться своими правами? А если позволительно, то плохо ли дѣлаютъ люди, старающіеся научить ихъ этому заранѣе? Вѣдь, между „чистымъ политикомъ“ и социалистомъ разница только въ томъ и заключается, что первый говоритъ пролетарію (когда находитъ нужнымъ говорить съ нимъ): „старайся разбить сковывающія тебя цѣпи рабства, старайся приобрѣсти политическія права“, а второй прибавляетъ: „и умѣй пользоваться ими. умѣй, опираясь на нихъ, дать отпоръ буржуазіи“. Вотъ и все. Гдѣ же тутъ обида политической свободѣ? И можетъ-ли отъ этого оскорбиться ея честь и помрачиться ея красота?

Степнякъ говоритъ также о „внѣклассовомъ чувствѣ гражданской солидарности, которое существуетъ во всѣхъ передовыхъ странахъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ онѣ культурнѣе“ *). Признаюсь, мнѣ не совсѣмъ понятны эти его слова. Но если онъ хочетъ сказать, что борьба пролетаріата съ буржуазіей (или вообще классовая борьба) ослабѣваетъ по мѣрѣ развитія „культурности“, то онъ опять очень ошибается. Когда было сильнѣе классовое движеніе нѣмецкаго пролетаріата: въ 1890 г., во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, или тридцать лѣтъ тому назадъ? Я полагаю, что въ 1890 г. Когда было сильнѣе классовое движеніе французскаго пролетаріата: въ 1830 г., во время іюльской революціи, или въ 1871 году, во время Коммуны? Но классовое движеніе пролетаріата—вѣдь это и есть классовая борьба его съ эксплуататорами. Что же, стало быть нѣмцы и французы идутъ назадъ, ихъ „культурность“ падаетъ? Ничуть не бывало: она постоянно возвышается; постоянно растущая классовая борьба служитъ однимъ изъ ея проявленій.

*) Назв. брош., стр. 26.

Солидарность — великое дѣло, но не солидарность эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами. Работникъ, чувствующій себя „солидарнымъ“ съ предпринимателемъ,—который обогащается путемъ эксплуатаціи его рабочей силы,—еще не человѣкъ. Онъ, вѣроятно, станетъ человѣкомъ, но пока онъ—живая вещь, говорящій инструментъ. И чѣмъ болѣе пробуждается въ работникѣ чувство человѣческаго достоинства, тѣмъ болѣе возмущаетъ его эта роль живой вещи, нанимаемой хозяиномъ во временное пользованіе, какъ нанимается домъ, снимается участокъ земли. И чѣмъ болѣе возмущаетъ его эта роль, тѣмъ энергичнѣе ведетъ онъ борьбу за свое экономическое освобожденіе, т. е. классовую борьбу. И можетъ-ли не сочувствовать его борьбѣ кто нибудь, кромѣ самихъ эксплуататоровъ или людей, ослѣпленныхъ и убаюканныхъ софизмами и жалкими словами, которые въ изобиліи расточаются эксплуататорами? Когда мы видимъ на улицѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ держитъ другого за горло, мы устремляемся на помощь къ обиженному, мы стремимся разжать пальцы душителя, и никому изъ насъ не приходитъ въ голову обратиться къ удушаемому съ проповѣдью о чувствѣ общечеловѣческой солидарности, стоящей „выше“ такой жалкой прозы, какъ горло, стиснутое желѣзными пальцами, и соединяющей въ одну великую семью всѣхъ людей: и эллиновъ и іудеевъ, и обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, и душимыхъ и душителей, и эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Самый простой тактъ подсказываетъ намъ, что подобная проповѣдь неумѣстна, смѣшна, неприлична. Но ровно столько же неумѣстна, смѣшна и неприлична она и въ томъ случаѣ, когда произносится по поводу борьбы пролетаріата съ буржуазіей.

Но довольно объ этомъ. Я полагаю, что не нуждается въ дальнѣйшемъ обоснованіи указанная мною задача социалистовъ: содѣйствовать росту классоваго сознанія пролетаріата. Я надѣюсь, что наши молодые, дѣйствующие въ Россіи, товарищи никогда не упустятъ ея изъ виду, и что никогда не смутятъ ихъ ни тѣ софизмы буржуазіи, которые опираются на соображенія о нравственности, ни тѣ, которые опираются на политическій расчетъ; только фальсифицированная политическая ариѐметика буржуазіи

можетъ доказывать (но, какъ мы видѣли, не доказать), что невыгоденъ для дѣла свободы трудъ, направленный на пробужденіе работника.

Когда, въ статьѣ „Всероссійское раззореніе“ я писалъ, что всѣ честные русскіе люди, т. е. всѣ тѣ, которые не продали царю своей совѣсти, и которые не хотятъ, по выраженію поэта, въ роковое время позорить гражданина санъ, должны агитировать въ пользу созванія земскаго собора, мысль объ отказѣ отъ классовой борьбы была отъ меня дальше, чѣмъ когда бы то ни было. И если, какъ мнѣ пишутъ изъ Россіи, нѣкоторые молодые товарищи съ непріятнымъ для нихъ удивленіемъ увидѣли въ названной статьѣ именно эту мысль, то мнѣ остается только пожалѣть, что предлагаемыя письма не вышли раньше.

Мы, -- соціаль-демократы, — марксисты, такъ какъ и нельзя быть соціаль-демократомъ, не будучи послѣдователемъ Маркса. Марксисты „повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній. Но они никогда (даже „на время“) не отказываются отъ социализма. Ихъ отношеніе къ „политикѣ“ достаточно ясно высказалось уже въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“, который написанъ, какъ извѣстно, еще до революціонныхъ бурь 1848 г. „Въ Германіи—писали авторы „Манифеста“ — коммунистическая партія (соціаль-демократія того времени) идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи противъ феодальной собственности и мелкаго мѣщанства. Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что лишь постольку и могли коммунисты поддерживать „всякое революціонное движеніе“, поскольку ихъ собственная дѣятельность въ средѣ пролетаріата собирала его силы вокругъ ихъ знамени. Не поддержанные пролетаріатомъ, они и сами не могли бы никого поддерживать.

Подобно нѣмецкимъ коммунистамъ сороковыхъ годовъ, мы будемъ поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго порядка. Но ни одно изъ нихъ, какіе бы размѣры оно ни приняло, не

заставить насъ спрятать свое собственное знамя. И лишь въ той мѣрѣ будемъ мы желательными и сильными союзниками другихъ, болѣе или менѣе революціонныхъ партій, въ какой сумѣемъ распространить среди русскаго пролетаріата наши, социаль-демократическія, идеи.

Мы не только не хотимъ раствориться въ какой нибудь другой партіи, но, напротивъ, думаемъ, что русскіе социаль-демократы должны и очень легко могутъ собрать вокругъ своего знамени всѣ тѣ слои русскаго населенія, самое положеніе которыхъ заставляетъ ихъ колебаться между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Такъ, напримѣръ, демократическіе элементы „общества“, стремящіеся къ политической свободѣ, невольно пойдутъ за социальной демократіей, если только она явится, — а она обязана явиться, — самой смѣлой, самой рѣшительной и самой требовательной сторонницей политической свободы. Если же тотъ или другой народолюбивый „интеллигентъ“ испугается экономическихъ требованій социаль-демократовъ, то о немъ жалѣть нечего. Такой человекъ, очевидно, будетъ очень хорошо сознавать враждебную противоположность интересовъ буржуазіи и пролетаріата и... и сочувствовать буржуазіи.

Крестьяне... Но тутъ я долженъ замѣтить, что крестьянство не классъ, а сословіе. Въ этомъ сословіи есть теперь и богачи („тысячники“), и бѣдняки (деревенская „голь“, „кочевые народы“), и эксплуататоры, и ихъ жертвы, словомъ, люди, принадлежащіе къ различнымъ общественнымъ классамъ. Разумѣется, сельская буржуазія не станетъ сочувствовать социаль-демократамъ, но сельскій пролетаріатъ всегда былъ и будетъ естественнымъ союзникомъ городского. Точно также и бѣдные крестьяне (а такихъ большинство) непременно пойдутъ за социаль-демократами, если только тѣ не пожелаютъ оттолкнуть ихъ, что, конечно, невозможно.

Я знаю, что многихъ удивятъ эти слова. Поэтому я объяснюсь подробнѣе и сначала буду разсуждать въ томъ предположеніи, что уже состоялось созваніе Земскаго Собора.

Какъ уже сказано, буржуазія подъ страхомъ собственного раззоренія должна будетъ подумать объ

участи „меньшей братіи“. Ея представители вынуждены будутъ заняться на Соборѣ крестьянскимъ вопросомъ. Положимъ, что поднимается рѣчь объ уменьшеніи выкупныхъ платежей. Что сдѣлаютъ соціаль-демократы? Непримиемые и неутомимые революціонеры, они ведутъ непрерывную агитацію: они громятъ однихъ, будятъ другихъ; они обличаютъ скаредность буржуазіи; они „идутъ въ народъ“ и убѣждаютъ крестьянъ, что ихъ обманываютъ, ихъ грабятъ буржуазные депутаты, не рѣшающіеся совсѣмъ отмѣнить выкупные платежи. А къ чему приведетъ такая агитація? Крестьянинъ скажетъ, что соціаль-демократы совершенно правы, и если онъ уже раньше не голосовалъ за ихъ кандидата, онъ подастъ за него голосъ въ слѣдующій разъ. Впрочемъ, можетъ случиться, что онъ и не станетъ дожидаться слѣдующихъ выборовъ; можетъ случиться, что народъ, какъ говорили во время Великой Революціи, очиститъ Земскій Соборъ новымъ революціоннымъ взмахомъ своей руки. Но и въ такомъ случаѣ онъ будетъ дѣйствовать подъ руководствомъ соціаль-демократовъ. — Или представимъ себѣ, что Соборъ разсуждаетъ о подоходномъ налогѣ. Представители буржуазіи видятъ, что необходимо облегчить давящее крестьянина податное бремя; соціаль-демократы опять бьютъ тревогу. Они требуютъ прогрессивнаго налога, отъ котораго совершенно была бы избавлена небогатая часть населенія. Что возразить бѣдный крестьянинъ противъ ихъ требованій? Помилуйте, какія тутъ возраженія! Онъ скажетъ, что они совершенно разумны, и онъ перейдетъ на сторону соціаль-демократовъ, если не сдѣлалъ этого раньше. — Положимъ, наконецъ, что на Соборѣ заговорили объ увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ. Буржуазные представители надѣются все уладить незначительными прирѣзками. Но соціаль-демократы и тутъ не оставляютъ ихъ въ покоѣ. Они добиваются полной экспроприаціи крупныхъ землевладѣльцевъ и обращенія земли въ національную собственность. Неужели крестьяне хоть однимъ словомъ осудятъ ихъ поведеніе?

Вы видите, товарищи, какое страшное, какое могучее революціонное оружіе представляетъ собою классовая борьба въ рукахъ соціаль-демократовъ, т. е. въ рукахъ

единственной партіи, ни мало не боящейся ея неизбежныхъ послѣдствій. Революціонеры прежнихъ временъ лишь постольку и были революціонерами, поскольку опирались на классовую борьбу. Но они не сознавали ея значенія и часто, почерпая изъ нея всю свою силу, они осуждали ее въ своей политической проповѣди. Соціально-демократы поняли значеніе классовой борьбы, и въ этомъ ихъ заслуга, въ этомъ ихъ сила, въ этомъ ручательство за ихъ побѣду.

Преувеличенныя надежды всегда опасны. Соціально-демократы не должны думать, что имъ легко будетъ предупредить предсказываемую Энгельсомъ экспропріацію крестьянства. Вѣрнѣе всего, что это имъ не удастся. Но отвѣтственность падетъ за это не на нихъ, а послѣдствія этого послужатъ опять таки имъ на пользу. Соціально-демократы не упустятъ случая предупредить крестьянина на счетъ грозящей ему опасности и, если опасность все-таки его настигнетъ, онъ пойметъ, что долженъ винить только самого себя: если бы онъ вовремя поддержалъ соціально-демократовъ, дѣло приняло бы другой оборотъ: безъ земли оказались бы не бѣдные крестьяне, а гг. крупные землевладѣльцы. Впрочемъ, земля такъ мало приносила радостей бѣднымъ крестьянамъ, что многіе изъ нихъ разстанутся съ ней безъ тѣни огорченія. И эти многіе уже прямокомъ пойдутъ въ политическій лагерь революціоннаго пролетаріата. Выше мы выяснили себѣ вѣроятное политическое настроеніе экспропріаторовъ. Теперь легко понять вѣроятное настроеніе тѣхъ, которые будутъ экспропріированы.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ вы видите, товарищи, что ближайшія экономическія требованія соціально-демократовъ имѣютъ на первый взглядъ очень странное свойство: они и опредѣленны, и неопредѣленны въ одно и то же время. Они гораздо менѣе опредѣленны, чѣмъ требованія, напр., такого человѣка, который разъ навсегда рѣшилъ, что уничтоженіе выкупныхъ платежей и увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ избавитъ Россію отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ и напастей. Соціально-демократы не говорятъ ничего подобнаго. У нихъ нѣтъ ни капли вѣры въ мелко-буржуазныя панацеи. Они не продаютъ цѣлебныхъ пилюль, не прописываютъ единоспа-

сающих рецептов. Они говорят народной массѣ: „бей твоихъ эксплуататоровъ по ихъ длиннымъ, загребушимъ рукамъ, и бери все, что сможешь взять въ каждое данное время“. Это, конечно, неопредѣленно, потому что нельзя сказать напередъ, что же именно сможетъ взять народъ въ такое-то именно время. Но съ другой стороны это вполне опредѣленно: не довольствоваться никакими уступками со стороны высшихъ классовъ; всегда ставить передъ народомъ максимумъ тѣхъ революціонныхъ требованій, до которыхъ онъ доросъ въ настоящее время; неустанно вести его впередъ, впередъ и впередъ на завоеваніе непріятельской территоріи; не класть меча въ ножны до тѣхъ поръ, пока не будетъ она занята вся до послѣдней пяди,—что можетъ быть опредѣленіе такой программы? Если она грѣшитъ чѣмъ либо, то развѣ слишкомъ большой опредѣленностью. Въ ней нѣтъ ни широковѣщательныхъ фразъ, ни подслащенныхъ недо-молвокъ, предназначенныхъ для примиренія непримиримыхъ, для установленія братства между волками и овцами. Коротко, рѣшительно и ясно указывается въ ней не только окончательная цѣль—полное экономическое освобожденіе трудящихся — но и ведущее къ ней средство — непрерывная и непримиримая борьба классовъ. Партія, усвоившая эту программу, не потеряется ни при какихъ обстоятельствахъ: она всегда сумѣетъ формулировать соотвѣтствующія данной минутѣ экономическія требованія, а главное, она никогда не даетъ массѣ успокоиться на этихъ требованіяхъ, она научитъ ее ставить новыя, все болѣе и болѣе широкія требованія, она заразитъ ее духомъ борьбы, духомъ революціи...

Мы предположили, что уже состоялось созваніе Земскаго Собора. Посмотримъ теперь, какъ намъ добиваться его созванія.

Ведя соціалистическую пропаганду въ рабочихъ кружкахъ, мы тѣмъ самымъ выясняемъ рабочимъ великое значеніе политической свободы. Всякій рабочій-соціалистъ непременно будетъ горячимъ ея сторонникомъ. И понятно, что всѣ соціалистическіе рабочіе кружки такъ же охотно высказались бы за созваніе Земскаго Собора, какъ и революціонная „интеллигенція“. Но само по себѣ

это еще не привело бы ни къ чему. Исторія дѣлается не кружками, а массами. Рабочіе-соціалисты будутъ наилучшими руководителями революціонной массы, самыми надежными офицерами и унтеръ-офицерами революціонной арміи. Но откуда возьмется такая армія? Ея не создашь кружковой пропагандой.

Вы знаете, товарищи, что это послѣднее замѣчаніе намъ часто приходится слышать отъ своихъ противниковъ. Оно является даже главнымъ возраженіемъ противъ нашей программы. „Вы утверждаете, что для побѣды надъ правительствомъ нужна сильная революціонная армія,—говорятъ намъ. Это справедливо. Но ваша пропаганда между рабочими такой арміи не создастъ. Пропганда сама приметъ сколько нибудь широкіе размѣры только при конституціи. Поэтому, въ настоящее время она бесполезна“.

Такой доводъ замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что люди, выдвигающіе его противъ насъ, не видятъ, въ какое странное противорѣчіе попадаютъ они сами. Пока нѣтъ политической свободы, нельзя создать и революціонной арміи въ рабочей средѣ; но пока нѣтъ такой арміи, не будетъ и политической свободы. Это настоящій заколдованный кругъ, изъ котораго, повидимому, только и есть одинъ выходъ: въ бездѣятельность, въ полное, безнадежное „разочарованіе“.

Однако, при нѣкоторомъ вниманіи неразрѣшимое на первый взглядъ противорѣчіе очень легко разрѣшается. Что явилось раньше: курица или яйцо? Курица могла развиваться только изъ яйца; а съ другой стороны, яйцо было снесено курицей. До сихъ поръ есть мудрецы, могущіе разрѣшить это противорѣчіе только ссылкой на Творца, создавшаго куръ въ такой то день творенія. Но наука не довольствуется ссылками на Творца. Она апеллируетъ къ ученію о развитіи, съ помощью котораго легко разрѣшаются теперь все мнимыя противорѣчія, еще недавно смущавшія метафизиковъ, думавшихъ, что нынѣшніе животные виды явились въ одинъ прекрасный день совершенно готовыми, законченными и неизмѣнными. Не то ли самое и въ политикѣ? Не разрѣшить ли и здѣсь ученіе о

развитіи всѣхъ тѣхъ противорѣчій, предъ которыми въ искреннемъ недоразумѣніи останавливаются революціонеры-метафизики?

Если бы въ то время, когда мы занимаемся социалистической пропагандой между рабочими, Россія стояла на одномъ мѣстѣ, то столь же неизмѣннымъ оставалось бы и взаимное отношеніе общественныхъ силъ въ нашей странѣ. Черезъ десять, двадцать, тридцать лѣтъ самодержавіе было бы такъ же сильно и прочно, какъ было оно и при началѣ нашей пропаганды: то обстоятельство, что его ненавидѣло бы нѣсколько тысячъ „спропагандированныхъ“ рабочихъ, уменьшило бы его прочность лишь на безконечно малую величину, которая не имѣла бы ни малѣйшаго практическаго значенія. Но остаются ли неизмѣнными общественныя отношенія Россіи? Мы видѣли, что они очень быстро измѣняются. Вмѣстѣ съ ними измѣняется, стало быть, и взаимное отношеніе общественныхъ силъ. Самодержавіе слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ разлагается и разрушается взростившая его историческая почва. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе крѣпнуть тѣ силы, столкновеніе съ которыми приведутъ его къ гибели. Это значитъ, что пока наша пропаганда вырабатываетъ революціонеровъ, исторія создастъ необходимую для ихъ дѣятельности революціонную среду, пока мы готовимъ руководителей революціонной массы, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ революціонной арміи, — сама эта армія создается неотвратимымъ ходомъ общественнаго развитія. Но въ такомъ случаѣ можно ли говорить о бесплодности, о непроизводительности нашей дѣятельности? Не оказывается ли она, напротивъ, безусловно необходимой и единственно-плодотворной съ революціонной точки зрѣнія?

Съ другой стороны—ясно, что пока „спропагандированные“ нами личности не имѣютъ прямого революціоннаго вліянія на массу, онѣ являются ея руководителями только въ возможности. Чтобы стать дѣйствительными ея руководителями, онѣ должны вліять на нее въ революціонномъ смыслѣ.

Тутъ то и вступаетъ въ свои права агитація. Благодаря ей, устанавливается и укрѣпляется необходимая связь между „героями“ и „толпой“, между массой и ея

вожаками. И чѣмъ натянутѣе становится положеніе дѣлъ, чѣмъ болѣе шатается старое общественное зданіе, чѣмъ быстрѣе приближается революція, тѣмъ важнѣе становится агитація. Ей принадлежитъ главная роль въ драмѣ, называемой общественнымъ переворотомъ.

Отсюда слѣдуетъ, что если русскіе социалисты хотятъ сыграть дѣятельную роль въ предстоящей русской революціи, они должны умѣть быть агитаторами.

Это необходимо. Но это не легко. Дѣло агитатора заключается въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ пустить въ обращеніе максимумъ революціонныхъ идей, доступныхъ для массы. За всякую ошибку въ ту или другую сторону агитатора ждетъ жестокое наказаніе. Если онъ преувеличилъ революціонное настроеніе массы, онъ въ лучшемъ случаѣ останется непонятымъ, а, можетъ быть, его осмѣютъ, даже изобьютъ. Если же, наоборотъ, онъ, по излишней осторожности, выставитъ передъ массой такія требованія, которыя она уже переросла въ своемъ быстромъ революціонномъ развитіи, онъ попадетъ въ нелѣпное положеніе агитатора-тормазы, агитатора, внушающаго толпѣ „умѣренность и аккуратность“. Въ умѣнны избѣжать подобныхъ крайностей заключается вся ловкость агитатора. Но если онъ обладаетъ такою ловкостью, ему нечего бояться неудачи. Его дѣло идетъ, какъ бы само собою. Вы можете, пожалуй, сказать, что онъ ничего не даетъ массѣ: онъ только сообщаетъ вполнѣ сознательное выраженіе уже готовому ея настроенію, не совсѣмъ ясному для нея самой. Но въ этомъ-то и заключается тайна его вліянія, залогъ его дальнѣйшихъ успѣховъ. Видя въ его словахъ лишь выраженіе своихъ собственныхъ стремленій, масса охотно идетъ за нимъ. И если только не устранены причины ея революціоннаго настроенія, она даже сама толкаетъ впередъ агитатора. Освоившись съ тѣмъ, что еще вчера пугало ее своей смѣлостью и новизною, она немедленно идетъ дальше, склоняясь къ болѣе смѣлымъ требованіямъ. И такимъ образомъ, воспитываемая своимъ собственнымъ опытомъ, увлекаемая своимъ собственнымъ движеніемъ, ободряемая своимъ собственнымъ успѣхомъ, она постепенно, но за то непремѣнно становится болѣе и болѣе революціонной, пока

не нанесетъ, наконецъ, однимъ рѣшительнымъ движеніемъ смертельнаго удара существующему порядку. А когда разлетится ветхое, подточенное и распатанное исторіей зданіе этого порядка, передъ ней откроются новыя задачи, ей надо будетъ получше устроиться на новосельи, не попадаясь въ сѣти политическихъ эксплуататоровъ, льстецовъ и обманщиковъ. Тогда услуги и указанія ея преданныхъ друзей-агитаторовъ будутъ для нея не менѣе важны, чѣмъ прежде, въ разгарѣ борьбы со старымъ порядкомъ.

Ораторы родятся, гласить извѣстная поговорка. Агитаторы тоже „родятся“, и никакая наука не замѣнитъ врожденнаго агитаторскаго таланта. Нельзя вести агитацію по данному шаблону. Но это не мѣшаетъ вдумываться въ ея значеніе и готовиться къ ней всѣми зависящими отъ насъ способами въ такое время, когда можно предвидѣть, что скоро откроется широкое поле для агитаціонной дѣятельности.

Необходимымъ условіемъ этой дѣятельности является сплоченіе уже готовыхъ революціонныхъ силъ. Кружковой пропагандой могутъ заниматься люди, ничѣмъ не связанные между собою, даже не подозревающие существованія одинъ другого. Конечно, отсутствіе организаціи всегда отзывается и на пропагандѣ, но оно не дѣлаетъ ея невозможной. Въ эпохи же сильнаго общественнаго возбужденія, когда политическая атмосфера насыщена электричествомъ и когда то здѣсь, то тамъ, по самымъ различнымъ, самымъ непредвидѣннымъ поводамъ происходятъ все болѣе и болѣе частыя вспышки, свидѣтельствующія о приближеніи революціонной бури, короче, когда надо агитировать или оставаться за флагомъ,—въ такія эпохи только организованныя революціонныя силы могутъ имѣть серьезное вліяніе на ходъ событій. Отдѣльная личность становится тогда безсильной, революціонное дѣло оказывается по плечу только единицамъ высшаго порядка: революціоннымъ организаціямъ.

Организація — это первый и неизбѣжный шагъ. Какъ бы ни были незначительны готовые революціонныя силы современной Россіи, онѣ сразу удесятерятся, благодаря организаціи. Сосчитавъ свои силы и распредѣливъ ихъ

какъ слѣдуетъ, революціонеры принимаются за дѣло. Во всѣхъ слояхъ населенія они, посредствомъ устной и печатной пропаганды, распространяють правильный взглядъ на причины нынѣшняго голода. Тамъ, гдѣ масса еще не созрѣла для пониманія ихъ проповѣди, они даютъ ей, такъ сказать, предметные уроки. Они являются всюду, гдѣ она протестуетъ, они протестуютъ вмѣстѣ съ нею, они уясняютъ ей смыслъ ея собственнаго движенія и тѣмъ увеличиваютъ ея революціонную подготовку. Такимъ образомъ, стихійныя движенія массы постепенно сливаются съ сознательнымъ революціоннымъ движеніемъ. И мысль о необходимости созванія Земскаго Собора становится болѣе и болѣе популярной: русскій народъ болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что ему необходимо вырвать свою судьбу изъ рукъ царскихъ чиновниковъ.

Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны надо, чтобы, возставъ противъ существующаго порядка, народъ завоевалъ политическія права для себя, а не политическія привилегіи для своихъ эксплуататоровъ. Надо, чтобы Земскій Соборъ былъ всенароднымъ соборомъ, чтобы трудящаяся масса могла послать на него своихъ представителей, чтобы избирателями и избранными могли быть всѣ совершенно лѣтніе русскіе граждане. Всеобщее прямое избирательное право—вотъ первое и самое главное политическое требованіе русскихъ соціалистовъ. Не добившись его исполненія, они тѣмъ менѣе будутъ въ состояніи добиться исполненія другихъ своихъ требованій, находящихся съ нимъ въ тѣснѣйшей связи: свободы слова, собраній, союзовъ, стачекъ и т. д., и т. д.

Агитаторы должны сдѣлать массу сторонницей каждаго изъ этихъ требованій.

Но изъ какой среды будутъ выбраны представители народа на Соборѣ? Вѣдь, всеобщее прямое избирательное право вовсе не ручается за то, что рабочіе не выберутъ своихъ хозяевъ, бѣдные крестьяне—кулаковъ или помещиковъ, вообще — эксплуатируемые эксплуататоровъ. Всеобщее избирательное право—это обоюдоострый мечъ, который легко можетъ направить противъ насъ правительство или буржуазія. Какъ отразить ихъ удары?

Рабочій не станетъ голосовать за своего хозяина только

тогда, когда онъ сознаетъ враждебную противоположность, существующую между его экономическими интересами съ одной стороны и интересами хозяина съ другой. Какъ только онъ сознаетъ ее, онъ не захочетъ быть политическимъ орудіемъ эксплуататора, онъ постарается дать политическое выраженіе своимъ экономическимъ нуждамъ, онъ подастъ голосъ за социалиста.

Бѣдный крестьянинъ не станетъ голосовать за кулака, помѣщика или правительственнаго кандидата только тогда, когда социалистическая рабочая партія, — выставивъ извѣстныя экономическія требованія, въ родѣ указанныхъ выше для примѣра, — покажетъ ему, что существуетъ тѣсная связь между его интересами и интересами революціоннаго пролетаріата.

Слѣдовательно, мы опять приходимъ къ тому, ужъ знакомому намъ выводу, что наша политическая агитація принесетъ для насъ плоды только въ томъ случаѣ, если она будетъ содѣйствовать росту классоваго сознанія русскаго пролетаріата.

Классовое сознаніе пролетаріата — это тотъ щитъ, отъ котораго отлетятъ, какъ горохъ отъ стѣны, всѣ стрѣлы враждебныхъ намъ партій.

Кончаю. Я откровенно изложилъ наши взгляды на задачи русскихъ социалистовъ въ борьбѣ съ причинами голода въ Россіи и надѣюсь, что теперь невозможны никакія недоразумѣнія на ихъ счетъ. Тѣхъ, которые согласятся съ ними, я привѣтствую, какъ товарищей, а тѣмъ, которые найдутъ ихъ слишкомъ „крайними“, я напому, что мы социалисты, а въ глазахъ социалистовъ умѣренность вовсе не заслуга.

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что откровенное изложеніе нашихъ взглядовъ несвоевременно, такъ какъ оно способно запугать либераловъ. На это я отвѣчу вотъ что: съ нашей стороны нелѣпо было бы умышленно запугивать ихъ; но если они испугаются насъ какъ нибудь невзначай, помимо нашей воли, то намъ остается только пожалѣть объ ихъ совершенно ужъ „несвоевременной“ пугливости. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ самымъ вреднымъ родомъ запугиванія — запугиваніе социалистовъ призракомъ запуганнаго либерала. Вредъ, приносимый

такимъ запугиваніемъ несравненно больше той пользы, которую могло бы принести убѣжденіе гг. либераловъ въ нашей умѣренности и аккуратности.

Р. S. Мнѣ только что передали письмо, изъ котораго я еще разъ вижу, что статья „*Всероссійское раззореніе*“ была плохо истолкована русскими читателями.

„Какъ вы думаете достигъ поставленныхъ себѣ задачъ, вродѣ сбора 300 милліоновъ рублей, которыхъ не даетъ Вышнеградскій?—спрашиваетъ меня живущій въ Россіи читатель.—Или, что вы понимаете подъ возстановленіемъ раззореннаго крестьянскаго хозяйства? На какихъ началахъ: мелкаго землевладѣнія или общины? Тогда какъ согласить это съ „Нашими Разногласіями?“

На первый изъ этихъ вопросовъ можно было бы отвѣтить очень кратко: у Земскаго Собора *непремѣнно и во всякомъ случаѣ* будутъ всѣ тѣ средства, которыя понадобятся для помощи голодающимъ, и которыхъ нѣтъ и не можетъ быть въ распоряженіи царскаго правительства. Но такой отвѣтъ подалъ бы поводъ къ новымъ недоразумѣніямъ, поэтому я выскамусь подробнѣе.

Что означало бы созваніе Земскаго Собора? То же самое, что означало созваніе гереральныхъ штатовъ въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи: признаніе правительствомъ своей несостоятельности, уступку, вырванную у него неотвратимымъ ходомъ историческихъ событій, *прологъ революціи*. Разъ былъ бы созванъ Земскій Соборъ, судьба Россіи фактически тотчасъ же перешла бы изъ рукъ царя въ руки новаго, революціоннаго правительства, а революціонное правительство лишь постольку и было бы дѣйствительно революціоннымъ, лишь постольку и поднялось бы на высоту своей задачи, постольку оно сумѣло бы преодолѣть тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ *царскому* правительству предпринять что нибудь полезное для голоднаго народа. Если собравшіеся на соборъ представители не сумѣютъ рѣшить эту задачу, ихъ снесетъ волна революціоннаго движенія, которая поставитъ the right men on the right place (настоящихъ людей на настоящее мѣсто), и которая создастъ,

наконецъ, правительство, способное побороться съ обстоятельствами. Для правительства, которое будетъ заслуживать названіе *революціоннаго правительства*, легко будетъ достать даже не такую бездѣлицу какъ 300 милліоновъ рублей (эту цифру я взялъ для примѣра и заранѣе говорилъ, что она не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ народной нужды), а сумму несравненно большую. Ему достаточно будетъ правильно распорядиться казенными и удѣльными имѣніями и наложить руку на огромныя богатства нашихъ монастырей, чтобы справиться съ бѣдою.

Второй вопросъ: что понимаемъ мы подъ возстановленіемъ въ конецъ разстроеннаго крестьянскаго хозяйства? Возстановить крестьянское хозяйство значитъ, какъ я уже говорилъ выше, дать русскому земледѣльцу возможность сѣять *хлѣбъ*, а не *голодъ*. И это непременно надо сдѣлать, и это непременно будетъ сдѣлано, потому что иначе погибла бы Россія, а въ ней слишкомъ много жизненныхъ силъ, чтобы она могла теперь погибнуть: она спасетъ себя революціей. — „На какихъ началахъ“ состоитъ возстановленіе крестьянскаго хозяйства? Мы не беремся съ увѣренностью предсказывать это, хотя вѣрнѣе всего, что правъ Энгельсъ, думающій, что крестьянскія земли перейдутъ въ руки новой буржуазіи. Но не менѣе вѣрно и то, что въ разгарѣ революціоннаго движенія у крестьянъ можетъ явиться желаніе придать дѣлу другой оборотъ: обезпечить себѣ настоящую, а не на бумагѣ только фигурирующую поземельную собственность. И мы непременно будемъ поддерживать крестьянъ въ такомъ ихъ намѣреніи. Мы постараемся повести ихъ дальше, вплоть до экспроприаціи крупныхъ землевладѣльцевъ. А что изъ этого выйдетъ? Выйдетъ могучее революціонное движеніе, отстраниться отъ котораго значило бы измѣнить принципамъ социализма. Ну, а если крестьяне, отнявъ земли у крупныхъ землевладѣльцевъ, передѣлятъ ихъ между общинами? „И въ томъ не вижу я бѣды“. Но пока согласить это съ „Нашими Разногласіями“? Согласить пуглѣ, легко, потому что на самомъ дѣлѣ и согласнаго рѣшительно нечего.

призрачники-утописты, въ Россіи какъ и во всемъ

свѣтъ, думали, что отъ нихъ зависить заставить исторію
итти въ ту или въ другую сторону. По вопросу объ
общинѣ русскіе соціалисты - утописты рассуждали такъ:
община хорошее дѣло; ее надо поддержать; *слѣдовательно*:
мы ее поддержимъ. Могли быть и другіе утописты кото-
рые сказали бы: община тормозитъ наше общественное
развитіе; ее надо устранить; *слѣдовательно*: мы устранимъ
общину. Соціаль-демократы разъ навсегда распростились
съ утопіями; они сказали себѣ и другимъ: ходъ обще-
ственного развитія опредѣляется не симпатіями той или
другой группы людей къ тому или другому обществен-
ному учрежденію, а соотношеніемъ общественныхъ силъ,
отъ котораго въ послѣднемъ счетѣ зависить самая проч-
ность вышеуказанныхъ симпатій. Не отъ насъ зависить
измѣнить ходъ экономической исторіи Россіи. Но мы мо-
жемъ *понять* его и, сильные своимъ пониманіемъ,
явиться сознательными революціонными дѣятелями. На-
родники плачутъ о томъ, что община разлагается. Они не
видятъ того, что разложеніе общины создаетъ новую
общественную, *революціонную* силу, которая приведетъ
насъ и къ политической свободѣ, и къ социализму. Сила
эта—пролетаріатъ, съ которымъ мы должны прежде всего
облизиться. Вотъ и все. И все это было сказано въ „На-
шихъ Разногласіяхъ“. Но, высказывая все это, я не гово-
рилъ, что если бы съ крестьянской земли было свалено
податное бремя и если бы увеличены были крестьянскіе
надѣлы, то процвѣла бы община, о которую разбилось бы
наше соціаль-демократическое движеніе. Говоря это, я по-
казалъ бы, что я такой же утопистъ, какъ и мои против-
ники. Въ „Нашихъ Разногласіяхъ“ я старательно указы-
валъ читателямъ на тѣ факты, что община разлагается
всего скорѣе именно тамъ, гдѣ землею дорожатъ, т. е.
тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство поставлено въ сколько
нибудь благопріятныя условія. *Слѣдовательно*, я *ни въ ка-
комъ случаѣ* не могъ и не могу бояться возстановленія
крестьянскаго хозяйства, произойдетъ ли оно на началахъ
личнаго, или на началахъ общиннаго землевладѣнія. Да
и вообще, мы, соціаль-демократы, какъ это прекрасно ска-
залъ Либкнехтъ, *никого и ничего не боимся*. Есть люди, ко-
торые, не будучи въ состояніи вдуматься въ ходъ обще-

ственного развитія, меланхолически твердятъ: „исторія идетъ невѣроятными путями“. Говоря это, они тѣмъ самымъ допускаютъ, что ихъ „программа“ можетъ придти въ противорѣчье съ исторіей. Они изображаютъ собой птичку, которая робко озирается по сторонамъ, ожидая, что вотъ-вотъ, неизвѣстно съ какой стороны, кинется на нее кошка-исторія и съѣстъ ее вмѣстѣ съ „идеалами“, такъ что и отъ нея самой, и отъ „идеаловъ“ останутся только пухъ и перья. Соціаль-демократы ни мало не боятся такихъ сюрпризовъ. Для нихъ въ ходѣ исторіи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Ихъ программа есть сознательное выраженіе безсознательнаго хода общественнаго развитія. Они спокойно и увѣренно смотрятъ въ будущее. Они глубоко и вполне основательно убѣждены, что какъ бы ни пошли событія, а у нихъ, у социаль-демократовъ, всегда будетъ возможность плодотворной работы, и что всякое серьезное общественное движеніе непременно и неизбѣжно приближаетъ ихъ къ ихъ великой цѣли.

Повторяю, на какихъ бы началахъ ни произошло возстановленіе крестьянскаго хозяйства, оно ни въ какомъ случаѣ не поставитъ насъ въ затруднительное положеніе, и ни въ какомъ случаѣ интересы социальной демократіи не пойдутъ въ разрѣзъ съ интересами трудящейся массы.

ни въ городѣ, ни въ деревнѣ.

Серія „Пролетаріатъ“.

Г. Рабчин

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

Анархизмъ и соціализмъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Типо-Литогр. И. Лурье и К°, Гороховая, 48.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

АНАРХИЗМЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.

Переводъ съ нѣмецк. Н. Н—ина.

Точка зрѣнія утопическаго социализма.

Какъ извѣстно, *французскіе матеріалисты* XVIII в., ведя беспощадную борьбу противъ „безчестныхъ“, ¹⁾ иго которыхъ тяжело давило тогдашнюю Францію, не переставали въ то же время заниматься изслѣдованіемъ того, что они называли *совершеннымъ законодательствомъ*, т. е. лучшаго изъ всѣхъ возможныхъ законодательствъ. Такимъ представлялось имъ законодательство, которое обезпечило бы всѣмъ человѣческимъ „существамъ“ наибольшую сумму счастья. Оно могло бы быть принято любымъ человѣческимъ обществомъ, потому что оно самое совершенное, а стало быть, и самое „естественное“ законодательство. Отклоненія въ сторону такого „совершеннаго законодательства“ занимаютъ въ произведеніяхъ какого-нибудь Гольбаха и Гельвеція немало страницъ.

Съ другой стороны, *социалисты* первой половины XIX в. съ невѣроятнымъ усердіемъ и безпримѣрнымъ рвеніемъ предавались изысканіямъ самой лучшей изъ всѣхъ возможныхъ *соціальныхъ организаций* — *совершенной соціальной организаціи*. Это самая выдающаяся, самая характерная черта, присущая какъ имъ, такъ и матеріалистамъ XVIII в. Ей мы и должны раньше всего удѣлить свое вниманіе.

Для разрѣшенія проблемы о совершенной соціальной организаціи, или — что сводится къ тому же — о самомъ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ законодательствъ, намъ, само собой разумѣется, необходимъ критическій масштабъ, при помощи котораго мы могли бы сравнивать между собой различныя „законодательства“. И этотъ критерій долженъ быть совершенно особаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь вѣдь идетъ не объ *относительно* лучшемъ законодательствѣ, т. е. не о лучшемъ или самомъ лучшемъ законодательствѣ, возможномъ *при данныхъ обстоятельствахъ*. Нѣтъ, мы должны найти *абсолютно совершенное* законодательство, — именно такое, совершенство котораго ни въ чемъ не зависѣло бы ни отъ времени, ни отъ обстоятельствъ. Мы вынуждены, слѣдовательно, совершенно отвлечься отъ *исторіи*, такъ какъ въ ней вѣдь все *относительно*, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Но что же

¹⁾ Такъ называли Людовиковъ.

въ такомъ случаѣ, можетъ намъ служить путеводной нитью въ нашихъ „законодательныхъ“ изысканіяхъ, разъ мы не принимаемъ во вниманіе исторіи человѣчества? Такой путеводной нитью будетъ, очевидно, *человѣчество, человѣкъ вообще, „человѣческая природа“*, для которой исторія служитъ лишь внѣшнимъ проявленіемъ. Таковъ нашъ точно установленный критерій. *Совершеннымъ законодательствомъ, самымъ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ законодательствъ будетъ то, которое наиболее соответствуетъ „человѣческой природѣ“*. Можетъ, правда, случиться, что даже обладая подобнымъ критеріемъ, мы всетаки не рѣшимъ проблемы о лучшемъ общественномъ строѣ,—либо за недостаткомъ „просвѣщенности“, либо за недостаткомъ логики: человѣку свойственно ошибаться. Но неоспоримымъ представляется, что эта проблема *можетъ* быть рѣшена; что стоитъ только опереться на точное знаніе человѣческой „природы“, чтобы быть въ состояніи найти такое совершенное законодательство или такую совершенную соціальную организацію.

Такова была точка зрѣнія французскихъ матеріалистовъ въ области соціальныхъ наукъ. Человѣкъ, говорили они, это—чувствующее и мыслящее существо. Онъ избѣгаетъ непріятныхъ ощущеній и ищетъ пріятныхъ. Онъ достаточно разсудителенъ для пониманія того, что для него полезно и что вредно. Разъ мы познали эти основныя положенія, то наша обдуманность и добрая воля помогутъ намъ прійти, въ нашихъ изысканіяхъ о наилучшемъ законодательствѣ, къ такимъ же хорошо обоснованнымъ, строго доказаннымъ и неоспоримымъ выводамъ, къ какимъ, въ своей области, приходятъ математики. Такъ, Кондорсе ставилъ своей задачей дедуктивно выводить всѣ требованія здравой морали изъ простой основной истины, что человѣкъ—существо „чувствующее“ и „одаренное разсудкомъ“.

Нужно ли говорить, что Кондорсе ошибался? Если „философы“ въ этой отрасли изслѣдованій и пришли къ неоспоримымъ, хотя и *чрезвычайно относительной цѣнности* выводамъ, то только потому, что, сами того не замѣчая, они безпрестанно покидали свой абстрактный исходный пунктъ—*„человѣческую природу вообще“*—и становились на точку зрѣнія *болѣе или менѣе идеализированной природы представителя тогдашняго третьяго сословія*. Этотъ человѣкъ „чувствовалъ“ и „мыслилъ“ вполне опредѣленнымъ образомъ, въ точномъ соотвѣтствіи съ окружающей его соціальной средой. Въ его „природѣ“ было отставать буржуазную собственность, представительный образъ правленія, свободу торговли („laissez faire, laissez passer“—безпрестанно кричала „природа“ этого человѣка) и т. д.

Въ дѣйствительности, французскіе философы всегда имѣли въ виду видимыя имъ политическія и экономическія потребности третьяго сословія. Это былъ ихъ фактическій критерій. Но они пользовались имъ *безсознательно* и подходили къ

нему лишь обходнымъ путемъ абстракціи. Ихъ сознательные приемы всегда сводились къ абстрактнымъ размышленіямъ о „человѣческой природѣ“ и о тѣхъ социальныхъ и политическихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе соотвѣтствовали природѣ.

Такіе же приемы были вначалѣ свойственны и социалистамъ. Морелли, дитя восемнадцатаго вѣка, „напередъ предвидя безконечную массу пустыхъ возраженій“, выдвигаетъ въ качествѣ неоспоримаго принципа, что „въ моральной сферѣ *природа всегда одна, постоянна, неизмѣнна*.., что ея законы не мѣняются“, и что „все, что можно было бы привести относительно различія нравовъ дикихъ и цивилизованныхъ народовъ, все-таки не въ состояніи доказать, что сама эта *природа мѣняется*“. Въ лучшемъ случаѣ это могло бы только доказать, что „нѣкоторые народы, вслѣдствіе чисто внѣшнихъ случайностей, отступили отъ требованій „природы“; другіе подчинялись имъ въ силу простой привычки; третьи, наконецъ, подчинялись ей черезъ посредство измышленныхъ законовъ, не всегда противорѣчившихъ этой природѣ. Короче говоря, *„человѣкъ измѣняетъ правду, но она никогда не прекращается“* ¹⁾.

Фурье опирается на анализъ человѣческихъ страстей. Роберту Оуэну исходнымъ пунктомъ служатъ извѣстные размышленія относительно образованія человѣческаго характера. Сень-Симонъ, который уже обладаетъ широкимъ пониманіемъ историческаго развитія человѣчества, то и дѣло опять возвращается къ человѣческой природѣ, чтобы уяснить себѣ законы этого развитія; а сень-симонисты заявляютъ, что ихъ философія „основывается на новомъ пониманіи человѣческой природы“. Соціалисты разныхъ толковъ могли сколько угодно расходиться въ пониманіи сущности человѣческой природы. Но всѣ они, безъ исключенія, убѣждены были въ томъ, что социальная наука не имѣетъ и *не можетъ* имѣть другой основы, кромѣ правильнаго пониманія, именно, этой природы. Они въ этомъ отношеніи нисколько не отличаются отъ матеріалистовъ восемнадцатаго вѣка. „Человѣческая природа“—это ихъ неизмѣнный критерій, какъ при критикѣ существующаго общества, такъ и при поискахъ совершеннаго общественнаго строя, какимъ онъ долженъ быть.

Морелли, Фурье, Сень-Симона, Оуэна мы считаемъ теперь социалистами-утопистами. И такъ какъ мы уже знакомы съ общимъ для нихъ основнымъ взглядомъ, то мы можемъ теперь отдать себѣ ясный отчетъ,—въ чемъ, именно, заключается утопическая точка зрѣнія. Это будетъ тѣмъ полезнѣе, что противники социализма очень часто употребляютъ слово „утопическій“

¹⁾ См. „Code de la Nature“, Paris 1841 (Edition Villegardelle) p. 66, note.

не связывая съ нимъ никакого, хотя бы приблизительно точнаго, смысла.

Утопистомъ является всякій, кто задумаетъ совершенную социальную организацію, исходя при этомъ изъ какого нибудь абстрактнаго принципа.

Абстрактный принципъ, который легъ въ основу теоретическихъ изысканій утопистовъ,—это понятіе о „человѣческой природѣ“. Бывали, впрочемъ, утописты, которые пользовались этимъ принципомъ *косвенно*—при помощи какихъ-нибудь *производныхъ* отъ него понятій. Можно, напримѣръ, при построении „совершеннаго законодательства“ или идеальной организаціи общества, брать исходнымъ пунктомъ понятіе общихъ „правъ человѣка“. Но каждому ясно, что это понятіе въ послѣднемъ счетѣ вытекаетъ изъ понятія о „человѣческой природѣ“.

Точно такъ же до очевидности ясно, что можно быть *утопистомъ, не будучи социалистомъ*. Буржуазныя тенденціи французскихъ матеріалистовъ восемнадцатаго вѣка съ особенной силой выплываютъ наружу въ ихъ разсужденіяхъ о совершенномъ законодательствѣ. Но это нисколько не уничтожаетъ утопическаго характера этихъ изысканій. Мы уже видѣли, что приемы утопическихъ социалистовъ ничѣмъ не отличаются отъ приемовъ Гельвеціевъ или Гольбаховъ,—этихъ передовыхъ борцовъ революціонной французской буржуазіи.

Болѣе того. Можно относиться отрицательно ко всякой „музыкѣ будущаго“, ¹⁾ можно быть убѣжденнымъ въ томъ, что *существующій* социальный міръ, въ которомъ мы имѣемъ счастье жить, *лучшій* изъ всѣхъ возможныхъ социальныхъ міровъ,—и несмотря на все это, можно „строение и жизнь социальнаго организма“ ²⁾ разсматривать *съ той самой точки зрѣнія*, съ которой ихъ разсматривали утописты.

Это кажется парадоксальнымъ, а между тѣмъ нѣтъ ничего вѣрнаго этого. Вотъ примѣръ.

Въ 1753 г. появилось произведеніе Морелли, которое носитъ слѣдующее заглавіе: „Les Iles flottantes ou la Basiliade du célèbre Pilpai, traduit de l'indien“ ³⁾. Вотъ нѣсколько аргументовъ, при помощи которыхъ одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ „La bibliothèque impartiale“ („Безпристрастная бібліотека“) критиковалъ коммунистическія идеи автора:

„Достаточно извѣстно, какое огромное различіе существуетъ между самыми прекрасными умозрѣніями этого рода и возможностью ихъ примѣненія. Въ теоріи мы беремъ

¹⁾ Zukunftsmusik.

²⁾ Заглавіе извѣстнаго сочиненія Шеффле.

Прии. ред.

³⁾ „Плавучіе острова или Базиліада знаменитаго Пильпая, переводъ съ индійскаго.

человѣка такимъ, какимъ онъ представляется нашему воображенію, — послушно приспособляющимся къ какимъ угодно учрежденіямъ, съ одинаковымъ рвеніемъ защищающимъ взгляды и виды законодателя. Но какъ только мы захотимъ перенестись въ міръ дѣйствительный, намъ придется имѣть дѣло и съ дѣйствительными людьми, т. е. съ людьми тупыми, невѣжественными, лѣнивыми или охваченными какими нибудь сильными страстями. Проектъ о *равенствѣ* — это одинъ изъ тѣхъ проектовъ, которые больше всего *противорѣчатъ характеру* человѣка. Люди *рождаются* либо для *господства*, либо для *повиновенія*. Среднее состояніе для нихъ тягостно*.

Люди рождаются либо для господства, либо для повиновенія. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго, если мы въ обществѣ встрѣчаемъ господъ и рабовъ; этого требуетъ *человѣческая „природа“*. „Безпристрастная библіотека“ могла сколько угодно отвергать „коммунистическія умозрѣнія“; но точка зрѣнія, съ которой она разсматривала социальныя явленія, точка зрѣнія „человѣческой природы“, у нея была та же, что и у *утописта* Морелли.

Пусть намъ не говорятъ, что этотъ журналъ, вѣроятно, былъ неискрененъ въ своей аргументаціи, и что онъ только потому ссылался на *человѣческую „природу“*, что хотѣлъ привести кое-что въ пользу эксплуататоровъ, въ пользу тѣхъ, кто „господствуетъ“. Была ли „Безпристрастная библіотека“ искренняя или лицемерна, — фактъ тотъ, что въ своей критикѣ теоріи Морелли она стала на точку зрѣнія, на которой стояли всѣ писатели тогдашняго времени. Всѣ они ссылались на такъ или иначе понимаемую *человѣческую природу*, — всѣ, за исключеніемъ отсталыхъ писателей, которые — въ качествѣ живыхъ тѣней отжившаго прошлаго — все еще продолжали ссылаться на волю „Божію“.

И мы уже знаемъ, что эта точка зрѣнія „человѣческой природы“ была унаслѣдована и девятнадцатымъ вѣкомъ: у утопическихъ социалистовъ не было другой точки зрѣнія.

Примѣръ Сень-Симона — этого геніальнаго человѣка съ энциклопедическими познаніями — можетъ быть, лучше всякихъ другихъ примѣровъ показываетъ, насколько эта точка зрѣнія была ограничена и недостаточна, и въ какой безнадежно запутанный лабиринтъ противорѣчій она заводила всѣхъ тѣхъ, кто ею пользовался. Сень-Симонъ говорилъ намъ съ самымъ глубокимъ убѣжденіемъ: „Будущее составляетъ изъ послѣднихъ членовъ ряда, первые члены котораго образуютъ прошлое. Если хорошо изучить первые члены ряда, то легко опредѣлить слѣдующіе члены; слѣдовательно, *изъ точныхъ наблюденій надъ прошлымъ легко вывести будущее*“. Это до такой степени вѣрно, что въ первую минуту невольно можетъ возникнуть вопросъ: почему же причисляютъ къ утопистамъ

человѣка, имѣющаго такое ясное представленіе о связи, существующей между различными фазами историческаго развитія? Но стоитъ только поближе познакомиться съ историческими идеями Сенъ-Симона, чтобы убѣдиться въ томъ, что его не безъ основанія назвати утопистомъ. Будущее опредѣляется прошлымъ; историческое развитіе человѣчества есть законмѣрный эволюціонный процессъ. Но какова та *пружина*, какова та *сила*, которая приводитъ въ движеніе человѣчскій родъ, которая ведетъ его отъ одной стадіи развитія къ другой? Въ чемъ можетъ заключаться эта сила? Гдѣ ее нужно искать? — Тутъ то Сенъ-Симонъ становится на точку зрѣнія всѣхъ утопистовъ, на точку зрѣнія „человѣческой природы“. Такъ, по его мнѣнію, основною причиною французской революціи была перемѣна силъ, происшедшая какъ въ матеріальной, такъ и духовной области. Для того, чтобы революція привела къ хорошимъ результатамъ, необходимо было бы „силы, получившія перевѣсъ, приложить къ непосредственной политической дѣятельности“. Другими словами, необходимо было бы поручить „промышленникамъ“ и „ученымъ“ выработать такую политическую систему, которая соотвѣтствовала бы новому соціальному порядку. Этого не случилось, а потому революція, которая *началась* хорошо, почти непосредственно за этимъ была направлена по *ложному пути*: „юристы“ и „метафизики“ стали господами положенія. Какъ объяснить это историческое явленіе? „Въ природѣ человѣка, — ствѣчаетъ нашъ Сенъ-Симонъ, — переходитъ отъ одной доктрины къ другой не иначе, какъ черезъ посредство связующаго ихъ звена. Этотъ законъ, въ особенности, примѣнимъ къ различнымъ политическимъ системамъ, черезъ которыя естественный ходъ цивилизаціи заставляеть проходить человѣчскій родъ. Такъ, необходимость создала въ „индустріи“ элементъ новой матеріальной силы, которой предназначено замѣнить силу „военную“, а въ позитивныхъ „наукахъ“ — элементъ новой духовной силы, призванной стать на мѣсто прежней *теологической*. Эта же самая необходимость должна была (еще раньше, чѣмъ перемѣна въ состояніи общества стала особенно замѣчаться) развить и воплотить въ дѣйствительность матеріальную и духовную силу ублюдочнаго, преходящаго характера, — силу, единственная роль которой заключалась въ томъ, чтобы вызвать переходъ отъ одной соціальной системы къ другой. ¹⁾

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „историческіе ряды“ Сенъ-Симона въ сущности ничего не объясняютъ. Они даже сами нуждаются въ поясненіяхъ, а для этого необходимо прибѣгнуть къ неизбѣжной „человѣческой природѣ“: французскіи

¹⁾ Du Système industriel, par Henri Saint-Simon, Paris, MDCCCXXI (1821), p. 52.

революція пошла, молъ, по ложному пути потому, что человѣческая природа обладает такими то и такими то свойствами.¹⁾

Одно изъ двухъ, либо человѣческая природа неизмѣнна — какъ это предполагалъ Морелли, — и тогда она *ничего не объясняетъ въ исторіи*, представляющей намъ непрерывныя измѣненія, совершающіяся въ отношеніяхъ людей между собою; либо она сама измѣняется въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ людямъ приходится жить, — и тогда она является не причиной историческаго развитія, а его слѣдствіемъ. Французскіе матеріалисты прекрасно знали, что человѣкъ есть продуктъ окружающей его соціальной среды. „Человѣкъ всецѣло — воспитаніе“, говоритъ Гельвецій, Казалось бы, что согласно этому, Гельвецій слѣдовало бы оставить точку зрѣнія „человѣческой природы“, чтобы изучить законы развитія *среды*, формирующей человѣческую природу тѣмъ, что даетъ соціальному человѣку то или иное „воспитаніе“. И Гельвецій, дѣйствительно, кое что сдѣлалъ въ этомъ направленіи. Но ни ему, ни его современникамъ, ни соціалистамъ первой половины девятнадцатаго вѣка, ни кому бы то ни было изъ представителей науки той же эпохи не удалось открыть новое міропониманіе, которое сдѣлало бы возможнымъ изученіе процесса развитія соціальной среды — этой истинной причины историческаго „воспитанія“ человѣка — и тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ его „природѣ“. Такимъ образомъ, приходилось опять возвращаться именно къ человѣческой природѣ, какъ къ единственному исходному пункту, который, казалось, предлагалъ хоть сколько-нибудь прочное основаніе для научныхъ изслѣдованій. Но такъ какъ человѣческая природа, съ своей стороны, все таки мѣняется, то повидимому, неизбежно, пришлось *отвлечься отъ этихъ измѣненій* и искать постоянныхъ, *основныхъ* свойствъ, которыя сохраняются, несмотря на всевозможныя измѣненія второстепенныхъ (несущественныхъ) особенностей. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ приходили къ тощей абстракціи, къ роду слѣдующей абстракціи „философовъ“: „человѣкъ есть чувствующее и мыслящее существо“. Эта формула казалась тѣмъ болѣе цѣнной находкой, что она давала полнѣйшую сво-

¹⁾ Точно такъ же смѣна „критическихъ“ и „органическихъ“ періодовъ въ исторіи объясняется въ послѣднемъ счетѣ особенностями „человѣческой природы“. Ясно, что подобная точка зрѣнія должна была бы породить массу фантастическихъ аналогій между индивидуальнымъ организмомъ и организмомъ соціальнымъ. Контизмъ (буржуазная каррикатура Сентъ-симонизма) изобилуетъ такого рода аналогіями. Самъ Сентъ-Симонъ ничего не имѣлъ противъ нихъ. Можно для примѣра указать на его „Литературные, философскіе и промышленные взгляды“, Парижъ. 1825.

боду всѣмъ беспочвеннымъ предположеніямъ и всѣмъ фантастическимъ выводамъ.

Какой-нибудь Гизо (беремъ для примѣра философа — государственнаго челоѣка первой половины XIX в.) не чувствовалъ никакой потребности отыскивать наилучшую социальную организацію или самое совершенное законодательство: онъ былъ вполнѣ доволенъ наличнымъ порядкомъ вещей. Но самымъ сильнымъ аргументомъ, какой онъ только могъ бы выставить въ защиту этого порядка противъ нападокъ недовольныхъ имъ, была бы опять таки все та же „человѣческая природа“. Она — сказала бы Гизо, — дѣлаетъ невозможной какую бы то ни было существенную перемѣну въ социальномъ и политическомъ устройствѣ Франціи. А сами недовольные, въ свою очередь, осуждали это устройство, пользуясь той же абстракціей. И именно потому, что эта абстракція была лишена какого бы то ни было содержанія; именно потому, что она, какъ мы уже сказали, предоставляетъ полнѣйшій просторъ всевозможнымъ беспочвеннымъ предположеніямъ и любымъ вытекающимъ изъ нихъ логическимъ выводамъ, — именно поэтому „научная“ задача реформаторовъ приняла видъ геометрической проблемы: дана такая то „природа“, требуется найти такую общественную структуру, которая наиболѣе соотвѣтствовало бы ей. Такъ на примѣръ, Морелли горько жалуется на то, что наши „старые учителя“ не позаботились о томъ, чтобы поставить и разрѣшить замѣчательную „проблему“: *найти такой общественный строй, при которомъ почти невозможно было бы, чтобы челоѣкъ былъ испорченъ и золъ, или при которомъ зло сводилось бы, по крайней мѣрѣ, къ минимуму*. Мы уже видѣли, что, по мнѣнію Морелли, челоѣческая природа *„всегда одна, постоянна, неизмѣнна“*.

Мы знаемъ, такимъ образомъ, въ чемъ заключается „научный“ методъ утопистовъ. Чтобы совершенно съ нимъ покончить, напомнимъ читателю слѣдующее. Такъ какъ „человѣческая природа“ является чрезвычайно тощей и мало питательной абстракціей, то на дѣлѣ утописты не столько ссылались на челоѣческую природу вообще, сколько на идеализированную природу людей *своего времени*, людей, принадлежавшихъ къ тому социальному классу, тенденціи котораго они сами и отстаивали. Поэтому, социальная дѣйствительность неизбѣжно обнаруживалась въ произведеніяхъ утопистовъ, но они сами не отдавали себѣ въ этомъ отчета. Они видѣли эту дѣйствительность сквозь призму абстракціи, — очень тощей, но тѣмъ не менѣе мало прозрачной.

II.

Точка зрѣнія научнаго социализма.

Великіе нѣмецкіе идеалистическіе философы, Шеллинги и Гегели, прекрасно поняли недостаточность точки зрѣнія „человѣческой природы“. Въ своей „философіи исторіи“ Гегель достаточно высмѣиваетъ буржуазныхъ утопистовъ, которые фантазируютъ и бредятъ „совершеннымъ“ общественнымъ строемъ. Нѣмецкій идеализмъ разсматриваетъ исторію, какъ строго *законо-мѣрный процессъ* и ищетъ пружину историческаго движенія *въ* „человѣческой природѣ“.

Это былъ крупный шагъ впередъ по направленію къ дѣйствительности. Но идеалисты видѣли эту пружину въ „абсолютной идеѣ“, въ „міровомъ духѣ“. А такъ какъ ихъ абсолютная идея была ничѣмъ инымъ, какъ абстракціей *нашего процесса мышленія*, то оказалось, что въ сущности они въ свои философско-историческія умозрѣнія опять вводили старую подругу философовъ-матеріалистовъ—человѣческую природу, но такъ задрапированную, чтобы она достойна была почтеннаго и строгаго общества нѣмецкихъ мыслителей. Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно! Несмотря на все услуги, оказанныя нѣмецкими идеалистами социальной наукѣ, ея великая, основная проблема, осталась столь же мало разрѣшенной, какъ и въ вѣкъ французскихъ матеріалистовъ.

Гдѣ и въ чемъ та таинственная сила, которая приводитъ въ движеніе исторію челоѣчества? *Объ этомъ ничего не знали.* Въ этой области было сдѣлано нѣсколько болѣе или менѣе вѣрныхъ, болѣе или менѣе глубокихъ наблюденій,—между ними нѣсколько очень вѣрныхъ и очень глубокихъ,—но все же это были неесвязанныя между собой, частичныя наблюденія.

Если социальная наука въ концѣ концовъ всетаки выбралась изъ этого тупого переулка, то она этимъ обязана *Карлу Марксу*.

По мнѣнію Маркса, правовыя отношенія, какъ и государственныя формы, не могутъ быть объяснены ни сами по себѣ, ни какъ продуктъ такъ называемаго всеобщаго развитія челоѣческаго духа. Они коренятся въ тѣхъ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ восемнадцатаго вѣка, объединилъ въ общемъ терминѣ „гражданское общество“. Это почти то же самое, что подразумевалъ Гизо, когда онъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ говорилъ, что политическія устройства коренятся въ „условіяхъ собственности“. Но въ то время, какъ для Гизо эти „условія собственности“ оставались тайной, ко-

тую онъ напрасно пытался разгадать при помощи размышлений о „человѣческой природѣ“, для Маркса эти „условія“ не содержатъ въ себѣ ничего таинственнаго. Они опредѣляются состояніемъ *производительныхъ силъ*, которыми располагаетъ каждое данное общество; „анатомію буржуазнаго общества стѣдуетъ искать въ политической экономіи“. Предоставимъ самому Марксу формулировать свое историческое міросозерцаніе:

„Въ общественномъ производствѣ необходимыхъ для ихъ существованія продуктовъ люди вступаютъ въ опредѣленные, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія—въ *производственные отношенія*, соотвѣтствующія опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ *экономическую структуру* общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные *формы общественнаго сознанія*. Способъ производства *матеріальныхъ* средствъ существованія обуславливаетъ *соціальныя, политическій и духовный* процессъ вообще. *Не сознаніе людей опредѣляетъ форму ихъ бытія, а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ форму ихъ сознанія.*

На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными *отношеніями*, или со служащими послѣднимъ лишь юридическимъ выраженіемъ *отношеніями собственности*, въ нѣдрахъ которыхъ эти производительныя силы развивались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ отношенія эти превращаются въ *ихъ оковы*. Тогда наступаетъ эпоха *соціальной революціи*“¹⁾.

Это вполнѣ матеріалистическое пониманіе исторіи составляетъ одно изъ величайшихъ открытій нашего богатаго научными открытіями вѣка. Только благодаря этому открытію, общественная наука вышла, наконецъ и навсегда, изъ того рокового ложнаго круга, въ которомъ она до тѣхъ поръ вращалась; только благодаря ему, эта наука имѣетъ теперь подъ собою не менѣе прочное основаніе, чѣмъ естественныя науки. Переворотъ, произведенный Марксомъ въ соціальной наукѣ, можно сравнить съ переворотомъ, произведеннымъ Коперникомъ въ астрономіи. Въ самомъ дѣлѣ, до Коперника всѣ были убѣждены въ томъ, что земля стоитъ на одномъ мѣстѣ, въ то время какъ солнце вращается вокругъ нея. Геніальный полякъ доказалъ, что происходитъ обратное. Точно такъ же до Маркса исходнымъ пунктомъ соціальной науки служила „человѣческая природа“, ея пытались объяснить историческое дви-

¹⁾ Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin 1859, Vorwort S IV—V.

женіе человѣчества. Прямую противоположность этой точкѣ зрѣнія представляет собой точка зрѣнія гениальнаго нѣмца: *человѣкъ поддерживая свое существованіе, видоизмѣняетъ внѣшнюю природу и тѣмъ самымъ видоизмѣняетъ и свою собственную природу*. Воздѣйствіе человѣка на внѣшнюю природу предполагаетъ существованіе опредѣленныхъ орудій производства, опредѣленныхъ производственныхъ отношеній. *Въ зависимости отъ характера наличныхъ средствъ производства* люди вступаютъ между собой, въ самомъ процессѣ производства (ибо это—общественный процессъ), въ тѣ или иные взаимныя отношенія, а *въ зависимости отъ отношеній въ общественномъ процессѣ производства видоизмѣняются ихъ привычки, ихъ чувства, ихъ склонности, ихъ манера мыслить и дѣйствовать*, — короче, вся ихъ природа. Такимъ образомъ, не историческое движеніе объясняется человѣческой природой, а наоборотъ, человѣческая природа видоизмѣняется подѣ влияніемъ историческаго движенія.

А если это такъ, то какую цѣну могутъ имѣть теперь болѣе или менѣе глубокомысленныя изысканія относительно „совершеннаго законодательства“, относительно „лучшей изъ всѣхъ возможныхъ соціальныхъ организацій“? Никакой. буквально никакой! Они могутъ только обнаруживать недостатокъ научной подготовки у людей, занимающихся ими. Время подобныхъ изысканій прошло безвозвратно.

Одновременно съ исчезновеніемъ этой устарѣлой точки зрѣнія „человѣческой природы“ должны были исчезнуть и утопіи всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Великая революціонная партія нашихъ дней, международная социалдемократія, не опирается ни на „новое пониманіе“ человѣческой природы, ни на какой бы то ни было абстрактный принципъ, а на „устанавливаемую строго естественно-научнымъ путемъ“ *экономическую необходимость*. Это, именно, и составляетъ силу социалдемократической партіи; это, именно, и дѣлаетъ ее столь же непобѣдимой, какъ непобѣдима и сама экономическая необходимость.

„Средства производства и обмѣна, на почвѣ которыхъ выросла буржуазія, создались въ нѣдрахъ феодальнаго общества. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и обмѣна, условія, при которыхъ феодальное общество производило и обмѣнивало свои продукты, *феодальная организація земледѣлія и мануфактуры*, — словомъ, феодальныя отношенія собственности перестали соответствовать вновь народившимся производительнымъ силамъ. Въмѣсто того, чтобы содѣйствовать развитію производства, они стали его задерживать. Ихъ необходимо было порвать, и они были порваны.

На ихъ мѣсто стала свободная конкуренція съ соответствующимъ ей соціальнымъ и политическимъ строемъ, съ экономическимъ господствомъ буржуазнаго класса.

На нашихъ глазахъ происходитъ подобное же движеніе. Буржуазныя отношенія производства и обмѣна, буржуазныя отношенія собственности,—*современное буржуазное общество*, вызвавшее къ жизни столь могущественныя средства производства, уподобляется волшебнику, который не можетъ справиться съ вызванными имъ же самимъ подземными силами. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собой ничто иное, какъ исторію возмущенія современныхъ *производительныхъ силъ* противъ современныхъ *производственныхъ отношеній*, противъ отношеній *собственности*, которыя являются существенными условіями жизни буржуазіи и ея господства. Достаточно упомянуть о торговыхъ кризисахъ, которые, періодически повторяясь, все болѣе и болѣе угрожаютъ самому существованію всего буржуазнаго общества.

Оружіе, которымъ воспользовалась буржуазія для того, чтобы убить феодализмъ, обращается теперь противъ нея самой¹⁾.

Буржуазія уничтожила *феодалныя* отношенія собственности; пролетаріатъ положить конецъ существованію *буржуазныхъ* отношеній собственности. Борьба, которая ведется между пролетаріатомъ и буржуазіей—*борьба непримиримая*, борьба не на жизнь а на смерть, борьба въ такой же мѣрѣ неизбежная, какъ борьба, которая въ свое время велась между буржуазіей и привилегированными сословіями. *Но всякая классовая борьба есть въ то же время и борьба политическая*. Для того, чтобы уничтожить феодальное общество, буржуазіи необходимо было захватить въ свои руки политическую власть. Пролетаріату придется сдѣлать то же самое для того, чтобы похоронить капиталистическое общество. Такимъ образомъ, его политическая задача заранее опредѣляется самой силой обстоятельствъ, а не тѣми или иными абстрактными соображеніями.

Замѣчательный фактъ: только при Марксѣ социализмъ сталъ на точку зрѣнія классовой борьбы. Утопическіе социалисты не имѣли объ этой классовой борьбѣ хотя бы сколько нибудь яснаго представленія. Въ этомъ отношеніи они стояли ниже современныхъ имъ *теоретиковъ буржуазіи*, которые, по крайней мѣрѣ, хорошо понимали историческое значеніе *борьбы* третьяго сословія противъ дворянства.

Если каждое „новое пониманіе“ человеческой природы давало, казалось, очень ясныя указанія относительно организаціи „будущаго строя“, то научный социализмъ чрезвычайно скупъ на подобнаго рода детальныя пророчества. Форма социальнаго зданія зависитъ отъ состоянія *производительныхъ силъ общества*. Каково будетъ это состояніе въ тотъ моментъ, когда власть попадетъ въ руки пролетаріата? Мы этого не

¹⁾ Manifest der kommunistischen Partei, I. Kapitel.

знаемъ. Единственное, что мы теперь знаемъ, это то, что производительныя силы, которыя уже теперь находятся къ услугамъ цивилизованнаго человѣчества, властно требуютъ *обобщенія средствъ производства и его планомерной организаціи*. Этого вполне достаточно для того, чтобы въ нашей борьбѣ съ „реакціонной массой“ не уклоняться отъ вѣрнаго пути. „Слѣдовательно, коммунисты въ практическомъ отношеніи представляютъ собой самую рѣшительную, самую передовую часть рабочихъ партій всѣхъ странъ. Въ теоретическомъ же отношеніи они имѣютъ передъ всей остальной массой пролетаріата то преимущество, что заранее предвидятъ условія, ходъ и общіе результаты пролетарскаго движенія“. Эти слова, написанныя въ 1848 году, неточны только въ единственномъ отношеніи: тутъ говорится о „рабочихъ партіяхъ“, какъ о партіяхъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ коммунистической партіи. Въ настоящее же время нѣтъ ни одной *рабочей партіи*, которая не слѣдовала бы болѣе или менѣе близко „научному социализму“, или, какъ выражается „Манифестъ“, идеямъ коммунизма.

Повторяемъ, точкой зрѣнія утопическихъ социалистовъ, какъ и точкой зрѣнія всей социальной науки тогдашней эпохи, служила „человѣческая природа“ или какой нибудь другой вытекающій изъ нея абстрактный принципъ. Исходнымъ пунктомъ, социальной науки и социализма нашихъ дней служить *экономическая дѣйствительность и присущіе ей развитію законы*.

Легко себѣ поэтому представить, какое впечатлѣніе производятъ на современныхъ социалистовъ аргументы теоретиковъ буржуазіи, безпрестанно повторяющихъ старую пѣсню о несовмѣстимости „человѣческой природы“ съ коммунизмомъ. Это все равно, какъ если бы вздумали бороться съ дарвинистами при помощи оружія изъ научнаго арсенала Кювье! И что особенно заслуживаетъ нашего вниманія, такъ это то, что этой старой пѣсней не пренебрегаютъ даже „эволюціонисты“, вроде Герберта Спенсера! Но, конечно, „самая красивая дѣвушка въ мірѣ не можетъ дать больше того, что она имѣетъ“! ¹⁾

¹⁾ „Не только социалисты — говоритъ Спенсеръ — но даже такъ называемые либералы (рѣчь идетъ объ англійскихъ либералахъ), прокладываящіе первымъ дорогу, полагаютъ, что при извѣстномъ умѣнии можно, съ помощью хорошихъ учрежденій, исправить людскіе недостатки. Но это иллюзія. Каковъ бы ни былъ общественный организмъ, порочная природа гражданъ всегда будетъ давать себя чувствовать дурными своими дѣйствіями. Нѣтъ такой политической алхиміи, при помощи которой возможно было бы превратить свинцовые инстинкты въ золотые нравы“. *L'Individu contre l'Etat* par Herbert Spencer, traduit de l'Anglais par J. Gerschel, Paris 1888, p. 64.

Посмотримъ теперь, какая связь можетъ существовать между современнымъ социализмомъ и тѣмъ, что принято называть анархизмомъ.

III.

Историческое развитіе анархистской доктрины.

Точка зрѣнія анархизма.

„Далѣе, меня упрекали въ томъ, будто я—отецъ анархіи. Мнѣ окликаютъ слишкомъ мною чести. Ея отцомъ является безсмертный Прудонъ, который впервые изложилъ эту теорію въ 1848 г.“

Такъ говорилъ Петръ Крапоткинъ въ своей защитительной рѣчи передъ лонскимъ уголовнымъ судомъ (январскій процессъ 1883 г.). Какъ это часто случается съ моимъ любезнымъ соотечественникомъ, онъ и на этотъ разъ не совсѣмъ вѣренъ дѣйствительности.

Впервые Прудонъ говоритъ объ анархіи въ своей часто цитируемой книгѣ — „Что такое собственность, или анализъ принципа права и правленія“, первое изданіе которой появилось въ 1840 г. Правда, онъ тамъ не особенно много „изложилъ“: онъ посвятилъ анархистской теоріи всего лишь нѣсколько страницъ ¹⁾. Но прежде еще, чѣмъ онъ взялся излагать анархистскую теорію въ 1848 году, эта работа была уже выполнена нѣмцемъ Максомъ Штирнеромъ (псевдонимъ Каспара Шмидта) въ 1845 г., въ его книгѣ „*Der Einzige und sein Eigenthum*“. Максъ Штирнеръ имѣетъ, поэтому, достаточно обоснованное право на титулъ „отца анархіи“. „Безсмертная“ ли это заслуга или нѣтъ,—но, именно, онъ впервые „изложилъ“ эту теорію.

Максъ Штирнеръ.

Анархистскую теорію Макса Штирнера называли каррикатурой на философію религіи Людвигъ Фейербаха ²⁾.

¹⁾ См. стр. 295--305 изд. 1841 г.

²⁾ Такъ называетъ ее, напр., Ибервегъ въ своей книгѣ „Основныя черты „исторіи философіи“, III ч. Философія новаго времени.

Нѣкоторые даже доходили до того, что высказывали предположеніе, будто единственнымъ мотивомъ, побудившимъ Штирнера написать свою книгу, было, именно, желаніе выставить эту философію въ смѣшномъ видѣ.

Но это предположеніе лишено всякаго основанія. Штирнеръ вовсе не шутилъ при изложеніи своей теоріи. Онъ былъ глубоко убѣжденнымъ ея сторонникомъ, хотя и обнаружилъ въполнѣ естественную для тогдашняго бурнаго времени тенденцію — переиначивать Фейербаха радикальностью своихъ выводовъ.

По мнѣнію *Фейербаха*—то, что люди называютъ божествомъ, есть лишь продуктъ ихъ воображенія, продуктъ психологическаго заблужденія. Не божество создало человѣка, а напротивъ, человекъ создаетъ божество по образу и подобию своему. Когда человекъ молится Богу, то онъ молится *своей собственной сущности*. Богъ—это лишь вымыселъ, но очень вредный вымыселъ. Христіанскій Богъ почитается, какъ воплощеніе любви, какъ воплощеніе состраданія къ бѣдному страждущему человѣчеству. Но несмотря на это, или скорѣе именно поэтому, каждый достойный названія христіанина человекъ ненавидитъ атеистовъ, которые ему представляются живымъ отрицаніемъ всякой любви и всякаго состраданія,—и онъ *долженъ* ихъ ненавидѣть. Такъ то Богъ любви становится Богомъ ненависти, Богомъ преслѣдованія; продуктъ воображенія человекъ становится дѣйствительной причиной его страданій. И именно, поэтому необходимо положить конецъ этой фантазмагоріи. Такъ какъ человекъ, молясь Богу, молится своей собственной сущности, то необходимо, наконецъ, разъ навсегда сорвать и отбросить мистическое покрывало, въ которое облекалась эта сущность. *Любовь къ человѣчеству не должна воплощаться въ человѣчества*. „Для человекъ высшимъ существомъ является самъ человекъ“.

Такова основная мысль Фейербаха.

Максъ Штирнеръ во всемъ съ нимъ согласенъ. Но онъ хочетъ сдѣлать изъ его теоріи конечные и самые радикальные выводы. Онъ разсуждаетъ такъ:

„Божество есть ничто иное, какъ продуктъ воображенія—призракъ, привидѣніе. Согласенъ! Но что такое само человѣчество, любовь къ которому вы проповѣдуете? Не является ли и оно, въ свою очередь, однимъ лишь *привидѣніемъ, абстрактнымъ существомъ*, мысленной вещью? Гдѣ оно существуетъ, ваше человѣчество, если не въ головахъ людей, не въ головахъ отдѣльныхъ инди видовъ? *А потому, нѣтъ ничего реальнаго, помимо индивидуума*, съ его потребностями, стремленіями и волей. А если это такъ, то какъ вы можете требовать чтобы *индивидуумъ*, это *реальное существо*, жертвовало собой во имя счастья „человѣка“ вообще—*существа абстрактнаго*? Напрасно вы ошолчаетесь противъ стараго Бога; вы сами все еще придерживаетесь религіозной точки зрѣнія, и эмансипація, которую вы хотите

намъ дать, всецѣло проникнута теологической мудростью. Конечно,—вышимъ существомъ является сущность человѣка, но именно потому, что это его *сущность*, а не онъ самъ, совершенно безразлично, видимъ ли мы ее внѣ его и разсматриваемъ, какъ „Бога“, или находимъ ее внутри его и называемъ „сущностью человѣка“ или просто „человѣкомъ“. „Я“—ни Богъ, ни „человѣкъ“ вообще, ни высшее существо, ни моя собственная сущность, и потому совершенно безразлично, мыслю ли я сущность внутри себя или внѣ себя. Да и на самомъ дѣлѣ, мы всегда мыслимъ высшее существо одновременно въ двоякой потусторонности, внутренней и внѣшней: „Духъ Божій“ по христіанскому міросозерпанію есть вмѣстѣ съ тѣмъ и „Нашъ духъ“ и „живетъ въ насъ“. Онъ живетъ на небѣ и живетъ въ насъ; мы, жалкія созданія, являемся лишь его „обителемъ“. Но когда Фейербахъ разрушаетъ къ тому же его небесную обитель и заставляя его со всѣмъ своимъ скарбомъ переселиться въ насъ, въ его земную обитель, то въ послѣдней становится слишкомъ тѣсно¹⁾.

Чтобы избѣжать такого „переполненія“, чтобы не отдавать себя во власть какого нибудь „привидѣнія“, чтобы стать, наконецъ, обѣими ногами на твердую реальную почву,—для всего этого въ нашемъ распоряженіи имѣется лишь одно средство: *взять за исходный пунктъ* единственное реальное существо, наше собственное „Я“.

„Долой, поэтому, все то, что не есть цѣликомъ мое собственное дѣло! Вы думаете, что мое дѣло должно быть, по меньшей мѣрѣ, „добрымъ дѣломъ“? Но что добро, что зло! Я вѣдь самъ—мое собственное дѣло, а я—ни добрый, ни злой. Добро, какъ и зло, для меня лишены всякаго смысла. Божеское—это дѣло Божье; человѣческое—дѣло „человѣка“. Мое дѣло не есть ни Божье, ни человѣческое, ни истинное, ни доброе, ни правое, ни свободное и т. д., а исключительно *мое*. Оно не всеобщее,—оно единственное, какъ единъ я. Для меня нѣтъ ничего выше меня!“²⁾

Религія, совѣсть, мораль, право, законъ, семья, государство,—каждое изъ этихъ понятій есть иго, которое на меня налагаютъ во имя какой-то абстракціи; все это—деспоты, противъ которыхъ „Я“, какъ безграничный хозяинъ надъ своей сознательной индивидуальностью, борюсь всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи средствами. Ваша *мораль*,—не только мораль буржуазныхъ филистеровъ, но даже и самая возвышенная человѣческая мораль,—есть ничто иное, какъ *религія*, замѣнявшая одно *высшее существо* другимъ. Ваше *право*, которое, по вашему

¹⁾ Der Einzige und sein Eigenthum, zweite Auflage, Leipzig 1882. S. 35 - 36.

²⁾ Der Einzige etc. S. 7—8.

мнѣнію, рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, есть ничто иное, какъ *призракъ*. И если вы его читаете, то вы не ушли дальше гомеровскихъ героевъ, приходившихъ въ ужасъ каждый разъ, когда они замѣчали, что въ рядахъ непріятеля сражается какой-нибудь богъ. Право—это сила.

„У кого сила,—у того и право; нѣтъ у васъ силы,—нѣтъ и права. Неужели такъ трудно постичь эту мудрость?¹⁾ Меня хотѣть уговорить пожертвовать своими интересами ради интересовъ *государства*. Я, напротивъ того, объявляю войну не на жизнь; а на смерть всякому государству, даже самому демократическому.... Всякое государство есть *деспотія*, независимо отъ того, является ли этимъ деспотомъ одинъ человѣкъ или многіе, или же, какъ это себѣ представляютъ въ республикѣ, господами являются всѣ, т. е. когда всѣ другъ для друга деспоты. Такъ оно и бываетъ каждый разъ, когда выраженная воля какого-нибудь *народнаго собранія* становится *закономъ* для отдѣльной личности, — *закономъ*, которому эта отдѣльная личность *обязана повиноваться*. Если даже представить себѣ, что народная воля, дѣйствительно, представляетъ волю всѣхъ отдѣльныхъ личностей, что мы, дѣйствительно, получили бы совершенную „коллективную волю“,—то отъ этого дѣло все такъ не измѣнилось бы. Не былъ ли бы я *связанъ* сегодня и завтра моимъ вчерашнимъ мнѣніемъ? А если бы это было такъ, то это означало бы, что моя воля *окаменѣла*. Жалкое *постоянство*! Мое собственное твореніе, а именно, определенное выраженіе моей воли, стало бы моимъ повелителемъ. Мнѣ же, творцу, были бы поставлены преграды, которыя мѣшали бы дальнѣйшему свободному проявленію моей воли. Только потому, что я вчера былъ глупцомъ, я долженъ имъ оставаться на всю жизнь. Такимъ образомъ, въ государственной жизни я, въ лучшемъ случаѣ (можно было бы также сказать—въ худшемъ случаѣ), являюсь собственнымъ рабомъ. Только потому, что я вчера былъ человѣкомъ съ волей,—я сегодня долженъ быть человѣкомъ безъ воли; вчера свободенъ,—сегодня рабъ.“²⁾

Тутъ сторонникъ „народовластія“ могъ бы возразить Штирнеру, что его „Я“ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи довести до *абсурда демократическую свободу*. Такъ какъ дурной законъ можетъ быть *отмѣненъ*, какъ только этого желаетъ большинство гражданъ, то не всегда необходимо ему подчиняться въ продолженіе всей жизни. Впрочемъ, это только незначительная деталь, и Штирнеръ на это отвѣтилъ бы, что именно, необходимо аппелировать къ мнѣнію большинства доказываетъ, что наше „Я“ не есть господинъ своихъ дѣйствій

¹⁾ Der Einzige etc. S. 196—197.

²⁾ Der Einzige etc. S. 200.

Выводы нашего писателя *неопровержимы* по той простой причинѣ, что сказать: я не признаю ничего, кромѣ себя самого, значитъ сказать: я чувствую себя *подавленными всякими* учрежденіемъ, навязывающимъ мнѣ какую бы то ни было обязанность. *Это простая тавтологія.*

До очевидности ясно, что никакое „Я“ не можетъ существовать *само по себѣ*. Штирнеръ это прекрасно понимаетъ, и это заставляетъ его проповѣдовать свои „союзы эгоистовъ“, т. е. свободные союзы, въ которые каждое „Я“ *вступаетъ*, и въ которыхъ оно *пребываетъ* лишь до тѣхъ поръ, пока это совпадаетъ съ его интересами.

Здѣсь мы на минуту остановимся.

Передъ нами „эгоистическая“ система *par excellence*. Въ исторіи человѣческой мысли это, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ продуктъ. Французскихъ материалистовъ XVIII в. обвиняли въ томъ, что они будто бы проповѣдовали эгоизмъ. Это крайне ошибочно. Французскіе материалисты постоянно проповѣдовали „добродѣтель“, и дѣлали они это съ такимъ необузданнымъ усердіемъ, что Гриммъ, не безъ основанія, насмѣхался надъ ихъ „капудинойдой“. Вопросъ объ эгоизмѣ имѣлъ для нихъ значеніе двойной „проблемы“:

1. *Человѣкъ состоитъ цѣликомъ изъ ощущеній*,—таково было основное положеніе всѣхъ ихъ сужденій о человѣкѣ. Сама его природа заставляетъ его *избѣгать страданій и искать удовольствій*. Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что люди способны, во имя торжества какой нибудь идеи, т. е. въ послѣднемъ счетѣ для того, чтобы доставить своимъ ближнимъ пріятныя ощущенія, переносить величайшія страданія?

2. Такъ какъ человѣкъ—только ощущенія, то онъ—будучи поставленъ въ общественную среду, гдѣ интересы *отдѣльнаго индивидуума противостоятъ интересамъ другихъ*—причинялъ бы вредъ своимъ ближнимъ. Каково же то закондательство, которое оказалось бы способнымъ согласовать *всеобщее благо съ благомъ индивидуума?*—Въ постановкѣ и разрѣшеніи этой двойной проблемы и заключается все значеніе того, что мы называемъ материалистической этикой восемнадцатаго вѣка.

Максъ Штирнеръ преслѣдуетъ прямо противоположную цѣль. Онъ смѣется надъ „добродѣтелью“ и далекъ отъ мысли—желать ея торжества, но считаетъ разумными существами лишь эгоистовъ, для которыхъ ничего, кромѣ ихъ собственнаго „Я“, не существуетъ. Повторяемъ, онъ теоретикъ эгоизма *par excellence*.

Добрые буржуа, уши которыхъ такъ же непорочны и добродѣтельны, какъ жестоки ихъ сердца, тѣ самые, которые сами пьютъ вино, а другимъ, совѣтуютъ пить воду,—эти буржуа пришли въ крайнее негодованіе отъ безнравственности Штирнера. „Это вѣдь полное разрушеніе міра!“ восклицали они. Но,

какъ это всегда случается, *добродѣтель филистеровъ* и на этотъ разъ оказалась очень слабою въ аргументированіи. „Истинная заслуга Макса Штирнера—писаль французъ St. René Taillandier—заключается въ томъ, что онъ сказалъ послѣднее слово молодой атеистической школы (т. е. лѣваго крыла гегельянской школы. Г. П.). Филистеры другихъ странъ были того же мнѣнія относительно заслуги смѣлаго писателя. Но съ точки зрѣнія современнаго социализма эта заслуга выступаетъ совершенно въ иномъ свѣтѣ.

Воцервухъ, неоспоримая заслуга Штирнера заключается въ томъ, что онъ открыто и энергично выступилъ противъ кислосладой сентиментальности буржуазныхъ реформаторовъ и многихъ утопическихъ социалистовъ, полагавшихъ, что эмансипація пролетаріата явится слѣдствіемъ „добродѣтельнаго образа дѣйствій“ „самоотверженныхъ“ представителей различныхъ классовъ народа и, раньше всего, класса имущихъ. Штирнеръ прекрасно понимаетъ, чего можно ожидать отъ „духа самопожертвованія“ эксплуататоровъ. „Богатые“—жестоки, но „бѣдные“ (это—терминологія нашего автора)—неправы, когда они жалуются на эту жестокость: ибо не богатые создаютъ нищету бѣдныхъ, а бѣдные создаютъ богатство богатыхъ. Пусть они поэтому ропщутъ на самихъ себя, если находятся въ угнетенномъ положеніи. Для того, чтобы его измѣнить, они должны только выступить противъ богатыхъ, и какъ только они этого серьезно захотятъ, сила перейдетъ на ихъ сторону, и господству богатства настанетъ конецъ. Спасенье въ борьбѣ, а не въ безплодныхъ призывахъ къ великодушію угнетателей. Штирнеръ проповѣдуетъ, такимъ образомъ, классовую борьбу. Онъ, разумѣется, представляетъ себѣ эту борьбу въ абстрактной формѣ—въ формѣ борьбы извѣстнаго числа „Я“ противъ меньшаго числа такихъ же эгоистическихъ другихъ „Я“ И, однако, мы наталкиваемся здѣсь на другую заслугу Штирнера.

По мнѣнію Тальандье, Штирнеръ сказалъ послѣднее слово молодой атеистической школы нѣмецкой философіи. Въ дѣйствительности же, онъ сказалъ лишь послѣднее слово идеалистической метафизики. И въ этомъ его неоспоримая заслуга.

Въ своей критикѣ религіи *Фейербахъ* лишь на половину материалистъ. Молясь Богу, человѣкъ молится своему собственному идеализированному существу. Это вѣрно. Но вѣдь религіи, какъ и все прочее на нашей планетѣ, возникаютъ и исчезаютъ. Не доказываетъ ли это, что человѣческое существо не остается неизмѣннымъ, что оно видоизмѣняется въ историческомъ процессѣ развитія общества? Совершенно ясно, что въ дѣйствительности такъ и происходитъ. Но если это такъ, то какова же причина измѣненія „человѣческихъ“ существъ? *Фейербахъ* ничего объ этомъ не знаетъ. Для него человѣческое существо такое же абстрактное понятіе, какъ человѣческая природа для французскихъ материалистовъ. Это основной недостатокъ его критики религіи.

Штирнеръ прекрасно замѣчаетъ, что эта критика страдает худосочіемъ, и хочетъ укрѣпить ее свѣжимъ воздухомъ *дѣйствительности*. Онъ знаетъ не хочетъ никакихъ фантомовъ, никакихъ созданий „спекулирующей мысли“. Въ *дѣйствительности*, говоритъ онъ себѣ, существуютъ лишь индивидуумъ, — его мы и возьмемъ въ качествѣ исходнаго пункта. Но какой, именно, индивидуумъ беретъ онъ исходнымъ пунктомъ? Ивана, Петра, Якова или Сидора? Ничего подобнаго. Онъ беретъ *индивидуумъ вообще*, т. е. *новую абстракцію*, да притомъ самую тощую — пресловутое „Я“.

Штирнеръ наивно воображаетъ, что онъ даетъ настоящій отвѣтъ на старый философскій вопросъ, служившій еще въ средніе вѣка темой для споровъ между номиналистами и реалистами. „Никакая идея не имѣетъ бытія — говоритъ онъ — ибо никакая идея неспособна принять тѣлесную форму. Схоластическій споръ между реализмомъ и номинализмомъ былъ такого же содержанія“.

Увы! любой номиналистъ могъ бы съ полной убѣдительною доказать нашему автору, что его „Я“ — *такая же „идея“*, какъ и всякая другая, что и оно такъ же *мало реально*, какъ знаменитая математическая „единица“.

Иванъ, Петръ, Яковъ, Сидоръ *вступаютъ между собой въ извѣстныя отношенія*, которыя не зависятъ отъ воли ихъ „Я“. а навязываются имъ состояніемъ общества, въ которомъ они живутъ. Критиковать социальное устройство во имя этого „Я“ — значитъ покинуть единственную въ данномъ случаѣ плодотворную точку зрѣнія — точку зрѣнія *общества*, законовъ его жизни и развитія — и теряться въ туманѣ абстракціи.

Именно въ этотъ туманъ и впадаетъ номиналистъ Штирнеръ.

Я есть Я — это его исходный пунктъ.

Не = Я не = Я — это его результатъ.

Я + Я + Я + и т. д. — это его социальная утопія. Это — предлагаемый къ услугамъ социальной и политической критики чистый и непримѣнный субъективный идеализмъ. Это — *самобуйство идеалистическаго умозрѣнія*.

Но въ томъ же самомъ году (1845 г.), когда появилась книга Штирнера „*Der Einzige und sein Eigenthum*“ (Личность и ея собственность), во Франкфуртѣ на Майнѣ вышла книга Маркса и Энгельса: „*Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik gegen Bruno Bauer und Konsorten*“. („Святое Семейство или критика критической критики, противъ Бруно Бауэра съ товарищами“). Въ этомъ произведеніи идеалистическое умозрѣніе было подвергнуто критикѣ и разбито *диалектическимъ материализмомъ* этой теоретической основой современнаго социализма „Личность“ нѣсколько запоздала.

Мы только что сказали: *Я + Я + Я +* и т. д. — это социальная утопія Штирнера. Его „союзъ эгоистовъ“, въ дѣйствительности, является ничѣмъ инымъ, какъ суммой *абстрактныхъ*

величинъ. Что лежитъ, что можетъ лежать въ основѣ ихъ союза? *Ихъ интересы*,—отвѣчаетъ Штирнеръ. Но чѣмъ будетъ, чѣмъ можетъ быть *реальная основа* того или иного *соглашенія* ихъ интересовъ? Штирнеръ ничего объ этомъ не говоритъ, да и вообще, ничего сказать не можетъ; съ той высоты абстракціи, на которую онъ поднимается, невозможно увидѣть ничего опредѣленнаго и яснаго *въ экономической дѣйствительности, этой катери и кормилицы* всѣхъ „Я“—и эгоистическихъ и альтруистическихъ.

Что же удивительнаго, что ему не удалось привести въ ясность даже того понятія о классовой борьбѣ, къ которому онъ довольно удачно подходилъ? „Бѣдные“ должны вступить въ борьбу съ „богатыми“. Ну, а что если первые побѣдятъ? Тогда каждый изъ бывшихъ бѣдныхъ, точно такъ же, какъ и каждый изъ бывшихъ богатыхъ, будетъ вести борьбу съ каждымъ изъ бывшихъ бѣдныхъ и съ каждымъ изъ бывшихъ богатыхъ. *Тогда начнется „война всѣхъ противъ всѣхъ“* (это точное выраженіе Штирнера). И въ этой колоссальной войнѣ, въ этой всеобщей борьбѣ статуты союза эгоистовъ будутъ каждый разъ служить лишь временнымъ перемиріемъ. Въ этомъ не мало военнаго юмора, но *ни капли* того реализма, о которомъ мечталъ Максъ Штирнеръ.

Оставимъ на время „союзъ эгоистовъ“. Напрасно станеть утопистъ закрывать глаза передъ экономической дѣйствительностью; *желаетъ ли онъ этого или нѣтъ*, всюду будетъ его преслѣдовать съ беспощадной грубостью сила природы, еще не побѣжденной наукой. Возвышенная сфера абстрактнаго „Я“ не защищаетъ Штирнера отъ натисковъ экономической дѣйствительности. Онъ рассказываетъ намъ не только о своемъ автономномъ „эгоистѣ“, но также и о его „собственности“. Что же представляетъ собой собственность самодовлѣющей „личности“?

Само собой разумѣется, что Штирнеръ мало склоненъ освящать собственность въ качествѣ „пріобрѣтеннаго права“. Правомѣрной или законной собственностью другого будетъ лишь та собственность, относительно которой ты согласенъ, что она его собственность. Какъ только ты перестанешь быть съ этимъ согласенъ, собственность другого потеряла для тебя свою законность, и ты посмѣешься надъ абсолютнымъ правомъ на эту собственность¹⁾. Какъ видимъ, все та же пѣсня; для меня нѣтъ ничего выше меня. Неуваженіе къ чужому праву собственности не мѣшаетъ однако штирнеровскому „Я“ обладать *наклонностями собственника*. Самымъ сильнымъ аргументомъ „противъ коммунизма“ является для него соображеніе, что коммунизмъ, уничтожая личную собственность, превращаетъ всѣхъ членовъ общества въ „жалкихъ босяковъ“. Подобнаго рода несправедливость возмущаетъ Штирнера.

¹⁾ Der Einzige und sein Eigenthum.

„По мнѣнію коммунистовъ, собственникомъ должна быть община. Какъ разъ наоборотъ. Собственникомъ являюсь „Я“, съ другими же я вхожу только въ извѣстное соглашеніе на счетъ моей собственности. Если община не удовлетворяетъ моихъ притязаній, то Я встаю противъ нея и защищаю свою собственность. Я—собственникъ, но собственность не священна. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что я только владѣлецъ? (намекъ на Прудона. Г. П.) Ни въ коемъ случаѣ. До сихъ поръ люди были владѣльцами, обезпеченными во владѣніи своими клочками только потому, что они и другихъ оставляли во владѣніи ихъ клочками. Отнынѣ же „все“ принадлежитъ Мнѣ; Я—собственникъ „всего“ того, что мнѣ нужно, и чѣмъ я въ силахъ „овладѣть“. Соціалистъ говоритъ: общество дасть мнѣ то, что мнѣ нужно. Эгоистъ говоритъ: Я беру себѣ то, что мнѣ нужно. Коммунисты ведутъ себя, какъ босяки; эгоистъ ведетъ себя, какъ собственникъ.“¹⁾

Такимъ образомъ, собственность эгоиста, какъ видно не представляется чѣмъ-то устойчивымъ, обезпеченнымъ. „Эгоистъ“ остается собственникомъ лишь до тѣхъ поръ, пока другіе „эгоисты“ не рѣшатся его ограбить и превратить его, такимъ образомъ, въ „босяка“. Однако, не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ. Взаимныя отношенія собственниковъ „эгоистовъ“ Штирнеръ представляетъ себѣ скорѣе въ видѣ *обмѣна*, чѣмъ въ видѣ *грабежа*. А сила, къ которой онъ непрерывно апеллируетъ,—это *экономическая сила производителя товаровъ*, освободившагося отъ *старыхъ путей*, навязанныхъ ему государствомъ или „обществомъ“.

Устами Штирнера говоритъ *душа товаропроизводителя*. Если онъ *уничтожаетъ государство*, то это потому, что, какъ ему кажется, государство *недостаточно уважаетъ „собственности“* такого товаропроизводителя. Онъ требуетъ *своей* собственности, *полной своей* собственности. Государство заставляетъ его платить налоги; государство позволяетъ себѣ экспроприировать его во имя общественного блага. Онъ жаждетъ *jus utendi et abutendi*. Государство соглашается на это; но—прибавляетъ оно—бываютъ злоупотребленія и злоупотребленія. Въ отвѣтъ на это Штирнеръ восклицаетъ: „Держите вора!“ „Я—врагъ государства, —говоритъ онъ,—которое вѣчно ставитъ альтернативу: оно или Я... Въ *государствѣ нѣтъ никакой собственности*, т. е. нѣтъ собственности автономнаго „я“, а существуетъ лишь государственная собственность. То, что я имѣю, я имѣю лишь черезъ государство точно такъ же, какъ только черезъ него я—то, что я есмь. Моей частной собственностью считается лишь то, что государство мнѣ удѣляетъ изъ своей собственности, причемъ оно соотвѣтственнымъ образомъ сокращаетъ собственность другихъ гражданъ (лишаетъ ихъ собственности). Вотъ что такое госу-

¹⁾ Der Einzige etc S. 266.

дарственная собственность. „А потому, долой государство и да здравствует простая, совершенная собственность моего автономнаго „я“.

Штирнеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ политическую экономію Сэя (*Traité d'économie politique pratique de J. B. Say*) ²⁾. И несмотря на то, что онъ перевелъ и Адама Смита, ему никогда не удавалось выйти за предѣлы *узкаго круга понятій вульгарной буржуазной экономіи*. Его „союзъ эгоистовъ“ представляетъ собой ничто иное, какъ утопію возмущеннаго мелкаго буржуа. Въ этомъ смыслѣ и можно выразиться, что онъ *сказалъ последнее слово буржуазнаго индивидуализма*.

Штирнеру принадлежить еще и третья заслуга: онъ имѣлъ мужество открыто высказывать свое мнѣніе и довести свою индивидуальную теорію до самыхъ крайнихъ ея выводовъ. Онъ самый безстрашный и самый послѣдовательный изъ анархистовъ. Рядомъ съ нимъ Прудонъ, — котораго Крапоткинъ и современные его единомышленники называютъ отцомъ анархіи, — является просто на просто члпорнымъ *филистеромъ*.

Прудонъ.

Если Штирнеръ выступаетъ противъ Фейербаха, то „безсмертный“ Прудонъ подражаетъ Канту. „То, что было сдѣлано Кантомъ приблизительно 60 лѣтъ тому назадъ для религіи; то, что имъ было сдѣлано еще раньше для достовѣрности нашего познанія; то, что до него было сдѣлано другими для счастья и для высшаго благоденствія человѣчества, — то теперь хочетъ предпринять „Voix du Peuple“ въ области государственнаго управленія“. Такъ величаво провозглашаетъ „отецъ анархіи“.

Посмотримъ же, какъ онъ приступаетъ къ своей задачѣ и каковы рѣзультаты.

По мнѣнію Прудона, до Канта всякій вѣрующій и всякій философъ „съ непреодолимой тревогой“ спрашивали себя: „Что такое Богъ?“ А вслѣдъ за этимъ неизбѣжно слѣдовалъ вопросъ: какая лучшая изъ всѣхъ религій? „Если, дѣйствительно, надъ человѣчествомъ существуетъ Высшее Существо, то должна также существовать извѣстная система отношеній между этимъ существомъ и человѣчествомъ. Въ чемъ же она заключается? Поиски за лучшей религіей — это второй шагъ, который человѣческій духъ дѣлаетъ въ области разума и вѣры“. Кантъ считаетъ эти вопросы неразрѣшными. Онъ не спрашивалъ себя, что такое Богъ, и что такое истинная религія, а ставилъ себѣ задачей объяснить происхожденіе и развитіе *идеи* Бога. „Онъ задался цѣлью дать біографію этой идеи“, и тутъ онъ достигъ столько же превосходныхъ, сколько и неожиданныхъ результатовъ. „Въ Богѣ,

²⁾ Лейпцигъ 1845 — 46.

какъ сказалъ Мальбраншъ, мы ищемъ и видимъ нашъ собственный идеаль, чистую сущность человѣчества... Человѣческая душа вначатѣ познаетъ себя не путемъ внутренняго созерцанія своего Я, какъ это полагають психологи; она видитъ себя внѣ себя самой, какъ будто она существо, отличное отъ себя самой; этотъ отраженный образъ она и называетъ Богомъ. Такимъ образомъ, мораль, справедливость, общественный строй, законы—все это уже не навязано нашей свободной волѣ извнѣ, неизвѣстнымъ и непостижимымъ для насъ высшимъ существомъ. Все это, наоборотъ, вещи, которыя намъ присущи и составляютъ такую же неотъемлемую принадлежность нашего существа, какъ наши способности, наши органы, наша плоть и кровь. Въ двухъ словахъ: религія и общество—это два однозначущихъ выраженія. Человѣкъ такъ же священенъ для себя самого, какъ если бы онъ былъ Богомъ“.

Вѣра въ авторитетъ столь же первоначальна и всеобща, какъ и вѣра въ Бога. Всюду, гдѣ существуютъ люди, соединяющіеся въ общество, существуетъ и власть, какъ начало всякаго правительства. Съ незапамятныхъ временъ люди спрашиваютъ себя: что такое правительственная власть, и каковъ лучшій образъ правленія? Но тщетно ищутъ отвѣта на эти вопросы: существуетъ столько же формъ правленія, сколько религій, столько же политическихъ теорій, сколько философскихъ системъ. Возможно ли положить конецъ этимъ непрерывнымъ и безплоднымъ пререканіямъ? Есть ли выходъ изъ этого тупого переулка? Безусловно! Нужно только слѣдовать примѣру Канта, нужно только поставить себѣ вопросъ откуда происходитъ эта идея авторитета, идея правительственной власти? Каковъ законный источникъ политической идеи? Будучи поставленъ на такую почву, вопросъ этотъ разрѣшается удивительно легко:

„Какъ и религія, каждая данная форма правленія есть проявленіе общественной безсознательности („самопроизвольности“), подготовленіе человѣчества къ высшему состоянію“.

„То, что человѣчество ищетъ въ религіи, и что оно называетъ Богомъ—это само человѣчество“.

„То, чего всякій гражданинъ ищетъ въ правительствѣ, и что онъ называетъ королемъ, императоромъ или президентомъ,—это онъ самъ, это его свобода“.

„Внѣ человѣчества нѣтъ Бога: теологическое міросозерцаніе не имѣетъ никакого смысла. Внѣ свободы нѣтъ правительства; политическое міросозерцаніе не имѣетъ никакой цѣны“.

Все это относится къ „біографіи“ политической идеи. Разъ она извѣстна, то она выяснитъ намъ и подлежащій нашему изслѣдованію вопросъ: каковъ самый лучшій образъ правленія?

„Буквально говоря, самая лучшая форма правленія, какъ и совершеннѣйшая религія.—это идея, заключающая въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Задача заключается не въ томъ, чтобы знать, при какихъ условіяхъ мы лучше всего управлялись бы, а въ томъ, чтобы знать, при какихъ условіяхъ мы были бы наиболѣе свободны. Свобода, соотвѣтствующая и согласованная съ порядкомъ, — вотъ все, что общественная власть и политика содержатъ въ себѣ реальнаго. Какъ же получается эта абсолютная свобода, идентичная съ порядкомъ? Это мы узнаемъ изъ анализа различныхъ формулъ, опредѣляющихъ авторитетъ. Мы такъ же мало допускаемъ господство человѣка надъ человѣкомъ, какъ и эксплуатацію человѣка человѣкомъ).

Мы тутъ достигли самой вершины политической философіи Прудона. Отсюда беретъ свое начало свѣжій, живительный потокъ его анархистскихъ мыслей. Но прежде чѣмъ послѣдовать по нѣсколько извилистому руслу этого потока, намъ хотѣлось бы еще разъ оглянуться на ту тропинку, по которой мы подыались.

Мы воображали, что идемъ за Кантомъ. Но мы ошиблись. Въ своей „Критикѣ чистаго разума“ Кантъ показывалъ, что невозможно доказать существованіе Бога, потому что все то, что находится внѣ нашего опыта, намъ совершенно недоступно. Въ своей „Критикѣ практическаго разума“ Кантъ допустилъ существованіе Бога во имя морали. Но онъ *никогда* не говорилъ, что Богъ является лишь отраженнымъ обра-

1) Всѣ приведенныя цитаты заимствованы нами изъ предисловія къ третьему изданію „Confessions d'un Révolutionnaire“. Это предисловіе составляетъ выдержку изъ „Voix du Peuple“ за ноябрь 1849 г. Только въ 1849 г. Прудонъ началъ „излагать“ анархистскую теорію. Въ 1848 г. онъ „изложилъ“ лишь свою теорію обмѣна, въ чемъ можно убѣдиться, если прочесть шестой томъ его собранія сочиненій (Парижъ, 1863). „Критика“ демократіи, появившаяся въ мартѣ 1848 г., не есть еще изложеніе анархистской теоріи; эта „критика“ составляетъ часть не-большаго произведенія „Рѣшеніе соціальной задачи“ (Solution du problème social). Прудонъ думаетъ рѣшить эту задачу безъ помощи займовъ, безъ металлическихъ и бумажныхъ денегъ, безъ максимальныхъ цѣнъ, безъ реквизицій, безъ банкротствъ, безъ аграрнаго закона, безъ налога на бѣдныхъ, безъ національныхъ мастерскихъ, безъ ассоціацій (!), безъ участія въ прибыляхъ, безъ государственнаго вмѣшательства, безъ ограниченія свободы торговли и промышленности, безъ нарушенія права собственности,—словомъ, прежде всего, безъ „какой бы то ни было классовой борьбы“. Поистинѣ „безсмертная“ идея, достойная восхищенія всѣхъ миролюбивыхъ, сентиментальныхъ и сердитыхъ буржуа бѣлой, синей или красной масти!

зомъ нашей собственной души. То, что ему приписываетъ Прудонъ, составляетъ неотъемлемую собственность *Фейербаха*. Такимъ образомъ, набросавъ въ крупныхъ штрихахъ „біографію“ политической идеи, мы слѣдовали примѣру Фейербаха. Прудонъ, слѣдовательно, приводилъ насъ обратно, какъ разикъ тому самому пункту, откуда началось наше совсѣмъ не сентиментальное путешествіе съ Штирнеромъ. Не бѣда: мы еще разъ будемъ аргументировать, слѣдуя Фейербаху.

То, что человѣчество ищетъ въ религіи,—это само человечество. То, что гражданинъ ищетъ въ формѣ правленія,—это онъ самъ, это свобода... Слѣдуетъ ли изъ этого, что свобода составляетъ сущность гражданина? Допустимъ, что это такъ; но установимъ въ то же время несомнѣнный фактъ, что французскій „Кантъ“ ничего, абсолютно ничего не сдѣлалъ для того, чтобы доказать „законность“ подобной „идеи“. И это еще не все. Что представляетъ собой эта свобода, относительно которой мы допускаемъ, что она составляетъ сущность гражданина? Политическая ли это свобода, которая вполне естественнымъ образомъ должна была бы быть главнымъ предметомъ его заботъ? Ничуть не бывало. Предположить это—значило бы превратить „гражданина“ въ „авторитарнаго“ демократа. Въ формѣ правленія нашъ гражданинъ ищетъ абсолютную свободу индивидуума, „адекватную“ и „идентичную“ съ порядкомъ. Другими словами, сущностью „гражданина“ является Прудоновская анархія. Трудно сдѣлать болѣе пріятное открытіе, но „біографія“ этого открытія заставляетъ призадуматься. Мы хотѣли разрушить всѣ аргументы, говорящіе въ пользу *идеи* авторитета власти, подобно тому, какъ Кантъ разрушилъ всѣ доказательства существованія Бога. Чтобы достигнуть этой цѣли, мы *допустили*, что именно свободу ищетъ гражданинъ въ любой формѣ правленія, причемъ мы немножко подражали Фейербаху, согласно которому человѣкъ, молясь Богу, молится своему собственному существу. Что же до самой это свободы, то мы однимъ взмахомъ руки *превратили* ее въ „абсолютную“, въ анархистскую свободу. Разъ, два, три! Быстрота—не колдовство...

Такъ какъ „гражданинъ“ ищетъ въ формѣ правленія только „абсолютную“ свободу, то государство является лишь *выдумкой* („выдумкой о высшемъ существѣ, называемомъ государствомъ“). Всѣ формулы государственнаго правленія, изъ за которыхъ народы душили другъ друга въ продолженіе шестидесяти столѣтій, представляютъ собой ничто иное, какъ созданіе нашей фантазіи и первая обязанность свободнаго разума—это сдѣлать ихъ, въ музеи и книгохранилища. Еще одно прекрасное открытіе сдѣлано мимоходомъ. Политическая исторія человечества „на протяженіи шестидесяти столѣтій“ имѣла своей движущей пружиной только „созданіе человеческой фантазіи“.

Утверждать, что человѣкъ, молясь Богу, молится собственной своей сущности, значитъ указать источникъ происхожденія

религін, но это еще не значитъ написать ея „біографію“. Писать біографію религін—значитъ писать ея исторію, объясняя при этомъ постепенное развитіе этой человѣческой сущности, которая находитъ въ ней свое выраженіе. Фейербахъ этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Прудонъ, вздумавшій подражать Фейербаху, былъ далекъ отъ того, чтобы понять недостаточность его точки зрѣнія. Все, что ему было доступно,—это принять Фейербаха за Канта и самымъ жалкимъ образомъ подражать своему Канту-Фейербаху. Онъ слышалъ, что Богъ—одна лишь выдумка, и отсюда онъ мигомъ пришелъ къ заключенію, что и государство одна лишь выдумка. Если нѣтъ Бога, то почему бы существовать государству? Прудонъ хотеть бороться противъ государства; и начинаетъ онъ прямо съ заявленія, что такового нѣтъ. Этого было достаточно, чтобы читатели „Voix du Peuple“ захлопали въ ладоши, а враги господина Прудона пришли въ ужасъ отъ глубины его философской мысли. Настоящая трагикомедія!

Для современнаго намъ читателя почти лишне прибавлять, что, объявляя государство выдумкой („фикціей“), мы тѣмъ самымъ совершенно лишаемся возможности понять его „сущность“ или объяснить его историческое развитіе. Это и случилось съ Прудонъ.

Въ строѣ всякаго общества я различаю два вида конституцій; одну я называю *соціальной* конституціей, другую—*политической*.

Первая изъ нихъ самымъ тѣснымъ образомъ связана, (intime) съ человѣчествомъ, она либеральна, прогрессивна, и ея прогрессъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы освободиться отъ второй, которая по природѣ своей значительно болѣе произвольна, ретроградна и болѣе угнетающа. Соціальная конституція—ничто иное, какъ равновѣсіе интересовъ, опирающихся на *свободный договоръ* и на *организацию экономическихъ силъ*,—интересовъ, каковы, въ общемъ, *трудъ, раздѣленіе труда, коллективная сила, конкуренція, торговля, деньги, машины, кредитъ, собственность, равенство договоровъ, взаимность гарантій* и пр.

Политическая конституція имѣетъ своимъ принципомъ, авторитетъ. Формы же ея: классовыя различія, раздѣленіе власти, административная централизація, судебская іерархія, выборное представительство суверенитета (верховой власти) и пр. Она была придумана и мало-по-мало дополнена, въ виду отсутствія *соціальной* конституцій, принципы и правила которой могли быть открыты лишь послѣ долгаго опыта и служить еще до сихъ поръ предметомъ соціалистическихъ преній.

Легко убѣдиться, что обѣ эти конституціи по природѣ своей совершенно различны и даже несомѣстимы; но такъ какъ судьба политической конституцій безпрестанно вы-

зывать и порождать конституцію социальную.—то постоянно что-нибудь прокрадывается и водворяется изъ послѣдней въ первую. Тогда политическая конституція, ставши недостаточной, начинается казаться противорѣчивой и ненавистной и вынуждается къ одной уступкѣ за другой, вплоть до полного ея упраздненія. ¹⁾

Социальная конституція „самымъ тѣснымъ образомъ связана“ съ человѣчествомъ, она необходима ему. Тѣмъ не менѣе, ее удалось открыть лишь послѣ долгаго опыта, и за неимѣніемъ ея, человѣчество должно было изобрѣсть „конституцію политическую“. Развѣ это не совершенно утопическое представление о человѣческой природѣ и—тѣсно съ ней связанной,—социальной организаціи? Не возвращаемся ли мы, такимъ образомъ, къ точкѣ зрѣнія Морелли, по которому человѣчество на всемъ протяженіи своей исторіи всегда было „вне природы“. Намъ даже нѣтъ необходимости возвращаться къ нему, такъ какъ, имѣя дѣло съ Прудонъ, мы ни на минуту не удалялись отъ Морелли. Смотри свысока на утопистовъ и ихъ поиски „лучшихъ формъ правленія“, Прудонъ отнюдь не осуждаетъ ихъ точки зрѣнія. Онъ лишь высмѣиваетъ недостатокъ прозорливости у людей, не разобравшихъ, что самая лучшая политическая организація—это отсутствіе всякой политической организаціи; что это наиболѣе соответствующая человѣческой „природѣ“, наиболѣе необходимая и наиболѣе „тѣсно связанная“ съ человѣчествомъ социальная организація.

По своей природѣ социальная конституція совершенно отлична отъ конституціи политической и даже несовмѣстима съ нею. Тѣмъ не менѣе, такова „судьба“ политической конституціи, постоянно вызывать и производить социальную конституцію. Это чрезвычайно запутано; мы, однако, выйдемъ изъ затрудненія, предположивъ, что Прудонъ хотѣлъ этимъ сказать: политическая конституція вліяетъ на развитіе социальной. Но тутъ неминуемо возникаетъ вопросъ: не коренится ли политическая конституція, какъ призналъ уже Гизо, въ социальной конституціи данной страны? По нашему автору: нѣтъ; тѣмъ болѣе нѣтъ, что социальная организація,—какъ единственная и истинная,—лишь дѣло будущаго. Вѣдь лишь за отсутствіемъ ея общему чѣловѣчеству пришлось выдумать себѣ политическую конституцію. Помимо этого, „политическая конституція“ Прудона обнимаетъ весьма обширную область: она включаетъ въ себя даже „различіе классовъ“, а вслѣдствіе этого, и „не организованную“ собственность,—собственность въ томъ видѣ, въ какомъ она не должна бы существовать, собственность нашего времени. И такъ какъ вся эта конституція выдумана лишь въ ожиданіи анархической организаціи общества, то очевидно,

¹⁾ Les Confessions d'un Révolutionnaire. Изд. 1868 г. т. IX. Полн. собр. соч. П Прудона; стр. 160—167.

что *вся предыдущая исторія* человѣчества была ничѣмъ инымъ, какъ громаднымъ *заблужденіемъ*. Государство уже не чистая фикція, какъ утверждалъ Прудонъ въ 1849 г.; точно такъ же и „политическія формулы, изъ за которыхъ въ теченіе шестидесяти вѣковъ народы и граждане душили другъ друга“, уже не „плоды нашего воображенія“, какъ полагалъ тогда тотъ же Прудонъ, но эти формулы, подобно государству, и вообще политической конституціи—*лишь продуктъ человеческого невѣжества*, матери всѣхъ фикцій и фантазій. Въ сущности повторяется та же исторія. Главная суть въ томъ, что *анархическая* („соціальная“) организація общества могла быть открыта лишь „послѣ долгаго опыта“. Читатель теперь видитъ, какъ это печально.

Политическая конституція имѣетъ безспорное вліяніе на соціальную организацію; по крайней мѣрѣ, она ее вызываетъ, и именно въ этомъ заключается обнаруженная Прудонѣмъ, учителемъ кантовской философіи и соціальной организаціи, „судьба“ политической конституціи. Отсюда можно было бы придти къ слѣдующему логическому выводу: приверженцы соціальной организаціи, для достиженія своей цѣли, должны пользоваться и политической организаціей. Но какъ ни логиченъ этотъ выводъ, онъ все-таки не по вкусу нашему автору. Для него этотъ выводъ лишь плодъ нашего воображенія. Пользоваться *политической конституціей* означало бы приносить жертвы грозному богу *власти*, означало бы принимать участіе въ борьбѣ партій. Ничего подобнаго Прудонъ не желаетъ. „*Никакихъ партій больше, никакой власти, абсолютная свобода чело­вѣка и гражданина*: вотъ—говоритъ онъ—въ трехъ словахъ нашъ политическій и соціальныи символъ вѣры.“¹⁾

Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Кто не хочетъ слышать о политической борьбѣ, тотъ, этимъ самымъ, отказывается принимать какое бы то ни было участіе въ *классовой борьбѣ*. Это случилось съ Прудонѣмъ. Съ самаго начала революціи 1848 года онъ проповѣдовалъ примиреніе классовъ. Примѣромъ можетъ служить отрывокъ изъ циркуляра, обращеннаго имъ къ избирателямъ департамента Ду, 3-го апрѣля того же года.

„Соціальныи вопросъ поставленъ, вы не уйдете отъ него. Для разрѣшенія его нужны люди, у которыхъ самая *радикальная мысль соединялась бы съ самой консервативной*. *Работіе, подайте руки вашимъ хозяевамъ*, а вы, работодатели, не оттолкните руки тѣхъ, кто получалъ отъ васъ заработную плату“.

Человѣкъ, въ которомъ, по мнѣнію Прудона, крайность радикальной мысли сходилась съ крайностью консервативной, былъ онъ самъ, П. И. Прудонъ. Въ этой идеѣ, съ одной сто-

¹⁾ Confessions, стр. 25—36.
АНАРХ. И СОЦ.

роны, кроется „фикція“, свойственная всѣмъ утонистамъ, воображавшимъ, что они могутъ подняться *надъ* классами и ихъ борьбой, и весьма наивно полагававшимъ, что вся дальнѣйшая исторія человѣчества должна свестись къ мирной пропагандѣ ихъ новаго евангелія.

Но съ другой стороны, это стремленіе связать консерватизмъ съ радикализмомъ яснѣе всего характеризуетъ „сущность“ „родоначальника анархіи“. Прудонъ былъ самымъ типичнымъ представителемъ *соціализма мелкой буржуазіи*.

Такова уже „судьба“ мелкаго буржуа—колебаться вѣчно между радикализмомъ и консерватизмомъ, если онъ не становится на точку зрѣнія пролетаріата. Для того, чтобы это лучше понять, нужно вспомнить, въ чемъ состоялъ планъ соціальной организаціи, предложенный Прудономъ.

Предоставимъ слово самому автору. Само собою разумеется, что намъ въ такомъ случаѣ придется мимоходомъ имѣть дѣло съ болѣе или менѣе вѣрно истолкованнымъ Кантомъ.

„Тотъ путь, на который мы намѣрены вступить при обсужденіи *политическаго* вопроса и подготовкѣ матеріаловъ для пересмотра конституціи, будетъ тотъ же, по которому мы шли до сихъ поръ при обсужденіи *соціальнаго* вопроса. „Voix du Peuple“, продолжая дѣло 2-хъ журналовъ, ему предшествовавшихъ, добросовѣстно пойдетъ по ихъ стопамъ.“¹⁾

„Что же мы сказали въ этихъ двухъ журналахъ, павшихъ одинъ за другимъ подъ ударами реакціи и осаднаго положенія? Мы не спрашиваемъ, какъ это дѣлали до сихъ поръ наши предшественники и единомышленники: какова *самая лучшая* система общественности? какова *самая лучшая* организація собственности? или—какое лучшее понятіе собственности или общественности? Что мы примемъ изъ теорій Сенъ-Симона или Фурье, изъ системъ Луп-Блана или Кабе? По примѣру Канта мы ставили вопросъ такъ: какъ владѣть человѣкъ собственностью? какъ онъ ее приобретаетъ, и какъ теряетъ ее? каковъ законъ ея развитія и превращенія? Куда она стремится? чего хочетъ, и что, наконецъ, она собой представляетъ?.. Далѣе,—какъ работаетъ человѣкъ? Какимъ образомъ происходитъ сравненіе продуктовъ? Какъ совершается ихъ обращеніе въ обществѣ? При какихъ условіяхъ? По какимъ законамъ? И выводъ изъ всей этой монографіи о собственности былъ слѣдующій: собственность указываетъ на производство или на распредѣленіе; общественность—на взаимность дѣйствій; постоянно понижа-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о газетахъ: „Le Peuple“ и Le Représentant du Peuple“, которыя Прудонъ издавалъ раньше, чѣмъ „Voix du Peuple“, въ 1848—49 гг.

ющійся ростъ (процентъ)—на идентичность труда и капитала. (Sic!). Что нужно сдѣлать для того, чтобы раскрыть и придать реальное значеніе всѣмъ этимъ выраженіямъ, скрытымъ до сихъ поръ въ устарѣлыхъ символахъ собственности? Рабочіе должны взаимно гарантировать другъ другу работу и сбытъ; для этой цѣли они должны признавать свои взаимныя *обязательства*, какъ *деньги*. Итакъ, мы говоримъ сегодня: политическая *свобода*, какъ и свобода промышленная, будетъ вытекать для насъ изъ *взаимныхъ гарантий*. Гарантируя другъ другу свободу, мы избежимъ этого правительства, назначеніе котораго—символически изображать республиканскіе девизы: *свобода, равенство, братство*, причемъ предоставляется нашему остроумію найти осуществленіе этихъ девизовъ. Какова же формула этой политической и либеральной гарантіи? Теперь—*всеобщее избирательное право*, потомъ—*свободный договоръ*... Экономическая и социальная реформа, посредствомъ взаимной гарантіи кредита; политическая реформа, путемъ соглашенія индивидуальныхъ свободъ,—вотъ программа „*Voix du Peuple*“. ¹⁾

Прибавимъ, что нетрудно набросать „біографію“ этой программы.

Въ обществѣ товаропроизводителей обмѣнъ продуктами совершается на основѣ общественно-необходимаго для нихъ производства труда. Трудъ—источникъ и мѣрило мѣнсовой цѣнности. Всякому человеку, проникнутому тѣми идеями, какія вырабатываются въ обществѣ товаропроизводителей,—это покажется самымъ „справедливымъ“. Къ несчастью, однако, эта „справедливость“ не „вѣчна“, какъ и все на землѣ. Развитію товарнаго производства неминуемо сопутствуетъ превращеніе большей части общества въ пролетаріевъ, ничего не имѣющихъ, кромѣ своей рабочей силы, а другой части общества—въ капиталистовъ, покупающихъ эту силу—единственный товаръ пролетаріевъ—и дѣлающихъ изъ нея источникъ своего обогащенія. Работая для капиталиста, рабочій создаетъ доходъ своего эксплуататора и въ то же время—свою собственную нищету и свою собственную социальную зависимость. Достаточно ли это несправедливо? Защитникъ правъ товаропроизводителей, Прудонъ, сожалеетъ объ участи пролетаріевъ. Онъ *громитъ капиталъ*. Въ то же время, однако, онъ *громитъ* и революціонныя тенденціи *пролетаріевъ*, говорящихъ объ экспроприаціи эксплуататоровъ и о коммунистической организаціи производства. Коммунизмъ—несправедливость, отвратительнѣйшая тиранія! *Организовать* нужно не *производство*, а *обмѣнъ*, увѣряетъ онъ. Но какъ организовать обмѣнъ? Это очень легко, и путь намъ укажетъ то, что ежедневно разыгрывается передъ нашимъ озабоченнымъ взоромъ. Трудъ есть источникъ и мѣрило цѣн-

¹⁾ Confessions, стр. 7—8.

ности товаровъ. Но всегда ли *цѣна* товаровъ опредѣляется въ цѣнностию? Не мѣняется ли постоянно цѣна въ зависимости отъ рѣдкости или обилія товаровъ? Цѣнность товара и его цѣна—два различныя вещи. и въ этомъ несчастъе, большое несчастъе всѣхъ насъ бѣдныхъ и честныхъ людей, не желающихъ ничего, кромѣ своего права, стремящихся владѣть лишь тѣмъ, что намъ слѣдуетъ. Чтобы разрѣшить социальный вопросъ, нужно, слѣдовательно, положить конецъ „произвольности цѣны“, „аномалии цѣнности“ (подлинное выраженіе Прудона). А поэтому, нужно „конституировать цѣнность“, т. е. устроить, чтобы каждый производитель получалъ за свой товаръ ровно столько, сколько онъ стоитъ. Тогда частная собственность не только перестанетъ быть „воровствомъ“, но она будетъ наиболѣе соответствующимъ выраженіемъ справедливости. Конституировать цѣнность, значитъ конституировать *мелкую частную собственность*, а когда мелкая частная собственность будетъ конституирована, въ нашей нынѣшней юдоли нищеты и несправедливости все станетъ счастьемъ и справедливостью. А какъ же быть, если пролетаріи вздумаютъ возразить, что у нихъ нѣтъ средствъ производства? Взаимной гарантіей безвозмезднаго *кредита* всѣ желающіе работать, точно по мановенію волшебнаго жезла, будутъ обладать всѣмъ необходимымъ для производства.

Мелкая собственность и раздробленное мелкое производство, его экономическій базисъ, были всегдашней мечтою Прудона. Громадная современная механическая мастерская всегда ему внушала глубокое отвращеніе. Работа, говоритъ онъ, также какъ и любовь, избѣгаетъ „общества“. Конечно, есть нѣсколько видовъ индустріи,—Прудонъ приводитъ въ примѣръ желѣзныя дороги,—гдѣ ассоціація неизбежна. Тамъ единичный производитель долженъ уступать мѣсто „обществамъ рабочихъ“. Но исключеніе лишь подтверждаетъ правило ¹⁾. Мелкая частная собственность должна служить основой социальной организаціи.

Мелкая частная собственность имѣетъ тенденцію исчезнуть. *Поддерживать* ее, и тѣмъ болѣе, класть ее въ основу новой социальной организаціи—это самый крайній консерватизмъ. Желать же одновременно положить конецъ „эксплуатаціи челоуѣка челоуѣкомъ“ и наемной системѣ—это, въ сущности, значитъ соединять самыя радикальныя желанія съ самыми консервативными тенденціями.

Мы не будемъ здѣсь критиковать этой мелкобуржуазной утопіи. Мастерская критика ея уже дана въ произведеніяхъ

¹⁾ Для Прудона „призываемый большинствомъ школъ принципъ ассоціаціи—принципъ совершенно безплодный, не представляющій ни промышленной силы, ни экономического закона... онъ представлялъ бы скорѣе правительство и повиновеніе—два понятія, исключаемыхъ революціей“. (Idée générale de la Révolution au XIX siècle, deuxième édition, Paris 1851, p. 193.)

Маркса: „Ничтога философія“ и „Къ критикѣ политической экономіи.“ Мы лишь замѣтимъ слѣдующее:

Единственное звено, связующее въ экономической области *товаропроизводителей*, это—*обмѣнъ*. Съ юридической точки зрѣнія обмѣнъ является взаимоотношеніемъ двухъ „воль“. Оно выражается договоромъ. Поэтому, „конституированное“ по глѣбѣ правиламъ науки *товаропроизводство* есть господство „абсолютной“ индивидуальной *свободы*: обязываясь договоромъ исполнить ту или другую вещь, доставить тотъ или другой товаръ, я не отказываюсь отъ своей свободы. Отнюдь нѣтъ. Я использую ее, чтобы вступить въ сношенія со своими ближними. Но въ то же время, договоръ регулируетъ мою свободу. Исполняя обязательство, добровольно на себя наложенное заключеніемъ договора,—я отдаю должное правамъ другихъ. Такимъ образомъ, „абсолютная“ *свобода* дѣлается адекватной „порядку“.

Примѣните понятіе *договора* при критикѣ „политической конституціи“,—и вы получите „анархию“.

„Идея *договора* исключаетъ идею *господства*... Договоръ, взаимное соглашеніе, характеризуется тѣмъ, что, благодаря этому соглашенію, *увеличиваются свобода и счастье людей*, между тѣмъ какъ установленіемъ власти то и другое *уменьшается*... Если уже договоръ въ обыденномъ смыслѣ и въ повседневной практикѣ имѣетъ такія свойства, то каковъ же будетъ социальный договоръ, который объединитъ между собой членовъ одной національности въ равныхъ интересахъ?

Социальный договоръ -- возвышеннѣйшій актъ, посредствомъ котораго каждый гражданинъ предоставляетъ въ распоряженіе общества свою любовь, свой умъ, свой трудъ, свои услуги, свои продукты, свое имущество,—въ обмѣнъ на жертвы, идеи, труды, продукты, услуги и имущество другихъ людей, причемъ размѣръ *права* каждого *опредѣляется цѣнностью его вклада*, и погашеніе происходитъ свободно, въ зависимости отъ количества доставленнаго... Социальный договоръ подлежитъ свободному обсужденію всѣхъ его участниковъ, онъ долженъ быть индивидуально одобренъ каждымъ и собственноручно („*manu propria*“) подписанъ... Социальный договоръ по существу подобенъ мѣнновому: онъ не только оставляетъ заключившему его (подписавшему) полномѣрность („*l'intégralité*“) его благъ, но онъ еще прибавляетъ нѣчто къ его собственности; не дѣлая никакихъ предписаній его труду, онъ относится только къ обмѣну... Таковъ долженъ быть социальный договоръ по опредѣленіямъ права и всеобщей практики“ ¹⁾.

Признавъ безпорнымъ и существеннымъ принципомъ, что договоръ—„единственные моральныя узы, пріемлемыя для равныхъ

¹⁾ Idée générale de la Révolution au XIX siècle, deuxième édition, Paris 1851, p. 124—127.

и свободныхъ личностей“, весьма легко смастерить „радикальную“ критику „политической конституціи“. Предположимъ, напр., что дѣло идетъ о справедливости *уголовнаго права*. Скажите,—спросило бы Прудонъ,—на основаніи какого договора общество присваиваетъ себѣ право карать преступника?

„Гдѣ нѣтъ соглашенія, тамъ предъ внѣшнимъ судебнымъ кресломъ нѣтъ мѣста ни преступленію, ни проступкамъ... Законъ есть выраженіе народнаго суверенитета, т. е., социальный контрактъ, если только я что-нибудь въ этомъ понимаю, есть личное обязательство человѣка и гражданина. Пока я не хотѣлъ этого закона, пока я на него не соглашался, не голосовалъ за него, не подписывалъ его, до тѣхъ поръ онъ меня не обязываетъ и для меня не существуетъ. Привлекать законъ, прежде чѣмъ я его знаю, и примѣнять его ко мнѣ, несмотря на мой протестъ, значитъ давать ему силу обратнаго дѣйствія и преступать его. Каждый день случается вамъ отмѣнять приговоры изъ-за формальной ошибки. Но въ вашихъ актахъ нѣтъ ни одного, который не былъ бы запятнанъ клеймомъ недействительности и притомъ самой чудовищной недействительности: подтасовкой законовъ. Пуфларь, Ласенеръ, всѣ преступники, которыхъ вы отправляете на казнь, поворачиваются въ своихъ могилахъ и обвиняютъ васъ въ поддѣлкѣ закона. Что вы можете имъ отвѣтить?“¹⁾

Идетъ ли рѣчь объ „администраціи“ и *полиціи*, Прудонъ затгиваетъ ту же пѣсню о договорѣ и свободномъ присоединеніи къ нему.

„Развѣ мы не можемъ такъ же хорошо, даже лучше за-вѣдывать нашей собственностью, сводить наши счета, погашать наши обязательства, вступаться за наши общіе интересы, какъ мы заботимся о будущей жизни и о спасеніи нашихъ душъ? Почему намъ должно быть больше дѣла до государственнаго законодательства и государственной юстиціи, до государственной полиціи и государственной администраціи, чѣмъ до государственной религіи?“²⁾

Что касается министерства *финансовъ*, то ясно, что его право на существованіе обусловлено существованіемъ другихъ министерствъ... Уничтожьте политическую запряжку, и вы не будете знать, что дѣлать съ вѣдомствомъ, единственная цѣль котораго изыскивать для нея средства и распредѣлять ихъ.“³⁾

Это логично и „радикально“, тѣмъ болѣе „радикально“, что формула Прудона о конституированной цѣнности, о свободномъ договорѣ есть формула „универсальная“, легко и даже по необходимости примѣнимая ко всѣмъ народамъ. „Съ политиче-

¹⁾ Idée générale de la Révolution, p. 298—299.

²⁾ См. тамъ же, стр. 304.

³⁾ См. тамъ же.

ской экономіей, въ самомъ дѣлѣ, повторяется то же, что и съ другими науками: она, въ силу необходимости, одна и та же во всемъ мірѣ, она независима отъ соглашеній людей и народовъ и не подчиняется ничьему капризу. Столь же мало можно говорить о русской, англійской, татарской, австрійской или индусской политической экономіи, какъ о венгерской, нѣмецкой или американской физикѣ или геометріи. Истина вездѣ остается тождественна себѣ самой: наука есть основная единица человѣческаго рода. Если, такимъ образомъ, общественной нормой въ каждой странѣ служить не наука, не религія, или власть, и не они—верховные блюстители общественныхъ интересовъ, то, слѣдовательно, послѣ упраздненія правительственной системы законодательства всего міра будутъ совпадать¹⁾.

Довольно. „Биографію“ того, что Прудонъ называетъ своею программой, мы теперь знаемъ вдоволь. Въ своей „экономической части“, она ничто иное, какъ утопія мелкаго буржуа, твердо убѣжденнаго въ томъ, что товарное производство есть самый „справедливый“ изъ всевозможныхъ способовъ производства, желающаго вытравить его дурныя стороны (отсюда его „радикализмъ“) и, наоборотъ, сохранить на вѣчныя времена его преимущества (отсюда его „консерватизмъ“). Въ политической своей части эта программа представляетъ лишь примѣненіе понятія о „договорѣ“, почерпнутаго изъ области частнаго права общества товаропроизводителей, — къ общественнымъ условіямъ. „Конституированная цѣнность“ въ экономіи, „договоръ“ въ политикѣ—вотъ вся научная „истина“ Прудона. Какъ бы онъ ни нападалъ на утопистовъ, но онъ самъ утопистъ до кончиковъ ногтей. Что его отличаетъ отъ людей, какъ *Сенъ-Симонъ*, *Фурье*, *Р. Оуэнъ*, это—бѣдность и крайняя ограниченность ума, ненависть ко всякимъ, *дѣйствительно революціоннымъ* движеніямъ и идеямъ.

Прудонъ критиковалъ *политическую конституцію* съ точки зрѣнія частнаго права. Онъ хотѣлъ увѣковѣчить частную собственность, а государство, эту опасную „фикцію“, разрушить навсегда. Уже *Гизо* сказалъ, что корень политической конституціи государства—въ господствующихъ въ немъ *условіяхъ собственности*. По Прудону же—политическая конституція обязана своимъ происхожденіемъ „*человѣческо-му невѣжеству*“, она „выдумана“ лишь за неимѣніемъ открытой, наконецъ имъ, Прудономъ, лѣта отъ Рождества Христова такого-то—„соціальной организаціи“. Онъ судить о политической исторіи человечества, какъ утопистъ.

Но утопическое отрицаніе дѣйствительности отнюдь не защищаетъ насъ отъ ея вліянія. Отрицаемая на *одной* страницѣ утопистскаго произведенія, она вознаграждаетъ себя на *другой*, часто выступая во всей своей наготѣ. Такъ, Прудонъ,

¹⁾ См. тамъ же, стр. 328

какъ мы видѣли, „отрицаетъ“ государство. „Нѣтъ, нѣтъ,—безконечно повторяетъ онъ,—я не хочу никакого государства, не желаю его даже и въ качествѣ слуги; я отказываюсь даже отъ народнаго самоуправленія“. А между тѣмъ—о иронія дѣйствительности!—знаетъ ли читатель, какъ „представляетъ“ себя онъ, Прудонъ, конституцію цѣнности? Это любопытная исторія.

Конституція цѣнности состоитъ въ продажѣ по справедливой цѣнѣ, по „цѣнѣ издержекъ“. ¹⁾ Если купецъ отказывается производить свои товары по цѣнѣ издержекъ, то только потому, что не имѣетъ увѣренности продать столько, сколько нужно для составленія его дохода; кромѣ того, онъ не гарантированъ, что получить обратно затраченную на свои покупки сумму. Ему, слѣдовательно, нужны *гарантіи*. А эти гарантіи могутъ „существовать въ различныхъ видахъ“. Вотъ одинъ изъ нихъ.

„Предположимъ, что временное правительство или учредительное собраніе... позымѣли бы серьезное намѣреніе возстановить теченіе дѣлъ, вновь оживить торговлю, промышленность, сельское хозяйство, пріостановить пониженіе цѣнъ на собственность и доставить работу рабочимъ... Это было бы возможно, если, примѣрно, первымъ десяти тысячамъ предпринимателей, фабрикантовъ, мануфактуристовъ, купцовъ и т. д. всей республики было бы гарантировано пять процентовъ на капиталъ, который каждый изъ нихъ — до 100000 франковъ въ среднемъ—вложилъ бы въ дѣло. Ясно, что государство... ²⁾

Довольно! „Ясно, что государство“ навязывается Прудону, по крайней мѣрѣ, „службой“; и это съ такой неотразимой силой, что нашъ авторъ въ концѣ концовъ сдается и торжественно восклицаетъ:

„Да, я громко это говорю: рабочія ассоціаціи въ Парижѣ и департаментахъ держатъ въ своихъ рукахъ благо народа и будущность революціи. Для нихъ все возможно, если онѣ будутъ дѣйствовать съ умѣніемъ. Новый подъемъ энергіи внесетъ свѣтъ въ самыя упрямые головы, и на выборахъ 1852 г. (онъ писалъ это лѣтомъ 1851 года) въ порядкѣ дня, и даже во главѣ его, должна быть поставлена конституція цѣнности“. ³⁾

Итакъ, „нѣтъ больше партій! нѣтъ политики!“ когда дѣло идетъ о классовой борьбѣ, и.. „да здравствуетъ политика, да здравствуетъ избирательная агитація, да здравствуетъ амѣшательство государства!“ когда дѣло касается осуществленія плохой и тощей утопіи Прудона.

„Destruam et aedificabo“, говоритъ Прудонъ о себѣ,—„я буду

¹⁾ Вотъ какъ понималъ Прудонъ опредѣленіе цѣнности трудомъ. Онъ никогда не могъ понять теории Рикардо.

²⁾ См. тамъ же, стр. 266.

³⁾ *Idée générale etc.* p. 268.

разрушать и вновь создавать". Въ этихъ словахъ много цыни-наго тщеславія, столь свойственнаго Прудону. Съ другой же стороны, въ нихъ—мы употребимъ изреченіе Фигаро — самая истинная истина, какую онъ когда-либо въ жизни высказывалъ. Онъ „разрушаетъ“, и онъ же „созидаетъ“. Но тайна его „destructio“ совершенно раскрывается формулою: „договоръ разрѣшаетъ всѣ проблемы“. Тайна же его aedificatio лежитъ въ прочности социальной и политической буржуазной дѣйствительности, съ которой онъ тѣмъ легче примиряется, что ему не удастся „вырвать“ у нея ни одной изъ ея „тайнъ“.

Прудонъ не желаетъ ничего знать о государствѣ. И тѣмъ не менѣе—независимо отъ практическихъ предложеній, вродѣ конституціи цѣнности, съ которыми онъ обращается къ противной ему „фикціи“, — онъ самъ въ теоріи вновь создаетъ государство, едва успѣвъ его „разрушить“. То, что онъ отнимаетъ у „государства“, онъ преподноситъ „общинамъ“ и „департа-ментамъ“. На мѣсто одного большого государства возникаетъ множество мелкихъ; вмѣсто одной большой „фикціи“—много маленькихъ. Въ концѣ концовъ анархія превращается въ „фе-дерализмъ“, имѣющей между прочими преимуществами и то, что успѣхъ революціонныхъ движеній достигается въ немъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ *централизованномъ* государствѣ.¹⁾ Этимъ заканчивается „всеобщая идея революціи“ Прудона.

Интересно, что „отецъ“ прудоновской анархіи—никто иной, какъ Сень-Симонъ. Это Сень-Симонъ высказалъ, что цѣль социальной организаціи есть *производство* и что, слѣдовательно, политическая наука должна свестись къ политической экономіи, что искусство „править людьми“ должно уступить мѣсто ис-кусству „управлять вещами“. Онъ сравнилъ человѣчскій родъ съ индивидуумомъ, который въ дѣтствѣ послушенъ своимъ родителямъ, въ зрѣломъ же возрастѣ кончаетъ тѣмъ, что слушается только самого себя. Прудонъ завладѣлъ этой идеей и этимъ сравненіемъ и съ помощью конституціи цѣнности „по-строилъ“ анархію. А между тѣмъ челоѣкъ съ плодотворнымъ гениемъ Сень-Симона первый въ ужасѣ отшатнулся бы отъ того, что сдѣлалъ изъ его политической теоріи социалистическія мелкія буржуа. Современный научный социализмъ лучше сумѣлъ развить дальше теорію Сень-Симона. Объясняя историческое происхождение государства, онъ *именно этимъ* указываетъ на условія его грядущаго исчезновенія.

„Государство было официальнымъ представителемъ *всего* общества, его объединеніемъ въ осязательную корпорацію, но оно было таковымъ лишь постольку, поскольку оно было государствомъ *тѣхъ классовъ*, которыми для *ихъ* времени было представлено *все* общество: государствомъ гражданъ ра-бовладѣльцевъ въ древности, феодаловъ-дворянъ въ сред-

¹⁾ См. книгу „Du Principe fédératif“.

ніе вѣка, буржуазіи въ наше время. Дѣлаясь наконецъ *фактически* представителемъ всего общества, оно, тѣмъ самымъ, становится *излишнимъ*. Когда уже нѣтъ общественнаго класса, который нужно держать въ угнетеніи, когда устранены вмѣстѣ съ классовымъ господствомъ и борьбой за личное существованіе, коренящейся въ современной анархіи производства, и вытекающія отсюда столкновенія и эксцессы, — тогда подавлять болѣе нечего, и не требуется особой подавляющей власти—государства. *Первый* актъ, въ которомъ государство выступило бы дѣйствительнымъ представителемъ *всего* общества — овладѣніе отъ имени общества средствами производства—вмѣстѣ съ тѣмъ и *последній* самостоятельный актъ государства. Вмѣшательство государства въ общественныя дѣла дѣлается излишнимъ въ одной области за другою и, такимъ образомъ, само собою прекращается. На мѣсто управленія лицами вступаетъ завѣдываніе вещами и руководство процессами производства. Государство не упраздняется; оно отмираетъ". ¹⁾

Бакунинъ.

Мы уже видѣли, какъ отцы анархіи въ своей критикѣ „государственнаго устройства“ всегда исходили изъ *утопической точки зрѣнія*. Каждый изъ нихъ опирался на отвлеченный принципъ: Штирнеръ—на принципъ „Я“, Прудонъ—на принципъ „договора“. Читатель затѣмъ видѣлъ, что оба „отца“—Прудонъ и Штирнеръ—были *индивидуалистами чистой* воды.

Вліяніе прудонскаго индивидуализма одно время было очень велико въ странахъ *романскихъ* (Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи) и *славянскихъ* (главнымъ образомъ, въ Россіи). Исторія внутренняго развитія Интернаціонала (Международнаго союза рабочихъ) является исторіей борьбы между прудонизмомъ и разработаннымъ Марксомъ современнымъ социализмомъ. Не только такіе люди, какъ Толенъ, Шемале или Мюратъ, но и значительно превосходившіе ихъ, какъ де Пепъ,—были лишь болѣе или менѣе замаскированными, болѣе или менѣе послѣдовательными „*мутуалистами*“. Чѣмъ сильнѣе, однако, развилось рабочее движеніе, тѣмъ яснѣе становилось, что „мутуализмъ“ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть теоретическимъ выраженіемъ этого движенія. На международныхъ конгрессахъ мутуалисты логикой вещей принуждались голосовать за „коммунистическія резолюціи“. Такъ было, напримѣръ, во время дискуссіи въ Брюсселѣ о земельной собственности ²⁾. Лѣвое

¹⁾ Энгельсъ. „Развитіе социализма отъ утопіи къ наукѣ“.

²⁾ „... Изъ тѣхъ, которые именуютъ себя мутуалистами, и экономическія воззрѣнія которыхъ, въ общемъ, примыкаютъ къ теоріямъ Прудона, въ томъ смыслѣ, что они, какъ великій ре-

крыло прудонистской арміи мало-по-малу покинуло индивидуализмъ и укрылось подъ защиту „коллективизма“.

Слово „коллективизмъ“ употреблялось въ то время въ смыслѣ, совершенно противоположномъ тому значенію, которое оно нынѣ имѣетъ въ устахъ французскихъ марксистовъ, какъ *Жюль Гедъ* и его друзья. Самымъ выдающимся защитникомъ коллективизма былъ тогда *Михаиль Бакунинъ*.

Говоря объ этомъ человѣкѣ, мы обойдемъ молчаніемъ его пропаганду гегелевской философіи, какъ онъ ее понималъ, а также его роль въ революціонномъ движеніи 1848 г. Мы не будемъ говорить и о его панславистскихъ сочиненіяхъ начала пятидесятихъ годовъ и о его брошюрѣ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“ (Лондонъ 1862 г.), въ которой онъ *объясняетъ присоединиться къ Александру II*, если тотъ согласится сдѣлаться „царемъ мужиковъ“. Что насъ здѣсь интересуетъ, это—его теорія „анархистскаго коллективизма“.

Членъ „Лиги мира и свободы“ Бакунинъ на конгрессѣ 1869 г. въ Бернѣ предложилъ этому вопль буржуазному обществу высказаться за „*экономическое и социальное равенство классовъ и индивидовъ*“. Другіе делегаты, въ томъ числѣ Шодэ, упрекали его въ проповѣди „коммунизма“. Въ слѣдующихъ негодующихъ словахъ Бакунинъ *протестовалъ* противъ этого обвиненія.

„Изъ-за того, что я требую экономическаго и социальнаго уравниенія классовъ и индивидовъ, изъ-за того, что я

волюціонный писатель, требуютъ упраздненія всѣхъ доходовъ, получаемыхъ съ труда капиталомъ, отмены процента, требуютъ взаимности услугъ, равнаго обмена продуктовъ на основѣ издержекъ производства, свободнаго взаимнаго кредита,—весьма многіе высказывались за переходъ земли въ коллективную собственность. Такъ поступили, напримѣръ, четыре французскихъ делегата: Обри изъ Руана, Делакуръ изъ Парижа, Ришаръ изъ Ліона и Лемонье изъ Марсеа, а изъ бельгийцевъ—товарищи Г. Метенсъ, Верикентъ, де Пепъ, Марешаль и др. Для нихъ нѣтъ противорѣчій между прилагаемымъ къ обмѣну услугами и продуктами мутуализмомъ, который основанъ на стоимости издержекъ производства, т. е. на содержащемся въ услугахъ и продуктахъ трудѣ,—и между коллективной собственностью на землю, которая не является *продуктомъ* труда и по ихъ мнѣнію, поэтому не подпадаетъ подъ законъ *обмѣна*, законъ циркуляціи“. (Отвѣтъ бельгийцевъ Вандергута, де Пена, Делефала, Германа, Дельпланка, Руана, Гил. Брассѣра, на статью д-ра Кулери, помѣщенную въ „Voix de l'Avenir“ въ сентябрѣ 1868 года; отвѣтъ этотъ появился въ томъ же журналѣ и вновь былъ напечатанъ въ качествѣ оправдательнаго документа въ „Mémoire de la Fédération Jurassienne“, Sonvillier 1873, p. 19—20).

совмѣсно съ бруссельскимъ рабочимъ конгрессомъ объявляю себя сторонникомъ коллективной собственности, *меня упрекаютъ въ томъ, что я коммунистъ*. Какое различіе, спрашивали меня, ты дѣлаешь между коммунизмомъ и коллективизмомъ? Я въ самомъ дѣлѣ пораженъ, что г. Шадэ не понимаетъ этого различія, онъ—душеприказчикъ Прудона! Я ненавижу коммунизмъ, потому что онъ—отрицаніе свободы, а я не могу себя представить ничего человѣческаго безъ свободы. Я--не коммунистъ, потому что коммунизмъ концентрируетъ всѣ силы общества въ государствѣ, которое ихъ поглощаетъ, потому что онъ неизбежно приводитъ къ *централизаціи* собственности въ рукахъ *государства*, тогда какъ я желаю *упраздненія государства*—радикальнаго искорененія принципа авторитета и государственной опеки, который, подъ предлогомъ цивилизаціи и усовершенствованія людей, по сіе время поработалъ ихъ, угнеталъ, эксплуатировалъ и деморализовалъ. Я стремлюсь къ организаціи общества и коллективной или социальной собственности снизу вверхъ посредствомъ *свободной ассоціаціи*, а не сверху внизъ *при содѣйствіи власти*, какова бы она ни была. Требуя упраздненія государства, я этимъ самымъ требую уничтоженія индивидуально-наслѣдственной собственности (*de la propriété individuellement héréditaire*), являющейся лишь государственнымъ институтомъ, лишь слѣдствіемъ самого принципа государства. Въ этомъ смыслѣ, господа, я *коллективистъ*, но нисколько не коммунистъ“.

Если это весьма мало выясняетъ принципиальную сторону, то съ „біографической“ точки зрѣнія это достаточно определено.

Мы не будемъ долго останавливаться на нескладницѣ, заключающейся въ словахъ: „*экономическое и социальное уравненіе классовъ*“,—генеральный совѣтъ Интернаціонала уже давно возмалъ имъ должное ¹⁾. Мы замѣтимъ лишь слѣдующее: выше цитированныя слова доказываютъ, что Бакунинъ: 1) борется противъ государства и „коммунизма“ во имя „полнѣйшей свободы всѣхъ“; 2) борется противъ „индивидуальной наслѣдственной собственности“ во имя экономического равенства;

¹⁾ „Уравненіе классовъ“—писалъ онъ „Алліансу“ Бакунина, который для принятія его въ Интернаціоналъ послалъ туда свою программу, въ которой и фигурировало это великолѣпное уравненіе,—„взятое буквально, сводится къ столь неистово проповѣдуемой буржуазными социалистами гармоніи между капиталомъ и трудомъ. Не уравненіе классовъ—логическое противорѣчіе, осуществленіе котораго невозможно,—но напротивъ, *упраздненіе классовъ*, эта истинная тайна пролетарскаго движенія, составляетъ конечную великую цѣль „Интернаціональнаго союза рабочихъ““.

3) считаетъ эту собственность „государственнымъ институтомъ“, слѣдствіемъ самаго принципа государства и 4) *ничего не имѣетъ противъ индивидуальной собственности*, если она не наследственная, ничего не имѣетъ противъ права наследованія, если оно не индивидуально.

Другими словами: 1) Бакунинъ вполне сходитъ съ Прудонъ во всемъ, что касается „отрицанія“ государства и коммунизма; 2) къ этому отрицанію государства онъ присоединяетъ еще и другое отрицаніе индивидуально наследственной собственности; 3) его программа является лишь суммой, полученной путемъ соглашенія обонхъ абстрактныхъ принциповъ— „свободы“ и „равенства“. Эти два принципа онъ примѣняетъ одинъ за другимъ и одинъ независимо отъ другого въ цѣляхъ критики существующаго положенія вещей; онъ не спрашиваетъ себя, могутъ ли уживаться результаты одного изъ этихъ отрицаній съ результатами другого; 4) также мало, какъ и Прудонъ, понимаетъ онъ происхожденіе частной собственности и причинную связь между ея развитіемъ и развитіемъ политическихъ формъ; 5) онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что именно означаетъ выраженіе „индивидуально наследственная“ (употребляемое имъ и въ другихъ случаяхъ).

Если Прудонъ былъ *утопистомъ*, то Бакунинъ былъ имъ *вдвойнѣ*, такъ какъ его программа—лишь *утопъя свободы*, прицѣпленная къ „*утопіи равенства*“. Въ то время, какъ Прудонъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, оставался вѣренъ своему принципу договора, Бакунинъ, раздвоенный между свободой и равенствомъ, принужденъ былъ съ самаго начала своей аргументаціи покидать первую для второй и вторую для первой. Если Прудонъ—безукоризненный прудонистъ, то Бакунинъ—*прудонистъ, фальсифицированный примѣсю „достойнаго ненависти“ коммунизма и даже „марксизма“*.

Бакунинъ, въ самомъ дѣлѣ, не обладалъ той непоколебимой вѣрой въ геній „учителя“ Прудона, которую, повидимому, въ цѣлости сохранилъ Толенъ. По Бакунину, „Прудонъ, несмотря на всѣ усилія стать на реальную почву, такъ и остался идеалистомъ и метафизикомъ. Его исходная точка—отвлеченная идея права; чтобы подойти къ экономическимъ фактамъ, онъ исходитъ изъ права, тогда какъ *Марксъ*, напротивъ, установилъ и доказалъ ту истину,—подкрѣпленную всей древней и современной исторіей человѣческихъ обществъ, народовъ и государствъ,—что экономическіе факты предшествовали и предшествуютъ граждански-правовымъ и политическимъ. Открытіе и обоснованіе этой истины—одна изъ величайшихъ заслугъ *Маркса*.“¹⁾ Въ одномъ изъ другихъ своихъ сочиненій Бакунинъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говоритъ: „Всѣ господствующія въ какомъ-либо обществѣ религіи и системы морали являются идеаль-

¹⁾ „Государственность и Анархія“, 1873 г., стр. 223—224.

нымъ выраженіемъ его реальныхъ, матеріальныхъ свойствъ. — главнымъ образомъ, его экономической организаціи; да же онъ выражаютъ и его политическую организацію, являющуюся въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ юридическимъ и принудительнымъ освященіемъ первой¹⁾. И Бакунинъ снова называетъ Маркса человѣкомъ, которому принадлежитъ заслуга открытія и доказательства этой истины¹⁾; приходится спрашивать себя съ удивленіемъ: какъ могъ утверждать тотъ же Бакунинъ, что частная собственность является лишь *слѣдствіемъ* авторитарнаго принципа. Разрѣшеніе загадки состоитъ въ томъ, что онъ совершенно не усвоилъ материалистическаго пониманія исторіи, онъ былъ лишь „софтистизированъ“ этимъ ученіемъ.

Вотъ одно изъ поразительныхъ доказательствъ. Въ его цитированномъ выше русскомъ сочиненіи „Государственность и анархія“ онъ увѣряетъ, что положеніе русскаго народа содержитъ въ себѣ два элемента, составляющіе необходимыя условія для соціальной, — очевидно онъ хочетъ сказать „соціалистической“, — революціи. „Русскій народъ можетъ похвастаться крайней бѣдностью и безпримѣрнымъ рабствомъ. Его страданія неисчислимы, и онъ ихъ переноситъ не съ терпѣливой покорностью, а съ глубокимъ и страстнымъ отчаяніемъ; уже дважды въ нашей исторіи это отчаяніе прорывалось ужасными взрывами: это были возстанія Стеньки Разина и Пугачева“ (прибавленіе А. стр. 7). Вотъ что Бакунинъ понимаетъ подъ „матеріальными условіями соціалистической революціи“! Нужно ли прибавлять, что подобный „марксизмъ“ немного черезчуръ „*sui generis*“?

Въ своей борьбѣ съ Мадзини, котораго онъ разбираетъ съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи, Бакунинъ очень далекъ отъ пониманія истиннаго значенія этой теоріи; настолько далекъ, что въ томъ же сочиненіи, гдѣ онъ разбираетъ теологію Мадзини, онъ, какъ настоящій пруденистъ (какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ), говоритъ объ „абсолютной“ чловѣческой морали. И эту мораль, мораль „солидарности“, онъ обосновываетъ соображеніями слѣдующаго рода:

„Каждое реальное существо существуетъ, — пока оно существуетъ, — лишь въ силу присущаго ему принципа, опредѣляющаго всѣ особенности его натуры, принципа, вложеннаго въ него не какимъ-либо божественнымъ законодателемъ (это — материализмъ нашего автора! Г. П.), но являющагося какъ бы продленнымъ и постояннымъ результатомъ нѣкотораго синтеза естественныхъ причинъ и слѣдствій. Принципъ этотъ заложенъ не какъ душа въ тѣлѣ (какъ того хочетъ смѣшная фантазія идеалистовъ), но на самомъ

¹⁾ La Théologie Politique de Mazzini et l'Internationale, 1871 г. Nouv. hôtel. p. 69 et 78.

дѣлѣ является необходимой и постоянной формой его реального существованія“.

„Человѣческому виду, какъ и всѣмъ другимъ видамъ, присущи извѣстные принципы, которые свойственны только ему одному; всѣ эти принципы сливаются вмѣстѣ или сводятся къ одному принципу, называемому нами *солидарностью*. Этотъ принципъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: каждый человѣческій индивидуумъ лишь тогда можетъ познать собственную свою человѣчность, а стало быть, и примѣнить ее въ своей жизни, когда онъ познаетъ ее въ другихъ и содѣйствуетъ ея осуществленію для другихъ. Никакой человѣкъ не можетъ эмансипироваться, не эмансипируя вмѣстѣ съ собой и всѣхъ окружающихъ его людей. Моя свобода, это—свобода всѣхъ, такъ какъ я лишь тогда свободенъ—свободенъ не только въ идеѣ, но и въ дѣйствительности,—когда моя свобода и мое право находятъ свое подтвержденіе, свою санкцію въ свободѣ и правѣ всѣхъ подобныхъ мнѣ людей“. ¹⁾

Какъ моральное предписаніе, *солидарность*—въ истолкованіи Бакунина—вещь очень хорошая. Но возводить эту отнюдь не „абсолютную“ мораль въ принципъ, присущій природѣ человѣчества и характеризующій эту человѣческую „природу“,—значитъ играть словами и совершенно упускать изъ вида значеніе *материализма*. Человѣчество существуетъ только „на основѣ“ принципа *солидарности*... Это немного смѣлое утвержденіе. И классовая борьба, и ужасное „государство“ и „индивидуально-наслѣдственная“ собственность — неужели все это проявленія „солидарности“, присущей человѣчеству и характеризующей его особенную природу? Если да, то все обстоитъ благополучно, и Бакунинъ напрасно теряетъ время, мечтая о „соціальной“ революціи. Если нѣтъ, то это доказываетъ, что человѣчество могло существовать и „на основѣ“ *другихъ* принциповъ, чѣмъ солидарность, и что этотъ послѣдній принципъ, во всякомъ случаѣ, не „присущъ“ природѣ человѣчества. Въ дѣйствительности, Бакунинъ только для того выставилъ свой „абсолютный“ принципъ, чтобы вывести изъ него заключеніе, что „ни одинъ народъ не можетъ быть совершенно и—въ человѣческомъ смыслѣ этого слова—солидарно свободнымъ, если это не простирается на все человечество“. ²⁾ Здѣсь намекъ на тактику современнаго пролетаріата, и это вѣрно въ томъ смыслѣ, что, какъ это выражено въ уставѣ Международнаго рабочаго союза, эмансипація рабочихъ представляетъ собой не мѣстную или національную задачу, но что, напротивъ, эта задача интересуется всѣ цивилизованныя націи, и что ея рѣшеніе неизбежно за-

¹⁾ La Théologie politique de Mazzini, p. 91.

²⁾ Тамъ же, стр. 110—111.

виситъ отъ ихъ теоретическаго и практическаго совѣстнаго дѣйствія. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать эту истину, исходя изъ даннаго экономическаго положенія культурнаго чело-вѣчества. Но здѣсь, какъ и повсюду, менѣе всего доказатель-нымъ является „доводъ“, опирающійся на утопическое понима-нiе „человѣческой природы“. „Солидарность“ Бакунина дока-зываетъ только, что онъ, несмотря на знакомство съ истори-ческой теорiей Маркса, остался неисправимымъ утопистомъ.

Мы уже указали, что въ главныхъ своихъ чертахъ „про-грамма“ Бакунина состоитъ изъ простаго сложенiя двухъ аб-страктныхъ принциповъ: принципа свободы и равенства. Теперь мы видимъ, что полученная такимъ образомъ сумма легко могла бы быть увеличена привлеченiемъ третьяго принципа— „солидарности“. Программа пресловутаго „Алліанса“ присоеди-няетъ еще и нѣсколько другихъ принциповъ. Такъ напримѣръ:

„Алліансъ объявляетъ себя *атеистическимъ*, онъ тре-буетъ упраздненiя культовъ, замѣну религiи наукой, замѣ-ну Божеской справедливости—справедливостью человѣческою“.

Въ прокламаціи, расклеенной бакунистами во время не-удавшагося возстанiя въ концѣ сентября 1870 года на стѣ-нахъ Ліона мы читаемъ (ст. 41), что „государство, подлежащее теперь упраздненiю, не будетъ больше въ состоянiи выступать въ дѣлахъ по уплатѣ частныхъ долговъ“. Это безусловно логично, но было бы чрезвычайно трудно вывести неуплату частныхъ долговъ изъ принциповъ, присущихъ *человѣческой природѣ*.

Бакунинъ при склеиванiи своихъ различныхъ „абсолют-ныхъ“ принциповъ не задаетъ себѣ вопроса (и благодаря „аб-солютному“ характеру своихъ пріемовъ, и не имѣетъ надобно-сти въ этомъ), не ограничиваетъ ли какой-нибудь изъ его принциповъ, хотя бы и въ самой незначительной степени, „аб-солютную“ силу другихъ, или наоборотъ, не ограничиваютъ ли послѣдніе абсолютность перваго; поэтому, для него является „абсолютно“-невозможнымъ согласовать выводы своей програм-мы тамъ, гдѣ однихъ словъ оказывается уже недостаточно, и гдѣ, слѣдовательно, дѣло идетъ о замѣнѣ ихъ болѣе точными *понятiями*. Онъ „желаетъ“ отмѣны культовъ. Но разъ „госу-дарство упразднено“, кто же ихъ отмѣнитъ? Онъ „желаетъ“ упраздненiя наслѣдственной частной собственности. „Но что дѣлать, если упраздненное государство“ всетаки будетъ про-должать существовать? Бакунинъ самъ чувствуетъ, что все это не совсѣмъ ясно, но онъ очень легко утѣшается.

Въ появившейся во время франко-прусской войны брошю-рѣ: „Письмо къ французу о современномъ кризисѣ“, въ которой Бакунинъ доказываетъ, что Франція можетъ быть спасена только посредствомъ большаго революціоннаго движенiя, онъ приходитъ къ тому заключенiю, что необходимо побудить *кре-стьянъ* наложить руку на земельныя угодья дворянъ и бур-жуазіи. Но французскіе крестьяне до сихъ поръ стоятъ за „лич-

ную наследственную собственность".¹⁾ Не укрепила бы еще болѣе новая социальная революція этотъ непріятный институтъ?

„Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣчаетъ Бакунинъ,—ибо разъ государство упразднено, они (т. е. крестьяне, Г. П.) будутъ лишены торжественной юридической санкціи, гарантіи собственности государствомъ. Собственность перестанетъ быть правомъ, она сведется на степень простого факта".²⁾

Это въ самомъ дѣлѣ успокоительно! Разъ „государство упразднено“, то первый попавшійся проходимецъ, который окажется сильнѣе меня, можетъ завладѣть моимъ полемъ, не имѣя даже надобности прикрываться принципомъ „солидарности“; съ него совершенно достаточно будетъ принципа „свободы“. Прекрасный способъ „уравненія индивидуумовъ!“

„Конечно,—признаетъ Бакунинъ,—конечно, вначалѣ дѣло пойдетъ не совсѣмъ мирно; будетъ борьба; общественный порядокъ, этотъ священный ковчегъ буржуазіи, будетъ нарушенъ, и первые факты, которые явятся послѣдствіемъ такого положенія вещей, могутъ привести къ тому, что изволятъ называть гражданской войной. Но развѣ вы предпочтете выдать Францію пруссакамъ?... Впрочемъ, не бойтесь, что крестьяне пожрутъ другъ друга; если бы даже они вначалѣ и попытались это сдѣлать, то уже вскорѣ они сами убѣдились бы въ матеріальной невозможности оставаться на этомъ пути, и тогда можно быть увѣреннымъ, что они попытаются поладить между собой, придти къ нѣкоторому соглашенію и организовать. Потребность прокормиться, пропитать свою семью, вытекающая отсюда необходимость защищать свои дома, семью и собственную жизнь отъ неожиданныхъ нападений,—все это заставитъ каждого въ одиночку вступить на путь взаимнаго соглашенія. Также мало допустимо, чтобы при этомъ соглашеніи, состоявшемся *внѣ давленія официальной опеки*, наиболѣе могущественные и богатые, исключительно въ силу положенія вещей, получили преобладающее вліяніе. Богатство богачей перестанетъ быть силой, если оно не будетъ охраняться юридическими учрежденіями“...

„Что касается наиболѣе хитрыхъ и наиболѣе сильныхъ, то они будутъ обезврежены коллективной силой всей массы мелкихъ и самыхъ мелкихъ крестьянъ; точно также и сельскій пролетаріатъ, представляющій въ настоящее время безомовно страдающую массу, пріобрѣтетъ, благодаря революціонному движенію, непреодолимую силу. Я не утверждаю, замѣйте это, что сельскіе округа, которые такимъ образомъ реорганизуются снизу вверхъ, однимъ взмахомъ создадутъ идеальную организацію, которая во всѣхъ подробностяхъ

¹⁾ Подчеркнуто самимъ Бакуниномъ.

²⁾ Подчеркнуто самимъ Бакунинымъ.

будетъ соотвѣтствовать нашимъ мечтамъ. Но зато я вполне убѣжденъ, что это будетъ *жизненная* организація, и какъ таковая, она въ тысячу разъ будетъ превосходить нынѣ существующую. Впрочемъ, эта новая организація, оставаясь постоянно открытой для пропаганды городовъ и обходясь безъ закрѣпляющей, создающей окаменѣлыя формы юридической государственной санкціи, будетъ свободно прогессировать, будетъ постоянно развиваться жизненно и свободно, хотя въ неопредѣленныхъ формахъ; никогда не прибѣгая къ декретамъ и законамъ, она будетъ развиваться и улучшаться, пока не достигнетъ такого разумнаго состоянія, о какомъ мы теперь только можемъ мечтать“.

„Идеалистъ“ Прудонъ былъ убѣжденъ, что политическая конституція была „придуманна“ за отсутствіемъ „присущей человечеству“ социальной организаціи. Онъ взялъ на себя трудъ „открыть“ эту послѣднюю, и послѣ того, какъ это было совершено, политическая конституція по его мнѣнію уже не имѣетъ никакого права на существованіе. „Материалистъ“ Бакунинъ не имѣетъ собственной „соціальной организаціи“. „Даже самая глубокая и самая рациональная наука — говоритъ онъ, — не въ состояніи предугадать формъ будущей соціальной жизни“. ¹⁾ Она должна довольствоваться тѣмъ, чтобы отличать „живыя“ соціальныя формы отъ формъ, обьявленныхъ своимъ происхожденіемъ дѣятельности государства, отъ которой все „каменѣетъ“, и отвергать послѣднія. Но развѣ это не то же самое старое прудоновское противопоставленіе „присущей человечеству“ социальной организаціи — политической конституціи, „придуманной“ исключительно въ интересахъ „порядка“. Не сводится ли вся разница къ тому, что „материалистъ“ превращаетъ *утопическую* программу „идеалиста“ въ нѣчто еще гораздо болѣе утопическое, болѣе туманное и еще болѣе нелѣпое?

Полагать, что земной шаръ обязанъ своимъ чудеснымъ устройствомъ случаю, значитъ представлять себѣ, что *набрасывая* достаточное количество типографскихъ буквъ на *гранки*, мы случайно можемъ набрать цѣлую „Иліаду“, — такое заключеніе выводили *деисты* восемнадцатаго вѣка, опровергая *атеистовъ*. Послѣдніе возражали имъ, что въ подобномъ случаѣ все — *дѣло времени*, и что если мы будемъ повторять это *набрасываніе* буквъ безконечно часто, то въ концѣ концовъ мы

¹⁾ „Государственность и анархія“, приложеніе А, стр. 1. Впрочемъ, для Россіи „наука Бакунина“ взялась все-таки предугадать формы будущей соціальной жизни; это будетъ „община“, которая получитъ свое дальнѣйшее развитіе изъ современной *сельской общины*. Преимущественно именно бакунисты распространяли въ Россіи предразсудокъ о чудесныхъ свойствахъ русской сельской общины.

можемъ ихъ расположить въ желательномъ порядѣ. Подобные споры были во вкусъ того вѣка, и въ настоящее время было бы несправедливо ужъ очень ихъ высмѣивать. Но повидимому, Бакунинъ принялъ въ серіозъ аргументъ агентовъ добраго стараго времени и воспользовался имъ, чтобы выковать себѣ „программу“. *Разрушайте все существующее; если вы будете продолжать это достаточно часто, то съ концъ концовъ вамъ удастся создать такую социальную организацію, которая по меньшей мѣрѣ приблизится къ той, о которой вы „мечтаете“.* Все пойдетъ хорошо, если у насъ будетъ „непрерывная революція“ (перманентная). Достаточно ли это „материалистично“? Если вы находите, что нѣтъ, то вы „мечтающій“ о невозможномъ метафизикъ!

Прудонское противопоставленіе „соціальной организаціи“ „политической конституціи“ мы снова цѣликомъ и въ совершеніи „живомъ видѣ“ находимъ въ томъ, что непрестанно повторяется Бакунинымъ о „соціальной революціи“ съ одной стороны, и „политической революціи“ съ другой. По Прудону, социальная организація, къ несчастью, до сихъ поръ еще никогда не существовала, и за неимѣніемъ ея, человѣчество принуждено было „придумать“ политическую конституцію. По Бакунину, до послѣдняго времени еще никогда не было произведено социальной революціи, такъ какъ человѣчество, за неимѣніемъ хорошей „соціальной“ программы, было принуждено довольствоваться политическими революціями. Но вотъ, когда эта программа найдена, намъ нѣтъ больше надобности заниматься „политикой“, у насъ достаточно дѣла и съ „соціальной“ революціей.

Такъ какъ каждая классовая борьба—по необходимости также и борьба политическая, то ясно, что каждая достойная этого имени „политическая“ революція есть также и социальная революція; ясно также и то, что для пролетаріата политическая борьба столь же необходима, какъ она всегда была необходима для каждаго класса, стремящагося къ своему освобожденію. *Бакунинъ торжественно отвергаетъ всякую политическую дѣятельность пролетаріата;* онъ проповѣдуетъ исключительно „социальную“ борьбу. Что же означаетъ эта социальная борьба?

Здѣсь нашъ прудонистъ снова выказываетъ себя софистизированнымъ „марксизмомъ“. Онъ опирается, сколько возможно часто, на *уставъ Интернаціональной ассоціаціи рабочихъ*. Въ объясненіяхъ этого устава говорится, что подчиненіе рабочаго капитала является причиной политическаго, моральнаго и матеріальнаго рабства, и что поэтому экономическое освобожденіе рабочаго есть великая конечная цѣль, которой каждое политическое движеніе должно подчиняться лишь, какъ средство. Бакунинъ заключаетъ изъ этого, что

„всякое политическое движеніе, которое не имѣетъ своей

цѣлью *непосредственное, прямое, безповоротное и полное экономическое освобожденіе рабочихъ*, и которое не начертало на своемъ знамени различнымъ, но совершенно яснымъ образомъ принципъ *экономическаго равенства*, или—что то же самое—принципъ *полнаго возвращенія капитала труду*, т. е. просто *соціальной ликвидаціи*,—всякое подобное политическое движеніе есть движеніе *буржуазное* и, какъ таковое, должно быть исключено изъ интернаціональных движеній“.

Но тотъ же Бакунинъ уже слышалъ, что историческое движеніе человечества есть закономѣрный процессъ, и что нельзя въ любой моментъ импровизировать революцію. Поэтому онъ все же принужденъ задать себѣ вопросъ: какой политики долженъ придерживаться Интернаціональ *въ теченіе* „этого болѣе или менѣе продолжительнаго періода, отдѣляющаго насъ отъ той страшной соціальной революціи, которую каждый уже предчувствуетъ“? И онъ съ глубочайшимъ убѣжденіемъ отвѣчаетъ, постоянно при этомъ цитируя „уставъ Интернаціонала“:

„Политика *демократической буржуазіи* или *буржуазныхъ соціалистовъ* должна быть немилосердно *исключена*; если они заявляютъ, что политическая свобода—предпосылка экономического освобожденія, то подъ этими словами они могутъ понимать только слѣдующее: политическія реформы или политическая революція должны предшествовать экономическимъ реформамъ или экономической революціи. Рабочіе поэтому должны соединиться съ болѣе или менѣе радикальной буржуазіей для того, чтобы совместно съ нею сперва добиться политическихъ реформъ, а потомъ уже собственными силами, въ борьбѣ съ той же радикальной буржуазіей, осуществить экономическія реформы. Мы громко *протестуемъ противъ этой злосчастной теоріи*, которая для рабочихъ сведется лишь къ тому, что они лишній разъ дадутъ воспользоваться собою, какъ орудіемъ противъ себя же, и которая снова предастъ ихъ эксплуатаціи буржуазіи“.

Интернаціональ „приказываетъ“ („*commande*“) отказаться отъ „всякой національной или мѣстной политики“; онъ долженъ придать рабочей агитаціи во всѣхъ странахъ „*существенно экономическій*“ характеръ, выставляя своей цѣлью „уменьшеніе рабочихъ часовъ и повышение заработной платы“, а средствомъ—*ассоціацію рабочихъ массъ* и основаніе боевыхъ кассъ“ (*Widerstandskassen*). Само собою разумѣется, что уменьшеніе рабочихъ часовъ должно произойти безъ какого бы то ни было содѣйствія проклятаго „государства“¹⁾.

Бакунинъ не понимаетъ, что рабочій классъ въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ можетъ совершенно отдѣлиться отъ всѣхъ эксплуататорскихъ партій. По его мнѣнію, рабочему классу

¹⁾ См. статьи Бакунина „*La politique de l'Internationale*“ въ „*Egalité*“, Женева, августъ 1869.

въ политическомъ движеніи не предстоить никакой другой роли, кромѣ роли щитоносца радикальной буржуазіи. Онъ проповѣдуетъ „существенно-экономическую“ тактику, *старыхъ англійскихъ трэдъ-юніонистовъ*, не подозревая даже, что именно эта тактика побудила англійскихъ рабочихъ плыть на боксирѣ у либераловъ.

Бакунинъ не желаетъ, чтобы рабочій классъ присоединился къ движеніямъ, имѣющимъ цѣлью завоеваніе и расширеніе политическихъ свободъ. Осуждая эти движенія, какъ буржуазныя, онъ воображаетъ, что онъ ни въстѣ какъ „революціонеръ“. Въ дѣйствительности же, онъ именно этимъ и обнаруживаетъ свой „существенный“ консерватизмъ, и если бы рабочій классъ когда-нибудь слѣдовалъ этой руководящей нити, то правительства могли бы себя только поздравить. ¹⁾

Истинные революціонеры нашего времени совершенно иначе понимаютъ социалистическую тактику. Они „поддерживаютъ в. я. кое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго общественнаго и политическаго строя, ²⁾“ что имъ однако не мѣшаетъ—даже напротивъ!—организовать изъ пролетаріата партію, совершенно отдѣляющую себя отъ всѣхъ эксплуататорскихъ партій и являющейся врагомъ всей „реакціонной массы“.

Прудонъ, который, какъ намъ извѣстно, не питалъ преувеличенныхъ симпатій къ „полигикъ“, все же побуждалъ французскихъ рабочихъ голосовать за кандидатовъ, обѣщавшихъ „конституировать цѣнность“. Бакунинъ же ни за что не хочетъ слышать о политикѣ. Рабочій лишентъ возможности пользоваться политической свободой: „ему для этого не хватаетъ сущихъ пустяковъ,—досуга и матеріальныхъ средствъ“. Стало быть, эта свобода только буржуазная ложь. Люди, говорящіе о рабочихъ кандидатахъ, насмѣхаются надъ пролетаріатомъ.

„Рабочіе депутаты, перемѣщенные въ буржуазныя жизненные условія и атмосферу исключительно буржуазныхъ политическихъ идей, перестаютъ быть настоящими рабочими; чтобы стать государственными людьми, они становятся буржуа, пожалуй, еще въ большой степени, чѣмъ сами буржуа. Ибо не люди создаютъ условія, но условія создаютъ людей“. ³⁾

Послѣдній аргументъ это почти все, что Бакунинъ усвоилъ отъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Безусловно вѣрно, что чловѣкъ—продуктъ социальной среды. Но чтобы прилѣпить съ пользой эту неоспоримую истину, необходимо отречься отъ устарѣлаго метафизическаго образа мышленія, по которому

¹⁾ Анафемы, которыя Бакунинъ рсточаетъ по адресу политической свободы, имѣли въ теченіе извѣстнаго времени очень печальное вліяніе на революціонное движеніе въ Россіи.

²⁾ Коммунистическій манифестъ. Отдѣлъ IV.

³⁾ *Egalité*, 28 августа 1869 г.

вещи разсматривались одна за другой и каждая независимо от остальных. Но Бакунинъ, какъ и его учитель Прудонъ, несмотря на все свое заигрываніе съ гегелевской философійю, на всю жизнь остался метафизикомъ. Онъ не понимаетъ, что и *среда*, создающая человѣка можетъ стать другою, когда она измѣнитъ свой продуктъ—человѣка. Среда, которую Бакунинъ имѣлъ въ виду, говоря о политической дѣятельности пролетаріата, есть среда парламентарно-буржуазная. Эта среда неизбежно должна испортить рабочихъ депутатовъ. Но среда *избирателей*, среда рабочей партіи, исполнѣ сознательно стремящейся къ своей цѣли и хорошо организованной, неужели эта среда не можетъ имѣть никакого вліянія на избранниковъ пролетаріата? Нѣтъ! Порабощенный экономически, рабочій классъ навсегда останется въ политическомъ рабствѣ, на этомъ поприщѣ онъ всегда останется слабѣйшимъ. Чтобы его освободить, нужно начать съ экономического развитія. Бакунинъ не замѣчаетъ, что такая аргументація неизбежно приведетъ къ выводу, что побѣда пролетаріата абсолютно невозможна, если *властѣльцы* орудій производства сами не соглашаются добровольно отказаться отъ нихъ въ пользу рабочихъ. Въ дѣйствительности порабощеніе рабочаго капиталомъ служить источникомъ не только политическаго, но и *нравственнаго* подчиненія. Какъ же можно требовать, чтобы нравственно порабощенные рабочіе возстали противъ буржуазіи? Значитъ, для того, чтобы стало возможнымъ рабочее движеніе, необходимо прежде совершить экономическую революцію. Но экономическая революція возможна только, какъ *дѣло самихъ рабочихъ*. Такимъ образомъ, мы находимся въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго легко выходитъ современный социализмъ, но въ которомъ Бакунинъ и бакунисты неустанно вертѣлись и вертятся, не находя другой возможности освободиться, кромѣ логическаго salto mortale.

Развращающее вліяніе парламентской среды на рабочихъ депутатовъ осталось до послѣдняго времени излюбленнымъ аргументомъ анархистовъ, критикующихъ политическую дѣятельность социалистической демократіи. Мы уже видѣли, какая ей цѣна съ *теоретической* точки зрѣнія. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей нѣмецкой социалистической партіи, чтобы убѣдиться, насколько *практическая* жизнь разрушаетъ анархистскія опасенія.

Отрицая совершенно всякую „политику“, Бакунинъ увидѣлъ себя вынужденнымъ перенять тактику англійскихъ трэдъ-юнионистовъ.¹⁾

¹⁾ Онъ даже отсталъ и отъ нихъ. Ибо даже наиболѣе реакціонные англійскіе профессиональные союзы не пренебрегали, гдѣ только возможно было, извлекать пользу изъ законодательнаго механизма, во имя извѣстныхъ интересовъ рабочей партіи или промышленности.

Но онъ самъ чувствуетъ, что эта тактика недостаточно революціонна и старается выйти изъ затрудненія съ помощью своего „Алліанса“—своего рода тайнаго международнаго общества, основаннаго на принципѣ самаго дикаго, грубо-фантастическаго *централизма*. Подчиненные *диктаторскому* жезлу самодержавнаго первосвященника анархій, „интернаціональные“ и „національные“ братья обязаны ускорять и направлять революціонное движеніе, „по своей природѣ экономическое“. Въ то же время Бакунинъ проповѣдуетъ бунты, мѣстные возстанія рабочихъ и крестьянъ, которые хотя неизбежно должны быть *подавлены*, но все же, по его утвержденію, должны имѣть *хорошее вліяніе* на развитіе революціоннаго духа угнетенныхъ. Само собою разумѣется, что подобной „программой“ онъ могъ причинить много зла рабочему движенію, но что ему не удалось сдѣлать хотя бы малѣйшаго шага впередъ для „непосредственной экономической революціи, о которой онъ мечталъ.“¹⁾

Мы дальше увидимъ, къ чему должна была привести бакунинистская теорія „бунтовъ“. Теперь же мы постараемся резюмировать все сказанное нами о Бакунинѣ. Онъ самъ окажетъ намъ содѣйствіе при этой задачѣ:

„На *пангерманскомъ* знамени (т. е. на знамени *нѣмецкой социальдемократіи*, слѣдовательно, также и на знамени социальдемократіи всего цивилизованнаго міра, Г. П.) написано: *сохраненіе и укрѣпленіе государства во что бы то ни стало*. На революціонно-соціалистическомъ (читай бакунинистскомъ, Г. П.) знамени, напротивъ, кровавыми и огненными буквами начертано: *полное упрядненіе всякаго государства, разрушеніе буржуазной цивилизаціи, свободная организація снизу доверху при помощи свободныхъ союзовъ—организація рабочей черни* („de la populace (sic!) ouvrière“), *организація всего эмансипированнаго человечества, созданіе новаго человѣческаго міра*“.

Этими словами Бакунинъ заключаетъ свое главное произведеніе: „Государственность и анархія“. Мы предоставляемъ читателю оцѣнить по достоинству риторическія красоты этого изліянія. Что касается насъ, то мы ограничиваемся только заявленіемъ, что оно лишено *рѣшительно всякаго человѣческаго смысла*.

Безсмыслица, совершенно голая, чистая *безсмыслица*—вотъ что „начертано“ на бакунинистскомъ „знамени“, и не нужно никакихъ кровавыхъ и огненныхъ буквъ, чтобы это было вполне ясно для

¹⁾ Относительно дѣятельности Бакунина въ Интернаціоналѣ см. слѣдующія два сообщенія Генеральнаго Совѣта: 1) *Les prétendues scissions dans l'Internationale* (Мнимые расколы въ Интернаціоналѣ) и 2) *L'Alliance de la Démocratie socialiste* (на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Заговоръ противъ Интернаціонала“). См. также статью Энгельса: „Бакунисты за работой“.

всѣхъ еще не загнишотизированныхъ болѣе или менѣе гремѣщей, но сплотивъ безсмысленной фразеологіей.

Анархизмъ Штирнера и Прудона былъ всецѣло индивидуалистиченъ. Вакунинъ „не желалъ“ индивидуализма, или вѣрнѣе сказать, „желалъ“ одну только сторону индивидуализма. Онъ изобрѣлъ поэтому *анархистскій коллективизмъ*. Но это изобрѣтеніе обошлось ему очень дешево. Онъ дополнилъ *утопію свободы утопіей равенства*. Но такъ какъ эти двѣ утопіи не „желали“ мирно уживаться, такъ какъ онѣ громко вскрикивали при склеиваніи, онъ бросилъ обѣихъ въ доменную печь „непрерывной революціи“, гдѣ, разумѣется, имъ пришлось замолчать—по той простой причинѣ, что какъ та, такъ и другая совершенно улетучились.

Вакунинъ—это декадентъ утопізма.

Эпигоны.

Изъ анархистовъ нашего времени нѣкоторые, какъ напримѣръ, *Джонъ Генри Макай*, авторъ книги „Анархисты. Культурные очерки конца XIX столѣтія“, все еще придерживаются индивидуализма, тогда какъ другіе, а ихъ гораздо больше, называютъ себя „коммунистами“. Они составляютъ потомство Вакунина въ анархизмѣ. На самыхъ различныхъ языкахъ они создали довольно объемистую литературу; и это она своей „пропагандой дѣйствія“ надѣлала такъ много шума.

Апостоломъ этой школы является русскій эмигрантъ *П. А. Кривоткинъ*.

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ доктрины современныхъ индивидуалистическихъ анархистовъ, даже ихъ братья коммунистическія анархисты относятся къ нимъ, какъ къ буржуа ¹⁾.

Перейдемъ непосредственно къ *анархистскому коммунизму*. Какова точка зрѣнія этого новаго вида коммунизма?

„Методъ, котораго придерживается анархистскій мыслитель,

¹⁾ Тѣ немногіе индивидуалисты, которые встрѣчаются среди анархистовъ, сильны только въ своей критикѣ государства и закона. Что же касается ихъ идеаловъ созиданія новаго, то одни впадаютъ въ идиллію, которую они сами никогда не осуществляли бы на практикѣ, тогда какъ другіе, какъ издатели бостонскаго „Liberty“, совершенно растворяются въ современной буржуазной системѣ. Въ защиту своего индивидуализма, они возстановляютъ государство со всеми его атрибутами (законъ, полиція и всѣмъ прочимъ) послѣ того, какъ они его такъ мужественно отрицали. Еще другіе, какъ Оберонъ Гербертъ, причалили къ „Property Defense League“, „Лиги для защиты земельной собственности“. „La Révolte“. № 38, 1893, статья объ анархизмѣ.

совершенно отличается отъ метода утопистовъ“, увѣряетъ насъ Крапоткинъ.

„Анархистскій мыслитель, чтобы установитъ наилучшя, по его мнѣнью, условія для достиженія счастья человечества, не прибѣгаетъ къ метафизическимъ концепціямъ (каково „естественное право“, „обязанности государства“ и т. д.). Наоборотъ, онъ идетъ по пути, начертанному современной эволюціонной философійей... Онъ изучаетъ человеческое общество въ его настоящемъ и прошломъ. Не надѣляя ни человечества, ни единичныхъ индивидуумовъ качествами болѣе высокими, чѣмъ они обладаютъ въ дѣйствительности, онъ разсматриваетъ общество лишь какъ скопленіе (агрегатъ) организмовъ, пытаясь найти наилучшіе способы согласованія, въ интересахъ благополучія рода, потребности индивидуума съ потребностями коопераціи. Онъ изучаетъ общество, пытается разгадать его тенденціи въ прошломъ и настоящимъ, его неотложныя интеллектуальныя и экономическія потребности и въ этомъ отношеніи указываетъ лишь направленіе, въ которомъ совершается развитіе. ¹⁾

Итакъ, *коммунистическіе анархисты* не имѣютъ больше ничего общаго съ *утопистами*. Они при выработкѣ своего „идеала“ и не думаютъ опираться на метафизическія понятія, какъ естественное право, обязанности государства и т. д. Правда ли это?

Что касается „обязанностей государства“, Крапоткинъ вполне правъ: было бы слишкомъ смѣшно, если бы анархисты предлагали государству исчезнуть и при этомъ аппелировали къ его обязанностямъ. Но что касается „естественныхъ нравъ“, то Крапоткинъ безусловно ошибается. Нѣсколькихъ цитатъ достаточно, чтобы доказать это.

Уже въ „Бюллетенѣ“ Юрской федераціи (№ 3, 1877) мы находимъ слѣдующее характерное заявленіе: „Суверенитетъ народа можетъ существовать только при наличности полнѣйшей автономіи индивидуумовъ и группъ“. Развѣ эта полнѣйшая автономія не „метафизическое понятіе“?

„Бюллетень Юрской федераціи“ былъ органомъ коллективистскаго анархизма. Въ дѣйствительности, нѣтъ никакой разницы между анархистскимъ коллективизмомъ и анархистскимъ коммунизмомъ. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе упрека, что мы коммунистовъ дѣлаемъ отвѣтственными за коллективистовъ, остановимся на „*коммунистическихъ*“ воззваніяхъ, разбирая ихъ не только *по духу*, но и *дословно*.

Осенью 1892 г. нѣсколько „товарищей“ предстали предъ версальскимъ судомъ присяжныхъ по поводу кражи динамита

¹⁾ Anarchist Communism: its Basis and principles. By Peter Krapotkine, Republished by permission of the Editor from the Nineteenth Century of February and August, 1887 London.

въ „Soisy-sous-Etiolles“. Среди подсудимыхъ былъ одинъ по имени Этiеванъ. Послѣдній составилъ докладъ объ анархистски-коммунистическихъ принципахъ. Но судъ лишилъ его слова. Тогда анархистскій органъ „La Révolte“ взялся обнародовать эту записку, съ большимъ трудомъ раздобывъ точную, вполнѣ согласующуюся съ оригиналомъ копію. „Объясненія Этiевана“ произвели сенсацию въ анархистскомъ мірѣ, и даже „образованные“ люди, какъ *Октавъ Мирбо*, съ уваженіемъ цитировали ихъ наряду съ сочиненіями такихъ „теоретиковъ“, какъ Бакунинъ, Крапоткинъ, „несравненный Прудонъ“ и „аристократическій Спенсеръ“ (!). Вотъ методъ аргументаціи Этiевана.

Ни одна идея намъ не врождена; каждая изъ нихъ порождается безконечно различными, многочисленными впечатлѣніями, воспринимаемыми нами при помощи нашихъ органовъ чувствъ. Каждое дѣйствіе индивидуума—результатъ одной или многихъ идей. Человѣкъ, такимъ образомъ, не отвѣтствененъ. Если бы отвѣтственность существовала, то въ такомъ случаѣ воля должна была бы опредѣлять ощущенія, ощущенія—идеи, а идеи, въ свою очередь,—дѣйствія. Но такъ какъ, наоборотъ, ощущенія опредѣляютъ волю, то свободный выборъ невозможенъ, всякая награда, какъ и наказаніе, одинаково несправедливы, какъ бы ни было велико благодѣяніе или вредъ.

„Безъ достаточнаго критерія нельзя судить ни людей, ни ихъ дѣйствія, а этого критерія нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не въ законѣ, ибо *истинная справедливость неизмѣнна, а законы мѣняются*. Съ законами происходитъ то же самое, что со всѣми остальными (!) вещами („comme de tout le reste“). Ибо если эти законы хороши, то къ чему депутаты и сенаторы, мѣняющіе ихъ? Если они плохи, то къ чему судебные чиновники, примѣняющіе ихъ?“

Послѣ такого изложенія „свободы“ Этiеванъ переходитъ къ „*равенству*“.

Всѣ существа, начиная съ растенія-животнаго до человѣка, снабжены болѣе или менѣе совершенными органами, назначеніе которыхъ—служить этимъ существамъ. Слѣдовательно, всѣ существа, по ясной волѣ матери природы имѣютъ *право* пользоваться своими органами.

„Такъ, имѣя ноги, мы имѣемъ право на любое пространство, которое въ состояніи пройти; имѣя легкія, мы имѣемъ право на весь воздухъ, который можемъ вдыхать; имѣя мозгъ, мы имѣемъ право на все, что думаемъ сами и можемъ усвоить изъ мыслей другого; обладая способностью рѣчи, мы вправѣ говорить все, что можемъ; имѣя уши, мы имѣемъ право слушать все, что можемъ услышать,—и на все это мы имѣемъ право потому, что имѣемъ право на жизнь, и потому что все это составляетъ жизнь. Это истинныя права человѣка! Излишне ихъ декретировать: они существуютъ точно такъ же, какъ существуетъ солнце, они не

начертаны ни въ какой конституціи, ни въ какомъ законѣ, но вписаны неизгладимыми буквами въ великую книгу природы и не знаютъ давности. Отъ личинки до слона, отъ былинки до дуба, отъ атома до созвѣздія,—все возвыщается объ этомъ.“

Если это не „метафизическія идеи“ худшаго сорта, не жестокая каррикатура на метафизическій матеріализмъ 18 вѣка, если это „эволюціонная философія“, то надо признать, что послѣдняя не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ движеніемъ нашего времени.

Послушаемъ другой авторитетъ. Дадимъ слово нѣкогда знаменитой книгѣ *Жанъ Гравъ* „La société mourante et l'anarchie“ (Умирающее общество и анархія)—книгѣ, еще недавно запрещенной французской юстиціей, нашедшей ее *опасной*, между тѣмъ какъ она лишь чрезвычайно *смѣшная*.

„Анархія, это—отрицаніе авторитета. Авторитетъ выводитъ свое право на существованіе изъ необходимости охранять соціальныя институты, какъ семью, религію, собственность и др. Для утвержденія и обезпеченія своей власти онъ создалъ цѣлую стѣ механизмовъ. Самые главные изъ нихъ: законъ, судопроизводство, армія, законодательная и исполнительная власть и т. д. Такимъ образомъ, анархистская идея, вынужденная давать отвѣтъ на все, сталкиваясь со всѣми соціальными предразсудками, должна была проникнуть въ глубь всѣхъ человѣческихъ знаній и доказать, что ея понятія согласуются съ фізіологической и психологической природой человѣка и совершенно соответствуютъ наблюденіямъ законовъ природы въ то время, какъ современная организація построена наперекоръ всякой логикѣ и разуму. Анархисты, возставая противъ авторитета, должны были одновременно бороться и противъ всѣхъ тѣхъ учреждений, защищать которыя стала власть, и необходимость которыхъ она пытается доказать, желая тѣмъ самымъ оправдать свое собственное существованіе.“¹⁾

Мы видимъ, что было „развитіемъ“ „анархистской идеи“. Эта идея „отрицала“ авторитетъ. Чтобы защитить себя, авторитетъ ссыался на семью, религію, собственность. Тогда „идея“ сочла себя вынужденной атаковать эти учреждения, повидимому, раньше ея вовсе не замѣченныя; въ то же время „идея“, желая придать вѣсъ своимъ понятіямъ, проникла въ глубь всѣхъ человѣческихъ знаній (иногда и несчастъ въ пользу). Все это является лишь дѣломъ случая, простымъ слѣдствіемъ неожиданнаго оборота, который придавъ авторитетъ спору, завязавшемуся между нимъ и „идеей“.

Намъ кажется, что анархистская идея, какъ бы она ни была богата человѣческими знаніями, ничуть не коммунистична;

¹⁾ См. тамъ же. стр. 1—2.

она таитъ про себя свое знаніе и оставляетъ бѣдныхъ „товарищей“ въ полномъ невѣжествѣ. Крапоткинъ можетъ, сколько угодно, пѣть хвалу *анархистскому мыслителю*, но ему никогда не удастся доказать, что его другъ Гравъ сумѣлъ подняться хоть немного выше уровня *самой жалкой метафизики*.

Пусть Крапоткинъ вторично прочтетъ анархистскія брошюры *Элизе Реклю*, этого „великаго теоретика“ передъ Господомъ и скажетъ, положа руку на сердце, имѣется ли въ нихъ что-нибудь, кромѣ аппеляціи къ *справедливости, свободѣ* и другимъ „*метафизическимъ понятіямъ*“.

Да, наконецъ, и самъ Крапоткинъ вовсе не такъ эмансипировался отъ „метафизики“, какъ онъ думаетъ. Далеко нѣтъ! Вотъ, напримѣръ, что сказалъ онъ 12 октября 1879 г. на генеральномъ собраніи Юрской федераціи въ Шо-де-Фонъ:

„Было время, когда за анархистами отрицали чуть ли не право на существованіе. Генеральный совѣтъ Интернаціонала обходился съ ними, какъ съ мятежниками, пресса—какъ съ мечтателями, и чуть ли не весь міръ—какъ съ глупцами. Это время прошло. Анархистская партія доказала свою *жизненную силу*; она преодолѣла всевозможныя преграды, задерживавшія ея развитіе; теперь она *признана* (къмъ? Г. П.). Для этого необходимо было прежде всего, чтобы партія вела борьбу на почвѣ теоріи, чтобы она выставила свой идеалъ будущаго общества, чтобы она доказала идеалъ, болѣе того—она должна была доказать, что идеалъ этотъ не плодъ кабинетныхъ мечтаній, а вытекаетъ непосредственно изъ народныхъ стремленій, вполне согласуясь съ историческимъ прогрессомъ культуры и идей. Эта работа выполнена“...

Развѣ *эта погоня за наилучшимъ идеаломъ будущаго общества* не представляетъ собою утопическій методъ чистѣйшей воды? Правда, Крапоткинъ пытается „доказать“, что этотъ идеалъ не продуктъ кабинетныхъ измышленій, а вытекаетъ изъ народныхъ стремленій и согласуется съ историческимъ развитіемъ культуры и идей. Какой утопистъ не пытается утверждать то же самое? Все зависитъ отъ *цѣнности* доказательствъ, и въ этомъ отношеніи нашъ любезный соотечественникъ неизмѣримо слабѣе великихъ утопистовъ, которыхъ онъ трактуетъ, какъ метафизиковъ, не имѣя при этомъ ни малѣйшаго понятія о методѣ современной социальной науки.

Но прежде, чѣмъ изслѣдовать цѣнность *доказательствъ*, познакомимся съ самимъ идеаломъ. Какъ представляетъ себѣ анархистское общество Крапоткинъ?

Революціонные политики „якобинцы“ (Крапоткинъ ненавидитъ якобинцевъ еще больше, чѣмъ ненавидѣла ихъ наша любезная императрица Екатерина II), занятые исключительно реорганизаціей государственной машины, предоставляли народу умирать съ голоду. Анархисты будутъ дѣйствовать иначе. Они разрушаютъ государство и побуждаютъ народъ къ *экспроприаціи*

богатыхъ, а когда экспроприация начнется, то они составятъ инвентарь всеобщаго богатства и организуютъ *распределение*.

„Все будетъ совершенно самымъ народомъ. Развяжнто только народу руки, и черезъ недѣлю будетъ налажено съ изумительной правильностью снабженіе съѣстными припасами. Въ этомъ можетъ сомнѣваться только тотъ, кто никогда не видѣлъ трудящуюся массу за работой и всю жизнь провелъ, уткнувшись носомъ въ свитки. Поговорите объ организаторскомъ талантѣ народа—этого непризнаннаго генія—съ тѣми, которые видѣли его въ день борьбы на баррикадахъ Парижа (Крапоткинъ его не видѣлъ, Г. П.) или недавно въ Лондонѣ во время большой стачки, когда нужно было прокормить милліоны голодныхъ,—они самъ скажутъ, насколько народъ выше этихъ бюрократическихъ домо-сѣдовъ“.

Система, положенная въ основу всеобщаго потребленія жизненныхъ припасовъ, будетъ очень справедливой и ничуть не якобинской.

„Существуетъ только одна, единственная, соотвѣтствующая чувству справедливости и дѣйствительно практичная система. Врать, сколько угодно (дословно—грудой, изъ того что есть въ избыткѣ, и выдача пайками того, что приходится распределять съ умѣренностью. Изъ 350 милліоновъ, населяющихъ Европу,—200 милліоновъ вполнѣ еще слѣдуютъ этой естественной практикѣ“.

что между прочимъ доказываетъ, что анархистскій идеалъ вытекаетъ изъ „народныхъ стремленій“. То же самое примѣнимо и по отношенію къ *одеждѣ* и *жилищу*. Народъ устроитъ все по тому же способу.

„Произойдетъ переворотъ, это несомнѣнно. Только переворотъ этотъ не долженъ привести къ сплошнымъ потерямъ; послѣднія должны быть сведены до минимума. И тѣмъ—мы не устанемъ повторять это,—что мы будемъ обращаться къ заинтересованнымъ, а не въ бюро, мы достигнемъ наименьшей суммы непріятностей для всѣхъ.“¹⁾

Такимъ образомъ съ первыхъ дней революціи мы будемъ имѣть *организацию* Капризы суверенныхъ „индивидуумовъ“ будутъ удерживаться въ границахъ благоразумія потребностями общества и логикой положенія вещей. И все таки будетъ полная и окончательная анархія; индивидуальная свобода будетъ спасена и неприкосновенна. Это кажется невѣроятнымъ, но это такъ: есть анархія, но есть и организациа; существуютъ правила, обязательныя для каждаго; несмотря на это, каждый дѣлаетъ, что ему угодно. Вы этого не понимаете? Дѣло чрезвычайно просто. Эта организациа не будетъ дѣломъ рукъ „авторитарныхъ“ революціонеровъ; всѣ эти обязательныя, но все таки анархи-

... дальше,

¹⁾ Тамъ же, стр. 111.

... воспитаніемъ
дцати двухъ до со-

ческія предписанія будутъ возвышены самимъ народомъ, этимъ непризнаннымъ гениемъ, а народъ очень уменъ; кто видѣлъ дни борьбы на баррикадахъ, — тотъ объ этомъ можетъ разсказать.¹⁾

Но что будетъ, если этотъ непризнанный гений сдѣлаетъ глупость создать столь ненавистное Крапоткинѣ „бюро“? Что, если онъ, какъ это было въ мартѣ 1871 г., назначить себя революціонное „правительство“? Тогда мы скажемъ, что народъ ошибся, мы попытаемся привить ему болѣе правильный образъ мыслей и въ случаѣ необходимости, будемъ швырять бомбами въ тѣхъ, кто застѣдетъ въ „креслахъ“ (Sesseldrucker). Мы будемъ заставлять народъ организоваться, а его организаціи мы будемъ разрушать.

Такъ осуществляется великій анархистскій идеалъ — въ во-

¹⁾ Въ виду того, что Крапоткинъ былъ въ Лондонѣ во время большой стачки на докахъ и имѣлъ возможность лично ознакомиться со способомъ доставки жизненныхъ припасовъ забастовщикамъ, то мы считаемъ нужнымъ констатировать, что дѣло происходило иначе, чѣмъ можно заключить по вышеприведеннымъ словамъ Крапоткина. *Организованный Комитетъ*, состоявшій изъ представителей профессиональныхъ союзовъ и поддерживаемый государственными социалистами (Чемпионы) и социалъдемократами (Бернасъ, Маннъ, Марксъ - Эдслингъ), заключилъ договоры съ торговцами съѣстными припасами; онъ раздавалъ забастовщикамъ марки, по которымъ они получали у торговцевъ извѣстное количество припасовъ. Поставщикамъ платили изъ суммъ, образовавшихся отъ *денежныхъ сборовъ*, значительную часть которыхъ внесло *буржуазное* общество, побуждаемое буржуазными газетами. Раздача съѣстныхъ припасовъ бастующимъ или лишившимся изъ за стачки заработка производится *Арміей Спасенія*, строго централизованнымъ, бюрократически организованнымъ учрежденіемъ и другими филантропическими обществами. Но все это имѣетъ весьма мало общаго съ доставкой и раздачей съѣстныхъ припасовъ „на другой день послѣ революціи“, съ организаціей такъ называемой „службы снабженія съѣстными припасами“. Съѣстные припасы были въ наличности, и вопросъ состоялъ только въ ихъ *закупкѣ* и *раздачѣ* въ цѣляхъ оказанія помощи; „народъ“, т. е. бастующіе, какъ разъ въ этомъ отношеніи не помогъ себѣ самъ, ему *помогали другіе*.

Мимоходомъ — невѣрно и то, что якобинцы занимались только политикой и предоставляли народу умирать съ голоду. Законы о „максимумѣ“ и общественные магазины съѣстныхъ припасовъ указываютъ на то, что не мало попытокъ было сдѣлано для регулированія вопроса о жизненныхъ припасахъ въ благопріимствіе для народа смыслѣ. Крупные голодные бунты разразились послѣ паденія якобинцевъ. (Примѣчаніе нѣмец-

ображеніи. Во имя свободы индивидуума, подчиняють дѣйствіи индивидуума и всей партіи революціонеровъ дѣйствіямъ „народа“, заставляють *индивидуума* тонуть *въ массу*. Разъ только освоившись съ этимъ логическимъ процессомъ, то не сталкиваясь уже ни съ какими трудностями, и тогда можно хвастать своей „неавторитарностью“ и „неутопичностью“. Нѣтъ ничего легче, нѣтъ ничего пріятнѣе.

Но для того, чтобы погрѣблѣть, надо и производить. Крапоткинъ это знаетъ до того основательно, что даетъ по этому случаю „авторитаристу“ Марксу хороший урокъ.

„Зло современной организаціи заключается не въ томъ, что „прибавочная стоимость“ производства достается капиталисту, какъ это утверждаютъ Родбертусъ и Марксъ, суживая такимъ образомъ социалистическое міровоззрѣніе и общія основныя идеи о господствѣ капитала. Сама прибавочная стоимость является слѣдствіемъ болѣе глубокихъ причинъ. Зло заключается въ томъ, что вмѣсто простого неизрасходованнаго даннымъ поколѣніемъ избытка, вообще существуетъ какая бы то ни было „прибавочная стоимость“. Ибо для образованія „прибавочной стоимости“ мужчины, женщины и дѣти, вынуждаемые голодомъ, должны продавать свою рабочую силу за минимальную долю той цѣнности, которую они производятъ и—главное—могутъ произвести. (Бѣдный Марксъ, не имѣвшій никакого представленія объ этихъ глубокихъ истинахъ, изложенныхъ, хотя и нѣсколько туманно, ученымъ княземъ! Г. П.)... Дѣйствительно, недостаточно раздѣлить на равныя части реализованную прибыль какой-нибудь отрасли производства, если одновременно приходится эксплуатировать тысячи другихъ рабочихъ. *Все дѣло въ томъ, чтобы при наименьшей затратѣ человеческой энергии произвести наибольшее количество продуктовъ, необходимыхъ для всеобщаго блага*“ (курсивъ Крапоткина).

Мы, жалкіе невѣжды-марксисты, оказывается, никогда и не слыхали, что социалистическое общество предполагаетъ плановую организацію общественнаго процесса производства. Такъ какъ Крапоткинъ намъ это открываетъ, то разумнѣе всего обратиться къ нему же за разъясненіями, въ какомъ именно видѣ произойдетъ эта организація. И по данному вопросу онъ сообщаетъ намъ весьма интересныя вещи.

„Представимъ себѣ общество, состоящее изъ многихъ миллионовъ людей, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ и во всевозможныхъ отрасляхъ индустріи—напримѣръ, Парижъ съ департаментомъ Сены и Уазы. Допустимъ, что въ этомъ обществѣ всѣ дѣти упражняются одинаково, какъ въ умственномъ, такъ и физическомъ трудѣ. Допустимъ дальше, что всѣ взрослые, кромѣ женщинъ, занятыхъ воспитаніемъ дѣтей, о'язуются съ двадцати или двадцати двухъ до со-

рока пяти или пятидесятилѣтняго возраста *работать ежедневно пять часовъ*, выбирая работу въ любой отрасли полезнаго труда. Подобное общество сможетъ съ своей стороны *взмѣнить* обезпечить членамъ привольное существованіе, болѣе реальное чѣмъ то, которымъ нынѣ пользуется буржуазія. И каждый трудящійся членъ этого общества будетъ располагать ежедневно по крайней мѣрѣ *пятью часами*, которые онъ сможетъ посвятить наукѣ и другимъ индивидуальнымъ потребностямъ, не относящимся къ категоріи необходимыхъ; въслѣдствіи, съ ростомъ человѣческой производительности, все то, что теперь считается недоступной роскошью,—также будетъ внесено въ категорію необходимыхъ потребностей¹⁾.

Въ анархистскомъ обществѣ не будетъ никакихъ авторитетовъ, а только *договоръ* (снова вы здѣсь, господинъ Прудонъ, мы видимъ, что вы все еще здравствуете!), въ силу котораго безконечно свободные индивидуумы „обязуются“ работать въ той или другой „свободной коммунѣ“. Договоръ, это—справедливость, свобода и равенство, это—Прудонъ, Крапоткинъ и прочіе угодники. Но въ то же время съ договоромъ шутить нельзя! Онъ вовсе не такое беззащитное существо, какимъ кажется. И въ самомъ дѣлѣ—пусть ка подписавшему свободный договоръ неугодно будетъ выполнять свои обязанности. Тогда онъ будетъ *выгнанъ изъ свободной коммуны* и подвергнется опасности умереть съ голода—перспектива не изъ веселыхъ.

Предположимъ, что извѣстная группа лицъ добровольно соединилась для какого-нибудь предпріятія, для успѣха котораго ревностно работаютъ всѣ, за исключеніемъ одного члена, весьма неаккуратно исполняющаго обязанности; неужели изъ-за него придется распустить всю группу или назначить президента, который налагалъ бы кары, или быть мож. тѣ, какъ въ школахъ,—раздавать контрольные марки? Ясно, что ничего подобнаго не сдѣлаютъ, а въ одинъ прекрасный день обратятся къ товарищу, подвергающему опасности все предпріятіе со слѣдующими словами: „Другъ, мы охотно работали бы вмѣстѣ, но такъ какъ ты часто манкируешь и небрежно исполняешь свою работу, мы принуждены разстаться. Поищи другихъ товарищей, которые захотятъ мириться съ твоей небрежностью!“²⁾ Это въ сущности довольно рѣзко, но за то посмотрите, какъ съ внѣшней стороны все соблюдено, какъ сохраненъ анархистскій принципъ... на словахъ. Поистинѣ, мы не будемъ удивлены, если въ анархистски-коммунистскомъ обществѣ найдутся люди, гильотинированные только потому, что ихъ сумѣли убѣдить въ пользѣ этого, или по крайней мѣрѣ—въ силу свободно заключеннаго договора.

Вдобавокъ это анархистское средство образумленія лѣннихъ

¹⁾ La Conquête du Pain, стр. 128—129.

²⁾ Тамъ же, стр. 201—202.

„свободныхъ индивидуумовъ“ совершенно „естественно“, оно теперь примѣняется „всюду, во всѣхъ отрасляхъ промышленности наряду со всевозможными штрафными системами, вычетами изъ жалованья, надзорами и т. п. Рабочій можетъ являться въ мастерскую въ положенное время, но если онъ плохо исполняетъ свою работу, если мѣшаетъ своимъ товарищамъ небрежностью или другими погрѣшностями, если онъ ссорится,—тогда конецъ. Его принуждаютъ оставить мастерскую“. ¹⁾ Ясно, насколько гармонируетъ *анархистскій „идеаль“* съ „тенденціями“... *капиталистическаго общества*.

Впрочемъ, такія крайнія мѣры будутъ примѣняться чрезвычайно рѣдко. Освобожденные отъ ига государства и капиталистической эксплуатаціи, индивидуумы сами по собственному свободному побужденію будутъ удовлетворять потребности великой совокупности — общества. Все совершится при посредствѣ „свободнаго соглашенія“.

„Итакъ, гражданки и граждане, пусть другіе проповѣдуютъ индустріальную казарму и монастырь авторитарнаго коммунизма, мы же заявляемъ, что *тенденція общества* развивается въ противоположномъ направленіи. Мы видимъ, какъ свободно организуются миллионы группъ для удовлетворенія всевозможныхъ потребностей человѣка; одні группы состояются по кварталамъ, улицамъ, домамъ, другія же подають другъ другу руки черезъ стѣны городовъ, черезъ границы и океаны (!) Всѣ онѣ составлены изъ человѣческихъ существъ, свободно нашедшихъ другъ друга—существъ, которыя, выполнивъ трудъ производства, соединяются для потребленія, или для производства предметовъ роскоши, или же для развитія наукъ. Это и есть тенденція XIX столѣтія, и мы ей слѣдуемъ, мы желаемъ только ея дальнѣйшаго свободнаго развитія безъ препятствій со стороны правительствъ. Свобода индивидууму! „Возьмите камешки,—сказалъ Фурье,—положите ихъ въ коробку и встряхните ее,—образуется такая мозанка, какой вамъ никогда не получить, если бы вы поручили кому-нибудь разложить ихъ въ гармоническомъ порядкѣ“ ²⁾

Одинъ остроумный человѣкъ сказалъ, что символъ вѣры анархистовъ сводится къ двумъ статьямъ фантастическаго закона:

1. Ничего не будетъ.
2. Никому не поручается выполненіе предыдущаго параграфа.

Это не вѣрно. Анархисты говорятъ:

1. Все будетъ.
2. Никому не поручается заботиться о томъ, что будетъ, — что бы тамъ ни было.

¹⁾ Тамъ же, стр. 202.

²⁾ L'anarchie dans l'évolution socialiste (conférence faite à la salle Levis), Paris, p. 20—21.

Это соблазнительный „идеалъ“, осуществленіе котораго, къ несчастью, только мало вѣроятно.

Что это за „свободное соглашеніе“, которое существуетъ по Крапоткину, даже въ капиталистическомъ обществѣ? Для подтвержденія онъ приводитъ примѣры двоякаго рода: а) относящіеся къ производству и обращенію товаровъ; б) относящіеся къ области всевозможныхъ любительскихъ обществъ, какъ ученыя, филантропическія и т. п.

„Возьмемъ всѣ большія предпріятія, какъ Суэцкій каналъ, трансатлантическое пароходство, телеграфъ, соединяющій обѣ Америки, возьмемъ, словомъ, всю организацію торговли, обеспечивающую намъ возможность получать каждое утро хлѣбъ у булочника.. мясо у мясника, все что вамъ необходимо въ магазинахъ. Развѣ все это дѣло государства? Конечно, теперь мы платимъ посредникамъ страшно дорого. Тѣмъ больше основанія для ихъ устраненія, но не слѣдуетъ думать что нужно поручить заботу о нашемъ питаніи и одеждѣ правительству“.

Удивительная исторія. Мы начали съ того, что ругали Маркса, который не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ объ уничтоженіи „прибавочной стоимости“, и не имѣлъ понятія объ организаціи производства, а кончаемъ мы требованіемъ упраздненія прибыли „посредниковъ“ и проповѣдью — по скольку дѣло касается производства — буржуазнаго „laissez faire, laissez passer“ Марксъ, не безъ основанія, могъ бы воскликнуть: „Хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ“.

Мы всѣ знаемъ, что значить „свободное соглашеніе“ предпринимателей, и можемъ только удивляться „абсолютной“ наивности человѣка, видящаго въ этомъ соглашеніи предвѣстникъ коммунизма. Какъ разъ это анархистское „соглашеніе“ и необходимо устранить для того, чтобы производители перестали быть рабами своихъ же продуктовъ ¹⁾.

Что касается дѣйствительно свободно организовавшихся обществъ ученыхъ, художниковъ, филантроповъ и т. п., то Крапоткинъ самъ знаетъ, чего стоитъ этотъ примѣръ. Такія общества „состоятся изъ человѣческихъ существъ, которые свободно сходятся по выполненіи своей производительной работы“. Хотя это не совсѣмъ вѣрно, — потому что въ подобныхъ обществахъ часто не встрѣтишь ни одного производителя, — все же это доказываетъ, что свободнымъ можно быть, только покончивъ свои счеты съ производствомъ. Поэтому, пресловутая „тенденція XIX столѣтія“ ничего не говоритъ намъ по интересующему насъ вопросу; именно, какъ можно будетъ согласовать безграничную свободу индивидуума съ экономическими потребностями коммунистическаго общества. И такъ какъ однаэта „тенденція“ составляетъ весь научный аппаратъ нашего „анархистскаго мыслителя“, то мы принуждены заключить, что его

¹⁾ Крапоткинъ говоритъ о „Суэцкомъ каналѣ“. Почему не о Панамѣ?

апелляція къ наукѣ только простая фраза; что онъ, несмотря на свое презрѣніе къ утопистамъ, самъ является однимъ изъ наименѣе проницательныхъ утопистовъ — обыкновеннымъ охотникомъ за „наилучшимъ идеаломъ“.

„Свободное соглашеніе“ творить чудеса, если не въ анархистскомъ обществѣ, къ несчастію еще не существующемъ, то по меньшей мѣрѣ, въ анархистской аргументаціи.

„Съ паденіемъ современнаго общества, индивидуумы не будутъ нуждаться больше въ накопленіи богатствъ для будущаго,—что, впрочемъ, станетъ невозможнымъ за упраздненіемъ денегъ или цѣнныхъ знаковъ; такъ какъ въ новомъ обществѣ каждому обезпчивается удовлетвореніе всѣхъ потребностей, и стимуломъ индивидуумовъ будетъ лишь идеальное постоянное стремленіе къ лучшему; такъ какъ отношенія индивидуумовъ или группъ не будутъ больше основываться на торговомъ обмѣнѣ, при которомъ каждый участникъ только старается одурачить своего партнера (свободное соглашеніе буржуа, упомянутое Крапоткинскимъ! Г. П.), то общеніе возникнетъ на почвѣ взаимныхъ услугъ, при которыхъ частному интересу не останется никакой роли, соглашеніе облегчится, и исчезнутъ причины раздора ¹⁾).

Вопросъ: Какъ будетъ удовлетворять новое общество потребности своихъ членовъ? Какъ обезпечить оно имъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ?

Ответъ: Посредствомъ свободнаго соглашенія.

Вопросъ: Возможно ли будетъ производство, опирающееся только на свободное соглашеніе индивидуумовъ?

Ответъ: Вполнѣ! И чтобы въ этомъ убѣдиться, нужно только *предположить*, что завтрашній день обезпеченъ; что всѣ потребности удовлетворены,—словомъ, что производство, благодаря свободному соглашенію, совершается безпрепятственно. Какъ сильны въ логикѣ эти товарищи, и какъ прекрасенъ идеаль, основаніемъ котораго служитъ нелогичная предпосылка! *Ибо единственной основой идеала анархистскихъ коммунистовъ служитъ это petitio principii; они берутъ предпосылкой именно то, что должно быть доказано.* Товарищъ Гравъ, „глубокій мыслитель“, особенно богатъ предпосылками. Какъ только ему встрѣчается затрудненіе, онъ „предполагаетъ“, что это затрудненіе уже пало, и тогда все устранивается къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ идеаловъ.

„Глубокій“ Гравъ менѣе остороженъ, чѣмъ „ученый“ Крапоткинъ. Онъ также—единственный, которому удастся довести „идеаль“ до „абсолютной“ безсмыслицы. Онъ спрашиваетъ, какъ поступить, если въ „обществѣ на другой день послѣ революціи“ найдется отецъ, который откажется давать какое бы то ни было образованіе своему ребенку. Отецъ—индивидуумъ съ неограниченными правами. Онъ слѣдуетъ анархистскому

¹⁾ J. Gravel. La Société au lendemain de la Révolution, Paris. 1889, p.61—62.

правилу: „дѣлай все, что хочешь“. Никто не имѣетъ, стало быть, права его образумить. Но и ребенокъ, въ свою очередь, тоже можетъ дѣлать все, что онъ хочетъ, а онъ хочетъ учиться. Какъ разрѣшить этотъ конфликтъ; какъ выйти изъ этого затрудненія, не нарушая святыхъ законовъ анархiи? — При помощи простой „предпосылки“.

„Вслѣдствіе того, что отношенія (между гражданами. Г. П.) будутъ многообразнѣе и болѣе проникнуты братскими чувствами, чѣмъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на антагонизмѣ интересовъ, ребенокъ, проникшись тѣмъ, что онъ ежедневно видитъ и слышитъ вокругъ себя, легко освободится отъ вліянія родителей и найдетъ необходимую ему помощь для пріобрѣтенія знаній, въ которыхъ они ему отказываютъ. Тѣмъ скорѣе это будетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ, слишкомъ несчастный подъ властью родителей, оставитъ ихъ, чтобы стать подъ защиту болѣе симпатичныхъ ему людей, а родители уже не будутъ въ состояніи вернуть своего раба при содѣйствіи жандармовъ, какъ это разрѣшаетъ законъ теперь“¹⁾.

Это не ребенокъ убѣгаетъ отъ своихъ родителей, это утистъ старается спастись отъ непреодолимыхъ логическихъ трудностей. И все таки его соломоновъ судъ показался товарищамъ такимъ премудрымъ, что приведенныя здѣсь слова были дословно цитированы Эмилемъ Дарно въ его книгѣ: „La société future“ („Будущее общество“), Soix 1890, p. 26, — книгѣ, специально предназначенной для популяризаціи ученыхъ хитросплетеній Грера.

„Анархiя, эта противогосударственная система социализма, имѣетъ двойное происхожденіе. Она продуктъ двухъ наиболѣе крупныхъ умственныхъ теченій на почвѣ экономической и политической, которыя характеризуютъ наше столѣтіе, въ особенности его вторую половину. Въѣстъ со всѣми социалистами анархисты утверждаютъ, что частное владѣніе землею, капиталомъ и машинами уже близится къ концу, что оно обречено на исчезновеніе, и что всѣ орудія производства должны стать и дѣйствительно будутъ достояніемъ общества, что они будутъ находиться въ вѣдѣніи самихъ производителей общественного богатства. И въ полномъ согласіи съ самыми передовыми представителями политическаго радикализма, они утверждаютъ, что идеаль политическаго устройства общества состоитъ въ томъ, чтобы свести функціи правительства до минимума, вернуть индивидууму полную свободу инициативы и дѣйствія, и посредствомъ свободно организованныхъ свободныхъ группъ и союзовъ удовлетворить всѣ безконечно разнообразныя потребности человѣческаго существа.

Что касается социализма, то большинство анархистовъ доходятъ до его конечныхъ выводовъ, т. е. до полного

¹⁾ Тамъ же, стр. 99.

отрицанія системы наемнаго труда и до коммунизма. Что же касается политической организаціи, то они, разрывая вышеупомянутую часть радикальной программы, приходятъ къ заключенію, что конечная цѣль общества — свести на нѣтъ функціи правительства, т. е. они приходятъ къ обществу безъ правительства, къ анархіи.

Далѣе анархисты утверждаютъ, что достиженіе идеала соціальной и политической организаціи не должно откладывать на будущія столѣтія, и что въ нашей соціальной организаціи слѣдуетъ признавать жизнеспособными и благотѣльными для общежитія только тѣ измѣненія, которыя согласуются съ вышеупомянутымъ двойнымъ идеаломъ и приближаютъ насъ къ нему¹⁾.

Крапоткинъ открываетъ намъ въ удивительно ясной формѣ происхожденіе и природу своего „идеала“. Этотъ идеалъ, подобно бакунинскому, дѣйствительно „двойной“; онъ въ самомъ дѣлѣ рожденъ отъ связи буржуазнаго радикализма, или, вѣрнѣе, *манчестерства* съ коммунизмомъ, подобно тому, какъ Іисусъ былъ рожденъ Пречистой Дѣвой Маріей и св. Духомъ. Эти обѣ природы анархистскаго идеала также трудно совмѣстить, какъ двѣ природы Сына Божьяго. Но одна изъ этихъ природъ повидимому побѣждаетъ, подъ конецъ, вторую. Анархисты „желаютъ“ начать съ непосредственнаго осуществленія того, что Крапоткинъ называетъ „конечной цѣлью общества“. („The ultimate aim of society“), т. е. съ разрушенія *государства*. Ихъ исходная точка всегда безграничная *свобода* индивидуума. Манчестерство—прежде всего, коммунизмъ идетъ лишь слѣдомъ²⁾. Но чтобы успокоить насъ относительно вѣроятной судьбы этой второй природы ихъ идеала, анархисты непрерывно восхваляютъ мудрость, доброту и предусмотрительность человѣка „будущаго“. Онъ будетъ настолько совершененъ, что, безъ сомнѣнія, будетъ знать, какъ организовать коммунистическое производство. Онъ будетъ настолько совершененъ, что, восхищаясь имъ, задаваясь вопросомъ, почему же не довѣрить ему немного „власти“.

IV. Такъ называемая анархистская тактика.

Ея мораль.

Анархисты — утописты. Ихъ точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ научнымъ социализмомъ

¹⁾ Anarchist Communism, p. 3.

²⁾ „L'anarchia é il funzionamento armonico di tutte le autonomie risolventesi nella eguaglianza totale della condizioni umane“. L'anarchia nella scienza e nell'evoluzione (Traduzione dello Spagnuolo), Prato (Toscana). 1892 p. 26.

(По-русски: „Анархія—это гармоническое функционированіе всѣхъ самоопредѣленій, растворенныхъ въ полнѣйшемъ равенствѣ всѣхъ человѣческихъ условій“. Анархія въ наукѣ и въ развитіи. Съ испанскаго).

Но бывають утопіи и утопіи. Великіе утопісты первой половины нашего столѣтія были геніальныя люди; они двинули вперед соціальную науку, стоявшую тогда всецѣло на утопической точкѣ зрѣнія. Утопісты же нашего времени, анархисты, это — „извлекатели квинтъ-эссенціи“ („abstracteurs de quint-essence“), которые умѣють только съ грѣхомъ пополамъ дѣлать скучные выводы изъ нѣкоторыхъ принциповъ. Они не имѣють ничего общаго съ соціальной наукой, опередившей ихъ въ своемъ движеніи, по крайней мѣрѣ, на полстолѣтія. Ихъ „глубокиѣ мыслителиѣ“ и „возвышенныѣ теоретикиѣ“ не удалось даже свести оба конца своего хода доказательствъ. Они — *утопісты упадка*, пораженные неизлѣчимымъ духовнымъ малокровіемъ. Великіе утопісты много сдѣлали для развитія рабочаго движенія. Утопісты же нашего времени только и дѣлають, что задерживають его прогрессъ. Въ особенности вредитъ пролетаріату ихъ такъ называемая тактика.

Мы уже знаемъ, что Бакунинъ комментируетъ статуты Интернационала въ томъ смыслѣ, что рабочій классъ долженъ *отказаться* отъ всякой политической дѣятельности и сконцентрировать всѣ свои силы въ области „непосредственной экономической“ борьбы за увеличеніе заработной платы, уменьшеніе рабочаго дня и т. д. Бакунинъ и самъ смутно чувствовалъ, что подобная тактика мало революціонна. Онъ пытался дополнить ея дѣятельностью своего Алліанса и проповѣдывалъ „*бунтъ*“.¹⁾ Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ классоваго сознанія у пролетаріата, послѣдній все больше склоняется на сторону политическаго дѣйствія и отказывается отъ бунтовъ, *столь частыхъ въ дни его дѣтства*. Труднѣе довести до бунта достигшихъ извѣстной высоты политическаго развитія рабочихъ западной Европы, чѣмъ, напримѣръ, легковѣрныхъ и невѣжественныхъ русскихъ крестьянъ. Такъ какъ *тактика бунтовъ не оказалась по вкусу пролетаріату*, то „товарищамъ“ пришлось замѣнить ее „*индивидуальныѣ дѣйствіемъ*“. Главнымъ образомъ послѣ неудавшагося возстанія въ Беневенто въ Италіи въ 1877 г. бакунисты стали прославлять пропаганду дѣйствіемъ; но если мы бросимъ взглядъ на время, отдѣляющее насъ отъ попытки при Беневенто, то увидимъ, что эта пропаганда приняла совершенно специальное направленіе: *очень мало бунтовъ*, вдобавокъ очень незначительные бунты, за то *много единичныхъ покушеній*, направленныхъ противъ общественныхъ зданій, противъ личностей и даже противъ — „*индивидуальной насльдственной*“ собственности. Иначе и быть не могло.

„Мы видѣли уже многочисленныя возстанія народныхъ массъ, желавшихъ добиться настоятельныхъ реформъ“, ска-

¹⁾ Въ своихъ мечтахъ о бунтахъ и даже о революціяхъ, анархисты съ особенною страстью и восторгомъ предають сожженію имущественные акты и государственныя бумаги. Въ особенности *Крапоткинъ* придаетъ чрезвычайную важность этимъ аутодафе. Хочется сказать — *возставшій бюрократъ*.

зала Луиза Мишель корреспонденту „Matin“, интервьюировавшему ее по поводу покушенія Вальяна. „Что происходило? *Разстрѣлили народъ. Мы находимъ теперь, что народъ потерялъ достаточно крови; лучше, если мужественные люди будутъ жертвовать собой и совершать на свой собственный рискъ насильственные дѣйствія, имѣющія цѣлью терроризировать правительство и буржуа*“. ¹⁾

Это именно то, что мы сказали, только немного другими словами. Луиза Мишель *лишь забыла прибавить, что бунты, влекущіе за собой кровопусканіе народа, нѣкогда фигурировали во главѣ программы анархистовъ*, и это до тѣхъ поръ, пока они не убѣдились, что такія частичныя возстанія не приносятъ никакой пользы дѣлу рабочихъ, но что въ большинствѣ случаевъ сами рабочіе и слышать не хотятъ объ этихъ бунтахъ.

Заблужденіе, какъ и истина, имѣетъ свою логику. Если отвергать политическую дѣятельность рабочаго класса, то, при нежеланіи играть въ руку буржуазнымъ политикамъ, неминуемо придется принять тактику Вальяновъ и Анри (Vaillant et Henry).

Лишь презирай свой умъ да знанья жаръ,

Могучій человекъ даръ;

Пусть съ жалкой, призрачною забавой

Тебя освоитъ духъ лукавый,—

Тогда ты мой, безъ дальныхъ словъ!

Что касается „жалкихъ призрачныхъ забавъ“, то въ аргументаціяхъ анархистовъ противъ политической дѣятельности пролетаріата ихъ безчисленное множество. „Быстрота“ здѣсь превращается въ дѣйствительное „колдовство“. Такъ, Крапоткинъ пользуется противъ социалдемократовъ ихъ же собственнымъ оружіемъ—*материалистическимъ пониманіемъ исторіи*. Онъ увѣряетъ:

„Каждому новому экономическому фазису жизни соотвѣтствуетъ новый политическій фазисъ. Абсолютная монархія, т. е. господство двора, соотвѣтствуетъ системѣ крѣпостничества, представительное правительство соотвѣтствуетъ господству капитала. Но то и другое — системы классоваго господства. Въ обществѣ, гдѣ исчезнетъ разница между капиталистомъ и рабочимъ, не будетъ и надобности въ подобномъ правительствѣ, оно станетъ анахронизмомъ, обузой“. ²⁾

Если бы социалдемократы сказали, что они все это знаютъ, по меньшей мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и онъ, то Крапоткинъ отвѣтилъ бы, что это возможно, но что въ такомъ случаѣ они не хотятъ выводить правильнаго „заключенія“ изъ этихъ „предпосылокъ“. Онъ, Крапоткинъ, въ совершенствѣ владѣетъ логикой. Такъ какъ политическая конституція каждой страны—аргументируетъ Крапоткинъ—опредѣляется ея экономической структурой, то политическая дѣятельность социалистовъ — абсолютная бессмыслица.

¹⁾ Напечатано въ „Peuple“, Lyon, 20 декабря 1893 г.

²⁾ The Anarchist Communism, p. 8.

„Желать достигнута социализма или хотя бы (!) аграрной революціи посредствомъ политической революціи — чистѣйшая утопія, потому что исторія всюду показываетъ, что политическія измѣненія являются послѣдствіями великихъ экономическихъ революцій, а не наоборотъ“. ¹⁾

Привелъ ли лучший геометръ въ мірѣ нѣчто болѣе неопровержимое, чѣмъ подобныя доказательства?

Опираясь на это незыблемое основаніе, *Крапоткинъ* совѣтуетъ русскимъ революціонерамъ *отказаться отъ своей политической борьбы съ абсолютизмомъ*. Они должны преслѣдовать непосредственно экономическую цѣль.

„Освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ ига крѣпостничества, тяготящаго надъ ними и до настоящаго дня, составляетъ, такимъ образомъ, первую задачу русскаго революціонера. Работая въ этой области, онъ работаетъ прямо и непосредственно на пользу народа... и подготавливаетъ, между прочимъ, ослабленіе централизованной власти государства и ея ограниченіе“. ²⁾

Итакъ, освобожденіе крестьянъ будетъ способствовать ослабленію русскаго абсолютизма. Но какимъ образомъ освободить крестьянъ, прежде чѣмъ свергнуть абсолютизмъ? Абсолютная тайна! Это освобожденіе — настоящее чародѣйство! Старый Лисковъ былъ правъ, говоря: „легче и проще писать пальцами, чѣмъ головою“.

Какъ бы то ни было, вся политика рабочаго класса должна быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ: „*Долой политику! Да здравствуетъ непосредственная экономическая борьба*!“ Это бакунизмъ, — но усовершенствованный бакунизмъ. Бакунинъ самъ побуждалъ рабочихъ бороться за уменьшеніе рабочаго дня и повышеніе платы. *Теперешніе* же анархисты-коммунисты пытаются „разъяснить рабочимъ, что подобными пустяками они *ничего* не выиграютъ, что переустроить общество можно только разрушеніемъ правящихъ учреждений“. ³⁾ Повышеніе заработной платы бесполезно.

„Не существуетъ ли Сѣверная и Южная Америка, доказывающая намъ, что повсюду, гдѣ рабочему удалось получить высшую плату, соответственно этому повысились и цѣны на жизненные припасы; такъ что, если ему удалось заработать 20 фр. въ день, то стало необходимо имѣть 25 фр., чтобы прожить, какъ *болѣе обезпеченный* рабочій; и вотъ онъ опять на уровнѣ ниже средняго“. ⁴⁾

„Сокращеніе рабочаго времени, по меньшей мѣрѣ, излишнее, такъ какъ капиталъ, посредствомъ усовершенство-

¹⁾ Предисловіе Крапоткина къ русскому изданію брошюры Бакунина: „Парижская Коммуна и идея государства“. Женева, 1892 г., стр. V.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ J. Grave, la société mourante et l'anarchie, p. 253.

⁴⁾ См. тамъ же, стр. 240.

ванныхъ машинъ, примется за „систематическую интенсификацію труда“. Самъ Марксъ доказалъ это совершенно ясно¹⁾.

Благодаря Крапоткину, мы уже знаемъ, что анархистскій идеалъ имѣеть двоякое происхожденіе. Двоякое происхожденіе имѣють также и всѣ „выводы“ анархистовъ. Съ одной стороны, они взяты изъ вульгарныхъ учебниковъ политической экономіи, сочиненныхъ *вульгарнѣйшими буржуазными экономистами*. Примѣромъ можетъ служить диссертация Грава о заработной платѣ, которой съ восторгомъ рукоплескалъ бы самъ Бастиа. Съ другой стороны, товарищи, вспоминая о „коммунистическомъ“ происхожденіи своего идеала, обращаются къ Марксу и цитируютъ его, *не понимая его*. Уже Бакунинъ въ значительной степени былъ „софтистизированъ“ марксизмомъ. У современныхъ же анархистовъ, начиная съ Крапоткина, это еще болѣе замѣтно.²⁾ Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, какъ говорить Лермонтовъ. Дѣйствительно, — грустно. Каждый разъ, когда пролетаріатъ дѣлаетъ усиліе, чтобы добиться какого-нибудь улучшенія своего экономического положенія, со всѣхъ сторонъ сбѣгаются „мужественные люди“, начинаютъ увѣрять его въ своей нѣжной любви и пытаются, опираясь на свои хромающіе выводы, отторгнуть его отъ движенія, всѣми возможными способами доказывая, что движеніе бесполезно. Такъ это было, напримѣръ, во время движенія въ пользу *восьмичасового рабочаго дня*; анархисты боролись противъ него съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи. Если же пролетаріатъ, несмотря ни на что, идетъ впередъ, если онъ продолжаетъ преслѣдовать свою „*непосредственно экономическую*“ цѣль, — онъ, къ счастью, такъ и поступаетъ, — то снова появляются тѣ же самые „мужественные люди“, снабженные бомбами, и доставляютъ правительству желанный и искомый предлогъ напасть на пролетаріатъ. Мы это видѣли въ Парижѣ 1 мая 1890 года; мы это часто видимъ при стачкахъ. Славный народъ—эти „мужественные люди“!

Анархистъ не желаетъ „*парламентаризма*“, потому что парламентаризмъ лишь „усыпляетъ“ пролетаріатъ. Анархистъ не желаетъ никакихъ „реформъ“, потому что реформы означаютъ компромиссъ съ имущими классами. Онъ хочетъ *револю-*

¹⁾ Тамъ же, стр. 250—251.

²⁾ Невѣжество Грава, этого „глубокаго мыслителя“, вообще достопримѣчательно, но оно превосходитъ всѣ границы вѣроятія въ области политической экономіи. Въ данномъ случаѣ оно равняется только невѣжеству ученаго геолога *Крапоткина*, который высказываетъ самыя чудовищныя вещи, какъ только возьмется разбирать какой-нибудь экономическій вопросъ. Мы очень сожалѣемъ, что за недостаткомъ мѣста не можемъ позабавить читателей любопытными образчиками анархистской политической экономіи. Читатели должны довольствоваться тѣмъ, что имъ преподалъ Крапоткинъ о Марксѣ и „прибавочной стоимости“

цію—простую, цѣльную, непосредственную и непосредственно экономическую революцію. Для достиженія этой цѣли онъ вооружается горшкомъ, начиненнымъ взрывчатымъ веществомъ, и бросаетъ его въ публику какого-нибудь ресторана или театра. Онъ утверждаетъ, что это—часть „революціи“; мы же видимъ здѣсь лишь „непосредственно буйное помѣшательство“.

Излишне упоминать о томъ, что *буржуазныя правительства*, какъ бы строго они ни относились къ отдѣльнымъ лицамъ, совершающимъ покушенія, могутъ только *поздравить* себя съ ихъ тактикой. „Общество въ опасности!“ „Caveant consules!“ И „консулы“—полицейскіе дѣйствуютъ, а общественное мнѣніе рукоплещетъ всѣмъ реакціоннымъ мѣрамъ, которыя придумываются министрами ради спасенія общества.

„Спасители общества, террористы въ мундирахъ, чтобы имѣть значеніе въ филистерскихъ массахъ, нуждаются въ ореолѣ истыхъ сыновъ „священнаго порядка“, „благодѣтельнаго дѣтища неба“, и достичь этого ореола помогаютъ имъ школьническія покушенія террористовъ въ лохмотьяхъ. Иной изъ этихъ бѣдныхъ глупцовъ, упиваясь своими дикими фантазіями, даже и не замѣчаетъ, что онъ, какъ маріонетка, вертится на проволокахъ ловкаго, стоящаго за кулисами террориста-государственного дѣятеля; онъ не замѣчаетъ, что вызываемый имъ ужасъ и страхъ служить для отуманиванія толпы филистеровъ, которая послѣ этого, ликуя, приветствуетъ каждую бойню, прокладывающую путь реакціи“.¹⁾

Уже Наполеонъ III, — чтобы имѣть лишний случай спасти общество отъ угрожающихъ ему враговъ порядка,—устраивалъ себѣ отъ времени до времени покушеніе. Чистосердечныя признанія весьма нечистоплотнаго Andrieux²⁾, образъ дѣйствія нѣмецкихъ и австрійскихъ агентовъ-провокаторовъ, но-

¹⁾ „Впередъ“, 23 января 1894 г.

²⁾ „Товарищи искали кого-нибудь, кто бы представилъ залогъ, но подлый капиталъ не выражалъ ни малѣйшаго желанія послѣдовать приглашенію. Я толкнулъ его въ бокъ, этотъ подлый капиталъ, и мнѣ удалось его убѣдить, что онъ въ *своихъ интересахъ* долженъ способствовать изданію анархистскаго органа... Не слѣдуетъ, однако, думать, что я съ грубой откровенностью предложилъ анархистамъ руку помощи полицейской префектуры. Я поручилъ прилично одѣтому буржуа розыскать между ними одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и интеллигентныхъ. Буржуа объяснилъ ему, что нажилъ нѣкоторое состояніе аптекарской торговлей и теперь желаетъ часть своихъ доходовъ предоставить для пропаганды социализма. Этотъ буржуа, отдававшій себя на пожраніе, не внушилъ товарищамъ ни малѣйшаго недобѣрія. При его посредствѣ я внесъ въ государственную кассу требуемый залогъ, и журналъ „La Révolution Sociale“ возвѣстилъ о своемъ выходѣ въ свѣтъ. Это былъ еженедѣльникъ, такъ какъ мое великодушіе, какъ дрогиста, не простиралось такъ далеко, чтобы содержать ежедневную га-

вѣйшія разоблаченія по поводу покушенія на парламентъ въ Мадридѣ и т. п. ясно доказываютъ, что современныя правительства извлекаютъ громадную пользу изъ тактики „товарищей“, и что *работа террористовъ въ мундирахъ была бы гораздо затруднительнѣе, если бы анархисты не старались съ такимъ рвеніемъ облегчать ее имъ.*

Реакціонная и консервативная пресса всегда проявляла едва замаскированную симпатію къ анархистамъ; она глубоко сожалѣетъ, что социалисты, сознательно относящіеся къ своей дѣли, не хотятъ имѣть ничего общаго съ анархистами. „Они прогнали ихъ, какъ жалкихъ собакъ“, соболевзнуетъ парижскій „Figaro“ по случаю исключенія „товарищей“ изъ конгресса въ Цюрихѣ ¹⁾.

Анархистъ—человѣкъ, обреченный (если онъ только не сыщикъ) постоянно и вездѣ достигать противоположнаго тому, что ему желательно.

„Посылать рабочихъ въ парламентъ, — заявилъ Борда передъ Лионскимъ судомъ въ 1883 г., — значитъ поступать, какъ мать, ведущая свою дочь въ домъ терпимости“.

Итакъ, анархисты отвергаютъ политическую дѣятельность и во имя морали. Но куда приводитъ ихъ эта боязнь парламентской развращенности? Къ восхваленію воровства („Клади деньги въ свой кошель“, писалъ Мостъ уже въ 1880 году въ своей „Свободѣ“), къ геройскимъ подвигамъ Дювала и Равашоля, совершавшимъ во имя „дѣла“ самыя низкія и отвратительныя преступленія. Герценъ гдѣ-то рассказываетъ, что въ одномъ маленькомъ итальянскомъ городкѣ онъ встрѣчалъ только священниковъ и бандитовъ; онъ былъ очень смущенъ тѣмъ, что никакъ не могъ отличить, кто священникъ, и кто бандитъ. Въ томъ же положеніи находятся теперь всѣ безпристрастные люди по отношенію къ анархистамъ: *какъ угадать, гдѣ кончается „товарищъ“ и начинается бандитъ?* Даже самимъ анархистамъ это не всегда удается, что доказываютъ пренія, вызванныя въ ихъ кругахъ дѣломъ Равашоля. Лучшіе изъ нихъ, честность которыхъ неоспорима, постоянно колеблются въ своихъ сужденіяхъ о „пропагандѣ дѣйствіемъ“.

зету“. — Ср. „Souvenirs d'un préfet de police“. („Воспоминанія полицейскаго префекта“). Jules Rouff et Comp., Editeurs, Paris. 1885, I, p. 337 и слѣдующія.

¹⁾ Кстати. Анархисты требовали допущенія на социалистическіе конгрессы во имя народной свободы. Приведемъ, однако, взглядъ французскаго „Вѣстника анархій“ на конгрессы. „Анархисты могутъ себя поздравить, что нѣкоторые изъ нихъ присутствовали на конгрессѣ въ Труа. Насколько нелѣпъ, бессмыслененъ и безцѣленъ анархистскій конгрессъ, настолько же логично использовать социалистическіе конгрессы, чтобы тамъ развивать свои идеи“. (La Révolte, номера отъ 6 до 12 января, 1889). Не вправъ ли мы—*также во имя свободы*—попросить товарищей, оставлять насъ въ покоѣ?

Такъ напимѣрь, Элизэ Реклю говоритъ:

„Осудить пропаганду дѣйстви́емъ? Но вѣдь эта пропаганда есть ничто иное, какъ проповѣдь собственнымъ *примѣромъ добра и любви къ человѣку*. Тѣ, которые *насилія* называютъ „пропагандою дѣйстви́емъ“, доказываютъ лишь, что они *не поняли* значенія этого выраженія. Анархистъ, *понимающій* свою роль, вмѣсто того, чтобы *убить* человѣка, постарается *внушить* ему свои *убѣжденія*, сдѣлать его своимъ адептомъ, который, въ свою очередь, будетъ продолжать пропаганду дѣйстви́емъ, относясь справедливо и съ добротой ко всѣмъ, съ которыми онъ сталкивается“¹⁾.

Мы не спрашиваемъ, что останется отъ анархиста, рѣшительно отказывающагося отъ тактики покушеній. Просимъ только читателя внимательнѣе прочесть слѣдующія строки.

„Издатель „Sempre Avanti“ („Всегда впередъ“) обращается къ Элизэ Реклю съ просьбой откровенно высказать свое мнѣнiе о Равашолѣ. Реклю отвѣтилъ: „Я восхищенъ его мужествомъ, сердечной добротой, величiемъ души, великодушiемъ, съ какимъ онъ простилъ своимъ врагамъ, вѣрнѣе своимъ предателямъ. Я врядъ ли знаю людей, превосходящихъ его благородствомъ. Я оставляю открытымъ вопросъ, насколько желательно настаивать каждый разъ на своемъ правѣ до конца, и не должны ли взять верхъ соображенія, основывающіяся на чувствѣ человѣческой солидарности. Все-таки я принадлежу къ тѣмъ, которые признають въ Равашолѣ героя рѣдкихъ душевныхъ качествъ“²⁾.

Это нисколько не гармонируетъ съ вышесдѣланнымъ объясненiемъ и неоспоримо доказываетъ, что гражданинъ Реклю очень неувѣренъ; что для него не совсѣмъ ясно, гдѣ кончается его „товарищъ“, и гдѣ начинается бандитъ.

Проблему тѣмъ труднѣе разрѣшить, что есть не мало *индивидуумовъ, которые одновременно „бандиты“ и анархисты*. Равашолѣ далеко не исключенiе. У недавно арестованныхъ въ Парижѣ анархистовъ Ортица и Кирикоти нашли массу краденыхъ вещей. И не въ одной только Францiи встрѣчается совмѣщенiе такихъ, по виду совершенно различныхъ занятiй. Достаточно вспомнить случаи Камерера и Штелимахера въ Вѣнѣ.

Крапоткинъ всѣми силами старается увѣрить насъ, что анархистская мораль—мораль безъ обязательствъ и общественной санкцiи, мораль, чуждая всякому утилитарному соображенiю; что она, подобно естественной народной морали, есть „мораль привычки“ поступать хорошо³⁾. Мораль анархистовъ, это—мораль лицъ, осѣнивающихъ каждое человѣческое дѣйствiе съ

¹⁾ Смотри въ „L'Etudiant socialiste“, Брюссель, № 6, 1894, отвѣтъ Элизэ Реклю одному господину, запросившему его по поводу анархистскихъ покушенiй.

²⁾ Изъ „Twentieth Century, a radical weekly magazine“, New-York, september 1892, p. 15.

³⁾ Смотри его „Anarchist Communism“ стр. 34—35, его

отвлеченной точки зрѣнія неограниченныхъ правъ индивидуума, и во имя э ихъ правъ оправдывающихъ жесточайшія насилія, самый отталкивающий произволь. „Что намъ до жертвъ“, — воскликнулъ анархистскій поэтъ Лоранъ Тальадъ въ вечеръ покушенія Ватьяна на банкетъ общества „La Ruche“, — „если только жестъ (движеніе рукой) красивъ!“

Тальадъ — декадентъ“, который, благодаря своей безчувственности, послѣдователенъ въ своихъ анархистскихъ убѣжденіяхъ. Анархисты ведутъ борьбу съ демократіей потому, что, по ихъ мнѣнію, демократія есть только тиранія *большинства надъ меньшинствомъ*. Большинство не имѣетъ никакого права навязывать свою волю меньшинству. Но если такъ, то во имя какого моральнаго принципа ополчаются анархисты на *буржуазію*? Не потому ли, что *та — не меньшинство*? Или потому, что она не дѣлаетъ все, что „хочетъ“?

„Fais ce que voudras — дѣлай, что хочешь“, провозглашаютъ анархисты. Буржуазіи „угодно“ эксплуатировать пролетаріатъ, и она это дѣлаетъ очень удачно. Она слѣдуетъ анархистскому рецепту, и товарищи глубоко неправы, когда жалуются на ея поведение. Но они становятся уже совершенно смѣшными, когда борются противъ буржуазіи во имя ея жертвъ. „Какое дѣло до гибели неопредѣленныхъ народныхъ массъ, — продолжаетъ логичный анархистъ Тальадъ, — если этимъ усиливается индивидуумъ!“ Вотъ настоящая мораль анархистовъ; это мораль цезарей: „sic volo!“ „sic jubeo!“ (Такъ хочу, такъ повелѣваю!). ¹⁾

Словомъ: во имя революціи анархисты служатъ дѣлу реакціи; во имя нравственности они одобряютъ самыхъ безнравственныхъ дѣйствій, во имя индивидуальной свободы они попираютъ ногами все права своихъ ближнихъ.

И какъ разъ поэтому, вся анархистская доктрина разбивается о свою же собственную логику. Если первый встрѣчный сумасшедшій можетъ убивать людей *только потому, что ему такъ заблагоразсудилось*, то общество, состоящее изъ безчисленнаго множества индивидуумовъ, вправѣ его образумить, *потому что это отнюдь не его капризъ, а его обязанность, потому что это conditio sine qua non (необходимое условіе) его существованія*

Заключеніе.

Буржуазія, анархизмъ и социализмъ.

„Отецъ анархін“, „безсмертный“ Прудонъ, горько смѣется надъ тѣми людьми, для которыхъ революція сводится къ насильственнымъ дѣйствіямъ, обмѣну ударами и къ пролитію крови. Потомки „отца“, современные анархисты, понимаютъ революцію исключительно въ этомъ ребячески звѣрскомъ смыслѣ.

„L'Anarchie dans l'évolution socialiste“ стр. 24—25 и его „Morale anarchiste“ въ различныхъ мѣстахъ.

¹⁾ Какъ извѣстно, Тальадъ вскорѣ послѣ своихъ заявленій былъ раненъ при взрывѣ въ ресторанѣ Фофо. Телеграмма („La Tribune de Genève“, 5 April 1894 г.) прибавляетъ: г. Тальадъ

Все, что не насиліе, — измѣна дѣлу, нечистоплотный компромиссъ съ „властью“. ¹⁾

Буржуазія, съ своей стороны, въ смущеніи не знаетъ, что предпринять противъ анархистовъ. На почвѣ теорій она по отношенію къ анархистамъ совершенно безсильна. Анархисты — ея же собственныя дѣти-баловни. Это вѣдь она первая пропагандировала теорію „laissez passer“, проповѣдывала необузданный индивидуализмъ. Ея самый значительный современный философъ *Гербертъ Спенсеръ* — только консервативный анархистъ. „Товарищи“ — это дѣятельные и бойкіе люди, доводящіе до крайности буржуазную логику.

Судьи буржуазной республики присудили Грива къ тюремному заключенію, а книгу его „La société mourante et l'anarchie“ („Умирающее общество и анархія) — къ уничтоженію. А буржуазные писатели объявили это жалкое произведеніе глубокимъ твореніемъ и автора — рѣдкимъ умомъ! Буржуазія не только не владѣетъ никакимъ теоретическимъ оружіемъ для побѣды надъ анархистами ²⁾, она видитъ свою собственную молодежь, очарованную этой доктриной. Въ этомъ пресыщенномъ, до мозга костей испорченномъ обществѣ, гдѣ давнымъ давно умерла всякая вѣра, гдѣ всѣ искреннія убѣжденія кажутся смѣшными; въ этомъ мірѣ, гдѣ изнываютъ отъ скуки, гдѣ, испробовавъ всѣ наслажденія, не знаютъ больше, какой фантазіей, какимъ распутствомъ доставить себѣ новыя ощущенія, — находится много людей, благосклонно внимающихъ пѣснямъ анархистской сирены. Среди „товарищей“ въ Парижѣ имѣется не мало элегантныхъ людей „comme il faut“, которые, по выраженію французскаго писателя Рауля Алье, не могутъ обойтись безъ лакированныхъ ботинокъ, и которые, идя на собраніе, всегда украшаютъ петличку сюртука цвѣткомъ. Писатели и художники упадка, „декаденства“, начинаютъ исповѣдывать анархизмъ и проповѣдуютъ его теорію въ журналахъ, вроде „Le Mercure de France“, „La Plume“ и т. п.

но перестаетъ отказываться отъ приписываемыхъ ему анархистскихъ теорій. Когда ему напомнили его статьи и вышеупомянутую знаменитую фразу, онъ замолчалъ и потребовалъ хлорала для облегченія своихъ страданій.

¹⁾ Правда, такіе люди, какъ *Рейлю*, не всегда одобряли подобное пониманіе революціи. Но повторяю еще разъ, — что остается отъ анархиста, отрицающаго „пропаганду дѣйствіемъ“? Ничего, кромѣ мечтательнаго, сантиментальнаго буржуа!

²⁾ Чтобы имѣть представленіе о слабости буржуазныхъ теоретиковъ и буржуазныхъ политиковъ въ ихъ борьбѣ противъ анархистовъ, достаточно прочесть статьи Ломброзо и А. Верарда въ „Revue des Revues“ отъ 15 февраля 1894 г., или статью Бурдо въ „Revue de Paris“ отъ 15 марта 1894 г. Полѣдній ссылается только на „человѣческую природу“, которая, по его мнѣнію, „не измѣнится, благодаря брошюрамъ Крапоткина и бомбамъ Равашолы“.

Это вполне понятно. Было бы чрезвычайно странно, если бы анархизм—эта насквозь буржуазная доктрина—не нашелъ приверженцевъ среди французской буржуазии, самой пресыщенной изъ всѣхъ буржуазій.

Овладевъ анархистской доктриной, упадочные писатели конца вѣка придаютъ ей характеръ *буржуазнаго* индивидуализма. Если Крапоткинъ и Реклю ратуютъ во имя рабочаго, притѣсняемаго капиталистомъ, „*la Plume*“ и „*Le Mercure de France*“ дѣлаютъ это во имя „*индивидуума*“, стремящагося освободиться отъ всѣхъ оковъ общества, чтобы наконецъ дѣлать все, что ему „угодно“. Анархизмъ, такимъ образомъ, снова возвращается къ своему исходному пункту. Штирнеръ говорилъ: „*Для меня нѣтъ ничего выше меня*“. Лоранъ Тальядъ говоритъ: „*Какое дѣло до гибели неопредѣленныхъ народныхъ массъ, если этимъ усиливается индивидуумъ?*“

Буржуазія не знаетъ больше, куда склонить голову. „Я, который такъ боролся за позитивизмъ,—вдыхаетъ Золя,—чувствую, что послѣ тридцатилѣтней борьбы мои убѣжденія колеблются. Религіозная вѣра препятствовала распространенію подобныхъ теорій, но развѣ она теперь почти не исчезла? Кто намъ дастъ новый идеалъ?“

Ахъ, господа, нѣтъ идеаловъ для блуждающихъ мертвецовъ, какъ вы! Вы сдѣлаете всевозможныя попытки, вы станете буддистами, друидами, халдейскими „сарсами“, каббалистами, магами, изистами ¹⁾ или анархистами—всѣмъ, чѣмъ придется,—и вы все-таки останетесь тѣмъ же, что и теперь, существами безъ убѣжденія и закона, *опустошенными исторіей мѣшиками*. Идеалъ буржуазіи канулъ въ вѣчность.

Намъ же, социалдемократамъ, нечего спасаться анархистской пропаганды. Анархизмъ, дитя буржуазіи, никогда не будетъ имѣть серьезнаго вліянія на пролетаріатъ. Если среди анархистовъ и находятся рабочіе, искренно жаждущіе блага своего класса и готовые для него пожертвовать всѣмъ,—то они лишь по недоразумѣнію очутились въ этомъ лагерѣ. Борьба за освобожденіе пролетаріата знакома имъ только въ той формѣ, какую хотятъ придать ей анархисты. Когда они просвѣтятся, они перейдутъ къ намъ.

Вотъ примѣръ. На ліонскомъ анархистскомъ процессѣ въ 1883 г. рабочій *Дегранжъ* разсказалъ, какъ онъ сталъ анархистомъ; онъ принималъ участіе въ политическомъ движеніи и даже былъ избранъ въ муниципальные совѣтники въ Виллефраншъ въ ноябрѣ 1879 г.

„Когда въ сентябрѣ 1881 года въ Виллефраншъ началась стачка красильщиковъ, я былъ назначенъ секретаремъ исполнительной комиссіи, и во время этого достопамятнаго событія... я убѣдился въ необходимости подавленія власти, потому что кто говоритъ власть, тотъ говоритъ деспотизмъ.“

Что дѣлали во время этой стачки префектурныя и коммунальныя власти для разрѣшенія спора, когда хозяева

¹⁾ Послѣдователи культа Изиды.

отказались войти въ переговоры съ рабочими? Пятьдесятъ жандармовъ получили приказаніе разрубить узелъ саблей. Вотъ мирныя средства, примѣняемые правительствами. Послѣдствіемъ этой стачки было то, что нѣкоторые рабочіе, въ томъ числѣ и я, поняли необходимость серьезно взяться за изученіе экономическихъ вопросовъ; мы рѣшили поэтому собраться по вечерамъ для совмѣстныхъ занятій¹⁾.

Незачѣмъ добавлять, что группа стала анархистской.

Такъ постоянно и происходитъ. Дѣятельный и интеллигентный рабочій поддерживаетъ программу какой-нибудь буржуазной партіи. Буржуа говорятъ о благѣ трудящагося народа, но при первомъ представившемся случаѣ измѣняютъ ему. Рабочій, довѣрившій искренности этихъ господъ, возмущенъ, онъ хочетъ разстаться съ ними и принимаетъ рѣшеніе серьезно изучать „экономическіе вопросы“. Является анархистъ и, ссылаясь на измѣну буржуазіи и на шашки полицейскихъ, начинаетъ увѣрять, что политическая борьба ничто иное, какъ буржуазное вранье, и что для освобожденія рабочихъ необходимо отказаться отъ нея и поставить себѣ цѣлью разрушеніе государства. Рабочій, еще только желавшій „изучать“ эти вещи, приходитъ къ заключенію, что „товарищъ“ правъ, и становится, такимъ образомъ, убѣжденнымъ и преданнымъ анархистомъ. Что случилось бы, если бъ онъ простеръ немного дальше изученіе социальныхъ наукъ? Что случилось бы, если бы онъ продолжалъ его и понялъ, что „товарищъ“—только самоувѣренный невѣжда, говорящій на вѣтеръ, что „идеаль“ анархиста несостоятеленъ, что кромѣ буржуазной политики—и какъ противоположность ея—существуетъ *политика пролетаріата*, которая положить конецъ капиталистическому обществу? Онъ сталъ бы социалдемократомъ.

Поэтому, чѣмъ больше распространяются наши идеи въ рабочемъ классѣ—а онѣ въ рядахъ рабочихъ распространяются все болѣе и болѣе,—тѣмъ все менѣе склонны пролетаріи слѣдовать за такими „товарищами“. Анархизмъ—мы не говоримъ объ „ученыхъ“ акробатахъ—будетъ все болѣе и болѣе превращаться въ *буржуазный спортъ*, предназначенный доставлять „*сильныя ощущенія*“ индивидуумамъ, слишкомъ много вкусившимъ отъ свѣтскихъ и полусвѣтскихъ удовольствій.

И когда пролетаріатъ станетъ господиномъ положенія, достаточно ему будетъ нахмурить брови, чтобы заставить замолчать всѣхъ „товарищей“, даже самыхъ „красивыхъ“. Ему достаточно будетъ дунуть,—и анархистская пыль исчезнетъ.

¹⁾ Смори „Le Procès des anarchistes devant la police correctionnelle et le cours d'appel de Lyon. Lyon, 1883, p. 90—91.

Г. В. Плехановъ.

РУССКІЙ РАБОЧИЙ

ВЪ

РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Перепечатано
«Соціалъдемократъ».

Типографія И. Люндорфъ, Спб., Морская, 19

Э. Рабкин

Первый рабочий-революционеръ, съ которымъ столкнула меня судьба, былъ довольно извѣстный когда то въ русской революціонной средѣ Митрофановъ, въ послѣдствіи умершій въ тюрьмѣ отъ чахотки. Я познакомился съ нимъ у студентовъ медицинской академіи братьевъ Х., въ концѣ 1875 года. Митрофановъ былъ уже тогда «нелегальнымъ» и жилъ у братьевъ Х., скрываясь отъ полиціи. Какъ и всѣ студенты-революціонеры того времени, я конечно, былъ большимъ народолюбомъ и собирался «итти въ народъ», понятіе о которомъ было у меня, однако,—опять таки какъ и у всѣхъ насъ, студентовъ-революціонеровъ того времени—очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Любя «народъ», я зналъ его очень мало, а лучше сказать не зналъ совсѣмъ, хотя и выросъ въ деревнѣ. Когда я въ первый разъ встрѣтился съ Митрофановымъ и узналъ, что онъ рабочий, т. е. одинъ изъ представителей «народа», въ моей душѣ шевельнулось смѣшанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я въ чемъ нибудь передъ нимъ провинился. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но въ то же время я рѣшительно не зналъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ стану съ нимъ разговаривать. Мнѣ казалось, что языкъ нашего брата студента будетъ совершенно непонятенъ этому «сыну народа», и что въ разговорѣ съ нимъ я долженъ держаться того нелѣпаго, переряженного слога, которымъ были написаны многія изъ нашихъ революціонныхъ брошюръ. Къ счастью, Митрофановъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ заговорилъ первый, и, не помню уже какъ, разговоръ перешелъ на революціонную литературу. Я увидѣлъ, что мой собесѣдникъ читалъ не однѣ только ряженныя брошюры. Ему знакомы были сочиненія Чернышевскаго, Бакунина, Лаврова, и онъ умѣлъ отнестись къ

нимъ критически. Журналъ и газета «Впередь!» казались ему недостаточно революціонными. Онъ склонялся къ «бунтарству» и отстаивалъ этотъ способъ дѣйствій съ помощью тѣхъ же самыхъ доводовъ, которые приводились обыкновенно «бунтарями»-студентами. Удивленію моему не было границъ. Личность Митрофанова рѣшительно не входила въ узкія рамки моего сентиментальнаго представленія о «народѣ». За то тѣмъ болѣе заинтересовала она меня. Я сталъ часто встрѣчаться съ Митрофановымъ и жадно разспрашивалъ его объ его революціонной дѣятельности въ народной средѣ. Изъ всѣхъ слоевъ народа ближе всего ко мнѣ, по моему тогдашнему положенію, были, конечно, петербургскіе рабочіе, и вотъ я засыпалъ своего новаго знакомаго вопросами о томъ, что представляютъ они собою. Митрофановъ относился къ нимъ отрицательно. Изъ его словъ выходило, что настоящій народъ это крестьянство, городскіе же рабочіе въ значительной степени развращены и процикнуты буржуазнымъ духомъ, вслѣдствіе чего революціонеры должны итти въ деревню. Подобные отзывы, вполне соотвѣтствовавшіе нашимъ собственнымъ представленіямъ о народѣ, не могли возбудить во мнѣ склонности къ ближайшему знакомству съ петербургской рабочей средой, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Митрофановъ оставался единственнымъ, лично извѣстнымъ мнѣ рабочимъ. А между тѣмъ, въ то время велась въ этой средѣ довольно дѣятельная пропаганда, въ которой и мнѣ пришлось вскорѣ принять посильное участіе.

Въ самомъ началѣ 1876 года случилось такъ, что не было подходящей квартиры для революціонной рабочей сходки. У меня на Петербургской Сторонѣ была прекрасная, большая комната и очень добрая хозяйка-чухонка, рѣшительно не понимавшая, что можетъ быть предосудительнаго въ многочисленныхъ вечернихъ собраніяхъ молодежи. Опасаться какихъ-либо доносовъ съ ея стороны не было основаній. Напротивъ, «въ случаѣ чего», она первая постаралась бы предупредить и выручить изъ бѣды своего постояльца. Объ этихъ доблестяхъ моей хозяйки знали всѣ мои знакомые революціонеры, между которыми были люди, занимавшіеся пропагандой въ средѣ рабочихъ. Разумѣется, по добродушному революціонному обычаю, люди эти, до поры до времени, держали свои занятія въ тайнѣ отъ меня, непо-

священнаго. Но такъ какъ у нихъ не было причинъ не до-
вѣрять мнѣ, то они и открылись тотчасъ, какъ только
имъ представилась надобность, — если не лично во мнѣ, то
въ моей комнатѣ. На вопросъ, можетъ-ли собраться у меня
рабочая сходка, я отвѣчалъ полнѣйшимъ согласіемъ, и, не-
смотря на заимствованное отъ Митрофанова предубѣжденіе
противъ городскихъ рабочихъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ на-
значеннаго для сходки времени.

Дѣло было подъ какой то большой праздникъ. Около
8 часовъ вечера ко мнѣ пришло сначала человѣкъ 5—6
интеллигентныхъ «революціонеровъ» — нѣкоторыхъ изъ нихъ
я видѣлъ тогда въ первый разъ, — а затѣмъ стали соби-
раться рабочіе. Собраніе было открыто, какъ это водилось,
и вѣроятно до сихъ поръ водится въ Россіи, безъ всякихъ
формальностей. Частныя бесѣды, перейдя къ предмету
сходки, мало по малу перешли въ общій разговоръ, и каж-
дый, желавшій что нибудь сказать, вставлялъ свое замѣчаніе,
ни мало не справляясь о томъ, кому въ данную минуту
«принадлежитъ слово». «Слово» принадлежало всѣмъ вообще
и никому въ частности. Благодаря этому, пренія много
теряли въ смыслѣ порядка, но съ другой стороны не мало
выигрывали въ смыслѣ задушевности. Состоявшаяся у меня
сходка имѣла важное значеніе. Какъ разъ въ то время
вырабатывалась программа «*бунтарей*» — *народниковъ*. Боль-
шинство революціонеровъ изъ «интеллигенціи» думало, что
главныя силы русской социалистической партіи должны
быть направлены на «*агитацію на почвѣ существующихъ*
народныхъ требованій»; а за «*пропаганду*» стояли только
такъ называвшіеся «*лавристы*», люди мало дѣятельные и
потому мало вліятельные въ революціонной средѣ. Въ ка-
чествѣ бунтарей, бывшіе у меня на сходкѣ «интеллигенты»
старались склонить рабочихъ на путь «агитаціи». Рабочіе
вообще плохо схватывали отличительные признаки различ-
ныхъ революціонныхъ программъ; «интеллигенціи» нужно
было положить много труда, прежде чѣмъ тотъ или другой
изъ нихъ постигалъ, наконецъ, спорные программные вопросы,
подобно Митрофанову, до тонкости. Но это я замѣтилъ
уже впослѣдствіи. Теперь же видѣлъ только, что на доводы
бунтарей рабочіе поддаются довольно туго. Нужно замѣтить,
что у меня собрались лучшіе, наиболѣе надежныя и влія-
тельные люди изъ петербургскихъ рабочихъ-революціоне-

ровъ. Многіе изъ нихъ уже подвергались преслѣдованіямъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ 73—74 годовъ (изъ котораго выросъ потомъ знаменитый процессъ 193) и, сидя въ тюрьмѣ, много учились и читали. По выходѣ на волю они опять горячо принялись за революціонную дѣятельность, но смотрѣли на революціонные рабочіе кружки прежде всего какъ на *кружки самообразованія*. Когда бунтари, излагая передъ ними свои взгляды, выразили ту мысль, что «пропаганда» не имѣетъ никакого революціоннаго значенія, рабочіе горячо запротестовали.

— Какъ не стыдно вамъ говорить это—съ жаромъ воскликнулъ нѣкто В., работавшій, если не ошибаюсь, на Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ и только что оставившій Домъ Предварительнаго Заключенія, гдѣ онъ сидѣлъ по дѣлу «чайковцевъ», — каждого изъ васъ, интеллигентовъ, въ пяти школахъ учили, въ семи водахъ мыли, а вѣдь иной рабочій не знаетъ, какъ отворяется дверь школы! Вамъ не нужно больше учиться: вы и такъ много знаете, а рабочимъ безъ этого нельзя!

— Не страшно пропасть за дѣло, когда понимаешь его,—говорилъ молодой, стройный рабочій В. Я—ъ,—а когда пропадаешь неизвѣстно за что, это уже плохо. Мало хорошаго добьетесь вы отъ такого рабочаго, который ничего не знаетъ!

— Каждый рабочій—революціонеръ по самому положенію своему,—возражали бунтари,—развѣ онъ не видитъ, не понимаетъ, что хозяинъ наживаетъ на его счетъ?

— Понимаетъ, да плохо, видитъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ,—стояли на своемъ рабочіе.—Другому кажется, что иначе и быть не можетъ, что такъ ужъ Богу угодно, чтобы терпѣлъ рабочій. А вы покажите ему, что можетъ быть иначе. Тогда онъ станетъ настоящимъ революціонеромъ.

Споръ затянулся на долго. Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на уступки. Рѣшено было не пренебрегать *пропагандой*, но въ то же время не упускать удобныхъ случаевъ для *агитаціи*. Я увѣренъ, впрочемъ, что рабочимъ было очень неясно тогда, какой именно «агитаціи» добиваются отъ нихъ бунтари. Да и у самихъ бунтарей съ этимъ словомъ связывались довольно неопредѣленные представленія.

Какъ бы тамъ ни было, споры прекратились; сходка могла считаться оконченной. Бунтари ушли, ушли также нѣкоторые изъ рабочихъ, но большинство продолжало сидѣть, дѣятельно занимаясь чаепитіемъ. Кто-то сбѣгалъ за пивомъ, произошла легкая выпивка, и разговоръ принялъ шуточный характеръ. В. рассказывалъ разные смѣшные случаи изъ своей тюремной жизни, а В. Я-ъ, тотъ самый В. Я-ъ, который говорилъ, что чедовѣкъ можетъ съ самоотверженіемъ относиться только къ понятному для него дѣлу, — спѣлъ даже пѣсню, сложенную, по его словамъ, колпинскими рабочими послѣ каракозовскаго покушенія. У меня осталось въ памяти только начало этой пѣсни.

Каракозову спасибо,

Веселая компанія засидѣлась у меня далеко за полночь, и я разстался со своими гостями, какъ со старыми пріятелями.

Впечатлѣніе, произведенное ими на меня, было очень сильно. Я совершенно забылъ мрачные отзывы Митрофанова о петербургскихъ рабочихъ. Я видѣлъ и помнилъ только то, что всѣ эти люди, самымъ несомнѣннымъ образомъ принадлежавшіе къ «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, съ которыми я могъ говорить такъ же просто и, слѣдовательно, такъ же искренно, какъ со своими знакомыми студентами. Мало того, на тѣхъ изъ нихъ, которые уже отсидѣли извѣстное время въ тюрьмѣ, я смотрѣлъ снизу вверхъ; «я еще ничѣмъ не доказалъ своей преданности дѣлу, а они успѣли уже постоять за него», говорилъ я себѣ и смотрѣлъ на нихъ почти съ благоговѣніемъ какъ смотреть, вѣроятно, всякій молодой, не бывавшій въ передѣлкахъ революціонеръ на опытнаго, *пострадавшаго за дѣло* товарища. Такое-же впечатлѣніе вынесъ я изъ знакомства съ нелегальнымъ Митрофановымъ; но Митрофанова я считалъ исключеніемъ; теперь я узналъ, что подобныхъ ему исключеній много. Дѣло сближенія съ народомъ, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мнѣ теперь простымъ и легкимъ. Не откладывая его въ долгій ящикъ, я рѣшилъ немедленно же и какъ можно ближе сойтись съ моими новыми знакомыми. Поддержать разъ завязавшіяся сношенія съ ними было тѣмъ

легче, что нѣкоторые изъ нихъ дали мнѣ свои адреса и звали къ себѣ въ гости.

Прежде всего я пошелъ къ нѣкому Г-у, живущему, какъ оказалось, по сосѣдству со мною. Г-ъ былъ оригинальный человѣкъ, едва ли имѣвшій въ своемъ характерѣ хоть одну изъ тѣхъ чертъ, которыя «интеллигенція» такъ любитъ приписывать «народу». Въ немъ не было и слѣда крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать такъ, какъ жили и думали предки. При самыхъ обыкновенныхъ способностяхъ онъ отличался рѣдкой жаждой знанія и по истинѣ удивительной энергіей въ дѣлѣ самообразованія. Работая на заводѣ по 10—11 часовъ въ сутки и возвращаясь домой только вечеромъ, онъ ежедневно просиживалъ за книгами до часу ночи. Читалъ онъ медленно и, какъ я замѣтилъ, не легко усваивалъ прочитанное, но то, что усваивалъ, зналъ очень основательно. Маленькій, слабогрудый и блѣдный, безбородый, съ небольшими тонкими усиками, онъ носилъ длинные волосы и синія очки. Въ зимніе холода онъ, поверхъ короткаго драповаго пальто, накидывалъ широкій пледъ и тогда уже окончательно выглядѣлъ студентомъ. Онъ и жилъ по студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный столъ которой былъ заваленъ книгами. Когда я короче познакомился съ нимъ, я былъ пораженъ разнообразіемъ и множествомъ осаждавшихъ его теоретическихъ вопросовъ. Чѣмъ только не интересовался этотъ человѣкъ, въ дѣтствѣ едва научившійся грамотѣ! Политическая экономія и химія, социальный вопросъ и теорія Дарвина одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе, возбуждали въ немъ одинаковый интересъ, и, казалось, нужны были десятки лѣтъ, чтобы, при его положеніи, хоть немного утолить его умственный голодъ. Меня и обрадовала и вмѣстѣ какъ бы опечалила эта черта его характера. Почему обрадовала—это понятно безъ поясненій; опечалила же потому, что я былъ сильно проникнутъ тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастіе къ книгѣ считалось недостаткомъ, признакомъ холоднаго, нереволюціоннаго темперамента. Впрочемъ, по темпераменту Г-ъ, дѣйствительно, не былъ революціонеромъ. Онъ, навѣрное, всегда лучше чувствовалъ бы себя въ библіотекѣ, чѣмъ на шумномъ политическомъ собраніи. Но отъ товарищей онъ не отста-

валъ, а положиться на него можно было, какъ на каменную гору.

Въ сопровожденіи Г-а я посѣтилъ почти всѣхъ остальныхъ рабочихъ, бывшихъ на вышеописанной сходкѣ въ моей комнатѣ, а затѣмъ уже приобрѣлъ между ними много новыхъ знакомыхъ. Видя какъ заинтересовало меня «рабочее дѣло», бунтари приняли меня въ свой кружокъ, такъ что «занятія съ рабочими» стали съ тѣхъ поръ моей революціонной обязанностью.

II.

Само собою разумѣется, что между рабочими, какъ и повсюду, я встрѣчалъ людей, очень различавшихся между собою по характеру, по способностямъ и даже по образованію. Одни, подобно Г-у, читали очень много, другіе такъ себѣ, не много и не мало, а третьи предпочитали книжкѣ «умные» разговоры за стаканомъ чаю или за бутылкой пива. Но въ общемъ вся эта среда отличалась значительною умственною развитостью и высокимъ уровнемъ своихъ житейскихъ потребностей. Я съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти рабочіе живутъ нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ каждый изъ нихъ зарабатывалъ отъ 1 р. 25 к. до 2 рублей въ день. Разумѣется, и на этотъ, сравнительно хорошій, заработокъ, не легко было существовать семейнымъ людямъ. Но холостые—а они составляли между знакомыми мнѣ рабочими большинство—могли расходовать вдвое больше небогатаго студента. Были среди нихъ и настоящіе богачи, въ родѣ механика С., ежедневный заработокъ котораго доходилъ до трехъ рублей. С. жилъ на Васильевскомъ Островѣ вмѣстѣ съ В. (который на сходкѣ у меня такъ горячо отстаивалъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ). Эти два друга занимали прекрасно меблированную комнату, покупали книги и любили иногда побаловать себя бутылкой хорошаго вина. Одѣвались они, въ особенности С., настоящими франтами. Впрочемъ, всѣ рабочіе этого слоя одѣвались несравненно лучше, а главное, опрятнѣе, чище нашего брата студента. Каждый изъ нихъ имѣлъ для большихъ оказій хорошую черную пару и когда

облекался въ нее, то выглядѣлъ «бариномъ» гораздо больше любого студента. Революціонеры изъ «интеллигенціи» часто и горько упрекали рабочихъ за «буржуазную» склонность къ франтовству, но не могли ни искоренить, ни даже хотя бы отчасти ослабить эту будто бы вредную склонность. Привычка и здѣсь оказывалась второй натурой. Въ дѣйствительности, рабочіе заботились о своей наружности не больше, чѣмъ «интеллигенты» о своей, но только заботливость ихъ выражалась иначе. Интеллигентъ любилъ принарядиться по «*демократически*» въ красную рубаху или въ засаленную блузу, а рабочій, которому засаленная блуза надоѣла и намозолила глаза въ мастерской, любилъ, придя домой, одѣться въ чистое, какъ намъ казалось, въ *буржуазное* платье. Своимъ, часто преувеличенно небрежнымъ, костюмомъ интеллигентъ протестовалъ противъ свѣтской хлыщеватости; рабочій-же, заботясь о чистотѣ и нарядности своей одежды, протестовалъ противъ тѣхъ общественныхъ условій, благодаря которымъ онъ слишкомъ часто видитъ себя *вынужденнымъ* одѣваться въ грязныя лохмотья. Теперь, вѣроятно, всякій согласится, что этотъ второй протестъ много серьезнѣе перваго. Но въ то время дѣло представлялось намъ иначе: пропитанные духомъ аскетическаго социализма, мы готовы были проповѣдывать рабочимъ то самое «отсутствіе потребностей», въ которомъ Лассаль видѣлъ одно изъ главныхъ препятствій для успѣха рабочаго движенія.

Чѣмъ больше знакомился я съ петербургскими рабочими, тѣмъ больше поражался ихъ культурностью. Войкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были *горожанами* въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Многіе изъ насъ держались тогда того мнѣнія, что «спропагандированные» городскіе рабочіе должны идти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или иной революціонной программы. Мнѣніе это раздѣлялось и нѣкоторыми рабочими. Я уже сказалъ, какъ исключительно стоялъ Митрофановъ за дѣятельность въ деревнѣ. Такой взглядъ былъ непосредственнымъ и неизбежнымъ плодомъ нарождавшагося тогда народничества, съ его презрѣніемъ къ городской цивилизаціи, съ его идеализаціей крестьянскаго быта. Господствовавшія въ средѣ революціонной интеллигенціи народническія идеи есте-

ственно налагали свою печать также и на *взгляды* рабочихъ. Но *физически* ихъ онѣ передѣлать не могли, и потому настоящіе городскіе рабочіе, т. е. рабочіе, совершенно свыкшіеся съ условіями городской жизни, въ большинствѣ случаевъ оказывались непригодными для деревни. Сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ революціонерамъ. „интеллигентамъ“. Горожанинъ, если только онъ не „кающійся дворянинъ“ и не совсѣмъ проникся вліяніемъ дворянъ этого разряда, всегда смотритъ сверху внизъ на деревенскаго человѣка. Именно такъ смотрѣли на этого человѣка петербургскіе рабочіе. Они называли его *стырымъ* и въ душѣ всегда нѣсколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бѣдствіямъ. Въ этомъ отношеніи Митрофановъ, съ его нелюбовью къ городу, представлялъ собою несомнѣнное исключеніе изъ общаго правила. Но Митрофановъ, по своей *нелегальности*, долго жилъ среди „интеллигенціи“ и совершенно проникся всѣми ея чувствами.

Нужно сказать и то, что между петербургскими рабочими деревенскій человѣкъ нерѣдко являетъ собою довольно жалкую фигуру. На Василеостровскій патронный заводъ поступилъ, въ качествѣ смазчика, крестьянинъ Смоленской губерніи С.. На этомъ заводѣ у рабочихъ было свое потребительное товарищество и своя столовая, служившая въ то-же время читальней, такъ какъ она была снабжена почти всѣми столичными газетами. Дѣло было въ разгарѣ герцеговинскаго возстанія. Новый смазчикъ отправился ѣсть въ общую столовую, гдѣ за обѣдомъ газеты читались, по обыкновенію, вслухъ. Въ тотъ день, не знаю ужъ въ какой газетѣ, шла рѣчь объ одномъ изъ «славныхъ защитниковъ Герцеговины». Деревенскій человѣкъ вмѣшался въ поднявшіеся по этому поводу разговоры и высказалъ неожиданное предположеніе о томъ, что «онъ, должно быть, любовникъ ейный».

— Кто? Чей?—спросили удивленные собесѣдники.

— Да герцогининъ-то защитникъ; съ чего жъ бы сталъ онъ защищать ее, кабы промежъ нихъ ничего не было?

Присутствующіе разразились громкимъ хохотомъ. «Такъ по твоему Герцеговина не страна, а баба — восклицали они — ничего-то ты не понимаешь, прямая деревенщина!» — Съ тѣхъ поръ за нимъ надолго установилось прозвище — *стырый*. Это прозвище очень удивило меня, когда я познакомился съ

нимъ глубокой осенью 1876 года, и когда онъ былъ уже убѣжденнымъ революціонеромъ и самымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ.

— Почему вы такъ называете его?—спросилъ я рабочихъ.

— Да какъ-же, вѣдь онъ какую штуку отмочилъ у насъ въ столовой; вѣдь онъ думалъ...—послѣдовалъ рассказъ о герцогининомъ любовникѣ.

— Ну что жъ, ну ошибся,—добродушно оправдывался смазчикъ,—вѣдь я что-же понималъ тогда?

Подобныя происшествія подавали поводъ лишь къ насмѣшкѣ. Но между «сѣрыми людьми» и петербургскими рабочими происходили иногда недоразумѣнія гораздо болѣе печальнаго свойства. По дѣлу о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ попалъ въ тюрьму рабочій Б-нъ, родомъ изъ Новгородской или Петербургской губерніи. Выпущенный послѣ почти двухлѣтняго заключенія, Б-нъ отправился на родину, если не ошибаюсь, для перемѣны паспорта. Тотчасъ по его приходѣ, онъ былъ засаженъ въ «холодную», а затѣмъ «старички» рѣшили «постегать малаго» за недоимки. Ему сообщили объ этомъ рѣшеніи, какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ и совершенно неизбѣжномъ.

— Да вы съ ума сошли—возопилъ Б-нъ—да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы-то головъ не снесите: самъ пропаду, да ужъ и вы пожалѣете, что связались со мною!

«Старички» трусили. Они рѣшили, что совсѣмъ ошалѣлъ ихъ «острожникъ» и что лучше, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ «не путаться». Такъ и ушелъ Б-нъ изъ родной деревни, не вкусивъ благодѣтельныхъ лозановъ. Но онъ уже никогда не могъ забыть этого происшествія.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ намъ,—я по прежнему готовъ заниматься прапагандой между рабочими, но въ деревню никогда и ни за что не пойду. Незачѣмъ. Крестьяне—бараны, они никогда не поймутъ революціонеровъ.

Я не разъ замѣчалъ, что на тѣлесное наказаніе рабочіе смотрятъ, какъ на крайнюю степень униженія чело-вѣческаго достоинства. Иногда они съ негодованіемъ показывали мнѣ газетныя сообщенія о поркахъ крестьянъ, и я всегда затруднялся рѣшить, что больше возмущаетъ ихъ: свирѣпость истязующихъ или безотвѣтная покорность истязуемыхъ.

Когда сложившееся въ 1876 году, общество «Земля и Воля» стало заводить свои революціонныя поселенія «въ народѣ», намъ удалось склонить къ переѣзду въ Саратовскую губернію нѣкоторыхъ петербургскихъ рабочихъ. Это были испытанные люди, добрая воля которыхъ не могла подлежать сомнѣнію. Но попытки ихъ устроиться въ деревнѣ не привели ни къ чему. Побродивъ по деревнямъ, съ цѣлью высмотрѣть подходящее мѣсто для своего поселенія, (причемъ нѣкоторые изъ нихъ были приняты крестьянами за нѣмцевъ); они махнули рукой на это дѣло и кончили тѣмъ, что вернулись въ Саратовъ, гдѣ завели сношенія съ мѣстными рабочими. Какъ ни удивляла насъ эта отчужденность отъ «народа» его городскихъ дѣтей, но фактъ былъ на-лицо, и мы должны были оставить мысль о привлеченіи рабочихъ къ собственно крестьянскому дѣлу.

Прошу читателя имѣть въ виду, что я говорю здѣсь о такъ называемыхъ заводскихъ рабочихъ, составляющихъ значительную часть петербургскаго рабочаго населенія и сильно отличающихся отъ фабричныхъ, какъ по своему сравнительно сносному экономическому положенію, такъ и по своимъ привычкамъ. Фабричный работаетъ больше (12—14 часовъ въ день) и получаетъ меньше заводскаго (18—25 р. въ мѣсяцъ). Онъ носитъ ситцевую рубаху и долгополую поддевку, надъ которыми подсмѣивается заводскій рабочій. Онъ не имѣетъ возможности нанимать отдѣльную квартиру или комнату, а живетъ въ общемъ артельномъ помѣщеніи. У него болѣе прочныя связи съ деревней, чѣмъ у заводскаго рабочаго. Онъ знаетъ и читаетъ гораздо меньше, чѣмъ заводскій, и вообще онъ ближе къ крестьянину. Заводскій рабочій представляетъ собою что то среднее между „интеллигентомъ“ и фабричнымъ; фабричный—что-то среднее между крестьяниномъ и заводскимъ рабочимъ. Къ кому онъ ближе по своимъ понятіямъ, къ крестьянину или къ заводскому,—это зависитъ отъ того, какъ долго прожилъ онъ въ городѣ. Только что пришедшій изъ деревни фабричный, разумѣется, остается въ теченіе нѣкотораго времени настоящимъ крестьяниномъ. Онъ жалуется и не на хозяйскую прижимку, а на тяжелыя подати, да на крестьянское малоземелье. Пребываніе въ городѣ кажется ему временной и притомъ очень непріятной необходимостью. Но мало по малу городская жизнь,

подчиняетъ его своему вліянiю: незамѣтно для себя, онъ приобретаетъ привычки и взгляды горожанина. Проработавъ въ городѣ нѣсколько лѣтъ, онъ уже плохо чувствуетъ себя въ деревнѣ и неохотно возвращается въ нее, въ особенности, если ему удалось столкнуться съ «умственными» людьми, и онъ заинтересовался книжкой. Я знавалъ такихъ фабричныхъ, которые, будучи принуждены вернуться на время домой, ѣхали туда, какъ въ ссылку, а возвращались назадъ, подобно заводскому рабочему Б-ну, рѣшительными недругами «деревенщины». Причина была всегда одна и та же: деревенскіе нравы и порядки становились невыносимы для человѣка, личность котораго начинала хоть немного развиваться. И чѣмъ даровитѣе былъ рабочій, чѣмъ больше думалъ и учился онъ въ городѣ, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе разрывалъ онъ съ деревней, Фабричный, нѣсколько лѣтъ принимавшій участіе въ революціонномъ движеніи, обыкновенно, не могъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ выжить у себя на родинѣ. Иногда отношенія такихъ рабочихъ къ ихъ старикамъ родителямъ принимали положительно трагическій характеръ. «Отцы» горько плакали на непочтительность «дѣтей», а дѣти съ тяжелымъ сердцемъ убѣждались, что стали въ семьѣ совершенно чужими, и ихъ неудержимо тянуло въ городъ, въ тѣсныя, дружескіе кружки товарищей-революціонеровъ.

Едва-ли нужно объяснять, гдѣ причина лучшаго экономического положенія заводскихъ рабочихъ. Она заключается въ свойствахъ ихъ труда. Можно легко и скоро научиться хорошо работать на фабрикѣ, на прядильномъ или ткацкомъ станкѣ. Для этого достаточно нѣсколькихъ недѣль. Но для того, чтобы сдѣлаться столяромъ, токаремъ или слесаремъ, нужно, по крайней мѣрѣ, около года. Рабочій, знающій одно изъ этихъ ремеслъ, считается уже «мастеровымъ человѣкомъ», и именно такіе мастерские нужны для заводовъ *). Несомнѣнно также, что не остаются безъ вліянія въ этомъ случаѣ и наши знаменитые «устои». Нужда и необходимость платить подати, часто во много разъ превышающія доходность крестьянскихъ надѣ-

*) Т. е. для механическихъ заводовъ. О кирпичныхъ, сахарныхъ и т. п. я не говорю. На нихъ работаютъ настоящіе крестьяне.

ловъ, ежегодно выгоняють изъ деревень массу «общинниковъ», которые со всѣхъ сторонъ стремятся на фабрики, своимъ соперничествомъ страшно понижая заработную плату. На заводахъ этотъ наплывъ менѣе ощутителенъ, такъ какъ туда рѣдко удастся попасть человѣку безъ специальной подготовки. Пригомъ же, многіе изъ заводскихъ рабочихъ—городскіе мѣщане, т. е. люди, имѣющіе рѣдко достоящееся на долю русскаго работника счастье быть пролетаріями, и потому не обязанные прямыми платежами по отношенію къ государству. Разумѣется, и одного голода болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы поставить продавца рабочей силы въ условія, очень невыгодныя для ея продажи. Но у «крѣпкихъ землѣ» фабричныхъ къ голоду присоединяется еще и *податной гнетъ*. Государство лишаетъ ихъ всякой возможности даже съ голодомъ бороться иначе, какъ со связанными руками.

Въ качествѣ коренныхъ горожанъ, многіе заводскіе рабочіе съ дѣтства имѣють гораздо больше средствъ къ образованію, чѣмъ фабричные. Между знакомыми мнѣ заводскими рабочими я не встрѣчалъ людей, совершенно не бывшихъ въ школѣ. Одни изъ нихъ учились въ обыкновенныхъ городскихъ первоначальныхъ школахъ, другіе въ школахъ Техническаго и Человѣколюбиваго Общества. Я совсѣмъ не знакомъ со школами Человѣколюбиваго Общества (слышалъ только отъ рабочихъ, что одна изъ нихъ имѣетъ нѣсколько классовъ), но школы Техническаго Общества извѣстны мнѣ очень хорошо. Бѣдно обставленныя, онѣ все таки недурно дѣлають свое дѣло, обучая заводскую молодежь чтенію, письму и ариѳметикѣ. Для взрослыхъ рабочихъ въ этихъ школахъ устраиваются, или, по крайней мѣрѣ, устраивались субботнія (вечернія) и воскресныя (утреннія) чтенія по космографіи и по другимъ естественнымъ наукамъ. На чтенія эти всегда являлась многочисленная публика, и нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушала она учителя! Я самъ не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ послѣ урока пожилые рабочіе подходили къ учителю и горячо благодарили за его трудъ: «очень ужъ интересно, говорили они, большое вамъ спасибо ото всѣхъ насъ». На нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе-пропагандисты сдѣлали такое замѣчаніе: если человѣкъ не ходитъ на чтенія то на него надежды мало; и наоборотъ:

чѣмъ внимательнѣе слѣдить онъ за ними, тѣмъ съ большею увѣренностью можно сказать, что онъ станетъ современемъ надежнымъ революціонеромъ. Этой примѣтой они неизмѣнно руководствовались въ дѣлѣ привлеченія къ своимъ кружкамъ новыхъ членовъ.

Нѣкоторые изъ заинтересовавшихся книжкой рабочихъ не прочь были иногда и сами взяться за перо. На Василеостровскомъ патронномъ заводѣ въ теченіе нѣкотораго времени рабочими велся рукописный журналъ,—родъ рѣзкой сатирической лѣтописи заводской жизни. Доставалось въ немъ больше всего заводскому начальству, но иногда бичъ рабочей сатиры хваталъ и выше. Такъ, напримѣръ, помню, журналъ доводилъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что въ правительственныхъ сферахъ обсуждается проектъ закона, въ силу котораго будутъ получать особыя награды предприниматели, въ теченіе года изувѣчившіе на своихъ фабрикахъ и заводахъ наибольшее число рабочихъ («награды будутъ соразмѣрны количеству оторванныхъ пальцевъ, рукъ и носовъ», говорилось въ этомъ сообщеніи). Эта горькая насмѣшка мѣтко характеризовала положеніе дѣлъ въ странѣ, законодательство которой, заботливо охраняя интересы нанимателей, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пренебрегаетъ интересами нанимаемыхъ.

Рабочая молодежь,—подростки и дѣти, насколько—я замѣтилъ, отличаются гораздо большею самостоятельностью, чѣмъ молодежь высшихъ классовъ. Жизнь въ болѣе раннемъ возрастѣ и съ большею суровостью толкаетъ ихъ на борьбу за существованіе, чѣмъ и налагаетъ особую печать находчивости и закаленности на тѣхъ изъ нихъ, которымъ удастся спастись отъ преждевременной гибели. Я зналъ тринадцатилѣтняго мальчугана, круглаго сироту, который, работая въ Галерной Гавани на заводѣ Макферсона, жилъ одинъ-одинешенекъ, повидимому, не чувствуя ни малѣйшей нужды въ какой либо посторонней поддержкѣ. Онъ самъ рассчитывался съ конторой и самъ, безъ чужихъ указаній, умѣлъ соблюдать равновѣсіе въ своемъ маленькомъ бюджетѣ. Не знаю, былъ-ли у него опекуны: это какъ то слишкомъ нѣжно для рабочаго; но если и былъ, то, навѣрное, не много имѣлъ хлопотъ съ опекаемымъ.

Столкновенія съ мастерами и хозяевами развиваютъ въ рабочей молодежи замѣчательное единодушіе. Весною

1878 года, во время стачки на Новой Бумагопрядильнѣ, было арестовано и посажено въ участокъ нѣсколько малолѣтнихъ фабричныхъ. Товарищи ихъ, такіе же малолѣтніе и такіе же «бунтовщики», какъ и арестованные, немедленно отправились толпою въ участокъ, требуя ихъ освобожденія. Вышла своеобразная дѣтская демонстрація. Взрослые рабочіе не принимали въ ней никакого участія. Они только наблюдали ее издали: «вишь, какъ наши ребятишки-то дѣйствуютъ, одобрительно говорили они, ничего, пускай учатся». Впрочемъ, въ данномъ случаѣ учиться ребятишкамъ было нечему: они и безъ того принимали въ стачкѣ самое дѣятельное и самое полезное участіе, прекрасно понимая въ чемъ дѣло. Когда на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни происходили большія собранія стачечниковъ, малолѣтніе играли обыкновенно роль казачьихъ разъѣздовъ. Они какимъ то чутьемъ узнавали о приближеніи непріятеля и немедленно доводили о немъ до свѣдѣнія старшихъ. «Приставъ ѣдетъ! приставъ ѣдетъ!» со всѣхъ сторонъ кричали звонкіе дѣтскіе голоса, и, извѣщенное во время, собраніе расходилось. Когда приставъ появлялся на мѣсто дѣйствія, то хватать было уже некого. Взрослая полиція страшно злобилась на эту малолѣтнюю полицію рабочихъ. Многіе изъ этихъ маленькихъ стачечниковъ были подвергнуты тогда «исправительному наказанію при полиціи». Не думаю, однако, чтобы наказаніе «исправило» ихъ въ желательномъ для начальства смыслѣ.

Много интереснаго могъ бы подмѣтить въ рабочей средѣ такой тонкій наблюдатель, какъ Г. И. Успенскій. Но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали и не обращаютъ на нее никакого вниманія. Для нихъ «народъ» кончается тамъ, гдѣ исчезаетъ крестьянская непосредственность, и гдѣ завѣщанная предками философія Ивана Ермалаевича разлагается подъ вліяніемъ пробудившейся мысли работника. Правда, въ семидесятыхъ годахъ этимъ грѣхомъ грѣшны были не одни беллетристы-народники, вообще, не одна «легальная» литература. «Нелегальные» писатели съ своей стороны не мало содѣйствовали ложной идеализаціи крестьянства и торжеству самобытныхъ теорій «русскаго социализма», никогда не умѣвшего взглянуть на рабочій вопросъ съ правильной точки зрѣнія. Проникнутые народническими предразсудками, всѣ мы видѣли тогда въ

торжествъ капитализма и въ развитіи пролетаріата величайшее зло для Россіи. Благодаря этому, наше отношеніе къ рабочимъ всегда было двойственнымъ и совершенно не послѣдовательнымъ. Съ одной стороны, въ своихъ программахъ, мы не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упованія исключительно на крестьянскіе бунты; а съ другой—мы все-таки считали нужнымъ «заниматься съ рабочими», и не могли отказаться отъ этого дѣла уже по одному тому что оно, при несравненно меньшей затратѣ силъ, оказывалось несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ наши излюбленные «поселенія въ народѣ». Но, идя къ рабочимъ не то чтобы противъ воли, а, такъ сказать, *противъ теоріи*, мы, разумѣется, не могли хорошо выяснить имъ то, что Лассаль называлъ *идеей рабочаго сословія*. Мы проповѣдывали имъ не социализмъ и даже не либерализмъ (это было бы еще полъ бѣды), а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать «буржуазныя» политическія права и «буржуазную» политическую свободу и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и «бунтарскимъ» духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, социальнo-политическая задача пролетарія. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ, и читатель увидитъ ниже, что когда рабочіе додумались до этого, то ужаснулись всѣхъ правовѣрныхъ «интеллигентовъ».

Здѣсь надо оговориться. Сказанное мною объ отношеніи интеллигенціи къ рабочему вопросу касается только бунтарей-«землевольтевъ» и лицъ, стоявшихъ на ихъ, т. е. на народнической, точкѣ зрѣнія. Рядомъ съ ними дѣйствовали еще «лавристы». Люди этого направленія были тогда въ меньшинствѣ и быстро сходили со сцены. Но надо отдать имъ справедливость: *ихъ* пропаганда, вѣроятно, была разумнѣе нашей. Правда, и они, подобно намъ, отрицали «буржуазную» политическую свободу, и они, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, готовы были трепетать за участь «устоевъ». Въ ихъ взглядахъ было тоже много непослѣдо-

ательности, но ихъ непоследовательность имѣла одну счастливую особенность: отрицая «политику», они съ величайшимъ сочувствіемъ относились къ нѣмецкой социальной демократіи. Нельзя имѣть высокаго мнѣнія о логичности человѣка, тридающаго «политику» и въ то же время сочувствующаго нѣмецкой социальной демократіи. Но своими разсказами обѣй послѣдней, такой человѣкъ можетъ заронить сѣмя здравыхъ понятій въ другія головы, которыя, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, сумѣютъ вполне усвоить социаль-демократическую программу или хотя приблизиться къ ней въ болѣе или меньшей степени. Въ такомъ случаѣ, за нимъ остается все-таки не малая заслуга. Именно такую заслугу и нужно признать за лавристами. Вспоминая теперь лекціи, читанныя въ рабочихъ кружкахъ «бунтарями», я думаю, что существенную пользу рабочіе могли выносить только изъ лекцій политической экономіи покойнаго И. Ѳ. Фесенко. Этотъ, въ сожалѣнію, слишкомъ рано умершій человѣкъ, очень неурно зналъ выбранный имъ предметъ и умѣлъ излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекціи продолжались всего нѣсколько мѣсяцевъ. Съ его отъѣздомъ изъ Петербурга политическая экономія была у насъ совсѣмъ заброшена; на первый планъ выступили «разсказы изъ русской исторіи», сводившіеся, главнымъ образомъ, къ разсказамъ о бунтахъ Разина, Пугачева, да отчасти къ исторіи крестьянства преимущественно по извѣстной книгѣ Бѣляева: *Крестьяне в Руси*. Для уразумѣнія рабочаго вопроса эти «разсказы» ничего не давали. Иногда мы говорили своимъ слушателямъ о Международномъ Обществѣ Рабочихъ, но въ качествѣ бунтарей», разумѣется, превозносили дѣятельность Бакунина, а «централистовъ», т. е. сторонниковъ Маркса и Энгельса, изображали довольно таки злостными реакціонерами. Такое освѣщеніе исторіи Международнаго Общества не могло содѣйствовать политическому развитію нашихъ слушателей. У лавристовъ было хорошо хоть то, что они изображали не въ превратномъ видѣ западно европейское рабочее движеніе, и подъ вліяніемъ ихъ разсказовъ русскій рабочий могъ лучше выяснитъ себѣ свою собственную задачу. Если въ программѣ образовавшагося зимою 78—79 года нѣверно-Русскаго Рабочаго Союза сильно слышалась социаль-демократическая нота, то это кажется, въ значительной степени нужно приписать вліянію лавристовъ.

Но вообще въ роли лектора тогдашній интеллигентъ-революціонеръ былъ не блестящъ по той простой причинѣ, что зналъ онъ мало, а то, что зналъ, не всегда понималъ, какъ слѣдуетъ. Онъ полезенъ былъ рабочимъ больше въ качествѣ удалого добраго молодца, способнаго и книжку запрещенную достать, и паспортъ сдѣлать, и устроить подходящую квартиру для тайныхъ собраній, словомъ, научить всѣмъ тонкостямъ «конспиративнаго» дѣла. Онъ шевелилъ, будилъ и увлекалъ впередъ рабочихъ своею подвижностью, своимъ самоотверженіемъ и безграничной склонностью ко всяческому *отрицанію*. Хотя многіе, въ особенности болѣе развитые рабочіе, иногда скептически относились къ интеллигенту, но обойтись безъ этого незамѣнимаго фактора «конспираціи» они не могли. Подъ вліяніемъ Халтурина и его ближайшихъ товарищей рабочее движеніе Петербурга въ теченіе нѣкотораго времени стало совершенно самостоятельнымъ дѣломъ самихъ рабочихъ. Но и Халтурина постоянно приходилось обращаться къ интеллигенціи за помощью, то въ томъ, то въ другомъ практическомъ дѣлѣ.

Какія книги больше всего читались въ рабочей средѣ? Во всякомъ случаѣ, не тѣ революціонныя брошюры-сказки о четырехъ братьяхъ и о копейкѣ, Мудрица Наумовна и проч., которыя въ особенности предназначались революціонерами для народа. Всѣ онѣ такъ бѣдны содержаніемъ, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотнаго рабочаго не могли. Онѣ годились развѣ только для ничего не читавшихъ новичковъ, да и по отношенію къ тѣмъ служили больше пробнымъ камнемъ ихъ настроенія: если рабочій, прочитавъ такую книжку, не испугался, значитъ—изъ него будетъ толкъ, значитъ, вѣрнопопуданническія чувства и страхъ іудейскій сидятъ въ немъ не глубоко. Если трусилъ, значитъ—иди отъ него подальше или, по крайней мѣрѣ, будь съ нимъ осторожнѣе. Но разъ вы убѣдились въ революціонномъ настроеніи рабочаго, вы должны были—или доставлять для его чтенія болѣе серьезный печатный матеріалъ, или въ личной бесѣдѣ отвѣчать на возникавшіе въ его головѣ вопросы. Только изданная въ Женевѣ книга «Сытые и Голодные», анархическая и по духу и по литературному исполненію, да еще, пожалуй, «Хитрая Механика» считались рабочими болѣе основательнымъ чте-

ніемъ. На всѣ остальные революціонныя брошюры для народа они смотрѣли, какъ на нѣчто слишкомъ уже элементарное. «*Это для сѣрыхъ*», говорили о нихъ заводскіе рабочіе. Вообще я замѣтилъ, что, читая книжку, изданную специально «для народа», способный рабочій чувствуетъ себя какъ бы нѣсколько униженнымъ, поставленнымъ въ положеніе ребенка, читающаго дѣтскую сказку. Ему хочется поскорѣе перейти къ сочиненіямъ, предназначеннымъ для всѣхъ вообще толковыхъ читателей, а не только для «сѣраго» народа. Для многихъ рабочихъ чтеніе серьезныхъ и даже ученыхъ книгъ было своего рода вопросомъ чести. Я помню нѣкогого И. Е., здоровеннаго молотобойца изъ Архангельской губерніи, который съ усердіемъ, достойнымъ болѣе подходящаго для него чтенія, сидѣлъ по вечерамъ надъ „Біологіей“ Спенсера. «Что это вы думаете, что ужъ мы, рабочіе, совсѣмъ дураки», сердито отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я совѣтовалъ ему взять что нибудь полегче. Такіе рабочіе охотно читали все, что печаталось революціонерами для интеллигенціи: «Государственность и Анархію» Бакунина, «Впередь!», «Общину», «Землю и Волю», переизданную въ Петербургѣ брошюру г. Драгоманова: «До чего довоевались?» и т. п. Но тутъ являлась новая бѣда. Въ революціонныхъ изданіяхъ «для интеллигенціи» много и часто говорилось о такихъ вещахъ, которыя не могли имѣть большого интереса для рабочаго. Таковы были, на примѣръ, специально «интеллигентные» вопросы о «долгѣ образованныхъ классовъ народу» и о вытекающихъ изъ этого долга нравственныхъ обязательствахъ, объ отношеніи революціонеровъ къ «обществу» и споры о «программахъ», т. е. иначе сказать, споры о томъ, какъ легче и удобнѣе воздѣйствовать на народъ и, между прочимъ, на того же рабочаго. Къ такимъ программнымъ спорамъ, какъ уже сказано, рабочіе относились довольно равнодушно, хотя для нихъ было далеко не все равно, въ какую сторону направится ихъ собственная революціонная дѣятельность. «Нѣтъ, не для насъ этотъ журналъ, — нашъ журналъ долженъ вестись совсѣмъ иначе», часто говорилъ мнѣ Халтуринъ по поводу «Земли и Воли». И онъ былъ, разумѣется, совершенно правъ: «Земля и Воля» — какъ и «Община», какъ и «Впередь!» — не могла быть рабочей газетой ни по содержанію, ни по направленію.

Спрашивая рабочихъ, чего именно требуютъ они отъ революціонной литературы, я получилъ самые разнообразныя отвѣты. Въ большинствѣ случаевъ, каждому изъ нихъ хотѣлось, чтобы она разрѣшила вопросы, почему нибудь занимавшіе его въ данное время. А вопросовъ этихъ черезъ голову мыслящихъ рабочихъ проходило многое множество, и у каждаго рабочаго, смотря по его наклонностямъ и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Одинъ больше всего интересовался вопросомъ о богѣ и утверждалъ, что революціонная литература должна направить главныя свои усилія на разрушеніе религіозныхъ вѣрованій народа. Другихъ интересовали преимущественно историческіе, политическіе или естественно-научные вопросы. Въ числѣ моихъ пріятелей-фабричныхъ былъ даже такой, котораго особенно занималъ женскій вопросъ. Онъ находилъ, что рабочіе не уважаютъ женщины и обращаются съ ней, какъ съ низшимъ существомъ. По его словамъ, многіе женатые рабочіе даже удаляли своихъ женъ, когда гости ихъ заводили революціонные разговоры; не нужно, молъ, путать бабъ въ это дѣло. Поэтому у женщинъ не было никакихъ общественныхъ интересовъ, что, въ свою очередь, вредно отзывалось на мужчинахъ, которыхъ онъ, по своей неразвитости, всегда старались отвлечь отъ опаснаго революціоннаго дѣла. Мой пріятель никогда не упускалъ случая «спропагандировать» женщину и всѣми силами старался заводить особые революціонные кружки между работницами. Своимъ товарищамъ онъ очень энергично, т. е., не отступая передъ употребленіемъ крѣпкаго слова внушалъ достойныя развитыхъ людей взгляды на женщинъ. Занятый своей идеей, онъ, естественно, требовалъ помощи отъ революціонной литературы и сожалѣлъ, что она слишкомъ мало занимается женскимъ вопросомъ.

Замѣчу мимоходомъ, что этотъ горячій сторонникъ женскаго освобожденія принадлежалъ къ числу тѣхъ фабричныхъ, для которыхъ жизнь въ деревнѣ стала совершенно немыслимой. Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ еще очень молодымъ парнемъ, но считался уже «старымъ» революціонеромъ, такъ какъ былъ «спропагандированъ» еще Чайковцами. Въ 73 или въ 74 году совсѣмъ мальчикомъ попалъ онъ въ тюрьму, гдѣ прекрасно держалъ себя и пристрастился къ чтенію. По выходѣ на волю,

онъ не разъ ѣздилъ въ Тверскую губернію къ своимъ роднымъ, но ладу съ ними у него уже не было. Они называли его студентомъ и считали пропащимъ человѣкомъ. Онъ поражалъ ихъ и привычками, и взглядами, и непочтительнымъ отношеніемъ къ начальству. Впрочемъ, они утѣшали себя пословицей: женится—перемѣнится, и едва стукнуло ему 18 лѣтъ, «приглядѣли» ему невѣсту. А онъ какъ разъ въ это время увлекся женскимъ вопросомъ и не допускалъ даже мысли о томъ, что порядочный человѣкъ можетъ жениться на незнакомой женщинѣ. Чтобы избѣжать бесполезныхъ столкновений, онъ рѣшился совсѣмъ не заглядывать на родину. Родина съ своей стороны рѣшила, что парень въ конецъ избаловался; не знаю ужъ, согласились ли бы съ нею въ данномъ случаѣ наши народники.

Между работницами Петербурга было нѣсколько революціонеровъ, случались у нихъ даже стачки (на табачныхъ фабрикахъ), но вообще въ движеніи женщины стояли дѣйствительно на самомъ заднемъ планѣ. Нѣкоторые заводскіе рабочіе-революціонеры не женились прямо потому, что въ окружавшей ихъ средѣ не было подходящихъ для нихъ женщинъ. «Наши бабы совсѣмъ дуры, а интеллигентки за нашего брата не пойдутъ, имъ подавай студентовъ», не безъ горечи говаривали такіе рабочіе. Думаю, что и въ этомъ случаѣ въ нихъ сказывалось не городское «баловство», а серьезное нравственное развитіе.

Я вовсе не намѣренъ идеализировать условія современной городской жизни:—довольно ужъ мы упражнялись въ ложной идеализаціи. Я видѣлъ и знаю отрицательныя стороны этихъ условій. Попадая изъ деревни въ городъ, рабочій, иногда, дѣйствительно, начинаетъ «баловаться». Въ деревнѣ онъ жилъ по завѣту отцовъ, безъ разсужденій подчиняясь ихъ изстари установившимся обычаямъ. Въ городѣ обычаи эти сразу теряютъ смыслъ. Чтобы человѣкъ не лишился всякаго нравственнаго мѣрила, онъ необходимо долженъ замѣниться новыми обычаями, новыми взглядами на вещи. Такая замѣна постепенно и происходитъ въ дѣйствительности, такъ какъ уже одна неизбежная и повседневная борьба съ хозяиномъ налагаетъ на рабочихъ взаимныя нравственныя обязательства. Но «пока что», новичекъ-рабочій все-таки переживаетъ нравственный переломъ, выражающійся иногда въ довольно некрасивомъ поведеніи

Здѣсь повторяется то, что переживаетъ всякій общественный классъ, всякое общество при переходѣ отъ узкихъ патріархальныхъ порядковъ къ другимъ, болѣе широкимъ, но за то болѣе сложнымъ и болѣе запутаннымъ. Разсудочность вступаетъ въ свои права и, критикуя старую нравственность, позволяетъ себѣ подчасъ довольно некрасивыя вещи. Разсудокъ, конечно, способенъ ошибаться и чаще, и больше, чѣмъ вѣковѣчный обычай. За это онъ и проклинается всѣми охранителями. Но до тѣхъ поръ, пока люди будутъ идти впередъ, неизбѣжно останется и періодическая ломка обычаевъ. И какъ ни «балуется» иногда во время такой ломки разсудокъ, но его ошибокъ не поправишь охраненіемъ отжившихъ порядковъ. Поправляетъ ихъ обыкновенно дальнѣйшій ходъ самой жизни. Чѣмъ больше развиваются новые порядки, тѣмъ яснѣе становятся для всѣхъ и каждого обусловленныя ими новыя нравственныя требованія, мало по малу приобрѣтающія прочность обычая, который и сдерживаетъ затѣмъ излишнее «баловство» разсудка. Такимъ образомъ, отрицательныя стороны развитія устраняются его собственными положительными приобрѣтеніями, и роль мыслящаго человѣка въ этомъ неизбѣжномъ историческомъ движеніи опредѣляется само собою.

Я зналъ одного молодого фабричнаго, который былъ вполне честнымъ малымъ, пока его не коснулась революціонная пропаганда. Но какъ только ему сдѣлались извѣстными социалистическія нападки на эксплуататоровъ, онъ началъ «баловаться», считая позволительнымъ обманывать и обкрадывать людей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ. «Все равно, у насъ же накрали», возражалъ онъ на упреки товарищей, которымъ откровенно показывалъ и предлагалъ братски раздѣлить попавшуюся подъ руку добычу. Будь извѣстенъ этотъ случай покойному Достоевскому, онъ, конечно, не преминулъ бы уколоть имъ глаза революціонерамъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», гдѣ вывелъ бы упомянутаго парня рядомъ съ Смердяковымъ, этой жертвой «интеллигентнаго» свободомыслія, или въ «Бѣсахъ», гдѣ, какъ извѣстно, «что ни шагъ, то ужасъ». Интересно, что сами товарищи, едва ли когда читавшіе произведенія Достоевскаго, стали звать вороватаго малаго Бѣсомъ. Но въ подвигахъ Бѣса они не винили ни интеллигенціи вообще, ни социалистической пропаганды въ частности. Они своимъ

вліяніємъ старались, такъ сказать, додѣлать нравственную личность этого юноши и научить его бороться противъ высшихъ классовъ не въ качествѣ обманщика и вора, а въ качествѣ революціоннаго агитатора. Я скоро упустилъ Бѣса изъ виду и не знаю, разрѣшился ли въ благоприятную сторону переживавшійся имъ тогда нравственный переломъ. Но что благоприятный исходъ былъ вполне возможенъ, за это ручается, между прочимъ, то негодование, которое вызывали его подвиги во всѣхъ окружавшихъ его рабочихъ-революціонерахъ.

III.

Въ настоящее время въ средѣ «интеллигенціи» много спорятъ о возможности революціонной пропаганды между рабочими. Я думаю, что всякій, кто хоть немного сталкивался съ русскими рабочими, знаетъ, какъ внимательно и какъ сочувственно относятся они къ этой пропагандѣ. Говорятъ, что пропаганда встрѣчаетъ теперь непреодолимые препятствія со стороны полиціи. Но слишкомъ часто говорятъ эти люди, не давшіе себѣ труда сдѣлать хоть одну серьезную попытку въ этомъ направленіи. Иногда ссылаются, правда, и на «опытъ». Но опытъ опыту рознь. Безъ умѣнья невозможно никакое революціонное дѣло, а умѣлыхъ людей не остановитъ никакая полиція. Общество «Земля и Воля» во все время своего существованія вело дѣятельныя сношенія съ рабочими черезъ посредство нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ. И замѣчательно, что за все это время собственно рабочее дѣло привело у насъ *только къ одному*, да и то незначительному «провалу»: по доносу рабочаго арестованъ былъ въ 1878 г. нашъ товарищъ И., занимавшійся пропагандой на одной изъ московскихъ фабрикъ. Многочисленные аресты рабочихъ, имѣвшіе мѣсто весною того же года въ Петербургѣ, аресты, благодаря которымъ въ руки полиціи попались покойный Хазовъ («Дѣдушка») и нѣкоторые другіе наши товарищи, причинены были самой интеллигенціей. Именно, «нелегально» жившій тогда въ Москвѣ Хазовъ попросилъ студентовъ Петровской академіи спрятать кое-какія «конспиративныя» бумаги. Тѣ зарыли порученный имъ пакетъ въ академическомъ саду, но зарыли, какъ оказалось, не хо-

роше и не глубоко. Какая-то не кстати любопытная собака вырыла его изъ подъ земли, а какой-то, къ сожалѣнію, слишкомъ проникательный вѣрнопопданчій, ознакомившись съ его содержимымъ, представилъ его по начальству. Неожиданная находка оказалась настоящимъ кладомъ для полиціи, которая тотчасъ арестовала Хазова и коекого изъ его московскихъ друзей. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти аресты дали поводы для новыхъ; «провалы» распространились на Петербургъ, гдѣ, особенно пострадали многочисленные и хорошо сплоченные рабочіе кружки Галерной Гавани; наши потери были тогда очень серьезны, но мы понимали, что должны винить самихъ себя, а не рабочихъ.

Въ сношеніяхъ съ рабочими «землевольтцы» всегда держались слѣдующихъ приемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе «рабочаго дѣла» (ихъ всегда было немного, самое большее: 4—5 человекъ), обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ революціонеровъ. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу «Земля и Воля», но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873—74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача «землевольтцевъ» и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. «Старые», по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сносилась, главнымъ образомъ, «интеллигенція». На этихъ людей мы вполне могли положиться: нелѣпо было бы бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, «землевольтцы» и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ, (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольтца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ

онъ проживалъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той-же отраслью революціоннаго дѣла; остальные занятые другими революціонными спеціальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ ними на „конспиративной“ квартирѣ, гдѣ происходили общія кружковыя собранія. На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный кружокъ собственными силами долженъ былъ привлекать себѣ новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центральнаго рабочаго ядра, каждое воскресенье сходявшимся на общее собраніе. Революціонеры-интеллигенты являлись съ цѣлью пропаганды и на собранія мѣстныхъ кружковъ. Но такъ какъ тамъ они извѣстны были подъ вымышленными именами, то если-бы туда и забрался какой-нибудь шпіонъ, онъ могъ-бы донести „пославшимъ его“ только о томъ, что какой-то Федорычъ, или Антонъ, или „Дѣдушка“ въ томъ-то мѣстѣ и въ такомъ-то часу потрясалъ основы, а гдѣ искать этого Федорыча, или Антона, или „Дѣдушку“, оставалось покрыто мракомъ неизвѣстности. Прослѣдить же на улицѣ когонибудь изъ этихъ потрясателей было не такъ-то легко, потому что они на сей конецъ прибѣгали къ особымъ мѣрамъ, въ видѣ проходныхъ дворовъ, извозчика, внезапно взятаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ другого извозчика не было, и гдѣ такимъ образомъ слѣдовавшій за потрясателемъ пѣшій шпіонъ по необходимости долженъ былъ отстать отъ него и проч. и проч. При подобныхъ предосторожностяхъ мы могли благополучно заниматься своимъ дѣломъ даже въ самыя жестокія времена, когда не принадлежавшіе къ организаціямъ революціонеры (нигилисты, какъ называли мы ихъ на своемъ жаргонѣ) за самомалѣйшіе пустяки десятками попадались въ руки бдительныхъ аргусовъ.

Уже къ концу 1876 года, когда землевольцы только еще приступали къ устройству революціонныхъ „поселеній

въ народѣ“, пропаганда между рабочими приняла довольно широкіе размѣры, какъ въ Петербургѣ (въ Галерной Гавани, на Васильевскомъ Островѣ, на Петербургской и на Выборгской сторонахъ, на Обводномъ Каналѣ, за Невской и Нарвской заставами), такъ и въ его окрестностяхъ (въ Колпинѣ, на Александровской мануфактурѣ, въ Кронштадтѣ, и т. д.). Но я уже сказалъ, что бунтари не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотѣли *агитировать*. Наше настроеніе увлекло, наконецъ, и рабочихъ. Въ то время у всѣхъ была въ памяти демонстрація, ознаменовавшая весною 1876 г. похороны убитого тюрьмой студента Чернышева. Она произвела очень сильное впечатлѣніе на всю интеллигенцію, и все лѣто того года мы, что называется, бредили демонстраціями. Но въ Чернышевской демонстраціи рабочіе не принимали участія, такъ какъ произошла она въ будни, да и подготовители ея какъ-то не вспомнили о рабочихъ. И вотъ рабочимъ захотѣлось сдѣлать *свою* демонстрацію, и притомъ такую, которая своимъ рѣзко-революціоннымъ характеромъ совершенно затмила-бы демонстрацію „интеллигенціи“. Они увѣряли насъ, что если хорошо взяться за дѣло и выбрать для демонстраціи праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочихъ. Мы сомнѣвались въ этомъ, но бунтарская жилка заговорила въ каждомъ изъ насъ, и мы сдались. Такъ произошла извѣстная Казанская демонстрація 6 (18) Декабря 1876 года.

Теперь о Казанской демонстраціи совсѣмъ забыли. Даже самъ г. Драгомановъ, любившій когда-то упрекнуть ея революціонеровъ, вспоминаетъ о ней все рѣже и рѣже. Но въ свое время она возбудила много толковъ и споровъ. Одни осуждали, другіе превозносили ее, хотя очень часто и тѣ, и другіе имѣли о ней совершенно ошибочное понятіе. Для „интеллигенціи“ цѣль демонстраціи такъ и осталась невыясненной, вѣроятно, потому, что въ ея подготовленіи „интеллигенція“ принимала участіе только въ лицѣ немногихъ землевольцевъ, дѣйствовавшихъ въ рабочихъ кварталахъ Петербурга. Эти люди употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы привлечь на нее какъ можно больше рабочихъ, но объ интеллигенціи, насколько мнѣ извѣстно, они думали мало: придетъ, молъ, и безъ зова, а не придетъ—бѣда не велика, пожалуй, даже лучше будетъ:

выйдетъ чисто рабочая демонстрація. Тѣмъ не менѣе, утромъ 6-го декабря у Казанскаго собора собралось много учащейся молодежи. Произошло это, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, потому, что уже въ теченіе всего ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстраціи, имѣющей произойти около Исакія, и публика была уже подготовлена. Кто задумалъ эту демонстрацію и какой характеръ собирались придать ей мы, землевольцы, хорошенько не знали, хотя, разумѣется, явились бы къ Исакію, если бы тамъ, дѣйствительно, что-нибудь произошло. Но этой демонстраціи не суждено было состояться, она все какъ-то откладывалась отъ одного праздника до другого, такъ что нетерпѣливые „нигилисты“ начали, наконецъ, сердиться. О демонстраціи у Исакія стали говорить не иначе, какъ съ ироніей. Не желая, чтобы публика смѣшалась съ этими медлителями, мы нарочно выбрали другое мѣсто—Казанскій соборъ—для нашей демонстраціи. И все-таки, когда въ публику проникли слухи о нашихъ замыслахъ, многіе рѣшили, что предстоящая Казанская демонстрація и есть та, которая должна была произойти у Исакія. Давно жаждавшая сильныхъ впечатлѣній революціонная молодежь отовсюду повалила къ Казанскому собору и, сравнительно съ рабочими, оказалась тамъ, вопреки нашимъ первоначальнымъ расчетамъ, въ большинствѣ.

Рабочихъ пришло немного: 200—250 человекъ. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавшихъ къ революціоннымъ кружкамъ рабочихъ, демонстрація имѣла смыслъ агитаціонной попытки, то для ихъ незатронутыхъ пропагандой товарищей она могла быть интересна развѣ лишь, какъ новое, невиданное зрѣлище. Для дѣятельнаго участія въ ней у нихъ не было никакого осязательнаго повода. Поэтому они и не пошди на нее. Еще за нѣсколько дней до демонстраціи мы увидѣли, какъ несбыточны были розовыя надежды задумавшихъ ее революціонныхъ рабочихъ кружковъ. Но отступать было уже поздно. Мы всѣ видѣли, какъ смѣшны стали въ глазахъ публики слишкомъ осторожные организаторы Исакіевской демонстраціи и не хотѣли уподобляться имъ. Вечеромъ 4-го декабря, собраніе, на которомъ, кромѣ насъ, землевольцевъ, были вліятельнѣйшіе рабочіе съ разныхъ концовъ Петербурга, почти единогласно рѣшило, что демонстрація должна состояться

если на нее соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. На этомъ же собраніи была предложена и одобрена мысль о красномъ знамени, о которомъ прежде никто не думалъ.

Вышитую на этомъ знамени надпись: „*Земля и Воля*“, мы считали наилучшимъ выраженіемъ народныхъ идеаловъ и требованій. Но именно народу-то, по крайней мѣрѣ, столичному народу, она и оказалась непонятной. „Какъ же это такъ — разсуждали потомъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ — они хотѣли земли и воли? Земля-то это такъ, земли точно надо бы дать крестьянамъ, а воля-то вѣдь ужъ дана. Въ чемъ же тутъ дѣло?“ Вышло, что съ своимъ девизомъ „Земля и Воля“ мы опоздали по меньшей мѣрѣ на пятнадцать лѣтъ. Впрочемъ, мѣстами въ крестьянствѣ слышались на этотъ счетъ другіе отзѣвы. Жившій въ Малороссіи товарищъ разсказывалъ мнѣ, что разъ при немъ между крестьянами зашла рѣчь о Казанской демонстраціи. „Они хорошаго хотѣли, замѣтилъ одинъ старикъ, этого всѣ хотятъ, намъ всѣмъ нужна земля и воля“. Тотъ же старикъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что революціонеровъ могутъ преслѣдовать за столь справедливыя требованія. — Ничего имъ не было; утверждалъ онъ, просто царь призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: подождите, хлопцы, будетъ вамъ и земля и воля, только не надо объ этомъ кричать на улицахъ“. Вообще, о Казанской демонстраціи такъ или иначе заговорила вся Россія.

Но какъ произошла самая демонстрація? Я сказалъ, что собраніе четвертаго декабря рѣшило не откладывать ее, если соберется хоть нѣсколько сотъ человѣкъ. Весь слѣдующій день былъ посвященъ нами на бѣготню по рабочимъ кварталамъ. Утромъ шестого Декабря на мѣсто дѣйствія пришли всѣ «бунтарскіе» рабочіе кружки (лавристы были разумѣется, противъ демонстраціи). Въ особенности хороши были представлены гаваньскіе рабочіе: съ одного изъ гаваньскихъ заводовъ пришла въ полномъ составѣ цѣлая мастерская въ 40—45 человѣкъ. Но постороннихъ рабочихъ совсѣмъ не было. Мы видѣли, что силъ у насъ слишкомъ мало и рѣшились выждать. Рабочіе разошлись по ближайшимъ трактирамъ, оставивъ у соборной паперти только небольшую кучку для наблюденія за ходомъ дѣла. Между тѣмъ, учащаяся молодежь подходила большими группами. Находившаяся въ церкви, очень впрочемъ малочисленная

публика уже къ концу обѣдни была поражена страннымъ наплывомъ совершенно необычныхъ богомольцевъ. Церковный староста посматривалъ въ ихъ сторону съ какимъ-то тревожнымъ удивленіемъ. Обѣдня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступилъ съ ними въ переговоры. «Что вамъ угодно, господа?» — спросилъ онъ, какъ нарочно подойдя къ группѣ бунтарей.

— Желаемъ отслужить панихиду—отвѣчали ему.

— Нельзя сегодня служить панихиду: царскій день.

Бунтари изумились. Собственно, въ планъ демонстраціи богослуженіе вовсе не входило, но такъ какъ революціонная публика все продолжала прибывать, и бунтарямъ нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто, какъ благовидный предлогъ для дальнѣйшаго пребыванія въ церкви. Когда староста разъяснилъ имъ, что нельзя служить панихиду, они недолго оставались въ смущеніи.

— Я пойду закажу молебенъ—шепнулъ мнѣ покойный Сентянинъ.

— Идите, заплатите попамъ за нашъ постой—отвѣтилъ я, подавая ему трехрублевую бумажку.

Сентянинъ пошелъ. Но я и до сихъ поръ не знаю, на чемъ онъ порѣшилъ съ попами. Соскучившіеся «нигилисты» стали выходить на паперть, изъ сосѣднихъ трактировъ подошли засѣдавшіе тамъ бунтари-рабочіе. Толпа приняла довольно внушительные размѣры. Мы рѣшились дѣйствовать.

До властей, вѣроятно, дошли слухи о нашихъ приготовленіяхъ. Но на Казанской площади полицейскихъ и жандармовъ было немного. Они смотрѣли на насъ и «ждали поступковъ». Когда раздались первыя слова революціонной рѣчи, они попытались было протискаться къ говорившему, но ихъ сейчасъ же отгѣснили назадъ. Всѣ участники демонстраціи пришли въ страшное возбужденіе. Рабочіе плотнымъ кольцомъ сомкнулись вокругъ говорившаго. „Ребята, держись тѣснѣй, не выдавай, не подпускай полицію“, командовалъ Митрофановъ, между тѣмъ какъ полицейскіе свистки оглашали площадь. Когда рѣчь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: „да здравствуетъ социальная революція, да здравствуетъ Земля и Воля!“ Митрофановъ быстро сдернулъ шапку съ говорившаго и, надѣвши на него какую-то фуражку, закуталъ

башлыкомъ его голову. „Теперь пойдѣмъ всѣ вмѣстѣ, иначе будутъ арестовывать“, закричали какіе-то голоса, и мы толпой двинулись по направленію къ Невскому. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ полиція, подкрѣпленная сбѣжавшими на свистки городовыми и околodочными, стала хватать шедшихъ въ заднихъ рядахъ. Тутъ общее возбужденіе дошло до послѣдней степени. Кто-то скомандовалъ: „стой, нашихъ берутъ“, и толпа бросилась отбивать арестованныхъ. Полицейскіе были смяты и побѣжали за соборъ, въ Казанскую улицу. Если бы, отразивъ этотъ первый непріятельскій натискъ, революціонеры выказали больше самообладанія, то они, вѣроятно, смогли бы отступить безъ потерь и въ полномъ порядкѣ. Землевольцы понимали это, и какъ только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова сомкнулась въ тѣсные ряды. Но кому изъ принимавшихъ когда нибудь участіе въ подобныхъ столкновеніяхъ неизвѣстно, какъ трудно ввести въ надлежащія границы разъ прорвавшіяся наружу страсти. Публика продолжала преслѣдовать обращенную въ бѣгство полицію. Произошелъ страшный безпорядокъ, наши ряды совсѣмъ разстроились; между тѣмъ къ полицейскимъ явилось новое и сильное подкрѣпленіе. Цѣлый отрядъ городскихъ въ сопровожденіи множества дворниковъ быстро приближался къ площади по той самой Казанской улицѣ, къ которой направились бѣжавшіе полицейскіе. Увлечшись преслѣдованіемъ, революціонеры столкнулись съ этимъ отрядомъ лицомъ къ лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиціи ежеминутно возрастали. Революціонеровъ окружали со всѣхъ сторонъ. Стройное отступленіе сдѣлалось для нихъ совершенно невозможнымъ. Хорошо было уже и то, что они могли отступать болѣе или менѣе значительными кучками. Такія кучки по большей части успѣшно, хотя и не безъ значительныхъ тѣлесныхъ поврежденій, отбивались отъ нападавшихъ. Но за то тѣхъ, которые дѣйствовали въ одиночку, тотчасъ хватали и, послѣ звѣрскихъ побоевъ, тащили въ участки.

У меня нѣтъ охоты воспѣвать подвиги чьихъ бы то ни было кулаковъ. Но въ виду звѣрства, проявленнаго тогда полиціей, я не безъ удовольствія замѣчу, что и ей досталось очень порядочно. Революціонеры, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены кастетами, отчаянно защищались. Съ ихъ

стороны въ особенности отличился тогда студентъ Н. Высокій и сильный, онъ поражалъ непріятелей какъ пылкій Аяксъ, сынъ Теламона, и тамъ, гдѣ появлялась его плечистая фигура, защитникамъ порядка приходилось жутко. Какъ ни старалась схватить его полиція, онъ счастливо отбилъ всѣ нападенія и возвратился домой такимъ же «легальнымъ» человѣкомъ, какъ и пришелъ на площадь. Пострадавшіе отъ него защитники «порядка» знали только, что ихъ тузилъ какой-то высокій и сильный брюнетъ, но лица его они, очевидно, не запомнили. Когда потомъ, уже по окончаніи столкновенія на площади, имъ встрѣтился на Морской Боголюбовъ, они вообразили, что онъ то и есть ихъ свирѣпый непріятель. Боголюбова схватили, жестоко избили въ участкѣ, а потомъ, какъ извѣстно, осудили на каторгу. Но Боголюбовъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ демонстраціи.

Когда, по произнесеніи рѣчи, развернули красное знамя, его схватилъ молодой крестьянинъ Потаповъ и, поднятый на руки рабочими, нѣкоторое время держалъ его высоко надъ головами присутствующихъ. Полиція замѣтила его фізіономію, однако арестовать его ей долго не удавалось. Защищавшая его группа рѣшительныхъ и смѣлыхъ людей медленно отступала по Невскому. Она дошла до угла Садовой. Преслѣдованіе постоянно ослабѣвало и, наконецъ, повидимому, совершенно прекратилось. Тогда Потаповъ сѣлъ въ конку, считая себя уже въ безопасности. Но за нимъ слѣдили шпіоны. Пока онъ былъ не одинъ, они держались въ почтительномъ разстояніи, а когда спутники его удалились, шпіоны бросились за конкой и, остановивъ ее, арестовали Потапова. На немъ нашли знамя, которое само по себѣ составляло неопровержимую улику. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ Потапова лишь къ заключенію въ монастырь «на покаяніе». Сравнительная мягкость этого страннаго приговора объяснялась будто бы молодостью Потапова. Но извѣстно, что въ русскихъ политическихъ процессахъ судьи не стѣснялись осуждать на каторжныя работы, а потомъ, въ военныхъ судахъ, даже на смерть очень молодыхъ подсудимыхъ. Въ данномъ случаѣ умыселъ былъ другой. Правительство рѣшилось щадить рабочихъ. На скамью подсудимыхъ изъ нихъ попало 10—12 человѣкъ, и всѣмъ имъ вынесенъ былъ довольно мягкій приговоръ: нѣкоторыхъ,

подобно Потапову, приговорили къ монастырскому покаянію, другихъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, подсудимые же изъ интеллигенціи пошли по большей части въ каторгу и при томъ на очень долгіе, неслыханные до тѣхъ поръ, сроки. Судьи не могли не видѣть, что виновность почти всѣхъ подсудимыхъ этой категоріи по меньшей мѣрѣ сомнительна. У двухъ арестованныхъ рабочихъ найдены были записки, которыя, по замѣчанію прокурора, «ясно указывали на сговоръ»; онѣ, дѣйствительно, ясно указывали на него, но не менѣе ясно было и то, что никто изъ преданныхъ суду «интеллигентныхъ» революціонеровъ въ этомъ сговорѣ не участвовалъ. Третье отдѣленіе хорошо знало, что главные подготовители демонстраціи арестованы не были. Но судъ не смутился этимъ, отомстивъ арестованнымъ за дѣйствія скрывшихся. Извѣстно, что правительство всегда устанавливало въ такихъ случаяхъ родъ круговой поруки между революціонерами. Но ему слишкомъ непріятна была та мысль, что въ средѣ рабочихъ могутъ быть такіе же неисправимые «бунтовщики», какъ и въ средѣ «интеллигенціи». Оно старалось увѣрить себя, что лишь подъ дурнымъ вліяніемъ этой послѣдней рабочіе перестаютъ быть вѣрными подданными монарха и очень неохотно сажало ихъ на скамью подсудимыхъ, предпочитая расправляться съ ними административнымъ порядкомъ. Это было очень благоразумно. Пока въ качествѣ политическихъ преступниковъ выступали только представители интеллигенціи, можно было увѣрять крестьянъ, что преступники эти были барами, злившимися на царя за уничтоженіе крѣпостного права. По отношенію къ преступникамъ изъ рабочей среды подобныя увѣренія сразу лишались всякаго смысла, и образъ «бунтовщика» долженъ былъ принимать, совершенно новый, очень непріятный для правительства, видъ въ народномъ воображеніи. Правительство очень хорошо понимало, какой невыгодный для него оборотъ приметъ революціонное движеніе, если, не ограничиваясь одной интеллигенціей, оно увлечетъ хоть нѣкоторые слои народа.

Казанская демонстрація была первой попыткой практическаго примѣненія нашихъ понятій объ агитаціи. Понятія эти были въ то время еще слишкомъ отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачнымъ ихъ практическое примѣненіе. Казанская демонстрація наглядно пока-

ала, что мы всегда будемъ оставаться одни, если въ своей революціонной дѣятельности будемъ руководствоваться лишь воимъ отвлеченнымъ пристрастіемъ къ «агитаціи», а не уществующимъ настроеніемъ и данными насущными нуждами той среды, въ которой собираемся агитировать.

Мы не забыли этого урока, но прошло болѣе года режде, чѣмъ намъ представился случай снова взяться за гитацію въ средѣ петербургскаго рабочаго населенія. Это ылъ очень печальный случай. На Василеостровскомъ паронномъ заводѣ произошелъ взрывъ пороха. Нѣсколькихъ абочихъ страшно изуродовало, четырехъ убило на ѣстѣ. На другой день умерли отъ тяжелыхъ ранъ ще двое. Такимъ образомъ, рабочимъ этого завода предтояло провожать на Смоленское кладбище шестерыхъ оварищей. Взрывъ произошелъ по непростительной винѣ аводскаго начальства. Пострадавшая мастерская помѣщаась во второмъ этажѣ и сообщалась съ внѣшнимъ міромъ одной только лѣстницей. Какъ разъ при входѣ въ мастеркую, около лѣстницы, лежалъ въ особомъ чуланѣ дольно значительный запасъ прессованнаго пороха, изъ отораго готовились патроны. Когда этотъ порожъ бтачивался на станкахъ, отъ него поднималась мелкая ыль, покрывавшая станки, полъ и стѣны мастерской. Догаточно было одной искры, чтобы эта пыль вспыхнула и, знеся огонь до помѣщавшагося у лѣстницы порохового улана, отрѣзала рабочимъ всякій путь къ спасенію. Раочіе тѣмъ лучше сознавали грозившую имъ опасность, го искры часто получались во время работы отъ тренія. ногда отъ этихъ искръ вспыхивала даже покрывавшая ганки пороховая пыль. Но такъ какъ до поры до времени пышки были незначительны, то начальство и полагалось а милость Божию. Заявленія рабочихъ оставались безъ иманія. Понятно, что когда произошелъ взрывъ, всѣ абочіе этого завода были сильно озлоблены. Существоавшій тамъ революціонный кружокъ тотчасъ увидѣлъ, что му слѣдуетъ дѣйствовать. Кто-то изъ его членовъ напиль воззваніе, въ которомъ происшедшій на заводѣ несчастный случай ставился въ связи съ общимъ положеемъ рабочаго класса. Воззваніе это, напечатанное въ шей тайной типографіи, произвело хорошее впечатлѣніе, о съ сочувствіемъ читали даже и такіе рабочіе, кото-

рыхъ прежде никто не замѣчалъ въ сочувствіи къ революціонерамъ. Но этого было мало. Революціонный кружокъ патроннаго завода хотѣлъ придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи.

Этотъ кружокъ не находился подъ исключительнымъ вліяніемъ «бунтарей». Сносясь съ «бунтарями», онъ поддерживалъ постоянныя дружескія сношенія и съ лавристами. Но ему было хорошо извѣстно отрицательное отношеніе лавристовъ ко всякаго рода «бунтовскимъ попыткамъ»; онъ боялся, что тѣ не одобрятъ мысли о демонстраціи. Очень непріятно было рабочимъ огорчать друзей—лавристовъ, но отказаться отъ демонстраціи было еще непріятнѣе. Вслѣдствіе этого они пустились на хитрость. Пригласивъ бунтарей притти на похороны, они настоятельно просили ихъ ничего не сообщать лавристамъ. «Богъ съ ними совсѣмъ», говорили они, лавристы—люди хорошіе, но пойдутъ спорить, доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться ихъ нельзя, очень ужъ возбуждены всѣ рабочіе». Бунтари не имѣли ни малѣйшей охоты выдавать ихъ лавристамъ.

Въ день похоронъ, часовъ въ девять утра, хорошо вооруженная группа бунтарей, въ числѣ ихъ покойный Осинскій, подошла къ зданію патроннаго завода, передъ которымъ собралась уже большая толпа рабочихъ. Къ бунтарямъ тотчасъ присоединились члены заводскаго рабочаго кружка, тоже вооружившіеся на «всякій случай». Покойный Халтуринъ, работавшій въ то время на другомъ заводѣ, также пришелъ на похороны. Начались совѣщанія; каково настроеніе рабочихъ, что именно могутъ сдѣлать здѣсь революціонеры. Бунтари находили, что выступать съ революціонной рѣчью было бы неумѣстно. Одѣтая по праздничному рабочая толпа показала имъ слишкомъ „буржуазною“. И это впечатлѣніе было такъ сильно, что оно сообщилося не только тѣмъ „интеллигентамъ“, которые, „занимаясь“ съ заводскими рабочими, казалось бы знали ихъ привычки, но—странно сказать—даже членамъ мѣстнаго рабочаго кружка. Тѣ тоже сильно упали духомъ.

Показались гробы; присутствующіе сняли шапки, и началось похоронное шествіе. Въ тотъ день былъ жестокій морозъ, еще болѣе охлаждавшій наши революціонные порывы. «Нѣтъ, господа, революцію нужно дѣлать лѣтомъ,

въ этакой холодъ никого не расшевелишь», говорили мы, оттирая побѣлѣвшіе носы и уши.

Но вотъ и кладбище. Въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ входа угловъ его вырублено было въ промерзшей землѣ шесть свѣжихъ могилъ, около которыхъ лежали скромные деревянные кресты. Полиція, все время сопровождавшая шествіе въ довольно значительномъ количествѣ и усиленная новымъ отрядомъ городскихъ у входа на кладбище, стала вокругъ могилъ; священникъ пропѣлъ послѣднюю молитву; гробы опустили въ землю. Пока ихъ зарывали, толпа оставалась вполнѣ спокойной, и мы всемъ убѣдились, что съ ней ничего не подѣлаешь. Но когда все было кончено и настало время расходиться, въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый намъ полный, рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ.

— Господа, — воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Мы хоронимъ сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками *), а попечительнымъ начальствомъ. Наше начальство Его прервали.

Раздались полицейскіе свистки, и окологородный надзиратель положилъ ему руку на плечо со словами: «я васъ арестую». Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадежное впечатлѣніе своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ куда-то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей волной, а хотѣвшій взять его окологородный не всемъ твердымъ голосомъ извинялся передъ публикой.

— Вѣдь я же не могу иначе, господа, я самъ отвѣчаю за безпорядки передъ начальствомъ.

— Разсказывай! Вотъ мы тебя вздуемъ, такъ ты впередъ не будешь соваться куда не слѣдуетъ! — отѣчали ему изъ толпы.

— Бей его! — кричали наиболѣе ожесточенные.

Положеніе полиціи становилось критическимъ. Здѣсь, на далекомъ Смоленскомъ кладбищѣ, она была совершенно без-

*) Это было во время русско-турецкой войны.

сильна передъ этой тысячью разъяренныхъ рабочихъ. Но ее спасло именно ея очевидное для всѣхъ безсиліе.

— Братцы, что жъ мы ихъ будемъ бить,—сказалъ чей-то голосъ.—Насъ много, ихъ мало, стыдно намъ съ ними связываться. Пускай себѣ идутъ по домамъ; никого изъ насъ они тронуть не посмѣютъ.

Эта, не то дипломатическая, не то дѣйствительно великодушная рѣчь нѣсколько успокоила рабочихъ. Крики утихли: публика перестала угрожать полиціи побоями, но съ другой стороны не хотѣла и отпустить ее съ миромъ, такъ какъ боялась, что она прослѣдитъ и арестуетъ оратора. Толпа раздѣлилась на двѣ части: одна окружила полицейскихъ, другая сплотилась вокругъ оратора и торжественно повела его къ воротамъ. Онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ такой чести и сконфуженно поглядывалъ на товарищей, шумно выражавшихъ ему свое сочувствіе. Всѣ они громко ругали начальство и полицію. Мнѣ особенно бросилась въ глаза худая, маленькая, старушка, которая, ни къ кому не обращаясь въ частности и какъ будто разговаривая сама съ собою, съ жаромъ повторяла, что надо постоять за своего человѣка. И толпа несомнѣнно готова была постоять за него, но ее, по ея неопытности, могли перехитрить шпіоны. Бунтари нашли нужнымъ подать ей благоразумный совѣтъ. У главныхъ воротъ кладбища стояло, въ ожиданіи сѣдоковъ, нѣсколько извозчиковъ. Одному изъ нихъ революціонеры посадили въ сани пытавшагося говорить рабочаго, а всѣмъ остальнымъ запретили двигаться съ мѣста. Для большей вѣрности лошадей взяли подъ уздцы. Такимъ образомъ, ни одинъ шпіонъ не могъ послѣдовать за ораторомъ, быстро уѣзжавшимъ въ сопровожденіи двухъ надежныхъ людей. Когда къ воротамъ подошла остальная, конвоировавшая полицію, часть толпы, онъ уже совсѣмъ скрылся изъ виду. Полицейскихъ продолжали, однако, держать въ плѣну, отпуская на ихъ счетъ различныя, теперь уже по большей части добродушно-шутливыя замѣчанія. Но они едва не испортили дѣла излишнимъ рвеніемъ. Очутившись за воротами, одинъ окологородный, тотъ самый, который прервалъ оратора, выхватилъ изъ кармана свистокъ и быстро поднесъ его къ губамъ, чтобы звать къ себѣ на помощь. Публика снова заволновалась. У него вырвали свистокъ и нѣсколько разъ

толкнули довольно сильно. Ему оставалось только ругаться. «Это бунтъ, кричалъ онъ въ безсильной ярости, вы всѣ отвѣтите за это, это вамъ такъ не пройдетъ!»

— А ты бы лучше помалкивалъ, покуда бока цѣлы, — наставительно отвѣчали ему рабочіе.

— Нечего мнѣ молчать, я исполняю свою обязанность, а вы — бунтовщики, — горячился онъ, и вдругъ, обращаясь къ группѣ бунтарей, замѣтилъ, что онъ всѣхъ ихъ видѣлъ еще на Казанской площади.

— Очень пріятно встрѣтиться со старымъ знакомымъ, — любезно отвѣтили бунтари, надѣмся, что это не въ послѣдній разъ.

Рабочіе разсмѣялись. Околодочный пожалъ плечами и умолкъ, изобразивъ на своемъ лицѣ полнѣйшее негодование.

— Ну что жъ, пора ихъ и отпустить, пусть пойдутъ домой погрѣются, — рѣшила публика, и стала расходиться кучками по двадцати-тридцати человѣкъ, оживленно толкуя обо всемъ случившемся. Только самые непримиримые продолжали еще бранить и даже толкать въ спину размѣщавшихся по извозничьимъ санямъ околодочныхъ. Наконецъ, ушли и непримиримые, и Смоленское кладбище приняло свой обычный пустынный видъ.

Дружный отпоръ, данный полиціи рабочими патроннаго завода, произвелъ прекрасное впечатлѣніе, какъ на рабочіе кружки Петербурга, такъ и на «бунтарскую» интеллигенцію. Онъ доказывалъ, что даже незатронутые пропагандой рабочіе вполне способны къ рѣшительному и единодушному дѣйствію, и въ подходящую минуту не испугаются союза съ «бунтовщиками Казанской площади», т. е. съ революціонерами. Намъ нужно было только не упускать такихъ минутъ, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе рабочей массы. Когда въ мартѣ того же года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, мы были увѣрены, что легко сговоримся съ нею.

Первая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ вызвана была, въ мартѣ 1878 г., значительнымъ пониженіемъ заработной, поштучной, платы и длиннымъ рядомъ «новыхъ правилъ», цѣлью которыхъ являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевленіе рабочей силы. На этой фабрикѣ существовалъ небольшой революціонный кружокъ

изъ 10—12 человѣкъ, недавно привлеченныхъ, неопытныхъ и мало испытанныхъ. Душою кружка былъ нелегальный унтеръ-офицеръ Гоббстъ, въ іюлѣ 1879 г., повѣщенный въ Кіевѣ, а въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, усердно разыскиваемый полиціей по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ Одесскаго военного округа. Гоббстъ былъ не только вполне надежный, но положительно рѣдкій челоѣкъ. Онъ одинъ стоилъ иного кружка. Однако, съ фабричною средой онъ не успѣлъ хорошенько познакомиться, да при томъ на фабрикѣ онъ не работалъ, а жилъ по соѣдству съ нею въ качествѣ сапожника-хозяина единственной въ той мѣстности «конспиративной» квартиры. Такимъ образомъ, непосредственнаго вліянія на рабочую массу онъ не имѣлъ. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильнѣ—самой большой изъ фабрикъ Обводнаго канала, занимавшей болѣе двухъ тысячъ челоѣкъ—работали тогда, какъ нарочно, все «сѣрые» люди, недавно попавшіе въ столицу и въ цѣлости сохранившіе свои деревенскіе предразсудки. Можно представить себѣ, поэтому, тѣ препятствія, которыя должны были встрѣтиться революціонерамъ при ихъ попыткѣ войти въ сношенія со стачечниками.

Когда извѣщенные Гоббстомъ «землеволюцы» явились на его конспиративную квартиру, дѣло обстояло такъ. Рабочіе были вполне увѣрены, что «начальство» немедленно вступится за нихъ, какъ только пойметъ смыслъ «новыхъ правилъ». Разубѣдить ихъ въ этомъ не было никакой возможности. Приходилось уступить ихъ наивной увѣренности, предоставивъ имъ изъ опыта узнать, какъ велика заботливость русскаго «начальства» о нуждахъ рабочаго класса. Ближайшимъ къ стачечникамъ представителемъ власти былъ мѣстный полицейскій приставъ. Къ нему-то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Приставъ оказался большимъ дипломатомъ. Чтобы выиграть время, онъ ласково принялъ «ходоковъ» и обѣщалъ имъ «переговорить» съ управляющимъ фабрики. Простодушные рабочіе заранее торжествовали побѣду. Но прошелъ день, другой, фабричные станки бездѣйствовали, мелочныя лавки стали отказывать стачечникамъ въ кредитѣ, а управляющій не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ уступкамъ. Что же это могло значить? Неужели приставъ не «переговорилъ»

съ нимъ? Снова отправились «ходоки» въ участокъ, но на этотъ разъ ихъ приняли тамъ не по прежнему: приставъ находилъ, что рабочіе *обязаны* подчиниться новымъ правиламъ, «бунтовщикамъ» же грозилъ строгимъ наказаніемъ. Стачечники усмотрѣли изъ этого, что онъ «снюхался» съ управляющимъ, и рѣшили «итти выше», т. е. къ градоначальнику. Нечего и говорить, что тотъ сдѣлалъ для нихъ не больше, чѣмъ приставъ. Тогда поднялись толки о подачѣ прошенія наслѣднику.

На все это ушло съ недѣлю, а за недѣлю революціонеры успѣли уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. Съ самаго начала стачки рабочіе замѣтили, что каждый разъ, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какіе-то незнакомые люди, одѣтые не совсѣмъ по фабричному, пожалуй даже вообще смахивавшіе на «студентовъ», но неизмѣнно тянувшіе ихъ руку. Эти люди подали уже не мало дѣльныхъ совѣтовъ. Они говорили, что не зачѣмъ ходить ни къ приставу, ни къ градоначальнику. Ихъ не послушались, а вышло по ихнему. Семейнымъ стачечникамъ, на которыхъ въ особенности тяжело отзывалась пріостановка работы, а слѣдовательно и прекращеніе заработка, раздавались денежныя пособія, раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тѣхъ возьмутся деньги? Догадаться не трудно: деньги дають тѣ же таинственные люди. Довѣріе стачечниковъ къ революціонерамъ росло съ каждымъ днемъ. До какой степени дорожила рабочая масса ихъ неожиданной поддержкой, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Однимъ изъ самыхъ бойкихъ членовъ мѣстнаго революціоннаго рабочаго кружка былъ фабричный, котораго мы назовемъ хоть Иваномъ. Прекрасный малый, очень неглупый, дѣятельный и энергичный, Иванъ имѣлъ страстишку выставиться и порисоваться. Этотъ недостатокъ его, съ избыткомъ искупавшійся, впрочемъ, его достоинствами, ставилъ иногда Ивана въ довольно смѣшныя положенія. Однажды, къ величайшему нашему удивленію и огорченію, онъ вздумалъ прочесть стачечникамъ лекцію о прибавочной стоимости. Слушателямъ было совсѣмъ не до того: они собрались поговорить о томъ, какъ вести себя въ виду неожиданной для нихъ измѣны пристава; лекторъ самъ, какъ обнаружилось, плохо понималъ свой предметъ, да вдоба-

вокъ еще сильно смутился на этомъ первомъ, такъ сказать, пробномъ урокъ, и, ничего, кромѣ вздора, изъ его просвѣтительныхъ усилій не вышло. Онъ былъ сильно сконфуженъ своей неудачей. Мы думали, что теперь онъ уgomонится на долго, если не на всегда, но не тутъ-то было. Уже на другой день Иванъ позабылъ объ этомъ печальномъ происшествіи, и его опять тянуло побаловать себя тѣмъ или другимъ эффектнымъ положеніемъ. Приходитъ онъ однажды часовъ въ 8 утра на квартиру Гоббста и торжественно обращается къ одному изъ присутствовавшихъ тамъ „бунтарей“.

— Петръ Петровичъ, надо бы смотръ сдѣлать!

— Какой смотръ?

— Да больше ничего—вытти на улицу, людей посмотришь, себя показать. Скучаетъ народъ то!

Бунтарь, названный здѣсь Петромъ Петровичемъ, отчасти походилъ характеромъ на Ивана, съ которымъ, кстати сказать, былъ большимъ пріятелемъ. Онъ быстро сообразилъ, чего тотъ хочетъ, и безъ возраженій вышелъ съ нимъ на улицу. Спустя нѣсколько минутъ вышли и остальные бунтари—ихъ было 2—3 человекъ—очень заинтересованные новой затѣей неугомоннаго Ивана. Дойдя до Обводнаго канала, они увидѣли такую картину.

Сотни стачечниковъ покрывали набережную, образуя вдоль нея сплошную стѣну. Передъ этой стѣной медленно, торжественно шествовалъ Петръ Петровичъ, а за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, двигался Иванъ, слегка повернувъ въ сторону свою почтительно наклоненную голову, какъ бы затѣмъ, чтобы хоть одно ухо было поближе къ началству и не проронило ни слова изъ могущихъ послѣдовать приказаній. Всюду, гдѣ проходила эта пара, рабочіе снимали шапки, привѣтливо кланяясь и отпуская на ея счетъ разныя одобрительныя замѣчанія. „Вотъ они, орлы-то наши, пошли!“ любовно воскликнулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня пожилой рабочій. Окружавшіе его молчали, но видно было, что и имъ появленіе „орловъ“ доставило большое удовольствіе.

Комическая выдумка Ивана была подсказана ему вѣрнымъ пониманіемъ настроенія массы. „Народъ“ дѣйствительно „сучалъ“, не видя революціонеровъ. Онъ чувствовалъ себя бодрѣе и смѣлѣе въ ихъ присутствіи.

Замѣчу, однако, что тогдашнія представленія огромнаго большинства стачечниковъ объ „орлахъ“ отличались большою неясностью. Стачечники видѣли въ нихъ своихъ друзей, замѣтили также, что „орлы“ не ладятъ съ полиціей. Но это и все. Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ революціонеры къ высшему начальству, въ особенности къ царю— объ этомъ спрашивали себя тогда, вѣроятно, очень не многіе изъ стачечниковъ. Большинство приписывало намъ, должно быть, свой собственный, вынесенный изъ деревни, взглядъ на царя, какъ на вѣрнаго защитника народныхъ интересовъ. Наболѣе же наивные доходили, пожалуй, до того, что принимали насъ за тайныхъ царскихъ агентовъ. Я знаю, что въ первое время стачки въ существованіи такихъ агентовъ твердо были убѣждены по крайней мѣрѣ нѣкоторые рабочіе. „Тише, братцы, крикнулъ однажды собравшейся передъ фабричнымъ зданіемъ толпѣ какой-то прядильщикъ, тутъ таскаются фискалы!“—Какіе фискалы?— полюбопытствовалъ другой, обращаясь къ своему сосѣду.— „А это, братъ ты мой, такіе люди, отвѣтилъ тотъ, которыхъ царь тайно посылаетъ разузнать, нѣтъ ли гдѣ притѣсненія народу. Они походятъ, послушаютъ, да ему и разскажутъ. Фискаловъ бояться нечего, это онъ напрасно, фискалы правду наблюдаютъ“. Такое лестное понятіе о фискалахъ скоро разбилось въ прахъ при столкновеніи съ дѣйствительностью. Не прошло и недѣли, какъ уже всѣ стачечники хорошо знали, кому и о чемъ доносятъ фискалы. Фабричная молодежь стала устраивать на нихъ настоящія облавы. Обыкновенно онѣ происходили вечеромъ. Отрядъ охотниковъ отправлялся въ одинъ изъ мѣстныхъ трактировъ, куда во время стачки часто забѣгали шпіоны пообогрѣться и прислушаться къ разговорамъ публики, состоявшей изъ тѣхъ же стачечниковъ. „Есть фискалы?“ спрашиваетъ предводитель отряда когонибудь изъ знакомыхъ.— Вонъ сидитъ пара, давно ужъ тутъ вертятся, замѣчаютъ да подслушиваютъ“. Предводителю только этого и надо. Онъ шепчется со своими спутниками и располагается пить чай неподалеку отъ фискаловъ. Едва тѣ выходятъ изъ трактира, онъ выбѣгаетъ за ними. „Ребята, фискалъ, держи, держи!“ кричитъ онъ что есть мочи. Фискалы бросаются бѣжать, но на первомъ же углу натыкаются на засаду. Ихъ хватаютъ и ведутъ къ каналу. Здѣсь ихъ вѣжливенько кла-

дутъ на землю и, какъ по наклонной плоскости, пускають катиться внизъ по крутому берегу. Вывалившись въ снѣгу и стукнувшись объ ледъ, фискалы вскакиваютъ и стремглавъ летятъ въ участокъ. „Улю-лю-лю! улю-лю-лю!“ кричатъ имъ вслѣдъ рабочіе, и затѣмъ быстро расходятся по домамъ, по избѣжаніе полицейскихъ возмездій. Разсказы объ испытанныхъ фискалами непріятностяхъ очень потѣшали всѣхъ стачечниковъ.

Собственно говоря, революціонеры были для нихъ такими же неизвѣстными людьми, какъ и фискалы. Иногда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, на мѣсто дѣйствія вмѣсто старыхъ, знакомыхъ всей рабочей массѣ, „орловъ“ являлись совершенно новыя личности. Но замѣчательно, что стачечники никогда не ошибались, и ни разу ни одному революціонеру не пришлось испытать на себѣ дѣйствіе предназначеннаго для фискаловъ исправительнаго наказанія. Рабочіе какимъ-то чутьемъ отличали революціонеровъ отъ полицейскихъ сыщиковъ. Возможно, однако, что тѣ изъ нихъ, которые видѣли прежде въ шпионахъ тайныхъ агентовъ добродѣтельнаго царя, принимали потомъ за такихъ агентовъ самихъ революціонеровъ. Возможно также, что они приписывали царской милости и раздачу денегъ лишившимся кредита семьямъ. По крайней мѣрѣ сближеніе съ революціонерами не мѣшало большинству стачечниковъ надѣяться на помощь со стороны трона. Именно отъ „орловъ“ то и ждали, что они напишутъ прошеніе („хо-орошенькую бумажку!“). Обращаться съ такой просьбой къ революціонерамъ значило почти то же, что просить сатану отслужить молебень угоднику. Землевольцы заранѣе морщились при мысли о такого рода порученіи, тѣмъ болѣе, что „лавристы“, недовольные принятымъ ими способомъ дѣйствій, давно уже обвиняли ихъ въ измѣнѣ революціоннымъ принципамъ. Но дѣлать было нечего. Вѣру въ царя нужно было разрушать не словами, а опытомъ. И вотъ однажды утромъ въ квартиру Гоббста принесенъ былъ проектъ требуемаго прошенія. Одобренный мѣстнымъ рабочимъ кружкомъ, онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе рабочаго собранія, состоявшагося на обширномъ дворѣ Бумагопрядильни. Мало-лѣтніе рабочіе („ребятишки“), все время принимавшіе дѣятельное участіе въ стачкѣ, разсыпались по прилегающимъ улицамъ и переулкамъ, чтобы въ случаѣ приближенія по-

лиціи во время предупредить собравшихся. Кто-то (кажется, все тотъ же Иванъ) взобрался на большую кучу каменнаго угля и громогласно прочелъ прошеніе. Оно вызвало всеобщій восторгъ. „Вашему Императорскому Высочеству, говорилось въ немъ, не безызвѣстно, какіе плохіе были отведены намъ надѣлы, и какъ сильно страдаемъ мы отъ малоземелья!“—Вѣрно, вѣрно, гремѣла толпа, только званіе, что земля, а пользы отъ нея никакой!—„Вашему Императорскому Высочеству не безызвѣстно также, что за эти плохіе надѣлы мы платимъ огромныя подати“—продолжалъ чтець.—И это, такъ, и это вѣрно, одобряли слушатели, вздохнуть не дають съ податями!—„Вашему Императорскому Высочеству не безызвѣстно, наконецъ, съ какою жестокостью взыскиваются съ насъ эти тяжелыя подати,—раздавалось съ высокой каменноугольной трибуны. —нужда гонить насъ на заработки въ городъ, а здѣсь насъ на каждомъ шагу притѣсняють фабриканты и полиція“. Далѣе слѣдовалъ разборъ вызвавшихъ стачку новыхъ правилъ, а въ заключеніе говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочіе ждуть ее отъ наслѣдника престола, но если и онъ не обратитъ вниманія на ихъ просьбу, то ясно будетъ, что имъ остается надѣяться *только на самихъ себя*. Заключение также найдено было очень разсудительнымъ. „Если и отъ наслѣдника ничего не добьемся, то ужъ надо будетъ, какъ-никакъ, поправляться самимъ“, рѣшили слушатели. Такимъ образомъ, прошеніе было готово. Но какъ доставить его наслѣднику? Идти „ходокомъ“ къ Аничкову дворцу никому не хотѣлось, такъ какъ подобное путешествіе могло закончиться очень непріятнымъ образомъ. Рѣшено было нести прошеніе цѣлой толпою.

Полиція давно уже догадывалась, что стачечниковъ поддерживаютъ революціонеры. „Фискалы“ лѣзли изъ кожи вонъ, стараясь выслѣдить „подстрекателей“. Но землевольцевъ поймать было не легко, и шпіонскія усилія такъ и не привели бы, можетъ быть, ни къ чему, если бы не одна несчастная случайность.

Зимою 1877—78 гг. „интеллигенція“ находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Процессъ 193, этотъ долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ волновалъ всѣ оппозиціонныя элементы, Особенно горячилась учащаяся

молодежь. Въ университетѣ, въ медико-хирургической академіи и въ технологическомъ институтѣ происходили огромныя сходки, на которыхъ „нелегальные“ ораторы „Земли и Воли“, ни мало не стѣснясь возможнымъ присутствіемъ шпіоновъ, держали самыя недвусмысленныя рѣчи. Недавно основанная тайная землевольческая типографія усиленно работала. Кромѣ обширнаго отчета о „большомъ процессѣ“, изъ нея вышло тогда множество воззваній и, между прочимъ, проектъ адреса министру юстиціи Палену отъ учащейся молодежи, заключавшій въ себѣ рѣзкій протестъ противъ жандармской инквизиціи (мы называли въ шутку этотъ проектъ русской *petition of rights*). Всѣ подобныя изданія широко распространялись по Россіи, но понятно, что больше всего ихъ было въ Петербургѣ, гдѣ ихъ легко могъ достать всякій желающій. Выстрѣлъ В. И. Засуличъ и вооруженное сопротивленіе жандармамъ Ковальскаго съ товарищами въ Одессѣ (30 января 1878 г.) еще болѣе подлили масла въ огонь. Жажда дѣятельности и борьбы пробуждалась въ самихъ мирныхъ людяхъ. И не было революціоннаго предпріятія, для исполненія котораго не нашлось бы многихъ и многихъ охотниковъ.

Когда среди петербургской интеллигенціи разнесся слухъ о стачкѣ, студенты немедленно собрали въ пользу забастовавшихъ очень значительную сумму денегъ *). Но радикальная часть студенчества не довольствовалась денежными пожертвованіями. Ей хотѣлось поближе сойтись со стачечниками. Изъ студентовъ разныхъ заведеній составилаь небольшая группа, съ цѣлью пробраться на Обводный каналъ. Дойти до него было, конечно, не трудно, но никто изъ студентовъ не имѣлъ связей между тамошними рабочими. Они зашли въ портерную лавку, вѣроятно, разсчитывая встрѣтить тамъ стачечниковъ. Отъ портерной было рукой подать до Бумагопрядильни, и въ нее, дѣйствительно, нерѣдко заходили рабочіе, но именно потому тамъ во время стачки постоянно засѣдали „фискалы“, разумѣется, сейчасъ же обратившіе вниманіе на необычайныхъ посѣтителей. Не-

*) Впрочемъ, деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось къ стачечникамъ весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворинъ раззорился для ихъ поддержки на три рубля. За достовѣрность этого слуха не могу, однако, поручиться.

обычные посѣтителѣ, съ своей стороны, сообразили съ кѣмъ имѣють дѣло, но отступить не захотѣли. Прилегавшія къ Бумагопрядильнѣ улицы имѣли уже тогда тотъ особенный видъ, который обыкновенно принимаютъ наши рабочіе кварталы, когда въ нихъ пахнетъ хоть маленькимъ „бунтомъ“: шмыгаютъ фискалы, озабоченно бѣгаютъ околадочные, на перекресткахъ стоятъ цѣлыя кучи городскихъ, иногда показываются казаки, а неучаствующіе въ „бунтѣ“ рѣдкіе прохожіе боязливо озираются по сторонамъ, точно вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ что-то очень страшное. Такая картина даже на бывалого, выдавшего виды, революціонера дѣйствуетъ всегда самымъ возбуждающимъ образомъ. Тѣмъ болѣе сильно должна была она подѣйствовать на молодыхъ студентовъ. Войдя въ портерную, они, повидимому, уже плохо владѣли собою, а когда замѣтили шпіоновъ, совсѣмъ забыли всякую осторожность. „А вы слышали, господа, что въ Ростовѣ-на-Дону убили шпіона Никонова? *) Семь пуль всадили!“—сказалъ одинъ изъ нихъ, нарочно возвышая голосъ, чтобы его могли слышать тѣ, кому слышать ихъ вовсе не слѣдовало.—„Не семь, а одиннадцать“, поправилъ его шпіонъ, надѣвая шапку и выходя на улицу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ сопровожденіи полицейскихъ и пригласилъ гг. студентовъ „на пару словъ въ участокъ“. О поимкѣ „подстрекателей“ сейчасъ же извѣстили начальника тайной полиціи, который на подмогу вульгарнымъ уличнымъ шпіонамъ отрядилъ какого-то чиновнаго сыщика. А тѣмъ временемъ полиція вошла во вкусъ арестовъ и стала хватать прохожихъ, почему либо казавшихся ей подозрительными.. Такъ взятъ былъ совершенно ни за что, ни про что одинъ псковскій мѣщанинъ, едва только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ и отправившійся на Обводный каналъ по какому-то частному дѣлу. Почти одновременно съ нимъ схватили на улицѣ двухъ землепольцевъ, только что оставившихъ конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся во свояси. Арестовали также нѣсколькихъ рабочихъ, считавшихся „зачинщиками“ и на самомъ дѣлѣ принадлежавшихъ къ мѣстному революціонному кружку.

*) Свѣжая тогда новость.

Давно уже подготовлявшаяся, неизбежная полицейская гроза разразилась, наконецъ, со свойственной ей величавой силой.

Склонивъ управляющаго на нѣкоторыя, вполнѣ ничтожныя уступки, усмирители отпечатали и распространили между стачечниками видоизмѣненныя такимъ образомъ „новыя правила“, *) объявивъ, что всякій рабочій, отказывающійся подчиниться имъ, будетъ немедленно высланъ на родину. Къ счастью, отказались *всѣ*, а *всѣхъ* выслать было бы трудно даже для всемогущей полиціи и невыгодно для фабрики.

Стачечники очень сочувствовали арестованнымъ революціонерамъ. „Жаль, что не видѣли мы, какъ ихъ брали, говорили нѣкоторые, мы отбили бы ихъ у полиціи“. Что же касается до арестовъ въ ихъ собственной средѣ, то они скорѣе ожесточали, чѣмъ запугивали рабочихъ. Во всякомъ случаѣ, дня черезъ два послѣ описанныхъ происшествій, снова поднялись толки о подачѣ наслѣднику забытаго на время прошенія, которое и было торжественно отнесено къ Аничкову дворцу. Тамъ его принялъ, для передачи по назначенію, градоначальникъ. Рабочіе увѣряли послѣ, что когда Козловъ бралъ у нихъ прошеніе, наслѣдникъ стоялъ у окна и видѣлъ все происходившее. Это обстоятельство было, вѣроятно, плодомъ ихъ фантазіи, но тѣмъ не менѣе пришлось оно очень кстати. Никто не могъ бы убѣдить впослѣдствіи стачечниковъ, что ихъ прошеніе скрыли отъ наслѣдника недоброжелательные къ нимъ придворные.

Отнеся «бумагу» во дворецъ, градоначальникъ опять вышелъ къ просителямъ и объявилъ, что теперь наслѣдникъ приказываетъ имъ разойтись, отвѣтъ же на ихъ

*) Однимъ изъ схваченныхъ землевольцевъ былъ пишущій эти строки. Въ участкѣ, куда привели арестованныхъ, лежала на столѣ пачка «новыхъ правилъ», напечатанныхъ почти совершенно на такихъ же листкахъ, на какихъ мы печатали наши воззванія. Я обратилъ вниманіе околodочнаго на редакцію этихъ правилъ: «сначала въ нихъ идетъ рѣчь о двухъ грошовыхъ уступкахъ, а дальше слѣдуетъ рядъ статей, возвыщающихъ пониженіе заработной платы. Надо было сдѣлать наоборотъ: сначала возвѣстить о пониженіи платы, а потомъ уже обрадовать рабочихъ уступками. Такимъ образомъ они заѣли бы горькое сладкимъ». — «Что прикажете дѣлать, возразилъ околodочный съ видомъ глубокой, но грустной покорности судьбѣ, рабочему человѣку всегда будетъ горько, этого вы не перемѣните».

просьбу онъ дать имъ черезъ нѣсколько дней. Рабочіе немедленно и совершенно спокойно исполнили это приказаніе.

Полиція притихла, не зная, какъ стнесется къ прошенію наслѣдникъ, и стачка сдѣлалась на время какъ бы совершенно законнымъ явленіемъ. О ней заговорили въ газетахъ, осуждая дѣйствія фабричной администраціи. Стачечники сдѣлались героями дня. Адвокаты предлагали имъ безвозмездныя услуги, на нихъ стремились посмотрѣть, какъ смотрятъ на модныя диковины. Какой-то «нигилистъ», встрѣтивъ случайно пары двѣ этихъ интересныхъ людей, затащилъ ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ ихъ облюбовалъ цѣлый десятокъ другихъ нигилистовъ, также непременно желавшихъ видѣть ихъ у себя дома и показать друзьямъ,— и пошли наши рабочіе гулять изъ одной нигилистической квартиры въ другую, всюду возбуждая живѣйшій интересъ и съ удивленіемъ присматриваясь къ незнакомому имъ мірку. Впрочемъ, это были бойкіе «ребята», умѣвшіе показать себя и ни мало не смущавшіеся непривычной обстановкой. Какъ сейчасъ помню визитъ ихъ къ одному либеральному адвокату *), къ которому затащили ихъ нигилисты, чтобы посовѣтоваться съ нимъ «на счетъ стачки». Онъ встрѣтилъ ихъ торжественно и даже съ нѣкоторою робостью, какъ встрѣтилъ бы провинціалъ «знатнаго иностранца», а они, порядочно уже избалованные безтолковымъ вниманіемъ интеллигенціи и успѣвшіе возгордиться своимъ званіемъ стачечниковъ, обращались съ нимъ покровительственно и переважно развалились въ его мягкихъ креслахъ. Землевольтцы понимали, къ какимъ нелѣпымъ послѣдствіямъ можетъ привести *подобное* сближеніе интеллигенціи съ рабочими. Они старались положить ему конецъ и при всякомъ удобномъ случаѣ осмѣивали его какъ праздную забаву. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ нигилистовъ, что скоро въ тайной землевольтческой типографіи будетъ напечатано такое объявленіе: «Въ домѣ № X, въ квартирѣ № Y.

*) Арестъ мой продолжался всего одинъ день. Въ качествѣ «незаконнаго», я имѣлъ недурной паспортъ и носилъ ничѣмъ незапятнанное въ глазахъ полиціи имя какого-то потомственного почетнаго гражданина. Меня выпустили, обязавъ подпиской о невыездѣ. Я добросовѣстно исполнилъ это обязательство, такъ какъ долго послѣ этого не покидалъ Петербурга.

по такой-то улицѣ (при этомъ точно обозначалась квартира, наиболѣе прославившаяся частыми пріемами рабочихъ) отъ 2 до 6 часовъ пополудни показываются рабочіе, принадлежащіе къ рѣдкой и интересной породѣ стачечниковъ. За посмортрѣніе обыкновенные нигилисты платятъ по 20 копеекъ, выпущенные *) по 10, нигилистки же смотрятъ бесплатно». Но насмѣшки дѣйствовали такъ же мало, какъ и увѣщанія. Въ глазахъ многихъ «интеллигентовъ» путешествія рабочихъ по нигилистическимъ квартирамъ имѣли свою полезную сторону. Путешествія эти давали, повидимому, возможность повліять на стачечниковъ даже такимъ революціоннымъ кружкамъ, которые, не имѣя никакихъ постоянныхъ связей на Обводномъ каналѣ, очень огорчались, однако, преобладающимъ и постоянно растущимъ вліяніемъ тамъ «Земли и Воли». Многіе, несочувствовавшіе «бунтарству», революціонеры были убѣждены, что подъ нашимъ вліяніемъ стачка непременно кончится кровавой вспышкой. Напрасно говорили мы, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего подобнаго; намъ не вѣрили и радовались всякому случаю противопоставить намъ болѣе „мирное“ вліяніе. Въ этомъ, конечно, не было бы большой бѣды, если бы противодѣйствія намъ велись хоть сколько нибудь толково. Но что могло выйти изъ такихъ, напимѣръ, собесѣдованій съ рабочими? «Мирный пропагандистъ» настигаетъ нѣсколькихъ стачечниковъ въ какой нибудь нигилистической квартирѣ и заводитъ съ ними разговоръ о стачкѣ.

— Вы хотите, разумѣется, чтобы стачка сохранила совершенно мирный характеръ?—спрашиваетъ онъ ихъ самымъ утвердительнымъ тономъ.

— Конечно,—мирный,—отвѣчаютъ вопрошаемые.—Намъ что жъ, намъ пусть отмѣнять новыя правила, а больше намъ ничего не нужно!

— Никакихъ безпорядковъ вы дѣлать не желаете?

— Да зачѣмъ же намъ дѣлать безпорядки?! какой въ нихъ толкъ?

— Ну, вотъ и прекрасно, именно такъ поступать и

*) Подъ именемъ «выпущенныхъ» извѣстны были тогда революціонеры, привлекавшіеся по дѣлу о пропагандѣ въ 37 губ. и незадолго до «большого процесса» выпущенные на поруки. Ихъ было тогда очень много въ Петербургѣ.

нужно,—заключаетъ вопрошатель и рассказываетъ потомъ, что онъ «самъ» говорилъ съ рабочими и убѣдился, что бунтарямъ они вовсе не сочувствуютъ.

Иногда случалось такъ, что едва оставлялъ рабочихъ «мирный пропагандистъ», ихъ принимался допрашивать какой-нибудь молодой сторонникъ «вспышекъ».

— Ну что, какъ у васъ дѣла на фабрикѣ?

— Да что жъ наши дѣла, мы стоимъ на своемъ, а управляющій на своемъ, такъ вотъ и воловодимся.

— Не уступаетъ?

— Нѣтъ, пока что, крѣпко держится, шутъ его возьми!

— Ну, вы, конечно, за себя постоите? Его, подлеца, надо такъ проучить, чтобъ онъ и дѣтямъ своимъ заказалъ притѣснять рабочихъ!

— Да ужъ, само собой, не поддадимся, мы и фабрику-то всю разнесемъ въ дрызгъ, машины переломаемъ. Вотъ онъ и считай тогда барыши!

Сторонникъ вспышекъ уходилъ, вполне убѣжденный, что стачечники настроены самымъ „бунтарскимъ“ образомъ. Сначала рабочіе совсѣмъ не понимали, чего собственно хотятъ отъ нихъ „интеллигентные“ собесѣдники, и совершенно нелицемѣрно поддакивали людямъ противоположныхъ мнѣній, такъ какъ на самомъ дѣлѣ каждый стачечникъ съ одной стороны вовсе не желалъ безпорядковъ, а съ другой очень не прочь былъ помечтать о хорошемъ урокѣ управляющему. Но потомъ они начали соображать въ чемъ дѣло, поняли, какая разногласица существуетъ между „интеллигентными“ революціонерами, и пришли въ тяжелое недоумѣніе. „Ахъ, ты Господи, твоя воля, воскликнулъ при мнѣ у Гоббста одинъ, только что вернувшійся „изъ города“ рабочій, каждый-то кружокъ рѣшаетъ наше дѣло по своему. Вотъ тутъ и разбирайся!“

— А ты бы больше шлялся по городу, не то бы еще услыхалъ,—сердито заворчалъ на него Гоббстъ, который, какъ человѣкъ бывалый и крѣпко державшійся разъ принятаго направленія, ни мало не смущался революціонными разногласіями. Но его молодой товарищъ и самъ, кажется, убѣдился, что ему совсѣмъ нѣтъ надобности „шляться по городу“.

Такъ какъ серьезныя связи на мѣстѣ были у однихъ только „землевольтцевъ“, то нечего и говорить, что вліяніе

ихъ на стачечниковъ осталось непоколебимымъ. Рабочая масса попрежнему видѣла въ нихъ „орловъ“ и съ довѣріемъ прислушивалась къ ихъ совѣтамъ. Мало того, обстоятельства складывались такимъ образомъ, что землевольцы могли говорить съ нею совсѣмъ откровенно. Наслѣдникъ не сдержалъ своего обѣщанія, не отвѣтилъ на просьбу стачечниковъ. Нѣкоторые, болѣе довѣрчивые изъ нихъ, продолжали еще ждать и надѣяться, но за то другіе—и такихъ съ каждымъ днемъ становилось больше—рѣшили, что и наслѣдникъ, „не хуже градоначальника“ тянетъ руку управляющаго. „Нечего было и ходить къ нему, только сапоги трепали“, говорили теперь нерѣдко тѣ самые люди, которые прежде энергичнѣе всѣхъ стояли за подачу прошенія. Вынесенный изъ деревни политическій предразсудокъ быстро уступалъ мѣсто трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрѣли на верховную власть, какъ на вѣрную защитницу народныхъ интересовъ, теперь они стали видѣть въ ней сообщницу капиталистовъ. Этотъ новый взглядъ немедленно же выразился въ неизвѣстно кѣмъ сочиненной баснѣ о томъ, что наслѣдникъ находится въ интимной связи съ женою управляющаго и, кромѣ того, имѣетъ свой пай въ фабричномъ капиталѣ. Едва ли кто изъ стачечниковъ вѣрилъ этой баснѣ, но всѣ повторяли ее очень охотно. Революціонерамъ оставалось только подчеркивать тѣ выводы, къ которымъ пришли рабочіе на основаніи собственнаго опыта.

Между тѣмъ, ничего не отвѣчая рабочимъ, наслѣдникъ, очевидно, далъ понять градоначальнику, что желаетъ сохранить нейтралитетъ, и что поэтому полиція можетъ дѣйствовать съ обычнымъ своимъ усердіемъ. Для стачечниковъ вернулось тяжелое время. Полицейскія преслѣдованія возобновились и росли съ каждымъ днемъ. Дошло до того, что околоточные врывались въ артельныя квартиры и съ помощью городскихъ, насильно тащили рабочихъ на фабрику. Наиболѣе упорныхъ отводили въ участокъ, а оттуда въ пересыльную тюрьму. По улицамъ разъѣзжали сильные казачьи и даже жандармскіе отряды присутствіе которыхъ должно было подавлять у стачечниковъ всякую мысль объ открытомъ сопротивленіи. Наконецъ, явилась еще одна редакція „новыхъ правилъ“, сулившая рабочимъ новыя „уступки“. Доведенные до крайности, они сдались, и послѣ

двухнедѣльнаго затишья Бумагопрядильня снова пошла полнымъ ходомъ.

Стачка была подавлена не экономической силой капитала, а простымъ полицейскимъ насиліемъ: денежные сборы между „интеллигенціей“ и рабочими разныхъ промышленныхъ заведеній могли бы поддержать стачечниковъ по крайней мѣрѣ еще въ теченіе цѣлаго мѣсяца, дѣла же акціонернаго общества Новой Бумагопрядильни шли тогда далеко не такъ хорошо, чтобы оно могло вынести столь продолжительное „воздержаніе“ отъ эксплуатаціи чужого труда. Его выручила полиція. Стачечники ясно видѣли это, и намъ представлялся прекрасный случай выяснить имъ великое значеніе политической свободы. Они хорошо запомнили бы наши слова, такъ какъ всякая общая мысль, схваченная ими во время такихъ движеній, чрезвычайно прочно укрѣпляется въ ихъ головахъ. Но мы сами презирали еще тогда „буржуазную свободу“ и сочли бы себя измѣнниками, если бы вздумали восхвалять ее передъ рабочими. Въ этомъ заключается самая слабая сторона нашей тогдашней „агитаціи“. Возбуждая рабочихъ противъ „властей“ и „государства“, она не сообщала имъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ и потому не придавала сознательнаго характера ихъ неизбѣжной борьбѣ противъ *современнаго полицейскаго* государства. Замѣчательно, что съ такъ называемымъ обществомъ тѣ же землевольцы считали возможнымъ говорить совершенно иначе: они выставляли передъ нимъ, по крайней мѣрѣ иногда, довольно опредѣленные *положительныя* политическія требованія (см. напр. фельетоны „Земли и Воли“). Противопоставляя „соціализмъ“ „политикъ“, землевольцы считали борьбу за политическую свободу дѣломъ буржуазіи, рабочихъ же продолжали звать на „чисто“-экономическую революцію.

Какъ бы тамъ ни было, стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, несмотря на свой неудачный исходъ и на нашу ошибку, принесла большую пользу дѣлу рабочаго движенія въ Петербургѣ. За ея ходомъ внимательно слѣдили всѣ петербургскіе рабочіе, и многіе „сѣрые люди“, навѣрное, пришли къ тѣмъ же выводамъ относительно царской власти, какіе сдѣланы были ткачами и прядильщиками Обводнаго канала. Съ своей стороны, власть эта, нужно отдать ей справедливость, не упускала случая показать, что она

всецѣло стоитъ на сторонѣ капиталистовъ. Въ концѣ ноября 1878 года произошла стачка на прядильной фабрикѣ Кэнига за Нарвской заставой. Тамошніе рабочіе также вздумали обратиться съ „прошеніемъ“ къ наслѣднику, и утромъ 2 декабря ихъ выборные (30 человекъ) отправились къ Аничкову дворцу. Тамъ не только не помогли стачечникамъ, но даже не приняли ихъ прошенія. Ясно было, что правду говорили рабочіе Новой Бумагопрядильни, что ходить туда значило только „сапоги трепать“ безъ всякой пользы.

Впрочемъ, прядильщики кэниговской фабрики не очень нуждались въ подобномъ урокъ. Для нихъ не прошелъ даромъ опытъ ихъ товарищей съ Обводнаго канала. По всему видно, напротивъ, что они и раньше путешествія ихъ выборныхъ къ Аничкову дворцу знали, гдѣ искать настоящихъ друзей. Хотя на этой фабрикѣ совсѣмъ не велась революціонная пропаганда, но стачечники съ перваго же дня забастовки рѣшили сойтись со „студентами“, и отправили нѣсколькихъ человекъ на Обводный каналъ разузнать, какъ можно найти этихъ людей, „помогающихъ рабочимъ“. Хожденіе къ наслѣднику было предпринято съ вѣдома революціонеровъ и предпринято больше такъ себѣ, на всякій случай, чтобы окончательно убѣдить всѣхъ колеблющихся и сомнѣвающихся, если бы оказались такіе между стачечниками. При томъ же слѣдуетъ помнить, что по русскимъ законамъ стачка есть уголовное преступленіе, и что, въ виду этого, „прошенія“, подаваемая властями рабочими, имѣютъ нерѣдко значеніе встрѣчнаго иска, противопоставляемаго неизбѣжному иску фабриканта.

Въ подавленіи стачки на фабрикѣ Кэнига синяя полиція принимала болѣе горячее участіе, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Рабочихъ прямо тащили въ III Отдѣленіе, гдѣ и происходили ихъ объясненія съ хозяиномъ. Передъ этимъ таинственнымъ трибуналомъ г. Кэнигъ утверждалъ, что рабочимъ у него не житье, а масляница, стачка же произошла вслѣдствіе „постороннихъ внушеній“. Онъ обѣщалъ даже узнать и сообщить полиціи имена подстрекателей. Въ благодарность за это, третье-отдѣленскіе политики готовы были благословить будущаго доносителя на самыя противозаконныя дѣйствія. Во всемъ этомъ дѣлѣ ихъ, разумѣется, больше всего интересовалъ вопросъ о подстрекателяхъ.

Только о подстрекателяхъ и слышали рабочіе, когда полиція принималась „разбирать“ ихъ жалобы на хозяина. „Вы слушаетесь злыхъ людей, — кричалъ рабочимъ какой-то синій „генералъ“, явившись на фабрику въ одинъ изъ первыхъ дней стачки, — у меня здѣсь сто шпионовъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ, но если хозяинъ найдетъ, что этого мало, я пришлю еще столько же. Какъ только узнаю, что къ вамъ ходятъ бунтовщики, всѣхъ васъ въ въ Архангельскъ сошлю!“ *) Рабочіе увѣряли, что никакихъ бунтовщиковъ они не знаютъ, а между тѣмъ продолжали свои сношенія съ революціонерами и еще болѣе проникались уваженіемъ къ этимъ, прежде невѣдомымъ людямъ, которыхъ такъ сильно боялись генералы всѣхъ цвѣтовъ и хозяева различныхъ гильдій.

Интересно, что стачка на фабрикѣ Кэнига начата была малолѣтними рабочими. Дѣло въ томъ, что на бумагопрядильныхъ фабрикахъ получается много отброса, состоящаго изъ порвавшихся нитокъ. Этотъ отбросъ образуетъ возлѣ станковъ кучи такъ называемой *пыли*. Сортировкой «пыли» на фабрикахъ Кэнига занимается особый разрядъ работницъ. Но незадолго до описываемаго времени директоръ разсчиталъ этихъ работницъ и возложилъ сортировку пыли на такъ называемыхъ «заднихъ мальчиковъ»**). Тѣ „взбунтовались“, заявивши мастеру, что не станутъ работать до тѣхъ поръ, пока ихъ не избавятъ отъ новой обузы. Кэнигъ хотѣлъ было покончить дѣло поголовнымъ изгнаніемъ всѣхъ непокорныхъ заднихъ мальчиковъ. Тогда вступили въ стачку „средніе мальчики“ и взрослые рабочіе.

Несмотря на всѣ полицейскія застрашиванія, стачечники держались превосходно. Они не уступили даже тогда, когда Кэнигъ рѣшился на крайнюю мѣру, т. е. прогналъ ихъ *всѣхъ до одинаго*. Петербургскіе революціонные рабочіе кружки постарались пристроить ихъ на другихъ фабрикахъ.

Тотъ же 1878 г. ознаменовался нѣкоторыми, правда, незначительными побѣдами петербургскихъ рабочихъ. Такъ, въ концѣ августа на фортепьянной фабрикѣ Беккера (на

*) Замѣьте, что всѣхъ рабочихъ у Кэнига было не больше 200.

**) Каждый прядильщикъ работалъ на двухъ станкахъ, при чемъ у него было 2 подручныхъ мальчика: такъ называемый *средній*, 17—19 л., и *задній*, 12—14 лѣтъ.

набережной Большой Невки) такъ называемые ящичники, т. е. столяры, дѣлающіе деревянный ящикъ фортепьяно, потребовали повышенія заработной (поштучной) платы. Г. Беккеръ отвѣтилъ, что они могутъ увеличить свой заработокъ, переставши „понедѣльничать“, т. е. аккуратно являясь на работу по понедѣльникамъ. Ящичники забастовали. Черезъ три дня хозяинъ сдился.

Такъ же неудачно для хозяевъ кончились столкновенія ихъ съ „рабочими руками“ на табачныхъ фабрикахъ Мичри и бр. Шапшалъ. Эти столкновенія интересны тѣмъ, что на названныхъ фабрикахъ работали исключительно женщины.

24 сентября въ мастерскихъ табачной фабрики Мичри появилось объявленіе, гласившее, что папиросницы, получавшія 65 коп. за 1000 штукъ папиросъ перваго сорта, впредь будутъ получать 55 к.; а за 1000 шт. папиросъ втораго сорта, вмѣсто прежнихъ 55 к. будетъ платиться 45 к. Это пониженіе платы мотивировалось плохимъ сбытомъ товара. Мастерницы, какъ называютъ себя работницы, сорвали это объявленіе и пошли въ контору для объясненій. Тамъ онѣ сказали приказчику, что не согласны работать за уменьшенную плату и просили принять отъ нихъ палочки и машинки для дѣланія папиросъ. Тотъ обругалъ ихъ непечатной бранью. Его грубость окончательно взорвала „мастерицъ“: палочки, машинки и даже скамейки полетѣли въ окна; приказчикъ струсиль и послалъ за хозяиномъ. Г. Мичри не заставилъ долго себя ждать. Онъ немедленно явился на фабрику, и ласковая рѣчь его, а больше всего обѣщаніе уступки, успокоили толпу, состоящую приблизительно изъ сотни женщинъ. Попытка понизить и безъ того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Черезъ 2 дня такая же исторія повторилась на фабрикѣ бр. Шапшалъ на Пескахъ. Тамъ приказчикъ вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

Мастерицамъ табачной фабрики Шапшалъ.

Симъ объявляю, что, по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю съ каждой 1000 папиросъ по 10 коп.

Шапшалъ.

Мастерицы, здѣсь уже въ числѣ 200, немедленно сорвали это объявленіе и на его мѣстѣ вывѣсили новое:

Хозяину табачной фабрики Шапшаль.

Мы, мастерицы вашей фабрики, объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.

Мастерицы вашей фабрики.

Приказчикъ собралъ мастерицъ и потребовалъ, чтобы онѣ указали писавшую объявленіе. Онѣ отвѣтили, что это излишне, такъ какъ объявленіе писано отъ имени ихъ всѣхъ, и стали уходить. Приказчикъ поспѣшилъ послать за хозяиномъ. Послѣ напрасныхъ попытокъ убѣдить мастерицъ работать за пониженную плату, г. Шапшаль вынужденъ былъ уступить подобно г. Мичри.

Въ слѣдующемъ, 1879 году, стачечная зараза охватила нѣсколько фабрикъ одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателямъ Новой Бумагопрядильнѣ.

Съ тяжелымъ сердцемъ, уступая полицейскому насилию, рабочіе Новой Бумагопрядильни говорили намъ, что они покоряются не на долго и при первомъ же удобномъ случаѣ опять забастуютъ. По правдѣ сказать, мы не вѣрили имъ, видя въ ихъ словахъ не болѣе, какъ желаніе утѣшить и себя, и насъ въ испытанной неудачѣ. Но мы ошибались. Уже въ ноябрѣ 1878 г. полиція имѣла много хлопотъ съ неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого ноября (Михайловъ день) тамошніе рабочіе не явились на фабрику, мотивируя это тѣмъ, что, дескать,—праздникъ, работать грѣхъ. Но на другихъ фабрикахъ работа шла своимъ чередомъ, и управляющій Бумагопрядильни вздумалъ наверстать потерянное время удлиненіемъ рабочаго дня съ 13 часовъ, какъ было до тѣхъ поръ (отъ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ вычетомъ 2 часовъ на ѣду), до 13¹/₄ и продолжать работу при этомъ условіи до тѣхъ поръ, пока изъ кусковъ времени не составитъ полный день. Два дня работа шла до 8¹/₄ ч., возбуждая сильное неудовольствіе рабочихъ. На третій день кому-то пришло въ голову завернуть главный газопроводный кранъ въ 8 часовъ. Какъ только эта мысль была приведена въ исполненіе, рабочіе густой толпой повалили въ фабрики, причемъ разбили нѣсколько стеколъ и испортили 9 основъ. Вѣрный другъ

„отечественной промышленности“, полиція не могла вовремя явиться для возстановленія „порядка“, но за то на слѣдующее утро на фабрику явилась цѣлая орда охранителей, и въ теченіе нѣсколькихъ дней работа происходила въ ихъ благодѣтельномъ присутствіи, хотя уже не до 8^{1/4}, а только до 8 часовъ. Началось слѣдствіе: кто потушилъ? Кто могъ потушить? Человѣкъ 7 рабочихъ таскали въ участокъ. Приставъ горячился и кричалъ, что „ушлетъ ихъ въ Архангельскую губернію“. Однако это не помогло. Рабочіе отвѣчали, что ничего не знаютъ. Одна женщина, работавшая недалеко отъ крана, показала на допросѣ, что кранъ завернулъ какой-то рабочій, лицо котораго было закрыто передникомъ. Кто былъ этотъ рабочій—осталось неизвѣстнымъ, дѣло пришлось передать „суду и волѣ Божіей“. Съ тѣхъ поръ полиція стала зорко слѣдить за рабочими.

15 января слѣдующаго года рабочіе Бумагопрядильни по обыкновенію пришли на фабрику рано утромъ. Нѣсколько часовъ прошло обычнымъ порядкомъ; но передъ обѣдомъ въ ткацкое отдѣленіе явился главный мастеръ и вывѣсилъ объявленіе, приглашавшее 44-хъ ткачей къ *разсчету*. На вопросъ—за что такая немилость?—мастеръ отвѣтилъ, что эти 44 человѣка выбрасываются на улицу за свое „бунтовство“, и что впредь всѣ неблагонадежные будутъ прогоняемы. Заявилъ онъ также, что вообще администрація фабрики въ виду постоянныхъ бунтовъ, думаетъ замѣнить ткачей-мужчинъ женщинами и дѣтьми. Рѣчь его была прервана взрывомъ негодованія. Объявленіе было изорвано въ клочки, самъ ораторъ долженъ былъ ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домамъ обѣдать. Послѣ обѣда они собрались передъ воротами фабрики густой толпой, черезъ которую не прошелъ одинъ изъ тѣхъ, кто еще колебался пристать къ стачкѣ. Директоръ поспѣшилъ извѣстить полицію о новомъ „бунтѣ“. Около фабрики забѣгали „фискалы“, показались околodочные, въ полной формѣ, съ револьверами на боку; ихъ сопровождали десятки городовыхъ. Но полиція пока еще не обнаруживала большой стремительности, вѣроятно, потому, что не получила еще надлежащихъ наставленій съяше.

Къ вечеру того же дня ткачи рѣшили, кромѣ отмѣны распоряженія объ изгнаніи бунтовщиковъ, требовать также:

1) повышенія заработной платы—5 коп. на кусокъ ткани; 2) сокращенія рабочаго дня на 2¹/₂ часа; 3) отѣны нѣкоторыхъ штрафовъ; 4) изгнанія нѣсколькихъ ненавистныхъ имъ мастеровъ и подмастерьевъ; 5) присутствія выборныхъ отъ рабочихъ при приѣмѣ сдаваемой ими ткани и, наконецъ; 6) выдачи имъ платы „за все время стачки, какъ будто работа и не прекращалась“. Требованія эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны въ тайной типографіи „Земли и Воли“.

Слухи о стачкѣ на Новой Бумагопрядильнѣ быстро распространились между фабричными, и на слѣдующій день на Обводный каналъ явилось 40 выборныхъ отъ ткачей фабрики Шау (Шавы, какъ произносили рабочіе) за Нарвской заставой. „Шавинскіе“ также рѣшили забастовать и предлагали „новоканавцамъ“ *) выработать общія требованія. Правда, полного тождества въ требованіяхъ стачечниковъ этихъ двухъ фабрикъ быть не могло, такъ какъ порядки, практиковавшіеся г. Шау отличались отъ порядковъ, существовавшихъ на Бумагопрядильнѣ. У „Шавы“ работа шла безостановочно день и ночь, причемъ рабочіе раздѣлялись на двѣ смѣны: однѣ сутки одна смѣна работала 16 час., а другая 8, слѣдующая—наоборотъ. Трудолюбивый фабрикантъ не прекращалъ работы даже вечеромъ наканунѣ праздниковъ: она приостанавливалась только въ 6 часовъ праздничнаго утра. Г. Шау заботился также и о продовольствіи рабочихъ: у него была мелочная лавка, въ которой они *обязаны* были покупать продукты. Читатель легко можетъ представить себѣ, какъ выгодно это было для заботливаго хозяина. Иногда, прийдя за получкой въ контору, рабочій узнавалъ, что весь его заработокъ ушелъ на уплату по его забору въ хозяйской лавкѣ.

Съ одобренія «новоканавцевъ» «шавинскіе» рабочіе представили своему хозяину, слѣдующія требованія:

«1) Чтобы на каждый вытканый кусокъ прибавили платы по 5 коп.

«2) Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

«3) Чтобы основы выдавали хорошія, и чтобы матеріалъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

*) Рабочіе называли Обводный каналъ Новой Канавой.

«4) Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже слѣдили наши выборные.

«5) Чтобы не штрафовали за поломъ инструментовъ, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни и надобности.

«6) Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ, по получкѣ денегъ на руки.

«7) Чтобы на больницу платилось не по 1¹/₄ коп. съ рубля, а по 10 коп. въ мѣсяцъ.

«8) Чтобы за кипятокъ *) на фабрикѣ рабочіе не платили.

«9) Чтобы утромъ давалось время съ 8¹/₂ до 9 ч. на завтракъ.

«10) Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась въ 8 час. вечера.

«11) Чтобы газовыя горѣлки расположить какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣсто для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

«12) Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсеньева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ нѣтъ житья! и мы съ ними не хотимъ работать.

«13) За время стачки денегъ съ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

«14) Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ, а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпустятъ **).

Предъявленное фабриканту послѣднее (14-ое) требованіе съ формальной точки зрѣнія могло бы показаться бессмыслицей. Но въ дѣйствительности оно имѣло большой практическій смыслъ, такъ какъ аресты рабочихъ происходили по настоянію и, нерѣдко, по личному указанію фабрикантовъ. Стачечники нашли полезнымъ предупредить г. Шау, что даже въ случаѣ исполненія всѣхъ остальныхъ требованій они не станутъ работать, пока не прекратятся аресты и не будутъ освобождены арестованные:

На сходкѣ представителей отъ обѣихъ фабрикъ были,

*) Для чаю.

**) Подробности объ этихъ и нѣкоторыхъ предыдущихъ стачкахъ заимствованы мною изъ 3 и 4 №№ „Земли и Воли“, гдѣ онѣ были описаны мною на основаніи свѣдѣній, своевременно собранныхъ на мѣстѣ.

между прочимъ, обдуманы мѣры для поддержанія бѣднѣйшихъ изъ стачечниковъ. Такихъ естественно должно было оказаться болѣе у «Шавы», который грозился немедленно прекратить выдачу припасовъ изъ своей лавки. Рѣшено было первые сборы предоставить въ распоряженіе его рабочихъ. Сборы же предполагалось дѣлать на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. Въ этомъ смыслѣ были напечатаны (разумѣется, въ тайной типографіи) воззванія ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ. Надежда на ихъ помощь не была напрасной: сборы дѣлались почти повсемѣстно, и возбужденіе рабочихъ во время этихъ сборовъ было подчасъ такъ велико, что грозило перейти, а мѣстами и переходило, въ забастовку.

На фабрикѣ Мальцева (на Выборгской сторонѣ) разбросаны были вооззванія стачечниковъ. По этому поводу полиція арестовала рабочаго, заподозрѣннаго въ ихъ разбрасываніи. Его товарищи заволновались. Пошли толки о томъ, чтобы послѣдовать примѣру „новоканавцевъ“, но хозяинъ ласковымъ обращеніемъ и обѣщаніемъ разныхъ благъ въ будущемъ возстановилъ спокойствіе. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской сторонѣ) не удалось отдѣлаться одними обѣщаніями: онъ вынужденъ былъ прибавить по 3 коп. на каждый кусокъ ткани. Волновались рабочіе на Охтѣ, Такъ заразительно подѣйствовалъ примѣръ. А тѣмъ временемъ полиція и фискалы дѣлали свое дѣло.

Уже въ ночь съ 16—17 числа произведено было нѣсколько арестовъ. Арестовано было 6 человѣкъ изъ рабочихъ Шау, 20 человѣкъ съ Н. Бумагопрядильни, одинъ слесарь на Лиговкѣ и т. д. Аресты еще болѣе усилили раздраженіе рабочихъ. До 17 числа только ткачи участвовали въ стачкѣ на Н. Бумагопрядильнѣ. Съ того же числа къ ней пристали и прядильщики; фабрика совсѣмъ остановилась. О подачѣ какихъ бы то ни было „прошеній“ теперь уже никто не думалъ. „Новоканавцы“ только смѣялись, когда мы напомнили имъ объ ихъ прошлогоднемъ хожденіи съ прошеніемъ „то-то дураки-то были!“—говорили они.

На фабрику Шау въ качествѣ миротворца явился нѣкій „полковникъ“. Рабочіе подали ему письменное изложеніе своихъ требованій и категорически заявили, на меньшемъ не помирятся.

— Согласны вы на эти требованія? — спросилъ полковникъ хозяина.

Тотъ, разумѣется, отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, такъ чего же вы такіе-сякіе хотите?—заревѣлъ миротворецъ,—даявась!..” и т. д., и т. д. полились обычныя въ такихъ случаяхъ словеса „кротости и увѣщанія“, т. е., брань, украшенная непечатными словами... „у меня, заключилъ храбрый воинъ, сейчасъ 25,000 солдатъ подъ ружьемъ, попробуйте только бунтовать!“

— Больно ужъ много ты, ваше благородіе, войска-то для насъ наготовилъ-то,—насмѣшливо замѣтили рабочіе,—насъ всего-то здѣсь 300 человекъ и съ бабами, и съ ребятами, а мужиковъ-то не будетъ больше сотни.

Полковникъ понялъ, что зарапортовался, и прикусилъ языкъ, приказавъ, для поддержанія своего авторитета, схватить одного изъ остряковъ, но толпа окружила эту жертву полковничьяго смущенія и отстояла ее отъ полицейскихъ покушеній. Такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ чиновный миротворецъ.

Не желая обращаться къ властямъ ни съ какими *прошеніями*, стачечники нерѣдко предъявляли имъ теперь очень настойчивыя *требованія*. Такъ, напримѣръ, рабочіе Н. Бумагопрядильни рѣшились требовать освобожденія своихъ товарищей, арестованныхъ ночью съ 16 на 17 января. 18-го числа, часовъ около 10 утра, толпа около 200 человекъ собралась недалеко отъ зданія фабрики. Здѣсь было прочитано и одобрено слѣдующее заявленіе:

„Мы, рабочіе Новой Бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдёмъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія. Что же касается полиціи, то мы отказываемся отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаемъ ничего худого. Если ихъ обвиняютъ въ чемъ либо, пусть судятъ ихъ у мирового, при чемъ мы всѣ будемъ свидѣтелями ихъ невинности. Теперь же ихъ арестовали и держатъ безъ суда и слѣдствія, что противно, даже существующимъ законамъ“.

Когда читалось это заявленіе, подошелъ околodочный; онъ предложилъ рабочимъ пойти къ участку для объясненія съ приставомъ, но они предпочли переговорить съ градоначальникомъ. Путь ихъ къ дому градоначальника лежалъ черезъ Загородный проспектъ. На немъ есть или, по край-

ней мѣрѣ, былъ домъ „мѣщанской гильдіи“ съ проходнымъ дворомъ. Едва рабочіе прошли черезъ этотъ дворъ и вышли на Фонтанку, ихъ атаковали жандармы съ приставомъ Бочарскимъ во главѣ, тѣмъ самымъ приставомъ, который только-что приглашалъ стачечниковъ притти къ нему для объясненій. По всей вѣроятности, полиція, еще наканунѣ узнавши о намѣреніи рабочихъ добиваться освобожденія заключенныхъ, заранѣе приготовилась къ отпору, и переданное околodочнымъ приглашеніе пристава было простой ловушкой. Видя, что не удастся заманить рабочихъ въ участокъ, г. Бочарскій пустился преслѣдовать ихъ, какъ Фараонъ убѣгавшихъ изъ Египта евреевъ.

Произошла свалка. Жандармы мяли лошадыми рабочихъ, рабочіе защищались, какъ умѣли. У нѣкоторыхъ оказались кистени, а знакомый уже читателю Иванъ, принимавшій горячее участіе въ стачкѣ, вытащилъ даже кинжалъ и ранилъ имъ лошадь насккававшего на него жандарма. Но силы были слишкомъ неравны, нападеніе было слишкомъ неожиданно. Жандармы побѣдили. Къ счастью для рабочихъ, упомянутый проходной дворъ обезпечилъ имъ довольно безопасное, хотя и безпорядочное отступленіе.

Со времени этой битвы полиція удесятерила свою энергію. Начались непрерывные аресты. Нѣсколькихъ такъ называемыхъ зачинщиковъ выслали на родину, другихъ— въ сѣверныя губерніи. Рабочихъ били и даже грабили *. Лавочникамъ полиція прямо запретила давать стачечникамъ въ долгъ продукты. Зараженные стачкою мѣстности были буквально наводнены «силицей жандармскою». Черезъ нѣсколько дней упорнаго сопротивленія рабочіе сдались, получивъ нѣкоторыя ничтожныя уступки.

Эта новая неудача измѣнила настроеніе бывшихъ стачечниковъ развѣ только въ смыслѣ еще большаго озлобленія противъ всяческаго начальства и еще большаго сочувствія къ революціонерамъ. Рабочая среда вообще все болѣе привыкала смотрѣть на революціонеровъ, какъ на своихъ естественныхъ друзей и союзниковъ, а на тайную земле-

*) Одинъ изъ стачечниковъ проходилъ недалеко отъ Н. Бумагошрядильни, играя на гармоникѣ. На него бросился жандармъ и выхватилъ гармонику. Рабочій отправился жаловаться на этотъ „дневной грабежъ“ въ участокъ. Его выругали, а гармоники не возвратили.

вольческую типографію, какъ на орудіе гласности, всецѣло предназначенное къ ихъ услугамъ. Такой взглядъ укрѣплялся даже въ тѣхъ уголкахъ Петербурга, куда не проникала революціонная пропаганда.

Однажды мнѣ, какъ члену редакціи «Земли и Воли», передали конвертъ съ надписью: *Господину Редактору*. Я нашелъ въ немъ двѣ четвертушки сѣрой бумаги. «Господинъ редакторъ,—написано было на одной четвертушкѣ,—пожалуйста напечатайте наше воззваніе, и если нужно, будьте такъ добры, поправьте». На другой написано было воззваніе: *„Голосъ рабочево народа, работающихъ и страдающихъ у подлнца Макселля“*. Въ воззваніи говорилось, что рабочіе фабрики Макселля, доведенные до крайности хозяйскими притѣсненіями, видятъ себя вынужденными прибѣгнуть къ стачкѣ и, сообщая объ этомъ остальнымъ петербургскимъ рабочимъ, просятъ ихъ поддержки. Текста воззванія я на память, разумѣется, возстановить не могу. Помню только одну фразу изъ середины:—*„мы работаемъ, стараемся, а онъ свенья не доволнѣ нами“*—да заключительныя слова:—*„Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждого“*. Зато я хорошо помню общее впечатлѣніе, произведенное воззваніемъ на меня и на моихъ товарищей по редакціи. Мы положительно пришли въ восторгъ. Столько свѣжаго чувства, столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумѣлости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько неотразимой убѣдительности было въ этой далеко не грамотной прокламаціи, что мы сочли непозволительнымъ дѣлать въ ней какія нибудь существенныя измѣненія и ограничились исправленіемъ грамматическихъ ошибокъ. Едва ли не на слѣдующій же день воззваніе было отпечатано и передано авторамъ. Вотъ что узналъ я о причинѣ неудовольствія макселлевскихъ фабричныхъ.

Низкая плата, непомѣрно длинный рабочій день, штрафы и придирки мастеровъ и подмастерьевъ,—все это, разумѣется, имѣло мѣсто на фабрикѣ г. Макселля, какъ и на другихъ фабрикахъ. Но этотъ почтенный предприниматель внесъ, кромѣ того, еще одну особенность въ практикуемый имъ способъ эксплуатаціи рабочей силы. Около своей фабрики (за Невской заставой) онъ выстроилъ большой домъ для помѣщенія своихъ рабочихъ. Другими словами, къ вы-

годному ремеслу фабриканта онъ рѣшилъ присоединить тоже небезвыгодное ремесло домовладѣльца. Надо отдать ему справедливость—домъ его былъ построенъ очень хорошо, жить въ немъ было бы очень удобно, несравненно удобнѣе, чѣмъ въ тѣхъ грязныхъ домахъ безъ воздуха и свѣта, гдѣ ютились его рабочіе. Бѣда заключалась лишь въ томъ, что назначенныя г. Макселлемъ квартирныя цѣны были сравнительно очень высоки и ужъ во всякомъ случаѣ не по средствамъ фабричныхъ рабочихъ. Вотъ почему тѣ и не хотѣли селиться въ его фаланстерѣ. Съ своей стороны, просвѣщенный капиталистъ такъ твердо рѣшился облагодѣтельствовать свои «рабочія руки», что не отступалъ даже передъ очень крутыми мѣрами. Онъ грозилъ немедленно прогнать съ фабрики всѣхъ консерваторовъ, отказывающихся жить въ его домѣ. Отсюда — раздраженіе рабочихъ, рѣшившихся стачкой положить конецъ оздоровительному упорству г. Макселля. Совершенно безъ всякихъ „постороннихъ внушеній“ и помимо всякаго вліянія затронутыхъ революціонной пропагандой „бунтовщиковъ“, — такихъ не было на ихъ фабрикахъ, — они выработали планъ дѣйствій, а для исполненія его сочли необходимымъ обратиться за помощью къ рабочему населенію Петербурга и къ революціонному обществу „Земля и Воля“. Нечего и говорить, что воззваніе было написано ими самими, но слѣдуетъ прибавить, что мысль о немъ подана была имъ примѣромъ „шавинскихъ“ и „новоканавскихъ“ рабочихъ, которые, какъ я уже сказалъ, во время своей стачки обращались съ воззваніемъ „къ рабочимъ всѣхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ“. Вѣроятно, это послѣднее воззваніе тогда же попало на фабрику Макселля, очень возможно также, что макселлевскіе рабочіе не отказались поддержать стачечниковъ своими трудовыми грошами, и теперь были увѣрены, что и имъ не откажутъ въ такой же поддержкѣ. Заключительныя слова «голоса рабочаго народа, работающихъ и страдающихъ у подлца Макселля» были цѣликомъ заимствованы изъ одного воззванія, напечатаннаго по поводу второй стачки на Обводномъ каналѣ. Эти слова: „будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждого“ — какъ видно, хорошо выразили тогдашнее настроеніе петербургскихъ рабочихъ, потому что послѣ неизмѣнно повто-

рялись ими во всевозможныхъ случаяхъ ихъ борьбы съ полиціей и предпринимателями.

Вообще въ то время рабочее движеніе росло съ необычайной быстротой. Любопытно видѣть, какъ отражалось это явленіе въ тогдашней революціонной литературѣ.

Передовая статья № 4 „Земли и Воли“, вышедшаго въ свѣтъ 20 февраля 1879 г., цѣликомъ посвящена вопросу о роли городскихъ рабочихъ „въ боевой народно-революціонной организаціи“. „Волненія фабричнаго населенія, говорится въ этой статьѣ, постоянно усиливающіяся и составляющія теперь злобу дня, заставляютъ насъ, раньше чѣмъ мы разсчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашимъ городскимъ рабочимъ въ этой организаціи. Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самую жизнь, самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей“ *). Чрезвычайно характерно это, незначай вырвавшееся у народника признаніе. Рабочій вопросъ, дѣйствительно, самую жизнь выдвигался впередъ, наперекоръ народнической догматикѣ. Неудивительно, что разрѣшить его нельзя было съ помощью этой догматики. Народническая интеллигенція могла лишь, подобно автору указанной статьи, рекомендовать рабочимъ-соціалистамъ „агитацію“, „агитацію“, „агитацію“ и „агитацію“, да упрекать ихъ въ томъ, что онъ, будто бы забывая объ этой агитаціи, слушаютъ „чтенія о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ“. Къ началу 1879 года *рабочее движеніе* переросло *народническое ученіе* на цѣлую голову. Въ виду этого неудивительно, что наиболѣе развитая часть петербургскихъ рабочихъ, вошедшая въ основанный около того времени „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“, въ своихъ политическихъ взглядахъ и стремленіяхъ значительно разошлись съ бунтарями-народниками.

IV.

„Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“ естественно возникъ изъ того ядра петербургской рабочей организаціи, которое, какъ я говорилъ въ первой статьѣ, составилось изъ „ста-

*) Курочивъ мой.

рыхъ“ испытанныхъ революціонеровъ-рабочихъ. Формальное основаніе Союза относится, насколько могу припомнить, къ концу 1879 года. Уже съ первыхъ недѣль своего существованія онъ насчитывалъ не менѣе 200 членовъ, а вокругъ него группировалось, по крайней мѣрѣ столько же сочувствующихъ, но еще не посвященныхъ въ организационную тайну рабочихъ. Большинство членовъ его принадлежало къ числу „заводскихъ“. Въ каждомъ значительномъ рабочемъ кварталѣ Петербурга были особые кружки, составлявшіе мѣстную вѣтвь Союза. Каждая вѣтвь имѣла свою кассу и свою „конспиративную“ квартиру. Для завѣдыванія ея дѣлами выбирался небольшой комитетъ. Члены мѣстнаго комитета были въ то-же время членами *Центральнаго Кружка*, который собирался черезъ извѣстные промежутки времени по общимъ дѣламъ Союза. Въ распоряженіи *Центральнаго Кружка* находилась особая касса, а также союзная *библіотека*. Центральная касса, какъ и мѣстные кассы, пополнялась членскими взносами. Около времени второй стачки на Новой Бумагопрядильнѣ въ ней было руб. 150 — 200. Эта „свободная наличность“, какъ выразился бы г. Вышнеградскій, вся ушла на поддержку стачечниковъ, но члены Союза исправно дѣлали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библіотеки, то ею особенно дорожилъ и гордился Союзъ. И дѣйствительно, она была самымъ цѣннымъ его достояніемъ. Составилась она частью изъ купленныхъ рабочими, а больше изъ пожертвованныхъ интеллигенціей книгъ. Собирались эти книги въ теченіи цѣлаго года и собирались такъ старательно, что едва ли хотъ одинъ гражданинъ „интеллигентной“ республики Петрополя избѣжалъ неожиданнаго книжнаго налога. Много хламу подарила рабочимъ интеллигенція, но подарила не одинъ хламъ. По пословицѣ „съ міру по ниткѣ — голому рубаха“, у Союза образовался большой запасъ книгъ по самымъ различнымъ отраслямъ знанія. Число книгъ было такъ велико, что нельзя было хранить ихъ въ одной рабочей квартирѣ. Вслѣдствіе этого библіотека была подраздѣлена на нѣсколько частей и развезена по различнымъ рабочимъ кварталамъ. Каждый кварталъ имѣлъ своего библіотекаря, у котораго былъ полный списокъ *всѣхъ* принадлежавшихъ Союзу книгъ. Если кто нибудь изъ членовъ мѣстной вѣтви выбиралъ по ~~этой~~

аннаго квартала, то бібліотекаръ представлялъ заявленное требованіе очередному собранію Центрального Кружка, и книга доставлялась изъ другого квартала. Благодаря такой постановкѣ дѣла, полиціи все же не такъ легко было открыть существованіе бібліотеки и „накрыть“ ея обладателей. Пользовались книгами, черезъ посредство знакомыхъ членовъ, и не принадлежавшіе къ Союзу рабочіе, но о существованіи бібліотеки, разумѣется, не знали.

Практика скоро обнаружила главнѣйшій недостатокъ новой организаціи. Союзъ, какъ цѣлое, могъ дѣйствовать только по рѣшенію Центрального Кружка, собиравшагося раза два въ недѣлю. Занятые работой и живущіе въ различныхъ частяхъ города, а иногда и за городомъ, члены Центрального Кружка не могли встрѣчаться чаще. Но въ промежутокъ времени между двумя его собраніями могли совершиться событія, требовавшія немедленнаго дѣйствія со стороны Союза. Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Уставъ не говорилъ. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, до очереднаго собранія Центрального Кружка оставалось два дня. Халтуринъ, тотчасъ узнавшій о ней, очутился въ очень затруднительномъ положеніи: до *очереднаго* собранія стачка легко могла быть подавлена полиціей, а между тѣмъ, чтобы обѣгать всѣхъ членовъ Центрального Кружка и созвать ихъ на *чрезвычайное* собраніе (извѣстно, что къ почтѣ русскіе революціонеры, по понятной причинѣ, прибѣгаютъ очень неохотно), надо было тоже не менѣе двухъ дней. Замедленіе во всякомъ случаѣ было неизбежно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными сношеніями со стачечниками. Придать организаціи Союза большую легкость и подвижность можно было лишь избраніемъ особаго распорядительнаго комитета, состоящаго изъ небольшого числа лицъ и имѣющаго право, въ важныхъ случаяхъ, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, не дожидаясь собраній. Къ этой мысли, кажется, и пришли потомъ члены Союза.

Возникновенію Союза нельзя было не радоваться даже съ нашей тогдашней, народнической, точки зрѣнія. Но программа его причинила намъ не малое огорченіе. Въ ней—о, ужась!—прямо было сказано, что рабочіе считаютъ завоеваніе политической свободы необходимымъ условіемъ цальнѣйшихъ успѣховъ своего движенія. Мы, презиравшіе

„буржуазную“ свободу и считавшіе ее опасной ловушкой, оказались въ положеніи высидѣвшей утятъ курицы. Въ особой замѣткѣ, посвященной обзору новой программѣ, редакція „Земли и Воли“ мягко, но рѣшительно высказалась противъ рабочей ереси. Въ замѣткѣ повторены были тѣ доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и бакунистами противъ „политики“. Но членамъ Союза такіе доводы перестали казаться убѣдительными. Въ отвѣтъ на замѣтку они прислали длинное письмо въ редакцію, въ которомъ говорили, что рѣшительно не видятъ, какъ можетъ успѣшно идти рабочее движеніе при отсутствіи политической свободы, и какимъ образомъ для рабочихъ можетъ быть невыгодно пріобрѣтеніе ими политическихъ правъ *). Тяжело было народникамъ слышать отъ рабочихъ столь „буржуазныя“ разсужденія! Но еще тяжелѣе поразило ихъ почудившееся имъ въ письмѣ презрѣніе Союза къ крестьянству. Дѣло въ томъ, что, защищая свое требованіе политической свободы, авторы письма сказали, между прочимъ, что вѣдь они, рабочіе, не *Сысойки*. Это выраженіе истолковано было революціонной интеллигенціей въ смыслѣ кичливаго презрѣнія къ деревнѣ. Но правильно ли было подобное истолкованіе? Конечно, нѣтъ. Слова—„мы не Сысойки“ свидѣтельствовали только о томъ, что русскіе рабочіе уже тогда стояли безконечно выше того „простонародья“, на которое ссылались всѣ социалисты—противники политической свободы. Съ давнихъ поръ наши социалисты „изъ интеллигенціи“ утверждали, что „простонародью“ не нужно свободы печати, такъ какъ книгъ и газетъ оно не читаетъ и, слѣдовательно цензурнымъ уставомъ не интересуется; что ему не нужно политическихъ правъ, такъ какъ, задавленное бѣдностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрагиваются только экономическими порядками, политическія же формы для него безразличны и т. п., и т. п. Такъ разсуждалъ иногда еще Чернышевскій, и такъ же разсуждали и мы, когда предостерегали рабочихъ отъ увлеченія политикой. Но развитому рабочему очень трудно

*) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ № 5 „Земли и Воли“, въ которомъ появилось письмо рабочихъ, и окончанія 4-го № содержащаго вышеупомянутую замѣтку редакціи. Поэтому, я указываю только на общій смыслъ поднявшейся полемики, который я очень хорошо помню.

было согласиться съ нами. „Какъ же это такъ? Простому человѣку не нужно свободы печати, потому что онъ *ничего не читаетъ*; не нужно политическихъ правъ, потому что онъ *не интересуется* борьбою политическихъ партій! Что же хорошаго въ простомъ человѣкѣ, отличающемся подобными отрицательными свойствами? Вѣдь это Сысойка! И вѣдь пока простонародье будетъ состоять изъ Сысоевъ, социализмъ останется несбыточною мечтою! Простонародье *должно читать*, и потому *должно добиваться свободы печати*; оно *должно интересоваться* политическими дѣлами своей страны, и потому *должно добиваться политическихъ правъ*; оно *должно имѣть свои союзы и собранія*, и потому *должно добиваться свободы союзовъ и собраній*. И не только *должно*. Оно отчасти *уже* читаетъ книги, *уже* чувствуетъ потребность въ союзахъ и собраніяхъ, *уже* стремится выступить на политическую арену. Оно *уже* переросло Сысоевъ. Мы, рабочіе, *уже* не таковы, какимъ воображаютъ народъ его интеллигентные доброжелатели. Доказательствомъ этому служить наше собственное движеніе. Но все это только начало. Если мы хотимъ итти впередъ, намъ непрѣменно нужно сбить заграждающія нашъ путь полицейскія рогатки!“ Вотъ—смыслъ отвѣтнаго письма Союза и въ особенности словъ: „мы не Сысойки“. Можетъ быть, авторы письма не выяснили его себѣ тогда со всѣхъ сторонъ; можетъ быть, Сысоевъ они упомянули не затѣмъ, чтобы однимъ мѣткимъ словомъ характеризовать тотъ идеальный „народъ“, котораго бунтари готовы было противопоставлять будто бы зараженному буржуазнымъ духомъ петербургскому пролетариату. Но характеристика все-таки была дана, хотя бы и не преднамѣренно. Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ сознавалъ, что онъ состоитъ не изъ Сысоевъ. И именно это сознание свидѣтельствовало объ его политической зрѣлости.

Какъ бы тамъ ни было, будущій историкъ революціоннаго движенія въ Россіи долженъ будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ семидесятыхъ годахъ требованіе политической свободы явилось *прежде всего въ рабочей программѣ*. Это требованіе сближало „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“ съ западно-европейскими рабочими союзами, придавало ему *соціаль-демократическую окраску*. Говорю—*окраску*, потому что вполне соціаль-демократической программу союза признать было бы невозможно. Въ нее вошла не малая доза

народничества. Этой прилипчивой болѣзни трудно было избѣжать въ Россіи, да притомъ авторы программы, разоидясь съ нами по коренному вопросу о политической свободѣ, не чужды были, кажется, желанія позолотить пилюлю, порадовавъ насъ народническими требованіями.

Напечатанная въ видѣ отдѣльнаго листка, программа Союза не была, къ сожалѣнію, перепечатана ни въ одномъ революціонномъ изданіи. Найти ее теперь можно было бы только въ архивахъ покойнаго Третьяго Отдѣленія. Говоря о ней на память, я не могу входить ни въ какія подробности.

Извѣстіе объ основаніи Союза радостно встрѣчено было рабочими всюду, куда доходило. Варшавскіе рабочіе привѣтствовали петербургскую организацію адресомъ, въ которомъ говорили, что пролетаріатъ долженъ быть выше національной вражды и преслѣдовать общечеловѣческія цѣли. Союзъ отвѣчалъ имъ въ томъ же духѣ, выражалъ надежду на скорую побѣду надъ общими врагами и заявлялъ, что не отдѣляетъ своего дѣла отъ дѣла рабочихъ всего міра. Это былъ едва ли не первый примѣръ дружескихъ сношеній русскихъ рабочихъ съ польскими.

Союзъ не думалъ ограничивать поле своей дѣятельности однимъ Петербургомъ. Самое названіе его (*Сѣверно-Русскій союзъ*) принято было лишь на время, лишь до тѣхъ поръ, пока не пристанутъ къ нему рабочіе провинціальныхъ городовъ. Идеаломъ вожаковъ Союза была единая и стройная *всероссійская рабочая организація*.

V.

Что представляли тогда собою провинціальныя рабочіе? Насколько коснулось ихъ революціонное движеніе? Читатель знаетъ, что пропагандна между рабочими считалась народнической интеллигенціей побочнымъ дѣломъ; что ея революціонныя программы никогда не отводили рабочему классу самостоятельной роли. Главныя силы интеллигентныхъ революціонеровъ направлялись на крестьянскую массу. Отсюда вытекали такого рода, на первый взглядъ странныя, явленія.

Какъ промышленный центръ, Москва почти не уступаетъ Петербургу. Но въ Петербургѣ происходило значительное рабочее движеніе, въ Москвѣ оно было слабѣе, чѣмъ въ

Кіевѣ или въ Одессѣ. „Рабочее дѣло“ всегда было обязано своими успѣхами случайнымъ причинамъ. Центромъ сѣверно-русскихъ революціонныхъ организацій интеллигенціи являлся Петербургъ. Тамъ всегда было много свободныхъ революціонныхъ силъ. И уже одного этого было достаточно, чтобы тамъ началась пропаганда между рабочими. Изъ Москвы революціонныя силы стремились въ Петербургъ, или даже въ большіе города юга. Въ Москвѣ „рабочее дѣло“ могло бы начаться только въ томъ случаѣ, если бы ему придавалось самостоятельное значеніе. Но это условіе отсутствовало, поэтому и было слабо въ Москвѣ „рабочее дѣло“.

Въ Саратовѣ очень мало развита фабрично-заводская промышленность; тамошніе рабочіе — по преимуществу мелкіе ремесленники, а между тѣмъ въ 1877 — 78 — 79 г.г. тамъ постоянно жилъ то тотъ, то другой „земледелецъ“, занимавшійся исключительно пропагандой между рабочими. Владимірская губернія усѣяна фабриками, ея населеніе мѣстами сплошь состоитъ изъ фабричныхъ рабочихъ, но никому изъ землепользователей и въ голову не пришло поселиться во Владимірской губерніи. Поволжье считалось мѣстностью, въ которой крестьянство еще сохранило свои революціонныя „преданія“. Поэтому оно избрано было главной ареной „бунтарской“ дѣятельности. Въ Самарской, въ Саратовской, въ Астраханской губерніяхъ заводились „поселенія въ народъ“, Саратовъ былъ главной квартирой дѣйствовавшихъ „въ народѣ“ землепользователей. Поэтому они считали полезнымъ и нужнымъ обезпечить себѣ поддержку его рабочаго населенія: когда поднимется поволжское крестьянство пригодятся и саратовскіе рабочіе. Во Владимірскомъ же промышленномъ округѣ торжествовалъ капитализмъ, въ этой несчастной мѣстности съ незапамятныхъ временъ прекратились значительныя крестьянскія движенія, въ ней умерли народныя „преданія“, исказились народныя „идеалы“. Поэтому ходить туда землепользователямъ незачѣмъ. *Призракъ оказался сильнее дѣйствительности.* Постоянно мелькавшія въ воображеніи бунтарей тѣни Разина и Пугачева больше вліяли на распредѣленіе революціонныхъ силъ, чѣмъ дѣйствительный ходъ экономическаго развитія. До какой степени ошибались бунтари въ оцѣнкѣ живыхъ силъ народа, можетъ показать слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ 1878 г. землепользовцы много толковали о томъ, чтобы про-

4
никнуть въ Ярославскую губернію. Вы подумаете, можетъ быть, что ихъ почему либо превлекало къ себѣ тамошнее рабочее населеніе? Совсѣмъ нѣтъ, о тамошнихъ рабочихъ забыли и думать. Тутъ была другая и ужъ поистинѣ болѣе тонкая причина. Изъ „Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“ Кельсіева землеvolыцы узнали, что въ Ярославской губерніи процвѣтала когда-то секта бѣгуновъ. Одинъ бунтарь „слышалъ“ даже, что и теперь существуютъ бѣгуны въ одномъ селѣ Ярославской губерніи. Вотъ и думали снарядить экспедицію для ихъ изловленія. Но бѣгунъ потому и называется бѣгуномъ, что вѣчно бѣгаетъ. Изловить его не такъ легко, какъ „поселиться“ среди мирноживущаго подъ игомъ своихъ „идеаловъ“ крестьянства. Увидя, что подступа къ ярославскимъ бѣгунамъ не имѣется, бунтари махнули рукой на Ярославскую губернію. Интересоваться ею изъ за однихъ рабочихъ не позволяла программа.

Въ тѣхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ интеллигенція, по тѣмъ или другимъ причинамъ, находила нужнымъ шевелить трудящееся населеніе, рабочіе кружки непрерывно существовали съ самаго начала семидесятыхъ годовъ. Иногда ихъ разбивала полиція, иногда, вяло поддерживаемые интеллигенціей, они дѣйствовали очень вяло, но въ общемъ почва для революціонной рабочей оранизаціи была и въ провинціи достаточно уже подготовлена.

Въ Одессѣ рабочая масса настолько сочувствовала революціонерамъ, что во время суда надъ Ковальскимъ (въ іюлѣ 1878 г.) она принимала дѣятельное участіе въ демонстраціи передъ зданіемъ суда *). Относительно Харькова у

*) См. статью „Одесса во время суда надъ Ковальскимъ“ въ № 2 „Земли и Воли“. „Изъ пяти дней судебнаго разбирательства три выпали на долю праздничныхъ, когда народъ не работаетъ, говоритъ авторъ этой статьи. Это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало скопленію публики у зданія суда“. Какъ вела себя эта, въ значительной степени рабочая публика, читатель можетъ видѣть изъ той же статьи. Я приведу изъ нея только одинъ эпизодъ. Когда войска оттѣснили толпу отъ суда, часть ея направилась къ Приморскому бульвару. „На бульварѣ аристократія сибаритничала за столами, уставленными напитками и яствами.—Сволочь! обратился одинъ рабочій къ благодушствующимъ, вы объѣдаетесь и опиваетесь въ ту мнуну, когда осуждаютъ людей на смертную казнь! Палачи предають смерти одного изъ лучшихъ сыновъ русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!“ Это было сказано среди бѣла дня, подъ солдатскими ружьями и казацкими пиками.

насъ есть любопытное свидѣтельство мѣстнаго губернатора „Соціальныя ученія, писалъ онъ въ своемъ „всеподданнѣйшемъ“ отчетѣ за 1877-й годъ—къ счастью и несмотря на дѣлаемые многочисленныя попытки со стороны злоумышленниковъ, можно сказать, вовсе еще не проникли въ среду сельскаго населенія, остающагося вѣрнымъ началамъ религіи, нравственности и порядка. Нельзя того же сказать о низшемъ классѣ городскаго населенія, которое, подкапываемое соціальными ученіями, во многомъ утратило прежнюю неприкосновенность религіозныхъ вѣрованій и патріархальности семейныхъ отношеній. Классъ фабричныхъ рабочихъ, весьма многочисленный въ Харьковѣ, *) требуетъ усиленнаго надзора и не представляетъ залоговъ устойчивости противъ распространенія новыхъ ученій. Въ средѣ этого населенія революціонная пропаганда встрѣчаетъ постоянное сочувствіе, и въ случаѣ какого либо движенія въ смыслъ перехода отъ теоріи къ дѣйствию, классъ харьковскихъ рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, не представитъ отпоры возмутителямъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія подслушанные агентомъ полиціи въ средѣ фабричнаго населенія разговоры объ обременительности податей, о неизвѣстности, на что и куда тратятся деньги, забираемые съ народа, о безконтрольности правительства и тому подобныя сужденія, неслыханныя въ простомъ народѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Конечно, свобода сужденій повременной печати могла частію навѣять подобныя мысли, но несомнѣнно, что главными виновниками подобнаго настроенія фабричнаго населенія это — распространители революціонной пропаганды, усиленно работающіе между фабричными города Харькова. Вообще политическое состояніе губерніи, спокойное въ отношеніи массы сельскаго населенія, помѣстнаго дворянства и вообще владѣльцевъ недвижимои собственности, весьма тревожно въ отношеніи низшихъ классовъ городскаго населенія, учащейся молодежи и тѣхъ подонковъ общества, неимѣющихъ ничего терять,

*) Это не вѣрно, фабричныхъ рабочихъ не много въ Харьковѣ, но не въ томъ дѣло.

которые столь многочисленны въ большихъ городахъ *). Въ отчетѣ Екатеринославскаго губернатора за 1879 г., навѣрное, заключались столь же рѣзкія выраженія по адресу „низшаго класса населенія“ Ростова на Дону. Извѣстно, что у ростовской полиціи были въ томъ году большія не-пріятности съ рабочими.

Не помню точно, въ какой день праздника Пасхи, полицейскіе схватили на базарѣ подгулявашаго рабочаго и потащили его въ часть, какъ водится, не жалѣя пинковъ и подзатыльниковъ. „Братцы, заступитесь, закричалъ рабочій покрывавшему базарную площадь народу, изувѣчатъ меня въ части!“ Народъ зашевелился; довольно значительная толпа рабочихъ послѣдовала за удивившими арестованнаго полицейскими, прося ихъ отпустить его. Тѣ отвѣчали ругательствами и, введя арестованнаго въ зданіе части, принялись колотить его не на животь, а на смерть. Услыхавъ его отчаянные крики, толпа стала бросать камни въ окна и ломиться въ ворота частнаго дома. Кто-то крикнулъ, что слѣдуетъ разнести всю часть. Сдѣлать это было не такъ-то легко: ея крѣпкія ворота были заперты, въ окнахъ нижняго этажа стояли городовые съ обнаженными шашками и револьверами. Начался правильный приступъ. Нѣсколько дюжихъ молодцовъ притащили откуда-то огромное бревно; толпа поняла ихъ мысль, бревно схватили десятки рукъ; распѣвая „дубинушку“, имъ стали дѣйствовать, какъ тараномъ, и черезъ нѣсколько минутъ ворота были выбиты. Народъ ворвался въ часть. Полицейскіе, которые успѣли тѣмъ временемъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ нападавшихъ, моментально скрылись черезъ имъ однимъ извѣстные ходы. Въ самое короткое время часть была разнесена.

Покончивъ съ нею, толпа бросилась на остальные части,

*) См. „Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета харьковскаго губернатора за 1877-й годъ“ въ № 2 „Земли и Воли“. „Подслушанные агентомъ полиціи“ толки „о безконтрольности правительства“ и т. д. показываютъ, что и харьковская рабочая среда начинала сознать значеніе политическихъ правъ и политической свободы. Казалось бы, что нашимъ либераламъ нужно было прежде всего искать опоры въ подобной средѣ. Но они, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, ни о чемъ такъ охотно не разсуждаютъ, какъ о незрѣлости и непригодности русскаго рабочаго класса къ борьбѣ за политическую свободу. Удивительно проницательные и глубокомысленные люди.

потомъ опустошила квартиры полицеймейстера и нѣкоторыхъ квартальныхъ. О сопротивленіи ей никто не думалъ. Полуживой отъ страха полицеймейстеръ прятался въ Нахичевани, а военныя власти Ростова не увѣрены были даже въ томъ, что имъ удастся оборонить банкъ и острогъ (гдѣ сидѣло нѣсколько „политическихъ“). Разумѣется, полетѣли телеграммы къ губернатору, изъ Новочеркасска двинулись для усмиренія казаки, а въ Таганрогѣ стала готовиться къ выступленію артиллерія *). Но, пока что, городъ былъ въ рукахъ „бунтовщиковъ“.

Я пріѣхалъ въ Ростовъ на другой же день послѣ „разнесенія“ частей и видѣлъ всѣ его слѣды. Невозможно представить себѣ картину болѣе полного опустошенія. Въ зданіяхъ частей выломаны были полы, выбиты стекла съ рамами и двери съ притолоками, разрушены печи, попорчены крыши. И на далекое разстояніе мостовая, усѣянная обломками мебели, покрыта была, какъ снѣгомъ, клочками порванныхъ полицейскихъ бумагъ.

— Какая дикость!—воскликнетъ иной благовоспитанный читатель.

Конечно,—дикость. Но вѣдь противодѣйствіе равняется дѣйствію, и странно удивляться, что дикій произволъ полиціи вызываетъ дикую, подчасъ, ярость народа.

А въ то же время замѣтите, что эта разъяренная толпа умѣла сохранить свое достоинство. Никто изъ опустошителей не позволилъ взять себѣ ничего изъ уничтожаемаго имущества полицейскихъ. Это тогда же подтверждено было всѣми очевидцами. Только когда стали „разносить“ домъ полицеймейстера и выкинули на улицу нѣсколько штукъ прекраснаго полотна, какой-то солдатъ попросилъ себѣ кусокъ на рубаху. Толпа удовлетворила просьбу „служиваго“, тутъ же уничтоживъ весь остатокъ.

Еще одна черта. Разбивши одну часть и направляясь къ другой, толпа проходила мимо еврейской синагоги. Мальчикъ кинулъ камень въ ея окно. Его сейчасъ же остано-

*) Вскорѣ послѣ этого я познакомился съ однимъ изъ стоявшихъ въ Таганрогѣ артиллерійскихъ офицеровъ. „У насъ офицеры говорили, что они не станутъ стрѣлять въ народъ“—сказалъ мнѣ мой новый знакомый. Не знаю, какъ другіе, а этотъ человѣкъ не ограничился бы словами. Впослѣдствіи онъ дѣломъ доказалъ свое сочувствіе революціонерамъ.

вили. „Не трогай жидовъ, сказали ему, нужно бить не жидовъ, а полицію“.

Настоящая „дикость“ выступила на сцену только ночью, въ лицѣ многочисленныхъ въ Ростовѣ „босаяковъ“. Буйно провела эту ночь ростовская „босая команда“! Обрадовавшись отсутствію полиціи, она прежде всего поспѣшила разграбить питейные дома, а потомъ, напившись до безпамятства, обрушилась на публичные дома и стала бить несчастныхъ проститутокъ. Явившіяся на слѣдующее утро войска положили конецъ этимъ безобразіямъ, въ которыхъ рабочіе совсѣмъ не участвовали и которыми они возмущались до такой степени, что безъ прихода войскъ ихъ анти-полицейское движеніе, вѣроятно, прекратилось бы въ силу естественной реакціи противъ подвиговъ босой команды.

Несмотря на такой неожиданно-плачевный оборотъ ростовской „революціи“, воспоминаніе о ней долго еще ободряло рабочихъ, какъ наглядный примѣръ того, что народъ можетъ дать хорошій урокъ даже и всемогущей въ Россіи полиціи.

Мнѣ рассказывали, что когда слухъ о „разнесеніи“ ростовской полиціи дошелъ до углекоповъ Донецкихъ копей, они двинулись отрядомъ въ 150—200 человѣкъ на помощь ростовцамъ, но дорогой узнали о возстановленіи „порядка“ и поспѣшили возвратиться домой.

Что касается существовавшихъ въ провинціальныхъ городахъ революціонныхъ рабочихъ кружковъ, то лично я зналъ такіе кружки въ Ростовѣ, Саратовѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. По составу своему они были гораздо разнообразнѣе, смѣшаннѣе петербургскихъ. Въ нихъ попадались члены, по развитію и по высокому уровню потребностей не уступавшіе петербургскимъ заводскимъ рабочимъ, но рядомъ съ ними попадались и совсѣмъ „сѣрые“, иногда неграмотные. Нерѣдко преобладали въ нихъ мелкіе самостоятельные ремесленники, и притомъ не подмастерья, а именно *хозяева*. Въ Петербургѣ я совсѣмъ не встрѣчалъ подобныхъ послѣдователей социализма и чувствовалъ себя въ странномъ положеніи, когда, случалось, революціонеръ-*хозяинъ* совѣтовалъ мнѣ остерегаться его *работника*, какъ *ненадежнаго* чело-вѣка. „Да, вѣдь, ты самъ эксплуататоръ, вѣдь на тебя два рабочихъ трудятся“,— шутилъ иногда со своимъ пріятелемъ-портнымъ, переѣхавшій изъ Петербурга въ Саратовъ „сѣ-“

водской“ В. Я. Портной конфузился, — Да что жъ дѣлать-то, братъ ты мой? Я и самъ не радъ, что теперь такіе порядки, а жить-то тоже надо. Вотъ придетъ революція, тогда ужъ не буду эксплуататоромъ“.

Мнѣ хотѣлось допытаться, откуда берется недовольство у людей этого слоя, какая изъ темныхъ сторонъ ихъ положенія яснѣе всего отражается въ ихъ сознаніи. „Очень ужъ насъ притѣсняетъ дума, всѣ городскіе расходы на насъ, бѣдняковъ, сваливаетъ“, объяснилъ мнѣ одинъ ростовскій мѣщанинъ, горячій революціонеръ, имѣвшій свою кузницу и нѣсколькихъ подмастерьевъ. Возможно, что и многіе другіе ремесленники-революціонеры были разбужены прежде всего безобразіями нашего городского „самоуправленія“.

„Чарочка“, „пьянка“, къ сожалѣнію, слишкомъ привлекательны иногда для русскихъ ремесленниковъ. Въ этомъ отношеніи они далеко оставляютъ за собою фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, у которыхъ я рѣдко замѣчалъ склонность къ злоупотребленію спиртными напитками.

На Волгѣ и на Дону между рабочими-революціонерами попадались люди, прежде придерживавшіеся раскола. Расколъ не имѣетъ, да и никогда не имѣлъ, серьезнаго значенія, какъ оппозиціонная общественная сила. Часто онъ дѣйствуетъ прямо вредно, приучая человѣка къ обрядности, къ буквоедству, отвлекая его мысль отъ земныхъ нуждъ къ небесному блаженству. Но тяжелый жизненный опытъ и потребность въ чтеніи научили раскольниковъ не бояться запрещенной книги и уважать людей, страдающихъ за свои убѣжденія. Землеволюцы „спропагандировали“ на Волгѣ молодаго бѣгуна, очень способнаго парня. По ихъ просьбѣ онъ написалъ воспоминанія о своей жизни между раскольниками. Изъ этихъ воспоминаній я какъ сейчасъ помню то мѣсто, гдѣ онъ рассказываетъ о своей встрѣчѣ со ссыльными поляками. Совсѣмъ еще ребенокъ ѣхалъ онъ съ отцомъ изъ Тюмени въ одну изъ внутреннихъ губерній европейской Россіи. По дорогѣ столкнулись они съ партіей поляковъ. „Что это за люди?“ спросилъ мальчикъ отца. — А это, мой милый, поляки; ихъ гонитъ начальство не хуже насъ грѣшныхъ. Много горя принимаютъ они отъ правительства.“ Эта способность сочувствовать *политическому* „преступнику“ уже сама по себѣ можетъ послужить залогомъ сближенія съ такимъ „преступникомъ“, а потомъ — при благопріятныхъ

условіяхъ— и полного усвоенія его образа мыслей. И это тѣмъ болѣе, что между раскольниками встрѣчаются страстные и безпокойные искатели истины, неспособные надолго удовлетвориться сектантской догматикой. Я зналъ одного бывшего раскольника, который уже пятидесятилѣтнимъ старикомъ присталъ къ революціонной партіи. Этотъ человѣкъ всю жизнь „ходилъ по вѣрамъ“, забредалъ даже въ Турцію, ища между тамошними раскольниками „настоящихъ людей“ и „настоящей правды“, и, наконецъ, нашелъ искомую правду въ социализмѣ, распростиаясь навсегда съ небеснымъ царемъ и всей душой возненавидѣвъ владыкъ земныхъ. Я не встрѣчалъ болѣе страстнаго, болѣе неутомимаго проповѣдника. Часто вспоминалъ онъ, бывало, о какомъ-то расколоучителѣ, очевидно, имѣвшемъ на него прежде сильное вліяніе. „Эхъ, кабы мнѣ теперь встрѣтить его, восклицалъ онъ, я бы объяснилъ ему, что есть истина!“ Онъ былъ душою рабочаго кружка (гдѣ именно, не скажу, „страха ради іудейска“) и его нельзя было запугать никакими преслѣдованіями. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ зналъ, что хорошо „принять мученическій вѣнецъ“ за свои убѣжденія. Кончилъ онъ Сибирью.

Повторяю, всюду, гдѣ интеллигенція давала себѣ трудъ сходиться съ провинціальными рабочими, она могла похвалиться очень замѣтнымъ успѣхомъ. А если бы дѣлу сближенія съ рабочими она посвятила хоть половину тѣхъ силъ и средствъ, которыя потрачены были на „поселенія“ и на разные агитаціонные опыты въ крестьянствѣ, то къ концу семидесятыхъ годовъ социальна революціонная партія твердо стояла бы уже на русской почвѣ. Рабочіе охотно шли на встрѣчу интеллигенціи.*) И въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ на Дону, мнѣ постоянно приходилось слышать однѣ и тѣ же жалобы, однѣ и тѣ же просьбы: „интеллигенція забываетъ о насъ; займитесь рабочимъ дѣломъ; пришлите

*) Въ шестидесятыхъ годахъ въ Саратовѣ жилъ подъ надзоромъ полиціи, впоследствии оставившій Россію, А. Х. Х. Онъ сблизился со многими мѣстными рабочими. Они долго помнили его. Въ 1877 г. они рассказывали намъ, землевольцамъ, что со времени его пребыванія въ Саратовѣ въ мѣстной рабочей средѣ никогда не потухала зароненная имъ искорка революціонной мысли. Люди, никогда не знавшіе его лично, вели отъ него свою умственную родословную. Такой глубокой слѣдъ оставляетъ въ этой средѣ всякое доброе вліяніе!

изъ Петербурга хотѣ нѣсколькихъ знающихъ, ловкихъ людей,—вы увидите, какъ пойдетъ оно въ нашемъ городѣ.“

Въ виду этого, какъ нельзя болѣе современнымъ являлось намѣреніе Центрального Кружка Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза войти въ правильныя сношенія съ провинціальными рабочими. Между его членами были люди, которые и по знаніямъ, и по энергіи, и по опытности могли поспорить съ любымъ „интеллигентомъ“. Таковъ былъ, напримѣръ, Степанъ Халтуринъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ его имя, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Пора поближе познакомить читателя съ этой замѣчательной личностью.

VI.

Степанъ Халтуринъ родился въ Вяткѣ. Его родители, бѣдные мѣщане, посылали его въ дѣтствѣ въ какую-то школу, а затѣмъ отдали въ ученіе къ столяру. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ скоро нашелъ мѣсто на заводѣ. Не знаю, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ захватило его революціонной волной, но въ 1875—76 гг. онъ былъ уже дѣятельнымъ пропагандистомъ. Если не ошибаюсь, въ первый разъ я встрѣтился съ нимъ дня за два до описанныхъ въ первой статьѣ похоронъ убитыхъ взрывомъ рабочихъ патроннаго завода. Я былъ въ числѣ „бунтарей“, приглашенныхъ принять участіе въ задуманной по этому поводу демонстраціи, онъ—въ числѣ рабочихъ, подготовлявшихъ демонстрацію. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, наружность которыхъ не даетъ даже приблизительно вѣрнаго понятія объ ихъ характерѣ. Молодой, высокій и стройный, съ хорошимъ цвѣтомъ лица и выразительными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень красиваго парня; но этимъ дѣло и ограничивалось. Ни о силѣ характера, ни о выдающемся умѣ не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. Въ его манерахъ прежде всего бросалась въ глаза какая-то застѣнчивая и почти женственная мягкость. Говоря съ вами, онъ какъ будто и конфузился, и боялся обидѣть васъ некстати сказаннымъ словомъ, рѣзко выраженнымъ мнѣ-

ніемъ. Съ его губъ не сходила нѣсколько смущенная улыбка, которою онъ какъ бы заранѣ хотѣлъ сказать вамъ: „я такъ думаю, но если это вамъ не нравится, то прошу извинить“. Такими манерами отличались иногда въ доброе старое время молодые, благовоспитанные провинціалы на первыхъ шагахъ своей свѣтской карьеры. Но къ рабочему она мало подходила, и во всякомъ случаѣ не она могла убѣдить васъ въ томъ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который далеко не грѣшилъ излишней мягкостью характера и недостаткомъ самоувѣренности.

Близко сойтись съ нимъ можно было только на дѣлѣ. Рабочему вообще некогда вдаваться въ тѣ безконечныя собесѣдованія, которыми любитъ услаждаться интеллигентная публика, и въ которыхъ собесѣдники выворачиваютъ другъ передъ другомъ всю свою душу. Степанъ же въ особенности не любилъ душевныхъ изліяній. Хотя во внѣшнемъ обращеніи застѣнчивость его исчезала при болѣе близкомъ знакомствѣ съ человѣкомъ, однако она всегда держала его на сторожѣ, дѣлая для него совершенно невозможнымъ то нравственное состояніе, которое обозначается словами: «душа на распашку». Побесѣдовать и онъ былъ не прочь, и при томъ не только со своимъ братомъ-рабочимъ, но и съ «интеллигентами». Пока онъ былъ легальнымъ, онъ даже охотно селился по сосѣдству со студентами и искалъ ихъ знакомства, заимствуясь у нихъ книгами и всякаго рода свѣдѣніями. Не рѣдко за полночь засиживался онъ у такихъ сосѣдей. Но и тамъ онъ мало высказывался. Придетъ и подниметъ разговоръ на какую нибудь теоретическую тему. Хозяинъ оживится, обрадованный случаемъ просвѣтить темнаго рабочего человѣка, говоритъ долго, вразумительно и по возможности «популярно», а Степанъ слушаетъ, лишь изрѣдка вставляя свое слово и внимательно, нѣсколько исподлобья, посматривая на собесѣдника своими умными глазами, въ которыхъ по временамъ появляется выраженіе добродушной насмѣшки. Въ его отношеніи къ студентамъ всегда была нѣкоторая доля юмора, пожалуй даже ироніи: знаю, молъ, я цѣну вашему радикализму; пока учитесь, всѣ вы—страшные революціонеры, а кончите курсъ, да получите мѣстечки, и какъ рукой сниметъ ваше революціонное настроеніе! Посмѣивался онъ также надъ студенческимъ трудолюбіемъ. «Видѣлъ я, какъ они рабо-

таютъ, говариваль онъ, развѣ это работа! Посидить часа два на лекціяхъ, почитаетъ часть-другой книжку,—и готово, иди въ гости чай пить и разговоры разговаривать!»! Къ рабочимъ онъ относился совсѣмъ иначе, подшучивать надъ ними не позволялъ ни себѣ и никому другому. Въ особенности—интеллигенціи. Какъ огонь вспыхиваль онъ, когда интеллигентъ дѣлалъ при немъ какой-нибудь не совсѣмъ лестный отзывъ о рабочихъ. Въ рабочихъ видѣлъ онъ самыхъ надежныхъ, прирожденныхъ революціонеровъ, и ухаживаль за ними какъ заботливая нянька: училъ, доставаль книги, «опредѣлялъ къ мѣстамъ», мирилъ ссорящихся, журилъ виноватыхъ. Его очень любили товарищи. Онъ зналъ это и платилъ имъ еще большей любовью. При всемъ томъ, не думаю, чтобы и въ обращеніи съ ними его покидала привычная сдержанность. Не знаю, какъ вель онъ себя съ тѣми рабочими, которыхъ привлекалъ къ дѣлу въ революціонныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Можетъ быть, тогда онъ и даваль волю всему, что кипѣло у него на душѣ. Но на кружковыхъ рабочихъ собраніяхъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не клеилось, когда собравшіеся говорили что-нибудь несообразное, или уклонялись отъ предмета сходки, Степанъ прорывался. Краснобаемъ онъ не былъ,—иностранныхъ словъ, которыми любятъ пощеголять рабочіе, никогда почти не употреблялъ, — но говорилъ горячо, толково и убѣдительно. Его рѣчью и исчерпывались обыкновенно пренія. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающихъ. Между петербургскими рабочими были люди не менѣе его знавшіе и способные. были люди больше его видавшіе на своемъ вѣку, пожившіе за границей. Тайна огромнаго вліянія, своего рода диктатуры Степана заключалась въ неутомимомъ вниманіи его ко всякому дѣлу. Еще задолго до сходки онъ переговоритъ со всѣми, ознакомится съ общимъ настроеніемъ, обдумаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленнымъ. Онъ выражаетъ общее настроеніе. То, что говоритъ онъ, сказалъ бы, вѣроятно, каждый изъ его товарищей, но они не такъ вдумчиво отнеслись къ дѣлу,—иные по лѣности, иные потому, что заняты были другими, можетъ быть, даже гораздо болѣе важными дѣлами, а Степанъ ни къ чему не могъ относиться невни-

мательно. Не было такой ничтожной практической задачи, рѣшеніе которой онъ беззаботно предоставилъ бы другимъ. Онъ приходилъ на собраніе съ совершенно установившимся взглядомъ на подлежавшій обсужденію вопросъ. Потому-то съ нимъ и соглашались. А съ другой стороны, потому то онъ и досадовалъ, потому-то онъ и горячился, когда пренія затягивались безъ толку. «Вѣдь это же все такъ просто, говорило его выразительное лицо, неужели же васъ могутъ затруднять подобные пустяки?»

Халтуринъ стличался большою начитанностью. Это вызвало невольное уваженіе къ нему, но и эта черта не могла особенно удивить человѣка, знавшаго заводскихъ рабочихъ: страстные любители чтенія вовсе не были рѣдкостью между ними. При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, однако, что и читалъ Степанъ такъ, какъ умѣютъ читать только немногіе. Онъ всегда хорошо зналъ, зачѣмъ именно раскрывалъ такую-то книгу. Къ тому же *мысль* постоянно шла у него рука объ руку съ *дѣломъ*. У него, на примѣръ, вовсе не было того интереса къ естественнымъ наукамъ, который замѣчается у многихъ рабочихъ. Все вниманіе его было поглощено общественными вопросами, и всѣ эти вопросы, какъ радіусы изъ центра, исходили изъ одного коренного вопроса о задачахъ и нуждахъ нарождавшагося русскаго рабочаго движенія. О чемъ бы ни читалъ онъ, — объ англійскихъ ли рабочихъ союзахъ, о великой ли революціи, или о современномъ социалистическомъ движеніи, — эти нужды и задачи никогда не уходили изъ его поля зрѣнія. По тому, что читалъ Халтуринъ въ данное время можно было судить о томъ, какіе практическіе планы шевелятся въ его головѣ. Еще задолго до организациі «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза» онъ принялся изучать европейскія конституціи.

— Что это ты на нихъ набросился?—спрашивали его.

— Да что же, вѣдь это интересно,—отвѣчалъ онъ.

Программа Союза лучше его объяснила, почему онъ набросился на конституціи: онъ обдумывалъ политическую программу русскихъ рабочихъ. Въ умственномъ трудѣ, какъ и во всемъ остальномъ, Халтуринъ былъ силенъ умѣньемъ сосредоточиться на данномъ предметѣ, не отвлекаясь отъ него ничѣмъ постороннимъ. Умъ его до такой степени исключительно поглощенъ былъ рабочимъ вопросомъ, что

ему едва-ли когда случилось заинтересоваться пресловутыми «устоями» крестьянской жизни. Онъ знакомился съ интеллигентами, слушалъ ихъ толки объ общинѣ, о расколѣ, о «народныхъ идеалахъ», но народническое учение такъ и осталось для него чѣмъ-то почти совсѣмъ чуждымъ.

— Что ты пишешь теперь?—спросилъ онъ меня незадолго до своего поступленія въ Зимній дворецъ. Я отвѣтилъ, что пишу разборъ одной только что вышедшей книги по исторіи общиннаго землевладѣнія. Это была очень серьезная книга, лично мнѣ оказавшая огромную услугу, такъ какъ она впервые и очень сильно поколебала мои народническія воззрѣнія, хотя я и спорилъ еще противъ ея выводовъ. Я былъ сильно заинтересованъ ею и подробно изложилъ Степану ея содержаніе. Онъ долго слушалъ, а потомъ вдругъ сразилъ меня неожиданнымъ вопросомъ: «да неужели это дѣйствительно такъ важно?» Община занимала самый почетный, передній уголь въ моемъ народническомъ міросозерцаніи, а онъ даже не зналъ хорошенько стоитъ-ли изъ-за нее ломать литературныя копья.

Не легко было-бы мнѣ теперь опредѣдить его тогдашніе соціально-политическіе взгляды. Тогда я самъ смотрѣлъ на вещи далеко не такъ, какъ смотрю въ настоящее время. Могу сказать одно: въ сравненіи съ нами, землевольцами, Халтуринъ былъ крайнимъ западникомъ. Западничество развивалось и поддерживалось въ немъ какъ общими условіями исключительно интересной для него рабочей жизни столицы, такъ, можетъ быть, отчасти и нѣкоторыми случайными вліяніями. Съ лавристами онъ познакомился раньше чѣмъ съ бунтарями, а лавристы умѣли, какъ уже сказано, возбудить въ рабочихъ интересъ къ нѣмецкому соціаль-демократическому движенію. Къ тому же двое изъ близкихъ товарищей Степана долго работали за границей и западное вліяніе распространялось черезъ нихъ какъ лично на него, такъ и на весь Союзъ.

Въ Петербургѣ родственниковъ у Степана не было. Жилъ одинъ всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манеръ студенческой кельи. Къ обстановкѣ и одеждѣ своей онъ относился съ равнодушіемъ, достойнымъ самаго «интеллигентнаго» нигилиста. Высокіе сапоги, широкое, слишкомъ длинное даже для его высокаго роста, пальто, на которомъ недостаетъ нѣсколькихъ пуговицъ, довольно не-

уклюжая черная мѣховая шапка,—вотъ въ какомъ костюмѣ воскресаетъ онъ теперь въ моемъ воображеніи. Особаго наряда для воскресенія у него, вопреки обычаю всѣхъ заводскихъ рабочихъ, не полагалось. Разговорясь о дѣлѣ, гдѣ нибудь въ трактирѣ или въ портерной, онъ охотно выпивалъ бутылку-другую пива, но врядъ-ли когда принималъ участіе въ веселыхъ товарищескихъ пирушкахъ. Другихъ рабочихъ мнѣ случалось иногда встрѣчать подкутившими. Его—никогда.

И, однако, этотъ сдержанный, практичный человѣкъ, былъ, если хотите, большимъ фантазеромъ. Его фантазія постоянно и далеко опережала дѣйствительные успѣхи русскаго рабочаго движенія. Довольно долго мечталъ онъ объ одновременной стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ. Такая мечта была, разумѣется, несбыточной. Но и она принесла свою пользу: Степанъ неутомимо носился изъ одного предмѣстья въ другое, вездѣ заводилъ знакомства, вездѣ собиралъ свѣдѣнія о числѣ рабочихъ, о заработной платѣ, о продолжительности рабочаго дня, о штрафахъ и т. д. Его присутствіе вездѣ дѣйствовало возбуждающимъ образомъ, а самъ онъ пріобрѣталъ новыя драгоценныя свѣдѣнія о положеніи рабочаго класса Петербурга. Задавшись мыслью о стачкѣ, онъ, по своему обыкновенію, сталъ искать подходящихъ указаній въ книгахъ. Ему нужно было узнать численность петербургскаго рабочаго населенія. Но статистика мало дала ему въ этомъ отношеніи. «Удивительное дѣло, не разъ говорилъ онъ мнѣ, статистическія данныя о петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ совсѣмъ никуда не годятся. Тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ триста рабочихъ, ихъ показано пятьдесятъ, тамъ, гдѣ пятьдесятъ—записано сто или двѣсти. А вообще въ Петербургѣ несравненно больше рабочихъ, чѣмъ считаетъ статистика». Какъ же помочь горю? «Мы сами соберемъ нужныя свѣдѣнія лучше всякихъ статистиковъ»,—рѣшилъ Степанъ, и принялся разносить по фабрикамъ и заводамъ особые листки, требуя отъ знакомыхъ рабочихъ, чтобы тѣ вписывали точные отвѣты на поставленные въ листкахъ вопросы. Не всѣ отвѣчали обстоятельно, иные и вовсе забывали отвѣтить. Но черезъ короткое время у Степана все таки собралось множество данныхъ. Относительно нѣкоторыхъ фабрикъ онъ хвалился мнѣ, что ему удастся точно высчитать всѣ рас-

ходы и всё доходы хозяевъ и такимъ образомъ опредѣлить степень эксплуатаціи работниковъ. Относящіеся сюда выводы онъ собирался напечатать въ отдѣльной брошюрѣ.

Очень увлекался онъ также мечтами о будущей всероссійской организаціи. Когда онъ заговаривалъ о ней, собесѣднику, подъ вліяніемъ его горячей вѣры, невольно начинало казаться, что препятствія уже устранены, связи повсюду заведены, организація существуетъ и остается только работать для ея дальнѣйшаго развитія. Но и въ этихъ мечтахъ не было ничего маниловскаго. Еще лѣтомъ 1878 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до основанія Сѣвернаго Союза, Халтуринъ отправился на Волгу, переходилъ тамъ съ завода на заводъ, и вступилъ въ тѣсныя сношенія съ тамошними рабочими. Собирался онъ пробраться и на Уралъ. но петербургскіе товарищи убѣдили его вернуться въ Петербургъ. Онъ тамъ былъ слишкомъ нуженъ.

Тотчасъ по основаніи «Сѣвернаго Союза» возникла мысль объ изданіи рабочаго журнала. Авторъ статьи «*Пребываніе Халтурина въ Зимнелъ дворцѣ*» *) приписываетъ эту мысль исключительно Степану. Онъ ошибается. Кому принадлежала мысль объ изданіи «Земли и Воли»? Всѣмъ землевольцамъ вообще и никому въ частности. То же приходится сказать и относительно предполагавшагося изданія рабочей газеты. Потребность въ ней давно уже чувствовалась рабочими. Выходившая въ 1875 г. въ Женевѣ анархическая газета «Работникъ» была первой попыткой удовлетворенія этой потребности. Изданіемъ «Работника» дѣятельно интересовались многіе изъ рабочихъ, вошедшихъ потомъ въ «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ». Когда землевольцы завели тайную типографію въ Петербургѣ, мысль о рабочей газетѣ приняла новую форму. Стали говорить, что органъ русскихъ рабочихъ долженъ печататься въ Россіи. Возрастающіе успѣхи рабочаго движенія дѣлали его все болѣе и болѣе необходимымъ. Вопросъ о немъ сталъ очереднымъ вопросомъ. При этомъ Степанъ былъ молчаливо и единогласно признанъ редакторомъ будущей газеты. Такимъ образомъ, онъ сталъ головою дѣла, починъ котораго принадлежалъ всему Союзу.

Будущій редакторъ держался того мнѣнія, что газета

*) Календарь Народной Воли.

должна имѣть чисто агитаціонный характеръ. У Союза было много связей въ рабочемъ мірѣ. Въ достовѣрныхъ сообщеніяхъ о темныхъ сторонахъ фабрично-заводского быта не-достатка быть не могло. Появленіе ихъ въ печати сочувственно встрѣтили бы всѣ рабочіе. Такимъ сообщеніямъ и должно было принадлежать главное мѣсто на столбцахъ газеты. Авторамъ передовыхъ статей оставалось бы лишь надлежащимъ образомъ освѣщать эти, непосредственно изъ жизни взятые, матеріалы. Съ распространеніемъ организаціи на провинціальныя города явилась бы возможность обезпечить себѣ иногороднія извѣстія. Все это было очень практично, и казалось бы, что общество «Земля и Воля» должно было всѣми силами поддерживать задуманное рабочими предпріятіе. Землевольцы много сдѣлали для развитія рабочаго движенія въ Россіи. Отстраняться отъ него теперь, когда оно стало такъ быстро расти и крѣпнуть было бы по меньшей мѣрѣ странно. Они и не отстранялись отъ него сознательно, но незамѣтно для нихъ жизнь придавала ихъ дѣятельности совершенно новый характеръ.

VII.

Уже къ веснѣ 1879 г., т. е. въ то время, когда Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ насчитывалъ едва нѣсколько мѣсяцевъ существованія, общество «Земля и Воля» изъ *бунтарскаго*, какимъ оно было прежде, на половину превратилось въ *террористическое*. Тѣ изъ его членовъ, которые остались вѣрны старой программѣ, жили большей частью «въ народѣ», «въ поселеніяхъ», раскинувшихся въ разныхъ мѣстахъ нижняго и средняго Поволжья, на Дону, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Большинство же жившихъ въ Петербургѣ землевольцевъ съ ревностью новообращенныхъ стояло за террористическую дѣятельность, или, какъ тогда выражались, за *дезорганизацию правительства*. «Рабочее дѣло» никѣмъ не отрицалось въ принципѣ. Но на дѣлѣ посвящавшіяся ему силы и средства стали убывать очень и очень замѣтно. Многіе молодые революціонеры, начавшіе свою дѣятельность «занятіемъ съ рабочими», оставили это занятіе подъ вліяніемъ проповѣдывавшихъ «дезорганизацию» землевольцевъ. Революціонное движеніе интеллигенціи становилось, несомнѣнно, болѣе *вост-*

рымъ, но русло его все болѣе и болѣе суживалось. О вовлеченіи въ борьбу *народной массы* переставали думать. Задача движенія сводилась къ единоборству между *правительствомъ* и революціонной *интеллигенціей*. Въ апрѣлѣ 1879 г., за нѣсколько дней до выстрѣла Соловьева, мнѣ пришлось оставить Петербургъ, и я передалъ «сношенія съ рабочими» покойному Ширяеву. Вернувшись осенью того же года, я засталъ Халтурина въ сильномъ негодованіи противъ интеллигенціи вообще, а противъ насъ, земле-вольцевъ, въ особенности. «Человѣкъ, съ которымъ ты познакомилъ меня передъ своимъ отъѣздомъ, говорилъ онъ, былъ у насъ одинъ разъ, обѣщалъ доставить шрифтъ для нашей типографіи, а потомъ исчезъ, и я не видался съ нимъ два мѣсяца. А у насъ ужъ и станокъ сдѣланъ, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за шрифтомъ. Да и кромѣ шрифта есть важное дѣло, нужно переговорить съ кѣмъ-нибудь изъ вашихъ, а гдѣ искать ихъ—неизвѣстно». *) Я былъ увѣренъ, что явившееся у Степана новое важное дѣло относится, какъ и всегда, къ рабочему движенію. Вышло не такъ.

Съ самаго основанія своего «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ» поставленъ былъ террористической тактикой интеллигенціи въ довольно затруднительное положеніе. Съ каждымъ новымъ террористическимъ фактомъ росли полицейскія строгости, умножались обыски, аресты и ссылки. Для нелегальныхъ революціонеровъ этотъ бѣлый терроръ до поры до времени былъ почти совершенно безвреденъ, такъ какъ имъ удавалось скрывать свои слѣды отъ самыхъ опытныхъ сыщиковъ. Въ иномъ положеніи были легальные революціонеры, чѣмъ нибудь успѣвшіе обратить на себя неблагосклонное вниманіе синяго начальства. Они должны были готовиться къ самымъ неприятнымъ неожиданностямъ. Въ рабочемъ Союзѣ *нелегальныхъ* было немного: кромѣ Халтурина, нелегального съ 1878 г., еще можетъ быть, два-

*) При тогдашнемъ положеніи дѣлъ—выѣздъ изъ Петербурга всѣхъ „нелегальныхъ“ землевольцевъ (а такихъ было большинство) передъ выстрѣломъ Соловьева, суматоха, вызванная лѣтними революціонными съѣздами въ Липецкѣ и Воронежѣ, и, наконецъ, совершившееся осенью формальное раздѣленіе общества „Земля и Воля“—трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтуринъ не зналъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и потому досада его совершенно понятна.

три человѣка. Но за то многіе, — и часто самые дѣятельныя, опытные и вліятельныя — *легальныя* члены его давно уже находились у полиціи на дурномъ счету. Имъ плохо приходилось отъ бѣлаго террора. Ихъ хватали, держали: въ тюрьмахъ, ссылали. Подобныя потери тяжело отзывались на неокрѣпшей еще организаціи, и неудивительно, что «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ» сначала очень неодобрительно относился къ новому приему революціонной борьбы. „Чистая бѣда, воскликнулъ Халтуринъ, только-только наладится у насъ дѣло, — хлопъ! шарахнула кого нибудь интеллигенція, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы намъ укрѣпиться!“ Но революціонный терроръ все усиливался; усиливался и бѣлый. Провалы учащались. Выстрѣлъ Соловьева довелъ полицейскія строгости до неслыханной степени. Въстѣ съ тѣмъ онъ же указывалъ, повидимому, и выходъ изъ невыносимаго положенія. Падетъ царь, падетъ и царизмъ, наступитъ новая эра, эра свободы. Такъ думали тогда очень многіе. Такъ стали думать и рабочіе.

Лѣтомъ 1879 г. кому-то изъ членовъ Союза предложено было мѣсто столяра въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ своимъ ближайшимъ товарищамъ. „Что-жъ, поступай, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, кстати ужъ и царя прикончишь“. Это было сказано въ шутку. Но шутка произвела на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе, они серьезно задумались цареубійствомъ. Призвали на совѣтъ Халтурина. На первый разъ онъ высказался неопредѣленно: посовѣтовалъ только не болтать, да разузнать получше о предлагаемомъ мѣстѣ. Ему хотѣлось хорошенько обдумать это дѣло, причемъ онъ тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что если найдетъ его возможнымъ и полезнымъ, то самъ же за него и возьмется. А подумать ему было о чемъ. Какъ ни жутко приходилось Союзу отъ бѣлаго террора, но его положеніе все таки было совсѣмъ не безнадежно. Это доказывалъ уже тотъ фактъ, что, несмотря на полицейскія строгости, рабочіе могли сдѣлать почти всѣ необходимыя приготовленія къ изданію своей газеты. Сношенія съ провинціальными городами только что начинались и опять таки, несмотря на всѣ строгости, сулили успѣхъ. Намѣченные полиціей члены Союза высылались одинъ за другимъ, но на ихъ мѣсто являлись новые, *не* намѣченные, которые при осторожномъ веденіи дѣла, могли долго продержаться. Новое покушеніе на жизнь

Александра II, въ случаѣ неудачи, навѣрное причинило бы Союзу новыя потери, тѣмъ болѣе, что самому Халтурину приходилось итти почти на вѣрную смерть. Онъ зналъ, какое разстройство внесетъ его гибель въ дѣла Союза. Но всѣ эти соображенія не устояли передъ однимъ: смертью Александра II принесетъ съ собою политическую свободу, а при политической свободѣ рабочее движеніе пойдетъ у насъ не по прежнему. Тогда у насъ будутъ не такіе союзы, съ рабочими же газетами не нужно будетъ прятаться *). Степанъ не долго колебался. Доступъ во дворецъ былъ обезпеченъ. Оставалось запастись взрывчатыми веществами.

Какъ велъ себя Халтуринъ въ Зимнемъ дворцѣ, — рассказано въ Календарѣ Народной Воли **). Читателю извѣстно, вѣроятно, какую смѣлость и какое самообладаніе проявилъ онъ тамъ. Арестъ Квятковского, у котораго найденъ былъ планъ Зимняго дворца, поставилъ Халтурина, по словамъ автора рассказа, „въ истинно-каторжное положеніе“. На взятомъ у Квятковского планѣ царская столовая была отмѣчена крестомъ, и это обстоятельство заставило дворцовую полицію подозрительно относиться къ столярамъ, жившимъ въ подвальномъ этажѣ, какъ разъ подъ столовой. Въ одной комнатѣ съ Халтуринымъ помѣстили жандарма; дворцовую прислугу часто и неожиданно обыскивали; динамитъ приходилось хранить подъ подушкой; предпріятіе, а съ нимъ и жизнь Степана, постоянно висѣли на волоскѣ. Съ поразительнымъ хладнокровіемъ обошелъ онъ всѣ трудности, преодолѣлъ всѣ препятствія, и когда приготовленія были окончены, когда уже зажженъ былъ роковой фитиль, онъ „просто восхитилъ Желябова“ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ произнесъ „словно фразу изъ самаго обычнаго разговора“, многозначительное „готово“. Только послѣдующее его состояніе показало, какъ страшно былъ онъ измученъ. Придя послѣ взрыва на приготовленную для него конспиративную квартиру, „усталый, больной, онъ едва могъ стоять и только немедленно справился, есть ли въ квартирѣ достаточно оружія. Живой я не отдамся, говорилъ онъ“.

„Извѣстіе о томъ, что царь спасся, подѣйствовало на Халтурина самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ свалился совсѣмъ больной, и только рассказы о громадномъ впечат-

*) Подлинныя слова Халтурина.

**) „Халтуринъ въ Зимнемъ дворцѣ“.

іѣніи, произведенномъ 5-мъ февраля на всю Россію, могли его нѣсколько утѣшить, хотя никогда онъ не хотѣлъ примириться со своей неудачей“ *). Не того ожидалъ онъ отъ своей попытки...

Послѣ 5-го февраля онъ продолжалъ дѣйствовать болѣе двухъ лѣтъ. Пробовалъ онъ вернуться къ своему любимому „рабочему дѣлу“. Но логика разъ принятаго способа дѣйствій ставила свои неотразимыя требованія. Степанъ снова пошелъ на „терроръ“. Извѣстно участіе его въ убійствѣ Стрѣльникова. Онъ умеръ на висѣлицѣ 22-го марта 1882 года. При арестѣ онъ храбро защищался вооруженной рукой.

Вскорѣ по поступленіи Халтурина въ Зимній дворецъ, я зынужденъ былъ оставить Россію. Съ тѣхъ поръ о ходѣ русскаго рабочаго движенія я могъ знать только по разсказамъ дѣйствовавшихъ послѣ меня товарищей. Авторъ статьи „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ“ говоритъ, что „Сѣверно-Русскому Рабочему Союзу“ удалось таки приступить къ изданію газеты, которая, однако, вмѣстѣ съ типографіей была заарестована при наборѣ перваго же номера и не оставила по себѣ ничего, „кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго органа, не повторявшейся уже потомъ ни разу“ **). Затѣмъ прекратилось и самое существованіе Союза. Повидимому, на его судьбѣ отразились программныя раздѣленія тогдашней интеллигенціи. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что уже въ 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники „партіи Народной Воли“ (см. программу рабочихъ этой партіи, опубликованную въ ноябрѣ 1880 г.) и сторонники „Чернаго Передѣла“. Въ восьмидесятихъ годахъ въ разное время издавалось въ Россіи нѣсколько рабочихъ журналовъ: „Рабочая газета“ (съ 15 декабря 1880 до конца 1881), „Зерно“ (приблизительно около того же времени, „Рабочій“ (въ 1885 г.). Правда, рабочіе были только читателями этихъ журналовъ, редактировались же они „интеллигенціей“, но это было, что называется, только полъ-горя. Во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ перестали появляться въ Россіи и такія изданія. Наступило, казалось, полное затишье. Но разъ зажженный огонекъ мысли не погасъ въ рабочей средѣ,

*) Календарь. Историко-литературный отдѣлъ, стр. 48.

**) Авторъ относитъ эту попытку ко времени, предшествующавшему поступленію Халтурина во дворецъ. Но это ошибка

какъ объ этомъ свидѣтельствуешь даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенціей рабочій продолжалъ расти умственно и нравственно. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. И. Успенскій могъ поздравить русскихъ писателей съ „новымъ грядущимъ читателемъ“. Недалеко то время когда „интеллигентныхъ“, противниковъ самодержавнаго правительства можно будетъ поздравить съ новымъ, непобѣдимымъ *политическимъ союзникомъ*.

Когда наша революціонная „интеллигенція“ чувствуя недостаточность своихъ силъ, спрашиваетъ себя, гдѣ искать поддержки, ея доброжелатели даютъ ей часто довольно странные отвѣты: „въ обществѣ“, въ офицерской средѣ и т. п., и т. п. О рабочихъ такіе доброжелатели интеллигенціи вспоминаютъ рѣдко и неохотно. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, но фактъ тотъ, что русскіе рабочіе внесли въ освободительное движеніе послѣднихъ двадцати лѣтъ несравненно больше силъ, чѣмъ почтенное военное сословіе, или—и въ особенности—наши милые, добрые, образованные, но рѣшительно никуда негодные либералы. А вѣдь до сихъ поръ совершились только первые, правда, самые трудные, но за то и самые слабые шаги нашего рабочаго движенія. Что же будетъ дальше? Людямъ, претендующимъ на политическую дальновидность, не мѣшало бы подумать объ этомъ.

Исторія давно и безвозвратно осудила русское самодержавіе. Но оно существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока та же исторія не заготовитъ достаточно силъ для исполненія своего приговора. Она дѣятельно заготавливаетъ ихъ, беря ихъ отовсюду. Пролетаріатъ—самая могучая изъ создаваемыхъ ею новыхъ общественныхъ силъ. Пролетаріатъ это тотъ динамитъ, съ помощью котораго исторія взорветъ русское самодержавіе.

Но рабочему классу не годятся старые, болѣе или менѣе фантастическіе революціонные костюмы интеллигенціи. Наши рабочіе, уже въ *семидесятыхъ* годахъ видѣвшіе слабые стороны *народничества*, въ девяностыхъ годахъ сознательно станутъ подъ знамя всемірной рабочей партіи, подъ знамя *соціально-демократовъ*.

Пусть же поскорѣе наступаетъ эта счастливая пора! Много свѣта внесетъ она въ нашу темную жизнь!

Г. Плехановъ.

G. Reagin

